

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2014

№ 2
(48)

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2014 № 2 (48)

Выходит с 2003 г. ежеквартально

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Калиниченко И.А. кандидат педагогических наук,
начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н. доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Агафонов Ю.А. доктор философских наук, кандидат юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ,
председатель Контрольно-счетной палаты Краснодарского края

Аврутин Ю.Е. доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры административного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

Антонян Ю.М. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Баев О.Я. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой
криминалистики Воронежского государственного университета

Борчашвили И.Ш. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
Казахстана, академик КазНАЕН, директор ГУ «Центр судебной
экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан» (Казахстан)

Волков Ю.Г. доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, директор Института по переподготовке и повышению
квалификации Южного федерального университета

Гилинский Я.И. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Голик Ю.В. доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
правовых средств борьбы с преступностью
Европейского института JUSTO

Головенков П.В. доктор права, главный научный сотрудник кафедры
уголовного права Потсдамского университета (Германия)

Зайцев О.А. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, почетный работник высшего профессионального
образования РФ, проректор по научной работе
Московской академии экономики и права

- Ищенко Е.П.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Камышанский В.П.** доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член РАЮН, заведующий кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета
- Кибальник А.Г.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
- Клейберг Ю.А.** доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, президент Международной академии ювенологии и Международной академии социальной работы, профессор факультета психологии Московского государственного областного университета
- Курдюк П.М.** доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края
- Ларичев В.Д.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
- Лукашов А.И.** кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Беларусь)
- Мацкевич И.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Меретуков Г.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный юрист Республики Адыгея, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета
- Миндагулов А.Х.** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан)
- Наумов А.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
- Подшибякин А.С.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России
- Понятовская Т.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

- Пудовочкин Ю.Е.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия
- Рарог А.И.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Рассказов Л.П.** доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
- Сапрунов А.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
- Старилов Ю.Н.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета
- Тупанчески Н.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Университета «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония)
- Хелльманн У.** доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Потсдамского университета (Германия)
- Шалин В.В.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Ганченко И.О.** доктор педагогических наук, профессор, первый заместитель начальника КрУ МВД России
- Важенин В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД КрУ МВД России
- Вишневецкий К.В.** доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права КрУ МВД России
- Герасимов А.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
- Грицай В.В.** кандидат исторических наук, начальник кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Денисенко В.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Жеребцов А.Н.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Карнаушенко Л.В.** доктор исторических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы КрУ МВД России

Кубякин Е.О.	доктор социологических наук, начальник кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Лозовский Д.Н.	доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса КрУ МВД России
Мятченко И.В.	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков КрУ МВД России
Нарыков Н.В.	доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Натура Д.А.	кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования КрУ МВД России
Палазян А.С.	доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства КрУ МВД России
Пахомов С.В.	кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики КрУ МВД России
Рычкалова Л.А.	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КрУ МВД России
Самойлов С.Ф.	доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Сизоненко А.Б.	кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информационной безопасности КрУ МВД России
Таганова А.А.	кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
Труфанов М.Е.	доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
Фатальникова Е.В.	кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета КрУ МВД России
Яковлев В.В.	кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии КрУ МВД России

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Краснодарский университет МВД России

РЕДАКЦИЯ:

М.Ю. Савченко, Е.С. Малько, Т.А. Лосева, Н.К. Алексаньян

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

Российская Федерация, 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128

Тел.: +78612583596

Web-сайт: sl.krdu-mvd.ru

Электронный адрес: society_and_law@mail.ru

© Краснодарский университет МВД России, 2014

SOCIETY AND LAW

2014 № 2 (48)

Published since 2003 quarterly

CHIEF EDITOR

Kalinichenko I.A. Master of Pedagogics, Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N. Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITORIAL COUNCIL:

Agafonov Yu.A. Doctor of Philosophy, Master of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of Control Audit Chamber of Krasnodar Region

Avrutin Yu.E. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of a Chair of Administrative Law of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

Antonyan Yu.M. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Baev O.Ya. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of a Chair of Criminalistics of the Voronezh State University

Borchashvily I.Sh. Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Kazakhstan, Academician of Kazakh National Academy of Natural Sciences (KNANS), Director of SI «Center of Judicial of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan» (Kazakhstan)

Volkov Yu.G. Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Director of the Institute for Refresher of the Southern Federal University

Gilinsky Ya.I. Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology, Criminal-executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation

Golik Yu.V. Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Legal Meanings of Fight with Criminality of the European Institution JUSTO

Golovnenkov P.V. Doctor of Law, Chief Science Worker of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)

- Zaitsev O.A.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice Rector on Scientific Work of the Moscow Academy of Economics and Law
- Ishchenko E.P.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminalistics of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Kamyshansky V.P.** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Science Worker of Kuban, Full Member of the Russian Academy of Law Sciences (RALS), Head of a Chair of Civil Law of the Kuban State Agrarian University
- Kibalnik A.G.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University
- Kleyberg Yu.A.** Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, Honored Science and Education Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the International Academy of Juvenology and the International Academy of Social Work, Professor of the Faculty of Psychology of the Moscow State Regional University
- Kurdyuk P.M.** Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region
- Larichev V.D.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia
- Lukashov A.I.** Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Belarus)
- Matskevich I.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, President of the Union of Forensic Scientists and Criminologists, Professor of a Chair of Criminology and Criminal-executive Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Meretukov G.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygeya, Head of a Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University
- Mindagulov A.Kh.** Doctor of Law, Professor, Chief Science Worker of the Kazakh National University of Al-Faraby (Kazakhstan)
- Naumov A.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

- Podshibyakin A.S.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry
- Ponyatovskya T.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Pudovochkin Yu.E.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Russian Academy of Justice
- Rarog A.I.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Lawyer of Moscow, Head of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Rasskazov L.P.** Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University
- Saprunov A.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University
- Starilov Yu.N.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Administrative and Municipal Law of the Voronezh State University
- Tupanchesky N.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia)
- Hellmann U.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)
- Shalin V.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University

EDITORIAL BOARD:

- Ganchenko I.O.** Doctor of Pedagogics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vazhenin V.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vishnevetsky K.V.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gerasimov A.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gritsay V.V.** Master of History, Head of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

- Denisenko V.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Zherebtsov A.N.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Karnaushenko L.V.** Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Kubyakin E.O.** Doctor of Sociology, Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Lozovsky D.N.** Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Myatchenko I.V.** Master of Philology, Assistant Professor, Head of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Narykov N.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Natura D.A.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Palazyan A.S.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Pakhomov S.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Rychkalova L.A.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Samoilov S.F.** Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Sizonenko A.B.** Master of Technics, Assistant Professor, Head of a Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Taganova A.A.** Master of Psychology, Assistant Professor, Head of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Truphanov M.E.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Fatalnikova E.V.

Master of Sociology, Assistant Professor,
Scientific Secretary of an Academic Council
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

Yakovlev V.V.

Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminology
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

FOUNDER:

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITION:

M.Yu. Savchenko, E.S. Malko, T.A. Loseva, N.K. Aleksanyan

ADDRESS OF THE PUBLISHER OF EDITION:

Russian Federation, 350005, Krasnodar region, Krasnodar, Yaroslavskaya street, 128
Tel.: +78612583596
Web-site: sl.krdu-mvd.ru
e-mail: society_and_law@mail.ru

© Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	18	CHIEF EDITOR'S COLUMN
ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!	19	CONGRATULATIONS WITH ANNIVERSARY!
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	20	THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE
Карнаушенко Л.В. Факторы деформации правосознания россиян на современном этапе	20	Karnaushenko L.V. Factors deformation of legal consciousness of the Russians at the modern stage
Палазян А.С. Молодежный экстремизм в России: историко-правовой аспект	24	Palazyan A.S. Youth extremism in Russia: historical and legal aspect
Рябченко А.Г., Тхаровская О.Ю. Формирование антитеррористической функции государства на современном этапе: теоретико-правовой аспект	29	Ryabchenko A.G., Tkharovskaya O.Yu. The formation of the anti-terrorism function of the state at the present stage: theoretical and legal aspect
Долгопят А.О. К вопросу о понятии и содержании законности	33	Dolgopyat A.O. To the question of the concept and contents of the rule of law
Резников Е.В. Особенности влияния правовой социализации на процесс формирования правовой идентичности	38	Reznikov E.V. Features of the influence of legal socialization on the process of forming of legal identity
Пеструилов А.С., Кожевникова А.М. Российско-германские династические браки	41	Pestruilov A.S., Kozhevnikova A.M. Russian-German dynastic marriages
Тарасевич И.Б. Значение адекватности языка закона для гармоничного развития сферы частноправовых отношений	46	Tarasevich I.B. The value of the adequacy of the language of law for the harmonious development of private law relations sphere
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	50	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW
Кузовлева Г.В. К вопросу о равноправии субъектов Российской Федерации	50	Kuzovleva G.V. To the question about equality subject of the Russian Federation
Эфрикян Р.А., Звягольский А.Ю. Полномочия органов местного самоуправления по предоставлению образования в СССР и России (1968–1995 гг.)	54	Efrikyan R.A., Zvyagoliskiy A.Yu. Authorities of local home rule organs on granting the education in the USSR and Russia (1968–1995)
Коваленко Н.В. Право на местный референдум как муниципальное политическое право и его обеспечение органами местного самоуправления	60	Kovalenko N.V. Right on local referendum as municipal political right and its provision by organs of local home rule

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	64	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
Сулова С.И. Судейское и административное усмотрение как правовая форма жилищных отношений	64	Suslova S.I. The judicial and administrative discretions as a legal form of housing relations
Чернега В.Н. Концепт добросовестности и соответствия нравственным началам общества в семейном праве	69	Chernega V.N. Concept of good faith and accordance to moral principles of society in family law
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	74	CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE
Образжиев К.В. Перспективы расширения системы источников российского уголовного права	74	Obrazhiev K.V. Prospects for expanding the system of sources of Russian criminal law
Бугера М.А., Бугера Н.Н. Уголовно-правовой анализ хищений средств сотовой связи	81	Bugera M.A., Bugera N.N. Criminal and legal analysis of theft of means of cellular communication
Кашоида В.В. Исторические аспекты развития в России института конституционных прав осужденных к лишению свободы	87	Kashoida V.V. Historical aspects of the development of the institution of the constitutional rights of the sentenced for the imprisonment people in Russia
Савенко И.А. Правовая интерпретация служебного подлога как разновидности коррупционной должностной деятельности	94	Savenko I.A. The legal interpretation of forgery as a kind of corrupt official activity
Алексеенко С.В. Нормативно-правовое регулирование противодействия экстремистской деятельности	99	Alekseenko S.V. Standard and legal regulation of counteraction to extremist activity
Воробьев В.В. Объект состава злостного уклонения от исполнения обязанностей некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента	102	Vorobiev V.V. The object of malicious evasion from duty non-profit organizations performing functions of a foreign agent
Демин С.Г. О необходимости уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве России	105	Demin S.G. On the necessity of corporative criminal responsibility in Russian criminal law
Коростелев В.С. Некоторые вопросы систематизации уголовно-правовых предписаний о преступлениях против военной службы	108	Korostelev V.S. Some issues of systematization of prescriptions of criminal law about crimes against military service

Марина А.А. Злостность как обязательный признак объективной стороны состава уклонения от уплаты алиментов	113	Marina A.A. The malice as a mandatory feature of the objective side of composition of evasion from payment of the alimony
Мартirosян А.С. Изучение геноцида в современной зарубежной доктрине международного уголовного права	118	Martirosyan A.S. Researching of genocide in modern foreign doctrine of international criminal law
Саркисова В.Г. Уголовно-правовая охрана объектов транспортной инфраструктуры в странах континентальной Европы	122	Sarkisova V.G. Criminal-law defense of transport infrastructure's objects in continental Europe's states
Шалыпина М.Ю. Ответственность за незаконное получение кредита по Уголовному кодексу Российской Федерации	124	Shalyapina M.Yu. Responsibility for illegal financial loans in accordance with the Criminal code of the Russian Federation
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	129	THE PREVENTION OF CRIMINALITY
Антонян Ю.М., Еркубаева А.Ю. Преступления из хулиганских побуждений: объяснение и мотивы	129	Antonyan Yu.M., Erkubaeva A.Yu. The crimes of hooliganism: explanation and motives
Кобец П.Н. О необходимости регулярного социально-криминологического мониторинга криминальной ситуации в Российской Федерации	133	Kobets P.N. About necessity of regular socio-criminological monitoring the crime situation in the Russian Federation
Палазян А.С. К вопросу об особенностях виктимизации этнических меньшинств	138	Palazyan A.S. To the question of peculiarities of ethnical minorities victimization
Морозов Н.А. Борьба с компьютерной преступностью в Японии	141	Morozov N.A. Fighting computer crime in Japan
Емцева К.Э. Особенности преступности в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем	146	Emtseva K.E. Features of the crime in the sphere of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means
Гурницкий А.В. Личность преступника, относимого к категории бедных	152	Gurnitsky A.V. Identity of the offender to be classified as poor
Стороженко О.Ю. Противодействие экстремизму в информационном пространстве социальных сетей	158	Storozhenko O.Yu. Countering extremism in the information space of social networks

КРИМИНАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ	164	CRIMINAL VICTIMOLOGY
Вишневецкий К.В. Специальные меры виктимологического предупреждения преступлений против собственности	164	Vishnevetsky K.V. Special means of victimological crime prevention against property
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	166	CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
Зеленский В.Д., Швец С.В. Некоторые вопросы судебного перевода	166	Zelensky V.D., Shvets S.V. Some problems of court interpretation
Семенцов В.А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России	170	Sementsov V.A. On the problems of participation of witnesses in criminal proceedings of Russia
Адаменко И.Е. Уголовно-процессуальная деятельность как предмет науки уголовного процесса	175	Adamenko I.E. Criminal procedure activity as a matter of criminal procedure science
Башинская И.Г. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа в ходе реформирования досудебного производства	179	Bashinskaya I.G. Procedural powers of the head of investigative body in the course of reforming the pre-trial proceedings
Стуконог И.В. Соблюдение разумных сроков на стадии возбуждения уголовного дела	183	Stukonog I.V. Keeping reasonable terms at the stage of initiation of criminal proceedings
Евсеенко В.Е. Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве	188	Evseenko V.E. The seal of confession in Russian criminal procedure
Горак Н.В. Прокурор, руководитель следственного органа и суд как субъекты разрешения жалоб в порядке главы 16 УПК РФ	194	Gorak N.V. Prosecutor, head of investigative department and court as subjects of resolve complaints in order to chapter 16 of the Criminal procedural code of the Russian Federation
Баландюк О.В. Совершенствование порядка применения статьи 105 УПК РФ при производстве по делам в отношении несовершеннолетних	198	Balandyuk O.V. Improvement of an order of application of the article 105 of the Criminal procedural code of the Russian Federation by affairs production in the relation of minors
Вальшина И.Р. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовного дела в форме дознания с позиции зарубежного законодательства	204	Valshina I.R. The pre-trial agreement conclusion to cooperate during the criminal case investigation as a form of an inquiry from the position of the foreign legislation
Горбунов Д.В. Показания потерпевшего в уголовном процессе	210	Gorbunov D.V. Evidences of victim in criminal process

Романенко Н.В. О равенстве перед законом и судом как конституционном принципе правосудия	215	Romanenko N.V. Equality before the law and the court as a constitutional principle of justice
Смирная Л.В. Сущность и процессуальное значение института возобновления уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств	222	Smirnaya L.V. The nature and procedural importance of the institution resumption of criminal cases in view of new and renew circumstances
РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	226	DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES
Харзинова В.М. Проблемы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами	226	Kharzinova V.M. Problems of getting information about connection between telephone subscribers and (or) subscriber's device
Булатецкий А.С. К вопросу о понятии следственной ситуации при расследовании краж нефти и нефтепродуктов из трубопроводов	230	Bulatetskiy A.S. To the question about definition of an investigative situation in the investigation of thefts of crude oil and petroleum products from pipelines
Душенко М.М. Организационно-тактические особенности проведения осмотра места происшествия по делам о нарушении авторских и смежных прав	235	Dushenko M.M. Organizational and tactical features carrying out of examination of the scene in cases of infringement of copyright and related rights
Михеев А.В. Оперативно-розыскное обеспечение расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности	240	Mikheev A.V. An investigative secure the investigation of criminal cases involving crimes of an extremist
Петросян Е.М. Совершенствование деятельности по планированию выявления мошенничеств, совершаемых в сфере налогообложения	244	Petrosyan E.M. Improvement of activity on planning of frauds committed in the sphere of taxation
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	248	LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY: HISTORY AND PRESENT
Дикажев М.М. К вопросу об особенностях правоохранительной службы в органах внутренних дел	248	Dikazhev M.M. To the question of peculiarities of law-enforcement service in bodies of Internal Affairs
Белоконь А.В. О некоторых аспектах организации деятельности органов внутренних дел	252	Belokon A.V. About some aspects of organization of activities of law-enforcement bodies

Панфилова Л.Б. Организационно-правовые основы деятельности органов полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте	255	Panfilova L.B. Institutional and legal framework of police activities to ensure public safety on water transport
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	259	ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS
Дмитриев С.Н. Новации в правовом регулировании транспортной безопасности	259	Dmitriev S.N. Innovations in legal regulation of transport security
Жеребцов А.Н. К вопросу об основаниях структурирования современного российского административного права	265	Zherebtsov A.N. To the question about the grounds structuring modern Russian administrative law
Зиборов О.В. Современное чрезвычайное законодательство: чрезмерная жестокость или единственный способ навести порядок?	272	Ziborov O.V. Modern emergency legislation: the excessive cruelty, or the only way to restore order?
Затолокин А.А. Амбивалентность в контроле и надзоре за дорожным движением	276	Zatolokin A.A. The ambivalence of the control and supervision of the traffic
Техов Д.Н. Анализ зарубежного опыта правового регулирования процедуры осмотра места совершения административного правонарушения (на примере стран СНГ)	281	Tekhov D.N. The analysis of foreign experience of legal regulation of procedure of survey of a place of commission of an administrative offense (on the example of CIS countries)
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	286	FINANCIAL LAW
Фокин А.Н. Система налогов и сборов в Российской Федерации: федеральные налоги и сборы	286	Fokin A.N. System of taxes and fees in the Russian Federation: federal taxes and fees
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ	292	ACTUAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
Марцева Т.Г. Коммерческий профайлинг как технология управления	292	Martseva T.G. Commercial profiling as management technology
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	295	QUESTIONS OF PHILOSOPHY
Нарыков Н.В. Проблемы исторической преемственности российской государственности в условиях глобализации	295	Narykov N.V. Problems of historical continuity of the Russian statehood in the conditions of globalization

ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ	299	QUESTIONS OF SOCIOLOGY
Тужба Э.Н. Абхазский этнос в условиях глобализации	299	Tuzhba E.N. Abkhaz ethnicity in the context of globalization
Рябوشапко О.Н., Чапурко Т.М. Участие граждан в разработке нормативных правовых актов в электронной среде: проблемы и перспективы	304	Ryaboshapko O.N., Chapurko T.M. Participation of citizens in the development of legal acts in an electronic environment: problems and prospects
Федорова Е.В. Социологический анализ учения о правосознании И.А. Ильина в контексте осмысления духовно-ценностного состояния постсоветской России	309	Fedorova E.V. Sociological analysis of I.A. Ilyin's doctrine of legal awareness in the context of understanding the spiritual and the value state of post-Soviet Russia
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	315	MODERN PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION
Артеменко Н.А., Белогуров С.В. Организация проектной деятельности в вузе в условиях перехода на стандарты нового поколения	315	Artemenko N.A., Belogurov S.V. The organization of design activity in higher education institution in the conditions of transition to standards of new generation
Жуйков А.А., Растворцева И.А. Проблема становления и развития региональных исследований образования	320	Zhuikov A.A., Rastvortseva I.A. The problem of emergence and development of regional researches of education
Щуров Е.А. Ценностные ориентации в саморазвитии личности курсантов в процессе подготовки в вузе МВД России	325	Schurov E.A. Value orientations in self-development of cadets personality in the process of preparation in high school of the Ministry of the Interior of Russia
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	330	PHILOLOGY QUESTION
Герасименко Э.В. Самоидентификация личности как лингво-философская проблема	330	Gerasimenko E.V. Self-identification as a linguistic-philosophical problem
Чупракова Е.В., Попович Е.С. Особенности репрезентации категории эмотивности в английском публицистическом тексте	336	Chuprakova E.V., Popovich E.S. Distinctive features of the category of emotivity representation in the English publicistic text
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	341	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS
ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК	342	REGISTRATION OF BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Уважаемые коллеги!
Представляем Вашему вниманию очередной выпуск журнала «Общество и право», традиционно освещающий актуальные для современной науки проблемы.

В рубрике «Теория и история права и государства» хотелось бы отметить статью Л.В. Карнаушенко «Факторы деформации правосознания россиян на современном этапе». Автор анализирует действие различных факторов внутренней и внешней среды, которые непосредственно влияют на состояние правосознания россиян, исследует формы и причины его деформации, а также рассматривает перспективы развития ситуации в этой области в ближайшие годы.

Интересна, на наш взгляд, статья А.Ю. Звягольского и Р.А. Эфрикяна «Полномочия органов местного самоуправления по предоставлению образования в СССР и России (1968–1995 гг.)» в рубрике «Конституционное и муниципальное право». В ней авторы проводят сравнительный анализ деятельности органов местного самоуправления в области образования в советский период и в настоящее время, отмечают положительный опыт по предоставлению образования в СССР, который следует учитывать и в современной России.

В рубрике «Уголовная политика: теория и практика» заслуживает внимания статья К.В. Ображиева «Перспективы расширения системы источников российского уголовного права», в которой последовательно обосновывается, что существующая система формальных источников уголовного права с точки зрения ее элементного состава в основном адекватна потребностям уголовно-правового регулирования.

В рубрике «Предупреждение преступности» хотелось бы отметить статью О.Ю. Стороженов «Противодействие экстремизму в информационном пространстве социальных сетей», в которой рассмотрены особенности пропаганды экстремизма в скрытых формах в информационном пространстве социальных сетей, предложены отдельные изменения в законодательные акты Российской Федерации, направленные на улучшение правоприменительной деятельности по пресечению экстремизма в информационном пространстве.

В рубрике «Уголовное судопроизводство» следует выделить работу В.Д. Зеленского и С.В. Швеца «Некоторые вопросы судебного перевода», которая посвящена вопросам обеспечения языковых прав участников уголовного судопроизводства. В ней рассматриваются понятие и характерные черты судебного перевода, понятие переводчика в уголовном судопроизводстве, проблемы выбора языка судопроизводства и его смены на разных стадиях.

Также немалый интерес у читателей вызовет статья В.А. Семенцова «О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России». В ней рассматривается история участия понятых в уголовном судопроизводстве России, исследуются различные точки зрения в отношении института понятых на современном этапе.

Внимание читателей должна привлечь статья О.В. Зиборова «Современное чрезвычайное законодательство: чрезмерная жестокость или единственный способ навести порядок?» в рубрике «Административное право и административный процесс». В ней автор анализирует место и роль чрезвычайных правовых режимов в современном мире, соотносит понятия и основания введения чрезвычайного и военного положения по законодательству ряда стран, в том числе России и Украины.

Актуальной, как нам кажется, является тема образования. Эта тема освещается в рубрике «Современные проблемы высшего профессионального образования». В данной рубрике хотелось бы отметить статью Н.А. Артеменко и С.В. Белогурова «Организация проектной деятельности в вузе в условиях перехода на стандарты нового поколения». В статье рассматривается вопрос необходимости формирования проектно-исследовательских умений будущих специалистов посредством использования в процессе обучения интерактивных технологий, описывается положительный опыт создания социально значимого проекта «Площадка инновационного развития "Молодежная школа 2.0"», подготовленного студентами и преподавателями г. Новороссийска.

Спешим снова встретиться с Вами, дорогие читатели и авторы, на страницах нашего журнала.

**С уважением,
главный редактор
кандидат педагогических наук
начальник Краснодарского
университета МВД России
генерал-майор полиции
И.А. Калиниченко**

Поздравляем Якова Ильича Гишинского!

В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли.

В. Ключевский

В этом году 16 июня отмечает свое 80-летие член редакционного совета журнала «Общество и право» доктор юридических наук, профессор Яков Ильич Гишинский.

Ученый – это не только образованный человек, обладающий огромным багажом знаний, специалист, проводящий фундаментальные и прикладные исследования в определенной научной области. Это человек, внесший реальный вклад в науку, в первую очередь, исследователь, для которого поиск истины – не только цель его научной жизни, но и сам образ жизни.

Яков Ильич известен многим как российский ученый-криминолог, действительный член Академии гуманитарных наук (с 1994 г.), Нью-Йоркской академии наук (с 1994 г.), Международной социологической ассоциации, Европейского союза криминологов, автор свыше 450 научных работ по криминологии, социологии девиантности, уголовному процессу, а также теории управления, общей социологии, философии. Большое количество его работ переведены на английский, французский, немецкий, венгерский, норвежский и другие языки.

Жизнь ученого и его научная деятельность – это единое целое, взаимосвязанные и взаимодополняющие сферы.

Для того чтобы наиболее полно раскрыть личность ученого, хотелось бы заглянуть на страницы его биографии.

Яков Ильич родился в г. Ленинграде. В 1952 г. окончил среднюю школу № 281 г. Ленинграда, в 1957 г. – с отличием юридический факультет Ленинградского государственного университета. С 1958 г. – член Ленинградской областной коллегии адвокатов. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исполнение приговора как стадия советского уголовного процесса», в 1986 г. – докторскую диссертацию по теме «Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики)».

Широкому кругу читателей известны его работы: «Глобализация и девиантность», «Deviantology: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других "отклонений"», «Некоторые источники ксенофобии и национализма в современной России», «По ту сторону запрета: взгляд криминолога» и др.

Удивительная работоспособность, эрудиция Якова Ильича востребованы и сегодня. Преданно укрепляя авторитет отечественной науки, способствуя развитию научного потенциала в различных областях, профессор использует накопленные знания на благо России.

Хотелось бы от лица руководства и коллектива Краснодарского университета МВД России выразить искреннюю признательность и поздравить Якова Ильича с юбилеем, пожелать крепкого здоровья, долголетия, мира, добра и душевного спокойствия!

**С уважением,
главный редактор
кандидат педагогических наук
начальник Краснодарского
университета МВД России
генерал-майор полиции
И.А. Калининченко**

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Факторы деформации правосознания россиян на современном этапе

В статье представлен материал, посвященный исследованию факторов, влияющих на деформацию правосознания жителей России. Автор анализирует действие различных факторов внутренней и внешней среды, непосредственно или опосредованно оказывающих влияние на состояние правосознания россиян, а также рассматривает перспективы развития ситуации в ближайшие годы.

Ключевые слова: право, правосознание, деформация, anomia, духовно-нравственный вакуум.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

Factors deformation of legal consciousness of the Russians at the modern stage

The article presents the material, devoted to the research of the factors influencing the deformation of legal consciousness of Russian citizens. The author analyzes the influence of various factors of internal and external environment, directly or indirectly influencing the state of consciousness of the Russians, and considers the prospects of development of the situation in the coming years.

Key words: law, legal consciousness, deformation, anomie, spiritual and moral vacuum.

В социуме инструменты социокультурной регуляции действий и взаимодействия людей являются одними из самых эффективных. Проникая в сферу духовной культуры, репрезентируясь в системе социокультурных координат личности, они позволяют пресекать нежелательное с общественной точки зрения поведение, осуществлять профилактику социальных девиаций посредством воздействия на разум человека, его рационально-логическую, ценностно-нормативную составляющую. В этой системе социокультурных координат личности важную роль выполняет правосознание, представляющее собой одну из форм общественного сознания, систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права [1].

Как известно, между правом и правосознанием существует тесная взаимная связь. Эта связь проявляется как во влиянии правосознания на право, так и наоборот. Прежде всего, это влияние проявляется в процессе формирования права и весьма заметно на его завершающей стадии – стадии правотворчества. Оно заключается в том, что именно правосознание вырабатывает

представления о необходимости и потребности принятия определенных нормативно-правовых решений. Определяющее значение имеет уровень правосознания, правовой культуры всех субъектов, участвующих в создании нормативных правовых актов [1].

Правосознание является тем ведущим элементом механизма внутренней регуляции человеческого поведения в правовой сфере, который позволяет субъекту осознавать окружающие социально-правовые явления, соотносить их с правовыми представлениями и требованиями и в итоге принимать правильные, правомерные или противоправные решения в тех или иных юридических ситуациях, а соответственно, и вести себя, т.е. действовать [2, с. 155–157].

Не в меньшей степени правосознание влияет и на соблюдение законов. Как форма общественного сознания оно оказывает корректирующее воздействие на сознание отдельных индивидов и таким образом способствует повышению его уровня, приближению индивидуального правосознания к общественному. Соблюдение требований законодательства находится в прямой зависимости от уровня правосознания всех членов общества, их культурности.

В свою очередь, имеет место и воздействие права на правосознание. Оно проявляется в том, что право способствует внедрению в сознание

членов общества прогрессивных правовых идей, принципов и представлений о праве. Приняв форму закона или иного акта, эти идеи становятся достоянием всего общества, они широко распространяются, воспринимаются и осознаются всеми членами общества [1].

По справедливому замечанию Р.А. Кузнецова, «феномен права теснейшим образом связан с человеком, его сущностью, смыслом человеческого бытия. Право существует потому, что существуют люди, потому, что есть человек как социальная личность, который нуждается в праве. Оно не осуществляется механически; составляющие право правила поведения – правовые нормы – выполняют люди. Они воспринимают своим сознанием правовые принципы и идеи, связывают с ними свои представления о правомерности и противоправности тех или иных действий» [2].

Однако в обществе существуют и формы деформации правосознания, в результате действия которых ослабляется или нивелируется полностью социокультурная система регуляции поведения индивидов в сфере права.

Деформация правосознания – это негативное социальное явление, для которого свойственны такие изменения его состояния, которые искаженно отражают реальную общественную и личную правовую действительность и выражают негативное отношение к действующей системе права, законности и правопорядку в целом. Деформации правосознания возникают вследствие рассогласования потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, норм и традиций, сознательных и правовых образов субъектов правовых отношений [3].

Одной из социально опасных форм деформации правосознания выступает правовой нигилизм. Он выражается в девальвации права и законности, осознанном игнорировании требований законов или недооценке их регулирующей социальной роли.

Как справедливо отмечают исследователи, опасность данной ситуации заключается в том, что «любая деформация в правовой сфере действия индивида (поведения, правосознания, правовой культуры и т.д.), вызванная социальными и психологическими причинами, с его стороны часто приводит к противоправному поступку» [3].

Ситуация осложняется тем, что среди части населения нашей страны довольно распространено неуважение к закону, желание обойти его, воспользоваться «связями с нужными людьми» и т.д. В некоторых случаях правовой нигилизм перерастает в крайнюю степень искажения пра-

восознания, превращается в антипод законности. Об этом свидетельствует высокий уровень правонарушений в нашей стране, и прежде всего преступлений [4].

По мнению С.А. Ковалева, «одной из конкретных, ближайших и непосредственных причин, порождающих преступление и отличающих его от иных антиобщественных поступков, является разрушение или пробельность правовых ценностей в юридическом сознании индивида, которое выражается либо в правовом инфантилизме – несформированности и пробельности правового сознания, либо в правовом негативизме – активной правовой тенденции личности». Эта идея положила начало новому направлению в юриспруденции – сравнительному анализу правосознания законопослушных граждан и преступников [3, с. 35–37].

Стоит отметить, что в современной России действует ряд факторов, оказывающих значительное влияние на процесс деформации правосознания населения. В их числе целесообразно отметить следующие.

1. Развитие Интернета, социальных сетей, блогосферы, наряду с позитивными аспектами, несет в себе и ряд негативных, заключающихся в формировании практически бесконтрольной среды распределения антисоциальной и асоциальной информации. Это оказывает негативное влияние на все социально активное население России, особенно на молодежь, которая много времени проводит в Интернете.

2. Дисфункциональность системы масс-медиа современной России, ее ориентация на получение коммерческой прибыли в ущерб выполнению других важных социальных функций (информирования, воспитания, передачи культурного наследия и т.д.) приводит к эксплуатации самых низменных инстинктов, эмоций аудитории. Как следствие, появление в большом количестве низкопробных боевиков, криминальных сериалов, эксплуатация темы криминалитета в СМИ. В результате образцы специфической криминальной антисоциальной контркультуры формируют деформированное правосознание миллионов людей в нашей стране.

3. Массовая потребительская культура, активно вытесняющая из социокультурного пространства другие виды культуры с начала 1990-х гг., ведет к духовно-нравственному разложению населения, в первую очередь подростков и молодежи. Культ наживы, успеха любой ценой, преклонение перед грубой физической силой, аморальность стали нормой для героев многих произведений массовой потребительской культуры.

4. На протяжении 1990–2000-х гг. с разной степенью интенсивности протекает кризис системы образования и воспитания. Как следствие, массово формируются отклоняющиеся социализационные траектории молодежи, детерминируется особый духовно-нравственный облик людей с деформированным правосознанием.

5. Сложная ситуация в сфере противодействия преступности со стороны государства, особенно тяжким преступлениям. Начиная с 1990-х гг. у части населения складывается опасная иллюзия возможности совершить преступление и не понести заслуженное наказание. Становясь неким идеологическим конструктом, данная система убеждений активно распространяется в российском обществе, особенно в среде молодежи и подростков, для которых характерны юношеский максимализм, иррационализм и аффективность, несформировавшееся сознание.

Рассмотрим подробнее действие некоторых из обозначенных факторов. Ряд исследователей обращают внимание на опасные социальные последствия воздействия установок массовой потребительской культуры на сознание молодежи в условиях стремительного прогресса информационно-компьютерных технологий и роста социального влияния Интернета. Складывается опасная ситуация, когда «неудовлетворенность социальным положением, духовным развитием, личной жизнью ведет к тому, что молодые люди вступают в ряды экстремистских движений, криминальных группировок (или сочувствуют им, являясь своеобразным кадровым резервом). СМИ показывают “красивые картинки” из жизни, молодые люди впитывают это, как губка, они уже стремятся получить желаемое, но не знают, с чего начать. Обычная работа им кажется неинтересной, уровень средней зарплаты не устраивает. И мечты молодого человека откладываются на очень длительный срок, в результате чего он приходит к мысли о том, что единственный путь достижения мечты – преступный. Современные отечественные сериалы и художественные фильмы активно пропагандируют этот путь» [5, с. 87–88].

В настоящее время в России не предпринимаются адекватных мер в целях «духовного развития молодежи и выработки у нее социально одобряемых моделей поведения, а также снижения влияния массовой культуры. На каких примерах учится сегодняшняя молодежь? Врачи, учителя, ученые получают жалкую зарплату, в то время как криминал, коррупционеры живут на “широкую ногу”. Естественно, что у части молодежи возникает желание влиться в криминальные структуры, пробиться к “кормушке” во власти...

Если не изменить ситуацию в ближайшие годы, мы рискуем получить криминализованную страну с населением, которое не хочет честно работать, не верит власти, негативно относится к закону, а больше доверяет лидерам экстремистских движений и криминальным авторитетам» [5, с. 89].

Стоит также обратить внимание на негативные аспекты влияния интернет-среды. В настоящее время происходит рост возможностей общения людей посредством использования Интернета. Вхождение в жизнь социума социальных сетей Интернета само по себе весьма сложно и противоречиво. В результате развития социальных сетей в современном обществе постепенно проявляются и негативные аспекты, вызывающие дисфункциональность ряда социальных институтов, дестабилизацию ключевых социальных процессов [6, с. 11–13]. Вызывают беспокойство факты открытого доступа к информационным ресурсам, усложнение и интенсификация межличностного и группового общения в Интернете, с каждым годом возрастающая информационная перегрузка и информационная зависимость интернет-аудитории.

По мнению А.Л. Радкевича, имеют место такие негативные последствия и угрозы, порожденные развитием Интернета, как «угроза манипулирования общественным мнением и тотального контроля над гражданами; угроза информационной безопасности личности и государства; возможность использования Интернета для незаконных или аморальных действий (в частности, террористическими организациями) и др.» [6, с. 13].

В последние годы Интернет нередко используется для организации агрессивного информационного воздействия, ведения информационных войн, информационного терроризма, «черного PR» и прочих неблагоприятных с морально-нравственной точки зрения поступков.

А.Г. Черемисин отмечает: «...благодаря активному внедрению сетевых технологий в жизнь социума обеспечивается постоянный интерактив, т.е. непрерывная обратная связь. В интернет-сообществах индивид уже не “мелкий винтик”. У личности резко возрастает ответственность за высказанные слова и содеянные поступки, формируется соответствующая самоидентификация, более высокая и устойчивая. Человек превращается из пассивного приемника информации в активного и избирательного участника коммуникационного процесса» [7].

Таким образом, существует ряд факторов внутренней и внешней среды общественной жизни, прямо или косвенно оказывающих нега-

тивное влияние на сферу правосознания. Стоит учитывать тот факт, что сфера правосознания, являясь элементом системы социокультурных координат индивида, испытывает влияние доминирующих культурных образцов, социального окружения, инноваций. Именно поэтому данная сфера выглядит нестабильной и подвержена как позитивным, так и негативным изменениям. Особую опасность представляет правосознание подростков и молодежи, которые только вступают во взрослую жизнь, интегрируясь в структуры государства и общества. Вместе с тем, если государство и общество не только не смогли ограничить сферу криминалитета некоей «социокультурной резервацией», но и, напротив, позволили криминальной идеологии, мировоззрению, стилю жизни и практикам проникнуть во многие ключевые сферы социума, то вполне закономерен тревожный факт деформации правосознания многих россиян, попавших в сферу воздействия криминальной культуры. Причем данное воздействие может оказываться как непосредственно – представителями криминального мира, так и опосредованно – с помощью

СМИ, Интернета, произведений художественной культуры. В современной России сформирован «романтизированный облик» преступника (с «человеческим лицом»), и данный облик играет роль своеобразного пропагандистского инструмента, деформирующего правосознание.

И, наконец, не стоит игнорировать факт масштабных социокоммуникативных трансформаций в результате вхождения России в глобальное информационное пространство. В таких ситуациях формируется своеобразное «общество риска», т.к. основные социальные институты трансформируются, видоизменяют свои функции. Этим «вакуумом» активно пользуется криминалитет, осваивая новые формы и способы воздействия на сознание людей, формируя своеобразную целевую аудиторию – людей, потенциально готовых встать на преступный путь, отличающихся деформированным правосознанием. Указанная проблема начинает приобретать системный характер и требует немедленного решения в условиях современной России.

1. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Правосознание> (дата обращения: 14.02.2014).

2. Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

3. Ковалев С.А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13.

4. URL: <http://www.grandars.ru/college/pravo-vedenie/deformaciya-pravosoznaniya.html> (дата обращения: 15.02.2014).

5. Куликов Е.М., Куликова Н.А. Массовая культура как фактор генезиса экстремистских установок российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2.

6. Радкевич А.Л. Социальные интернет-практики россиян в условиях формирования информационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.

7. Черемисин А.Г. Конструирование новой социальной и образовательной реальности на основе интернет-технологий: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.

1. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Pravosoznanie> (address date: 14.02.2014).

2. Kuznetsov R.A. Deformation of professional legal conscience of lawyers: diss. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2005.

3. Kovalev S.A. Deformation of legal consciousness as a factor of the wrongful conduct of the person // History of state and law. 2009. № 13.

4. URL: <http://www.grandars.ru/college/pravo-vedenie/deformaciya-pravosoznaniya.html> (address date: 15.02.2014).

5. Kulikov E.M., Kulikova N.A. Mass culture as a factor for the genesis of extremist Russian youth // Society: sociology, psychology, pedagogics. 2011. № 1–2.

6. Radkevich A.L. Online social practices of Russians in the formation of information society: auth. abstr. ... Master of Sociology. Moscow, 2009.

7. Cheremisin A.G. Development of the new social and educational reality on the basis of Internet-technologies: auth. abstr. ... Master of Sociology. Moscow, 2009.

Палазян Арутюн Сергеевич

доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

Молодежный экстремизм в России: историко-правовой аспект

В статье представлен материал о проявлениях молодежного экстремизма в Российской Федерации с позиции исторического и правового анализа. Автор репрезентирует собственный вариант историко-правового исследования молодежного экстремизма в России, акцентирует внимание на борьбе государства с данной противоправной деятельностью.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, терроризм, Россия, право, история.

A.S. Palazyan, Doctor of Law, Master of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Youth extremism in Russia: historical and legal aspect

The material containing data on manifestations of youth extremism in the Russian Federation from a position of the historical and legal analysis is presented in the article. The author formulates own concept of historical and legal research of youth extremism in Russia and fight of the state against this illegal activity.

Key words: extremism, youth, terrorism, Russia, law, history.

В современной России имеет место особое состояние государственности и общества – переходный период, который характеризуется не всегда стабильной обстановкой, социально-экономическими и политическими противоречиями. В данной ситуации приходится констатировать рост экстремистской направленности поведения населения. В молодежной среде также распространяются подобные разрушительные, негативные процессы, что представляется крайне неутешительным фактом. Молодежь является особой социально-демографической группой, которая обладает огромным потенциалом развития. Поэтому от того, каким образом социализируется данная группа населения, зависит будущее российского социума. Крайне неблагоприятным является факт распространения среди молодого поколения экстремальных практик. В связи с этим особую значимость приобретает анализ молодежного экстремизма в ракурсе историко-правовой методологии.

В 2002 г. в России был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», в ст. 1 которого дано правовое определение экстремистской организации, экстремистской деятельности и экстремистских материалов. Так, термином «экстремистская деятельность» в законе обозначаются:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацист-

ской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств [1].

Согласно данному закону экстремистской организацией признается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, а экстремистскими материалами – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы [1].

Последовали также трансформации норм в действующем Уголовном кодексе РФ 1996 г. Были введены новые положения в такие статьи, как ст. 282¹ «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282² «Организация деятельности экстремистской организации», в содержание ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Данные нормы имеют неоднозначную трактовку в правоприменительной практике и, по нашему мнению, далеки от совершенства. В связи с этим необходима разработка концептуального исследования проблематики экстремизма в современном российском законодательстве.

По мнению И.Н. Сенина, экстремизм является особой формой проявления правового нигилизма и обладает значительным деструк-

тивным потенциалом. К одной из разновидностей его практик можно отнести возбуждение гражданской ненависти. Также к его особо опасным видам относится функционирование незаконных вооруженных формирований, цель которых – трансформация конституционного строя Российской Федерации и нарушение ее территориальной целостности. Признание особой опасности угроз экстремистского характера и определение противодействия экстремизму в качестве одного из ведущих направлений государственной правоохранительной деятельности неоднократно осуществлялось официально: в посланиях Президента РФ Федеральному собранию в 2002 г. и 2005 г., в его выступлении на коллегии МВД России 17 февраля 2006 г., в Указе Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации», в Концепции национальной безопасности Российской Федерации и др. [2].

По данным правоохранительных органов, в 2010 г. на учете состояло более 450 молодежных групп экстремистской направленности. Общая их численность составляла около 20 тыс. человек, в том числе в Москве – около 3700 чел., Санкт-Петербурге – около 2700 чел., Нижнем Новгороде – около 2000 чел., Воронеже, Иркутске, Краснодаре, Красноярске, Омске, Пскове, Рязани, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Томске и Ярославле – от нескольких сотен до одной тысячи. 147 группировок причисляют себя к движению «скинхеды», 72 – к футбольным фанатам, 31 – к Российскому национальному единству (РНЕ), 18 – к реперам, 8 – к Национал-большевистской партии (НБП). По имеющейся официальной информации, наибольшее количество экстремистски настроенных молодежных группировок отмечается на территории Республики Татарстан – 108, Краснодарского и Хабаровского краев – 23 и 36 соответственно, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области – 31, в Москве и Московской области – 52 [3].

А.М. Карафелов в своих работах формирует дефиницию молодежного экстремизма. По его мнению, молодежный экстремизм зарождается в группах, большую часть участников которых составляют лица моложе 30 лет. Экстремистскую направленность молодежному движению придает ряд индикаторов, таких как разжигание межнациональной и межрасовой розни, призывы к свержению конституционного строя, наличие строгой иерархии в образованных по данному поводу формированиях, зачастую

вооруженных. Также существенным аспектом молодежного экстремизма является наличие определенной идеологии, заключающейся в пропаганде диктаторских методов власти, использование моральных и идеологических принципов, символики, зачастую имеющей степень сходства с символикой, используемой фашистскими режимами [4, с. 105].

И.Л. Морозов определяет экстремизм как социально-политическое явление, для которого характерно стремление «определенных активных групп или отдельных индивидов добиться незамедлительного разрушения существующей государственной системы и построения более справедливого общества на идеологической основе конкретных политических концепций и доктрин». Вместе с тем, суть экстремизма, особенно политического, остается неизменной: приверженность в идеологии и политике к крайним взглядам и действиям [5, с. 212–214].

Анализируя молодежный экстремизм, Е.В. Реутов справедливо замечает: «Рассматривая экстремизм и ксенофобию применительно к молодежной среде, следует отметить, что они, в определенной степени, свойственны молодежи в силу ряда характеристик данной возрастной группы. Именно в молодом возрасте несовершенство окружающего социального мира ощущается наиболее остро. Соответственно, появляется либо желание отгородиться от этой действительности и создать свой собственный мир (вариант “ухода”), либо его переделать (вариант “мятежа”), не обращая внимания на готовность этого мира к трансформации. Ксенофобия является ментальной предпосылкой экстремизма» [6].

М.Ф. Мусаелян выделяет следующие характерные особенности современного молодежного экстремизма:

активное участие молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в организованных массовых экстремистских акциях и их объединение в неформальные молодежные организации (группировки) экстремистско-националистической направленности и экстремистские сообщества; расширение географии экстремистской угрозы в Российской Федерации и увеличение количества национальностей, социальных групп, молодежных субкультур и т.п. жертв экстремизма; совершаемые в Российской Федерации убийства граждан другой национальности или вероисповедания, иностранных граждан все больше приобретают серийный, более жестокий, изощренно-профессиональный, издевательский, ритуальный характер, а само совершение экстремистских деяний становится не просто

занятием ради любопытства, а профессиональной деятельностью определенных групп лиц;

стремление экстремистско-националистических движений вовлечь в свои ряды членов различных агрессивных молодежных субкультур, неформальных молодежных объединений, групп, движений, а также лиц, ранее судимых;

наличие у неформальных молодежных организаций (группировок) экстремистско-националистической направленности признака вооруженности, в том числе наличие взрывчатых веществ [7, с. 23–24].

По нашему мнению, существенной угрозой современному обществу является такая разновидность молодежного экстремизма, как политический. Его возникновение обусловил тот факт, что российский политический режим в настоящее время столкнулся с рядом существенных системных проблем. Одной из них является радикализация оппозиционных сил, в том числе так называемой внесистемной оппозиции. Молодежный экстремизм в настоящее время проявляется в новых социально-политических, финансовых и информационных технологиях своего функционирования. Несмотря на активные меры по противодействию и профилактике экстремизма в современной России, обстановка остается напряженной. Это связано с отсутствием целостной государственной идеологии, противоречивой национальной политикой, кризисом бюрократического аппарата. Молодежный экстремизм определяет общесистемный кризис российской цивилизации.

З.Ю. Хуако под политическим экстремизмом понимает особую идеологию, политические цели и методы, включающие:

а) пропаганду крайних форм национализма, шовинизма, расизма, антисемитизма, ксенофобии и реализацию этих целей в своих проектах государственного и общественного устройства;

б) установление антидемократической, тоталитарной государственно-политической системы, основанной на культе единоличной власти (диктатуры) и государственного насилия, подавлении гражданских прав и свобод, милитаризации общества и сознания людей;

в) насильственное свержение конституционного строя, а также способы и средства (и террор тоже) для разрешения общественных противоречий;

г) имперскую идеологию, внешнюю экспансию, силовые формы разрешения международных и внутренних конфликтов в качестве основы внешней и внутренней политики государства;

д) широкое использование социальной демагогии, обмана, фальсификации и мифотвор-

чества, манипулирования сознанием людей, популистских приемов для расширения своей социальной базы и политической поддержки [8].

На наш взгляд, необходимо концептуальное исследование системы ценностей, потребностей, типичных свойств характера носителей экстремального поведения и сознания. Выявление социально-психологических факторов, которые формируют предрасположенность лиц к противоправному поведению, позволит ученым совместно с работниками правоохранительных органов осуществлять разработку практических мер и рекомендаций по противодействию и профилактике деятельности групп и организаций, которые имеют экстремистскую направленность.

Помимо политического экстремизма, значимой проблемой современной России остается его этническая разновидность. Данный феномен подпитывают такие факторы, как рост миграции в Россию из стран бывшего СССР, этническая преступность, не до конца внятная миграционная политика. Последствия развала Советского Союза и разрастание национализма оказывают влияние на активизацию сил, стремящихся посеять конфликты между народами, межнациональную и межрасовую рознь, что неизбежно ведет к экстремистским проявлениям.

И.В. Вехов [9] пишет о том, что в современной России наблюдается рост числа проявлений открытого этнического экстремизма (непосредственных действий – преступлений и правонарушений), также фиксируется наличие его латентных форм, проявляющихся в легитимации насилия – одобрении экстремистских действий или готовности их совершить. Этнический экстремизм является наиболее распространенным видом экстремизма в современной России: это отмечается как на общенациональном, так и на локальном уровне (на примере Санкт-Петербурга). На наш взгляд, именно распространение этнического экстремизма в среде молодежи является наиболее опасным процессом для общества. Противодействие данному феномену жизненно необходимо для поддержания стабильности общества и государства.

Особую специфику экстремизм и терроризм приобрели на территории Северного Кавказа. Низкий социально-экономический уровень данного региона оказывает существенное влияние на рост экстремизма и сепаратизма, исламского фундаментализма. Поэтому здесь необходима трансформация государственной политики в сфере противодействия экстремальным проявлениям, которая бы позволила предотвратить социальную дезорганизацию социума в этом регионе.

С точки зрения А.Г. Масалова, на территориях республик Северного Кавказа количество преступлений экстремистской, террористической направленности сохраняется на высоком уровне. Данные процессы характерны и в среде молодежи. Так, по оценкам председателя президиума Южного научного центра РАН академика РАН Г.Г. Матишова, за 2010 г. на территориях Северо-Кавказского и Южного федеральных округов совершено 974 террористических акта, что ниже уровня 2009 г. (1009 терактов), но выше уровня 2008 г. (898 терактов). По подсчетам экспертов ЮНЦ РАН, в 2010 г. на юге России ежедневно совершалось в среднем 3 террористических акта. Проявляются тенденции перенесения террористической активности из Чечни и Ингушетии в Дагестан и Кабардино-Балкарию. Но, очевидно, постоянные террористические угрозы вызывают ответную активную реакцию общества по противодействию им. Это вселяет надежду на то, что в этих регионах произойдет снижение террористической активности [10].

Таким образом, мы можем отметить, что молодежный экстремизм является важнейшей проблемой современного общества, и для его изучения необходима консолидация многих научных дисциплин, в том числе историко-правовых. Концепция национальной безопасности России определяет противодействие экстремизму как один из национальных интересов нашего государства. В целях реализации указанной Концепции в последние годы осуществляется ряд особых мер правового и криминологического содержания. Было принято постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)»» от 25 августа 2001 г. Также на федеральном уровне было осуществлено принятие таких законов, как «О противодействии экстремистской деятельности», «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г., и др. Научный и практический интерес представляет криминологическое и историко-правовое исследование данных нормативно-правовых актов, а также их правоприменительной практики. Это позволит осуществить оценку степени эффективности принятых мер в изучаемой сфере, разработать меры по совершенствованию данных нормативно-правовых актов, выработать предложения в систему мер предупреждения молодежного экстремизма.

1. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля.
 2. Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
 3. URL: http://www.chuvsu.ru/images/stories/universitet/bezop_chuvgu/ekstremizm.doc (дата обращения: 08.10.2013).
 4. Карафелов А.М. Молодежная политика государства и неформальное молодежное движение в период перестройки (1985–1990 гг.) // Вестн. Екатеринбургского института. 2008. № 4.
 5. Морозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии и тактики // Полис. 1998. № 3.
 6. Реутов Е.В. Причины распространения экстремизма и ксенофобии в молодежной среде // Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сб. материалов социол. исследования / под ред. Л.Я. Дятченко. Белгород, 2008.
 7. Мусаелян М.Ф. Криминологические особенности современного российского молодежного экстремизма // Российский следователь. 2009. № 10.
 8. Хуако З.Ю. Политический экстремизм: информационный аспект по материалам социологического исследования // Вестн. Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 3.
 9. Вехов И.В. Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2011.
 10. Масалов А.Г. Правовые и социально-политические аспекты противодействия деятельности экстремистских организаций на Северном Кавказе // Вестн. Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 2.
1. About counteraction of extremist activity: fed. law of July 25, 2002 № 114-FL // Rus. newsp. 2002. July 30.
 2. Senin I.N. Extremism as a form of legal nihilism in modern Russia: diss. ... Master of Law. Omsk, 2011.
 3. URL: http://www.chuvsu.ru/images/stories/universitet/bezop_chuvgu/ekstremizm.doc (address date: 08.10.2013).
 4. Karafelov A.M. Youth policy of the state and informal youth movement during reorganization (1985–1990) // Bull. of Ekaterina's institute. 2008. № 4.
 5. Morozov I.L. The left extremism in modern society: features of strategy and tactics // Policy. 1998. № 3.
 6. Reutov E.V. Reasons of distribution of extremism and xenophobia in the youth environment // Reasons of distribution of ethnic extremism and xenophobia among youth (Central federal district): proc. of sociological researches / ed. by L.Ya. Dyatchenko. Belgorod, 2008.
 7. Musaelyan M.F. Criminological features of modern Russian youth extremism // Russian investigator. 2009. № 10.
 8. Huako Z.Yu. Political extremism: information aspect: on materials of sociological research // Bull. of Adyghe State University. Ser. 1: Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences, culturology. 2012. № 3.
 9. Vekhov I.V. Extremism in modern Russia: mechanism of reproduction and measures of social control: auth. abstr. ... Master of Sociology. St. Petersburg, 2011.
 10. Masalov A.G. Legal and socio-political aspects of counteraction to activity of the extremist organizations in the North Caucasus // Bull. of the Moscow state humanities university of M.A. Sholokhov. History and political science. 2011. № 2.

Рябченко Александр Григорьевич

доктор исторических наук, профессор,
 профессор кафедры теории и истории права и государства
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: ag.ryabchenko@gmail.com)

Тхаровская Ольга Юрьевна

адъюнкт кафедры теории и истории права и государства
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: tkhora@rambler.ru)

Формирование антитеррористической функции государства на современном этапе: теоретико-правовой аспект

В статье раскрываются подходы к определению понятия «функция государства», рассматриваются общие черты, присущие любой государственной функции. Данные положения позволяют обосновать формирование и самостоятельность новых функций государства в условиях исторического развития государства и динамичного изменения общественных отношений. Предлагается выделение самостоятельной функции государства – антитеррористической, обусловленной возникновением в XX–XXI вв. терроризма как общественно опасного явления, представляющего угрозу для человечества, стабильного развития государства и безопасности общества.

Ключевые слова: функция государства, обязанность государства, общественные отношения, общественная безопасность, антитеррористическая функция, террористическая деятельность, террористический акт.

A.G. Ryabchenko, Doctor of History, Professor, Professor of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ag.ryabchenko@gmail.com;

O.Yu. Tkharovskaya, Adjunct of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tkhora@rambler.ru

The formation of anti-terrorist function of the state at the present stage: theoretical and legal aspect

This article describes approaches to the definition «state function» and outlines features common to any function of the state. This can be used as a basis for the formation and independence of new functions of the state in the context of the historical development of the state and the dynamic changes in social relations. It is suggested that an independent function of the state – the anti-terrorist function predicated on the emergence of terrorism in the XX–XXI centuries as a socially dangerous phenomenon representing a threat to humanity, stable development of the state and public safety.

Key words: function of the state, duty of the state, public relations, public safety, anti-terrorist function, terrorist activity, terrorist act.

Термин «функция» в переводе с латинского обозначает «круг деятельности», обязанность или исполнение. Функции государства выступают основными направлениями государственной деятельности, без которых существование государства практически невозможно. В них выражается его сущность в решении основных вопросов общественного развития, его назначение. Функции государства можно определить как выражающие сущность

и социальное назначение государственного управления обществом основные направления деятельности государства по решению стоящих перед ним задач, реализуемые в характерных для данного государства формах и свойственными ему методами.

Существующие в юридической науке позиции относительно понятия функций государства, с определенной долей условности, можно свести к следующим:

1) функции государства – основные, главные направления деятельности государства, определяемые его задачами и социальным назначением (В.С. Афанасьев, М.И. Байтин, Л.И. Загайнов, Т.Н. Радько, Н.В. Черноголовкин и др.);

2) функции государства – это направления необходимой деятельности государства, обусловленной объективными потребностями общественной жизни (В.А. Затонский, Н.Б. Пахоленко, М.И. Пискотин и др.);

3) функции государства – это содержание его деятельности (А.Б. Венгеров, А.И. Денисов, Л.И. Каск, В.С. Петров, Д.Ю. Цивадзе и др.);

4) функции государства – основные направления его деятельности по управлению обществом в присущих ему формах и присущими ему методами (В.К. Бабаев, В.М. Корельский, А.В. Малько, В.М. Сырых и др.)

А.И. Гнатенко отмечает, что функции государства представляют собой объективно необходимые, обязательные направления его деятельности по управлению делами общества, выражающие его сущность и социальное назначение, детерминированные целями, задачами государства и потребностями общественного развития [1, с. 10].

Государство объективно «обречено» на выполнение своих функций, т.к. невыполнение той или иной функции может вызвать негативные последствия. В то же время функции государства должны соответствовать объективным потребностям общества. Отдельные функции государства – это лишь относительно самостоятельные аспекты целостной и единой по своей сути функциональной деятельности государства по созиданию, поддержанию и практическому осуществлению соответствующего государственно-правового порядка. До сих пор отсутствует единая научная позиция по вопросу понятия «функции государства», что во многом обусловлено сложностью и противоречивостью рассматриваемого явления, а также разнообразием научных подходов к его объяснению. Исходя из приведенных позиций и анализа обширного перечня научной и учебной литературы, авторы приходят к выводу о том, что содержание предлагаемых другими авторами понятий функции государства носит общий, абстрактный характер, без отражения признаков, присущих функции государства. В связи с этим можно говорить о том, что вопрос о выведении универсального, исчерпывающего понятия функции государства на современном этапе остается в настоящее время актуальным и требует проведения глубокого теоретического исследования.

Необходимо учитывать, что функции государства не являются чем-то застывшим, неизменным, раз и навсегда данным. В зависимости от конкретно-исторических условий элементы этих общих функций могут приобретать самостоятельное значение, становясь в силу особой значимости самостоятельными функциями. Но для того чтобы говорить о формировании новой функции государства в связи с изменившимися политическими, социально-экономическими, культурными, правовыми и другими факторами в ходе его развития, необходимо определить критерии функции государства, или общие черты, позволяющие обосновать самостоятельность новой функции государства.

Государственные функции разнообразны, при этом, рассматривая их, можно выделить некоторые общие черты: содержание функций во многом зависит от происходящих процессов в обществе конкретного государства – они историчны; их содержание постепенно трансформируется под влиянием развивающейся глобализации и транснациональной интеграции; в них отражаются однородные аспекты деятельности государства; они охватывают в целом всю деятельность государства; отличаются от функций конкретных органов государства; их реализация возможна путем осуществления деятельности определенных государственных органов, они носят собирательный, комплексный характер; отличаются от методов их реализации (правотворческой, исполнительно-распорядительной и правоохранительной деятельности); отличаются комплексным и системным законодательным закреплением в нормативно-правовых актах различного уровня.

Необходимым критерием определения самостоятельности функции государства выступает наличие у функции своего объекта воздействия и содержания. Объектом выступает определенная, отличная от других сфера общественных отношений, на которую направлено государственное воздействие. Содержание функции при этом показывает, что делает государство, чем занимаются органы государственной власти, какие вопросы они решают. Авторы согласны с подходом А.Г. Андреева, который отмечает, что структура функции включает как минимум четыре элемента: объект (объектную направленность), социальное назначение государства, фактическую деятельность и цель, на достижение которой направлена функция [2, с. 10]. В ходе проведенного теоретического исследования авторы отметили, в что XX–XXI вв. формируется новая функция государства – антитеррористическая, отвечающая вышеперечисленным критериям.

В 30-х гг. XX в. впервые в рамках правового поля было определено понятие терроризма как нового явления общественных отношений, представляющего собой опасную по масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политическую проблему. В 1934 г. на Мадридской конференции по унификации уголовного законодательства было принято следующее определение терроризма: применение какого-либо средства, способного терроризировать население, в целях уничтожения всякой социальной организации.

В настоящее время в процессе развития общественных отношений в условиях глобализации и транснациональной интеграции общепризнано существование международного, национального и государственного терроризма, последний нередко квалифицируется как акт агрессии. Транснациональный терроризм превратился в одно из наиболее опасных явлений, с которыми столкнулось человечество. Терроризм угрожает безопасности многих стран и их граждан, влечет за собой огромные политические и экономические потери, оказывает сильное психологическое воздействие на население. При этом террористическая деятельность в современных условиях характеризуется широким размахом, отсутствием явно выраженных государственных границ. Международный характер терроризма предопределяет необходимость адекватного выстраивания системы мер антитеррористического противодействия в национальных российских рамках.

В связи с изменившимися историческими и социально-политическими условиями и появлением терроризма как опасного явления в общественной жизни мы можем говорить о формировании в XXI в. самостоятельной антитеррористической функции государств в общем и Российского государства в частности. Антитеррористическая функция государства реализуется через законодательно закрепленные охранительные функции органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляемые в их деятельности по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма), по выявлению, предупреждению, пресечению,

раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом), по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, чем и обуславливается ее содержание.

Многочисленные, не подающиеся порой логическому объяснению дерзкие и жестокие террористические акции, такие как взрывы террористами жилых домов в сентябре 1999 г. в г. Буйнакске, г. Волгодонске и г. Москве, взрыв школы первого сентября в г. Беслане, подрыв железнодорожного полотна сообщения Москва – Санкт-Петербург, где произошла авария поезда «Невский экспресс» в 2007 г. и 2009 г., взрыв возле здания регионального управления Федеральной службы судебных приставов в Махачкале в мае 2013 г. и многие другие, свидетельствуют о том, что Россия входит в число небезопасных государств мира, при этом неотъемлемым фактором выступает большое число пострадавших от терроризма лиц. Наше государство активно сотрудничает с другими странами в борьбе с международным терроризмом, ряд норм названных международно-правовых актов трансформированы в российское уголовное законодательство [3], что опять же позволяет говорить о формировании антитеррористической функции Российского государства путем ее комплексного и системного законодательного закрепления в нормативно-правовых актах различного уровня.

Серьезные проблемы, с которыми сталкивается любое государство при проведении реформ в экономической, социальной и иных областях государственной деятельности, ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство правовой базы в связи с интенсивно развивающимися общественными отношениями во всех сферах жизни и отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, снижение духовного и нравственного потенциала общества выступают основными факторами, способствующими росту терроризма. В связи с этим немаловажно при проведении политических реформ и утверждении демократической государственности обратить внимание на то, как происходит эволюция функций государства, изменение содержания существующих и формирование новых функций (например, антитеррористической), обусловленных необходимостью меняющейся реальной действительности.

1. Гнатенко А.И. *Функции государства и роль органов внутренних дел в их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.*

1. Gnatenko A.I. *Functions of the state and the role of the internal affairs bodies in their implementation: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2010.*

2. Андреев А.Г. *Охранительная функция государства в современных условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.*

3. *Терроризм в современном мире: некоторые факты, организации, причины (ч. I).* 2001. Вып. 38 URL: <http://pda.iam.duma.gov.ru/node/2/4607/16228> (дата обращения: 02.12.2013).

2. Andreev A.G. *Protective function of the state in modern conditions: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2002.*

3. *Terrorism in the modern world: some facts, organizations, causes (pt. I).* 2001. Iss. 38. URL: www.pda.iam.duma.gov.ru/node/2/4607/16228 (address date: 02.12.2013).

Долгопят Александр Олегович
мировой судья судебного участка № 239
Прикубанского внутригородского округа г. Краснодара
(e-mail: mila-perova@yandex.ru)

К вопросу о понятии и содержании законности

В статье рассматриваются понятие и содержание законности. Делается вывод о том, что законность следует рассматривать как реализацию законодательства субъектами права. Реализация справедливого законодательства отражает правопорядок, и наоборот, организованность общественных отношений показывает состояние законности.

Ключевые слова: законодательство, законность, справедливость, правопорядок.

A.O. Dolgopyat, Judge of Judicial District № 239 of Prikubansky District of Krasnodar; e-mail: mila-perova@yandex.ru

To the question of the concept and contents of the rule of law

In the article the concept and contents of the rule of law are considered, concluded that the rule of law should be considered as realization of legislation by the subjects of rights. Implementation of fair legislation reflects the rule of law, and vice versa, organization of social relations shows the status of the rule of law.

Key words: legislation, law, justice, rule of law.

Анализ специальной литературы показывает, что законность рассматривается учеными с двух позиций. Согласно первой из них – узкой – законность означает исполнение и соблюдение только законов [1, с. 111; 2, с. 527–528; 3, с. 74; 4, с. 167]. Во втором, широком смысле под законностью понимается необходимость соблюдения и исполнения не только законов, но и всех иных нормативных правовых актов [5, с. 428; 6, с. 12; 7, с. 242–243, 246; 8, с. 14–18]. Именно такой подход к понятию законности преимущественно и поддерживался большинством ученых: законность – общеобязательность права, т.е. требование строжайшего, неукоснительного соблюдения и исполнения всех правовых предписаний всеми субъектами [9, с. 194; 3, с. 74].

Вместе с тем, представители «узкой» трактовки законности все же признавали необходимость соблюдения и исполнения всех нормативных правовых актов, а не только законов [1, с. 111]. Законность в подобном понимании требует соответствия поведения субъектов общественных отношений предписаниям правовых норм, т.е. обеспечения правомерного поведения всех их участников. Следовательно, если нарушается законодательство (право), то это означает нарушение законности. Подобное понимание законности полностью отражало преимущественно существовавший на протяжении нескольких десятков лет нормативистский подход к правопониманию.

Обновление экономической системы в стране требует определенного обновления и в подходе к пониманию законности. В настоящее время многие исследователи признают сложный характер законности, что находит свое отражение в разностороннем и многоплановом подходе к современному определению законности.

Так, многие ученые считают, что законность – это принцип, метод и режим реализации норм права, содержащихся в законах и подзаконных актах, всеми участниками общественных отношений [10, с. 389; 11].

Н.В. Витрук полагал, что «законность означает идею, требование и систему (режим) реального выражения права в законах государства в самом законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве» [12, с. 523].

Исследуя вопросы законности, В.И. Шинд раскрывает данное понятие как «определенное состояние безопасности, стабильности, “общественного здоровья” государства» [13, с. 27]. Данное определение позволяет предположить, что в первую очередь необходимо анализировать те нарушения законов, которые наиболее неприемлемы для общества, и принимать все возможные меры, чтобы ликвидировать эти нарушения или, по крайней мере, существенно их сократить.

Каждый новый этап развития государства позволяет ставить перед наукой вопрос об обновлении определения законности. В последнее время учеными стал формироваться

подход к понятию законности через призму справедливости законодательства, в соответствии с которым законность рассматривается как система справедливого выражения права в законах государства [14, с. 51; 2, с. 528, 530], исполнение требований права и морали, т.е. правового долга, всеми субъектами права [15, с. 68; 16, с. 439–440].

Исследуя такие категории, как законность и справедливость, В.В. Мальцев утверждает, что законность без справедливости, по сути, лишена содержания [17, с. 101], а А.К. Черненко считает, что законность без справедливости бесперспективна [18, с. 135].

И.Е. Винницкий полагает, что «справедливость идеи выступает значимым обстоятельством, определяющим ее нормативность» [19, с. 16].

Представляется, что справедливость выступает тем критерием, который может определять содержание законности. Справедливость в определенной степени является не только основой законности, но и содержанием принципа законности. Заметим, что с ее помощью обосновываются и другие принципы права [20, с. 8].

Законность приобретает особое значение в условиях существования правового государства. Именно поэтому дефиниция законности напрямую зависит от современного состояния государства и общества и ее необходимо определять в контексте развития России как правового государства.

Появились работы ученых, представляющих правовую законность как фундаментальный принцип теории правового государства, «представляющий собой строгое и неуклонное осуществление... органами государственной власти, организациями, учреждениями, предприятиями, общественными объединениями и должностными лицами правовых норм, признаваемых и одобряемых большинством населения» [6, с. 5].

В литературе среди признаков правового государства учеными особенно выделяется такой признак, как верховенство и прямое действие закона [21, с. 332]. Все иные нормативные правовые акты должны соответствовать законам и не противоречить им. Поэтому правовое государство характеризуется авторитетом закона и, соответственно, высоким уровнем законности. С этих позиций формирование современного понятия законности должно учитывать указанный признак правового государства.

Понятием законности охватывается все действующее законодательство, основанное на справедливости, а правоотношения, фор-

мирующиеся в связи с применением законодательства, образуют содержание правопорядка. Рассмотрим данное утверждение подробнее.

Во-первых, законность не может означать реализацию только закона, поскольку последовательно придется признать, что иные нормативные правовые акты (например, Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и др.) не охватываются понятием законности, и если, например, имеет место нарушение постановления федерального министерства, то это не означает нарушение законности. Между тем, если нарушены нормативные правовые акты административных органов и эта ситуация не была бы признана нарушением законности, то состоялся бы дисбаланс урегулированности общественных отношений, что означает нарушение правопорядка [2, с. 530–531]. Следовательно, нарушение закона означало бы нарушение законности, а нарушение, например, указа Президента РФ являлось бы не нарушением законности, а нарушением правопорядка. Думается, что законность в таком случае необоснованно «сужена», что представляется неправильным. Кроме того, правопорядок в этих обстоятельствах находится на одной ступени с законностью и характерен только для иных нормативных правовых актов, но не для законов. На наш взгляд, это неправильно, поэтому понятием законности должно охватываться все действующее законодательство.

Во-вторых, законодательство должно отвечать критерию справедливости. Но, с другой стороны, такой критерий не является исключительно правовым. Понятие справедливости может меняться в зависимости от общественно-экономической формации, в которой существует государство. Например, у древних греков справедливым было неравенство, которое, очевидно, не может быть справедливым у россиян в настоящее время, и наоборот, то, что было несправедливым для древних греков (равенство), справедливо для современных россиян [22, с. 135].

Представляется, что те нормативные правовые акты, которые действуют в настоящее время в России, априори являются справедливыми. Законность характеризует действительность с точки зрения практического осуществления права [23, с. 6], в связи с чем не может зависеть от того, справедлив или нет закон, в противном случае законность следует относить к числу моральных категорий, что не соответствует ни теоретико-правовым разработкам ученых, ни практической реализации норм права. Именно поэтому законодательство, действующее в

определенное время и в России, всегда справедливо, и законность следует рассматривать как его реализацию субъектами права.

С этих позиций мы не совсем согласны с мнением Е.А. Пушкарева о том, что правовая законность представляет собой строгое и неуклонное осуществление субъектами права правовых норм, признаваемых и одобряемых большинством населения [6, с. 5]. Получается, что если Правительство РФ приняло норму, не признаваемую и не одобряемую большинством населения, то ее несоблюдение не означает нарушение законности. На наш взгляд, это абсурдно и приведет в конечном счете к анархии.

В то же время законодатель не всегда успевает нормативно регулировать реально существующие отношения в обществе, в связи с чем возникают пробелы, на которые практики и ученые указывают как на несовершенство законодательства. Законность в таких случаях начинает отягощать общественные отношения и вызывать обоснованные споры о несправедливости законодательства. Возникает вопрос о соотношении законности и целесообразности (справедливости), который невозможно рассматривать без учета конкретной обстановки в стране, исторического пути ее развития. Правоприменители вынуждены не только применять законодательство, не вызывающее одобрение общества, но и в некоторых ситуациях восполнять пробелы «отстающего» законодательства, «творя» право. Решение суда, принятое с точки зрения справедливости, позволит оценить эффективность деятельности суда и в целом, предопределяя должное поведение участников правоотношений, будет содействовать поддержанию правопорядка. Например, истории известны случаи, когда судьи руководствовались именно справедливостью, а не буквой закона, и наоборот, граждане лишали себя различных выгод во имя торжества законности [21, с. 258]. Справедливость, таким образом, компенсируя недостатки действующего законодательства, являлась содержанием законности.

Вспомним такой случай, когда в нашей стране действовал п. 1.1 ст. 33 КЗоТ РСФСР, закрепляющий расторжение трудового договора по достижении работником пенсионного возраста. Конституционным Судом РФ было признано не соответствующим Конституции РФ обыкновение правоприменительной практики расторжения трудового договора по достижении работником пенсионного возраста при наличии права на получение полной пенсии по старости, сложившееся с момента принятия п. 1 ст. 33 КЗоТ РФ [24]. Тем самым Конституционный Суд РФ признал

данную норму несправедливой по отношению к указанным лицам, желающим продолжать работу и после достижения пенсионного возраста.

Безусловно, отходить от законности, ссылаясь на целесообразность, не представляется правильным, тем более в условиях формирования правового государства, одним из признаков которого является верховенство закона. Ранее нами рассматривался вопрос о формировании нового типа правопонимания – интегрированного, объединяющего в себе элементы нормативизма, социологического типа правопонимания и взгляды представителей естественной школы права. Таким образом, ориентируясь на интегрированный тип правопонимания, мы поддерживаем тезис о том, что законодательство должно применяться в соответствии не только с буквой закона, но и духом закона, что очень важно для правового государства. Только в таком понимании действующее законодательство справедливо и справедливость является содержанием законности.

Резюмируя изложенное, подчеркнем, что под законностью нами понимается реализация в России справедливых действующих правовых предписаний субъектами права. Заметим, что приведенное определение представляет собой усеченную версию дефиниции, более развернутый вариант требует дальнейшего исследования.

Законность нельзя рассматривать как право «в действии», т.е. отождествлять с отношениями, возникающими в рамках законодательства. В противном случае законность будет совпадать с правопорядком. Между тем, законность не совпадает с правопорядком, который учеными определяется как реальный показатель состояния законности, он отражает важность соблюдения не только норм права, но и нормативных договоров [5, с. 437; 25, с. 38].

Правопорядок – это состояние правовой урегулированности общественных отношений [5, с. 433; 2, с. 530; 26, с. 139; 27; 7, с. 308; 28, с. 110], совокупность правоотношений, складывающихся на основе законности [21, с. 252]. Законность и правопорядок соотносятся между собой как причина и следствие [5, с. 437], правопорядок есть результат действия законности [25, с. 38; 29, с. 275; 7, с. 318; 30, с. 335]. Поэтому законность является одним из существенных факторов укрепления правопорядка, гарантией обеспечения законных прав лиц, в том числе и в случае привлечения их к административной ответственности [31].

Законность – это управленческая категория, связанная с дисциплиной, а правопорядок – регулятивная категория, связанная с демократией

[3, с. 74–87]. Правопорядок имеет в своей основе организованность общественных отношений, а также гарантированность возможности осуществления субъективных прав, обеспечение строгого исполнения юридических обязанностей [32, с. 137], а законность базируется на действиях, способствующих их организованности.

Принимая во внимание суть наших предыдущих рассуждений, можно сделать вывод о том, что реализация справедливого законодательства отражает правопорядок, сформированный

в связи с осуществлением законодательства, и наоборот, организованность общественных отношений показывает состояние законности. Отметим, что нарушение законности и правопорядка не должны являться нормой поведения субъектов права. Наоборот, субъекты права должны стремиться к идеалу, когда законодательство неукоснительно соблюдается и исполняется, что, в свою очередь, способствует укреплению законности и правопорядка.

1. Строгович М.С. *Избранные труды*. М., 1990. Т. 1.

2. *Теория государства и права: учеб.* / под ред. В.К. Бабаева. М., 2005.

3. Шайкенов Н.А. *Правовое обеспечение интересов личности*. Свердловск, 1990.

4. Явич Л.С. *Социализм: право и общественный прогресс*. М., 1990.

5. *Теория государства и права: курс лекций* / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2005.

6. Пушкарев Е.А. *Законность и ее гарантии в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Ростов н/Д, 2003.

7. Байтин М.И. *Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)*. Саратов, 2001.

8. Воронов А.М., Аветисян К.Р. *К вопросу о классификации принципов административной юрисдикции в налоговой сфере* // *Финансовое право*. 2011. № 1.

9. *Проблемы теории государства и права: учеб.* / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987.

10. *Теория государства и права: курс лекций* / под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. Уфа, 1994.

11. Поляков С.Б. *Принцип условной законности деятельности государственных органов в российском праве* // *Адвокат*. 2008. № 10.

12. *Общая теория права: курс лекций* / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.

13. Шинд В.И. *Некоторые вопросы управления в органах прокуратуры (методический аспект)* // *Проблемы теории законности, методологии и методики прокурорского надзора: сб. науч. тр.* М., 1994.

14. Андриановская И.И. *Справедливость в современной правовой действительности в России*. Южно-Сахалинск, 2009.

15. Анисимов П.В. *Права человека и право-защитное регулирование: проблемы теории и практики*. Волгоград, 2004.

16. Шабуров А.С. *Законность и правопорядок* // *Теория государства и права: учеб. для*

1. Strogovich M.S. *Selected works*. Moscow, 1990. Vol. 1.

2. *Theory of state and law: textbook* / ed. by V.K. Babayev. Moscow, 2005.

3. Shaikenov N.A. *Legal ensuring of interests of the individual*. Sverdlovsk, 1990.

4. Yavich L.S. *Socialism: law and social progress*. Moscow, 1990.

5. *Theory of state and law: course of lectures* / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Moscow, 2005.

6. Pushkarev E.A. *The legality and its guarantees in the system of ensuring the rights and freedoms of man and citizen in the activity of the bodies of internal affairs (theoretical and legal aspects): auth. abstr. ... Master of Law*. Rostov-on-Don, 2003.

7. Baitin M.I. *The Essence of law (Modern normative legal thinking on the edge of two centuries)*. Saratov, 2001.

8. Voronov A.M., Avetisyan K.R. *To the question of classification of principles of administrative jurisdiction in the tax sphere* // *Financial law*. 2011. № 1.

9. *Problems of theory of state and law: textbook* / ed. by S.S. Alekseev. Moscow, 1987.

10. *Theory of state and law: course of lectures* / ed. by N.A. Kataev, V.V. Lazarev. Ufa, 1994.

11. Polyakov S.B. *Principle of conditional lawfulness of the activities of state bodies in Russian law* // *Lawyer*. 2008. № 10.

12. *General theory of law: course of lectures* / ed. by V.K. Babayev. Nizhny Novgorod, 1993.

13. Shind V.I. *Some issues of the governance at the Prosecutor's office (methodological aspect)* // *Problems of the theory of legality, methodology and methods of public prosecutions: coll. of sci. papers*. Moscow, 1994.

14. Andrianovskaya I.I. *Justice in modern legal reality in Russia*. Yuzhno-Sakhalinsk, 2009.

15. Anisimov P.V. *Human rights and rights-based regulation: problems of theory and practice*. Volgograd, 2004.

16. Shaburov A.S. *Law and order* // *Theory of state and law: textbook for law univ. and faculties* / ed. by V.M. Korelsky, V.D. Perevalov. Moscow, 1997.

юрид. вузов и ф-тов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1997.

17. Мальцев В.В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. 1997. № 2.

18. Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск, 2004.

19. Винницкий И.Е. Роль справедливости и законности в обеспечении целостности и устойчивости системы принципов права // История государства и права. 2011. № 13.

20. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

21. Общая теория права: учеб. / под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.

22. Ллойд Денис. Идея права: репрессивное зло или социальная необходимость? / пер. с англ. М.А. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев.

23. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992.

24. О толковании постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1992 года по делу «О проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР»: решение Конституционного Суда РФ от 24 сент. 1992 г. // СПС «КонсультантПлюс».

25. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.

26. Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987.

27. Александров Н.Г. Законность и правопорядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5.

28. Ильин И.А. Теория прав и государства / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.

29. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.

30. Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. М., 2005.

31. Шергин А.П. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2002.

32. Александров Н.Г. Социалистическая законность // Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.

17. Maltsev V.V. Principles of criminal legislation and socially dangerous behavior // State and law. 1997. № 2.

18. Chernenko A.K. Theoretical and methodological problems of formation of the legal system of the society. Novosibirsk, 2004.

19. Vinnitskiy I.E. Role of justice and legality in ensuring the integrity and stability of the system of principles of law // History of state and law. 2011. № 13.

20. Vyazov A.L. The principle of justice in the modern Russian law and enforcement: theoretical and legal research: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2001.

21. General theory of law: textbook / gen. ed. by A.S. Pigolkin. 2nd ed., corr. and add. Moscow, 1995.

22. Lloyd Denis. The idea of law: the repressive evil or social need? / transl. from English by M.A. Yumashev; sci. ed. Yu.M. Yumashev.

23. Bonner A.T. Justice and fairness in enforcement activities. Moscow, 1992.

24. On the interpretation of a judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of Febr. 4, 1992 on the case «About the verification of constitutionality of the law enforcement practice of the termination of the employment contract on the basis provided by point 1.1 of article 33 of the Labor code of the RSFSR»: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of Sept. 24, 1992 // HLS «ConsultantPlus».

25. Alekseev S.S. Right: ABC book – theory – philosophy: the experience of integrated research. Moscow, 1999.

26. Denisov Yu.A., Spiridonov L.I. Abstract and concrete in the Soviet law. Leningrad, 1987.

27. Alexandrov N.G. Law and order in the socialist society // Soviet state and law. 1955. № 5.

28. Ilyin I.A. Theory of human rights and states / ed. and with introd. of V.A. Tomsinov. Moscow, 2003.

29. Alekseev S.S. Theory of law. Moscow, 1995.

30. Morozova L.A. Theory of state and law: textbook. Moscow, 2005.

31. Shergin A.P. Commentary to the Code of the Russian Federation about administrative offences. Moscow, 2002.

32. Alexandrov N.G. Socialist legality // Marxist-Leninist general theory of state and law. Socialist law. Moscow, 1973.

Резников Евгений Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
судья Дзержинского районного суда г. Волгограда
(e-mail: evreznikoff@yandex.ru)

Особенности влияния правовой социализации на процесс формирования правовой идентичности

В статье анализируется социальный аспект такой дефиниции, как правовая идентичность, являющейся относительно новым понятием, выработанным наукой теории государства и права. Идея правовой идентичности позволяет свести воедино все отдельные аспекты участия человека в правовой жизни общества: правовое сознание, правовой статус и правовое поведение личности.

Ключевые слова: право, субъект права, идентичность, правовая идентичность, субъект правовой идентичности, правовое поведение, правовая социализация.

E.V. Reznikov, Master of Law, Assistant Professor, Judge of Dzerzhinsky District Court of Volgograd; e-mail: evreznikoff@yandex.ru

Features of the influence of legal socialization on the process of forming of legal identity

The paper analyzes the social aspect of such definitions as legal identity, which is a relatively new concept, worked out by theory of law science. The idea of legal identity brings together all of the individual aspects of human involvement in the legal society: legal consciousness, legal status and legal behavior of the individual.

Key words: law, legal personality, identity, legal identity, subject of legal identity, legal behavior, legal socialization.

Поскольку правовая социализация включает в себя лишь первичное приобщение человека к правовой реальности, но не весь путь эволюции его правосознания и правовой идентичности, то следует определить тот объем знаний и навыков, которые должны быть освоены на этом начальном этапе вхождения в правовую жизнь общества, чтобы признать правовую социализацию состоявшейся. Как представляется, к ним можно отнести:

1. Представления о базовых принципах существующего правопорядка. Они являются абсолютно необходимыми для ориентации в типичных правовых ситуациях. Набор этих принципов включает как относительно универсальные идеи, так и специфическую часть, характерную для определенного государства и общества в соответствующий исторический период. Применительно к современной России в их состав входят принципы законности, равенства, федерализма, приоритета прав и свобод человека, презумпции невиновности, приоритета международного права по отношению к национальному и т.п.

2. Представления о характере и источниках своих прав и обязанностей. Следует подчеркнуть, что требование детального знания собственного правового статуса не стоит считать обязательным условием правовой социализации по причине его

невыполнимости, вызванной обилием правовых норм и частотой их изменения. Достаточным эффектом правовой социализации можно признать представление о наличии прав и обязанностей, о содержании наиболее важных из них, а также, что немаловажно, о способе закрепления прав и обязанностей, т.е. об источниках, к которым в случае необходимости следует обратиться за уточнением; это означает и понимание юридической природы своего социального статуса, и возможность принятия юридически корректных решений в ситуациях выбора.

3. Умение совершать юридически значимые действия, необходимые в той или иной сфере частной или общественной, в том числе профессиональной, деятельности (заключение договоров, совершение сделок, составление жалоб, заявлений, иных официальных документов и т.п.).

4. Представления о формах и процедурах защиты своих прав, т.е. знание основных средств защиты и порядка их использования (судебная и административная защита, адвокатура и иные виды юридической помощи, обращение в международные организации и др.), а также юридического значения результатов такой защиты (юридическая сила судебных решений и т.п.).

5. Умение проводить интерпретацию юридического текста, что включает в себя владение

основами юридической терминологии и способность к грамматическому и логическому толкованию нормативно-правовых и правоприменительных актов.

В своих исследованиях феномена правовой социализации Ш. Курильски-Ожвэн обоснованно предлагает классифицировать ее на два вида: 1) эксплицитная (осознанная), при которой индивид полностью отдает себе отчет в том, что соответствующие представления относятся именно к сфере права; 2) имплицитная (неосознанная), при которой субъект не знает, что речь идет именно о праве (например, считает эти представления само собой разумеющимися или приписывает им моральный характер) [1, с. 21].

С этой классификацией можно согласиться, однако лишь с некоторыми оговорками. Во-первых, вторая форма (имплицитная социализация) может рассматриваться лишь как промежуточная, неокончательная форма правовой социализации, поскольку она не предполагает такого важного элемента правосознания, как умение обнаружить необходимую правовую информацию в официальных источниках. Во-вторых, имплицитная социализация не может привести к складыванию правовой идентичности, ибо последняя предполагает достаточной высокий уровень рефлексии и понимание специфики права как относительно самостоятельного социального явления (при этом, разумеется, граница между правом и иными социальными нормами, в том числе моральными, может в сознании индивида располагаться по-разному, однако само наличие этой границы осознается в любом случае).

Одной из центральных проблем теории социализации является соотношение внешнего контроля и внутренней детерминации человеческого поведения. Компромиссный подход к этой проблеме предлагается, например, в рамках теории социального научения, которая исходит из того, что «среди детерминант действий человека можно обнаружить и влияния, выработанные им самостоятельно... Такая концепция человеческого функционирования, с одной стороны, не делает человека бессильным существом, брошенным на произвол внешних сил, с другой стороны, не представляет его и абсолютно свободным физическим агентом, способным стать кем угодно. Человек и его окружение являются взаимно влияющими детерминантами» [2, с. 9–10].

С этой точки зрения правовая социализация предстает прежде всего как полисубъектная деятельность. Она представляет собой сложный системный эффект множества индивидуаль-

ных и групповых действий, который в полной мере не контролируется никем из субъектов. Таким образом, по своим результатам правовая социализация во многом является спонтанной и непредсказуемой, особенно в условиях ценностного и идеологического плюрализма, свойственного современным обществам. Несмотря на то, что в каждом отдельном обществе складывается относительно целостная и единая правовая система, способов отношения к ней существует столько же, сколько и основных социальных групп. Таким образом, характер правового сознания и правовой идентичности индивида прежде всего обусловлен субъектным составом его правовой социализации.

Субъектов правовой социализации можно подразделить на следующие основные группы:

1) первичный субъект – сам индивид, чье правосознание и юридический опыт вырабатываются в ходе социальной коммуникации;

2) вторичные субъекты – все, кто участвует в формировании этого опыта в качестве носителей представлений и способов поведения, оказывающих влияние на индивида.

В свою очередь, вторичные субъекты могут быть разделены на две подгруппы:

а) непосредственные – те, кто вступают в личный контакт с социализирующимся индивидом и, в свою очередь, испытывают на себе его воздействие (члены семьи, знакомые, коллеги, педагоги и соученики);

б) опосредованные – те, кто прямо не взаимодействуют с индивидом, но чьи действия, несмотря на наличие дистанции, отражаются на его социализации (государство, средства массовой информации, создатели художественных произведений и т.п.).

Степень значимости различных субъектов меняется в ходе социализации. На ее начальных стадиях особенно велика роль непосредственных вторичных субъектов, которые составляют ближайшее окружение социализирующегося индивида и создают своими словами и действиями информационную среду, из которой он черпает свой опыт. Не обладая самостоятельностью, он зависит в своих поступках от тех образцов, которые получает от людей, имеющих определенный авторитет. В дальнейшем объективно происходит усложнение социальных функций, выполняемых индивидом, а с ним и расширение контактов, многие из которых также влияют на становление идентичности. Возрастает значение вторичных опосредованных субъектов, которые воздействуют на сознание и поведение индивида, хотя и не вступают с ним в прямой диалог. Поскольку право представляет собой про-

дукт социальной дистанции, то именно усиление роли вторичных опосредованных субъектов знаменует собой выделение правового аспекта из общего процесса социализации. Понимание

специфики права как социального явления и его отличия от иных регулятивных систем предполагает осознание не только близких, но также сложных и отдаленных общественных связей.

1. Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Овжэн Ш. *Образ и опыт права: Правовая социализация в изменяющейся России*. М., 2008.

2. Бандура А. *Теория социального научения*. СПб., 2000.

1. Arutyunyan M., Zdravomyslova O., Kuriliski-Ovzhen Sh. *Image and experience of the law: Legal socialization in changing Russia*. Moscow, 2008.

2. Bandura A. *Theory of the social teaching*. St. Petersburg, 2000.

Пеструилов Андрей Сергеевич

кандидат исторических наук,
 начальник кафедры гуманитарных, социально-экономических
 и информационно-правовых дисциплин
 Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: pestruilov@yandex.ru)

Кожевникова Анастасия Михайловна

кандидат исторических наук,
 ученый секретарь Новороссийского музея-заповедника
 (e-mail: gyurza@yandex.ru)

Российско-германские династические браки

В статье приводятся результаты исторического исследования российско-германских отношений в области династической политики, т.к. брачные союзы укрепляют отношения не хуже, чем военные и политические. Предпринимается попытка раскрыть тайну уникальности брачной политики Романовых, которая заключается в том, что начиная с 1710 г. практически все Романовы вступали в брак только с представителями немецких династий.

Ключевые слова: брачная политика, династическая политика, российско-германские отношения, российско-германские династические браки, причины династической политики Романовых.

A.S. Pestruirov, Master of History, Head of a Chair of Humanities, Socioeconomic, Information and Law Disciplines of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: pestruilov@yandex.ru;

A.M. Kozhevnikova, Master of History, Scientific Secretary of the Novorossiysk museum-reserve; e-mail: gyurza@yandex.ru

Russian-German dynastic marriages

There are the results of the historical investigation of Russian-German relationships of dynastic policy in the article, as conjugal units consolidate not worse than military and political. The authors try to solve the mystery of the Romanov's conjugal policy's originality, which means that very fact, that practically every member of the family got married with a representative of German dynasty since 1710.

Key words: conjugal policy, dynastic policy, Russian-German relationships, Russian-German dynastic marriages, reasons of the dynastic policy of the Romanov.

История любой страны характеризуется не только событиями, происходящими внутри этой страны, но и ее взаимоотношениями с другими странами. Отношения стран могут складываться на разных основаниях и в разных сферах, но в первую очередь эти взаимоотношения определяются политикой, внутренней и внешней. Если рассматривать историю взаимоотношений России и Германии, то между внешней и внутренней политикой каждой страны следует поместить династическую политику, т.к. брачные союзы укрепляют отношения не хуже, чем военные и политические. Собственно говоря, династический брак и есть отчасти политический акт: с одной стороны, это демонстрация доброй воли одного государства по отношению к другому, с другой – хороший способ укрепить влияние одной страны на территории другой.

Уникальность брачной политики Романовых заключается в том, что начиная с 1710 г. практически все Романовы вступали в брак только с представителями немецких династий, к началу XX в. породнившись практически со всеми значимыми германскими правящими домами, и при этом не единожды, например, с герцогами Гессен-Дармштадскими, Саксен-Веймар-Эйзенахскими, Мекленбург-Шверинскими, королями Вюртемберга и Пруссии. Вряд ли какая-либо другая династия отличалась подобным постоянством и упорством в проводимой брачной политике. Что касается немецких княжеств и герцогств, то представители российского правящего дома рассматривались как приоритетные, но далеко не единственные возможные брачные партнеры. Однако для России на протяжении XVIII–XIX вв. принцы и принцессы из германских

владельцев домов являлись практически единственными возможными брачными партиями, и лучшее доказательство этому – более тридцати брачных союзов династии Романовых с представителями германских владетельных домов.

История российско-германских династических союзов началась в 1710 г. с заключения брака между племянницей Петра I Анной Иоанновной и герцогом Курляндским и закончилась в 1917 г. с падением династии Романовых, хотя представители этой династии и в эмиграции продолжали вступать в браки с немецкими династиями. Но поворотным моментом в истории династии Романовых стало бракосочетание дочери Петра I Анны с герцогом Гольштейн-Готторпским Фридрихом Карлом в 1725 г. [1, с. 62]. Брачный договор, заключенный между российским императором и герцогом Фридрихом Карлом, предусматривал, помимо прочего, что Россия обязана была поддерживать герцога в борьбе за шведскую корону и за возврат готторпских территорий герцогству Шлезвиг [2, с. 440]. Кроме того, секретный параграф договора предписывал условия, при которых потомки герцога могли быть призваны на российский престол. В соответствии с этим параграфом сын герцога Карла Фридриха и Анны Петровны, Карл Петер Ульрих, который жил в северогерманском городе Киль, был назначен в 1742 г. его теткой, императрицей Елизаветой Петровной, наследником престола. Великий князь Петр Федорович, как его звали после перехода в православие, воспитывался в Петербурге и женился в 1745 г. на своей двоюродной сестре Софии Фредерике Августе, принцессе из маленького княжества Анхальт-Цербст. После того, как он стал российским императором Петром III, династия Романовых стала династией Романовых-Гольштейн-Готторпских.

Можно выделить несколько причин, почему Романовы заключали браки именно с представителями германских династий. Первая причина носит общий характер и заключается в так называемой династической солидарности, которая, с одной стороны, связывала правящие династии Европы семейными узами, а с другой стороны, заставляла их действовать солидарно в отношении проводимой политики. По этому поводу один из крупнейших знатоков XVIII в. Е.В. Анисимов заметил, что «кровное родство имело огромное значение в европейской политике, а брачные комбинации составляли одну из важных целей дипломатии. Петр был реформатором и в этой сфере политики, ибо он покончил с «кровной изоляцией» династии Романовых» [3, с. 398].

В Средние века и вплоть до абсолютизма XVIII в. отношения между странами в большей

степени зависели от степени близости между династиями, следовательно, родственные связи между семьями, претендующими на верховную власть в той или иной стране, имели важное внешнеполитическое значение. Поэтому поиск подходящих в политическом, династическом и религиозном смысле супругов являлся неотъемлемой задачей любого монарха, решение которой имело огромное значение для судеб государственной системы и страны.

При создании родственных связей между династиями их главы исходили из мотивов обеспечения преемственности престола, а также из той политической аксиомы, что «монаршие особы и династии, связанные семейными узами, должны действовать в политическом отношении солидарно» [4]. В XIX в. растущая взаимосвязанность, а вместе с тем и противоречивость политических и экономических интересов европейских держав ослабили политическую эффективность родственных связей, внешняя политика, проводимая на основе династической, была почти нейтрализована и почти обесценена. Но в международных отношениях XIX – начала XX в. политика европейских династических браков еще сохраняла определенную политическую роль. Хотя в отличие от предыдущего периода браки представителей правящих династий не вызвали территориальных изменений и войн из-за престолонаследия, брачные связи часто использовались для создания «коммуникационных сетей» между царствующими домами. Главную роль в «коммуникационных сетях» чаще всего играли женщины, которые устанавливали постоянные связи между династиями путем письменных и личных контактов. При этом женщины выполняли важную политическую функцию, т.к. их контакты создавали предпосылки для неформального общения монархов без участия и вмешательства министров.

Вторая причина вызвана сугубо внутренними проблемами России. До начала XVIII в. Романовы заключали браки с боярскими родами, что являлось источником постоянных проблем. Во-первых, подобные браки (например, царя Алексея Михайловича с Марией Милославской и Натальей Нарышкиной) были причиной постоянных междоусобных распр между различными боярскими родами, порождая смуту в стране. Браки с представителями «зарубежных» родов снимали до некоторой степени напряженность борьбы за власть, т.к. родственники супругов представителей династии Романовых могли претендовать только на материальную помощь, но практически не имели возможностей вмешиваться во внутреннюю политику страны.

Во-вторых, браки с представителями боярских родов не столько снимали проблему наследования, сколько усугубляли, особенно после того, как Петр I покончил с принципом примогенитуры и законодательно закрепил право монарха назначать наследника престола.

Со времен московского великого князя Дмитрия Донского до Петра I все великие князья, а потом цари следовали принципу, в соответствии с которым престол всегда наследовал старший сын. Традицию прервал Петр I: исходя из трагического опыта своего конфликта с сыном Алексеем и в интересах своей абсолютистской политики он издал Указ «О наследии престола», в котором говорилось, что государь имеет право выбрать и назначить наследника престола. Хотя определение кандидатуры наследника престола осталось прерогативой царствующих императоров, российская история XVIII в. характеризовалась многочисленными заговорами против волеизъявления царей по вопросу о престолонаследии. Только закон «Учреждение Императорской Фамилии» императора Павла I (1797 г.) положил конец произволу. Закон предусматривал, что престол переходит от отца к старшему сыну и что монарх в обязательном порядке должен быть православного вероисповедания. Кроме того, царствующий монарх должен был дать согласие на брак представителя царствующего дома, в противном случае брак признавался незаконным [1, с. 163].

Направив брачную политику Романовых в сторону Запада, Петр I последовательно заключил брачные союзы с герцогствами Мекленбург-Шверинским, Брауншвейг-Вольфенбюттельским и Курляндским. С этими браками связывались определенные надежды. После Полтавской победы Россия становится лидером антишведской коалиции, она помогает союзникам отвоевать территории в Северной Германии, которые ранее были захвачены Швецией. К тому же времени относится начало сближения России с герцогствами, расположенными вблизи Балтийского побережья. Этого требовали политические и торговые интересы молодой державы, стремящейся упрочить свое положение на море. Но была и другая причина повышенного внимания Петра I к маленьким немецким государствам: он стремился путем политических и матримониальных комбинаций получить статус члена Священной Римской империи Германской нации. По замыслу царя, это должно было придать международному положению России наибольшую устойчивость и обеспечить ей постоянную поддержку со стороны Австрии и дру-

гих германских государств на случай шведского реванша или турецкого нападения. Планы Петра I можно считать третьей причиной заключения российско-германских династических браков, хотя это относится только к нескольким первым брачным союзам.

В 1820 г. император Александр I внес в закон «Учреждение Императорской Фамилии» добавление о том, что наследник престола должен также обязательно происходить от «равнородного» брака. Наследники престола и цари из дома Романовых вплоть до Ивана IV и Петра I (имеется в виду его первый брак) были женаты на дочерях крупных бояр. Это обстоятельство приводило к внутривластным конфликтам, т.к. бояре ожесточенно боролись за родство с царской семьей. Со времен Петра I, как правило, мужчины из династии Романовых и те женщины, которые могли претендовать на престолонаследие, женились на принцессах или выходили замуж за принцев суверенных и царствующих или царствовавших заграничных дворянских родов, принадлежавших к христианским конфессиям, причем невесты должны были принять православие.

Как известно, потомки Петра продолжили его брачную политику. Безусловно, представители такой династии, как Романовы, могли выбирать супругов не только в небольших германских княжествах и герцогствах, но и среди более значимых правящих династий. Но здесь вступала в силу четвертая причина, носящая клерикальный характер. Согласно указу императора Павла I наследовать российский престол могли только лица, исповедующие православие. Следовательно, мужья и жены Романовых должны были переходить в православие. Протестантская вера это позволяла, а католическая не только запрещала переход из одной конфессии в другую, но и браки между представителями разных конфессий, что вполне допускали и православие, и протестантизм. Поэтому большинство брачных союзов семьи Романовых и было заключено именно с представителями протестантских княжеских домов, т.к. католическая вера категорически запрещала, с одной стороны, браки между представителями разных христианских конфессий и, с другой стороны, переход из католичества [5]. Об этом свидетельствует тот факт, что супруги великих княжон сохраняли принадлежность к своей конфессии, как и сами княжны, хотя обряд венчания проходил по православному канону.

Помимо политических и религиозных причин, заключению российско-германских династических браков способствовали и чисто

практические обстоятельства. Феодальная раздробленность Священной Римской империи Германской нации до 1871 г., а потом германский федерализм обеспечили наличие многочисленных суверенных княжеств и создали тем самым большой резерв кандидатов на бракосочетание из царствующих домов [4], которые являлись «равнородными», что было одним из неперемных условий законности заключаемого брака.

Одним из важных следствий заключенных династических браков можно считать постоянное взаимодействие и взаимовлияние культур России и Германии как в узком смысле этого слова (поощрение искусства и науки), так и в более широком, к чему можно отнести и политическую культуру.

Брак великого князя Михаила Павловича и принцессы Фредерики Шарлотты Марии Вюртембергской (в замужестве – великой княгини Елены Павловны) является одним из наиболее ярких примеров того, как представитель германской династии оказал неocenимое влияние на культурную и политическую жизнь России. Елена Павловна превратила Михайловский дворец в центр притяжения культурной элиты Петербурга, оказывая поддержку как деятелям искусств (К.П. Брюллову, А.А. Иванову, И.К. Айвазовскому, А.Г. Рубинштейну) и науки (В.Я. Струве, К.М. Бэру, Н.И. Пирогову), так и политическими деятелям (Д.А. Милютину, В.А. Черкасскому, В.В. Тарновскому). Под ее покровительством и при ее непосредственном участии возникло Русское музыкальное общество, которое сыграло большую роль в развитии профессиональной музыкальной культуры в России. По поводу салона Елены Павловны князь Д.А. Оболенский писал, что она «с изумительным искусством умела группировать гостей так, чтобы вызвать государя и царицу на внимание и на разговор с личностями, для них нередко чуждыми и против которых они могли быть предубеждены; при этом все это делалось незаметно для непосвященных в тайны глаз и без утомления государя» [6, с. 89]. Елена Павловна активно участвовала в деле отмены крепостного права, в 1859 г. провела преобразования в своем имении, основные положения которых в 1861 г. вводятся по всей стране. Кроме того, великая княгиня занималась не только политикой и поощрением искусств, но и благотворительностью, заведя Мариинским и Повивальным институтами и основав «Крестовоздвиженскую общину сестер попечения о

раненых и больных». Именно с момента основания этой общины в России появились первые сестры милосердия.

В свою очередь, сестры Михаила Павловича великие княжны Мария Павловна и Екатерина Павловна внесли большой вклад в культуру и внутреннюю политику соответственно герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского и королевства Вюртемберг. Деятельность Марии Павловны в большей степени была направлена на поощрение искусств, она оказывала поддержку поэтам, писателям и музыкантам, устраивала литературные вечера, создала музей памяти Гете и Шиллера, благодаря ей маленький Веймар был известен всей Европе. Занималась она и благотворительностью, создавая ссудные кассы, школы для бедных и рабочие дома, расходуя при этом личные средства. Великий немецкий писатель И.В. Гете считал, что «она настоящее благословение для страны» [7, с. 422].

Великая княжна Екатерина Павловна за несколько лет жизни и активной деятельности в Вюртемберге оставила настолько неизгладимый след, что и в XXI в. продолжает пользоваться уважением и доброй памятью жителей земли Баден-Вюртемберг, о чем свидетельствует общество ее имени (Catharina-Pawlowna-Gesellschaft), которое занимается исследованием истории отношений России и Вюртемберга. «Ей удалось поднять престиж Вюртемберга гораздо выше его собственных возможностей», – писал немецкий писатель и критик А.К. Варнхаген фон Энзе [8, с. 189].

Исследование и анализ брачных союзов Романовых позволяет сделать вывод о том, что российско-германские династические браки являются не просто политическими актами, преследующими исключительно политические и вопросы престолонаследия, но актами культуры, своего рода феноменом культуры. Нельзя не оценить вклад великих княгинь и княжон не просто в культуру России и германских государств, но и в культуру взаимодействия этих стран, в рождение сплава российской и немецких культур. Важно заметить, что на протяжении двух столетий, в течение которых заключались российско-германские династические браки, культуры России и германских государств взаимодействовали в самых разных сферах человеческой деятельности – в политике, искусстве и науках. Это можно рассматривать как диалог культур в современном его понимании.

1. «Учреждение об императорской фамилии» // БСЭ. М., 1977.

1. «Constitution of Imperial Surname» // BSE. Moscow, 1977.

2. Наумов В. *Россия и Северная Европа первой четверти XVIII века в зеркале немецких источников. Юность Державы.* М., 2000.

3. Анисимов Е.В. *Время Петровских реформ.* Л., 1989.

4. Вульф Д. *Роль династической солидарности и династических браков в русско-германских отношениях (XVIII – начало XX вв.).* URL: <http://ricolor.org/history>

5. Асмус В. *Династические связи Российской Императорской Фамилии с Германскими Владетельными Домами.* URL: <http://www.skatarina.ru/library/oikumena/asmus.htm>

6. Шестопалов А.Г. *Великая княгиня Елена Павловна // Вопросы истории.* 2001. № 5.

7. Eckermann J.P. *Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens.* Berlin; Weimar, 1982.

8. Varnhagen von Ense K.A. *Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens.* 2 Bde. Berlin, 1971. Bd. II.

2. Naumov V. *Russian and North Europe in the first quarter of the XVIII century in the mirror of German sources. Empire's youth.* Moscow, 2000.

3. Anisimov E.V. *Time of the Peter's reforms.* Leningrad, 1989.

4. Woolf D. *The role of dynastic solidarity and dynastic marriages in Russian-German relationships (XVIII – the beginning of the XX cent.).* URL: <http://ricolor.org/history>

5. Asmus V. *Dynastic links of the Russian Imperial Surname with German Houses.* URL: <http://www.skatarina.ru/library/oikumena/asmus.htm>

6. Shestopalov A.G. *Great princess Helen Pavlovna // Questions of history.* 2001. № 5.

7. Eckermann J.P. *Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens.* Berlin; Weimar, 1982.

8. Varnhagen von Ense K. A. *Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens.* 2 Bde. Berlin, 1971. Bd. II.

Тарасевич Илья Борисовичсоискатель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
(тел.: +78612583596)

Значение адекватности языка закона для гармоничного развития сферы частноправовых отношений

В статье решается вопрос о том, насколько значимой для сферы частного права является адекватность языка действующих в ней законов. При этом проблема адекватности языка закона рассматривается в трех самостоятельных аспектах – культурном, технико-юридическом и функциональном.

Ключевые слова: частное право, частноправовое регулирование, юридическая техника, язык закона, адекватность языка закона.

I.B. Tarasevich, Competitor of a Chair of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.:+78612583596.

The value of the adequacy of the language of law for the harmonious development of private law relations sphere

In the article the question about how significant for the sphere of private law is the adequacy of the language of laws is solved. The issue of the adequacy of the language of the law is considered in three separate aspects of the cultural, technical, legal and functional.

Key words: private law, regulation of private law, legal technology, language of law, adequacy of language of law.

Связь между эффективностью публично-правового регулирования и адекватностью языка закона как таким его свойством, сущность которого заключена в соответствии реально присущих языку закона характеристик требованиям, являющимся существенными и необходимыми условиями оптимальной связи этого языка с действующим правом, правосознанием и правовой практикой, является очевидной. Данная связь существует уже в силу того, что публично-правовое регулирование представляет собой властный процесс, осуществляемый прежде всего посредством законодательства и приведения системы законодательства в действие. Частноправовая сфера, в отличие от публично-правовой, является сферой реализации свободы равноправными субъектами, которые действуют в своих собственных интересах и, будучи самостоятельными и ответственными, обладают возможностью поступать по своему усмотрению, не ущемляя при этом свободы других лиц. В этой связи чрезвычайно интересным оказывается вопрос о том, действительно ли в частноправовой сфере влияние адекватности языка закона на развитие правовых отношений сохраняется либо связь в данном случае является скорее гипотетической, чем реальной.

Диспозитивный характер частноправового регулирования не исключает закон из механизма регулирования. Однако место и роль закона в регулировании отношений в сравнении со сферой публично-правового регулирования все же существенно меняются. Закон либо определяет правовой режим регламентации частноправовых отношений конкретного вида, либо создает дополнительные гарантии точной реализации моделей поведения, определенных участниками договора, либо, стремясь к предотвращению конфликтов, устанавливает те правила, которые применяются «по умолчанию» в случае, когда субъектами частноправовых отношений не было оговорено иное. Та специфическая роль, которую играет закон в сфере частноправового регулирования, свидетельствует об отсутствии прямой и непосредственной связи между адекватностью языка закона и эффективностью частноправового регулирования. Если в публично-правовой сфере прослеживается зависимость, в соответствии с которой чем более адекватным является язык закона, тем более высокой является, при прочих равных условиях, эффективность регулирования, то в частноправовой сфере подобная связь не обнаруживается. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в целом роль

адекватности языка закона для обеспечения гармоничного развития частноправовой сферы является менее значимой, чем для обеспечения эффективного публично-правового регулирования. Вместе с тем, утверждать, что связь в рассматриваемом случае вообще не обнаруживается, было бы неправильным.

Проблема адекватности языка закона складывается из трех самостоятельных аспектов: культурного, технико-юридического и функционального. В первом случае вопрос об адекватности или неадекватности языка решается в зависимости от соответствия или несоответствия его свойств представлениям массового правосознания; во втором адекватность языка закона предстает соответствием его свойств требованиям действующего права; в третьем случае язык закона предстает адекватным тогда, когда результативно, оперативно, активно, точно и экономично реализует те присущие ему функции, осуществление которых способствует воспроизводству, обеспечению и поддержанию правового порядка.

Что касается культурной адекватности языка закона, то она оказывается для частноправовой сферы гораздо менее значимой, чем для публично-правовой. Если язык закона неадекватен в культурном плане, то это не имеет непреодолимых негативных последствий, поскольку, во-первых, его предписания не носят императивного характера, а во-вторых, отношения могут возникнуть даже тогда, когда законодательное регулирование вообще отсутствует как таковое или существующий закон остается бездействующим, не находит своей реализации. Кроме того, в частноправовой сфере часто происходит компенсация недостаточной культурной адекватности языка закона. Текст воспринимается участниками отношений не так, как он написан, в него вкладывается тот смысл, который, по мнению субъектов права, должен в нем содержаться. Нормы толкуются расширительно или ограничительно, при этом, в отличие от публично-правовой сферы, расширительное или ограничительное толкование не влечет негативных последствий для регулирования конкретных отношений, оказывает на правовую практику лишь опосредованное влияние.

Если вести речь о технико-юридической адекватности языка закона, то она, как и культурная адекватность, в целом оказывается для сферы частноправового регулирования менее значимой, чем для публично-правовой. В механизме частноправового регулирования присутствуют элементы, за счет действия которых может быть снята проблема неадекватности языка закона

в технико-юридическом аспекте. Например, в ситуации, когда законодательная норма в силу несоблюдения предъявляемых к языку закона технико-юридических требований оказывается неэффективной, не обеспечивает того решения связанных с регулированием отношений задач, для которого она предназначена, субъекты частного права при необходимости могут самостоятельно, собственным соглашением определить приемлемые для них условия взаимодействия.

Кроме того, неадекватность языка закона в технико-юридическом смысле может быть компенсирована, как и его неадекватность в культурном плане, за счет ограничительного или расширительного толкования. Приведем конкретный пример. Официальный текст п. 5 ст. 790 ГК РФ имеет следующее содержание: «В случаях, когда в соответствии с законом или иными правовыми актами установлены льготы или преимущества по провозной плате за перевозку грузов, пассажиров и багажа, понесенные в связи с этим расходы возмещаются транспортной организацией за счет средств соответствующего бюджета». Очевидным является то, что в тексте приведенной нормы имеется явная технико-юридическая ошибка: в данном случае речь идет о возмещении расходов транспортной организации, а не самой этой организацией. Однако существующая правовая, в том числе и судебная, практика не имеет примеров того, чтобы допущенная законодателем лингвистическая ошибка повлияла на развитие отношений, возникающих на основе договора перевозки. Достаточным средством устранения негативных последствий рассматриваемой языковой неточности становится указание в источниках опубликования Гражданского кодекса на то, что в официальном тексте допущена опечатка (такое уточнение делается, например, в примечании к тексту ГК РФ, опубликованного в СПС «КонсультантПлюс»).

Далее следует отметить, что все же говорить о том, что культурная и технико-юридическая адекватность языка закона вообще не являются значимыми для рассматриваемой сферы, нельзя. Прежде всего, необходимо принимать во внимание, что в сфере частноправового регулирования закон осуществляет стимулирующую функцию. Несмотря на то, что важнейшим отличительным свойством права является его обеспеченность принуждением, его эффективность поддерживается не только ограничениями, но и стимулами. Более того, существует точка зрения, согласно которой государство объективно все чаще прибегает к стимулированию, и на современном этапе развития общества

существует возможность замещения санкций поощрением [1, с. 25; 2, с. 11; 3, с. 89–90]. Не пытаясь установить, насколько обозначенная закономерность характерна для современного права в целом, отметим, что стимулирование может быть признано, пожалуй, наиболее значимым компонентом механизма государственного воздействия на развитие частноправовых отношений и частного права в целом. В силу диспозитивности частноправового регулирования возможность применения в нем принуждения, по крайней мере, существенно ограничена, а стимулирование оказывается тем инструментом, при помощи которого государство способно решать актуальные для рассматриваемой сферы задачи. В то же время в случаях, когда язык, которым сформулированы стимулирующие нормы закона, является неадекватным в культурном и (или) технико-юридическом плане, это негативно сказывается на практике их реализации. Неадекватность языка закона снижает его авторитетность, и, как следствие, стимулируемое поведение не становится нормой. Более того, нередко непредоставление предусмотренного законом поощрения рассматривается как санкция, следующая за несоблюдением установленных государством предписаний.

Необходимо также принимать во внимание, что неадекватность языка закона в культурном и (или) технико-юридическом плане с неизбежностью влечет за собой снижение уровня информированности субъектов права о содержании нормативных правовых предписаний, устанавливаемых законом. В то же время такая информированность является важным условием проявления способности участников частноправовых отношений ориентироваться в правовом пространстве, прогнозировать возможные последствия совершения тех или иных значимых в правовом плане действий, брать на себя ответственность за совершаемые ими поступки.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что защита частных интересов чаще всего осуществляется в судебном порядке, в рамках искового производства, которое возбуждается по требованию заинтересованного лица, в качестве которого выступает субъект, который считает свои частные интересы нарушенными. В случае спора между участниками отношения закон как источник права приобретает большое значение. При этом «если принятый закон или иной нормативный акт содержит нормы, не отвечающие требованиям элементарной грамотности, то это означает, что применение таких источников права в случаях, например, спора сторон, сделки или в иных ситуациях может привести к негативным последствиям» [4, с. 4].

Культурная и технико-юридическая неадекватность языка закона негативно сказываются и на эффективности самозащиты нарушенного права. С одной стороны, непонимание того, какие способы и формы самозащиты, в том числе возникшие в силу технико-юридической неадекватности языка закона, закон признает легальными, сдерживает активность тех субъектов, которые на практике могли бы к ним прибегнуть. С другой стороны, осознание правомерности совершения действий по самозащите, их одобрения и поддержки государством, которое возможно только при условии культурной адекватности языка закона, является не менее значимым фактором, побуждающим субъектов действовать, чем недовольство своим правовым положением, возникающее вследствие неудовлетворенности собственных потребностей.

Наиболее существенным представляется то влияние, которое оказывает на эффективность частноправового регулирования функциональная адекватность языка закона. Указанное обстоятельство определяется значимостью языка закона в обеспечении реализации правом функции упорядочения. В частноправовой сфере в решении связанных с ее осуществлением задач чрезвычайно значимой оказывается реализация языком закона стабилизирующей, коммуникационной и конвенциональной функций, в то время как в публично-правовой сфере упорядочение эффективно обеспечивается иными средствами.

Во-первых, в частноправовой сфере именно закон, обеспечивая оформление правовых предписаний, их объективацию, придает им устойчивость, а следовательно, обеспечивает и стабилизацию складывающихся на основе таких предписаний отношений. При этом осуществляемое законом стабилизирующее воздействие обеспечивается именно посредством языка закона, поскольку текстуальное оформление правовых предписаний в законе возможно только при помощи языка. Во-вторых, язык закона выступает специфической системой способов и средств общения между законодателем и адресатами нормативных правовых предписаний. В-третьих, посредством языка закона устанавливается постоянная связь между субъектами права. У них возникает ощущение предсказуемости развития отношений как следствия оговоренности «правил игры» и одинакового понимания их всеми участниками отношений.

В принципе, реализацию стабилизирующей, коммуникационной и конвенциональной функций в частноправовой сфере способен обеспечить не только язык закона, но и любой другой адекватный правовой язык (например, язык

договоров или язык профессиональной речи юристов), однако лишь при условии, что такой язык будет общим, единым для всех участников частноправовых отношений. Во-первых, в силу того, что лишь общий язык может быть понятным для всех участников правоотношений, он способен стать основой правового взаимодействия, позволяет скоординировать усилия и организовать совместную деятельность. Во-вторых, вследствие того, что язык неизменно отражает в себе и одновременно транслирует специфическую систему ценностей, особое понимание правовой реальности, его универсальность облегчает правовое общение, обеспечивая эмоционально-психологический контакт участников правового взаимодействия. В-третьих, в силу того же обстоятельства общий для всех язык способен стать фактором, действие которого не позволяет происходящим в правовой жизни

изменениям дестабилизировать существующую систему регуляции, привести к ее разрушению.

Специфика иных, помимо языка закона, разновидностей правового языка, а также неоднородность самой сферы частноправовых отношений, характерный для нее плюрализм, к сожалению, делают практически невозможной универсализацию ни одного правового языка, кроме языка закона. До тех пор пока от правового языка не требуется ничего иного, кроме обеспечения минимальной возможности коммуникации субъектов права, отсутствует необходимость его универсализации. Языку закона характер общего, единого для всех придает тот факт, что закон является властным источником. Как следствие, появляется объективная возможность унификации правил такого языка и характерных для него изобразительно-выразительных и иных специальных средств.

1. Киселева О.М. *Поощрение как метод правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.*

2. Мирошник С.В. *Правовые стимулы в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1997.*

3. Сергун П.П. *Поощрительные правовые нормы: проблемы теории // Право как социокультурная ценность. М., 2001.*

4. Зайцев О.В. *Закон как источник гражданского права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.*

1. Kiseleva O.M. *Promotion as a method of legal regulation: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2000.*

2. Miroshnik S.V. *Legal incentives in the Russian legislation: auth. abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 1997.*

3. Sergun P.P. *Encouraging legal norms: problems of theory // Law as a social and cultural value. Moscow, 2001.*

4. Zaytsev O.V. *The law as a source of civil law of the Russian Federation: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2003.*

Кузовлева Галина Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612581426)

К вопросу о равноправии субъектов Российской Федерации

В статье рассматривается вопрос о равноправии субъектов Российской Федерации. Поскольку Россия – асимметричная федерация, включающая разнообразные и разнохарактерные субъекты, имеющие во многом неодинаковый конституционно-правовой статус, равноправие ее субъектов нельзя понимать в абсолютном смысле, как полное равноправие во всех аспектах. Автором сделана попытка анализа данной проблемы.

Ключевые слова: федерация, субъект федерации, республика, край, область, автономный округ, автономия.

G.V. Kuzovleva, Master of Philology, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426.

To the question about equality subject of the Russian Federation

In the article question about equality subject of the Russian Federation is considered. Since Russia is an asymmetric federation, including varied and variegated subjects, having different constitutional-legal status, equality of its subject is impossible to understand in absolute sense, as full equality in all aspect. The author made attempt of the analysis given problems.

Key words: federation, subject of federation, republic, region, area, autonomous county, autonomy.

В настоящее время закрепленный в Конституции РФ принцип равноправия субъектов Федерации практически не действует. Согласно ч. 2 ст. 5 Конституции РФ [1] республики в составе Российской Федерации считаются государствами, в то время как остальные субъекты такого статуса не имеют. Поэтому республики наделяются правом принятия конституции, основными же законами остальных субъектов Российской Федерации являются уставы.

В мировой практике право принятия уставов (хартий) традиционно закрепляется за территориями местного самоуправления, поэтому предоставление такого права субъектам Федерации позволяет предположить различия между конституциями и уставами субъектов Федерации по их природе, хотя таких различий, исходя из принципа равноправия субъектов, быть не должно.

Анализ республиканских конституций позволяет заключить, что в республиках используются три варианта процедуры принятия новой конституции:

- 1) законодательным (представительным) органом;
- 2) специально образованной конституционной ассамблеей;
- 3) общенациональным референдумом.

Например, в Республике Саха (Якутия) конституция принимается и изменяется на совместном заседании палат Государственного Собрания (Ил Туман); в Карелии, Северной Осетии (Алании), Чувашской республике – это также исключительная компетенция парламента, а в Ингушетии принятие новой конституции возможно только посредством референдума. Иногда используются смешанные формы. Так, в Мордовии новая конституция принимается 2/3 голосов от общего числа депутатов Государственного Собрания и выносится на всенародное голосование [2]. В области (крае) принятие устава отнесено к компетенции представительного органа власти.

Каждый субъект Российской Федерации обладает собственной территорией, которая является неотъемлемой частью территории Российской Федерации и определена существующими административными границами. Территория субъекта Российской Федерации является пространственным пределом власти его государственных органов. В Конституции РФ не разрешена проблема вхождения автономного округа в состав области или края. Все автономные округа (кроме Чукотского) по-прежнему входят в состав соответствующих краев и областей. Несомненно, это сужает

круг прав того субъекта Российской Федерации, который входит в состав другого субъекта. Согласно Конституции РФ отношения автономного округа с соответствующим краем или областью могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственной власти данных субъектов Федерации [1].

Кроме того, по представлению законодательного и исполнительного органа автономии может быть принят федеральный закон о данном автономном образовании (ч. 3 ст. 66), что не исключает реализации им права иметь свой устав, в котором закрепляются его статус, организация органов государственной власти и т.д. Вхождение одного субъекта в состав другого является реальным лишь в том случае, если происходит включение его территории и населения в состав другого субъекта. Именно это и отличает взаимоотношения автономного округа и края от отношений с другими субъектами Российской Федерации. С позиции Конституции РФ автономные округа, входящие в состав края (области), представляются своеобразными региональными объектами государственного управления, в которых сочетаются, с одной стороны, значительная самостоятельность в принятии решений при регулировании общественных отношений на собственной территории, а с другой – необходимость корректировки данных решений с учетом общих интересов автономного округа и края, области [1].

Одной из новелл конституционной модели, направленной на обеспечение принципа равноправия субъектов Российской Федерации, должно было стать предоставление в ст. 77 Конституции права всем субъектам самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти [1]. Однако в реальности возникла проблема разного правового статуса субъектов Федерации при реализации данных конституционных положений.

С целью упорядочить систему органов государственной власти 6 октября 1999 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [3]. В нем содержатся принципы деятельности этих органов.

В систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации входят: законодательный (представительный) орган; высший исполнительный орган; иные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, образованные в соответствии с Конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации.

Конституция РФ не предусматривает, что в субъектах Федерации судебная власть осуществляется федеральными судами (п. «о» ст. 71, ч. 3 ст. 118, ст. 124, 128) [1]. Тем не менее Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» учредил суды субъектов Федерации – конституционные (уставные) суды и мировых судей (ч. 4 ст. 4) [4]. Так, например, в июне 1999 г. Законодательное собрание Красноярского края приняло закон «Об Уставном суде...». В соответствии с ним Уставный суд края осуществляет официальное толкование устава края, рассматривает дела о соответствии уставу нормативных правовых актов, принятых краевыми органами власти и органами МСУ, разрешает споры о компетенции между краевыми органами государственной власти, а также между ними и органами МСУ. Юрисдикция Уставного суда распространяется на всю территорию края, исключая территории автономных округов. Однако судебная система субъектов Российской Федерации не является самостоятельной, ее функционирование всецело зависит от усмотрения федерального законодателя. Конституционный Суд РФ не раз подтверждал конституционность такого положения. Однако на деле ряд регионов (Башкортостан, Татарстан, Тыва) провозглашают в своих конституциях, а главное – реально обеспечивают безусловное верховенство своих законов.

Одним из элементов конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации является их право на собственную символику. Различие в данном вопросе между республиками и иными субъектами Российской Федерации сводится к употреблению по отношению к республиканским символам власти определения «государственный». Это связано с трактовкой республики как государства в ст. 5 Конституции РФ. Однако на практике статус флагов, гербов и гимнов субъектов Российской Федерации, а также республиканских столиц и краевых (областных) центров аналогичен и определяется законодательством субъекта Российской Федерации.

Институтом, отражающим традиции государственности в республиках, является республиканское гражданство. Хотя Конституция РФ специально не закрепляет институт гражданства республик, отсутствие прямого запрета дает республикам основание на его сохранение. Однако необходимо отличать «двойное» гражданство в республиках – субъектах Российской Федерации от института двойного гражданства в международном праве. Внутреннее гражданство республик полностью охватывается общефедеральным и не дает права предоставлять гражданам республик большее количество

гарантий, привилегий и т.п., нежели предоставляет гражданство Российской Федерации. Таким образом, институт гражданства республик в составе Российской Федерации в настоящее время можно рассматривать как способ причисления себя к той либо иной национальной общности, что стало особенно актуально после отмены графы «национальность» в паспорте гражданина Российской Федерации. Однако есть республики, в которых институт гражданства используется для подтверждения суверенного статуса своего государства. Законодательной палатой Государственного Собрания Республики Башкортостан в мае 1999 г. был принят закон «О гражданстве республики Башкортостан», который определяет основания приобретения и прекращения гражданства республики. По сравнению с федеральным законом, он содержит ряд новаций, например: отклоняются ходатайства о приеме в гражданство республики лиц, которые пребывали на ее территории нелегально (п. «в» ч. 3 ст. 16), сообщили о себе ложные сведения и представили фальшивые документы. В качестве обстоятельства, облегчающего прием в гражданство республики, названо получение убежища на территории республики Башкортостан, что является грубым вторжением в исключительную компетенцию Российской Федерации (п. «к» ст. 71 Конституции РФ). Закон предусматривает ограничение прав и свобод граждан России, находящихся на территории республики Башкортостан, по сравнению с правами и свободами граждан республики, что противоречит основам конституционного строя Российской Федерации (ч. 2 ст. 6 Конституции РФ) [1].

Особый статус республик как государств подчеркивается и их правом устанавливать свои государственные языки (ст. 68 Конституции РФ) [1]. Однако главенствующий аргумент национального принципа образования республик в этом случае едва ли состоятелен, т.к. автономные образования тоже сформированы с учетом национально-этнического фактора, но право устанавливать второй государственный язык им не предоставлено. Практически все республиканские конституции закрепляют двуязычие. Так, Конституция Республики Саха (Якутия) придает статус государственным языкам саха и русскому (ст. 46) [5]. Подчеркивается, что языки народов севера республики являются официальными в местах компактного проживания малочисленных народов. Конституция Татарстана придает статус государственного татарскому и русскому языкам (ст. 41) [6], русский язык признан также языком межнационального общения. Татарский язык, на котором наравне с русским публикуются акты ор-

ганов государственной власти, ведется делопроизводство в органах МСУ, правоохранительных органах, является официальным языком.

Каждый субъект Российской Федерации имеет свою конституционно-правовую систему, которая включает в себя конституцию (устав) субъекта, законы субъекта и другие нормативные правовые акты, изданные в пределах компетенции субъекта Российской Федерации, договоры и соглашения субъекта Российской Федерации с Федерацией и другими субъектами. Однако законодательство субъектов Российской Федерации не образует самостоятельного правового поля, а инкорпорируется в общедоказательную правовую систему, строго следуя иерархическим принципам взаимосвязи правовых актов.

В настоящее время основным фактором, способствующим закреплению неравенства субъектов Российской Федерации, является политика заключения федеральной властью с отдельными субъектами Российской Федерации договоров, соглашений, которые ставят их в особое положение по отношению к остальным субъектам Федерации. Договорное право позволяет подразделить субъекты Российской Федерации на несколько категорий: во-первых, на тех, правовой основой деятельности которых стали не только Конституция РФ, но и договор, и, во-вторых, на тех, которые по-прежнему строят свои отношения с федеральными органами государственной власти только на основе Конституции РФ.

Так, например, в ч. 3 ст. 60 Конституции Бурятии установлено, что отношения между органами государственной власти Бурятии и России являются конституционно-договорными, что государственно-правовой статус республики определяется, в первую очередь, ее Конституцией, а только затем – Конституцией РФ и Федеративным договором [7]. Кроме того, между субъектами Российской Федерации, заключившими договоры, возникли существенные различия в статусе в связи с дифференцированным подходом в определении прав, закрепляемых договорами.

Важной проблемой установления равноправия субъектов Российской Федерации является сложившаяся в современной России практика реализации бюджетно-финансовых отношений, отношений собственности и разграничения полномочий в сфере природопользования и землепользования, построенная на индивидуальном распределении финансовых, материальных благ и ресурсов на основе бессистемной политики и отдельных федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, актов федеральных министерств и ведомств в отношении конкретных субъектов Федерации.

Партикулярное регулирование экономических льгот, привилегий и преимуществ до сих пор играет доминирующую роль над законодательной политикой проведения единых подходов в предоставлении льгот для территорий через специально предусмотренные и четко очерченные для этого в федеральном законе формы и процедуры (бюджетные ассигнования, государственные программы, резервные фонды и др.). Переход на новую политику в этом направлении, отвечающую принципу равноправия субъектов Российской Федерации, требует конкретизации и изменения бюджетно-финансового законодательства, ограничения возможностей федеральной исполнительной власти, определения форм и процедур учета мнения субъектов Российской Федерации.

Осуществление принципа равноправия тесно связано и с проблемой равного статуса субъектов Российской Федерации. Согласно ст. 66 Конституции РФ статус субъектов Российской Федерации определяется федеральной Конституцией и конституцией (уставом) субъекта

Федерации [1]. В действительности же элементы статуса устанавливаются также федеральными законами и договорами, в которых разграничиваются предметы ведения и полномочия между федеральными и региональными органами государственной власти, определяются условия и порядок реализации отдельных прав субъектов Российской Федерации (например, Федеральные законы «О гражданстве Российской Федерации» [8], «О Государственной границе Российской Федерации» [9], «О чрезвычайном положении» [10] и др.). Представляется целесообразным принятие специальных законов о конкретных субъектах Российской Федерации. Так, например, были приняты законы Российской Федерации о статусе столицы России, о статусе Калининградской области. Таким образом, в силу наличия у субъектов Российской Федерации географических, геополитических и иных особенностей они объективно не могут обладать равным статусом, и это подтверждает практика текущего федерального законодательного регулирования статуса субъектов Федерации.

1. Конституция Российской Федерации. М., 2013.

2. Конституция Республики Мордовия от 21 сент. 1995 г. (с изм. и доп.).

3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ.

4. О судебной системе Российской Федерации: федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ.

5. Конституция (Основной Закон) Республики Саха (Якутия) от 4 апр. 1992 г. (с изм. и доп.).

6. Конституция Республики Татарстан от 6 нояб. 1992 г. (с изм. и доп.).

7. Конституция Республики Бурятия от 22 февр. 1994 г. (в ред. от 06.05.2013).

8. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ.

9. О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 1 апр. 1993 г. № 4730-1.

10. О чрезвычайном положении: федер. конституц. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ.

1. Constitution of the Russian Federation. Moscow, 2013.

2. Constitution of the Republic of Mordovia of Sept. 21, 1995 (with change and additions).

3. About the general principle of the organizations legislative (representative) and executive organ state authorities subject of the Russian Federation: fed. law of Oct. 6, 1999 № 184-FL.

4. About judicial system of the Russian Federation: fed. constitutional law of Dec. 31, 1996 № 1-FL.

5. Constitution (the Main Law) of the Republic of Saha (Yakutiya) of Apr. 4, 1992 (with change and additions).

6. Constitution of the Republic of Tatarstan of Nov. 6, 1992 (with change and additions).

7. Constitution of the Republic of Buryatiya of Febr. 22, 1994 (in ed. of 06.05.2013).

8. About citizenship of the Russian Federation: fed. law of May 31, 2002 № 62-FL.

9. About State border of the Russian Federation: law of the Russian Federation of Apr. 1, 1993 № 4730-1.

10. About exceeding position: fed. constitutional law of May 30, 2001 № 3-FCL.

Эфрикян Рубен Альбертович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

Звягольский Андрей Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612581426)

Полномочия органов местного самоуправления по предоставлению образования в СССР и России (1968–1995 гг.)

Статья посвящена рассмотрению вопросов нормативно-правового регулирования процесса образования в истории России. В частности, авторами анализируются полномочия местных Советов депутатов по организации предоставления школьного образования в СССР и России (1968–1995 гг.).

Ключевые слова: компетенция органов местной власти, полномочия органов местного самоуправления, образование, местные Советы, районо, гороно.

R.A. Efrikyan, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

A.Yu. Zvyagoliskiy, Doctor of History, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426.

Authorities of local home rule organs on granting the education in the USSR and Russia (1968–1995)

The article is dedicated to consideration of issues of normative-legal regulation of the process of the education in history of Russia. In particular, authors analysed authorities of the local Councils deputy on organizations of the granting the school education in the USSR and Russia (1968–1995).

Key words: competency of local home rule organs, authorities of local home rule organs, education, local Councils, regional department of public education, city department of public education.

Длительное время школьная система СССР испытывала серьезные материальные затруднения. Так, в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 10 ноября 1966 г. [1] указывалось, в частности, что «нуждается в серьезном укреплении учебно-материальная база школ. Между тем средства, выделяемые на эти цели, в ряде республик, краев и областей своевременно и полностью не осваиваются. Органы народного образования и здравоохранения не уделяют достаточного внимания соблюдению санитарно-гигиенического режима школ. Партийные организации, Советы депутатов трудящихся, комсомольские и профсоюзные организации все еще недостаточно оказывают помощь органам народного образования в организации обучения и воспитания детей, улучшении совместной работы

школы, семьи и общественности, повышении педагогической культуры населения». Исходя из этого предписывалось «в целях создания более благоприятных материально-технических условий для работы школ обязать Госплан СССР, Госстрой СССР, министерства и ведомства СССР и Советы Министров союзных республик предусматривать в сводных сметах вновь строящихся промышленных предприятий и ведомственных жилых массивов сооружение зданий общеобразовательных школ за счет капитальных вложений соответствующей отрасли. Установить, что строительство школ в сельской местности должно производиться в комплексе с квартирами для учителей, а восьмилетних и средних школ, как правило, и с интернатом для учащихся, проживающих в отдаленных от школы населенных пунктах. На строительство

интернатов и домов для учителей выделять средства целевым назначением за счет общих ассигнований на жилищное строительство. Определить, что школьный жилой фонд принадлежит органам народного образования и не подлежит заселению лицами, не работающими в школе... Учитывая широкий размах инициативного строительства школ колхозами и другими кооперативными организациями, Госплану СССР и Государственному комитету Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению выделять для этихстроек фонды на материалы и оборудование на общих основаниях со школами, возводимыми за счет государственных капитальных вложений» [1].

Эти и другие меры позволили существенно «подтянуть» материальную основу народного (дошкольного и школьного) образования. Определенным образом расширились и полномочия местных органов власти в сфере образования, что находило отражение в законодательных актах. Речь идет о следующих законах: «О районном Совете депутатов трудящихся РСФСР» от 29 июля 1971 г. [2] и «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» также от 29 июля 1971 г. [3]. Так, в Законе РСФСР «О районном Совете депутатов трудящихся РСФСР» указывалось, что «в соответствии с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР районный Совет депутатов трудящихся как орган государственной власти в районе решает все вопросы районного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета, проводит в жизнь решения вышестоящих государственных органов, руководит деятельностью нижестоящих Советов народных депутатов, участвует в обсуждении вопросов окружного, областного, краевого, республиканского и общесоюзного значения, вносит по ним свои предложения» (ст. 1). Достаточно четко были определены полномочия в области народного образования, где районный Совет народных депутатов (ст. 23):

1) руководит делом народного образования, дошкольного и внешкольного воспитания детей; обеспечивает всеобщее обязательное среднее образование молодежи; осуществляет учет детей школьного возраста;

2) принимает меры по укреплению связи школы с производством, улучшению трудового обучения, воспитания и профессиональной ориентации, по бесплатному обеспечению школьными учебниками учащихся общеобразовательных школ;

3) осуществляет контроль за работой не состоящих на районном бюджете детских домов, детских дошкольных и внешкольных учреждений;

4) принимает меры по укреплению учебно-материальной базы общеобразовательных и специальных школ, школ-интернатов, детских домов, детских дошкольных и внешкольных учреждений;

5) распределяет в установленном порядке фонд всеобуча, осуществляет контроль за его использованием;

6) обеспечивает бесплатный проезд учащихся сельской местности в школу и из школы, а также бесплатный подвоз учащихся к месту занятий по труду;

7) организует внешкольную работу с учащимися по месту их жительства;

8) решает в случаях и в порядке, установленных законодательством, вопросы о предоставлении гражданам льгот по содержанию детей в школах-интернатах, интернатах при школах, а также по плате за питание детей в школах (группах) с продленным днем;

9) обеспечивает устройство детей, оставшихся без родителей, в детские дома, школы-интернаты, интернаты при школах и на воспитание в семьи граждан; решает вопросы усыновления (удочерения), руководит делом опеки и попечительства над несовершеннолетними; осуществляет охрану прав несовершеннолетних; организует работу по предупреждению безнадзорности несовершеннолетних.

Здесь обращает на себя внимание несколько обстоятельств, если делать сравнение с полномочиями органов местного самоуправления муниципальных районов в настоящее время.

Во-первых, перечень этих полномочий закреплён в нормах государственного, а не образовательного права, что представляется правильным, и мы, когда обосновывали свое предложение о том, что таковые должны быть закреплены в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», учитывали и этот опыт советского законодателя.

Во-вторых, полномочия предоставлены даже шире, чем необходимы для районного звена (в части контроля за работой не состоящих на районном бюджете детских домов, детских дошкольных и внешкольных учреждений).

На наш взгляд, здесь также имеется рациональное звено. Сейчас, например, местные органы самоуправления не имеют полномочий контролировать деятельность детских домов, расположенных на территории соответствующего муниципального образования, и в результате такой бесконтрольности (органы власти субъекта Российской Федерации в силу отдаленности и малочисленности штата не имеют возможности осуществлять эффективное руководство) дет-

ские дома во многих регионах России влечат жалкое существование.

В-третьих, местным органам власти доверялось использовать весь бюджет по обеспечению образовательной деятельности в районе (в настоящее время, как отмечалось, оплата работников-педагогов осуществляется из бюджета субъекта Российской Федерации).

Такой подход государства в части полномочий местных органов власти в сфере образования оставался по сути своей неизменным до распада СССР. А отмеченный выше перечень полномочий даже после принятия Конституции СССР 1977 г. [4] изменился незначительно. К тому времени стали реальностью основные этапы осуществления образовательной политики Советского государства: 1930 г. – введение всеобщего обязательного начального обучения; 1949 г. – введение всеобщего обязательного 7-летнего образования; 1958 г. – введение всеобщего обязательного 8-летнего образования; 1972 г. – введение всеобщего среднего обязательного образования.

Помимо законодательных актов, принимались также акты исполнительных органов власти, в которых закреплялись и корректировались отдельные полномочия местных органов власти в сфере образования. Так, в постановлении Совета Министров Союза ССР от 7 сентября 1970 г. [5] уточнялось полномочие по обеспечению работников просвещения жильем. В постановлении Совета Министров Союза ССР от 12 апреля 1984 г. [6] говорилось о повышении ответственности исполкомов местных Советов народных депутатов как единых заказчиков за рациональное размещение и строительство детских дошкольных учреждений, при этом имелось в виду осуществлять первоочередное строительство этих учреждений в районах с высоким уровнем занятости женщин в общественном производстве и в городах-новостройках.

Мы полагаем, что такой подход был бы полезен и в настоящее время. В том же документе органам образования всех уровней (в том числе местных Советов) предписывалось принять меры к улучшению медицинского обслуживания и гигиенического воспитания детей в детских дошкольных учреждениях, осуществлять систематическое медицинское наблюдение за организацией питания, физическим развитием и состоянием здоровья детей, проведением оздоровительных мероприятий, обеспечить ежегодную диспансеризацию всех детей раннего и дошкольного возраста, добиваясь снижения их заболеваемости. Содержались в этом постановлении и лозунговые, ни к чему не обязывающие

требования, в частности исполкомы местных Советов народных депутатов совместно с профсоюзными органами обязывались обеспечить широкое развитие социалистического соревнования за повышение эффективности и качества работы детских дошкольных учреждений, проявлять постоянную заботу об улучшении быта, жилищных условий, охране здоровья, организации отдыха и культурного досуга работников этих учреждений [6] – такой «опыт», конечно, следует признать негативным.

Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 апреля 1984 г. [7] предписывалось закрепить за средними, девятилетними, а также специальными общеобразовательными школами базовые предприятия (организации), возложив на них, наряду с общеобразовательной школой, ответственность за организацию трудовой подготовки учащихся. Кроме того, исполкомы местных Советов народных депутатов должны были определять профили трудового обучения школьников, конкретное содержание общественно полезного, производительного труда учащихся, исходя из перечня профессий, утверждаемого Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам, Министерством просвещения СССР, Государственным комитетом СССР по профессионально-техническому образованию совместно с ВЦСПС, другими министерствами и ведомствами СССР, а также с учетом потребностей народного хозяйства в кадрах, наличия и возможностей развития производственной и учебно-материальной базы, особенностей городских и сельских школ осуществлять своевременное трудоустройство выпускников средних общеобразовательных школ.

Важным этапом в развитии образовательной системы СССР стала школьная реформа, начало которой было положено постановлением Верховного Совета СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» от 12 апреля 1984 г. [8]. Реформа школы проводилась в соответствии с программными установками июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и имела своей целью поднять ее работу на новый качественный уровень, соответствующий условиям и потребностям общества развитого социализма. Предполагалось, в частности, перейти к 11-летнему учебному циклу. Особое внимание уделялось трудовому обучению школьников.

В постановлении ряд позиций был обращен к органам местной власти. В частности, предписывалось «рассмотреть предложения и замечания граждан по вопросам работы школ и органов

народного образования, поступившие в связи с всенародным обсуждением проекта ЦК КПСС “Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы”, и принять необходимые меры по их реализации». Местные Советы народных депутатов, их исполнительные комитеты обязывались осуществить конкретные мероприятия по организации трудового обучения и воспитания, общественно полезного, производительного труда, профессиональной ориентации школьников, обеспечить на каждом рабочем месте учащихся безопасные условия их труда. Исполкомам местных Советов народных депутатов предписывалось изыскать возможности выделения и оборудования в жилых массивах помещений для работы с детьми и подростками, предусматривать такие помещения в проектах новых жилых кварталов. Далее, Советы народных депутатов, органы народного образования, профсоюзные и комсомольские организации обязаны были принимать необходимые меры по закреплению педагогических кадров, сокращению их текучести, постоянно заботиться об улучшении условий труда и быта, медицинском обслуживании, санаторном лечении учителей, предоставлять им жилье в первоочередном порядке [8].

Важным представляется решение Верховного Совета СССР о повышении роли управленческих структур в районных Советах: «Укрепить районное звено управления образованием с учетом его важной роли в организации деятельности школ, дошкольных и внешкольных учреждений, в подборе, расстановке и повышении квалификации педагогических кадров, укреплении связи школы с производством, улучшении постановки трудового обучения и профессиональной ориентации, первоначальной профессиональной подготовки учащихся старших классов на базе учебно-производственных комбинатов, профтехучилищ, учебных цехов предприятий. Районное звено должно взять на себя заботу о хозяйственном обеспечении учебно-воспитательных учреждений» [8].

Однако сразу следует заметить, что многие положения реформы так и не были реализованы. Одной из причин этого стала политика «перестройки», начавшаяся, как известно, с середины 1980-х гг. с приходом к управлению государством М.С. Горбачева, в рамках которой были пересмотрены многие аспекты внутренней и внешней политики СССР.

После распада СССР институт местного управления (самоуправления) стал развиваться по направлению западной модели. Так, в марте 1990 г. III съезд народных депутатов

СССР высказался за повышение роли Советов как фундамента самоуправления народа. 9 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [9]. В целом законодательное оформление новой российской государственности вначале шло постепенно, путем принятия поправок к действующей Конституции РСФСР, законов, деклараций, указов Президента РФ по отдельным вопросам функционирования соответствующих институтов [10, с. 79; 11, с. 17–23]. Затем 6 июля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» [12], определивший основные тенденции государственной политики в сфере местного самоуправления. Тогда же в рамках уже самостоятельной России принимались решения в сфере образования. Более того, первый нормативный правовой акт новой российской государственной власти был посвящен именно образованию. В преамбуле Указа Президента РСФСР от 11 июля 1991 г. № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» [13] говорилось о приоритетности сферы образования, исключительной значимости образования для развития интеллектуального, культурного и экономического потенциала России.

В законе о местном самоуправлении полномочия муниципальных органов нашли определенное отражение. Так, в ст. 45 указывалось, что районные Советы «самостоятельно определяют направления использования средств местных бюджетов; увеличивают, исходя из имеющихся средств, нормы расходов на содержание жилищно-коммунального хозяйства, учреждений здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, культуры, спорта, органов охраны правопорядка, охраны природы». Согласно ст. 63 в числе полномочий районной администрации в области социально-культурного обслуживания населения указаны: осуществление управления всеми находящимися в ведении района учреждениями народного образования, культуры, здравоохранения, социального обеспечения, физкультурно-спортивными учреждениями, обеспечения их материально-технического снабжения; назначение и освобождение от должности руководителей соответствующих учреждений, если Советом не предусмотрен иной порядок; планирование развития на территории района сети учреждений народного образования; организация оказания школам методической помощи; создание районного фонда всеобщего за счет собственных и привлеченных средств; содействие организации трудового обучения и профориентации школьников [12].

Аналогичные полномочия и структуры были определены и для городского самоуправления. Что касается поселкового и сельского уровней, то уже тогда законодатель решил, что им не следует передавать какие-либо полномочия в сфере образования, и такой подход сохраняется до сих пор. В следующем законе о местном самоуправлении – Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 12 августа 1995 г. [14] – вопрос полномочий органов местного самоуправления в сфере образования уже приобрел концептуально ту форму, которая использована и в действующем Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г., и если точнее, то в п. 6 ч. 2 ст. 4 закреплено следующее полномочие: «организация, содержание и развитие

муниципальных учреждений дошкольного, основного общего и профессионального образования». Такой подход малопродуктивен, но, к сожалению, законодатель не отказался от него в последующем и действующем ныне законе о местном самоуправлении [15].

Таким образом, можно констатировать, что в Советском государстве школьное образование (просвещение) стало всеобщим, при этом оно находилось под влиянием коммунистической идеологии. Институт местного самоуправления в нынешнем его понимании в СССР не действовал, поскольку все органы управления, снизу доверху, составляли единую вертикаль государственной власти. Вместе с тем, опыт местных Советов по руководству образовательной сферой по ряду аспектов заслуживает внимания современного законодателя.

1. О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы: постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 нояб. 1966 г. № 874 // СП СССР. 1966. № 24.

2. О районном Совете депутатов трудящихся РСФСР: закон РСФСР от 29 июля 1971 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 31. Ст. 653.

3. О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР: закон РСФСР от 29 июля 1971 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 31. Ст. 654.

4. Конституция СССР 1977 г. М., 1977.

5. Об упорядочении удержания Советами народных депутатов жилой площади в домах, построенных для предприятий и организаций: постановление Совета Министров Союза ССР от 7 сент. 1970 г. № 741 // СП СССР. 1970. № 20.

6. О дальнейшем улучшении общественно-дошкольного воспитания и подготовке детей к обучению в школе: постановление Совета Министров Союза ССР от 12 апр. 1984 г. № 317 // СП СССР. 1984. № 22.

7. Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно-полезного, производительного труда: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 апр. 1984 № 314 // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. Ст. 278-2.

8. Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы: постановление Верховного Совета СССР от 12 апр. 1984 № 13-XI // Ведомости ВС СССР. 1984. № 16. Ст. 237.

1. About measures of the further improvement of the functioning the average general school: resolution of the CC of the CPSS and the Ministers Council of the USSR of Nov. 10, 1966 № 874 // JV USSR. 1966. № 24.

2. About district Advice deputy toiling of the RSFSR: law of the RSFSR of July 29, 1971 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1971. № 31. Art. 653.

3. About town, district in city Advice deputy toiling of the RSFSR: law of the RSFSR of July 29, 1971 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1971. № 31. Art. 654.

4. The Constitution of the USSR of 1977. Moscow, 1977.

5. About sequencing of deduction Advice public deputy floorspace in house, built for enterprise and organization: resolution of the Ministers Council of the USSR of Sept. 7, 1970 № 741 // JV USSR. 1970. № 20.

6. About the most further improvement of the public preschool education and preparation children to education in school: resolution of the Ministers Council of the USSR of Apr. 12, 1984 № 317 // JV USSR. 1984. № 22.

7. About improvement of the labor upbringing, education, professional orientation schoolboys and organizations their public useful, production labour: resolution of the CC of the CPSS and the Ministers Council of the USSR of Apr. 12, 1984 № 314 // Code of the laws of the USSR. 1990. T. 3. Art. 278-2.

8. About the main trends of the reform general and professional school: resolution of the Supreme Soviet of the USSR of Apr. 12, 1984 № 13-XI // Vedomosti of the Supreme Court of the USSR. 1984. № 16. Art. 237.

9. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР: закон СССР // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. Ст. 267.

10. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: Теоретико-правовые основы взаимодействия. М., 2002.

11. Эфрикян Р.А. Разграничения компетенции органов государственной и муниципальной власти в сфере образования // Юрист-Правоведъ. 2012. № 4(53).

12. О местном самоуправлении в РСФСР: закон РСФСР от 6 июля 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

13. О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР: указ Президента РСФСР от 11 июля 1991 г. № 1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1025.

14. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 28 авг. 1995 г. № 154-ФЗ // Рос. газ. 1995. 1 сент.

15. Звягольский А.Ю., Эфрикян Р.А. Социальное назначение права на образование и законодательная база деятельности органов местного самоуправления в образовательной сфере // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 320–323.

9. About the general basis of the local home rule and local facilities in the USSR: law of the USSR // Code of the laws of the USSR. 1990. T. 1. Art. 267.

10. Koveshnikov E.M. State and local home rule in Russia: Theorist-legal bases of the interaction. M., 2002.

11. Efrikyan R.A. Delimitations to competencies of organ state and municipal authorities in the sphere of education // Yurist-Pravoved. 2012. № 4(53).

12. About local home rule in RSFSR: law of the RSFSR of July 6, 1991 // Vedomosti of the Convention public deputy of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 29. Art. 1010.

13. About priority measures on development of education in the RSFSR: edict of the President of the RSFSR of July 11, 1991 № 1 // Vedomosti of the Convention public deputy and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 31. Art. 1025.

14. About the general principle of the organizations of the local home rule in the Russian Federation: fed. law of Aug. 28, 1995 № 154-FL // Rus. newsp. 1995. Sept. 1.

15. Zvyagoliskiy A. Yu., Efrikyan R.A. The Social purpose of the right on education and legislative base to activity of organs of local home rule in educational sphere // Society and law. 2012. № 2(39). P. 320–323.

Коваленко Наталья Владимировна

адъюнкт кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612561426)

Право на местный референдум как муниципальное политическое право и его обеспечение органами местного самоуправления

В статье исследуется фундаментальное право жителей муниципального образования на волеизъявление по вопросу местного значения. Рассматриваются обязанности органов местного самоуправления по обеспечению права на местный референдум.

Ключевые слова: референдум, гарантии прав личности, местное самоуправление, муниципально-правовой статус личности, муниципально-правовые отношения, правовое положение личности.

N.V. Kovalenko, Adjunct of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612561426.

Right on local referendum as municipal political right and its provision by organs of local home rule

The article deals with the fundamental right of the inhabitants of the municipality on the expression of will on the issue of local importance. Discusses the responsibilities of the local authorities to ensure the right to a local referendum.

Key words: referendum, guarantees of rights to personality, local home rule, municipal-legal status to personality, municipal-legal relations, legal position to personality.

Референдум, согласно ч. 2 ст. 3 Конституции России, является формой высшего непосредственного выражения власти народа. Это право применительно к муниципальным образованиям закреплено в ст. 22 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о местном самоуправлении 2003 г.). Основные обязанности органов местного самоуправления по обеспечению субъективного права жителей муниципального образования на местный референдум определены в ст. 22 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. и сводятся к следующим действиям: назначение местного референдума представительным органом местного самоуправления (ч. 5 ст. 22); опубликование решения, принятого на местном референдуме (ч. 6 ст. 22); исполнение решения, принятого на местном референдуме (ч. 6, 7 ст. 22).

При этом дискуссии вызывает, в первую очередь, обязанность назначения референдума представительным органом местного само-

управления, которой мы уделим значительное внимание. Прежде всего отметим, что в Федеральном законе о местном самоуправлении 2003 г., помимо указания на то, что референдум назначается представительным органом местного самоуправления, устанавливается также срок, в течение которого должно быть принято решение представительного органа местного самоуправления, – этот срок составляет тридцать суток со дня поступления в представительный орган документов о выдвижении инициативы о проведении местного референдума.

При этом сама процедура выдвижения инициативы определяется Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме» (ст. 36–38). Этим актом предусматривается, что для выдвижения инициативы проведения местного референдума необходимо образовать инициативную группу численностью не менее десяти жителей муниципального образования. Следует заметить, что закон не допускает иного варианта выдвижения инициативы проведения местного референдума. Между тем до 2005 г. инициатором проведения местного референдума могло

быть общественное объединение, руководящий орган которого мог выступать в качестве инициативной группы, причем независимо от своей численности. Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» этот субъект инициативы проведения референдума на местном уровне был устранен.

Мы полагаем, что это была ошибочная позиция законодателя, поскольку она отнюдь не способствует развитию в муниципальных образованиях гражданского общества, состояние которого и без того находится на крайне низком уровне, причем на протяжении уже достаточно длительного периода времени, во всяком случае тенденций к его активизации не наблюдается с момента принятия Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. [1, с. 518–524]. (В этом контексте Э.Р. Курманов полагает, что имеет место так называемая «природная» низкая правовая активность жителей России [2, с. 17], с чем трудно согласиться, однако в дискуссию по этому поводу мы не вступаем.) Необходимо также учесть, что местный референдум – это та форма осуществления населением права на местное самоуправление, воспользоваться которой готовы 35% опрошенных жителей муниципальных образований, что уступает только муниципальным выборам (по данным исследования М.В. Бутыриной [3, с. 12]). В этой связи мы полагаем целесообразным ч. 1 ст. 36 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» изложить в первоначальной редакции избирательного закона, т.е. в редакции от 12 июня 2002 г. Инициативная группа по проведению местного референдума, согласно ч. 2 ст. 36 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», обращается в муниципальную избирательную комиссию с «ходатайством» о регистрации инициативной группы, в котором указываются вопросы референдума, а также все реквизиты документов, удостоверяющих личность членов инициативной группы. Ходатайство подписывается всеми членами инициативной группы, к нему прилагается также протокол заседания инициативной группы, на котором выдвигалась референдная инициатива.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что федеральный законодатель применяет термин «ходатайство», который во всех словарях толкуется прежде всего как «просьба, прошение», а в словаре синонимов ему соответствует, среди прочих, «челобитная» [4, с. 486; 5,

с. 501]. Получается, что жители муниципального образования должны обращаться в избирком с челобитной, должны «просить», что абсурдно, поскольку данное право является конституционным и жители муниципального образования должны не «просить», а в установленном порядке реализовывать свое право на местный референдум. Конечно, данный аспект не является фундаментальным и с чисто юридической точки зрения большого значения не имеет.

Однако если иметь в виду сущность взаимоотношений власти и общества, то здесь явно довлеют отношения «начальник – подчиненный», хотя должно быть равное взаимодействие, тем более, что речь идет о возможности реализации высшей формы народовластия. Поэтому вместо термина «обращается с ходатайством» целесообразно использовать термин «представляет документы о регистрации инициативной группы по проведению референдума». В этом же контексте представляется неправильным участие на данном этапе подготовки к проведению референдума избиркома муниципального образования.

Во-первых, как следует из ч. 2 ст. 39 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г., избирком муниципального образования, будучи муниципальным органом, не входит в структуру органов местного самоуправления, т.е. не является органом местного самоуправления. При этом само понятие муниципального органа и в этой связи понятие избирательной комиссии муниципального образования является дискуссионным и с правовой точки зрения недостаточно четко определенным, на что уже неоднократно обращалось внимание в литературе [6, с. 84–91; 7, с. 68–71], а Ю.И. Гревцов и Е.Б. Хохлов считают, что категория «муниципальный орган» не имеет практического смысла, являясь «юридической химерой фантомного характера» [8, с. 4]. Ряд исследователей полагает, что избиркомы составляют самостоятельную ветвь публичной власти. Однако мы не имеем целью разбирать в настоящей статье приводимые доводы (основной из них заключается в принципе и процедуре формирования ЦИК), отметим лишь, что это только гипотезы, пока не имеющие правового значения. Для устранения создавшейся коллизии в литературе предлагается отказаться от термина «муниципальный орган» и в содержание полномочий органов местной власти включить назначение местного референдума и муниципальных выборов, оказание организационного и иного содействия избирательным комиссиям в подготовке и проведении местного референдума, муниципальных

выборов, голосования [9, с. 244–245]. Однако такое предложение не меняет сути статуса избирательных комиссий, который определяется прежде всего полномочиями избирательной комиссии. Следует отметить, что, не будучи органом местного самоуправления, избирательные комиссии не являются органами публичной власти (это следует прежде всего из толкования ч. 3 ст. 3 Конституции России, согласно которой в числе органов власти могут быть только органы государственной власти и органы местного самоуправления). Отсюда следует, что избиркомы не могут в принципе влиять на решение регистрировать или не регистрировать инициативную группу, что де-факто означает проводить или не проводить местный референдум.

Во-вторых, на начальном этапе избирательной комиссии, собственно, нечего считать, ведь решение о сборе подписей в поддержку референдума принимает представительный орган местного самоуправления.

Поэтому необходимые документы инициативная группа по проведению местного референдума должна сразу представлять в представительный орган местного самоуправления, где она и должна быть зарегистрирована. После приема предусмотренных документов, которые должна представить инициативная группа, представительный орган должен сразу определиться с правомочностью постановки референдного вопроса (через обсуждение в депутатских комиссиях с последующим решением на пленарном заседании представительного органа). И только после этого представительный орган местного самоуправления регистрирует (также решением на пленарном заседании) инициативную группу по проведению местного референдума.

Подчеркнем, что до этого избирательная комиссия муниципального образования не включается в процесс, поскольку по сути своего предназначения она выполняет техническую, т.е. счетную функцию на основе своей независимости от органов местного самоуправления, и выполнение этой функции начинается с подсчета подписей, собранных инициативной группой в поддержку проведения местного референдума, а затем, если референдум состоится, в органи-

зации проведения и определении результатов голосования.

Еще одно неоднозначное нормативное положение в части обязанностей органов местного самоуправления содействовать реализации органами местного самоуправления политических прав жителей муниципального образования связывается с абз. 2 ч. 5 ст. 22 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г., согласно которому в случае, если представительный орган местного самоуправления не назначает местный референдум в указанный в законе срок, местный референдум проводится по решению суда, причем в суд вправе обращаться ограниченный круг субъектов, а именно: граждане, глава муниципального образования, избирательные объединения, избирательная комиссия субъекта Российской Федерации, органы госвласти субъекта Российской Федерации, прокурор. При этом, однако, законодатель не регулирует вопрос об ответственности представительного органа местного самоуправления в случае непринятия акта о назначении местного референдума в установленный срок (в отличие от непринятия актов по исполнению решений, принятых на местном референдуме, за что предусматривается ответственность согласно ст. 45 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г.).

Мы полагаем, что это неправильно, поскольку тем самым нарушается фундаментальное право жителей муниципального образования на волеизъявление по вопросу местного значения. Поэтому, как нам представляется, в случае, если просрочка установленного срока принятия решения представительным органом местного самоуправления составит тридцать и более дней, то глава субъекта Российской Федерации на основании обращения жителей муниципального образования вправе поставить вопрос о роспуске представительного органа местного самоуправления в порядке ч. 1 ст. 73 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. Кроме того, такая мера может стать эффективной гарантией государства (в лице главы субъекта Российской Федерации) данного важнейшего политического права жителей муниципального образования.

1. Патрушев С.В., Айвазова С.Г. и др. Доведение, гражданское действие, политика: опыт «старых» и «новых» демократий // Россия реформирующаяся. М., 2008. Вып. 7.

2. Курманов Э.Р. Некоторые предпосылки для реализации права на участие в мест-

1. Patrushev S.V., Ayvazova S.G. et al. Confidence, civil action, the policy: experience «old» and «new» democracy // Russia reformative. Moscow, 2008. Iss. 7.

2. Kurmanov E.R. Some premiseses for realization of the right on participation in local home

ном самоуправлении в условиях построения правового государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 1.

3. Бутырина М.В. Местное самоуправление – основа формирования гражданского общества // Вестн. Ивановского государственного энергетического университета. 2010. № 1.

4. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. М., 1999.

5. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2005.

6. Белоусова Е.В. Избирательная комиссия муниципального образования – муниципальный орган с неопределенным статусом // Российский юридический журнал. 2010. № 4.

7. Чаннов С.Е., Правдин Д.Г. Муниципальные органы и органы местного самоуправления: общее и особенное // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 68–71.

8. Гревцов Ю.И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5.

9. Бялкина Т.М. Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования. Воронеж, 2006.

rule in condition of the building legal state // State power and local home rule. 2005. № 1.

3. Butyrina M.V. The Local government – basis of forming of civil society // Bull. of Ivanovo State Power Engineering University. 2010. № 1.

4. Dictionary of the russian synonyms and cognate expressions on sense / ed. by N. Abramov. Moscow, 1999.

5. Aleksandrova Z.E. Dictionary of the synonyms of the russian language. M., 2005.

6. Belousova E.V. The electoral commission of the municipal formation is a municipal organ with vague status // Russian legal journal. 2010. № 4.

7. Channov S.E., Pravdin D.G. Municipal organs and organs of the local home rule: the general and especial // Constitutional and municipal law. 2011. № 9. P. 68–71.

8. Grevtsov Yu.I., Hohlov E.B. About legal and dogmatic chimera in modern russian jurisprudence // Jurisprudence. 2006. № 5.

9. Byalkina T.M. Competency of the local home rule: problems to theories and legal regulation. Voronezh, 2006.

Суслова Светлана Игоревна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Иркутского юридического института (филиала)
Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
(e-mail: svetsuslova@yandex.ru)

Судейское и административное усмотрение как правовая форма жилищных отношений

Исследуются особенности жилищных отношений, приводящих к широкому закреплению в законодательстве возможностей для судейского усмотрения. Автор полагает, что учет конкретных жизненных обстоятельств является необходимой чертой правоприменения в области жилищных отношений.

Ключевые слова: жилищные отношения, судейское усмотрение, административное усмотрение.

S.I. Suslova, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Civil Law and Procedure of the Irkutsk Legal Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: svetsuslova@yandex.ru

The judicial and administrative discretions as a legal form of housing relations

The article investigates the characteristics of housing relations, leading to a broad implementation of legislative opportunities for judicial discretion. The author believes that the inclusion of specific life circumstances is a necessary feature of the application of the law by the courts in the field of housing relations.

Key words: housing relations, judicial discretion, administrative discretion.

В правовых исследованиях характеристика отношений, складывающихся в обществе, может быть проведена с точки зрения логико-нормативной и социологической их интерпретации, что позволяет выделить единичные правовые формы (формы индивидуальных действий участников отношений) и общие правовые формы (правовые формы общественных отношений). Жилищные отношения, как вынужденные отношения [1], обладают определенными признаками, к которым следует отнести относительную степень их добровольности и принудительности. Эти особенности позволяют облечь их в правовую форму с точки зрения социологического подхода, учитывающего индивидуальные особенности каждого возникшего случая. Речь идет о форме правоприменительного (судейского и административного) усмотрения.

Проблема судейского усмотрения и принципы, на которых оно должно строиться, получили широкое освещение в юридической литературе. Причем наиболее полно в процессуальных науках [2; 3; 4]. В отраслях материального права последовательно этот вопрос разработан применительно к уголовному праву [5; 6; 7], а вот исследование наличия возможностей для судейского усмотрения с позиции частного права представлено лишь фрагментарно.

Следует согласиться, что у судейского усмотрения есть три объекта: факт, применение нормы и сама норма. «При этом первый тип усмотрения касается фактов в сопоставлении с нормой; второй тип имеет дело с нормой в сопоставлении с фактами; третий включает нормы в сопоставлении с нею самой и прочей частью нормативной системы» [8]. Последний тип судейского усмотрения нам наименее интересен, поскольку может быть отнесен к вопросам толкования нормы, обнаружения ее места в системе законодательства, установления ее взаимосвязи с иными нормами. Другими словами, этот вид судейского усмотрения имеет иную плоскость изучения. Нас же интересует вопрос об индивидуальности возникшего отношения и способности судьи сформулировать различные возможности или долженствования при одинаковых конструкциях абстрактных правовых форм.

Первый тип судейского усмотрения имеет непосредственное применение к предлагаемому взгляду на возникающие общественные отношения, поскольку именно в таком ракурсе исследователи справедливо говорят не о «нормативном» аспекте анализа судейского усмотрения, а именно о фактическом. Существовал ли определенный факт в реальности, чтобы породить определенные правовые последствия

для данного конкретного случая, или не существовал? Или реальность факта лишь сводится к его доказанности? А что может бесспорно доказать существование факта в реальности? Не создается ли этим судьей иная (не существовавшая в действительности) реальность? Этими философскими вопросами не могут не задаваться исследователи, занимающиеся проблемами судебного усмотрения. Очевидно здесь лишь одно – судья имеет возможность признать факт наличествующим или провозгласить его отсутствующим, что в итоге приведет к различным судебным решениям в сходных жизненных ситуациях.

Для жилищной сферы очень наглядным примером сказанного является проблема установления факта проживания/непроживания в жилом помещении. Анализ судебной практики это подтверждает. В определенных случаях доказательствами факта проживания выступают протоколы об административных правонарушениях о привлечении к ответственности за проживание без регистрации [9]. В других делах составленные акты осмотра жилого помещения, подписанные соседями и иными лицами, принимаются как основные доказательства, подтверждающие непроживание в жилом помещении [10], в третьих – суды не рассматривают их как бесспорные доказательства. Так, в одном из решений суда указывается: «Суд считает, что акт осмотра жилого помещения и справка о том, что ребенок ответчика наблюдается врачами по адресу... не могут служить бесспорными доказательствами непроживания в спорной квартире истца с семьей. Данный факт отрицает и Логинов В.С. То, что он не живет в другой квартире, подтверждается показаниями свидетелей...» [11].

Нарабатывается судебная практика по вопросам подтверждения факта проживания и по иным категориям дел. Так, проживание оценивается судами в случае выяснения факта надлежащего уведомления ответчиков: в обоснование причин пропуска установленного для подачи жалобы срока истица сослалась на то, что не была извещена надлежащим образом о времени и месте судебного разбирательства, поскольку копии документов по делу были направлены ей не по фактическому месту жительства и месту работы, а по месту ее регистрации, по которому она не проживает [12]. Оплата отдельных видов коммунальных услуг рассчитывается исходя из количества проживающих, что также требует подтверждения в случае возникновения спора: «Установив указанные обстоятельства, арбитражные суды пришли к выводам о недоказанности истцом факта проживания педагога

Нерсесян Э.А. в спорный период по указанному адресу и потребления электрической энергии в заявленном размере и, как следствие, отсутствия оснований для удовлетворения иска» [13]. Факт совместного проживания устанавливаются лица, претендующие на получения государственных жилищных сертификатов [14].

Второй тип судебного усмотрения, уже относящийся к нормативному аспекту его изучения, тем не менее, также напрямую затрагивает вопросы персонификации и индивидуализации общественного отношения. Он отражает наличие у судьи выбора из ряда альтернативных путей применения нормы к данной совокупности существовавших фактов. При этом такой выбор может иметь место и в случаях использования в законодательстве оценочных понятий, и в случаях прямого наличия возможности усмотрения. Именно применительно к этому ракурсу изучения судебного усмотрения говорят о конкретизации и индивидуализации. «Судья дает праву его реальную и конкретную форму. Поэтому можно сказать, что статут в конечном счете кристаллизуется в форме, какую ему придает судья», – пишет А. Барак, цитируя высказывание одного из судей. И от себя добавляет дальше: «Оправдание для этого заключается в необходимости индивидуализации. ...Дебаты вращались вокруг желательности такого типа законодательства и вопроса о том, не слишком ли велика цена, которую мы платим за индивидуализацию» [8, с. 22–23].

Вынужденные отношения, базирующиеся на необходимости удовлетворения физиологической потребности, оформляются в правовые формы (в частности, в виде различных субъективных прав и обязанностей). Однако, учитывая индивидуальные особенности каждого конкретного случая, судебные инстанции могут признать наличие возможности осуществления определенного правомочия в составе субъективного права, а в других – отрицать ее существование. В частности, в ЖК РФ содержится положение о том, что наниматель и члены его семьи имеют право на принудительный обмен жилого помещения. Однако осуществление данной возможности поставлено в зависимость от того, каким образом будут учтены доводы и интересы лиц, затронутые реализацией подобного правомочия. Учет доводов о болезни, инвалидности, нахождении рядом с домом медицинских учреждений, детских садов, школ и многое другое становятся теми индивидуальными рамками, которые в одних случаях дают возможность осуществить заложенную в норме права возможность, а в других – полностью ее блокируют.

Практических примеров применения данной нормы можно привести огромное количество. В одних ситуациях суды не находят оснований для реализации возможности на проведение обмена, несмотря на весомые, на первый взгляд, аргументы, в других – считают необходимым учесть доводы заявителя. Примером первого может служить решение Бологовского городского суда Тверской области от 25 июля 2011 г. Ни один из нижеприведенных аргументов не убедил суд в том, что принудительный обмен не может состояться: ссылка на более старый год постройки дома, чем тот, в котором ответчик с детьми проживает в настоящее время; на болезнь одного из детей бронхиальной астмой средней степени тяжести и нахождение возле дома, в который просит переселить ответчика с детьми истец, растущих тополей, что вызовет аллергическую реакцию ребенка на тополиный пух; указание на то, что состояние предлагаемой квартиры не соответствует требованиям СанПиН, в квартире повышена температура воздуха и влажность; квартира без ремонта, паркет на полу в жилой комнате разошелся, в ванной комнате требуется ремонт, ванная подлежит замене. В квартире, где проживают дети, сделан ремонт, у каждого из детей отдельная комната, после переселения этого не будет, а дети разного пола. Примером второго подхода может выступить решение Орджоникидзевского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 18 мая 2011 г. Приведенные доводы суд посчитал достаточными для отказа в принудительном обмене: переезд в общежитие с худшими бытовыми условиями (отсутствие отдельной ванны, туалета, кухни) и скопление большого количества незнакомых людей могут значительно ухудшить состояние здоровья; район, в котором проживает лицо, ему знаком с детства, соседи по дому его также давно знают и могут оказать помощь; в новом микрорайоне ответчик не сможет ориентироваться; для постоянного контроля за сыном мать ответчика нашла работу рядом с домом, в случае принудительного обмена не сможет уходить домой и ухаживать за сыном.

Присутствуют в законодательстве и такие ситуации, в которых норма права отдает на усмотрение судьи саму возможность возникновения субъективного права того или иного вида, а также прекращения субъективного права. Так, согласно ст. 31 ЖК РФ суд может обязать собственника «обеспечить иным жилым помещением» бывшего члена семьи, в отношении которого исполняются алиментные обязательства: другими словами, самостоятельно определить, какое субъективное право на жилое

помещение должно возникнуть и на какое жилое помещение. У субъекта в силу нормы закона возникает лишь право требовать обеспечить другим жилым помещением, а вся дальнейшая конкретизация такого обеспечения возложена на судебные инстанции.

Примером учета конкретных жизненных обстоятельств в случае прекращения существования субъективного права может служить установленное в ст. 83 ЖК РФ право заинтересованных лиц на расторжение договора социального найма в случае выбытия нанимателя и членов его семьи на иное постоянное место жительства. Однако практическое применение данной нормы далеко от ее законодательной дефиниции: суды не ограничиваются выяснением вопроса о том, выбыл ли наниматель на другое место жительства или нет. Известно, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 14 [15] достаточно четко указано на необходимость выяснения судами причин и сроков отсутствия в жилом помещении, вынужденный или добровольный, постоянный или временный характер выезда, наличие или отсутствие препятствий к вселению, а также наличие прав на другое жилое помещение и исполнение обязанностей в рамках договора социального найма. Помимо указанных обстоятельств, достаточно часто суды выясняют иные факты, подтверждающие намерение лица по сохранению прав на жилое помещение, и в ущерб иным доказательствам выносят противоречивые решения. Так, по одному из дел суд отказал в расторжении договора социального найма при наличии доказательств добровольности выезда, отсутствия желания проживать в спорном помещении, невнесения платежей за содержание и ремонт жилого помещения. Одним из основных доводов суда было непринятие во внимание аргумента истца о том, что ответчик не пытался вселиться в спорное жилое помещение, поскольку вправе был реализовывать право пользования указанной квартирой путем постановки вопроса о ее размене [16]. По другому делу в схожей ситуации суд констатирует, что намерение получить денежную компенсацию своей доли не может свидетельствовать о том, что ответчик принимал меры к сохранению права пользования спорным жилым помещением [17].

Нередки для области вынужденных отношений и традиционные понятия, требующие оценки судами применительно к каждому конкретному случаю: «отсутствие оснований приобретения или осуществления права пользования иным жилым помещением», «имущественное положение субъектов», «другие заслуживающие внимания

обстоятельства», а также сохранение этого права на «определенный срок» (ст. 31 ЖК РФ).

С вопросами об усмотрении в праве тесно соприкасаются и проблемы, связанные с усмотрением публичных органов власти или, иначе, административным усмотрением. В сфере вынужденной деятельности обращение к данным вопросам представляет несомненный интерес, поскольку одну из частей составляет относительно-несвободная деятельность.

Проиллюстрируем пример административного усмотрения как такой правовой формы, которая придает индивидуальность общим возможностям и долженствованиям, сформулированным в норме-суждении. В ст. 53 ЖК РФ предусматриваются последствия намеренного ухудшения гражданами своих жилищных условий, выражающиеся в праве органа местного самоуправления отказывать лицу в постановке на учет в течение пяти лет с момента совершения соответствующих действий. Границы административного усмотрения в рамках данной статьи отсутствуют, что приводит на практике к многочисленным случаям отказа в постановке на учет по формальным соображениям: любой переезд, регистрация в другом жилом помещении, продажа или дарение доли в праве собственности,

продажа или дарение жилого помещения и пр. рассматриваются как намеренное ухудшение жилищных условий. Это приводит к колоссальному количеству судебных дел о признании незаконным отказа в принятии на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении и понуждении принять на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении. Представляется, что органы местного самоуправления, как и суды, наделены правом принимать соответствующее решение, исходя из конкретных жизненных ситуаций: переезд в связи с поиском работы [18], вынужденный переезд в связи с состоянием здоровья и возраста [19], продажа жилья в связи с болезнью члена семьи и невозможностью совместного проживания [20] или продажа жилья с целью получения дорогостоящего лечения и обеспечение выживания в условиях отсутствия возможности получения доходов от трудовой деятельности [21] и др.

Таким образом, можно резюмировать, что социологический подход позволяет выделить судебское и административное усмотрение как одну из правовых форм жилищных отношений, приводящих к индивидуализации возможностей и долженствований исходя из учета конкретных жизненных обстоятельств.

1. Сулова С.И. О критерии вынужденности участия в жилищных отношениях // Семейное и жилищное право. 2011. № 1. С. 32–34.

2. Папкина О.А. Судейское усмотрение в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

3. Хайдаров А.А. Судейское усмотрение и его пределы в судебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

4. Янюшкина О.А. История становления судебного усмотрения в арбитражном судопроизводстве // Вопросы гуманитарных наук. 2006. № 6(27). С. 239–245.

5. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

6. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. М., 2009.

7. Севастьянов А.П. Пределы судебного усмотрения при назначении наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

8. Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. / науч. ред. В.А. Кикоть, Б.А. Страшун; вступ. ст. М.В. Баглай. М., 1999.

9. Постановление Верховного Суда РФ от 31 мая 2011 г. № 20-АД11-1 (документ опубли-

1. Suslova S.I. On criteria for compulsory participation in the Housing Act // Family and housing law. 2011. № 1. P. 32–34.

2. Papkova O.A. Judicial discretion in civil proceedings: diss. ... Master of Law. Moscow, 1997.

3. Hajdarov A.A. Judicial discretion and its limits in judicial stages of the criminal process in Russia: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2011.

4. Yanyushkina O.A. History of the formation of the judicial discretion in arbitration proceedings // Questions humanities. 2006. № 6(27). P. 239–245.

5. Gracheva Yu.V. Judicial discretion in criminal law: diss. ... Master of Law. Moscow, 2002.

6. Kaufman M.A. Gaps in the criminal law and judicial discretion. Moscow, 2009.

7. Sevastyanov A.P. Limits of judicial discretion in sentencing: auth. abstr. ... Master of Law. Krasnoyarsk, 2004.

8. Barak A. Judicial discretion: transl. from English / sci. ed. V.A. Kykot, B.A. Strashun; introd. M.V. Baglaj. Moscow, 1999.

9. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of May 31, 2011 № 20-AD11-1 (the document has not been published) // Access from HLS «ConsultantPlus. Version. Prof».

10. Decision of Mariinsky city court of Kemerovo region of May 11, 2010. URL: <http://rospravosudie.com> (address date: 22.01.2013).

кован не был) // Доступ из СПС «Консультант Плюс. Версия. Проф».

10. Решение Мариинского городского суда Кемеровской области от 11 мая 2010 г. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 22.01.2013).

11. Решение Чусовского городского суда Пермского края от 2 апр. 2012 г. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 22.01.2013).

12. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-западного округа от 22 сент. 2008 г. по делу № А44-2447/20071 (документ опубликован не был) // Доступ из СПС «Консультант Плюс. Версия. Проф».

13. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 янв. 2011 г. № А78-9278/2009 (документ опубликован не был) // Доступ из СПС «Консультант Плюс. Версия. Проф».

14. О признании членами семьи и установлении факта проживания: решение Сунженского районного суда Республики Ингушетия от 9 июля 2010 г. № 2-814/2010. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 21.01.2013).

15. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

16. Решение Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 16 июня 2010 г. URL: kuibyshevsky.irk.sudrf.ru (дата обращения: 12.10.2011).

17. Решение Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 22 сент. 2010 г. URL: kuibyshevsky.irk.sudrf.ru (дата обращения: 12.10.2011).

18. Решение Урайского городского суда ХМАО от 3 февр. 2012 г. по делу № 2-44/2012. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 14.02.2013).

19. Решение Ростовского областного суда от 26 июля 2012 г. по делу № 33-8615/12. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 14.02.2013).

20. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Удмуртия от 18 окт. 2012 г. по делу № 33-2003/2012. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 14.02.2013).

21. Решение Урайского городского суда ХМАО от 10 нояб. 2010 г. по делу № 2-723/2010. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 14.02.2013).

11. Decision of Chusovskoy city court of Perm region of Apr. 2, 2012. URL: <http://rospravosudie.com> (address date: 22.01.2013).

12. Resolution of the Federal arbitration court of the Northwest district of Sept. 22, 2008 on case № А44-2447/20071 (document has not been published) // Access from HLS «ConsultantPlus. Version. Prof».

13. Resolution of the Federal arbitration court of the East Siberian region of Jan. 17, 2011 № А78-9278/2009 (document has not been published) // Access from HLS «ConsultantPlus. Version. Prof».

14. On recognition of family members and the establishment of the fact of residence: decision of Sunzha district court of the Republic of Ingushetia of July 9, 2010 № 2-814/2010. URL: <http://rospravosudie.com> (address date: 21.01.2013).

15. On some issues that have arisen in judicial practice in the application of the Housing Code of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 2, 2009 № 14 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. № 9.

16. Decision of the Kuibyshev district court in Irkutsk of June 16, 2010. URL: kuibyshevsky.irk.sudrf.ru (address date: 12.10.2011).

17. Decision of the Kuibyshev district court in Irkutsk of Sept. 22, 2010. URL: kuibyshevsky.irk.sudrf.ru (address date: 12.10.2011).

18. Decision of the Urai city court KhMAO of Febr. 3, 2012 on case № 2-44/2012. URL: <http://rospravosudie.com> (address date: 14.02.2013).

19. Decision of the Rostov regional court of July 26, 2012 on case № 33-8615/12. URL: <http://rospravosudie.com> (address date: 14.02.2013).

20. Appeal of the Supreme Court of the Republic of Udmurtia of Oct. 18, 2012 on case № 33-2003/2012. URL: <http://rospravosudie.com> (address date: 14.02.2013).

21. Decision of the Urai city court KhMAO of Nov. 10, 2010 on case № 2-723/2010. URL: <http://rospravosudie.com> (address date: 14.02.2013).

Чернега Виталий Николаевич

аспирант кафедры гражданского и трудового права
Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова
(e-mail: spaik_vit@ukr.net)

Концепт добросовестности и соответствия нравственным началам общества в семейном праве

В статье анализируются научные положения в области гражданского и семейного права по вопросу об определении содержания принципов добросовестности и соответствия нравственным началам общества. Предпринимается попытка определения понятия принципов добросовестности и соответствия нравственным началам общества в современном украинском семейном праве. Обосновывается идея о целесообразности рассмотрения этих нравственно-правовых начал в двух аспектах.

Ключевые слова: добросовестность, нравственные начала общества, нравственно-правовые принципы, общественная мораль, семейные отношения.

V.N. Chernega, Post-graduate of a Chair of Civil and Employment Law of the National Pedagogical Dragomanov University; e-mail: spaik_vit@ukr.net

Concept of good faith and accordance to moral principles of society in family law

The article is analysed opinion of specialists in area of civil law and family law directly on a question about determination of principles of good faith and accordance to moral principles of society. The attempt of determination of principles of good faith and accordance to moral principles of society in the modern Ukrainian family law is undertaken. An idea about expedience of consideration of these moral-legal principles in dual aspects is grounded.

Key words: good faith, moral principles of society, moral-legal principles, public moral, family relations.

В соответствии с ч. 9 ст. 7 Семейного кодекса Украины (далее – СК Украины) семейные отношения регулируются на началах справедливости, добросовестности, разумности, соответствия нравственным началам общества [1]. Однако пока украинское семейное законодательство и судебная практика не дают толкования упомянутых нравственно-правовых принципов; не уделено должного внимания этой проблеме и в семейно-правовой науке, хотя такая необходимость очевидна. Основные же достижения в этом вопросе сформированы преимущественно в науке гражданского права Украины (Т.В. Боднар, Н.С. Кузнецова, В.Н. Махинчук, В.Д. Примак и др.). Одними из последних работ, касающихся этой проблематики и свидетельствующих о ее актуальности, в Украине являются кандидатские диссертации Ю.А. Тоботы «Принцип справедливости, добросовестности и разумности в гражданском праве» [2] и И.М. Шарковой «Принцип добросовестности (bona fides) в римском частном праве и его рецепция в гражданское законодательство Украины» [3]. Непосредственно же в семейно-правовой

теории этой проблемой интересуются не так много специалистов (О.В. Грицак, Г.А. Миронова, Е.О. Харитонов и др.), причем в разрезе более общих вопросов, что является весьма важной предпосылкой для ее дальнейшей разработки.

Целью настоящей статьи является формулирование дефиниций добросовестности и соответствия нравственным началам общества в семейном праве, а также определение потенциальных возможностей рассмотрения упомянутых нравственно-правовых принципов.

Прежде всего, сконцентрируем свое внимание на таком нравственно-правовом принципе, как добросовестность. Этимологически значение прилагательного «добросовестный» предполагает наличие у носителя «доброй совести». «Добро» же означает все положительное в жизни людей, что отвечает их интересам, желаниям, мечтам; благо; добро, полезное дело, поступок и т.д. [4, с. 255]. Слово «совесть» определяет чувство моральной ответственности за поведение, поступки перед собой, людьми, обществом; моральные принципы; убеждения [4, с. 814].

Современные правоведы рассматривают принцип добросовестности преимущественно в

контексте гражданско-правового регулирования общественных отношений, которое значительно шире, чем семейно-правовое. При этом высказывается спорное, на наш взгляд, мнение о том, что вообще невозможно определить ни понятие добросовестности, ни его параметры, ни подходы к его пониманию [5, с. 10].

Следует отметить, что взгляды ученых по этому вопросу часто являются диаметрально противоположными. Например, Ю.А. Тобота считает, что под принципом добросовестности в гражданском праве следует понимать связанное со справедливостью и разумностью участников гражданских правоотношений свойство проявления их поведения, заключающееся в обязанности выявить необходимые в данных обстоятельствах заботу и осмотрительность в отношении прав и интересов других участников гражданских правоотношений, а также старательно выполнять взятые на себя гражданские обязанности [2, с. 6–7]. Другие же юристы объясняют понятие добросовестности как стремление старательно (укр. – сумлінно) реализовать гражданские права и обеспечить выполнение гражданских обязанностей [6, с. 10].

Известный российский цивилист В.П. Грибанов подчеркивал в свое время, что сущность принципа добросовестности заключается в соблюдении участником имущественного оборота моральных и других неправовых социальных норм [7, с. 226–227]. Достаточно лаконично обозначила добросовестность российская исследовательница Т.В. Дерюгина: это принцип осуществления гражданских прав, который формирует такую направленность поведения, когда с учетом своих интересов субъект не нарушает права и законные интересы других лиц [8, с. 9].

Авторитетные мнения высказывают и ведущие украинские цивилисты. Так, профессор Н.С. Кузнецова отмечает, что в рамках обязательства начала добросовестности конкретизируются как общая обязанность, предполагающая необходимость: каждой стороне сделать все, что взаимно облегчит выполнение обязательства, и избегать того, что может их усложнить или сделать невозможным их выполнение; избегать нарушения прав другой стороны; действительно делать совместно все, что необходимо для достижения цели договора; предоставлять необходимую информацию о выполнении первоначальных действий по реализации обязательства [9, с. 13].

Итак, как свидетельствует анализ специальной литературы, в основном цивилисты склонны считать, что принципом добросовестности является старательная реализация предостав-

ленных гражданских прав, а также обеспечение надлежащего исполнения гражданских обязанностей.

Однако отметим, что существует множество иных дефиниций принципа добросовестности в гражданском праве, но предметом нашего исследования является соответствующее понятие в семейном праве.

Из-за отсутствия непосредственного исследования принципа добросовестности в семейном праве остается пока не решенным вопрос об определении этого понятия в рамках семейных правоотношений. Так, в одних источниках утверждается, что добросовестность «предполагает такое отношение участников процесса регулирования семейных отношений к определению их содержания, которое обеспечивает надлежащее исполнение последних» [10, с. 24]. В других отмечается, что добросовестность означает фактическую честность субъектов в их поведении [11, с. 13].

Учитывая наработки цивилистической науки в этом вопросе, полагаем целесообразным определить принцип добросовестности в семейном праве как одну из нравственно-правовых идей, в соответствии с которой формируется семейно-правовое регулирование отношений и разрешение споров на основании порядочности, добрых намерений, заботливости, максимально возможного содействия достижению единых общих целей семьи или интересов отдельных ее участников.

Более того, на наш взгляд, следует выделить несколько ракурсов принципа добросовестности в семейном праве. Первый проявляется в том, что добросовестность является обеспечиваемой государством нравственно-правовой моделью (порядочного, с добрыми намерениями, заботливого, максимально возможного содействия достижению единых общих целей семьи или интересов отдельных ее участников) урегулирования семейных отношений и разрешения споров (внешнее регулирование). Второй ракурс добросовестности в семейном праве заключается в том, что она является непосредственным проявлением (порядочного, с добрыми намерениями, заботливого, максимально возможного содействия достижению единых общих целей семьи или интересов отдельных ее участников) саморегулирования (межсубъектного регулирования) семейных отношений и разрешения споров (внутреннее регулирование).

Наряду с принципом добросовестности, в семейном праве не менее важным является принцип соответствия нравственным началам

общества. Следует констатировать, что в цивилистической теории не существует общепризнанной трактовки понятия «нравственные начала общества», вокруг него ведутся дискуссии. Так, Г.А. Миронова объясняет их как общий этический порядок, в котором человеческое существование приобретает свой смысл, содержательное наполнение и целевую определенность [12, с. 99]. Такое толкование недостаточно обоснованно, поэтому было справедливо, на наш взгляд, подвергнуто критике. В частности, потому что «во-первых, трудно определить однозначно, что такое “общий этический порядок”, во-вторых, трудно согласиться с тем, что существование общего этического порядка вообще возможно» [13, с. 39].

Украинский правовед С.А. Погребной прямо указывает, что нравственные начала общества – это основные принципы общественной морали, т.е. признанная и поддержанная большинством членов общества система жизненных принципов, взглядов, суждений, оценки людей, а также соответствующих им норм поведения, отражающая сложившиеся в обществе взгляды о добре и зле, о долге, о справедливости и несправедливости, о достоинстве и бесчестии, о порядочности и постыдности и т.д. [14, с. 24–25]. Само же определение общественной морали является законодательно закрепленным, в частности, в ст. 1 Закона Украины «О защите общественной морали», где указано, что это «система этических правил поведения, сложившихся в обществе на основании традиционных духовных и культурных ценностей, представлений о добре и зле, чести и достоинстве, общественном долге, совести, справедливости» [15].

Некоторые ученые обращают внимание на несовершенство законодательного определения общественной морали, аргументируя это тем, что, раскрывая мораль как систему этических норм, законодатель допустил тавтологию, поскольку этика и является философским исследованием сущности, целей и причин морали и нравственности. Кроме того, даже при наличии такого подробного определения категория «общественная мораль» не лишается своего оценочного характера, поскольку законодателем не сформулировано, какие именно объекты следует относить к духовным и культурным ценностям. К тому же остается открытым вопрос о том, какие именно ценности следует считать «традиционными», какой именно период необходим для их упрочения в конкретном обществе. Также, когда при раскрытии указанной дефиниции упоминаются представления о добре, чести, достоинстве и т.п., целесообразно было бы дополнить это определение словами «и иные

общечеловеческие ценности», расширив, таким образом, их перечень, который в принципе не может быть исчерпывающим [16, с. 42–43].

Мы же солидарны с мнением некоторых цивилистов, отмечающих, что «понятия общественной морали и нравственных начал общества в контексте гражданского законодательства не являются тождественными. Общественная мораль в определенной мере отражает основную идеологию общества, его цивилизационные ценности на определенной стадии развития. Ее основы отражены в конституционных принципах общественного строя. Идея же соответствия нравственным началам общества не привносит идеологизации в сферу гражданско-правовых отношений, так как базируется на общечеловеческих ценностях» [17, с. 60].

Таким образом, одни ученые отождествляют понятия «нравственные начала общества» и «общественная мораль», в то время как другие настаивают на их разграничении. Важно отметить, что также высказывается мнение о необходимости разграничения категорий «нравственные начала общества», «нравственность». Отдельные ученые аргументируют свою позицию тем, что «нравственные начала общества в гражданском праве отражают систему устоявшихся взглядов, сложившихся в сознании людей на основании их представлений о добре, человечности, достоинстве, совести, справедливости, и отличаются от самого понятия нравственности, которое является еще более общим» [17, с. 60].

В СК Украины широко используется категория «нравственные начала общества», применение которой в семейно-правовой практике весьма затруднительно, тем более что в науке семейного права принцип соответствия нравственным началам общества до сих пор еще разработан недостаточно и мнения ученых не являются согласованными. К примеру, О.В. Грицак трактует нравственные начала общества в этой сфере как систему духовных ориентиров, связанных с семейными ценностями: надлежащим выполнением родительских обязанностей, уважительным отношением к женщине-матери, равноправием супругов и т.п. [16, с. 42]. Авторитетное в юридической науке мнение высказано представителями одесской цивилистической школы: соответствие нравственным началам общества требует учитывать при установлении правил поведения в сфере семейных отношений мировоззренческие основы, ментальность, традиции и обычаи, сформировавшиеся в течение длительного времени и сознательно передающиеся от поколения к поколению [10, с. 24].

Альтернативное предположение сведено к тому, что соответствие нравственным началам общества следует рассматривать как принцип, с помощью которого законодатель конкретизирует нравственные идеи в категориях прав и обязанностей, т.е. формирует конкретные модели семейно-правовых норм, а субъекты семейного права координируют свои поступки с представлениями о высшей человеческой добродетели, идеалах человеческого сознания, идеях добра и справедливости; «в более общем виде это требование может быть сформировано как соответствие идее добра и справедливости, направленность на достижение всего положительного в жизни людей, что отвечает их интересам, желаниям, мечтам» [18, с. 39].

Обобщая эти достижения, отметим, что принцип соответствия нравственным началам общества в семейном праве выступает одной из нравственно-правовых идей, положенной в основу семейно-правового регулирования отношений и разрешения споров. Соответствие этому принципу требует регулирования семейных отношений на основании взглядов на семью, сложившихся в сознании членов социума в соответствии с их представлениями о добре, человечности, достоинстве, долге, совести, справедливости и иных общечеловеческих ценностях, приобретших значение господствующих в данном обществе.

Следует выделить несколько аспектов принципа соответствия нравственным началам общества в семейном праве. Во-первых, соответствие нравственным началам является обеспечиваемой государством нравственно-правовой моделью (взглядов на семью, сложившихся в сознании членов социума на основании их представлений о добре, человечности, достоинстве, долге, совести, справедливости и иных общечеловеческих ценностях, приобретших значение господствующих в этом обществе) урегулирования семейных отношений и разрешения споров (внешнее регулирование). Во-вторых,

соответствие нравственным началам общества является непосредственным проявлением (доброго, человеческого, достойного, совестливого, справедливого, а также соответствующего иным общечеловеческим ценностям, являющимся господствующими в этом обществе) саморегулирования (межсубъектного регулирования) семейных отношений и разрешения споров (внутреннее регулирование).

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать следующие выводы.

1. Принцип добросовестности в семейном праве представляет собой одну из нравственно-правовых идей, в соответствии с которой формируется семейно-правовое регулирование отношений и разрешение споров на основании порядочности, добрых намерений, заботливости, максимально возможного содействия достижению единых общих целей семьи или интересов отдельных ее участников.

2. Принцип соответствия нравственным началам общества в семейном праве – это одна из нравственно-правовых идей, на которой базируется семейно-правовое регулирование отношений и разрешение споров на основании взглядов на семью, сложившихся в сознании членов социума на основании их представлений о добре, человечности, достоинстве, долге, совести, справедливости и иных общечеловеческих ценностях, приобретших господствующее значение в данном обществе.

3. Существуют весомые основания рассматривать принципы добросовестности и соответствия нравственным началам общества в семейном праве, во-первых, как обеспечиваемую государством нравственно-правовую модель урегулирования семейных отношений и разрешения споров (внешнее регулирование), во-вторых, как непосредственное проявление саморегулирования (межсубъектного регулирования) семейных отношений и разрешения споров (внутреннее регулирование).

1. Семейный кодекс Украины от 10 янв. 2002 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. 2002. № 21/22. Ст. 135.

2. Тобота Ю.А. Принцип справедливости, добросовестности и разумности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2011.

3. Шаркова И.М. Принцип добросовестности (bona fides) в римском частном праве и его рецепция в гражданское законодательство Украины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2011.

1. Family code of Ukraine of Jan 10, 2002 // Vedomosti of the Verkhovna Rada of Ukraine. 2002. № 21/22. Art. 135.

2. Tobota Yu.A. The principle of justice, good faith and reasonableness in civil law: auth. abstr. ... Master of Law. Kharkov, 2011.

3. Sharkova I.M. The principle of good faith (bona fides) in Roman private law and its reception in the civil legislation of Ukraine: auth. abstr. ... Master of Law. Kiev, 2011.

4. Современный толковый словарь украинского языка: 100000 слов / под общ. ред. В.В. Дубичинского. Харьков, 2011.
5. Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // Вестн. ВАС РФ. 1997. № 7.
6. Гражданский кодекс Украины: комментарий / под общ. ред. Е.О. Харитонова и О.М. Калитенко. Харьков, 2003.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.
8. Дерюгина Т.В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2011.
9. Кузнецова Н.С. Принципы современного обязательственного права Украины // Украинское коммерческое право. 2003. № 4.
10. Научно-практический комментарий к Семейному кодексу Украины / под ред. Е.О. Харитонова. 2-е изд., доп. Харьков, 2008.
11. Онищенко О.В. Семейное право: учеб. пособие. Киев, 2009.
12. Миронова Г. Нравственные начала Семейного кодекса Украины // Право Украины. 2004. № 4.
13. Семейный кодекс Украины: науч.-практ. коммент. / под ред. И.В. Жилинковой. Харьков, 2008.
14. Погребной С.А. Механизм и принципы регулирования договорных отношений в гражданском праве Украины: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 2009.
15. О защите общественной морали: закон Украины от 20 нояб. 2003 г. // Вестник Верховной Рады Украины. 2004. № 14. Ст. 192.
16. Грицак О.В. Нравственные начала общества как оценочная категория украинского гражданского права // Адвокат. 2010. № 3(114).
17. Шимон С. Идея нравственности в гражданском праве // Юридическая Украина. 2008. № 3.
18. Шимон С.И. Семейное право: учеб. пособие. Киев, 2011.
4. Modern Ukrainian language dictionary: 100000 words / gen. ed. by V.V. Dubichynskiy. Kharkov, 2011.
5. Vitryansky V.V. The Civil code and the court // Bull. of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1997. № 7.
6. Civil code of Ukraine: comment. / gen. ed. by E.O. Kharitonov and O.M. Kalitenko. Kharkov, 2003.
7. Gribanov V.P. Realization and defence of civil rights. Moscow, 2000.
8. Deryugyna T.V. Theoretical problems in the field of realization of equitable civil rights: auth. abstr. ... Dr of Law. Volgograd, 2011.
9. Kuznetsova N.S. The principles of modern contractual law of Ukraine // Ukrainian commercial law. 2003. № 4.
10. Scientific and practical commentary to the Family code of Ukraine / ed. by E.O. Kharitonov. 2nd ed., add. Kharkov, 2008.
11. Onishchenko O.V. Family law: study aid. Kiev, 2009.
12. Mironova G. Moral principles of the Family code of Ukraine // Law of Ukraine. 2004. № 4.
13. Family code of Ukraine: sci. and pract. comment. / ed. by I.V. Zhylinkova. Kharkov, 2008.
14. Pogrebnoy S.A. Mechanism and principles of adjusting of contractual relations in civil law of Ukraine: auth. abstr. ... Dr of Law. Kiev, 2009.
15. About defence of public moral: law of Ukraine of Nov. 20, 2003 // Vedomosty of the Verkhovna Rada of Ukraine. 2004. № 14. Art. 192.
16. Grytsak O.V. The moral principles of society as assessment category of the Ukrainian civil law // Advocate. 2010. № 3(114).
17. Shimon S. The idea of morality in civil law // Juridical Ukraine. 2008. № 3.
18. Shimon S.I. Family law: study aid. Kiev, 2011.

Ображиев Константин Викторович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Академии Генеральной прокуратуры РФ
(e-mail: okv79@mail.ru)

Перспективы расширения системы источников российского уголовного права

В статье доказывается, что существующая система формальных источников уголовного права с точки зрения ее элементного состава в основном адекватна потребностям уголовно-правового регулирования. В условиях стабильности факторов внешней среды, в которых функционирует рассматриваемая система, реализация доктринальных предложений о ее дальнейшем расширении (например, посредством институциональной кодификации уголовно-правовых норм, включения уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство) нецелесообразна.

Ключевые слова: источники уголовного права, кодификация уголовно-правовых норм, дополнительное уголовное законодательство.

K.V. Obrazhiev, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair on Criminal Law Disciplines of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: okv79@mail.ru

Prospects for expanding the system of sources of Russian criminal law

The article proves that the current system of formal sources of criminal law with regard to its elemental composition is generally adequate to the needs of criminal legal regulation. In conditions of stability factors of the external environment in which operates the system under consideration, the implementation of doctrinal proposals for its further expansion (eg by institutional codification of criminal law rules, incorporating criminal prohibitions in regulatory legislation) is impractical.

Key words: sources of criminal law, codification of criminal law rules, additional criminal legislation.

П риступая к исследованию перспектив развития системы формальных источников уголовного права России, отметим, что имеющиеся в уголовно-правовой литературе предложения относительно совершенствования рассматриваемой системы в основном сводятся к необходимости ее расширения за счет включения в нее новых элементов. При этом все большую популярность приобретает идея создания отдельных уголовных законов вне рамок УК РФ путем институциональной кодификации уголовно-правовых норм (институциональная кодификация представляет собой создание нормативного правового акта, который систематизирует нормы права, действующие в рамках подотрасли, института или подинститута права [1, с. 227]). Например, ряд специалистов, исходя из положений ч. 3 ст. 331 УК РФ, предлагают обособить в самостоятельном законодательном акте уголовное законодательство военного времени [2, с. 101; 3, с. 10, 30; 4, с. 96]. Достаточно активно дискутируется в уголовно-правовой науке и идея о создании кодекса уголовных проступков. (Как известно, в советской уголовно-правовой науке с этой идеей одной из первых выступила Н.Ф. Кузнецова [5],

которая последовательно отстаивала ее и в дальнейшем [6].) Так, обосновывая необходимость более глубокой дифференциации уголовной ответственности посредством выделения категории уголовных проступков, В.П. Коняхин и М.С. Жук указывают, что «специфика правовой регламентации отношений, возникающих в связи с совершением уголовного проступка, будет требовать ее технического оформления на уровне отдельного нормативного правового акта (Кодекса уголовных проступков)» [7, с. 6–9]. В другой работе М.С. Жук выступает за еще более широкую институциональную кодификацию уголовно-правовых норм, отмечая, что на уровне отдельного уголовного закона заслуживают регулирования три группы общественных отношений: отношения в связи с совершением преступлений несовершеннолетними; отношения в связи с совершением воинских преступлений в военное время и отношения в связи с совершением уголовных проступков [8, с. 140].

Оценивая подобные предложения, нельзя не обратить внимание на то, что они противоречат учредительным уголовно-правовым предписаниям, сформулированным в ч. 1 ст. 1 УК РФ («новые законы, предусматривающие уголовную

ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс») и ч. 1 ст. 3 УК РФ («преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом»). Тем не менее, в теоретическом плане соответствующие доктринальные инициативы по расширению системы юридических источников уголовного права, безусловно, заслуживают не только внимания, но и всестороннего обсуждения. Однако прежде чем вступить в дискуссию о целесообразности расширения рассматриваемой системы за счет принятия самостоятельных уголовных законов, выделенных посредством институциональной кодификации, представляется необходимым сделать ряд замечаний общего характера.

Во-первых, развитие любой системы есть не что иное, как реакция на изменившиеся внешние факторы, что в полной мере относится и к системе юридических источников права (в том числе и уголовного). «Изменение внешней среды ведет к необходимым коррективам системы источников права. Такая коррекция есть залог ее устойчивости и надежности в осуществлении своей части работы по обеспечению правового регулирования» [9, с. 87–88]. Следовательно, расширение системы формальных источников уголовного права, равно как и иное ее изменение, целесообразно только при условии, если соответствующие трансформации вызваны динамикой факторов внешней среды ее функционирования (общей системы источников российского права, уголовно-правовой политики и доктрины, правоприменительной практики и др.).

Во-вторых, в соответствии с методологическими постулатами системного подхода включение в систему нового элемента оправдано только при условии, если он вписывается в ее общую структуру, не нарушает ее целостность и внутреннюю согласованность соответствующей системы, позволяет повысить ее функциональные возможности и эффективность. В противном случае расширение системы нецелесообразно, т.к. «мертвый» или «выпадающий» из системы элемент, как правило, «останавливает» всю систему; в результате она лишается качества системности и снижает или полностью утрачивает свою эффективность [10, с. 15]. Эта системная закономерность срабатывает и в системе формальных источников права: «В соответствии с системными качествами, в нее без особых трудностей включаются новые источники права, наличие которых вызвано потребностями правового регулирования, и, напротив, находясь в сложной взаимосвязи с другими элементами

правовой системы, она не воспринимает те источники права, свойства и функции которых пока не являются насущными потребностями правового регулирования» [9, с. 123].

Преломляя вышеизложенное к системе юридических источников уголовного права, можно заключить, что в настоящее время основания для ее расширения посредством институциональной кодификации уголовно-правовых норм отсутствуют. В условиях стабильности факторов внешней среды, в которых функционирует рассматриваемая система, для отступления от заявленного курса на полную кодификацию первичных уголовно-правовых предписаний нет никаких объективных предпосылок (уголовно-политических, правоприменительных и т.п.). Не может служить основанием для институциональной кодификации уголовно-правовых норм и известная специфика отношений, которые предлагается регламентировать в самостоятельных уголовных законах (в частности, в Военно-уголовном кодексе, Кодексе уголовных проступков, Законе об уголовной ответственности несовершеннолетних). Признавая эту специфику, отметим, что она не меняет самой сути соответствующих уголовно-правовых отношений, т.к. отношения, возникающие в связи с совершением воинских преступлений в военное время, в связи с совершением уголовных проступков, в связи с совершением преступлений несовершеннолетними, порождаются тем же самым юридическим фактом, что и иные охранительные уголовно-правовые отношения, – фактом совершения уголовного правонарушения (преступления либо уголовного проступка, разумеется, в случае выделения такового), ничем не отличаясь от них ни по своему субъектному составу, ни по содержанию.

Серьезные сомнения в целесообразности институциональной кодификации уголовно-правовых норм связаны и с тем, что самостоятельные уголовные законы, судя по замыслу инициаторов их принятия, будут выполнять те же функции, что и УК РФ, – служить внешней формой выражения первичных, а также конкретизирующих и коллизионных уголовно-правовых предписаний. А значит, количественное расширение элементного состава системы формальных источников уголовного права за счет включения в нее самостоятельных уголовных законов приведет лишь к функциональному дублированию элементов этой системы, что вряд ли повысит ее функциональные возможности и эффективность. Скорее наоборот, появление в рассматриваемой системе новых элементов, дублирующих функции УК РФ и находящихся с

ним на одном иерархическом уровне, послужит предпосылкой к возникновению неразрешимых коллизий между ними и, в конечном итоге, к разбалансировке системы. Поэтому обсуждаемое направление развития системы юридических источников уголовного права, по нашему глубокому убеждению, в современных условиях не имеет серьезных перспектив.

В практическом плане это, в частности, означает, что пробел в уголовно-правовом регулировании отношений, возникающих в связи с совершением преступлений против военной службы в военное время или боевой обстановке, следует устранить не посредством принятия Военно-уголовного кодекса, а путем дополнения существующего УК РФ. «В рамках действующего уголовного законодательства Российской Федерации и системы уголовного права России единственно приемлемым вариантом является образование новой главы в разделе XI УК РФ, в которой были бы закреплены соответствующие составы преступлений, совершаемые в военное время или в боевой обстановке, а также внесение изменений в статьи Общей части УК РФ касательно уточнения порядка и условий назначения наказания в такой обстановке и иных вопросов (освобождения от наказания, от уголовной ответственности и т.д.)» [11, с. 105]. Примечательно, что именно такой подход был взят за основу при подготовке проекта федерального закона № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования военно-уголовного законодательства)», внесенного на рассмотрение рядом депутатов Государственной Думы РФ.

Сказанное полностью относится и к регламентации уголовных проступков. Поддерживая в целом идею о необходимости более детальной дифференциации уголовной ответственности и выделения категории уголовных проступков, считаем необходимым подчеркнуть, что реализация этой идеи отнюдь не предполагает обособления уголовных проступков в отдельном акте уголовного законодательства – Кодексе уголовных проступков. Понятие, виды и уголовно-правовые последствия уголовных проступков намного предпочтительнее регламентировать в рамках УК РФ, что позволит добиться концентрации первичных уголовно-правовых предписаний в одном юридическом источнике, обеспечить согласованность уголовно-правовых предписаний, регулирующих различные категории преступлений, упростить правоприменение. В этом отношении заслуживает внимания проект новой редакции УК Республики Казахстан (внесен на рассмотрение Парламента Республики Казахстан

постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 сентября 2013 г. № 1009), в котором получил законодательную регламентацию уголовный проступок как разновидность уголовного правонарушения. Не стоит игнорировать и отечественный опыт кодификации уголовного законодательства – в первом официальном проекте УК РФ, представленном Президентом в Верховный Совет РСФСР 19 октября 1992 г., категория уголовных проступков выделялась также в рамках УК, а не в отдельном кодексе.

Не требует регламентации в самостоятельном уголовном законе и функциональный институт уголовной ответственности несовершеннолетних. Регламентируя особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания, назначения им наказания, а также специфику иных уголовно-правовых последствий совершения преступлений лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста (в частности, судимости), указанный институт призван обеспечить дифференцированный подход к уголовно-правовому воздействию на подростков. Очевидно, что подобная дифференциация уголовной ответственности и наказания должна осуществляться в том же юридическом источнике уголовного права, который определяет основания уголовной ответственности, т.е. в УК РФ.

В современной юридической литературе перспективы расширения системы формальных источников уголовного права связываются не только с институциональной кодификацией уголовно-правовых норм, но и с возможностью включения уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство. Так, например, Н.И. Пикуров предлагает включить уголовно-правовые санкции в ткань некоторых межотраслевых или моноотраслевых законов, регулирующих специфические общественные отношения (налоговые, таможенные и т.п.), полностью распространив на них режим Общей части УК РФ [12, с. 187].

Подобная практика получила распространение в Германии, Нидерландах, Франции, Швеции и некоторых других зарубежных странах. В Германии уголовно-правовые нормы, помимо УК ФРГ, содержатся более чем в 400 законах, например в Законе против неразрешенной конкуренции, Законах о налогах, о федеральном банке, о кредитных учреждениях, о торговле ценными бумагами, о бирже, об обороте наркотиков, о дорожном движении, о собраниях и демонстрациях, об обращении лекарственных средств, о продуктах питания человека, предметах первой необходимости и корме животных

(при этом соответствующие уголовно-правовые запреты действуют во взаимосвязи с предписаниями Общей части УК ФРГ) [13, с. 71–84; 14, 573–579].

Надо признать, что практика формулирования самостоятельных уголовно-правовых норм в регулятивных законах имеет одно неоспоримое достоинство, связанное с тем, что концентрация всего законодательного материала по конкретному вопросу в рамках одного нормативного правового акта «дает полную информацию об объеме правового воздействия на соответствующую область отношений» [15, с. 193]. В Германии, например, считается, что «уголовно-правовые нормы, непосредственно включенные в механизм правового регулирования отдельных сфер общественной жизни, более жизнеспособны. Действуя в комплексе с нормами других отраслей права, они воздействуют на правопорядок напрямую, подчеркивая, с одной стороны, значимость регулируемой сферы деятельности, а с другой – информируя субъектов соответствующих правоотношений об уголовно-правовых последствиях неисполнения (нарушения) требований специального закона» [16, с. 8]. Иными словами, включение уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство повышает их превентивный потенциал, т.к. позволяет лучше ознакомить с ними граждан, являющихся участниками соответствующих позитивных общественных отношений (таможенных, налоговых, кредитных, дорожно-транспортных и др.).

Признавая это обстоятельство, тем не менее, отметим, что целесообразность внедрения подобной практики в отечественное уголовное законодательство вызывает серьезные сомнения, т.к. она имеет весьма существенные недостатки, которые во многом (если не целиком) перечеркивают ее достоинства. Прежде всего, следует иметь в виду, что включение уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство создает реальную опасность рассогласования системы источников уголовного права и нарушения связей между ее элементами. В современных условиях, когда уголовно-правовая политика не имеет четких ориентиров, а законодательный процесс чуть ли не полностью подчинен конъюнктурным соображениям, крайне высока вероятность того, что уголовно-правовые запреты, включенные в регулятивные законы, будут противоречить УК РФ. Причем эти опасения не надуманы; они наглядно подтверждаются практикой, поскольку имеющиеся единичные факты включения первичных уголовно-правовых предписаний в межотраслевые (комплекс-

ные) федеральные законы сразу же породили коллизии между ними и УК РФ. Так, например:

предписания ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с последующими изменениями) о том, что «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступления, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности», не соответствуют УК РФ, который содержит исчерпывающий перечень оснований освобождения от уголовной ответственности;

предписания ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которые допускают возможность уничтожения воздушного судна при наличии достоверной информации о возможном его использовании для совершения террористического акта или о его захвате, невозможности его посадки, а также существовании реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы, не согласуются со ст. 39 УК РФ;

противоречат ст. 39 УК РФ и предписания ч. 2 ст. 8 Федерального закона «О противодействии терроризму», позволяющие уничтожить плавательное средство, если оно не подчиняется требованиям об остановке и (или) невозможно принудить его к остановке и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его остановки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы.

Впрочем, озабоченность вызывает не только сам факт возникновения коллизий между УК РФ и регулятивными законами, которые неизбежно возникнут в случае вкрапления в них уголовно-правового материала (ведь, как показывает практика, противоречия между различными источниками уголовного права – это, к сожалению, вполне обыденное явление). Намного опаснее то, что подобные коллизии неразрешимы, т.к. неуголовные федеральные законы обладают равной юридической силой с УК РФ. А значит, включение первичных уголовно-правовых предписаний в регулятивное законодательство способно разбалансировать систему формальных источников уголовного права, нарушить ее устойчивость и снизить эффективность ее функционирования.

Нельзя также не отметить, что внедрение уголовно-правовых запретов в неуголовные законы способно существенным образом усложнить правоприменительную деятельность. Весьма показательным в этом отношении можно считать опыт Германии. Поскольку в систему юридических источников уголовного права Германии наряду с УК ФРГ входят многочисленные «дополнительные» уголовные законы, «уголовное законодательство оказывается трудно обозримым, если вообще обозримым», в результате чего «использование (соблюдение, применение) норм уголовного права при наличии дополнительных законов требует особенно основательных знаний» [13, с. 72]. Неудивительно, что «такая разобщенность уголовно-правовых норм создает немалые трудности для правоприменения» [17, с. 63–67]. Пытаясь решить эту проблему, германский законодатель предпринимает активные шаги в направлении кодификации уголовного законодательства, последовательно изымая уголовно-правовые нормы из регулятивных законов: «Все последние годы происходит постепенное включение уголовно-правовых запретов, содержащихся в дополнительных законах, разумеется, в преобразованном виде, в Уголовный кодекс Германии» [13, с. 348]. Эта тенденция находит поддержку в научном сообществе Германии, представители которого выступают за полную кодификацию уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность. Как отмечает У. Хелльманн, «лучшим гарантом создания необходимых с точки зрения правовой политики и доктринально продуманных уголовных норм было бы внедрение всех составов преступного деяния в Уголовное уложение ФРГ. Такие “классические” составы, как налоговые деликты, деликты, связанные с оружием или наркотиками, должны быть перенесены в Уголовное уложение в любом случае» [14, с. 579]. На этом фоне стремление к расширению системы юридических источников российского уголовного права за счет включения уголовно-правовых норм в регулятивные законы вряд ли можно считать оправданным.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать, что предлагаемое в науке расширение элементного состава системы юридических источников российского уголовного права посредством включения уголовно-правовых норм в регулятивное законодательство не соответствует потребностям уголовного правового регулирования; более того, оно способно снизить функциональные возможности и эффективность указанной системы, нарушить ее устойчивость.

Что же касается достоинств этой идеи, которые, как отмечалось, заключаются в повышении превентивного потенциала соответствующих уголовно-правовых запретов, то аналогичного эффекта можно добиться более простым способом, не связанным с расширением системы формальных источников уголовного права. Достаточно указать в регулятивных законах, что определенные их нарушения влекут уголовную ответственность, как это сделано, в частности, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Так, этот Закон информирует субъектов отношений, возникающих в связи с охраной здоровья, что «незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации» (ч. 8 ст. 56); что «лица, незаконно занимающиеся медицинской деятельностью и фармацевтической деятельностью, несут уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ч. 7 ст. 69). Включение процитированных предписаний в указанный Закон предупреждает медицинских и фармацевтических работников об уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ) и незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК РФ), что повышает превентивный эффект соответствующих уголовно-правовых запретов, но не делает этот Закон формальным источником первичных уголовно-правовых норм, не размыкает систему источников уголовного права.

Таким образом, существующая система формальных источников уголовного права с точки зрения ее элементного состава в основном адекватна потребностям уголовного правового регулирования. В условиях стабильности факторов внешней среды, в которых функционирует рассматриваемая система, реализация доктринальных предложений о ее дальнейшем расширении нецелесообразна, тем более что предлагаемые трансформации способны нарушить целостность и внутреннюю согласованность этой системы. Наоборот, системе юридических источников уголовного права не помешает некоторое «сжатие», освобождение от лишних, чужеродных элементов, затрудняющих ее функционирование, в частности от неуголовных законов, которые содержат первичные уголовно-правовые предписания, не имеющие бланкетной связи с УК РФ. Как известно, подобные уголовно-правовые предписания содержат-

ся в УПК РФ, УИК РФ, Федеральных законах «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «О противодействии терроризму», причем вопреки принципу законности (ст. 3 УК РФ) они применяются на практике в качестве регуляторов уголовно-правовых отношений. Это вынуждает считать соответствующие иноотраслевые законы формальными источниками уголовного права [18, с. 192–199], хотя для системы источников уголовного права указанный элемент не явля-

ется функционально необходимым. Включение первичных уголовно-правовых предписаний в неуголовные законы размывает границы этой системы, нарушает ее устойчивость, поскольку создает предпосылки для возникновения неразрешимых юридических коллизий. А значит, этот элемент должен быть исключен из рассматриваемой системы, что предполагает полное изъятие первичных уголовно-правовых предписаний из неуголовных законов и, при необходимости, их перенос в УК РФ.

1. Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2006.

2. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

3. Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

4. Шулепов Н.А. Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих: дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2001.

5. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

6. Кузнецова Н.Ф. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. 2009. № 5.

7. Коняхин В.П., Жук М.С. Право уголовных проступков как подотрасль российского уголовного права: прогностический анализ // Российский следователь. 2012. № 23.

8. Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание / под науч. ред. В.П. Коняхина. Краснодар, 2010.

9. Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

10. Марченко М.Н. «Система» и системный характер права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007.

11. Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

12. Пикуров Н.И. Оправдана ли полная кодификация уголовного законодательства в современных условиях? // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2013.

1. Chuhvichev D.V. Legislative technique. Moscow, 2006.

2. Bibik O.N. Sources of criminal law of the Russian Federation: diss. ... Master of Law. Omsk, 2005.

3. Boyev V.I. Mechanism of legal regulation of the martial law regime: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2008.

4. Shulepov N.A. Theoretical basis for the realization of criminal responsibility of the military: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2001.

5. Kuznetsova N.F. Crime and criminality. Moscow, 1969.

6. Kuznetsova N.F. On improving the criminal law // Russian justice. 2009. № 5.

7. Konyahin V.P., Juk M.S. Criminal right offenses as the subsector of Russian criminal law: a prognostic analysis // Russian investigator. 2012. № 23.

8. Juk M.S. Institutes of the Russian criminal law: history of development and modern understanding / sci. ed. by V.P. Konyakhin. Krasnodar, 2010.

9. Gadzhinova F.M. Sources of law and their system in a modern Russian law: diss. ... Master of Law. Moscow, 2004.

10. Marchenko M.N. «System» and the systemic nature of the rights // Consistency in criminal law: proc. of the II Russian congress of criminal law, May 31 – June 1, 2007. Moscow, 2007.

11. Kaisin D.V. Sources of the criminal justice system of the Russian Federation: diss. ... Master of Law. Moscow, 2005.

12. Pikurov N.I. Whether justified full codification of criminal law in the present conditions? // Problems of codification of the criminal law: Past, Present, Future (dedicated to the 200th anniversary of the draft Criminal law of 1813): proc. of the VIII Russian congress of criminal law, May 30–31, 2013 / resp. ed. V.S. Comissarov. Moscow, 2013.

13. Zhalinsky A.E. Modern German criminal law. Moscow, 2006.

14. Hellmann Uwe. Critical analysis of modern criminal law of Germany // Criminal law:

13. Жалинский А.Э. *Современное немецкое уголовное право*. М., 2006.
14. Хелльманн Уве. *Критический анализ современного уголовного законодательства ФРГ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф., 27–28 янв. 2011 г. М., 2011.*
15. Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. *Унификация в уголовном праве*. СПб., 2008.
16. Шулёпова Л.Ф. *Дополнительное уголовное право Федеративной Республики Германии: понятие, система, источники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.*
17. Иванчин А.В., Грибов А.С. *О германском опыте конструирования составов экономических преступлений // Юридический мир. 2009. № 1.*
18. Ображиев К.В. *Обеспечение согласованности уголовного законодательства с предписаниями иных отраслей права как направление уголовно-правовой политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012.*
- development strategy in the XXI century: proc. of the Eighth Intern. sci.-pract. conf., Jan. 27–28, 2011. Moscow, 2011.*
15. Kruglikov L.L., Smirnova L.E. *Unification in criminal law*. St. Petersburg, 2008.
16. Shulepova L.F. *Additional criminal law of the Federal Republic of Germany: the concept, system, sources: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2005.*
17. Ivanchin A.V., Gribov A.S. *About the German experience designing of structures of economic crimes // Legal world. 2009. № 1.*
18. Obrazhiev K.V. *Ensuring consistency of criminal law with the requirements of other branches of law as the direction of penal policy // Modern criminal policy: find the optimal model: proc. of the VII Russian congress of criminal law, May 31 – June 1, 2012. Moscow, 2012.*

Бугера Михаил Александровичкандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: ma.bugera@mail.ru)**Бугера Наталья Николаевна**кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: knn.76@mail.ru)

Уголовно-правовой анализ хищений средств сотовой связи

В статье анализируются способы изъятия сотовых телефонов, рассматриваются некоторые проблемы квалификации хищений средств сотовой связи.

Ключевые слова: хищение, средства сотовой связи, квалификация преступлений, способы хищений, кража, грабеж, мошенничество.

M.A. Bugera, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ma.bugera@mail.ru;

N.N. Bugera, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: knn.76@mail.ru

Criminal and legal analysis of theft of means of cellular communication

The article analyzes the ways of withdrawal of cell phones, considers some problems of qualification of theft of means of cellular communication.

Key words: theft, cellular communications, qualification of crimes, methods of theft, steal, robbery, fraud.

Важность уголовно-правовой охраны чужого имущества, являющегося средством сотовой связи, бесспорна. В отличие от других видов материальных ценностей (денег, ювелирных изделий и т.д.) сотовый телефон как предмет хищений представляет интерес для похитителей именно как широко распространенное и доступное средство связи, похищаемое в основном в целях сбыта. Ценность владения таким имуществом несравнима с владением иными вещами той же и большей стоимостью. Его отсутствие заменить или восполнить чем-то другим нельзя. Потеря возможности связаться в нужный момент с абонентом, чтобы передать важную информацию, может привести не только к моральному вреду, но подчас к имущественному и физическому.

Хищения средств сотовой связи не только причиняют вред имущественным интересам собственников, но и посягают на их информационную безопасность, лишая коммуникативных возможностей, в частности получения необходимой, а порой жизненно важной информации. Их рост приводит к недоверию населения к правоохранительным органам в плане защиты

имущественных интересов и информационного пространства. Наиболее распространенными и опасными являются кражи, грабежи, разбои и мошенничества, направленные на завладение чужими сотовыми телефонами. Необходимость уголовно-правового исследования хищений средств сотовой связи определена не только причинением вреда конкретному человеку, но и прецедентностью подобного рода преступлений как в целом по России, так и в конкретных регионах.

Высокий уровень хищений средств сотовой связи обусловлен значительной заинтересованностью граждан в приобретении этих устройств. Например, число абонентов ОАО «Сибирьтелеком» уже превысило 5 млн. За 2012 г. абонентская база компании выросла на 600000 новых абонентов. «Сибирьтелеком» стабильно удерживает позицию третьего оператора сотовой связи в Сибирском федеральном округе и шестого оператора по России [1]. Однако за последние пять лет (с 2008 по 2012 г.) количество зарегистрированных хищений этих аппаратов как в целом по России (в 2008 г. – 425329, в 2009 г. – 398354, в 2010 г. – 367831, в 2011 г. – 317294),

так и по СФО (в 2008 г. – 39118, в 2009 г. – 35234, в 2010 г. – 31922, в 2011 г. – 29761, в 2012 г. – 28917) несколько снизилось, несмотря на стабильный рост поступающих от граждан обращений в полицию [2, с. 98].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [3, с. 6] разъясняется, что предметом хищения является чужое, т.е. не находящееся в собственности или законном владении виновного, имущество. При этом определение формы собственности данного имущества не имеет значения для квалификации преступления.

Средства сотовой связи (сотовые телефоны) относятся к имуществу. Однако сотовому телефону, кроме того, что он является осязаемым объектом, имеющим экономическую форму товара, созданным человеком, присуще дополнительное свойство, определяющее исключительность функциональной принадлежности в материальном мире, которая заключается в возможности быть еще и носителем важной информации.

Способы совершения хищений в основном одинаковы, независимо от региона. Основными способами совершения краж средств сотовой связи являются свободный доступ к предмету хищения, незаконное проникновение в помещение путем взлома преград, карманные кражи. Случаи насильственных (либо с угрозой применения насилия) способов изъятия средств мобильной связи сводятся примерно к следующей модели поведения. Так, 16 августа 2005 г. около 12.00 несовершеннолетний Ф., находясь во дворе дома № 46 по ул. Интернациональная г. Барнаула, подошел к ранее незнакомому Д. и попросил у того сотовый телефон, чтобы позвонить. После того как Д. ответил отказом, Ф. подставил к лицу потерпевшего кулак и в устной форме высказал в адрес последнего угрозу применения насилия. Д. воспринял угрозу применения насилия всерьез и опасался ее осуществления. Ф., подавив волю Д. к сопротивлению, открыто похитил, вытащив из левого кармана джинсовых брюк последнего, принадлежащий Д. сотовый телефон «Самсунг С-200» стоимостью 3849 руб. с SIM-картой стоимостью 150 руб., на балансе которой находились денежные средства в размере 30 руб. После чего Ф. с места преступления скрылся, причинив потерпевшему Д. материальный ущерб на сумму 4030 руб. [4].

Завладения средствами сотовой связи путем обмана потерпевших, по мнению О.В. Волоховой, как правило, совершаются по следующей

схеме: в вечернее время чаще всего к незнакомым девушкам, молодым женщинам либо несовершеннолетним подходит один преступник с просьбой позвонить, рассказывая о своем несчастье и разряженной батарее сотового телефона. Потерпевшие обычно не отказывают в просьбе и в результате лишаются сотового телефона [5, с. 69].

Например, 12 сентября 2005 г. около 14.00 гр. Т. находилась в помещении ПУ № 33 по адресу: г. Барнаул, ул. Э. Алексеевой, д. 10, в коридоре встретила ранее ей незнакомого несовершеннолетнего Г., который держал в руках сотовый телефон «Nokia-1100». В этот момент у Т. возник умысел на его хищение. Она, подойдя к Г., попросила сотовый телефон, пояснив, что он ей якобы срочно нужен, чтобы вызвать скорую помощь тяжело больной матери, пообещав вернуть на следующий день. После чего Т. скрылась в неизвестном направлении [6].

Кроме того, иногда преступники обращаются к потерпевшим под видом сотрудников органов внутренних дел. Так, Ленинским районным судом г. Барнаула было рассмотрено уголовное дело в отношении 24-летнего жителя Алтайского края гр. С. В конце сентября 2007 г. на улицах краевого центра молодой человек обращался к прохожим, в основном к подросткам, и, представляясь сотрудником органов внутренних дел, заявлял о том, что его собеседник подозревается в краже сотового телефона. В целях выяснения, не находится ли телефон в розыске, С. предлагал проехать с ним в некий опорный пункт, находившийся, по его словам, почему-то в Доме быта по проспекту Ленина, д. 106. Забирая по дороге телефон потерпевшего себе, С. терялся в одном из коридоров шестизэтажного здания. Подобным образом мошеннику удалось завладеть пятью телефонами, причем достаточно дорогих моделей, причинив ущерб в общей сложности на сумму 45232 руб. [7].

Также один из вариантов мошенничества может быть представлен способом введения в состояние уверенности в знакомстве путем подслушивания разговоров и обращения к жертве по имени или представления других свидетелей знакомства. Например, в г. Иркутске действовала преступная группа подростков, промышлявшая подслушиванием разговоров. Летом 2008 г. в одном из скверов несовершеннолетние М. и Б., подсев на лавочке к паре молодых людей – гр. И. и гр. В., стали подслушивать их разговоры. Узнав, как их зовут, они на время ушли, после чего вернулись и прямо обратились к гр. В., назвав его по имени и поприветствовав.

Войдя в доверие, они попросили у гр. В. телефон для срочного звонка, после чего отошли на безопасное расстояние и скрылись [8].

Приведенные примеры говорят о разносторонности поведения виновных и вариативности ситуаций, при которых происходят хищения средств сотовой связи.

Самыми распространенными способами изъятия сотовых телефонов на улице являются кража и мошенничество, реже грабеж и разбой. Приоритетное использование на улице тайного изъятия средств сотовой связи, на наш взгляд, вызвано меньшей возможностью быть задержанным, чем при открытых формах завладения чужим имуществом. На рынках, в магазинах и в иных торговых помещениях распространен разбой, это связано с тем, что отечественные рынки трудно поддаются охране со стороны сотрудников органов внутренних дел. Мошенничество практически одинаково часто встречается на улице, в развлекательных заведениях, на торговых площадях, в транспорте. По справедливому замечанию Р.А. Базарова, «владельцы средств сотовой связи более подвержены обману в развлекательных заведениях, на торговых площадях и в транспорте, чем в других местах, так как мошенникам, демонстрирующим нищенское существование или удручающее положение, легче вызвать сострадание прохожих, посетителей, пассажиров, ощущающих себя более уверенно в этой жизни по сравнению с просящими» [9, с. 43].

Правоприменительные проблемы квалификации изучаемых преступлений требуют совершенствования уголовно-правовых мер. Непременным условием их реализации является правильная юридическая оценка действий виновных [10, с. 26].

С увеличением количества преступных посягательств на сотовые телефоны стала нарастать необходимость разъяснения проблемных вопросов квалификации этих деяний. В связи с этим 27 декабря 2007 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [11, с. 7], значение которого нельзя не отметить.

Пункт 17 данного постановления комментирует случаи разграничения составов хищения при незаконном завладении средством сотовой связи. В частности, дается оценка грабежам, когда изъятие сотового телефона заканчивалось открыто: посягатель осознает, что собственник или другие лица адекватно воспринимают его незаконные действия. Содеянное также следует квалифицировать как грабеж, когда обман

используется виновным лишь для облегчения доступа к чужому имуществу. Если в ходе изъятия имущества обнаруживается, что виновный, сознавая открытость своих действий, продолжал удерживать мобильный телефон против воли его владельца, то он тем самым совершил открытое хищение чужого имущества. Комментируются случаи совершения мошенничества: использование обмана для облегчения доступа к чужому имуществу не обязательно требует квалификации содеянного как мошенничества в том случае, если замысел виновного не был раскрыт до завершения посягательства присутствующими при этом лицами. Такие разъяснения напрямую касаются случаев хищений сотовых телефонов.

Однако проблемы квалификации хищений средств сотовой связи не были полностью сняты данным документом и в дальнейшем еще не раз вызвали научный интерес и полемику. В 2008 г. П.С. Яни писал: «Представим, что лицо, находясь в кафе, предполагает похитить телефон и просит аппарат для того, чтобы якобы только позвонить. Затем это лицо находится рядом с будущим потерпевшим до момента, когда тот на время забудет о нем, отвернется и т.д., а лицо получает возможность распорядиться имуществом, то есть завершить хищение, лишь тайно для окружающих, включая собственника, покинув указанное помещение вместе с телефоном. В данном случае передача вещи из рук в руки не означает окончания хищения, а утрата собственником возможности владения, равно как и получение посягателем возможности распорядиться вещью, происходят не в результате обмана. Поэтому содеянное заслуживает квалификации как кража» [12, с. 14].

Сделав попытку прояснить ситуацию, пришли к выводу, что в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [11, с. 6], где описываются случаи, когда лицо просит у владельца сотовый телефон для временного использования, а затем скрывается с ним, имеется неточность формулировки. Из содержания данного пункта не совсем ясен смысл разъяснений: либо он касается перехода одной формы хищения в другую, либо квалификации частного случая грабежа, сопряженного с обманными действиями.

При применении обмана для облегчения доступа к средству сотовой связи, когда лицо просит у владельца сотовый телефон для временного использования, а затем скрывается с ним, важную роль играет субъективное восприятие потерпевшим происходящего события. Решение проблемы ограничения мошенничества от гра-

бежа нам видится во внесении изменений в п. 17 постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», который следовало бы изложить более конкретно в такой редакции: «В случае, когда под воздействием обмана (злоупотребления доверием) потерпевший сам передает имущество виновному, в ходе дальнейшего изъятия которого его действия обнаруживаются собственником или иным владельцем этого имущества либо другими лицами, однако лицо, сознавая это, продолжает совершать его незаконное изъятие или удержание против воли владельца, содеянное следует квалифицировать как грабёж (например, когда лицо просит у владельца средство сотовой связи для временного использования, а затем скрывается с похищенным)».

Не менее сложным представляется установление границ между мошенничеством и кражей, если при совершении тайного хищения виновный прибегал к различным обманным приемам и ухищрениям или использовал доверие потерпевшего, под воздействием чего потерпевший сам передал свое имущество преступнику либо не препятствовал его изъятию.

Профессор П.С. Яни и другие авторы допускают существование так называемых технических функций, которые по отношению к имуществу не влекут фактического перехода права владения [12, с. 14; 13, с. 106; 14, с. 214]. Такое положение во многом правомерно, поскольку в гражданском праве нормативно не определены правомочия владения имуществом, что обуславливает различное понимание последствий передачи вещи (ст. 224 ГК РФ).

Решение поставленной проблемы не во всех случаях может быть однозначным. С одной стороны, исходя из принципа субъективного вменения, необходимо установить направленность умысла лица, совершающего хищение, которым должен охватываться, в том числе, и способ достижения преступного результата. Следовательно, можно прийти к выводу, что невозвращение виновным сотового телефона, полученного от потерпевшего обманным путем, при наличии цели хищения, возникшей еще до его получения, представляет собой частный случай обмана в намерениях и подлежит квалификации по ст. 159 УК РФ [11, с. 6].

С другой стороны, нельзя не учитывать того обстоятельства, что умысел лица по отношению к способу совершения хищения может преобразоваться под влиянием ситуации до завершения преступления. При конкуренции мошенничества и кражи в таких ситуациях достоверно

установить ключевой компонент в содержании умысла виновного часто бывает очень сложно, а иногда невозможно. В то же время отдельные объективные критерии «тайности» в подобных случаях свойственны и мошенничеству, т.к. потерпевший или другие лица, присутствующие в момент совершения хищения, не осознают противоправный характер поведения виновного либо осознают, но по каким-то причинам не препятствуют реализации преступных намерений.

На основе всестороннего анализа объективных признаков хищения средств сотовой связи путем мошенничества можно сделать вывод о существовании на практике такого способа. Примеров, которые типично попадали бы под модель описанной нами ситуации, в жизни встречается достаточно много.

Так Ч., изначально преследуя цель хищения сотового телефона, пришел в ресторан «Саяны», расположенный по ул. К. Маркса в г. Ангарске СФО. Там он увидел ранее знакомого Я., у которого попросил под предлогом ознакомления с функциями «iPhone» имевшееся при Я. устройство. Дождавшись, когда Я. пойдет танцевать со своей девушкой, Ч. с места происшествия скрылся, унеся с собой принадлежащее Я. средство сотовой связи [15].

Из данного примера видно, что Ч. совершил мошенничество путем злоупотребления доверием с элементом обмана. Появление объективных условий «тайности» обусловлено наличием у Ч. знакомства с Я. и предшествующими обманными действиями Ч., в результате которых у Я. сформировалось заблуждение относительно истинных намерений со стороны Ч. Именно доверие, возникшее под влиянием заблуждения, позволило Я. ослабить контроль за своим «iPhone», а Ч. беспрепятственно с ним скрыться. Другими словами, в основе внешней «тайности» лежит мошеннический способ хищения, который и должен получать уголовно-правовую оценку со стороны следователей и судей.

Объективными признаками мошенничества могут быть активные обманные действия в процессе изъятия имущества, направленные на формирование убежденности потерпевшего в отсутствии преступных намерений у виновного, или использование дополнительных средств введения лица в заблуждение (ношение форменной одежды работника полиции, различных знаков отличия, поддельных документов и др.).

Так, приговором Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области гр. Б. был признан виновным в совершении хищений сотовых телефонов и другого личного имущества граждан путем мошенничества по ст. 159 УК

РФ. В частности, завладение сотовыми телефонами гр. Б. совершал посредством использования формы сотрудника органов внутренних дел, представляясь незнакомым гражданам оперуполномоченным, якобы обязанным проверять сотовые телефоны на предмет обнаружения похищенных [16].

Из материалов уголовного дела видно, что Б. изначально имел умысел на хищение сотовых телефонов путем обмана и злоупотребления доверием из корыстных побуждений. При этом он использовал различную атрибутику (бланки протоколов, поддельное удостоверение, личный номер на связке с ключами). Потерпевшие, введенные в заблуждение гр. Б., доверяя ему, отдавали свои телефоны. После чего Б., продолжая их обманывать, говорил, что они смогут забрать свои телефоны только после проверки в отделении органов внутренних дел на ул. Восточной, д. 5 г. Новокузнецка. После этого Б. с мест происшествия скрывался. Использование гр. Б. обмана как способа, обуславливающего передачу ему сотового телефона потерпевшими или получение согласия на завладение им, применение различных ухищрений в виде форменной одежды, удостоверения для того, чтобы завершить процесс изъятия и обращения сотовых телефонов незаметно для потерпев-

ших, свидетельствует о наличии мошенничества. Если бы гр. Б. для получения возможности обратить телефоны в свою пользу не прибегал бы к обманным действиям, а ждал удобного момента или создавал условия при помощи, к примеру, соучастника для дальнейшего тайного доведения хищения до конца, содеянное следовало бы квалифицировать по ст. 158 УК РФ.

На основании изложенного в целях отграничения мошенничества от кражи предлагаем дополнить п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» абзацем 2, изложив его в следующей редакции: «В случае, когда для получения возможности обратить имущество в свою пользу виновный не прибегает к обманным действиям, а лишь ждет удобного момента (или создает его при помощи соучастника) для дальнейшего тайного доведения хищения до конца, содеянное следует квалифицировать как кражу (например, когда лицо, желая похитить сотовый телефон, находится рядом с будущим потерпевшим до момента, когда тот забудет о нем, а лицо получает возможность распорядиться имуществом, то есть завершить хищение тайно для потерпевшего и окружающих, скрывшись с места происшествия)».

1. *Континент Сибирь [Электронный ресурс] // Сибирские деловые медиа. URL: <http://ksonline.ru/stats/-/id/2411/> (дата обращения: 11.10.2013).*

2. *Социальное положение и уровень жизни населения России: статист. сб. М., 2013.*

3. *О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 (в ред. от 23.12.2010) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 2.*

4. *Уголовное дело № 1-147/2006 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.*

5. *Волохова О.В. Современные способы совершения мошенничества: особенности выявления и расследования: учеб. пособие / под ред. Е.П. Ищенко. М., 2005.*

6. *Уголовное дело № 1-17/2005 // Архив Октябрьского района суда г. Барнаула.*

7. *Уголовное дело № 1-231/2007 // Архив Ленинского районного суда г. Барнаула.*

8. *Уголовное дело № 1-325/2008 // Архив Иркутского городского суда.*

9. *Базаров Р.А., Михайлов К.В. Криминологическая характеристика преступлений против собственности, совершаемых путем*

1. *Continent Siberia [Electronic resource] // Siberian business media. URL: <http://ksonline.ru/stats/-/id/2411/> (address date: 11.10.2013).*

2. *Social status and standard of living of the Russian population: statistical yearbook. Moscow, 2013.*

3. *On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 27, 2002 № 29 (in ed. of 23.12.2010) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 2.*

4. *Criminal case № 1-147/2006 // Archive of the Central district court of Barnaul.*

5. *Volohova O.V. Modern ways of committing fraud: detection and investigation features: study aid / ed. by E.P. Ishchenko. Moscow, 2005.*

6. *Criminal case № 1-17/2005 // Archive of the Oktyabrsky district court of Barnaul.*

7. *Criminal case № 1-231/2007 // Archive of the Leninsky district court of Barnaul.*

8. *Criminal case № 1-325/2008 // Archive of the Irkutsk city court.*

9. *Bazarov R.A., Mikhailov K.V. Criminological characteristics of property crimes committed by*

обмана или злоупотребления доверием: учеб. пособие. Челябинск, 2002.

10. Бугера М.А., Третьяков В.И. Особенности профилактики хищений средств сотовой связи: учеб. пособие. Волгоград, 2012.

11. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 51 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

12. Яни П.С. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 4.

13. Владимиров В.А. Квалификация преступлений против личной собственности. М., 1968.

14. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для вузов / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006.

15. Уголовное дело № 1-281/09 // Архив Ангарского городского суда.

16. Уголовное дело № 1-249/08 // Архив Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области.

fraud or breach of trust: study aid. Chelyabinsk, 2002.

10. Bugera M.A., Tretyakov V.I. Features prevention of theft of cellular communications: study aid. Volgograd, 2012.

11. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 27, 2007 № 51 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. № 2.

12. Jani P.S. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation about qualifications of fraud embezzlement and misappropriation: the objective of the offense // Legality. 2008. № 4.

13. Vladimirov V.A. Qualification of crimes against personal property. Moscow, 1968.

14. Criminal law. General and Special Parts: textbook for high schools / ed. by N.G. Kadnikov. Moscow, 2006.

15. Criminal case № 1-281/09 // Archive of the Angarsk city court.

16. Criminal case № 1-249/08 // Archive of the Central district court of Novokuznetsk of Kemerovo region.

Кашоида Вячеслав Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Исторические аспекты развития в России института конституционных прав осужденных к лишению свободы

В современном обществе трудно переоценить роль конституционных прав граждан, в особенности тех, кто наказан государством и осужден к лишению свободы. В статье рассматриваются исторические аспекты развития в России института конституционных прав осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: конституционные права осужденных к лишению свободы, Соборное уложение 1649 г., правовые гарантии прав «тюремных сидельцев», «Наказ комиссии о составлении нового уложения» Екатерины II 1767 г., ИТК РСФСР 1924 г., ИТК РСФСР 1933 г., ИТК РСФСР 1970 г., УИК 1997 г.

V.V. Kashoida, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Historical aspects of the development of the institution of the constitutional rights of the sentenced for the imprisonment people in Russia

The role of constitutional rights of citizens in modern society can hardly be overestimated especially of people convicted and sentenced for the imprisonment by the state. The historical aspects of the development of the institute of the constitutional rights of the sentenced for the imprisonment people in Russia are considered in the article.

Key words: constitutional rights of the sentenced for the imprisonment people, Council code of 1649, legal guarantees of the «jail birds», «Instruction to the committee on the new code making» by Catherine II of 1767, CLC of RSFSR 1924, CLC of RSFSR 1933, CLC of RSFSR 1970, CC of 1977.

На официальном уровне общепризнанные права человека в России были провозглашены, как известно, лишь в 1906 г. с принятием Основных государственных законов Российской империи [1]. Данный документ в литературе иногда называют первой российской конституцией [2, с. 24] (заметим, что, строго говоря, он не назывался конституцией, однако содержащиеся в нем нормы имели действительно конституционный характер). Вместе с тем, отдельные законодательные положения, которые по нынешним критериям можно отнести к государственным (конституционным), в России появляются в Соборном уложении 1649 г. В частности, в нем хотя и в примитивной форме, но все же регулируется статус главы государства (в преамбуле говорится о царе как «самодержце»), а также отражаются принципы формирования общерусского законодательства (на соборе с участием освященного Собора, бояр, окольничих, думных, «добрых и смышленных» людей, детей боярских и др.). Целая серия

государственно-правовых (или конституционно-правовых) указов была издана Петром Великим: «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» (1708 г.), «Об учреждении Правительствующего Сената» (1711 г.), «О престолонаследии» (1722 г.) и др. Такого рода нормы, регламентирующие государственные основы, принимались в дальнейшем на протяжении всего периода империи. Что касается законодательных актов демократической направленности, то они стали приниматься значительно позже. Это можно объяснить прочно сложившейся во властных кругах России приверженностью к самодержавию, полному отрицанию права населения на власть и соответствующие демократические права. Известно, например, что Екатерина II с негодованием восприняла весть о буржуазной революции во Франции и принятую в то время Декларацию прав человека и гражданина. В начале XIX в. Александр I отверг после некоторой заинтересованности проект Сперанского об образовании Государственной Думы всего лишь

с законосовещательными полномочиями. Драматически закончилось движение декабристов. Определенные сдвиги начались лишь со второй половины XIX в. с проведением крестьянской, судебной, земской и городской реформ. Однако логического завершения их в виде принятия откровенной конституции (составленной Лорис-Меликовым) так и не произошло из-за убийства террористами императора Александра II. И только с принятием Основных государственных законов 1906 г. можно говорить о появлении кодифицированного государственного (конституционного) права. Конституция же в настоящем смысле слова впервые была принята в 1978 г., но в ней не было раздела о правах человека и гражданина. Такой конституционный раздел в Советском государстве впервые появляется лишь в Конституции СССР 1936 г.

Вместе с тем, отдельные положения, касающиеся конституционных прав лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, содержались в правовых актах различных исторических эпох. Речь идет в данном случае о нормах, регулирующих различные стороны правового положения лиц, осужденных к наказаниям, связанным с лишением свободы.

Истоком этого историко-правового явления является Соборное уложение 1649 г., где впервые затрагиваются (причем косвенно) вопросы прав «колодников». Лишение свободы в форме тюремного заключения встречается в Соборном уложении в ст. 41 и уже однозначно воспринимается именно как наказание, а не мера предварительного заключения, о чем свидетельствует, в частности, закрепление в соответствующих нормах вышеупомянутой цели наказания («чтоб на то смотря и иным неповадно было»). В Уложении указывалось, что непосредственный контроль за тюрьмами возлагался на тюремных сторожей и целовальников, которые через присягу («крестное целование») и поруку выбирались сошными людьми, а в Москве они получали жалование от тех, кто их выбрал, т.е. от «московских черных сотен» (ст. 4, 44, 95, 97 гл. XXI). В ст. 101 гл. XXI говорится о том, что «в городах тюрьмы ведают губные старосты и губным старостам доведется тюрьмы и тюремных сидельцев осматривати по часту, чтобы тюрьмы были крепки, и у тюремных бы сидельцев в тюрьмах ничего не было, чем им из тюрьмы вырезатися».

Ряд правовых норм того времени, имевших уголовно-исполнительный характер, содержались, помимо Соборного уложения, в других правовых документах, развивая соответствующие положения Уложения. В частности, в Памяти губному старосте 1663 г. [3, с. 183] указывается,

что тюремный сторож должен был «тюремных сидельцев никакими мерами не выпускать, и в мир ходя (за сбором подаяний – авт.) их не отпускать, и за город их не выводить, и воровать им не давать, и в тюрьме им зерню и карты играть и топоров, и ножей, и пил, и костей, и веревок держать не дати ж, и к тюрьме никого не припускать, и на кабаки тюремных сидельцев не водить и пить не давать... будучи в сторожах, воровством никаким не воровать, зерню и карты не играть, и корчмы не держать... и самому пьяно не напиватца». Целовальник, согласно Поручной грамоте 1688 г., имел практически те же обязанности, в частности, он должен был «из тюрем тюремных сидельцев, татей и разбойников и всяких воровских людей не пускать и пил, и резцов тюремным сидельцам не подносить и от того у них посулов не имать». Согласно Указу 1687 г. [3, с. 184] из московских приказов по письмам воевод о плохом материальном положении тюрем на места направлялись подьячие с целью проверки тюрем. Они должны были, если тюрьмы действительно нуждались в ремонте и если требовалось строительство новых тюремных заведений, определять соответствующие расходы и доносить результаты в Приказ, где и принималось соответствующее решение.

Здесь можно говорить о прообразе некоторых правовых гарантий прав «тюремных сидельцев». Однако гарантии эти были чрезвычайно слабыми. Так, арестанты вынуждены были сами заботиться о своем пропитании; их либо кормили родственники, либо они просили подаяние, для чего их партиями водили по городу, а собранное делилось на всех поровну [4, с. 122]. О тяжелом положении «сидельцев» свидетельствует ряд документов. Так, в одной челобитной говорится: «Пожалуй меня сироту своего, вели из-за решетки свободить, чтоб сидя мне сироте твоему за решеткою голодною смертью не умереть» [5, с. 431]. Характеризуя данный период развития лишения свободы, И.Я. Фойницкий отмечал, что тюрьмы строились постоянными и временными, они были каменными, земляными и обыкновенными (т.е. деревянные срубы с тынами). Устраивались тюрьмы при приказах, монастырях и в иных местах, даже в частных жилищах. При этом по-прежнему принималось во внимание прежде всего предупреждение побегов. Та же цель определяла систему управления и внутренний быт тюрем. Как и раньше, теснота в тюрьмах была большая. Так, в построенной в 1654 г. устюжской тюрьме на каждого сидельца приходилось пространства немногим более 3 квадратных аршинов, не исключая даже печей (1 аршин = 0,71 метра). Правительство не заботи-

лось ни об одежде, ни о пище сидельцев, которые продовольствовались за счет общественной благотворительности [6, с. 315]. Помещаемые в тогдашние тюрьмы сидельцы не различались на следственных и наказанных и содержались по казарменному типу. Одиночное заключение было исключением, диктовавшимся практической необходимостью изолировать лиц, которые своим поведением могли бы иметь опасность для других либо особо важны х арестантов [6, с. 183–185].

В правовых актах Петровской эпохи в контексте рассматриваемой нами проблематики можно говорить лишь о новом виде наказания, связанного с лишением свободы, – «сослании на каторгу» («на галеру»). Прежде всего отметим, что в Артикуле воинском эта форма лишения свободы достаточно четко разграничивается с тюремным заключением. Следует отметить, что в этот период каторжане начинают целенаправленно использоваться государством в качестве дешевой рабочей силы для решения экономических задач. Так, в 1700 г. Петр I предписывает: «Завести в Тобольску кирпичные великие заводы и в тех ссыльными и иными людьми делать кирпич, чтоб повсюду наделать самое многое число» [7, с. 67].

В некоторых документах регулируются отдельные вопросы порядка отбывания ссылки на каторге. Так, в Указе 1720 г. речь идет о свиданиях осужденных с родственниками и о «свободе» жен осужденных на вечную ссылку: «К каторжным невольникам, которые посланы на урочные годы, женам и детям ходить не возбранено, а которые сосланы в вечную каторжную работу, тех женам, которые похотят идти замуж, или постричься, и в своих приданных деревнях жить, и в том дать им свободу, понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умрет» [8, с. 191].

Следующий этап развития института правового положения лиц, лишенных свободы, связывается с Екатериной II, которая в 1767 г. публикует свой известный «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения» (далее – «Наказ»). В контексте рассматриваемой темы нас интересует прежде всего гл. X этого важного документа, который хотя и не имел прямого юридического действия, однако оказал определяющее воздействие на дальнейшее развитие института правового положения осуждаемых к лишению свободы. Так, в ряде статей «Наказа» дается четкое указание на необходимость раздельного содержания находящихся в тюрьме под стражей и уже отбывающих тюремное заключение: «Не должно сажать в одно место: 1) вероятно обвиняемого в преступлении; 2) обвиненного в оном

и 3) осужденного. Обвиняемый держится только под стражей, а другие два в тюрьме, и тюрьма сия одному из них будет только часть наказания, а другому само наказание» (ст. 171) [9]. В ст. 192, 193 и др. Екатерина II осуждает применение пыток, а в ст. 194, 222, 223 подчеркивает важность неотвратимости наказания («весьма нужно, без сомнения, чтобы никакое преступление, ставшее известным, не осталось без наказания»). Заслуживает также внимания мысль об эффективности длительного тюремного заключения, в частности о его предупредительных целях (ст. 212), здесь же указывается, что лишение свободы должно сопровождаться трудом (принудительным). В этом случае имелось в виду, что на население сдерживающее (устрашающее) влияние будут оказывать тяжелые условия, в которых содержались осужденные к тюремному заключению и к каторжным работам.

Дальнейшее развитие институт правового положения лиц, осуждаемых к лишению свободы, находит в Уставе о ссыльных 1822 г. [10] и Инструкции смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. [11].

В Инструкции смотрителю губернского тюремного замка впервые комплексно отрегулированы вопросы исполнения наказания в виде тюремного заключения. Согласно ст. 219 к обязанностям смотрителя тюремного замка относилось, «поколикую возможно, и попечение об исправлении незаконных преступников, в особенности несовершеннолетних, впадших в преступления по неопытности и незрелости рассудка; к сему требуется непременно содействие священника замка поучениями и наставлениями». В ст. 237 говорится о необходимости приобщения арестантов к труду с целью «склонения» их к исправлению нравственному, привычке трудиться, дабы быть после освобождения полезным себе и семейству. Отметим и то, что в отношении арестантов несовершеннолетнего возраста предусматривалось обучение их чтению, письму, арифметике, «сколько удобность позволит» (ст. 214).

Таким образом, государство довольно явно показало свое отношение к будущей судьбе преступников. Оно предписывало их исправлять и тем самым заботилось о том, чтобы в общество возвращался законопослушный гражданин.

Значительное место в Инструкции занимают нормы, регулирующие вопросы, связанные с болезнями и лечением от них арестантов (гл. XI). Подчеркивается, в частности, что условия содержания в тюремном лазарете и лечение должны полностью соответствовать общим

правилам в больницах (ст. 172, 173). Врач в тюремном замке обладал довольно большими полномочиями (помимо собственно лечения больных). Согласно ст. 181 он обязан был обходить тюремный замок «всякий день и уверяться о состоянии тюремного замка в предметах, относящихся к сохранению здоровья арестантов».

Затем вопросы правового положения осуждаемых к лишению свободы находят отражение в таких крупных нормативных актах, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [12] и Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею 1832 г. (с последующими изменениями) [13]. Здесь необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что законодатель четко выделяет несколько видов наказаний, связанных с лишением свободы. Так, отдача на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства влекла за собой потерю всех особенных прав и преимуществ лично или же по состоянию или званию присвоенных (п. I ст. 34 Уложения). Начальнику арестантских рот вменялось в обязанность заботиться о нравственном исправлении арестантов. Для этих целей при арестантских ротах состоял священник в качестве духовного отца и наставника роты (ст. 1051). Ежедневно утром и вечером читались молитвы, в праздничные дни арестантов выводили в церковь к литургии (ст. 1051–1052). Для возбуждения и поддержания в арестантах стремления к исправлению предписывалось «время от времени читать им наставления об обязанностях христианина и подданного, о степенях наказаний и постепенном облегчении участи раскаивающегося в своей вине преступника, указывая, когда нужно, на статьи законов, коими определяются сии облегчения для арестантов, отличающихся хорошим поведением» (ст. 1057).

Со второй половины XIX в. Главное тюремное управление (а до него тюремный департамент) издавало много нормативных актов, регулирующих отдельные вопросы исполнения наказаний, связанных с правовым положением лишенных свободы. Такая активность объяснялась острой потребностью практических работников в регулировании этой сферы общественных отношений (данный процесс, как отмечалось, на законодательном уровне существенно сдерживался неопределенностью концептуальных положений при разработке нового Уголовного уложения).

В советский период вопросы правового положения осужденных к лишению свободы стали находить более подробное закрепление в нормах как законодательных, так и подзаконных нормативных актов. Рассмотрим основные из них.

В ИТК РСФСР 1924 г. [14] были отражены следующие основные принципы исполнения и отбывания наказания: обязательность труда заключенных (ст. 52); применение прогрессивной системы (ст. 82, 100 и др.); совершенствование и развитие сети трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительно-трудовых домов (ст. 4); развитие самодеятельности осужденных (ст. 8); классовый подход к распределению осужденных по видам мест лишения свободы (ст. 4, 47); организация и усиление роли культурно-просветительной работы, общеобразовательного и профессионального образования (ст. 82, 83 и др.); оказание постпенитенциарной помощи освобождаемым (ст. 227, 228 и др.); применение льготного исчисления сроков заключения (ст. 18); контроль общественности за деятельностью мест лишения свободы (ст. 20); стремление к самокупаемости ИТУ (ст. 9); организация режима на «правильном» сочетании обязательного труда заключенных и культурно-просветительной работы (ст. 48). Согласно ст. 8 в ИТУ предусматривались все меры к развитию самодеятельности заключенных, направленной на приобретение свойств и профессиональных навыков, необходимых для трудовой жизни в обществе. Это принципиально новый аспект пенитенциарной политики государства; в период империи о необходимости формирования у заключенных какой-либо самодеятельности в нормативных актах даже не упоминалось (за исключением, пожалуй, случаев, когда арестанты сами избирали старшего по камере). Принятие этой нормы мы расцениваем как значительное достоинство советской пенитенциарной системы.

Представляет интерес положение ст. 49 ИТК РСФСР, согласно которому «для действительного осуществления исправительно-трудовой политики режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия: кандалов, наручников, карцера, строго-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решетку». В целом Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. проникнут, как и следовало ожидать, идеями социологического учреждения о наказании. Об этом свидетельствуют многие нормы, направленные на максимально возможную ресоциализацию заключенных (меры социальной защиты).

В 1933 г. постановлением ВЦИК и СНК был утвержден новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Кодекс предельно упростил разновидности мест отбывания наказания в виде

лишения свободы, ограничившись согласно ст. 28 исправительно-трудовыми колониями (фабрично-заводскими, сельскохозяйственными, массовых работ и штрафными), а также учреждениями для отбывания лишения свободы несовершеннолетними (школы ФЗУ индустриального и сельскохозяйственного типа). Однако здесь важно подчеркнуть следующие обстоятельства, которые значительно снижают роль этого закона. Прежде всего, Кодекс регулировал лишь часть системы исполнения отбывания лишения свободы как наказания, а именно связанную с исправительно-трудовыми колониями или общими местами заключения, подведомственными НКЮ. Параллельно действовала система ИТЛ, подведомственных НКВД. В дальнейшем исправительно-трудовые учреждения, находившиеся в ведении НКЮ союзных республик, были переданы в систему НКВД (постановление ЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 г. [15]).

ИТК РСФСР 1933 г. формально действовал вплоть до принятия ИТК РСФСР 1970 г. Фактическое же положение заключенных определялось ведомственными нормативными актами НКВД СССР. В этой сфере из наиболее заметных можно выделить Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях 1939 г. [16].

С середины 1950-х гг. начинается процесс восстановления законности в исправительно-трудовой сфере. Указанные преобразования в систематизированном виде, на уровне закона, были закреплены сначала в Основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик [17], а затем в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1970 г. [18]. Представляется необходимым в связи с изложенным выделить то обстоятельство, что в новом Исправительно-трудовом кодексе были закреплены фактически сложившиеся к концу 1960-х гг. общественные отношения в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (такую ситуацию отмечали А.И. Зубков и В.А. Уткин, правда, не акцентируя на этом внимания) [10]. ИТК РСФСР 1970 г. с точки зрения системности и логики изложения законодательных положений значительно более совершенный, чем его предшественники.

Новый Кодекс не упоминает о классовом или ином социальном различии осужденных. Тем самым впервые на законодательном уровне в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы было закреплено конституционное равенство всех граждан (ранее это было сделано в сфере назначения лишения свободы в УК РСФСР 1960 г.). И хотя это не было сделано

прямым путем, т.е. формулированием отдельного принципа (таковой записан в ст. 8 УИК РФ 1997 г.), однако однозначно вытекает из ст. 8 ИТК РСФСР о правовом положении осужденных, где указывается, что они «несут обязанности и пользуются правами, установленными для граждан СССР, с ограничениями, предусмотренными для осужденных, а также вытекающими из приговоров суда и режима, установленного Основами исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и настоящим кодексом для отбывания наказания данного вида».

Согласно ст. 185 Конституции СССР 1936 г. в выборах могли участвовать все граждане независимо от социального положения, за исключением лиц, признанных в установленном порядке умалишенными. Иных исключений сделано не было (такое исключение появилось в Конституции СССР 1977 г.), и теоретически избирательные комиссии могли бы устанавливать на территории ИТУ отдельные избирательные участки, что организационно-технически никаких трудностей не составляло. Тем не менее, осужденные лишались избирательного права. В последнее десятилетие в работах ряда ученых (М.П. Мелентьев, В.И. Селиверстов, В.В. Геранин и др.) была подвергнута критике правомерность подобного рода ограничений, поскольку имело место расширительное толкование нормы. Предлагалось устанавливать ограничения основных прав, свобод и законных интересов, прежде всего конституционных, только на основании прямого на то указания в нормах права. Такой подход в большей мере соответствует принципам правового государства, он и был реализован в современном уголовно-исполнительном законодательстве России.

Переломным рубежом развития института правового положения лишенных свободы в новейшей истории России считается 1992 г., когда были приняты принципиальные изменения в ИТК РСФСР [19], во многом отвечающие демократическому направлению развития, которое избрала Россия; многие из необоснованных запретов и ограничений в отношении осужденных были сняты (при этом в разработке соответствующего законопроекта активное участие принимали российские правозащитные организации [20, с. 166]). Практически все эти нововведения оказались в итоге в Уголовно-исполнительном кодексе 1997 г. и других актах, регулирующих реализацию наказания в виде лишения свободы.

Можно констатировать следующее. Правовое закрепление конституционных прав осужденных

в пенитенциарных нормативных документах появляется сравнительно поздно (в новейший период истории). Вместе с тем, отдельные нормы, регулирующие правовое положение лишенных свободы и имеющие конституционный характер, встречаются в правовых актах различных исторических эпох, начиная с Соборного уложения 1649 г. В систематизированном виде это развитие находит отражение в первой половине XIX в. принятием Устава о ссыльных, Инструкции смотрителю губернского тюремного замка, Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею. В них государство закрепляет определенные гарантии прав осуж-

даемых к наказаниям, связанным с лишением свободы (права на охрану здоровья, общение с семьей, на оплату труда и др.). Вместе с тем, права лишенных свободы не выделяются в самостоятельный институт.

В Советском государстве правовому положению заключенных уделяется больше внимания. В ИТК РСФСР 1970 г. эти права в виде совокупности соответствующих норм закрепляются как самостоятельный институт правового положения осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях. Однако прямое указание на конституционность прав осужденных появляется только в Уголовно-исполнительном кодексе РФ 1997 г.

1. *Основные государственные законы Российской империи // Российское законодательство X–XX веков. М., 1991.*

2. *История государства и права России / под ред. Р.И. Игнатова. М., 1994.*

3. *Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887.*

4. *Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.*

5. *Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3.*

6. *Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889.*

7. *Памятники сибирской истории. СПб., 1882. Т. 1.*

8. *Филлипов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891.*

9. *«Наказ» Екатерины Великой. СПб., 1914.*

10. *Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. СПб., 1865.*

11. *Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь, 1903.*

12. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Российское законодательство X–XX веков. М., 1988. Т. 6.*

13. *Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. СПб., 1914. Т. XIII–XV.*

14. *СУ РСФСР. 1924. № 34.*

15. *СЗ СССР. 1934. № 56.*

16. *Об объявлении «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях»: приказ НКВД СССР от 2 авг. 1939 г. № 00889.*

17. *Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1970.*

1. *The main state laws of the Russian Empire // Russian legislative system of X–XX centuries. Moscow, 1991.*

2. *The history of the state and law of Russia / ed. by R.I. Ignatov. Moscow, 1994.*

3. *Sergeyevsky N.D. Punishment in Russian law system of the XVII century. St. Petersburg, 1887.*

4. *Kotoshikhin G. About Russia during Alexey Mikhaylovich's reign. St. Petersburg, 1906.*

5. *Russian legislative system of X–XX centuries. Moscow, 1985. Vol. 3.*

6. *Foynitsky I.Ya. Study of the penalties connected with the prison studies. St. Petersburg, 1889.*

7. *The monuments of the Siberian history. St. Petersburg, 1882. Vol. 1.*

8. *Filippov A. About the penalties according to Peter I legislative system because of the reforming. Moscow, 1891.*

9. *Instruction of Catherine II. St. Petersburg, 1914.*

10. *Berner A.F. Textbook of criminal law. St. Petersburg, 1865.*

11. *Collection of laws and instructions about prisons / comp. T.M. Lopato. Perm, 1903.*

12. *Penal code of 1845 // Russian legislative system of X–XX centuries. Moscow, 1998. Vol. 6.*

13. *Code of laws and regulations about the people under arrest // Code of the laws of Russian Empire. St. Petersburg, 1914. Vol. XIII–XV.*

14. *Collection of laws of the RSFSR. 1924. № 34.*

15. *Collection of laws of the USSR. 1934. № 56.*

16. *About declaration of «Interim instruction of the custodial control at the corrective labour camps»: order of People and Apos's Committee of Internal Affairs of the USSR of Aug. 2, 1939. № 00889.*

17. *The basics of the corrective labour legislation of the USSR and Soviet union republics. Moscow, 1970.*

18. *Ведомости Верховного Совета РСФСР*. 1970. № 51.

19. *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*. 1992. № 29.

20. *Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве / под ред. В.Ф. Абамкина*. М., 1996.

18. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1970. № 51.

19. *Vedomosti of the Congress of the People's deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 1992. № 29.

20. *Finding the way out. Criminality, criminal policy and places of detention in the post-Soviet period / ed. by V.F. Abamkin*. Moscow, 1996.

Савенко Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Правовая интерпретация служебного подлога как разновидности коррупционной должностной деятельности

Рассматриваются вопросы правового понимания коррупционного преступления и его основных признаков, официального документа как предмета служебного подлога. Предлагается под новым углом зрения взглянуть на преступление о служебном подлоге и отнести его к одному из видов коррупционной должностной преступной деятельности.

Ключевые слова: официальный документ, интеллектуальный подлог, материальный подлог, уровень коррупции, индекс восприятия коррупции, корыстная и иная личная заинтересованность, существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций.

I.A. Savenko, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

The legal interpretation of forgery as a kind of corrupt official activity

Discusses issues of legal understanding of corruption crimes and its main features, the official document as a subject of forgery. Offers a new angle to look at the crime of forgery and take it to one of the types of corruption official criminal activity.

Key words: official document, intellectual forgery, material forgery, level of corruption, corruption perception index, intriguing and other personal interest, substantial violation of rights and legitimate interests of citizens or organizations.

Беспрецедентное разрастание масштабов коррупции представляет собой серьезную угрозу функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии и правам человека, затрудняет экономическое развитие страны. По уровню коррумпированности чиновников Россия находится в числе государств, в которых это явление получило наибольшее развитие. По оценкам экспертов, уровень коррупции в России по-прежнему остается очень высоким. В 2011 г. по уровню коррупции в рейтинге «Индекс восприятия коррупции», проведенном международной организацией Transparency International, Россия оказалась на 143 месте из 183 возможных, и ее «соседями» стали Азербайджан, Белоруссия, Коморские острова, Мавритания, Нигерия, Восточный Тимор, Того и Уганда. Если сравнивать показатель России в 2011 г. с данными 2010 г. (2,1 балла, 154 место из 178), можно отметить небольшую позитивную динамику. Данные изменения объясняются принятием Россией комплекса антикоррупционного законодательства, определяющего основные правовые параметры предотвращения коррупции в публичном секторе [1].

Понятие коррупционного преступления не закреплено в уголовном законодательстве, но учитывая, что коррупция как многогранное, сложное явление, имеющее социальные, уголовно-правовые и криминологические характеристики, обладает совокупностью разнообразных признаков, ее необходимо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов деяний.

Современные виды коррумпированного поведения должностных лиц далеко ушли за рамки простого подкупа. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» к преступлениям с коррупционной составляющей отнес такие преступления, как злоупотребление служебным положением, дачу, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц.

Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в вышеуказанный список включил новую статью (ст. 291¹ УК) «Посредничество во взяточничестве», внося существенные изменения в составы о взяточничестве и незначительные в состав коммерческого подкупа.

Хотя непосредственного упоминания о служебном подлоге как о коррупционном преступлении в законе нет, однако данное общественно опасное деяние подпадает практически под все признаки коррупционного преступления [2]. Во-первых, данное преступление посягает на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления; во-вторых, оно является специальным видом злоупотребления должностными полномочиями; в-третьих, это преступление всегда совершается с использованием виновным своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения какой-либо выгоды (по мотиву корыстной либо иной личной заинтересованности); в-четвертых, служебный подлог совершается специальными субъектами (должностными лицами или государственными либо муниципальными служащими, не являющимися должностными лицами); в-пятых, это преступление обладает признаком системности, т.е. зачастую оно связано с другими, более опасными, чем сам служебный подлог, преступлениями (например, злоупотребление должностными полномочиями, получение взятки, хищение и т.д.) либо существенно облегчает их совершение [2, с. 3].

Из уголовно-правового анализа служебного подлога следует, что данное преступление посягает на общественные отношения, обеспечивающие нормальную работу государственного аппарата и аппарата местного самоуправления как в целом, так и отдельных его составляющих.

Обязательным признаком этого преступления является предмет посягательства – официальный документ.

В настоящее время в праве утвердилась широкая трактовка документа: он должен обладать таким признаком, как форма (материальный носитель); содержать информацию в виде текста, звукозаписи, изображения или их сочетания; обладать реквизитами, позволяющими ее идентифицировать и передавать во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения [3, ст. 2; 4, ст. 1; 5, ст. 1].

Для правильной квалификации действий по данной статье необходимо ясно представлять, что же понимается под таким документом. К сожалению, в уголовном законодательстве не закреплено понятие официального документа.

В результате в судебно-следственной практике допускаются ошибки, возникающие вследствие неверного понимания природы того или иного документа.

Мнения ученых-криминалистов разделились в определении содержания понятия официального документа. Так, одни полагают, что официальным является документ, за которым государство в установленном законом или иным нормативным актом порядке признает юридическое значение. Он может подтверждать событие или факт, относящийся к прошлому, настоящему или будущему. Официальные документы выдаются государственными или негосударственными органами либо адресуются им. Следовательно, официальным является или может стать также засвидетельствованный в нотариальном порядке документ частного (личного) характера: доверенность, расписка, договор.

Другие ученые под официальным документом понимают надлежащим образом оформленный материальный носитель информации о наличии либо отсутствии фактов, имеющих юридическое значение.

Следует иметь в виду, что в некоторых законах сделана попытка определения понятия «официальный документ».

Так, ст. 8 Закона РФ от 9 июля 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах» очерчивает круг официальных документов следующим образом: «официальные документы (законы, судебные решения, иные тексты законодательного, административного и судебного характера), а также их официальные переводы».

Согласно ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. (в редакции от 11.02.2011) «Об обязательном экземпляре документов» под официальным документом понимается произведение печати, публикуемое от имени органов законодательной, исполнительной и судебной власти, носящее законодательный, нормативный, директивный или информационный характер.

Приведенные определения не являются исчерпывающими и полными, поэтому для целей уголовного права напрямую не могут быть применены. На практике встречаются попытки применения вышеприведенных дефиниций по аналогии, что противоречит основам современного цивилизованного уголовного права, а именно принципу законности, исключающему

возможность наступления уголовной ответственности по аналогии (ст. 3 УК РФ). К тому же нормы УК РФ, предметом преступления которых является официальный документ, не являются бланкетными и отсылочными, вследствие чего при определении сущности понятия документов такого рода ссылаться на федеральные законы представляется неправильным.

Впервые официальное уголовно-правовое толкование предмета преступления ст. 292 УК РФ отражено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Официальный документ удостоверяет факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. К таким документам следует относить, в частности, листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля [6].

Учитывая, что вышеуказанное определение не в полной мере отражает сущность и содержание официального документа как предмета преступления составов, предусмотренных ст. 292, 238, 324, 325, 327 УК РФ, представляется целесообразным включить в УК РФ в качестве примечания к ст. 327 определение понятия «официальный документ»:

«Под официальным документом в статьях настоящей главы и других статьях настоящего Кодекса понимается надлежащим образом оформленный материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, исходящей от любых органов и лиц и подтверждающей юридический факт, порождающий обязанности, либо исходящей от имени органов, должностных лиц законодательной, исполнительной, судебной власти и местного самоуправления, независимо от ее характера».

Объективная сторона основного состава анализируемого преступления заключается в одном из указанных в законе действий:

а) внесении заведомо ложных сведений в официальные документы либо

б) внесении в эти документы исправлений, искажающих их подлинное содержание.

При первой форме подлога в документ вносятся фиктивные, не соответствующие действительности сведения. Однако сам документ сохраняет признаки и реквизиты настоящего. Он изготавливается на официальном бланке, содержит указания должности и фамилии лиц,

чь подписи должны быть на документе, и т.д. (интеллектуальный подлог).

Вторую форму выполнения объективной стороны служебного подлога составляют действия по внесению в официальные документы исправлений, искажающих их действительное содержание (подчистка, дописка и т.д.), в этом случае в документ, имеющий все необходимые реквизиты и содержащий определенные сведения официального характера, вносятся исправления, в частности путем замены имеющегося там текста или цифр другими, которые искажают его действительное содержание (материальный подлог), или «изготовление нового документа, в том числе с использованием бланка соответствующего документа» [6, п. 35].

Основным условием применения нормы об ответственности за служебный подлог является отсутствие в деянии виновного признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292¹ УК РФ (незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации), т.е. цели, ради которой вносятся ложные сведения в официальный документ.

Имеющееся в законе указание на то, что в действиях субъекта преступления должны отсутствовать признаки названного преступления, означает, что норма, предусматривающая ответственность за служебный подлог, является общей по отношению к ст. 292¹ УК РФ, которая выступает в качестве специальной. Согласно правилам квалификации преступлений в случае конкуренции общей и специальной норм предпочтение отдается специальной.

Обязательным признаком объективной стороны служебного подлога является его совершение с использованием виновным лицом своих служебных полномочий. Действия субъекта, не связанные с выполнением обязанностей по службе, не могут быть квалифицированы как служебный подлог.

Субъективная сторона состава преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. В первом случае виновный осознает, что создает официальный документ с недостоверным содержанием, и предвидит, что недостоверной информации будет придан официальный статус и юридическая сила, и желает этого.

В обоих случаях уголовная ответственность возможна лишь при наличии специальных мотивов – корыстной или иной личной заинтересованности. Такая мотивация полностью совпадает с аналогичными признаками коррупционных преступлений.

Корыстная заинтересованность, как правило, выражается в стремлении виновного, используя свои служебные полномочия, извлечь для себя или других лиц незаконную имущественную выгоду (чаще в узкокорпоративных целях), не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или в пользу третьих лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п.).

Под иной личной заинтересованностью понимается стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими противоречащими интересам службы побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, семейственность, месть, зависть, подхалимство, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п. [7, п. 16].

Неправильное оформление документов по небрежности, невнимательности и в иных подобных рода случаях не образует состава служебного подлога или иного преступления коррупционной направленности. Такое поведение может влечь дисциплинарную ответственность либо при наличии соответствующих признаков квалифицироваться как халатность.

Субъектом служебного подлога может быть должностное лицо или государственный либо муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом.

К должностным лицам относятся две категории специальных субъектов:

1) постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителей власти;

2) постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Согласно прим. 5 к ст. 285 УК РФ иностранные должностные лица публичной международной организации, совершившие преступления, предусмотренные статьями гл. 30 УК РФ, несут уголовную ответственность по соответствующим нормам в случаях, установленных международными договорами Российской Федерации. В основном, это преступления коррупционной направленности [8, 9], к числу которых мы относим и служебный подлог.

На данный факт также указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [6].

Квалифицированный вид преступления (ч. 2) предусматривает более строгую ответственность за служебный подлог, повлекший существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Понятие существенного нарушения является оценочным. Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 к существенному нарушению законных интересов граждан или организаций следует также относить создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества и т.д.). При установлении последствия в виде существенного нарушения необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

В связи с этим, несмотря на двоякость субъекта служебного подлога, учитывая основные его признаки, считаем целесообразным отнести данный вид преступления к проявлению одной из форм неправомерной коррупционной деятельности должностного лица.

1. *Transparency International: Индекс восприятия коррупции 2011 года [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/02/3750>*

2. *Журавлева Г.В. Уголовная ответственность за служебный подлог: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.*

1. *Transparency International: Index of perception of corruption of 2011 [Electronic resource] // Center of humanitarian technologies. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/12/02/3750>*

2. *Zhuravleva G.V. Criminal liability for office forgery: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2007.*

3. Об информации, информатизации и защите информации: федер. закон от 20 февр. 1995 г. URL: docs.Kodeks.ru/document//9010116

4. Об обязательном экземпляре документов: федер. закон от 29 дек. 1994 г. (в ред. от 11.02.2002). URL: <http://www.gspirtv.ru//11001>

5. О библиотечном деле: федер. закон от 29 дек. 1994 г. URL: bose.consultant.ru//document//9010116

6. О судебной практике по делам о взятках и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // СПС «КонсультантПлюс».

7. О судебной практике по делам о злоупотреблении полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (г. Страсбург, 1999 г.) // Совет Европы и Россия. 2002. № 2. С. 46–55.

9. Конвенция ООН против коррупции (г. Нью-Йорк, 2003) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

3. About information, informatization and information security: fed. law of Febr. 20, 1995. URL: docs.Kodeks.ru/document//9010116

4. About an obligatory copy of documents: fed. law of Dec. 29, 1994 (as amended of 11.01.2002). URL: <http://www.gspirtv.ru//11001>

5. About a library science: fed. law of Dec. 29, 1994. URL: bose.consultant.ru//document//9010116

6. About jurisprudence on cases of bribery and of other corruption crimes: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 № 24 // HLS «ConsultantPlus».

7. About jurisprudence on cases of abuse of powers of office and of excess of powers of office: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Oct. 16, 2009 № 19 // HLS «ConsultantPlus».

8. Convention of the Council of Europe on criminal liability for corruption (Strasbourg, 1999) // Council of Europe and Russia. 2002. № 2. P. 46–55.

9. The UN convention against corruption (New York, 2003) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 26. Art. 2780.

Алексеев Семен Владимирович
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79180833800)

Нормативно-правовое регулирование противодействия экстремистской деятельности

В статье рассматривается нормативно-правовая база, регулирующая сферу борьбы с экстремизмом в Российской Федерации.

Ключевые слова: экстремизм, нормативно-правовое регулирование, насилие, идеология.

S.V. Alekseenko, Adjunct of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79180833800.

Standard and legal regulation of counteraction to extremist activity

In the article the standard and legal base regulating the sphere of fight against extremism in the Russian Federation is considered.

Key words: extremism, standard and legal regulation, violence, ideology.

В современной России с середины 90-х гг. XX в. активно ведется разработка нормативно-правовой базы по противодействию экстремизму. Но первоначальные попытки правового оформления борьбы с экстремизмом столкнулись с противодействием в обществе со стороны отдельных сил.

До сегодняшнего дня не прекращаются споры о необходимости и целесообразности нормативно-правового регулирования противодействия экстремистской деятельности, а также правового определения экстремизма. Учеными высказываются различные мнения, начиная с того, что необходимо полное отрицание использования правовых механизмов противодействия экстремизму, и заканчивая введением лишь отдельных «частных запретов» и тщательной нормативно-правовой регламентации различных проявлений экстремистской деятельности [1, с. 55].

Имеются факты, которые указывают на то, что экстремизм стал постоянно действующим фактором нашей повседневной жизни, и наличие вышесказанного обуславливает противоречивый характер экономических и политических преобразований в Российской Федерации, также усиливается рост социальной напряженности в обществе, возрастает низкая политическая и правовая культура населения, идеология насилия становится основным методом решения различного рода проблем, следовательно, повышается уровень экстремистской и террористической деятельности [2, с. 66].

Правовую базу по противодействию экстремистской деятельности составляют: Конституция РФ; Уголовный кодекс РФ; федеральные законы и ряд других нормативных актов, включая нормы международного права, ратифицированные международные соглашения. Важное место необходимо отвести Концепции национальной безопасности РФ; Доктрине информационной безопасности РФ, а также нормативным правовым актам Президента РФ и Правительства РФ, Генеральной прокуратуры РФ и федеральных ведомств, регламентирующих деятельность по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Данная нормативно-правовая база, регулирующая сферу борьбы с экстремизмом, в целом отвечает интересам национальной безопасности, однако устойчиво требует дальнейшего развития и совершенствования. Также среди ученых ведутся споры о правовом определении экстремизма и необходимости его правового регулирования.

Л.С. Левинсон утверждает, что «попытки включить экстремизм в закон – действие не правовое вовсе, а исключительно политическое» [3]. В.А. Лихачев считает, что «нет никакой необходимости в специальном законе, направленном на борьбу с экстремизмом» [3]. Другие же ученые полагают, что «отсутствует четкая понятийная определенность экстремизма» [4, с. 18], т.к. «экстремизм не поддается прямому законодательному регулированию ввиду его всеобщего характера и всепроникновения в

ткань социальных процессов» [5, с. 12]. Возможно, причиной такого скептицизма может быть то, что до сих пор в обществе нет четкого распознавания пределов политической свободы и экстремизма.

Для эффективной организации нормативно-правового противодействия экстремизму необходимо четко разграничивать легитимные и нелегитимные формы политической борьбы, а также различные проявления экстремизма, отличающиеся друг от друга степенью общественной опасности.

Необходимо отметить, что отличительной чертой от нравственных и религиозных правил является то, что правовые нормы однозначны и они закреплены в законах и других актах, санкционированы государством, следовательно, и правовая оценка предпосылок и самого конфликта имеет официальный характер и не может быть изменена под давлением одной из сторон или под воздействием общественных настроений и пристрастий [6, с. 146].

Одно из первых упоминаний термина «экстремизм» в современной России в официальном документе содержалось в Указе Президента РФ от 28 октября 1992 г. № 1308 «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации», но само понятие экстремизма в нем не отражалось.

В Конституции РФ перечислен целый ряд противоправных действий, которые могут быть признаны экстремистскими, а именно «создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (п. 5 ст. 13) [7].

Однако на федеральном уровне длительное время отсутствовал специальный закон, который мог бы являться основой для противодействия экстремизму и позволял бы в практической деятельности обеспечивать защиту граждан и российского общества в целом от деструктивного воздействия различных проявлений экстремизма.

Первым примером правового закрепления понятия «экстремизм» можно считать Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., ратифицированную Российской Федерацией 10 января 2003 г. [8]. В целях ее обеспечения Президент РФ подписал Указ от 17 июня 2003 г. № 680 «О центральных компетентных органах Российской Федерации, ответственных за вы-

полнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».

27 июня 2002 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», 10 июля 2002 г. он был одобрен Советом Федерации, а 25 июля того же года подписан Президентом России. Понятие экстремизма было определено в Законе путем простого перечисления определенного ряда деяний.

Существуют различные механизмы признания организации террористической или экстремистской, тогда как материальные основания инициирования этих процедур в Законах «О борьбе с терроризмом» и «О противодействии экстремистской деятельности» совпадают. Таким образом, одна и та же организация может быть признана судом как террористической, так и экстремистской [9, с. 186]. Парадокс будет состоять в том, что и отдаленные правовые последствия судебного решения по делам данной категории не идентичны. Например, возобновление деятельности экстремистской организации уголовно наказуемо (ст. 282² УК РФ), а террористической – нет. На сегодняшний день уже известны случаи, когда в отношении той или иной организации в суды направлялись иски сначала в соответствии с положениями Федерального закона «О борьбе с терроризмом», а затем – Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [9].

Приказ Генерального прокурора РФ от 17 мая 2004 г. № 13 «О повышении эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» оперирует понятием «преступления экстремистской направленности», однако прямо их не определяет. О содержании таких преступлений можно судить по тому, что в п. 2.3 данного приказа содержится указание о том, что о преступлениях, предусмотренных ст. 136, 148, 149, 212, 213, 280, 282–282², 239 УК РФ, а также ст. 105, 111, 112, 117, 214, 243 и 244 УК РФ, если они совершены по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, необходимо незамедлительно сообщать в Генеральную прокуратуру РФ специальным донесением.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» провозглашает международно-правовые стандарты в области прав человека, учитывая при этом, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти представляет собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.

Данное постановление оперирует аспектами рассмотрения уголовных дел экстремистской направленности, а также предусматривает процесс доказывания таких преступлений, разграничение действий экстремистской и неэкстремистской направленности и т.д.

Таким образом, можно сказать, что законодатель, определяя экстремизм, подразумева-

ет, что данное понятие имеет собирательный многоотраслевой характер, включающий нормы конституционного, административного, гражданского и уголовного права. Оно в большей мере носит характер общеправового определения и нуждается в дальнейшем уточнении, позволяющем исключить произвольное широкое толкование экстремизма.

1. Сокол В.Ю. *Экстремизм: Проблемы правового определения*. Краснодар, 2006.

2. Зелинская Н.А. *Политические преступления в системе международной преступности*. Одесса, 2007.

3. Верховский А.М. *Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать?* М., 2008. URL: <http://xeno.sova-center.ru/>

4. Амирокова Р.А. *Политический экстремизм в современном политическом процессе России: автореф. дис. ... канд. полит. наук*. Черкесск, 2008.

5. *Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики*. СПб., 2007.

6. Козырев Г.И. *Основы конфликтологии: учеб.* 2-е изд. М., 2010.

7. Рос. газ. 2009. 21 янв.

8. *Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Шанхай, 15 июня 2001 г.* // Собр. законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

9. Бурковская В.А. *Терроризм: проблемы предупреждения // Терроризм и безопасность на транспорте: сб. материалов 3-й междунар. науч.-практ. конф., 3–4 марта 2004 г. М., 2008.*

1. Sokol V.Yu. *Ekstremism: Problems of legal definition*. Krasnodar, 2006.

2. Zelinskaya N.A. *Political crimes in system of the international crime*. Odessa, 2007.

3. Verkhovsky A.M. *The state against radical nationalism. What to do and that not to do?* Moscow, 2008. URL: <http://xeno.sova-center.ru/>

4. Amirokova R.A. *Political extremism in modern political process of Russia: auth. abstr. ... Master of Political Sciences*. Cherkessk, 2008.

5. *Extremism in the environment of the Petersburg youth: analysis and prevention problems*. St. Petersburg, 2007.

6. Kozyrev G.I. *Conflictology bases: textbook*. 2nd ed. Moscow, 2010.

7. Rus. newsp. 2009. Jan. 21.

8. *Shanghai convention on fight against terrorism, separatism and extremism, Shanghai, June 15, 2001* // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 41. 3947.

9. Burkovskaya V.A. *Terrorism: prevention problems // Terrorism and safety on transport: proc. of the 3d intern. sci.-pract. conf., March 3–4, 2004*. Moscow, 2008.

Воробьев Валерий Викторович
адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584050)

Объект состава злостного уклонения от исполнения обязанностей некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента

В статье рассматриваются признаки общественных отношений, нарушаемых преступлением, предусмотренным ст. 330¹ УК РФ. Сформулировано определение объекта состава данного преступления.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, состав преступления, некоммерческие организации, юридическое лицо, иностранные агенты.

V.V. Vorobiev, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050.

The object of malicious evasion from duty non-profit organizations performing functions of a foreign agent

The article considers the characteristics of social relationships, violated offense under art. 330¹ of the Criminal code of the Russian Federation. The definition of the object of the crime is formulated.

Key words: crime, criminal liability, corpus delicti, non-profit organizations, legal entity, foreign agents.

Одной из новелл действующего отечественного уголовного законодательства является норма об ответственности за злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента (ст. 330¹ УК РФ). В силу новизны данного нормативного предписания теория и практика уголовного права испытывают объективный недостаток разъяснений относительно вопросов правильного понимания элементов и признаков состава данного преступления. В рамках настоящей статьи к рассмотрению предлагаются результаты исследования одного из основополагающих признаков состава любого преступления – объекта.

Именно изучение объекта состава преступления позволяет, в первую очередь, уяснить сущность конкретного запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния [1, с. 3]. Принимая во внимание, что объектом преступления являются общественные отношения, поставленные под охрану законом, которым преступлением причиняется вред [2, с. 44], необходимо определить круг таких общественных отношений, нару-

шаемых вследствие совершения преступления, предусмотренного ст. 330¹ УК РФ.

Следует отметить, что согласно п. 6 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» под некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, понимается российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ), и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации.

Некоммерческая организация, за исключением политической партии, признается участвующей в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах,

она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях.

Закон гласит, что к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного и животного мира, благотворительная деятельность, а также деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества [3].

Для государственной регистрации некоммерческой организации при ее создании в уполномоченный орган представляется, помимо иных документов, заявление о включении некоммерческой организации в предусмотренный п. 10 ст. 13.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. В силу п. 10 ст. 13.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» сведения, содержащиеся в представляемых для государственной регистрации документах некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, составляют реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Следовательно, некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента, наделена, по сравнению с другими некоммерческими организациями, обязанностью по предоставлению сведений о себе в специальный реестр. И уголовно-правовой запрет, сформулированный в ст. 330¹ УК РФ, устанавливает ответственность именно за злостное уклонение организации от реализации данной обязанности.

Учитывая положения Федерального закона «О некоммерческих организациях», можно сделать вывод, что включение некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, в указанный реестр имеет своей целью осуществление контроля за деятельностью такого рода организаций. Так, обозначенным законом, например, регламентировано, что уполномоченный орган ежегодно представляет Государственной Думе Федерального Собрания РФ доклад о деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, содержа-

щей информацию об участии их в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, о поступлении и расходовании денежных средств, а также о результатах контроля за их деятельностью [3, п. 16 ст. 32].

Для более полного понимания специфики изложенных нормативных предписаний уместным, на наш взгляд, является изложение выдержек из решения Конституционного Суда РФ по данным вопросам. В частности, Конституционный Суд РФ признал соответствующими Основному закону РФ положения п. 6 ст. 2, абз. 2 п. 7 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях». Конституционным Судом РФ указано, что, выделяя некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента, и устанавливая их обязанность до начала осуществления политической деятельности подать в уполномоченный орган заявление о включении в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, данные законоположения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

направлены на обеспечение прозрачности (открытости) деятельности некоммерческих организаций, получающих денежные средства и иное имущество от иностранных источников и участвующих в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, в целях оказания воздействия – прямого или опосредованного (путем формирования общественного мнения) – на принимаемые государственными органами решения и проводимую ими государственную политику, не предполагают государственного вмешательства в определение предпочтительного содержания и приоритетов такой деятельности и не означают негативную законодательную оценку некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента;

устанавливают уведомительный порядок включения некоммерческих организаций в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, и не препятствуют некоммерческим организациям свободно изыскивать и получать денежные средства и иное имущество как от иностранных, так и от российских источников и использовать их для организации и проведения политической деятельности, в том числе в интересах иностранных источников;

исходят из презумпции законности и добросовестности деятельности некоммерческих организаций и не лишают их права на судебную защиту от необоснованных требований

органов юстиции или прокуратуры о подаче заявления о включении в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, возлагая бремя доказывания необходимости подачи такого заявления на соответствующие государственные органы [4].

Имеются основания утверждать, что изложенные положения в полной мере могут быть отнесены и к уголовно-правовому запрету на злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента. В этой связи допустим вывод о том, что уголовно-правовой запрет, сформулированный в ст. 330¹ УК РФ, ориентирован, главным образом, на обеспечение прозрачности (открытости) деятельности некоммерческих организаций, получающих денежные средства и иное имущество от иностранных источников и участвующих в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, в целях оказания воздействия – прямого или опосредованного (путем формирования общественного мнения) – на принимаемые государственными органами решения и проводимую ими государственную политику.

Преступление, предусмотренное ст. 330¹ УК РФ, нарушает общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением прозрачности (открытости) соответствующих направлений деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Сама деятельность таких организаций, очевидно, может создавать угрозу государственной безопасности Российской Федерации, а нарушение обязанности (злостное) по предоставлению документов, необходимых для включения в специальный реестр, посягает на установленный законодательством Российской Федерации порядок соответствующей управленческой деятельности органов государственной власти.

Таким образом, непосредственным объектом состава злостного уклонения от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента, являются общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением управленческой деятельности органов государственной власти по контролю за прозрачностью (открытостью) деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

1. Винокуров В.Н. *Объект преступления: теория, законодательство, практика*. М., 2010.

2. Пудовочкин Ю.Е. *Учение о составе преступления: учеб. пособие*. М., 2009.

3. *О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145 (в ред. Федерального закона от 4 июня 2014 г. № 147-ФЗ)*.

4. *По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева: постановление Конституционного Суда РФ от 8 апр. 2014 г. № 10-П // Собр. законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1921.*

1. Vinokurov V.N. *The object of the crime: theory, law, and practice*. Moscow, 2010.

2. Pudovochkin Ju.E. *Doctrine of the elements of the crime: study aid*. Moscow, 2009.

3. *About non-profit organizations: fed. law of Jan. 12, 1996 № 7-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 145 (in ed. of the Federal law of June 4, 2014 № 147-FL)*.

4. *On the case about the verification of constitutionality of the provisions of paragraph 6 of article 2 and paragraph 7 of article 32 of the Federal law «About non-profit organizations», the sixth part of article 29 of the Federal law «About public associations» and part 1 of article 19.34 of the Code of the Russian Federation about administrative offences in connection with the complaints of the Commissioner for human rights in the Russian Federation, fund «Kostroma center for support of public initiatives», citizens L.G. Kuzmina, S.M. Smirensky and V.P. Yukechev: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of Apr. 8, 2014 № 10-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 16. Art. 1921.*

Демин Сергей Геннадьевичаспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

О необходимости уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве России

В статье формулируется положение о введении уголовной ответственности юридических лиц в уголовное право России. В частности, автор считает необходимым ввести корпоративную уголовную ответственность за экономические преступления.

Ключевые слова: уголовное право России, уголовная ответственность, уголовная ответственность юридических лиц, экономические преступления.

S.G. Demin, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

On the necessity of corporative criminal responsibility in Russian criminal law

The thesis for including of corporative criminal responsibility into Russian criminal law has been formulated in this article. Particularly the author thinks that there's the necessity of corporative criminal responsibility for economic crimes.

Key words: Russian criminal law, criminal responsibility, corporative criminal responsibility, economic crimes.

Анализ уголовного законодательства зарубежных государств, в которых положительно решен вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, позволил выявить определенные закономерности. Во-первых, законодатель пошел по пути обязательного включения норм об ответственности юридических лиц в уголовные законы, даже в тех случаях, когда речь идет фактически об административных санкциях. Во-вторых, в государствах, включивших данный институт в свое законодательство, изданы и специальные законы, в которых определены основные характеристики уголовной ответственности юридических лиц.

Развитие зарубежного и международного уголовного права порождает постановку вопроса о введении института уголовной ответственности юридических лиц и в российском уголовном праве. Можно ли при этом использовать модели общего или континентального права для установления корпоративной ответственности в России? Например, Н.Ф. Кузнецова указывает на то, что в странах, где такая ответственность уже существует, правоприменительные органы сталкиваются с материальными и процессуальными трудностями в реализации положений уголовного закона в отношении юридических лиц [1, с. 47].

Анализ уголовного законодательства зарубежных государств и практики его применения позволяет сформулировать следующие тезисы:

во-первых, несмотря на имеющиеся трудности в рассматриваемом институте, он достаточно успешно реализуется во многих развитых странах (например, почти все страны Европейского Союза установили уголовную ответственность; многие бывшие советские республики также ввели уголовную ответственность юридических лиц – Молдова, Грузия, Украина);

во-вторых, при введении нового института всегда возникают сложности его применения, пока не будет наработана серьезная судебная практика;

в-третьих, решая вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц важно провести не только общественное обсуждение этого вопроса (что, например, было сделано с проектом Следственного комитета РФ в 2011 г. об установлении мер уголовно-правового воздействия к юридическим лицам), но и научную экспертизу или слушание по этому вопросу;

в-четвертых, можно и даже нужно использовать богатый положительный опыт зарубежных государств по рассматриваемой проблеме;

в-пятых, в силу предписания ч. 4 ст. 15 Конституции РФ наше государство не сможет длительное время зашториваться от исполне-

ния норм международного уголовного права, настоятельно рекомендуя ввести уголовную ответственность для юридических лиц за совершение отдельных преступлений.

Полагаем, что, решая вопрос о необходимости введения института уголовной ответственности юридических лиц, нужно оценивать его с точки зрения способности закрыть пробелы в регулировании общественных отношений. Именно с этих позиций рассматривают ответственность юридических лиц авторы, ратующие за ее введение. В качестве основной причины, из-за которой следует установить корпоративную уголовную ответственность, сторонники уголовной ответственности юридических лиц называют размер ущерба, причиняемого деятельностью юридических лиц, который не идет ни в какое сравнение с вредом, который может быть причинен отдельным физическим лицом [2, с. 51–52]. Другой причиной они считают необходимость ужесточения ответственности юридических лиц за общественно опасные последствия их деятельности. Позиция А.В. Наумова, на наш взгляд, не потеряла своей актуальности и сегодня: «Что толку от того, что в результате Чернобыльской трагедии несколько виновных лиц были осуждены к длительным срокам лишения свободы... А вот если бы за преступные опыты... была бы установлена вина организации... и ее деятельность по приговору суда была бы приостановлена, а сама бы организация распущена, проку было бы куда больше» [3, с. 182].

Сторонники введения уголовной ответственности организаций предлагают концепцию «прошлой виновности», которая предполагает особую вину в совершении преступления. Такая особая вина обусловлена возможной анонимной коллегиальностью в принятии решений, общими просчетами в политике юридического лица, накапливающимися со временем и суммирующимися в преступлении, легально допускаемой возможностью передачи полномочий исполнительного органа одного юридического лица другому. Иными словами, невозможностью в ряде случаев установить, чей интеллект и воля легли в основу совершенного преступления. Юридическое лицо, допустившее в своей деятельности просчеты, будет а priori виновно в совершении преступления, за исключением случаев, когда преступные действия (бездействие) были совершены его работником *ultra vires*, для себя лично.

Вполне уместно сослаться на позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную в его определении от 21 декабря 2000 г. № 244-О: «Вина организации при нарушении законода-

тельства о контрольно-кассовых машинах проявляется в виновном действии (бездействии) соответствующих лиц, действующих от имени организации, и заключается в необеспечении выполнения правил физическими лицами (конкретными работниками), действующими от имени организации».

Неким новым подходом в решении рассматриваемой проблемы стал проект, подготовленный Следственным комитетом РФ, сводящийся к возможности применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера за «причастность» организации к совершению преступления.

В пояснительной записке этого проекта причина введения уголовной ответственности юридических лиц объясняется тем, что «в последние годы значительно возросло количество преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц. Масштаб этого явления позволяет утверждать, что в России сформировался новый вид преступности – преступность юридических лиц». По мнению авторов законопроекта, этот вид преступности «представляет реальную угрозу экономической безопасности государства, а также интересам добросовестных участников экономического оборота». Наконец, преступность юридических лиц «способствует повышению уровня криминальности общества в целом, в частности порождает или создает условия для развития таких опасных социальных явлений, как коррупция, экологическая преступность, финансирование терроризма и организованная преступность. Действующее российское законодательство в области противодействия преступности юридических лиц не только не отвечает мировым стандартам, но фактически не позволяет вести борьбу с этим явлением».

Поддерживая концепцию введения мер уголовно-правового характера по отношению к юридическим лицам, причастным к преступлению, нельзя не отметить, что возникает другой вопрос. Сможет ли УК РФ в этом случае вести борьбу, например, с фирмами-однодневками, или поможет ли это репатриации незаконно вывезенного капитала? Вопрос не однозначный, поскольку вряд ли это сфера сугубо налогового и гражданского законодательства. С другой стороны, вводимые с 2014 г. новые правила административного регулирования хозяйственной деятельности юридических лиц (например, в части регулярности налоговых проверок, порядка возбуждения уголовных дел за налоговые преступления) приведут к сокрытию прибыли организациями, уклонению от уплаты налогов,

вывозу наличной ликвидности за рубеж. Это потребует от государства усиления контроля за хозяйствующими субъектами, вплоть до уголовно-правовых мер.

Сложившаяся сегодня ситуация по вопросу введения уголовной ответственности юридических лиц объективно содержит определенные предпосылки. Развитие и стремительная переориентация общественных отношений требуют от законодателя адекватной реакции, в том числе посредством регулирования этих отношений уголовно-правовыми мерами. Требования, заложенные в нормах международного уголовного права, в части установления уголовной ответственности юридических лиц, развитие в этом вопросе уголовного законодательства зарубежных государств, в том числе и бывших советских республик, разработка Следственным комитетом РФ специального нормативного акта о такой ответственности свидетельствуют о прогрессивном движении законодательства в данном вопросе.

Решить вопрос об ответственности юридического лица в настоящее время необходимо, что позволит внедрить новые способы защиты государства и гражданского общества в сфере недобросовестной конкуренции, охраны окружающей среды и т.п.

Какие проблемы могут быть решены в случае введения уголовной ответственности юридических лиц? Во-первых, это поможет осуществлять эффективную борьбу с использованием фиктивных организаций в экономической деятельности, с деятельностью финансовых пирамид. Сделки, посредством которых легализуется нажитое преступным путем имущество, совершаются не от имени физического лица, причастного к преступлению, а от имени используемых им фиктивных организаций, которые подконтрольны ему. Во-вторых, введение уголовной ответственности юридических лиц будет способствовать борьбе с корпоративной коррупцией, когда организация осуществляет подкуп публичных должностных лиц в целях заключения выгодных контрактов, победы в тендере и т.д. Опыт зарубежных государств в борьбе с корпоративной коррупцией, в том числе и разработанные в этой сфере международно-правовые меры, является наилучшим примером для нашей страны. В-третьих, введение уголовной ответственности поможет усилить профилактическое воздействие на компании путем принятия ими дополнительных мер корпоративного контроля за деятельностью своих должностных лиц.

1. *Новое уголовное право. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1996.*

2. *Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ. М., 1994.*

3. *Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996.*

1. *New Criminal Law. General Part / ed. by N.F. Kuznetsova. Moscow, 1996.*

2. *Kelina S.G. Corporative responsibility in new Russian Criminal code's project. Moscow, 1994.*

3. *Naumov A.V. Criminal Law. General Part: course of lectures. Moscow, 1996.*

Коростелев Владимир Сергеевичаспирант кафедры уголовного права и криминологии
Самарского государственного университета
(e-mail: vlad-volga1@yandex.ru)

Некоторые вопросы систематизации уголовно-правовых предписаний о преступлениях против военной службы

В статье анализируются отдельные вопросы систематизации уголовно-правовых положений, устанавливающих ответственность за преступления против военной службы в дореволюционном, советском и современном законодательстве России, а также их месторасположения в Особенной части уголовного закона. Обосновываются идеи признания норм о преступлениях против военной службы составной частью института преступлений против государственной власти и их последующее деление на две самостоятельные группы уголовно-правовых предписаний, определяющих ответственность за преступления военачальников и иных военнослужащих.

Ключевые слова: служебные преступления, преступления против военной службы, преступления военачальников.

V.S. Korostelev, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Samara State University; e-mail: vlad-volga1@yandex.ru

Some issues of systematization of prescriptions of criminal law about crimes against military service

Some issues of systematization of rules of criminal law about liability for crimes against interests of military service in the prerevolutionary, soviet and modern legislation, their position in the Special part of criminal law are analyzed in the article. Ideas about acceptance of rules of law about crimes against military service as a part of crimes against public service with their sequential dividing for crimes of commanders and other military men are stressed by author.

Key words: official crimes, crimes against military service, crimes of commanders.

Историико-правовой анализ показывает, что преступления против военной службы занимали особое место в системе уголовного законодательства России. Изначально нормы о них размещались вместе с нормами об иных преступлениях в рамках единого закона. Так, в Соборном уложении 1649 г. выделялась гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства», в которой содержались нормативные положения об ответственности за преступления военачальников (ст. 11 и 16) и иных военнослужащих (ст. 6, 8, 9, 19, 24, 28, 29, 31 и 32). К примеру, за отпущенными и воеводами со службы ратных людей виновным должностным лицам полагалось «жестокое наказание, что государь укажет» (ст. 11 гл. VII Соборного уложения).

Однако начиная с эпохи Петра Великого нормы о воинских преступлениях обособились в специальное, так называемое военное законодательство. Если составы преступлений против интересов гражданской (коллежской, министерской и пр.) службы описывались в

Генеральном Регламенте 1720 г., Указе от 25 августа 1713 г. «О пресечении грабительств в народных сборах, о платежах всех податей вместе на четыре срока и о способах взыскания недоимок» и др., то ответственность за преступления против военной службы устанавливалась в таких нормативных актах, как Артикул воинский 1715 г., Воинский устав 1716 г. (гл. X, гл. XXVIII, п. 4 гл. XLII), Морской Устав 1720 г. (кн. V «О штрафах»).

Петровское военно-уголовное законодательство вслед за Соборным уложением различало деликты военных начальников и нижестоящих военнослужащих. В двухстах девяти статьях Петра I по субъекту преступления содержались нормы об ответственности: 1) «офицеров», 2) «рядовых» («солдат»), 3) всех военнослужащих вне зависимости от чина, 4) военнослужащих и прочих лиц. Например, за сон или пьянство при карауле, уход из караула прежде смены, оставление места караула как «офицеры», так и «рядовые» подлежали расстрелу на месте (арт. 41). С другой стороны, только «офицеры»

карались смертной казнью за неисполнение должного при несении караула или при обнаружении неосмотрительности, неосторожности и лени при несении караула (арт. 40).

В XIX в. составы преступлений против военной службы описывались в Воинском уставе о наказаниях 1839 г., Своде морских уголовных постановлений 1851 г., Военно-морском уставе о наказаниях 1868 г. Названные источники действовали параллельно с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 г. и 1885 г.). В начале XX в. совместно с Уголовным уложением 1903 г. действовал Воинский устав о наказаниях 1910 г.

В данный исторический период законодатель продолжил обеспечение не только отдельного оформления общего и специального (военного) уголовного законодательства, но и строгого разграничения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против военной службы офицеров и «нижних чинов». Вопросам уголовной ответственности военачальников специально посвящались гл. 5 «О превышении власти и противозаконном оной бездействии», гл. 8 «О слабом за подчиненными надзоре и злоупотреблении власти в сношениях начальников с подчиненными» и гл. 11 «О противозаконных поступках должностных лиц по некоторым особым родам службы» разд. II «О воинских и других преступлениях и проступках по службе военной» Воинского устава 1869 г.

В советском законодательстве нормы о воинских служебных преступлениях стали сосредотачиваться в отдельной структурной части общего кодифицированного уголовного закона. Речь идет о гл. VII «Воинские преступления» УК РСФСР 1922 г., гл. IX «Преступления воинские» УК РСФСР 1926 г., гл. 12 «Воинские преступления» УК РСФСР 1960 г. Эти главы располагались последними в Особенной части указанных законов.

С 1924 г. содержание названных глав УК РСФСР периодически приводилось в соответствии с предписаниями законодательства Союза ССР, включающего Положение о воинских преступлениях ЦИК СССР от 31 октября 1924 г., Положение о воинских преступлениях ЦИК СССР, СНК СССР от 27 июля 1927 г., Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления». Указанные правовые акты СССР не имели непосредственного действия на территории РСФСР, и их нормы подлежали включению в УК пятнадцати союзных республик.

Тенденцией систематизации норм о воинских преступлениях военачальников в советском законодательстве стало расширение перечня запрещенных форм служебного поведения и, соответственно, статей, их предусматривающих.

В УК 1922 г. вопросам уголовной ответственности военачальников посвящались две статьи: ст. 209 о превышении и бездействии власти и ст. 210 об отступлении военного начальника от данной ему диспозиции или иного распоряжения, отданного для боя, сдаче им неприятелю вверенных ему отрядов, укрепления или военного судна, а равно уничтожении или приведении в негодность укрепления, судна, орудий, складов оружия, продовольственных припасов и других предметов, принадлежащих к средствам ведения войны. УК 1926 г. знал три подобных статьи. При этом в ст. 193.12 этого закона речь шла о наказуемости злоупотребления, превышения правами и бездействия лица командного, административно-хозяйственного и политического состава; ст. 193.13 воспроизводила содержание ст. 210 УК 1922 г.; в ст. 193.19 УК 1926 г. речь шла о противозаконном использовании начальником своего подчиненного для обслуживания личных потребностей начальника или его семейства. УК 1960 г. включал в себя уже шесть статей об ответственности военачальников (следует заметить, что в первоначальной редакции УК 1960 г. предусматривалось пять такого рода статей: п. «а» ст. 243, п. «а» ст. 246, п. «в» ст. 247, ст. 260, п. «а» ст. 262). В п. «а» ст. 243 этого источника уголовно наказуемым признавалось оскорбление начальником подчиненного при исполнении хотя бы одним из них обязанностей по военной службе. В п. «в» ст. 246 запрещалось самовольное оставление части или места службы лицом офицерского состава. Согласно п. «в» ст. 247 преступным объявлялось дезертирство, совершенное лицом офицерского состава. В п. «а» ст. 262 была регламентирована ответственность за «оставление погибающего военного корабля командиром, не выполнившим до конца своих служебных обязанностей...». Согласно ст. 260 наказанию подвергалось злоупотребление властью, превышение и бездействие власти. Впоследствии УК 1960 г. был дополнен статьей, предусматривающей ответственность за халатное отношение «начальника или должностного лица» к военной службе (ст. 260¹).

В УК РФ 1996 г. вопросам ответственности за воинские преступления посвящены положения гл. 33 «Преступления против военной службы» одноименного разд. XI. В отличие от советского уголовного законодательства глава о преступлениях против военной службы расположена в Особенной части УК 1996 г. предпоследней. Как известно, этот уголовный закон завершает гл. 34 о преступлениях против мира и безопасности человечества.

УК 1996 г. знает только две нормы о преступлениях военачальников, предусмотренных ч. 2 ст. 336 (в части «оскорбления начальником

подчиненного») и ст. 345 (устанавливающей ответственность «командира военного корабля, не исполнившего до конца свои служебные обязанности»).

Кроме того, в УК 1996 г. проведено необоснованное уравнивание уголовной ответственности воинских и гражданских должностных лиц. При наличии к тому оснований воинские должностные лица несут ответственность по нормативным положениям гл. 30 этого УК. Так, офицер К. был осужден по пяти эпизодам за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 286 и п. «а» ч. 3 ст. 286. Этот военачальник, «действуя из ложно понятых интересов военной службы, с целью добиться от подчиненных беспрекословного выполнения его распоряжений по службе» применял насилие в отношении подчиненных и «с целью создания обстановки мнимого благополучия в материальном и бытовом обеспечении его подчиненных» собрал принудительно денежные средства с подчиненных [1]. Согласно материалам другого дела военачальник К. из корыстных побуждений освобождал подчиненных военнослужащих от исполнения обязанностей военной службы на оговоренные промежутки времени (11 эпизодов). Каждый из эпизодов был квалифицирован по ч. 1 ст. 285 [2].

В современной доктрине уголовного и военного права неоднократно высказывалась в разных интерпретациях мысль о целесообразности установления уголовной ответственности военнослужащих в специальном законе. Так, В.А. Селюков, ссылаясь на Указ Президента РФ от 6 февраля 1995 г. № 94 «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации» и распоряжение Президента РФ от 17 апреля 1995 г. № 183-рп, предлагал принять отдельный Свод военного законодательства. В структуре последнего, с точки зрения этого автора, следовало выделить ч. 4 «Юридическая ответственность военнослужащих», которая включала бы в себя кн. 7 «Закон об уголовной ответственности за воинские преступления» [3, с. 15–16]. По мнению И.Г. Вишни, назрела необходимость разработки Кодекса военной юстиции, объединяющего наряду с нормами военного права нормативные предписания уголовного и уголовно-процессуального характера [4, с. 16].

Кроме того, в современной правовой науке продолжается дискуссия по вопросу о разработке (исходя из положений, закрепленных в ч. 3 ст. 331 УК РФ) специального законодательного акта об уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке [5, с. 64].

Все вышеуказанные предложения о порядке систематизации военного и уголовного законо-

дательства о преступлениях против военной службы далеко не бесспорны. Прежде всего, подчеркнем, что уголовно-правовые положения вообще и уголовно-правовые предписания о воинских преступлениях неразрывно связаны друг с другом. При этом органическое единство «общего» уголовного и «военно-уголовного» законодательства выражается, так сказать, юридически, в самом правовом мире. Как справедливо замечено, «ст. 14 УК РФ дает единое понятие преступления как виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного данным Кодексом под угрозой наказания. Поэтому ст. 331 УК РФ не повторяет общих признаков преступления, а лишь указывает на особенности объекта и субъекта преступления против военной службы» [6, с. 29]. Таким образом, единство уголовного и военно-уголовного законодательства проявляется в «сквозном» характере норм о преступлениях против военной службы.

По вопросу о множественности источников уголовного права в области обеспечения интересов военной службы заметим следующее. Принятие специального уголовного закона о воинских преступлениях военного времени нецелесообразно. В современной доктрине правильно указывается, что положения ч. 3 ст. 331 УК («Уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени») не стыкуются с ч. 1 ст. 1 этого закона («Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс»). В этой связи обоснованно утверждается, что «деление военно-уголовного законодательства на два вида – мирного и военного времени – противоречит основополагающей идее построения системы российского уголовного права. Нормы, предназначенные для применения в условиях вооруженных конфликтов, должны быть включены непосредственно в УК РФ» [7, с. 234–235]. При этом отдельные исследователи предлагают ограничиться соответствующей модернизацией гл. 33 УК [8].

С учетом вышеизложенного полагаем целесообразным признать утратившей силу ч. 3 ст. 331 УК РФ при условии включения нормативных положений о воинских преступлениях военного времени в действующий УК, а не в специальный военно-уголовный закон.

Еще один вопрос систематизации уголовно-правовых положений, устанавливающих ответственность за преступления против военной службы, – их месторасположение в системе Особенной части УК РФ. Военная служба имеет свою специфику, но остается элементом системы го-

сударственной службы. Согласно предписанию ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 апреля 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» система государственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, правоохранительную службу.

Соответственно, родовым объектом преступлений против военной службы следует считать общественные отношения по обеспечению надлежащего функционирования публичной власти. Поэтому нормативные положения об уголовной ответственности военнослужащих должны размещаться в разд. X УК РФ вместе с нормами об иных преступных посягательствах на интересы государственной (публичной) власти.

Ключ к установлению места воинских преступлений в структуре разд. X УК лежит, во-первых, в их многообъектности и принятии во внимание ценности как основного, так и дополнительного объекта. С одной стороны, любое воинское преступление посягает на интересы военной службы (основной объект) в смысле нарушения установленного порядка прохождения такой службы, и это ставит воинские преступления в один ряд с преступлениями против интересов государственной и муниципальной службы (гл. 30). С другой – преступление против военной службы одновременно наносит существенный вред или угрожает причинением такого вреда обороноспособности страны (дополнительный объект), а следовательно, внешней безопасности государства, которая является одним из видовых объектов преступлений, предусмотренных гл. 29 разд. X УК. Данный вывод вытекает из действующего законодательства. Ведь согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер. При этом оборона есть неотъемлемый элемент мер по обеспечению безопасности, т.к. согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 24 апреля 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» последняя представляет собой систему политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории.

Во-вторых, надо принимать во внимание, что преступления рядовых военнослужащих и воинских должностных лиц на порядок опаснее «аналогичных» деликтов гражданских служащих и руководителей. Обратимся к судебной практике.

Так, ефрейтор И., проходящий военную службу по контракту, «с целью временно уклониться от военной службы» в установленный срок не вернулся из отпуска в войсковую часть. Его деяние было квалифицировано по ч. 4 ст. 337 УК [9]. По материалам другого дела, военнослужащий К. был осужден за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 339 УК, а именно «желая отдохнуть от военной службы, в целях временного уклонения от ее прохождения, не явился на службу в дислоцированную в... войсковую часть... сообщив командованию заведомо ложные сведения якобы о наличии у него заболевания и оснований для освобождения от исполнения обязанностей военной службы» [10].

Аналогичные деяния, совершенные в иной сфере государственной службы, были бы квалифицированы как дисциплинарные проступки («прогул» и пр.). Однако в данном случае виновные не только нарушили порядок прохождения военной службы. Своим общественно опасным поведением они создали потенциальную угрозу обороноспособности страны. Дело в том, что уменьшение количества личного состава воинской части и подрыв военной дисциплины априори снижает боеспособность Вооруженных сил РФ.

Резюмируя вышеизложенное, заметим: преступления против военной службы опаснее преступлений против интересов государственной службы и приближаются по уровню вредности к посягательствам на конституционный строй и безопасность государства. Ввиду этого нормы о преступлениях военнослужащих должны быть помещены сразу после гл. 29. В связи с этим предлагаем дополнить УК РФ гл. 29¹ «Преступления против военной службы» и одновременно признать утратившей силу гл. 33 УК РФ. При этом представляется обоснованным разделение предложенной нами гл. 29¹ на два параграфа: § 1 «Преступления против военной службы, совершаемые военачальниками» и § 2 «Преступления против военной службы, совершаемые военнослужащими, не относящимися к военачальникам». Очевидно, что все это потребует внесения изменений и дополнений в отдельные положения УК РФ, например введения новых составов преступлений (злоупотребление, превышение и неисполнение полномочий воинскими должностными лицами),

исключения из п. 1 примечаний к ст. 285 словосочетания «а также в Вооруженных Силах Рос-

сийской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации» и др.

1. Приговор Ульяновского гарнизонного военного суда по делу № 1-6/2012 [Электронный ресурс]. URL: http://gvs.uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3630357&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения: 07.12.2013).

2. Приговор Реутовского гарнизонного военного суда по делу № 1-1/2012 (1-133/2012) [Электронный ресурс]. URL: http://rgvs.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=29084179&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения: 07.12.2013).

3. Селюков В.А. Российское военное законодательство в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

4. Вишня И.Г. Особенности правового обеспечения деятельности по выявлению и раскрытию преступлений в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера: по материалам деятельности военной прокуратуры Чеченской Республики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003.

5. Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники российского уголовного права. М., 2010.

6. Военно-уголовное право: учеб. Сер. «Право в Вооруженных Силах – консультант». М., 2008.

7. Шулепов Н. Римский Статут Международного уголовного суда и национальное военное-уголовное законодательство // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008.

8. Лещев А.В. О криминализации воинских общественно опасных деяний, совершаемых в военное время [Электронный ресурс] // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 2. Доступ из СПС «ГАРАНТ. Платформа F1 – Эксперт».

9. Приговор Новосибирского гарнизонного военного суда по делу № 1-25/2011 [Электронный ресурс]. URL: http://gvs.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6398048&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения: 07.12.2013).

10. Приговор Московского гарнизонного военного суда по делу № 1-42/12 [Электронный ресурс]. URL: http://moskovskygvs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=74619115&delo_id=1540006&text_number=1 (дата обращения: 07.12.2013).

1. Sentence of Ulyanovsk court martial by case № 1-6/2012 [Electronic source]. URL: http://gvs.uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3630357&delo_id=1540006&text_number=1 (address date: 07.12.2013).

2. Sentence of Reutov court martial by case №1-1|2012(1-133/2012)[Electronicresource]. URL: http://rgvs.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=29084179&delo_id=1540006&text_number=1 (address date: 07.12.2013).

3. Selyukov V.A. Military legislation of Russia in the period of the end of the XIX and beginning of the XX centuries: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 1995.

4. Vishnya I.G. Specifics of juridical regulation of activities for identifying and detection of crimes in the framework of armed conflicts of non-international nature: by materials of activities of military prosecution office of the Chechen Republic: auth. abstr. ... Master of Law. Kaliningrad, 2003.

5. Obrazhiev K.V. Formal (juridical) sources of Russian criminal law. Moscow, 2010.

6. Military and criminal law: textbook. Ser. «Law in the Military Forces – consultant». Moscow, 2008.

7. Shulepov N. Rome Statute of International criminal court and national military and criminal legislation // International criminal court: problems, discussions, search of decisions / ed. by G.I. Bogush, E.N. Trikoz. Moscow, 2008.

8. Leschev A.V. About criminalization of military socially dangerous act, completing in the military time [Electronic resource] // Law in the Military Forces. Access from HLS «Garant. Platform F1 – Expert».

9. Sentence of Novosibirsk court martial by case № 1-25/2011 [Electronic resource]. URL: http://gvs.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6398048&delo_id=1540006&text_number=1 (address date: 07.12.2013).

10. Sentence of Moscow court martial by case № 1-42/12 [Electronic resource]. URL: http://moskovskygvs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=74619115&delo_id=1540006&text_number=1 (address date: 07.12.2013).

Марина Авелина Александровна
 адъюнкт кафедры уголовного права
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +79182624260)

Злостность как обязательный признак объективной стороны состава уклонения от уплаты алиментов

В статье рассматриваются составообразующий признак объективной стороны злостного уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей, а также проблемы, возникающие при квалификации данного преступления.

Ключевые слова: алименты, злостное уклонение от уплаты, несовершеннолетние дети, квалификация, санкция, законодательство, уголовная ответственность.

A.A. Marina, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79182624260.

The malice as a mandatory feature of the objective side of composition of evasion from payment of the alimony

The article is about constituent element of the objective side of malicious evasion of alimony for the maintenance of minor children and disabled parents. The problems of classification of such kind of crime are also discussed.

Key words: alimony, malicious evasion from payment, minor children, qualification, sanction, legislation, criminal responsibility.

Проблема неуплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей, а также нетрудоспособных родителей всегда была социально актуальной, она является злободневной и на сегодняшний день. За последние годы (2004–2013 г.г.) наблюдается тенденция постоянного увеличения числа случаев злоупотребления своими прямыми родительскими обязанностями, выражающегося в стойком уклонении от уплаты средств на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних нетрудоспособных детей, и наибольшее количество таких случаев приобретает злостный характер. Этот вывод подтверждается статистическими данными Судебного департамента Краснодарского края:

в 2004 г. приняты к рассмотрению гражданские дела о взыскании алиментов – 12018, рассмотрено дел с удовлетворением исковых требований – 11416;

в 2011 г. приняты к рассмотрению гражданские дела о взыскании алиментов – 12731, рассмотрено дел с удовлетворением исковых требований – 12143;

в 2012 г. приняты к рассмотрению гражданские дела о взыскании алиментов – 12403, рассмотрено дел с удовлетворением исковых требований – 11812;

в 2013 г. приняты к рассмотрению гражданские дела о взыскании алиментов – 12289, рассмотрено дел с удовлетворением исковых требований – 11733.

Характеристика осужденных по ч. 1 ст. 157 УК РФ выглядит следующим образом:

в 2004 г. были осуждены 1305 человек, из них мужчин – 90,26%, женщин – 9,73%;

в 2013 г. осуждены уже 1687 человек, из них мужчин – 81,44%, женщин – 18,55%.

Сравнение указанных выше данных показывает, что больше всего гражданских дел о взыскании алиментов пришлось на 2011 г., затем ежегодно наблюдается небольшое снижение показателей количества дел, но, тем не менее, количественные показатели остаются на достаточно высоком уровне. Также в настоящее время наблюдается рост количества осужденных за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей по сравнению с 2004 г. Обращает на себя внимание тревожный симптом, выразившийся в росте процентного показателя осужденных женщин.

По данным Федеральной службы судебных приставов, в 2011 г. в производстве органов дознания находилась 71000 уголовных дел, возбужденных за злостное уклонение от уплаты

алиментов на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей. И с каждым годом эта цифра увеличивается [1]. В 2013 г. в производстве органов дознания находилось 54000 уголовных дел, возбужденных за злостное уклонение от уплаты алиментов. Вице-спикер Госдумы Л. Швецова отмечает, что эти цифры в действительности намного больше, т.к. не часто удается доказать признаки злостности в связи с тем, что нет четкого определения [2].

Различные толкования понятия «злостное уклонение» создали проблему в квалификации и расследовании подобных преступлений. Многие сотрудники органов дознания сталкиваются с проблемой определения злостного характера данного деяния. С какого момента неуплата алиментов становится злостной? Как правильно определить ее пределы? В ряде случаев сотрудники ОВД ссылаются на сложности, возникающие в определении и разграничении простого уклонения от уклонения злостного. Так, если виновное лицо несколько месяцев уклоняется от уплаты алиментов, но затем единожды выплачивает хотя бы частично задолженность, то признак «злостности» уклонения как бы утрачивается и уголовная ответственность не наступает.

Следует отметить, что эта проблема возникла с того момента, когда понятие «злостная неуплата алиментов...» впервые появилось в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. Статья 158 УК РСФСР предусматривала уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних и нетрудоспособных детей, а также нетрудоспособных родителей [3]. Законодатель выделил диспозицию нормы, определил санкции за ее нарушение, однако, что подразумевается под термином «злостная неуплата», законодательно определено не было.

В дальнейшем в нормативно-правовых актах, предусматривающих ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних и нетрудоспособных детей, а также нетрудоспособных родителей, также не раскрывалось понятие злостности. Данный вопрос остается неурегулированным и по сегодняшний день, в законе не определено понятие «злостное уклонение», и его применение является оценочным.

Объективная сторона уклонения от уплаты алиментов – это определенные действия со стороны виновного лица либо же его бездействие, которое способствует неисполнению вынесенного судебного акта по взысканию алиментов на содержание несовершеннолетних детей, нетрудо-

способных детей и родителей. Виновное лицо может полностью или частично не выплачивать алименты либо может подавать заведомо ложные, недостоверные данные, касающиеся его доходов. Но эти действия должны носить характер «злостности». В правоприменительной деятельности под «злостным уклонением» принято понимать:

повторность совершения аналогичных деяний (два и более раз), несмотря на неоднократные предупреждения судебных приставов-исполнителей;

наличие задолженности свыше 3–6 месяцев; прямой отказ от уплаты;

сокрытие реального заработка или места работы, частую смену работы или места жительства, чтоб избежать удержаний по исполнительному листу, объявление должника в розыск.

Примером может послужить уголовное дело, возбужденное в отношении Калюжного Р.В. по ч. 1 ст. 157 УК РФ. Так, дознавателю ОСП 30 г. Краснодара из прокуратуры 30 г. Краснодара поступило постановление о направлении материалов проверки для решения вопроса о привлечении Калюжного Р.В. к уголовной ответственности. Согласно материалам уголовного дела Калюжный Р.В. на основании исполнительного листа от 19.03.2001 должен был выплачивать алименты на содержание несовершеннолетнего сына в размере $\frac{1}{4}$ части всех видов заработка (по 4852 руб.) начиная с 19.03.2001 и до его совершеннолетия. Первые полгода Калюжный Р.В. выплачивал алименты в размере от 250 руб. до 500 руб., затем перестал выплачивать вовсе. На основании постановления о расчете задолженности по алиментам долг Калюжного Р.В. составил 718184руб.

Должник знал о вступлении решения мирового судьи в законную силу, возбужденном исполнительном производстве, трижды письменно предупреждался о наступлении уголовной ответственности за нарушение порядка уплаты алиментов и, тем не менее, продолжал злостно уклоняться от содержания ребенка. Калюжный на протяжении нескольких лет постоянно менял места работы, место жительства, скрывал свой реальный доход, предоставил ложные сведения о местонахождении работы.

Следствием было установлено, что должник имел реальную возможность выплачивать алименты. Он является собственником жилого домовладения площадью 297,86 кв. м и нескольких нежилых помещений, в которых осуществляется деятельность по мойке машин, и Калюжный является ее владельцем. За все время производства дознания должник не

предпринял никаких действий для погашения образовавшейся задолженности.

В судебном заседании Калюжный вину свою отрицал и показал, что выплачивал алименты по мере возможности. Мировым судьей судебного участка № 232 ЗВО г. Краснодара Калюжный признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, в ходе судебного следствия его вина была полностью доказана. Судом назначено наказание в виде 10 месяцев исправительных работ с удержанием 15% заработка в доход государства. Должник, не желая отбывать назначенное наказание и выплачивать задолженность по алиментам, неоднократно обжаловал приговор. Кассационным определением срок наказания Калюжного Р.В. был снижен на 2 месяца [4].

Как представляется, с большей точностью определить злостный характер совершенного деяния может лишь суд. Этому способствует возможность учета сложившейся практики рассмотрения подобных вопросов, выяснения всех обстоятельств, способствующих неуплате алиментов, исключения ситуаций, когда неуплата алиментов производится по уважительным причинам (длительная невыплата заработной платы, болезнь). На основе оценки определенных неправомерных действий виновного суд конкретно указывает, в чем заключался злостный характер деяния. Однако, прежде чем прийти до судебной инстанции, многие женщины, а также сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с проблемами привлечения виновных лиц к ответственности.

Негативную роль, оказывающую неблагоприятное влияние на сознание недобросовестных родителей, играют также статьи, консультации в средствах массовой информации о том, как уйти от ответственности по уплате алиментов на детей либо уменьшить размер назначенных алиментов и т.п., «развязывающие руки» недобросовестным родителям для дальнейшего неисполнения своих обязанностей. Многие родители не понимают или безразлично относятся к тому, что своими действиями (бездействиями) они наносят прямой вред нормальному физиологическому и психологическому развитию своих детей, лишая их возможности на достойное жизнеобеспечение.

В судебной практике часто встречаются ситуации, когда женщины идут на крайние меры в отношении «отцов-должников», злостно уклоняющихся от уплаты алиментов, не исполняющих своих обязательств по воспитанию и содержанию несовершеннолетних детей. В большинстве

случаев суд находит достаточно оснований для лишения родительских прав. Однако проблема материального содержания ребенка и выплаты алиментов при этом не решается.

Кроме того, в практике встречаются случаи, когда неправильное поведение женщины по отношению к бывшему супругу, ее враждебное отношение может стать причиной его отказа от уплаты алиментов. Так, дознавателем ОСП ЗО г. Краснодара на основании постановления прокуратуры ЗАО г. Краснодара возбуждено уголовное дело в отношении Дьяченко С.Н. о признании его виновным по ч. 1 ст. 157 УК РФ. Дознавателем Западного округа г. Краснодара в ходе проведения следственных действий было установлено, что на основании решения мирового судьи ЗВО г. Краснодара Дьяченко С.Н. обязан был выплачивать алименты в размере $\frac{1}{4}$ части всех видов заработка ежемесячно начиная с 29.04.2010 до совершеннолетия ребенка.

Зная о вступлении судебного решения в законную силу, имея письменное и устные предупреждения о наступлении уголовной ответственности за нарушение порядка оплаты алиментов, Дьяченко злостно уклонялся от уплаты алиментов, в воспитании дочери участия не принимал, материальной помощи не оказывал, скрывал место работы, мер к погашению задолженности не предпринимал. В соответствии с постановлением о расчете задолженности по алиментам долг Дьяченко с 29.04.2010 по 30.04.2013 составил 198883 руб.

В ходе судебного заседания Дьяченко С.Н. вину полностью признал и показал, что он выплачивал алименты как мог, т.к. постоянной работы не имел, его заработок был нерегулярный. С декабря 2011 г. перестал выплачивать алименты из принципа, т.к. бывшая супруга отказывалась принимать деньги на почте, требовала, чтобы он перечислял их на расчетный счет. Вещи и подарки для дочери не принимала. Бывшая супруга настраивает ребенка против отца, поэтому с дочерью у него отношения не сложились. Данные показания подтвердили мать должника и соседи. Дьяченко С.Н. оплатил часть суммы задолженности и обязался выплатить оставшуюся сумму алиментов в ближайшее время.

Приговором мирового судьи судебного участка № 231 ЗВО г. Краснодара Дьяченко С.Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ. Ему назначено наказание в виде исправительных работ сроком на 4 месяца с удержанием 10% заработка в доход государства [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нередко сами женщины провоцируют бывших супругов на совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 157 УК РФ, нередко приобретающих злостный характер.

Анализ санкции ч. 1 ст. 157 УК РФ позволяет отметить, что данная статья на практике является малоэффективной. Поэтому, по нашему мнению, с учетом высокой общественной опасности данного преступления имеется необходимость ужесточения уголовного наказания в виде включения в санкцию рассматриваемой уголовно-правовой нормы такого вида наказания, как принудительные работы. Лицо, отбывающее данное наказание, будет работать в принудительном порядке и из полученного заработка будет выплачивать алименты. Эффективной мерой будет являться и взыскание суммы задолженности по алиментным платежам в порядке гражданского иска.

В целях совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов целесообразно использовать зарубежный опыт законодательства. Следует отметить, что состав злостного уклонения от уплаты алиментов содержится в законодательстве многих зарубежных стран. Так, анализ правовых источников стран ближнего зарубежья показывает, что законодатель достаточно внимательно относится к определению злостности как составообразующего признака. Например, ст. 164 Уголовного кодекса Украины содержит примечание, в котором раскрывается содержание «злостного уклонения» от уплаты алиментов. Злостными признаются «любые действия должника, направленные на неисполнение решения суда (сокрытие доходов, изменение места жительства или места работы без уведомления государственного исполнителя и т.д.), которые привели к возникновению задолженности по уплате таких средств в размере, совокупно составляющем сумму выплат за шесть месяцев соответствующих платежей». Основным критерием признан размер неуплаченных средств.

В уголовном законодательстве Украины предусмотрен и квалифицированный состав злостного уклонения от уплаты алиментов. Законодатель дифференцирует уголовную ответственность в соответствии с повторным совершением данного деяния. Так, в ч. 2 ст. 164 и ч. 2 ст. 165 УК Украины квалифицирующим признаком выступает прежняя судимость за данное деяние. Лицу, ранее судимому за данное деяние, может быть назначено наказание в виде

общественных работ на срок от ста двадцати до двухсот сорока часов, или исправительных работ на срок до двух лет, или ограничения свободы на срок от двух до трех лет [6].

Уголовный кодекс республики Беларусь хотя и не предусматривает понятия «злостного уклонения», однако сама диспозиция ст. 174 УК четко определяет объективную сторону преступления, сроки уплаты средств, нарушение которых влечет уголовную ответственность, а также разграничивает уголовную ответственность в зависимости от степени тяжести. В качестве квалифицирующего признака признано повторное его совершение [7].

Понятие «злостного уклонения» как уклонения от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей или уклонение детей от содержания нетрудоспособных родителей более трех месяцев по решению суда содержат уголовные кодексы Таджикистана (ст. 177–178 УК ТД) [8], Казахстана (ст. 136 УК РК) [9], Армении (ст. 173–174 УК РА) [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в нормах уголовного законодательства зарубежных стран достаточно четко определены критерии злостности уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей. В их качестве выступают либо сроки, либо размер неуплаченных алиментов. Кроме того, законодатель более строго подошел к дифференциации уголовной ответственности, признав в качестве квалифицирующего признака состава злостного уклонения от уплаты алиментов повторность (прежнюю судимость).

Анализ российского уголовного законодательства, нормативной базы зарубежного законодательства, мнение сотрудников правоохранительных органов, личный опыт позволяют сделать следующие выводы:

1) целесообразно предусмотреть в Особенной части УК РФ самостоятельные статьи, регламентирующие ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов на содержание детей или нетрудоспособных родителей, они могут быть сформулированы на основе диспозиции ч. 1 и 2 ст. 157 УК РФ;

2) дифференцировать уголовную ответственность за эти преступления в зависимости от повторности совершенного деяния;

3) в ст. 157 УК РФ ввести примечание, в котором будет закреплён срок неисполнения обязательств, по истечении которого виновное лицо можно будет привлечь к уголовной ответственности.

Полагаем, что это даст возможность сотрудникам правоохранительных органов на законных основаниях на стадии дознания избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых. Данный вывод обусловлен

тем, что виновные лица зачастую не работают, скрывают от органов дознания свой реальный уровень доходов, не являются на вызовы, не имеют постоянного места жительства, злоупотребляют спиртными напитками или наркотиками.

1. Домчева Е. Не папин – не мамин // *Рос. газ.* 2013. 6 дек.

2. Грицюк М. Не платишь – не рули. Интервью с Вице-спикером Госдумы Л. Швецовою // *Рос. газ.* 2013. 13 нояб.

3. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. URL: <http://docs.cntd.ru/>

4. Материалы уголовных дел № 1-5/13-26, № 1-25/12-232 // Архив мировых судей Западного административного округа г. Краснодара за 2012–2013 гг.

5. Материалы уголовных дел № 1-19/13-231, № 1-35/12-231 // Там же.

6. Уголовный кодекс Украины 2001 г. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/>

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/>, <http://mvd.gov.by/>

8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. URL: <http://www.wipo.int/>

9. Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 г. URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/>

10. Уголовный кодекс Республики Армения 2003 г. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/>

1. Domcheva E. Not mother's, not father's // *Rus. newsp.* 2013. Dec. 6.

2. Gritsuk M. If you don't pay – don't drive. The interview with vice-speaker of the State Duma L. Shvetsova // *Rus. newsp.* 2013. Nov. 13.

3. Criminal code of the RSFSR of 1926. URL: <http://docs.cntd.ru/>

4. Materials of criminal cases № 1-5/13-26, № 1-25/12-232 // Archive of the district court of the West administrative area of Krasnodar of 2012–2013.

5. Materials of criminal cases № 1-19/13-231, № 1-35/12-231 // Ibid.

6. Criminal code of the Republic of Ukraine of 2001. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/>

7. Criminal code of the Republic of Belarus. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/>, URL: <http://mvd.gov.by/>

8. Criminal code of the Republic of Tajikistan of 1998. URL: <http://www.wipo.int/>

9. Criminal code of the Republic of Kazakhstan of 1997. URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/>

10. Criminal code of the Republic of Armenia of 2003. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/>

Мартirosян Александра Сергеевнааспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Изучение геноцида в современной зарубежной доктрине международного уголовного права

В статье приведен обзор исследований геноцида в современной доктрине международного уголовного права. Особое внимание уделено пониманию объективных и субъективных признаков геноцида в диссертациях, защищенных в последние двадцать лет в американских и европейских университетах.

Ключевые слова: доктрина международного уголовного права, зарубежные диссертационные исследования, геноцид, международные трибуналы ad hoc, Конвенция о геноциде (1948).

A.S. Martirosyan, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

Researching of genocide in modern foreign doctrine of international criminal law

This article contains the review of genocide's researching what're made in modern foreign doctrine of international criminal law. The main attention is paid to understanding of objective and subjective genocide's signs in dissertations which're defended in American and European universities last twenty years.

Key words: international criminal law's doctrine, foreign dissertational researches, genocide, international tribunals ad hoc, Convention on genocide (1948).

Преступления против человечности, и прежде всего геноцид, постоянно находились в поле пристального внимания зарубежных исследований проблем международного уголовного права. Однако в последние десятилетия интерес к данной проблематике заметно возрос. Это объясняется тем, что геноцид, получивший самое суровое осуждение в решениях Нюрнбергского трибунала, стал «кошмарной действительностью» современной истории. В связи с этим, в первую очередь, вспоминаются трагические события в Руанде, когда весной 1994 г. за несколько недель представителями народности хуту (hutu) были убиты до миллиона человек, принадлежавших к народу тутси (tutsi). Причины и условия совершения актов геноцида в Руанде изучаются зарубежными авторами с позиции межэтнического конфликта как «множественного фактора».

До недавнего времени в европейских и американских исследованиях был выдвинут целый ряд так называемых «монотеорий», объясняющих «стремление тех или иных человеческих групп

к физическому уничтожению других». Авторы «монотеорий» искали существование «главного фактора» («главной причины»), в соответствии с которым люди совершают массовые убийства других людей в зависимости от принадлежности последних к «иной» расе, национальности, этносу либо религиозной группе [1]. Однако применительно к событиям 1994 г. в Руанде в зарубежной доктрине отмечено, что ни одна из «монотеорий» геноцида, существовавших в доктрине, «не объяснила» трагедию, случившуюся в этой стране. По мнению исследователей, причинами геноцида в Руанде стал межэтнический конфликт, обусловленный целым рядом причин.

«Политеория» причин геноцида в Руанде называет среди них: 1) этническую иерархию различных народностей, установленную в период колониализма; 2) экономический кризис многих стран постколониальной Африки, приведший к середине 1980-х гг. к резкому обеднению сравнительно «зажиточных» слоев населения и социальных групп; 3) массовое возвращение на родину ранее изгнанных беженцев народа тутси; 4) внутреннее и внешнее воздействие

«демократизации» общественных отношений (т.е. слом привычного архаичного образа жизни африканских племен и народностей). В результате действия всех вышеперечисленных факторов народ хуту «был испуган потерей своего превосходства», а источником всех бедствий в Руанде «был объявлен народ» тутси, более «успешный» по сравнению с хуту, но находившийся в численном меньшинстве и подвергшийся массовому истреблению [2].

Американский исследователь С. Строс делает вывод о том, что «необходимым условием» геноцида в Руанде стал установленный порядок «расовой категоризации», а сам по себе «этнический национализм» не был главным механизмом развертывания политики геноцида. Такой «механизм» обеспечили, с одной стороны, «отсутствие всеобщей безопасности и нестабильность в целом как наследие прошедшей гражданской войны» (как известно, поводом к насилию стало убийство президента Руанды, которое и было «поставлено в вину» народности тутси), а с другой – «установление авторитарной власти», характерной для всего государственного устройства Руанды [3].

Таким образом, в центре поля зрения зарубежных авторов продолжают оставаться причины геноцида как социально-правового явления. В настоящее время почти все исследователи заявляют о важности осознания «исторического опыта массового истребления людей по признаку принадлежности к той или иной группе». Большое внимание уделяется этнологическим, социологическим, социально-психологическим и политическим аспектам исторически совершенных актов геноцида (холокоста, т.е. истребления еврейского населения во II Мировой войне; массового уничтожения армян со стороны Османской империи в годы I Мировой войны, юридически признанного многими странами, в том числе и Россией, первым актом геноцида). Например, М. Адалберг говорит, что на протяжении всего XX в. основной причиной геноцида в Европе было осознание собой некоторых народов как «исключительных», вылившееся в итоге в расовые и национальные военные столкновения, приведшие к «невиданным» жертвам и проявлениям жестокости [4].

Кроме того, зарубежные авторы стараются понять существо геноцида в «глобальном контексте», изучить его «восприятие различными цивилизациями», а также уделяют внимание

попыткам «оправдания» актов геноцида со стороны тех или иных социальных слоев политических режимов. Одной из причин современных проявлений геноцида является, по мнению некоторых авторов, разделение наций и даже государств, «включенных» и «невключенных» в общемировые процессы. Например, С. Ламберт считает, что в государствах, широко кооперированных в международное сообщество, возможность проявлений геноцида низка. В свою очередь, «изолированные» («невключенные» в мировое сообщество) либо «самоизолировавшиеся» государства гипотетически «более склонны к геноцидальным проявлениям». В этих «замкнутых» государствах нередко «доминирует националистическая идеология», что само по себе уже создает возможность разворачивания «жестоких репрессий и геноцида» [5].

Пожалуй, главный вопрос зарубежных исследователей состоит в следующем: почему (несмотря на конвенциональный запрет геноцида, признание этого деяния наиболее тяжким преступлением против человечности, установление универсальной уголовной юрисдикции любого государства в отношении лиц, совершивших геноцид) усилия мирового сообщества по предупреждению геноцида «фактически провалены»?

Дж. Бэчмен видит причину в несовершенстве положений принятой в 1948 г. Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (далее – Конвенция о геноциде). По мнению автора, «формализованные» положения этой Конвенции не отражают реалий современности, поэтому в плане предупреждения и наказания геноцида все большую роль будут играть решения международных трибуналов *ad hoc* и Международного уголовного суда, а их решения, в свою очередь, могут способствовать совершенствованию конвенциональных предписаний о геноциде [6].

Также в зарубежной доктрине говорится об «уязвимости» существующего современного международно-правового механизма признания массового уничтожения людей в качестве проявления геноцида. Например, М. Баттерс указывает на то, что при признании деяния в качестве акта геноцида для последующего осуществления юрисдикции органом международной юстиции не должно действовать право вето постоянных членов Совета Безопасности ООН, т.к. воля любого из них может «заблокировать» такое признание по политическим мотивам [7]. Л. Твиди подчеркивает, что именно

предупреждение преступления геноцида должно стать обязанностью государств и международного сообщества в контексте положений действующего международного уголовного права [8].

Так или иначе, большинство зарубежных авторов признают, что именно принятие Конвенции о геноциде стало «одним из главных итогов II Мировой войны», составной частью «Нюрнбергского наследия». Однако в настоящее время положения этой Конвенции нуждаются в ряде изменений. В частности, в Конвенции о геноциде должно существовать более четкое определение «геноцидального намерения» («genocidal intention»); необходимо расширить перечень «защищаемых групп» людей как потерпевших от этого преступления; на конвенциональном уровне требуется разграничить геноцид от иных наиболее тяжких преступлений – массовых убийств, серийных убийств, убийств по мотивам ненависти [9].

Исходя из положений Конвенции о геноциде, Е. Церимович полагает, что главной отличительной чертой любого акта геноцида является именно «намерение уничтожения». На основе анализа решений международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии автор заключает, что такое намерение проявляется как через осознание принадлежности жертвы к той или иной группе, так и в целеполагании причинения смерти жертве

именно по причине ее принадлежности к группе [10].

Деятельность современных органов международной уголовной юстиции (прежде всего, международных трибуналов ad hoc – по Руанде и бывшей Югославии) активизировало интерес зарубежных исследователей к решению проблемы определения субъекта ответственности за преступления против человечности. С. Кифер на примере геноцида, совершенного в Руанде, говорит о том, что сам по себе «акт геноцида практически всегда совершается коллективно», а его участники обычно «не ассоциируют самих себя» как «лично ответственных» за совершение этого преступления. Автор доказывает позицию, что каждый из участников актов геноцида должен нести индивидуальную ответственность за преступление геноцида, «совершенное коллективно», вне зависимости от его фактической роли в его совершении [11].

Таким образом, в центре внимания современных зарубежных авторов, занимающихся проблемами юридической оценки и предупреждения преступлений против человечности, находятся проблемы определения причин геноцида, повышения «эффективности» положений Конвенции о геноциде и их соотношения с решениями международных трибуналов, выработки критериев субъективных признаков геноцида как наиболее тяжкого преступления против человечности.

1. Lancaster P. *Reason, necessity and genocide: thesis ... degree of Ph.D. University of Ottawa, 2002.*

2. Benjamin C. *Tearing Rwanda apart: an examination theories of inter-ethnic conflict and genocide: thesis ... degree of M.A. Queen's University at Kingston, 2001.*

3. Straus S. *The Order of Genocide: Race, Power, and War in Rwanda: thesis ... degree of Ph.D. University of California, 2004.*

4. Adalberg M. *Races at war: nationalism and genocide in twentieth century Europe: thesis ... degree of M.L. Naval Postgraduate School, California, 2005.*

5. Lambert S. *Genocide in global context: how world culture affects the likelihood of genocide: thesis ... degree of Ph.D. Arizona State University, 2001.*

6. Bachman J. *The Genocide Convention and the Politics of Genocide Non-prevention: thesis ... degree of Ph.D. Northeastern University, 2013.*

7. Butters M. *Genocide prevention through changing the United Nations Security Council power of veto: thesis ... degree of M.A. University of Waikato, 2010.*

8. Tweedy L. *A study of the duty to prevent genocide in the context of international law: thesis ... degree of M.J. Durham University, 2007.*

9. Haldorson H. *Genocide: A Philosophical Criticism of Genocide and it is Defined in the United Nations' «Convention on the Prevention and the Punishment of the Crime of Genocide»: thesis ... degree of M.A. Concordia University, 1994.*

10. Cerimovic E. *To Prevent and To Punish: Genocidal Intent: thesis ... degree of LL.M.* Budapest, 2010.

11. Kifer S. *Individual responsibility in the context of genocide: thesis ... degree of M.A.* University of Colorado, 2006.

Саркисова Виктория Глебовнааспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Уголовно-правовая охрана объектов транспортной инфраструктуры в странах континентальной Европы

В статье изложены результаты компаративного исследования законодательства государств континентальной Европы об ответственности за посягательства на безопасность объектов транспортной инфраструктуры. Рассматривается уголовное законодательство Болгарии, Германии, Голландии, Турции.

Ключевые слова: уголовное законодательство стран континентальной Европы, уголовная ответственность, транспортная безопасность, транспортная инфраструктура, коммуникации.

V.G. Sarkisova, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

Criminal-law defense of transport infrastructure's objects in continental Europe's states

Results of comparative analysis of Continental Europe states' criminal legislature for responsibility on offences against security of transport infrastructure's objects are shown in this article. Criminal legislatures of Bulgaria, Germany, Holland, and Turkey are considered.

Key words: criminal legislatures of Continental Europe's states, criminal responsibility, transport security, transport infrastructure, communications.

Следует отметить, что проблема обеспечения безопасности объектов транспортной инфраструктуры не является национальной. По сравнению с Россией, во многих зарубежных государствах континентальной Европы транспорт и соответствующая инфраструктура более развиты. При этом во многих из них действуют факторы, требующие повышенного внимания к регулированию общественных отношений в сфере транспорта, включая соответствующие уголовно-правовые предписания.

Проведение компаративного исследования зарубежного уголовного законодательства об ответственности за посягательства на объекты транспортной инфраструктуры может выступить предпосылкой для переосмысления действующих в России правовых положений, а положительный опыт может быть рассмотрен в контексте научного обоснования целесообразности его заимствования. При этом сравнительно-правовой анализ позволит несколько шире рассмотреть вопрос о социально-юридической обусловленности уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере обеспечения безопасности объектов транспортной инфраструктуры.

Нужно отметить, что большинство положений зарубежного уголовного законодательства стран континентальной Европы об ответственности за посягательства на объекты транспортной инфраструктуры существенным образом отличаются от российских аналогов. В ряде стран законодатель уделяет больше внимания уголовно-правовой охране объектов транспортной инфраструктуры.

Стоит обратить внимание на весьма широкую распространенность специального указания на умышленный характер приведения в негодность объектов транспортной инфраструктуры или их блокирования в текстах уголовных законов иностранных государств.

Так, ст. 385 УК Турции закреплена ответственность лица, создавшего опасность железнодорожной катастрофы умышленным размещением на рельсах посторонних предметов, переводом железнодорожной стрелки, подачей ложных сигналов или каким-либо иным действием. При этом в УК Турции, так же как и во многих других уголовных законах зарубежных государств, предусмотрена ответственность за соответствующее деяние, если оно создало опасность неблагоприятных последствий, а фактическое причинение вреда выступает квалифицирующим обстоятельством.

Таким образом, следует сделать вывод, что в отличие от УК РФ в уголовном законодательстве ряда стран континентальной Европы состав преступления в виде приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения характеризуется умышленной формой вины по отношению к деянию, что прямо закреплено в текстах диспозиций соответствующих уголовно-правовых норм. Кроме того, весьма распространенным является закрепление в качестве последствия данного преступления таких признаков, как «нарушение нормальной деятельности транспорта», «опасность аварий, катастроф, причинения вреда жизни или здоровью человека».

Однако данным моментом различия российского уголовного закона об ответственности за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения и соответствующих предписаний иностранных уголовных кодексов не исчерпываются. Так, в УК Республики Болгария уголовная ответственность за повреждение объектов транспортной инфраструктуры дифференцирована в зависимости от формы вины – умысла либо неосторожности (ст. 340, 341).

Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от формы вины при приведении в негодность объектов транспортной инфраструктуры проведена и в УК Голландии. Так, ст. 162 УК Голландии установлено: «Лицо, которое умышленно разрушает, приводит в негодность или повреждает любое сооружение для общественного транспорта или воздушного транспорта, блокирует любую государственную дорогу или водный путь или срывает принятие мер безопасности по отношению к таким сооружениям, дорогам или водным путям, подлежит» наказанию. Наказание же определено различное – в зависимости от последствий данного деяния, которые описаны в УК Голландии следующим образом: 1) «если это, вероятно, подвергнет риску безопасность дорожного движения»; 2) «если это, вероятно, подвергнет риску безопасность дорожного движения и если это действие приведет к смерти человека». Ответственность за аналогичное деяние, совершенное по неосторожности, наступает по ст. 163 УК Голландии.

При этом в контексте проводимого нами исследования важно подчеркнуть, что в уголовном законодательстве Голландии в ст. 162 регламентирована ответственность только за повреждение объектов транспортной инфраструктуры.

Аналогичное деяние, где предметом выступают транспортные средства, предусмотрено в самостоятельных нормах.

Кроме того, стоит отметить наличие в УК Голландии широкого спектра специальных норм об ответственности за посягательства на объекты транспортной инфраструктуры, где детализируются виды таких объектов.

Думается, что дифференциация уголовной ответственности за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения является логическим продолжением указания в законе на умышленный характер такого деяния. Ведь вполне естественно, что в реальной действительности возможны оба варианта, которые существенно отличаются по уровню общественной опасности.

Если во многих странах общественно опасные последствия приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения сконструированы посредством указания на опасность вреда, т.е. являются, по сути, составами создания опасности, то в ряде государств рассматриваемое преступление законодателем закреплено как формальный состав. Например, § 305 УК ФРГ гласит: «Кто противоправно полностью или частично разрушает здание, корабль, мост, дамбу, построенную улицу, железную дорогу или другое сооружение, которые являются чужой собственностью, наказывается...». Необходимо заметить, что подобный подход характерен и для других уголовных законов. Так, наказуемыми по Закону об уголовном праве Израиля являются действия лица, которое «повреждает свет, сигнальный огонь, буй, знак или сигнал, используемые для плавания либо полетов, а равно показывает ложный свет либо сигнал с намерением подвергнуть опасности водный либо воздушный транспорт» (ст. 450).

Необходимо отметить, что вопросам уголовно-правовой охраны объектов транспортной инфраструктуры специальное внимание уделяется далеко не во всех уголовных кодексах континентальной Европы. В частности, уголовное законодательство Франции, Норвегии, Польши не содержит прямых уголовно-правовых запретов посягательств на объекты транспортной инфраструктуры. Ответственность за такие деяния наступает в рамках предписаний о террористическом акте, диверсии, создании опасности, уничтожении и повреждении чужого имущества и т.д.

Шаляпина Марина Юрьевнааспирант кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета
(e-mail: do40yurist@kibank.ru)

Ответственность за незаконное получение кредита по Уголовному кодексу Российской Федерации

Незаконное получение кредита в условиях современной российской действительности является одним из самых распространенных среди экономических преступлений. Поэтому в настоящее время возникла необходимость создания адекватного механизма контроля со стороны государственных органов, а также тесного взаимодействия правоохранительных органов с банковскими учреждениями. Данные обстоятельства являются значимыми для правильной квалификации указанных деяний в соответствии с определенными нормами УК РФ.

Ключевые слова: незаконное получение кредита, бюджетный целевой кредит, нецелевое расходование, государственные средства, бюджетные средства, коммерческий банк.

M.Yu. Shalyapina, Post-graduate of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University; e-mail: do40yurist@kibank.ru

Responsibility for illegal financial loans in accordance with the Criminal code of the Russian Federation

In modern Russian reality illegal financial loans are among the most wide-spread economic crimes. Therefore at present there appeared the necessity for state organs to create an adequate control mechanism as well as to start close cooperation of judicial and bank organs. These circumstances are meaningful for the distinct classification of the crimes in question in accordance with the stated norms of the Criminal code of the Russian Federation.

Key words: illegal financial loans, purpose budget loan, unauthorized use, state funds, budget funds, commercial bank.

Становление рыночной экономики, ее интенсивное развитие, а также появление большого количества коммерческих банков с неизбежностью повлекли за собой рост преступлений в кредитно-банковской сфере.

Широкую распространенность получило преступление, предусмотренное ст. 176 УК РФ. Появление указанной нормы отвечает требованиям времени.

В соответствии с УК РФ незаконное получение кредита представляет собой получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита либо льготных условий кредитования путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном либо финансовом положении индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб. Часть 2 ст. 176 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению, если

эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Основным непосредственным объектом незаконного получения кредита, по мнению большинства ученых, следует признать финансовую систему Российской Федерации, порядок кредитования граждан и хозяйствующих субъектов. Дополнительным объектом можно считать и экономические интересы кредиторов.

В теории уголовного права высказывается мнение о том, что предметом рассматриваемого преступления могут выступать льготные условия кредитования, которые могут охватывать различные стороны кредитного договора, например такие, как размер подлежащих уплате процентов, сроки, сумма, условия.

Однако необходимо заметить, что среди ученых нет единой точки зрения относительно льготных условий кредитования.

Так, В.Д. Ларичев считает, что «льготные условия кредитования – это льготы, предоставленные банком по собственному усмотрению в пределах свободы кредитного договора (пре-

доставление заемщику банком большей суммы кредита, уменьшение процентной ставки за пользование кредитом, более длительный срок возврата кредита)» [1, с. 17–18].

Противоположную точку зрения по данному вопросу высказывает А.Э. Жалинский, который под льготными условиями кредитования понимает «условия, предоставление которых в соответствии с обязательными для кредитования нормативно-правовыми актами осуществляется только при наличии на стороне заемщика обстоятельств, обуславливающих предоставление льгот. Льготными не могут считаться условия, предоставленные банком в пределах свободы кредитного договора» [2, с. 67].

По мнению Е. Ложкиной, указанная позиция выглядит убедительной, т.к. предоставление уменьшенной процентной ставки за пользование кредитом, выдача доверительного кредита без конкретного обеспечения или большей суммы кредита, как правило, осуществляется банком, исходя из репутации и финансового состояния клиента, с которым банк длительный период имеет деловые отношения и к которому не имеет претензий по ранее оформлявшимся кредитам. Банк может предоставить кредит под уменьшенную процентную ставку и иным клиентам, предложившим, например, солидное обеспечение кредита [3, с. 15].

Таким образом, банк, будучи заинтересованным в сотрудничестве с клиентом, по согласованию с ним заключает договор на более выгодных условиях, которые, однако, льготными не являются.

Еще одно подтверждение этому мы можем найти в ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», где содержится указание о том, что «процентные ставки по кредитам устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентом, если иное не предусмотрено федеральным законом» [4, с. 9].

Объективная сторона указанного преступления включает в себя различные формы противоправного поведения, а именно:

действия, направленные на получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации;

действия, направленные на получение индивидуальным предпринимателем или руководителем организации льготных условий кредитования путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о

хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации;

действия, направленные на незаконное получение государственного целевого кредита;

действия, направленные на использование государственного целевого кредита не по прямому назначению.

По нашему мнению, анализ объективной стороны незаконного получения кредита предполагает более детальное рассмотрение некоторых терминов, используемых законодателем в диспозиции ст. 176 УК РФ.

В банк чаще всего предоставляются ложные данные относительно хозяйственного положения организации. Можно предположить, что указанная недостоверная информация неслучайно предоставляется именно относительно хозяйственной деятельности заемщика, т.к. ее всегда сложно проверить и это требует значительного количества времени.

Под хозяйственным положением заемщика понимается совокупность сведений о внешних и внутренних обстоятельствах, характеризующих его производственную деятельность. К заведомо ложным сведениям о хозяйственном положении можно отнести фиктивное технико-экономическое обоснование потребности в кредите, поддельные договоры о заключенных хозяйственных сделках.

Финансовое же состояние заемщика представляет собой систему данных о наличии, формировании, использовании и размещении денежных средств юридическими и физическими лицами.

Финансовое состояние предприятия проверить намного легче, например посредством получения расширенной выписки по расчетному счету заемщика. К заведомо ложным сведениям о финансовом состоянии заемщика можно отнести сфальсифицированные данные об объеме полученной прибыли, о стоимости оборотных средств, об уровне рентабельности кредитуемой сделки. Но здесь также необходимо учитывать, что недостоверные сведения о наличии собственных средств и о долговых обязательствах могут распространяться и на сведения, содержащиеся в балансе, отчете о прибылях и убытках, справках о дебиторской и кредиторской задолженности.

В настоящее время многие коммерческие банки в условиях конкуренции и обострения борьбы за клиента осуществляют кредитование без достаточной проверки финансового состояния заемщика, тем самым ставя собственные интересы под угрозу, что, соответственно, поро-

ждает отрицательные последствия для самих кредитных учреждений. Но, безусловно, это вина самих банков. По мнению В. Сенчагова, «указанные отрицательные последствия могут выражаться в массовом банкротстве банков, отзывании у них лицензии на осуществление банковских операций, нарушении стабильности кредитной системы, неуправляемости оборота денежных средств» [5, с. 153]. Таким образом, сложившаяся ситуация приводит к тому, что кредитно-финансовая система в целом и коммерческие банки как ее составной элемент становятся благоприятной сферой для совершения преступных посягательств.

На практике часто возникает вопрос,падают ли под действие ст. 176 УК РФ сделки, аналогичные по сути и характеру кредитным отношениям, например договоры займа или банковские ссуды. Как вытекает из смысла ч. 2 ст. 819 ГК РФ, к отношениям по кредитному договору применяются правила, предусмотренные для договора займа, если иное не вытекает из закона [6, с. 228]. Здесь же следует упомянуть и о договоре ссуды, который ранее рассматривался как разновидность кредитного договора (банковская ссуда). По мнению И. Козаченко, «в таких случаях к нему необходимо применять правила, предусмотренные для аренды, а не для договоров займа и кредита (ст. 689 ГК РФ)» [7, с. 40].

В ст. 819 ГК РФ содержатся признаки, которые характеризуют кредитный договор, а также позволяют отграничить его от смежных договоров.

Согласно вышеуказанной статье по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную сумму и уплатить проценты за нее. Однако кредитные отношения могут возникать не только из кредитного договора в чистом виде, но и при заключении смешанных договоров (п. 3 ст. 421 ГК РФ).

К коммерческому кредиту, исполнение которого связано с передачей в собственность другой стороне денежных сумм или других вещей, определяемых родовыми признаками, и где предусматривается предоставление кредита, в том числе в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки, рассрочки оплаты товара (ст. 489 ГК РФ), работ или услуг, применяются правила о кредитном договоре, если иное не предусмотрено правилами о договоре, из которого возникло соответствующее обязательство, и не противоречит его существу (ст. 823 ГК РФ).

Таким образом, по убеждению И. Козаченко, потерпевшей стороной здесь могут выступать:

«1. Банки, в том числе:

Центральный Банк России, который вправе предоставлять кредиты коммерческим банкам; российские коммерческие банки;

филиалы и представительства иностранных банков, входящие в банковскую систему Российской Федерации.

2. Иные кредиторы:

небанковские кредитные организации, т.е. имеющие право осуществлять отдельные банковские операции (финансовые и трастовые компании, инвестиционные фонды, ломбарды);

лица, предоставившие товарный и коммерческий кредит, из чего вытекает, что ст. 176 УК РФ в полной мере может применяться в нередко встречающейся производственно-хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства и при заключении договоров на оказание бытовых и иных услуг частным лицам в ситуациях получения поставщиками или подрядчиками авансовых средств (предоплаты), с дальнейшим неисполнением договорных обязательств» [7, с. 40].

Субъектами рассматриваемого деяния являются индивидуальные предприниматели, статус которых определен ст. 23 ГК РФ, а также руководители предприятий различных организационно-правовых форм независимо от вида собственности.

По мнению С.В. Максимова, «субъектом преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ может быть не только индивидуальный предприниматель, руководитель организации, но и лицо, уполномоченное им распоряжаться кредитами (с правом подписи финансово-распорядительных документов), например финансовый директор» [8, с. 12].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла. Лицо осознает, что, представляя кредитору ложные сведения о своем хозяйственном положении либо финансовом состоянии, тем самым вводит его в заблуждение, предвидит возможность или неизбежность причинения кредитору крупного ущерба и желает этого либо сознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично.

Часть 2 ст. 176 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Государственный целевой кредит представляет собой ссуду, выданную государством на реализацию конкретных целевых программ. Важнейшим отличительным признаком этой формы кредита является выделение средств из государственного бюджета на конкретно определенные цели.

Отсутствие в ч. 2 ст. 176 УК РФ указаний на конкретный способ совершения преступления означает, что для данного состава преступления способ является не обязательным признаком, а факультативным. Законодатель дает лишь общее указание – незаконность получения государственного целевого кредита. Но, несмотря на то, что способ совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, относится к факультативным признакам состава, он не теряет своего правового значения и должен учитываться в правоприменительной практике.

Нецелевое использование государственного кредита, т.е. его использование не по прямому назначению, также подлежит уголовному преследованию. Уголовно наказуемым нарушением целевого назначения кредита признаются действия по распоряжению бюджетными средствами в противоречии с целевой программой, на выполнение которой был выделен кредит.

Таким образом, использование государственного целевого кредита не по прямому назначению определяет круг действий, находящихся в противоречии с условиями и целями, которые являлись основой решения о выделении государственного целевого кредита.

Получение государственного целевого кредита незаконно во всех случаях, когда специальный субъект умышленно нарушает правила, установленные нормативными правовыми актами, которые, в свою очередь, определяют материально-правовые основания получения данного вида кредита исходя из категории организаций, их социальной значимости в сфере экономики.

«Отношения, возникающие между кредитором и заемщиком в процессе государственного кредитования, – объясняет Е.Ю. Грачева, – относятся к финансовым правоотношениям, которые регулируются специальными юридическими нормами – императивными, т.е. категоричными. Указанные нормы не допускают альтернативы и изменения условий» [9, с. 9]. Этим и объясняется целевой характер выделяемых государством средств.

По мнению Т. Кривенко, использование государственного целевого кредита может осуществляться следующими способами:

путем внесения полученных средств на депозит и получения процентов по нему;

путем приобретения недвижимости и иных материальных ценностей, не имеющих отношения к целям программы;

путем обналичивания кредитных денежных средств и их использования на личные нужды, в том числе на оплату учебы своих детей;

путем погашения других, ранее полученных кредитов;

путем передачи полученных средств в виде материальной помощи в филиалы, дочерние и зависимые общества [10, с. 8].

Использование бюджетных средств не по прямому назначению возможно также и со стороны должностных лиц, ведающих их распределением.

За использованием бюджетного целевого кредита осуществляется финансовый контроль, порядок проведения которого регламентируется нормативно-правовыми актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления.

Все вышеуказанное, на наш взгляд, обуславливает необходимость создания адекватного механизма контроля со стороны государственных органов, а также тесное взаимодействие правоохранительных органов с банковскими учреждениями.

Необходимо отметить, что не всегда посяательства в сфере банковского кредитования квалифицируются по ст. 176 УК РФ. Многие деяния такого рода квалифицируются по ст. 159¹ УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере кредитования.

Отграничить преступления, предусмотренные ст. 176 и ст. 159¹ УК РФ, можно по ряду объективных и субъективных признаков.

При незаконном получении кредита присвоение средств не охватывается умыслом виновного, а наоборот – виновное лицо полагает, что сможет вернуть денежные средства. Здесь у заемщика отсутствует цель обращения полученных средств в свою пользу. Что касается мошенничества в сфере кредитования, то наличие умысла на присвоение кредитных средств присутствует уже в момент обращения за их получением. То есть еще при получении кредита путем обмана лицо не намерено его вернуть, оно также должно сознавать возможность причинения крупного ущерба и желать его причинения. Таким образом, по нашему мнению, вина при незаконном получении кредита характеризуется только косвенным умыслом. В этом случае виновный предвидит возможность причи-

нения крупного ущерба кредитору, но не желает его причинения, хотя сознательно это допускает.

Мотивом преступления при незаконном получении кредита является не только корысть, но и другие побуждения. Виновное лицо не имеет своей целью обратить полученные денежные средства в свою пользу (как при мошенничестве в сфере кредитования). Оно рассчитывает вернуть их кредитору.

При незаконном получении кредита причиненный кредитору ущерб может выступать в форме упущенной выгоды (например, невозможность кредитора заключить сделку из-за недостаточности средств, выданных в качестве кредита заемщику). При мошенничестве в сфере кредитования ущерб всегда прямой, т.е. уменьшается стоимость имущества потерпевшего.

Таким образом, данные обстоятельства являются весьма значимыми для правильной квалификации указанных деяний в соответствии с определенными нормами статьи УК РФ.

Учитывая высокую степень общественной опасности преступлений в сфере экономической деятельности, а именно такого преступления, как незаконное получение кредита, целесообразно, по нашему мнению, дополнить ст. 176 УК РФ составом преступления, объективная сторона которого заключалась бы в получении

индивидуальным предпринимателем или руководителем организации кредита либо льготных условий кредитования путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации. Таким образом, исключен такой признак, как причинение крупного ущерба, но при этом, на наш взгляд, необходимо сохранить в качестве специального субъекта преступления руководителя организации или индивидуального предпринимателя и отнести преступление к категории небольшой тяжести. Нынешнюю редакцию ч. 1 ст. 176 УК РФ с учетом признака крупности ущерба целесообразно сохранить в качестве квалифицирующей.

Подводя итог сказанному, необходимо также отметить, что преступления в кредитно-банковской сфере в настоящее время являются наиболее опасными среди экономических преступлений. По степени и характеру негативных последствий такие преступления крайне отрицательно сказываются на экономическом развитии России. Поэтому, на наш взгляд, криминализация деяний, предусмотренных ст. 176 УК РФ, имеет практическую необходимость в целях совершенствования правоприменительной практики.

1. Ларичев В.Д. Незаконное получение кредита и его отграничение от других смежных составов преступлений // Уголовный закон и предпринимательская деятельность. 1997. № 3, 4.

2. Жалинский А.Э. Преступления в сфере экономической деятельности в трактовке нового Уголовного кодекса // Журнал российского права. 1997. № 8.

3. Ложкина Е. Незаконное получение кредита: объект и объективная сторона // Уголовное право. 2000. № 4.

4. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 (в ред. от 02.12.2011).

5. Сенчагов В. Экономическая безопасность // Законность. 2006. № 6.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ.

7. Козаченко И., Васильева Я. Незаконное получение кредита // Российская юстиция. 1999. № 11.

8. Максимов С. Уголовная ответственность за невыполнение должником заемных обязательств // Законность. 1998. № 6.

9. Грачева Е.Ю., Куфакова Н.А., Пепеляев С.Г. Финансовое право: учеб. М., 2005.

10. Кривенко Т., Куранова Э. Квалификация посягательств на целевые бюджетные средства // Законность. 2006. № 7.

1. Larichev V.D. Illegal financial loan and its distinction from other related crimes // Criminal law and business activity. 1997. № 3, 4.

2. Zhalinskiy A.E. Crimes in commercial activity in accordance with the new Criminal code // Russian law magazine. 1997. № 8.

3. Lozhkina E. Illegal financial loan: object and objective // Criminal law. 2000. № 4.

4. About banks and financial activity: fed. law of Dec. 2, 1990 № 395-1 (in ed. of 02.12.2011).

5. Senchagov V. Economic safety // Legality. 2006. № 6.

6. Civil code of the Russian Federation of Nov. 30, 1994 № 51-FL.

7. Kozachenko I., Vasilieva Ya. Illegal financial loan // Russian justice. 1999. № 11.

8. Maksimov S. Criminal responsibility for breach of borrower's liability // Legality. 1998. № 6.

9. Gracheva E.Yu., Kufakova N.A., Pepelyaev S.G. Financial law: textbook. M., 2005.

10. Krivenko T., Kuranova E. Qualification of offence against purpose budget funds // Legality. 2006. № 7.

Антонян Юрий Мирановичзаслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России**Еркубаева Анастасия Юрьевна**

адъюнкт ВНИИ МВД России

(e-mail: dav-nastya@mail.ru)

Преступления из хулиганских побуждений: объяснение и мотивы

В статье дается понятие преступлений из хулиганских побуждений, рассматриваются их стержневые признаки. Особое внимание уделено мотивам преступлений из хулиганских побуждений. Рассматриваются понятия «мотив» и «хулиганские побуждения», их соотношение. Дается типология лиц, совершивших преступления из хулиганских побуждений.

Ключевые слова: хулиганство, мотив, побуждение, преступления из хулиганских побуждений.

Yu.M. Antonyan, Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

A.Yu. Erkubaeva, Adjunct of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dav-nastya@mail.ru

The crimes of hooliganism: explanation and motives

In the article presents the notion of crimes of hooliganism, discusses their core characteristics. Special attention is given to the motives of hooliganism. The concepts of motive and hooligan motivations, their ratio are considered. The typology of the perpetrators of the crime of hooliganism is given.

Key words: hooliganism, motive, motivation, crime of hooliganism.

Насильственные преступления, совершенные из хулиганских побуждений, давно принадлежат к числу самых распространенных и наиболее сложных для квалификации. Они могут совершаться на улицах и в других общественных местах, в семейной и бытовой сферах, т.е. там, где могут возникнуть конфликты между людьми. Некоторые акты преступного насилия, квалифицируемые как совершенные из хулиганских побуждений, не становятся следствием конфликтов, а зависят лишь от того, как воспринимается нападающим субъектом складывающаяся ситуация, конкретный человек или группа людей и т.д.

В ряде статей уголовного закона хулиганские побуждения являются квалифицирующим признаком состава преступления, наличие которого существенно повышает степень общественной опасности совершенного деяния. Особые сложности возникают на практике при решении вопросов, в чем, собственно, заключались хулиганские побуждения и какие мотивы определили сами действия. Для криминологии совершенно необходимо понять также, чем побуждения от-

личаются от мотивов, а для этого определить, что такое побуждения.

Побуждать означает понуждать, склонять к чему-либо, вызвать у кого-либо желание сделать что-либо, а побуждение – желание или намерение сделать что-либо. Иными словами, побуждение представляет собой источник активности личности и в указанном значении практически полностью совпадает с понятием потребности. Поэтому есть все основания идентифицировать побуждение с потребностью, которая обусловлена тем, что человек противостоит миру не как изолированный индивид, а как элемент различных социальных систем. Потребность лежит в основе мотива.

Мотив мы будем понимать не как материальный или идеальный предмет, который побуждает поведение, и не как психический образ данного предмета, а как смысл поведения, т.е. то, ради чего оно реализуется. При этом во многих случаях именно смысл ускользает от сознания, тогда мотив можно называть бессознательным. Очень часто (это можно наблюдать и в случае преступного насилия из хулиганских побуждений)

поведение полимотивировано в том смысле, что мотивация состоит из двух уровней: первый – «внешний», «видимый» и второй – глубинный, смысловой, бессознательный. Так, при краже на первом уровне можно говорить о корысти, на втором – об игре; при убийстве из хулиганских побуждений на первом уровне – об утверждении себя в глазах группы, а на втором – о мести.

Как показывает изучение практики, когда следователю или судье непонятен мотив совершенного преступления, то его наделяют квалифицирующим признаком «совершено из хулиганских побуждений», не очень-то представляя себе, а что это, собственно, такое. Такой квалифицирующий признак оказывается, образно говоря, мусорной корзиной, куда сваливают все непонятное. Проиллюстрируем сказанное примером.

Несколько лет назад один из авторов этой статьи (Ю.М. Антонян) обследовал в исправительной колонии некоего молодого человека Р., который был осужден, когда ему было 17 лет, за убийство из хулиганских побуждений, совершенное при следующих обстоятельствах. Около 23 часов, находясь в состоянии легкого алкогольного опьянения, среди частных гаражей он случайно встретил свою дальнюю родственницу 65 лет, повалил ее на землю и, расставив ее ноги, вырвал из влагища промежность и матку. Смерть наступила мгновенно. Квалификация содеянного сразу же вызвала сомнения в ее обоснованности. Прежде всего, бросалось в глаза то, что Р. совершил посягательство на сексуальные органы, он уничтожил их, а не убил старую женщину каким-либо иным способом. Следовательно, эти органы имели для него какое-то особое значение, скорее всего символическое, тем более что им не предпринимались никакие попытки изнасиловать жертву. Следовательно, необходимо было тщательно проанализировать личность Р., выявить специфику его мотивов, особенности прожитой жизни, отношение к самому себе и к окружающим.

В возрасте 16 лет, Р. был условно осужден за хулиганство и вообще слыл в поселке как дерзкий и склонный к насилию человек. На кисти его левой руки имеется татуировка «Катя». На вопрос, кто это такая, Р. нехотя ответил, что это его девушка и живет она в том же поселке. После длительной беседы признал, что не пользовался ее взаимностью и что он вообще девственник. В вечер убийства после выпивки пошел в дом Кати (она была его ровесница), но ее отец сказал ему, что дочка дома нет, и в дом не пустил, Р. же был уверен, что она дома. Он еще дважды приходил к ней и получал все тот же ответ от ее

отца. Потом Р. пошел по поселку и через некоторое время встретил свою несчастную жертву.

Совершенно очевидно, что он совершил убийство в результате сексуальных переживаний, женские детородные органы символически и концентрированно означали для него всех женщин, все женское начало. Ничего другого в женщине он не видел, но в то же время психологически был жестко привязан к ним. Татуировка «Катя» означает исключительную ценность этой девушки для него, даже подчиненное отношение к ней. Уничтожив сексуальные органы жертвы, он тем самым на символическом уровне уничтожил объект своих мучений.

Естественно, что никакого хулиганства здесь нет, хулиганские побуждения Р. просто приписаны из-за незнания психологии вообще и психологии этого человека в частности. Он на психологическом уровне защищал свой мужской биологический статус. Поэтому его можно назвать недостаточно социализированным отчужденным индивидом.

Можно привести и много других случаев ошибочной квалификации преступления как содержащего признаки ст. 213 УК РФ.

Хулиганские мотивы отличаются от обычных, общепонятных мотивов, в том числе преступлений: в ряде случаев они носят вздорный, просто нелепый характер, что и порождает, на первый взгляд, впечатление об отсутствии мотива рассматриваемых составов преступления. Мотивами хулиганских действий могут выступать стремление лица в неуважительной форме противопоставить себя обществу, проявить пьяную удаль, грубую силу, жестокость, демонстративное пренебрежение нормами поведения, морали, показать свое пренебрежение к окружающим, противопоставить свое поведение общественному порядку, показать пренебрежение к личному достоинству человека и его труду, к иным охраняемым правом благам, интересам граждан, стремление проявить бесчинство, показать свою «смелость», поиздеваться над беззащитным, обнаружить свое «превосходство» над другими людьми, проявить «свою натуру» и другие подобные низменные стремления. Таким образом, совершение любого преступления из чисто хулиганских побуждений может сводиться к какому-либо одному побуждению – проявить, утвердить себя, в том числе в собственных глазах.

Вот почему необходимо правильное понимание сущности хулиганских побуждений, соотношение их с мотивом, что имеет большое значение для квалификации преступлений

из хулиганских побуждений. Преступления из хулиганских побуждений рассматриваются криминологией как одна из серьезных угроз безопасности личности, государства и общества. Такие преступления (в ряде случаев по совокупности с хулиганством) выплескиваются наружу, дезорганизуя общественный порядок и поражая окружающих не только формами своего проявления, но и дикой, необузданной силой, в чем и концентрируется их общественная опасность. Преступления из хулиганских побуждений являются весьма распространенными и чаще всего совершаются под влиянием алкогольного опьянения, нередко в отношении случайных людей, незнакомых или малознакомых. Хулиганские действия характеризуются циничностью, хамством, дерзостью, пренебрежительным отношением к общеизвестным и даже элементарным правилам.

Сказанное выше позволяет прийти к следующим выводам.

1. Преступное насилие из хулиганских побуждений может квалифицироваться по ст. 213 УК РФ только в том случае, если оно сопровождается или связано с грубым нарушением общественного порядка, неуважением к людям, попранием основополагающих правил поведения либо ущерб наносится именно таким поведением. Иными словами, стержневым признаком таких преступлений является насилие, сопряженное с хулиганством.

2. Если совершались какие-либо действия, внешне носящие хулиганский характер, мотивы которых непонятны, то для их установления должны проводиться психолого-психиатрические судебные экспертизы. Если в ее результате будут установлены не хулиганские, а иные мотивы, действия виновного необходимо квалифицировать по другим статьям УК.

Хулиганские действия часто носят насильственный характер, приводят к смерти или причинению вреда здоровью различной степени тяжести. Помимо желания грубо и цинично нарушить общественный порядок, они могут быть мотивированы местью, ревностью, завистью, садизмом (отсюда, например, убийства, совершенные с особой жестокостью), некрофилией.

Очень часто, когда преступник движим скрытыми, в том числе для самого себя, побуждениями, например сексуальными, которые оказываются непонятными следователю или судье, его действия квалифицируют как совершенные из хулиганских побуждений. Получается, что все непонятное, нарушающее общественный порядок – это хулиганство или совершено из хулиганских побуждений.

Мотивы хулиганства, говоря языком закона – побуждения, могут иметь двойную подоплеку: 1) когда они являются неотъемлемой, имманентной чертой совершившего насилие из хулиганских побуждений, идут изнутри, представляют собой свойство личности; 2) когда они являются агрессивной реакцией на ситуацию, внешние «раздражители» и окружающих людей. Мотивы регулируют направленность действий хулигана, а в процессе реализации этих мотивированных действий – стремление к выражению протеста обществу и гражданам. Возможны смешанные варианты, а сам хулиганский мотив бывает связан со способом преступного действия хулигана.

Поскольку личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает, то способ совершения преступлений из хулиганских побуждений имеет существенное значение для оценки общественной опасности не только деяния, но и личности их совершивших, особенностей их отношения (неуважения, презрения, ненависти) к обществу, к людям.

Среди лиц, совершивших преступления из хулиганских побуждений, предлагаем выделить три типа:

1. Неустойчиво-насильственный тип – лица, ранее не совершавшие преступления из хулиганских побуждений и иные насильственные уголовно наказуемые деяния, однако допускавшие различного рода правонарушения и аморальные проступки. Социально-психологические свойства такой личности являются неустойчивыми и противоречивыми, слабо выражен позитивный компонент. Человек этого типа имеет дурные привычки, от которых не может и не желает избавиться, что и влияет на отклонение от нормального образа жизни и в результате приводит к нарушению закона.

2. Рецидивно-насильственный тип – лица, ранее совершавшие преступления из хулиганских побуждений и понесшие за это наказание. Антиобщественный образ жизни такого типа личности является привычным, а в какой-то степени и необходимым для него. Новые преступления совершает с легкостью, вся «процедура» от задержания до отбывания наказания также легко переносится. Такой тип может легко попасть под влияние более опасных преступников.

3. Особо опасный тип – лица, ранее совершавшие различные иные насильственные преступления и осуждавшиеся за них. Такие преступники характеризуются значительной деформацией в структуре социальной направленности. У данного типа личности хулигана (сильно деформированной) имеется устойчивая направленность на совершение преступлений.

Отличается не только правовым нигилизмом, но и очень низкой общей моральной культурой, глобальной преступной установкой. Как правило, такая личность отчуждена от нормальных людей и отношений, хорошо адаптирована к местам лишения свободы.

Предупреждение преступлений из хулиганских побуждений – специфическая деятельность, особый вид социальной практики, который включает в себя мероприятия, специально направленные на недопущение преступлений из хулиганских побуждений, особая форма социального регулирования. Первостепенное

значение здесь имеет конкретизация объектов воздействия, где особо выделяются индивидуальная профилактика, связанная с выявлением лиц, ведущих антиобщественный образ жизни и склонных к совершению хулиганских действий, и ранняя профилактика, упреждающая хулиганство на разных стадиях его возникновения.

Именно поэтому концепция предупреждения преступлений из хулиганских побуждений должна получить необходимое развитие, которое невозможно без соответствующих теоретических исследований. Ее развитие тесно связано и с повседневно растущими запросами практики.

Кобец Петр Николаевичдоктор юридических наук, профессор
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
(e-mail: pkobets37@rambler.ru)

О необходимости регулярного социально-криминологического мониторинга криминальной ситуации в Российской Федерации

Криминальная ситуация, складывающаяся в Российской Федерации, является неотъемлемой составной частью социально-экономической обстановки, определяется этой обстановкой и оказывает негативное воздействие на все сферы общественного бытия. Поэтому исследование перспектив развития преступности и разработка мер по противодействию ей являются важной государственной задачей.

Ключевые слова: социально-криминологический мониторинг, криминальная ситуация, модель развития, криминологическое исследование, противодействие преступности.

P.N. Kobets, Doctor of Law, Professor, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: pkobets37@rambler.ru

About necessity regular socio-criminological monitoring the crime situation in the Russian Federation

Criminal situation in the Russian Federation is an integral part of the socio-economic situation defined by this situation and has a negative impact on all spheres of social life. In this regard, the outlook study of crime and development of measures to combat is an important state task.

Key words: socio-criminological monitoring, criminal situation, development model, criminological research, fighting crime.

Президент России в ежегодных Посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации формулирует единую программу действий государства и общества на ближайшее десятилетие. Определены стратегия и идеология национального развития, поставлены четкие и конкретные задачи для системы правоохранительных органов, которые должны обеспечить масштабную борьбу с преступностью на основе принципиально новых подходов [1].

В настоящее время мониторинг, как форма слежения за социальными процессами в обществе, является важнейшим средством всестороннего изучения социальной сферы, что позволяет правоохранительным органам получать более точную информацию о состоянии социальных объектов, с максимальной точностью оценивать вероятность наступления возможных негативных тенденций и явлений, в итоге – более эффективно воздействовать на социальную сферу с целью повышения или понижения вероятности наступления конкретных событий, тех или других направлений развития.

Эффективное достижение долгосрочных целей развития нашей страны предъявляет высокие требования к совершенствованию социально-экономического и криминологического мониторинга. В соответствии с Федеральным законом от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» [2] в стране действует единая система государственных прогнозов и программ перспективного развития общества, реализуются формы и методы соответствующей управленческой деятельности.

В настоящее время согласно прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2013 г. и на плановый период 2014 и 2015 гг. [3], разработанному на основе одобренных Правительством РФ сценарных условий социально-экономического развития Российской Федерации, исходя из ориентиров, приоритетов социально-экономического развития, сформулированных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., все

федеральные органы исполнительной власти осуществляют разработку соответствующих материалов перспективного содержания, вариантов прогноза социально-экономического развития по отраслям и секторам экономики, бюджетных заявок на финансирование целевых программ, а также обеспечивают согласование (защиту) показателей бюджета в соответствии с требованиями Правительства России (см., например, Указы Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [4], № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [5], прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (подготовлен Минэкономразвития России) [6]).

В Министерстве внутренних дел РФ составной частью указанной работы являются анализ и оценка перспектив развития криминальной ситуации в стране на ближайшую и среднесрочную перспективу. Нормативно-правовую и организационную базу для проведения мониторинговых исследований составляют Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»; приказ МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках МВД России»; приказ МВД России от 30 декабря 2007 г. № 1246 «О повышении эффективности исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации» (в редакции приказа МВД России от 19 декабря 2012 г. № 1114) [7].

Криминальная ситуация, складывающаяся в современном российском обществе, является неотъемлемой составной частью социально-экономической обстановки, определяется этой обстановкой и оказывает негативное воздействие на все сферы общественного бытия. По этой причине изучение перспектив развития преступности и разработка мер борьбы с криминализацией общества являются важным звеном в единой системе государственного, отраслевого прогнозирования и бюджетного планирования.

Материалы оценки криминальной ситуации в России должны представлять собой аналитический документ, содержание которого определено текущими потребностями правоохранительных органов России в объективной оценке криминальной напряженности в стране. Они могут

быть использованы для обоснования и защиты финансово-бюджетных ресурсов правоохранительной деятельности.

Базовый информационный массив исследования должны составлять официальные данные государственной статистики, социально-экономические показатели и характеристики, представляемые Министерством экономического развития и торговли, а также статистические сведения Главного информационно-аналитического центра МВД России. Достоверность (надежность) расчетных количественных значений ожидаемого развития криминальной ситуации должна составлять 0,95 для доверительного интервала, заданного границами двух вариантов социально-экономического развития Российской Федерации, и показателей функционирования экономики страны.

Социально-криминологическое моделирование представляет собой мощный инструментарий современных исследований, имеющих целью прогнозирование сложных взаимосвязанных процессов, которые характеризуют противоречивую динамику развития российского общества.

Модель развития криминальной ситуации в Российской Федерации должна базироваться на устойчивой зависимости между складывающейся социально-экономической обстановкой в стране и статистическими характеристиками преступности. Наиболее значимыми факторами этой модели на среднесрочную перспективу должны выступать сложные социальные, экономические и политические процессы, которые выходят на передний план динамического развития нашей страны.

Экономическое и социальное развитие страны в настоящее время происходит под влиянием объективных внутрисистемных и внешнеполитических воздействий, сформировавшихся на рубеже XX и XXI вв. и связанных с ликвидацией накопившихся в отечественной экономике диспропорций. В соответствии с изменившейся обстановкой совершенно закономерным является и то, что при этом активизировалось воздействие ряда принципиально новых негативных факторных тенденций. Позитивная динамика на ряде направлений развития государства и общества сочеталась с проявлениями рецессии и стагнации, имел место рост социальной напряженности в отдельных регионах Российской Федерации.

Анализ текущего социально-экономического развития страны показывает, что в качестве основных тенденций выступают следующие

системные проявления: невысокие темпы развития экономики; недостаточные объемы вложения капитала в российские активы; сохранение ярко выраженной сырьевой направленности российской экономики; активизация процессов вывода капиталов за границу: хозяйственные диспропорции, связанные с невысокой долей малых и средних предприятий в объеме валового внутреннего продукта и общей численности занятых в экономике граждан; высокий уровень трансакционных и производственных издержек в экономике; неоптимальное и нерациональное влияние государства на систему экономической деятельности; неэффективность структуры предоставления социальных услуг при низком уровне оплаты труда; отсутствие заметного роста уровня жизни; недостаточное финансирование правоохранительной деятельности на основных направлениях борьбы с преступностью.

До настоящего времени решение указанных и ряда сопутствующих проблем осуществлялось в нашей стране на основе комплекса общегосударственных мер, включенных в Программу социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу. В текущем периоде действует Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [8]. Этим программно-плановым документом предусмотрена концентрация усилий государства и общества на приоритетных направлениях социально-экономического развития: совершенствовании институциональных условий и инфраструктуры экономики в соответствии с потребностями общества; реализации административной реформы, создании эффективной системы государственного управления; повышении открытости экономики; инновационном развитии отраслей промышленности; формировании эффективной системы предоставления социальных услуг, создающей благоприятные условия для развития «человеческого капитала»; обеспечении благоприятных макроэкономических условий развития страны.

Помимо этого, в качестве приоритетов социально-экономического развития страны обозначены следующие принципиальные положения антикриминогенного и социально-стабилизирующего содержания: повышение эффективности системы госуправления и преодоление коррупции, уменьшение бедности, преодоление инфраструктурных ограничений, характерных для ряда ключевых отраслей хозяйства (транспорт, связь). Более того, запланировано реальное наведение порядка в тех секторах экономики, где государственное участие и влияние очень

велико (военно-промышленный и агропромышленный комплексы, естественные монополии и сектор высоких технологий).

Реализация указанных требований выражена в дальнейшем проведении структурных реформ, которые серьезно повлияют на социальные процессы, происходящие в обществе. Ряд положений и ориентиров этих документов получает свое развитие и уточнение.

В целях формирования эффективной системы и структуры федеральных органов исполнительной власти Президентом РФ осуществлено принципиальное реформирование Правительства РФ.

В сложившейся ситуации возникли важнейшие направления, требующие основной концентрации усилий нашего общества:

«первое – меры по развитию государства;

второе – укрепление закона и развитие политической системы, повышение эффективности правосудия;

и, наконец, третье – развитие личности и гражданского общества в целом».

Детализация этих главных направлений развития России указывает на высокую значимость социально-экономических показателей обстановки в стране и результатов правоохранительной деятельности, борьбы с преступностью.

Криминологические исследования показывают, что в период интенсивного реформирования социально-экономических отношений криминальная ситуация в стране в целом и оперативная обстановка в сфере деятельности правоохранительных органов демонстрирует значительные колебания и проявляет особую чувствительность к управленческим и бюджетно-плановым решениям в области правоохранительной, налоговой, таможенной, тарифной, а главное – социальной политики. По этой причине комплексная аналитическая модель развития криминальной ситуации в стране требует некоторых корректировок: уточнения новых источников криминогенного воздействия, расширения перечня учитываемых криминологически значимых факторов, повышения точности модельных расчетов и прогнозных проектировок.

Конечно же, в современных условиях постиндустриального развития российской экономики отдельные ценовые показатели рыночного хозяйства сами по себе не могут оказывать прямого детерминирующего воздействия на криминологическую динамику изменений преступности. Вместе с тем, будучи взятыми в единой системе социально-экономических параметров развития общества, данные показатели приобретают существенное факторное, индикативное значение. Обращаясь к трудам известного исследователя

А.А. Пионтковского, это можно объяснить тем, что факторы преступности коренятся не просто в социальной среде, а «по преимуществу в отрицательных особенностях экономического уклада жизни... Современный экономический уклад создает резко бьющие в глаза контрасты: бедность масс и богатство меньшинства. На почве этих контрастов... создается благоприятная атмосфера для различного рода эксцессов, складывается обстановка для развития и проявления преступной деятельности» [9, с. 1]. Заметим, что столь актуальный научно-криминологический вывод был сделан ровно 100 лет назад!

Существует единая система социально-экономических индикаторов для федерального уровня анализа криминологической ситуации в стране. Это перечень укрупненных показателей и агрегированных параметров, каждый из которых может быть дифференцирован на ряд частных составляющих (по отраслям экономики, по регионам и субъектам Федерации, по характеру воздействия на общесоциальную и криминальную ситуацию). При этом следует иметь в виду, что увеличение количества учитываемых социально-экономических параметров и показателей приводит к пропорциональному квадратичному росту сложности соответствующих аналитических алгоритмов.

Итак, приведенные данные демонстрируют, с одной стороны, высокую актуальность своевременного расчета различных экономических влияний на социально-криминологическую обстановку в стране. А с другой – иллюстрируют высокую сложность математических моделей и вычислительных процедур, необходимых для установления количественных зависимостей между социально-экономической обстановкой и криминальной ситуацией в стране.

Криминологическая значимость прогнозируемых экономических показателей не является социально-позитивной, т.к. соответствующие указанной динамике пропорциональные расходы на правоохранительную деятельность, особенно в случае ограниченного финансирования, будут недостаточными для безопасного развития общества. Как показала практика предшествующих лет, неожиданное ухудшение макроэкономических показателей может сопровождаться снижением финансирования сферы правопорядка и борьбы с преступностью.

Возможны и иные, множественно-негативные воздействия на оперативную обстановку в сфе-

ре деятельности правоохранительных органов со стороны неблагоприятной макроэкономической среды.

Таким образом, прогнозируемый экономический рост не позволяет гарантировать радикальное увеличение бюджетного финансирования правоохранительной деятельности в сфере борьбы с преступностью.

С учетом наиболее вероятного развития обстановки и реализации общегосударственных мер по укреплению положительных тенденций в сфере борьбы с преступностью перспективы развития криминальной ситуации определяются исходя из конкретных вариантов количественно-качественных характеристик социально-экономического развития страны и реальных тенденций развития оперативной обстановки в сфере борьбы с криминалом.

Варианты сценариев социально-экономического и криминологического развития должны базироваться на основных программных целях и задачах развития страны и учитывать основные факторы, предопределяющие как позитивную, так и негативную динамику.

Системный анализ социально-экономических реалий и криминогенных процессов, происходящих на территории Российской Федерации, позволяет заключить, что насущная потребность современного общества в эффективной борьбе с преступностью определяется особенностями сложившейся в стране социальной ситуации и остро негативными тенденциями криминализации, масштабы и уровень общественной опасности которой продолжают расти. В складывающихся экономических условиях развития российского социума охрана правопорядка и борьба с преступностью являются существенной бюджетоемкой сферой, требующей весомых финансовых и материально-технических вложений, направленных на укрепление правоохранительных институтов государства и общества. В этой сфере все основные решения должны опираться на надежные механизмы криминологического анализа и государственного программно-целевого планирования, что создаст предпосылки для максимальной активизации и совершенствования организационно-управленческой, правоприменительной и оперативно-служебной деятельности всех органов, призванных осуществлять контроль над криминальной ситуацией в стране.

1. URL: <http://президент.рф>

2. URL: <http://www.mnogozaikonov.ru>

3. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons>

1. URL: <http://президент.рф>

2. URL: <http://www.mnogozaikonov.ru>

3. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons>

4. Собр. законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2333.
5. Там же. Ст. 2334.
6. СПС «КонсультантПлюс».
7. Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/news/item/828838>
8. URL: <http://www.economy.gov.ru>
9. Пионтковский А.А. Уголовное право. Часть общая. Казань, 1913.

4. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 19. Art. 2333.
5. Ibid. Art. 2334.
6. HLS «ConsultantPlus».
7. Official website of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <http://mvd.ru/news/item/828838>
8. URL: <http://www.economy.gov.ru>
9. Piontkovsky A.A. Criminal law. General part. Kazan, 1913.

Палазян Арутюн Сергеевич

доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

К вопросу об особенностях виктимизации этнических меньшинств

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день в современном обществе проблеме виктимизации этнических меньшинств. В ней показана роль факторов внесоциального происхождения, влияющих на степень уязвимости этнических меньшинств.

Ключевые слова: криминология, виктимология, виктимность, виктимизация, толерантность, этнические меньшинства, девиктимизация.

A.S. Palazyan, Doctor of Law, Master of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

To the question of peculiarities of ethnical minorities victimization

The article is devoted to the actual problem of ethnical minorities victimization in the modern society. The role of the factors of non-social origin affecting on the vulnerability degree of ethnical minorities is shown in this article.

Key words: criminology, victimology, victimity, victimization, tolerance, ethnical minorities, devictimization.

Степень виктимности может различаться в зависимости от типа общественного устройства, обуславливающего положение в обществе женщины, ребенка, старика. Однако представители данных категорий будут неизменно отличаться высокой степенью уязвимости в силу того, что особо значительную роль здесь играют факторы внесоциального происхождения. Такая виктимность может быть определена как стабильная.

Лабильной может быть названа криминальная виктимность, в формировании которой определяющую роль играют социальные факторы: положение в обществе; система общественных отношений, обуславливающих характер и способы взаимодействия с представителями конкретных социальных групп; уровень толерантности в обществе и др. [1].

Проблема негативного отношения к этническим меньшинствам, в том числе и в аспекте детерминации криминальных посягательств, была одной из наиболее острых в любом обществе. Уже первые формы самоорганизации социума были связаны с идентификацией по принципу «свой» – «чужой». Формирование крупных многонациональных государств, появление мировых религий, развитие философских представлений об универсальности этических категорий – все это способствовало появле-

нию принципов взаимоотношения этносов на основе начал толерантности и закреплению соответствующих норм в стереотипах социального поведения личности и в практике государственно-правового строительства. В XX в., особенно после Второй мировой войны, в Западной Европе, несколько позже в США, в СССР и других социалистических государствах на уровне как общественного сознания, так и государственно-правовой идеологии прочно закрепляются представления о толерантном отношении к личности, независимо от ее расово-этнического происхождения, формируется негативное отношение ко всем формам проявления ксенофобии [2].

Усиление национально ориентированных ценностей в глобализирующемся мире неправильно было бы рассматривать лишь в свете экстремальных и агрессивных форм национализма. Как и локализация, оно играет роль своего рода противовеса, ограничивающего негативные, дегуманизирующие и десоциализирующие последствия глобализации. З. Бауман полагает, что современный национализм представляет собой «возрождение этничности»: он связан не с национально-государственными приоритетами, но, напротив, с ослаблением роли национального государства и отражает «денационализацию государства» и «приватизацию

национальности», иными словами, «разрыв между государством и нацией... Этничность становится одним из символических центров, вокруг которых формируются гибкие и свободные от санкций общности, конструируются и утверждаются индивидуальные идентичности» [3, с. 133].

Очевидно, это далеко не всегда так: и в современных условиях национализм нередко принимает весьма жесткие, в том числе огосударственные, формы. Однако, по-видимому, З. Бауман прав в том, что усиление роли этнонациональных ориентаций не столько политическая, сколько социально-культурная и социально-психологическая тенденция, представляющая собой ответ личности на вызов глобализации. Являющийся одним из следствий этого рост межэтнической напряженности выступает виктимизирующим фактором в глобальном масштабе и, так сказать, в стратегической перспективе.

Культурные различия этносов проявляются через различия в образе жизни, стереотипах поведения, системе ограничения или предоставления определенных свобод их представителям мужского и женского пола.

Если суммировать имеющиеся данные, то можно выделить следующие закономерности. При отмечаемой практически всеми исследователями за последнее десятилетие тенденции снижения риска насилия для всех женщин независимо от расового или этнического происхождения риск все же продолжает быть выше для чернокожих женщин по сравнению с белыми и для испаноговорящих женщин по сравнению с неиспаноговорящими [4]. Общий уровень виктимизации чернокожих женщин выше, чем белых и испаноговорящих. Причиной повышенной виктимности цветных женщин может являться как сохраняющийся довольно высокий уровень расистских настроений в американском обществе, так и виктимный характер поведения представителей этнических меньшинств (частая смена места жительства, нестандартные формы бытового поведения, склонность к употреблению алкоголя или наркотиков и т.п.).

Представляется важным при разработке общей модели виктимизации женщин учитывать расовые и этнические культурные различия, не только опираясь на житейский опыт, здравый смысл или общетеоретические дедуктивные выводы, но используя данные соответствующих социологических исследований. В таком случае можно составить с большой долей вероятности прогнозы возможных актов насилия и использовать их для виктимологической профилактики насильственной преступности.

Например, учитывая, что азиатские женщины могут быть более уязвимы в случае занятости на производстве и что они в основном подвергаются стихийному насилию, имеют самую высокую пропорцию инцидентов в общественных местах, совершенных трезвыми незнакомцами, с оружием или группой, можно предположить, что преступление, скорее всего, произойдет во время их обычного движения к месту работы и от него. Поэтому в местах компактного проживания и работы иммигрантов из азиатских стран было признано целесообразным усилить уличное патрулирование в утренние и вечерние часы.

В целом выделяются следующие особенности жертв преступлений, совершаемых на почве расовой или религиозной ненависти, негативного отношения к другой культуре, или, повторяя выражение Ю. Хабермаса, к «другому». Эти преступления имеют тенденцию быть совершенными многократными обидчиками в отношении незнакомых лиц, которые имеют четко выраженную принадлежность к той или иной этической, религиозной группе и т.п. Они обычно совершаются в местах, хорошо знакомых жертве, которая с высокой долей вероятности будет испытывать после инцидента опасение повторного нападения. Жертвы насилия будут в большей степени и в течение более длительного периода времени переживать последствия насилия, возможны более глубокие психологические травмы, чем для жертв аналогичных преступлений, не связанных с культурологическими факторами.

В целом ксенофобия, нетерпимость продолжают оставаться значимой проблемой для современного общества. В том числе и проблемой криминологического порядка, поскольку ксенофобия нередко оборачивается насилием по отношению к этническим меньшинствам. Ее главной особенностью в эпоху глобализации является «опосредствование культурой»: представитель этнического меньшинства вызывает ненависть уже не просто как «чужой», а как носитель чуждой культуры, как «другой». Вместе с тем, до настоящего времени не решенной остается проблема учета особенностей культуры как преступников, так и жертв в уголовном процессе, в судопроизводстве, в практике индивидуальной профилактики правонарушений.

Подводя итог, можно отметить, что факторы изменения параметров виктимности отдельных социальных страт и групп населения в современных условиях напрямую связаны с глобализацией, с криминогенными и виктимогенными обстоятельствами, сопровождающими ее процессы [5, с. 343–344]. Изменение

культурной среды воспроизводства большинства страт, процессы миграции, формирование транснациональной системы стратификации («параллельной» по отношению к традиционной), характерное для глобализации изменение культурологических параметров социальной среды – все это может усилить или, наоборот, снизить уровень виктимизации социального статуса. Степень влияния факторов, связанных

с глобализацией, на виктимность социальных групп и статусов будет напрямую зависеть от того, являются ли доминирующими для ее представителей в процессе виктимизации социальные или же внесоциальные факторы, зависит ли виктимность в большей степени от образа жизни потенциальной жертвы или же от отношения к ней представителей других социальных страт.

1. Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

2. Шалин В.В. Толерантность (культурная норма и политическая необходимость). Ростов н/Д, 2000.

3. Бауман З. Глокализация, или Кому глобализация, а кому локализация // Глобализация: контуры XXI века: реферативный сборник. М., 2002. Ч. 1.

4. Rennison C.M. Violent victimization and race. Special report. Washington, D.C., 2001.

5. Криминология: учеб. / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2004.

1. Vishnevetsky K.V. Criminogenic victimization of social groups in modern society: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2008.

2. Shalin V.V. Tolerance (cultural norm and political necessity). Rostov-on-Don, 2000.

3. Bauman Z. Glocalization, or to whom globalization, and to whom localization // Globalization: contours of the XXI century: abstr. coll. Moscow, 2002. Pt. 1.

4. Rennison C.M. Violent victimization and race. Special report. Washington, D.C., 2001.

5. Criminology: textbook / ed. by V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminov. Moscow, 2004.

Морозов Николай Александрович
кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры уголовного права и криминологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
(e-mail: nmorozov@me.com)

Борьба с компьютерной преступностью в Японии

В статье рассматриваются основные тенденции развития компьютерной преступности в Японии, ее количественные и качественные характеристики и особенности, основные законодательные акты, а также опыт работы правоохранительных органов по организации противодействия компьютерной преступности.

Ключевые слова: киберпреступность, правоохранительные органы, преступления в сфере высоких технологий, мошенничество, детская проституция и порнография.

N.A. Morozov, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Lomonosov Moscow State University; e-mail: nmorozov@me.com

Fighting computer crime in Japan

The paper examines the main trends in the development computer crime in Japan, its qualitative and quantitative characteristics and features, legislation as well as experience of law-enforcement bodies to combat computer crime.

Key words: cybercrime, law-enforcement bodies, high-technology offences, computer fraud, child prostitution and pornography.

В XXI в. быстрое развитие информационного общества еще больше изменило повседневную жизнь людей, всего несколько лет назад не знавших онлайн-покупок и онлайн-банковских операций, услуг скоростной передачи данных, новых форматов телефонной связи и многих других примет современной жизни. Однако развитие информационного общества сопровождается новыми серьезными угрозами. Атаки на информационную инфраструктуру совершаются ежедневно и в растущих масштабах, причиняя обществу огромный вред и большой финансовый урон. Не случайно в 2010 г. в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН киберпреступность названа одной из главных проблем современности.

Важную роль в развитии информационных технологий играет кибербезопасность. В рамках этой проблемы активно обсуждаются такие аспекты, как киберсдерживание в качестве средства борьбы с кибератаками, управление Интернетом, преимущества цифровой дипломатии в качестве профилактического инструмента для большей кибербезопасности и т.д. Ее усиление имеет огромное значение для безопасности и экономического благосостояния любой страны, поэтому сдерживание киберпреступности стало

составной частью системы национальной безопасности и государственной стратегии защиты информационной инфраструктуры с тем, чтобы способствовать снижению рисков и последствий киберпреступности.

Любые информационные и технические новации значительно расширяют сферу киберпреступности и создают условия для повышения эффективности хакерских атак. Поэтому киберпреступность в мире растет более быстрыми темпами, чем все другие виды преступности. Приходится считаться и с тем, что трудности расследования такого рода преступлений связаны с растущими скоростями обмена информацией и постоянным притоком технологических новаций. Интернет превратил локальные электронные преступления в транснациональные. В настоящее время преступники могут действовать из любой точки мира, используя самые изощренные способы для маскировки своей идентичности. Соответственно, меняются инструменты для расследования таких преступлений, они существенно отличаются от тех, что используются при расследовании «обычных» преступлений. Поэтому совершенствование стратегии кибербезопасности в любой стране требует особого внимания.

Конец 1990-х и начало 2000-х гг. прошли под знаком новых тенденций – роста все более изо-

щренных способов совершения преступлений и распространившихся технологий, затрудняющих работу полиции. Меняются не только способы и количество таких преступлений, меняются их масштаб и последствия. В 2003 г., например, использование только одного вредоносного программного обеспечения причинило ущерб на 17 млрд долларов; уже в 2007 г. доходы киберпреступности превысили 100 млрд долларов, впервые превзойдя доходы от наркоторговли. По данным американского Центра стратегических исследований и компании «McAfee», занимающейся защитой электронных сетей, мировая экономика за год теряет от киберпреступности 500 млрд долларов [1]. По оценкам экспертов, в 2012 г. киберпреступники смогли похитить 13 млрд долларов, а к концу 2013 г. эта сумма должна была удвоиться.

Здесь следует отметить, что в разных странах национальная статистика имеет существенные различия, связанные с особенностями регистрации таких преступлений и уголовного законодательства. Поэтому она не может адекватно отражать проблему в мировом масштабе; в силу тех же причин данные национальной статистики не являются достаточно прочной основой для сравнительных исследований. Достоверность подобного рода специфической информации всегда носит релевантный характер. Статистика той или иной страны отражает лишь преступления, которые были выявлены и зарегистрированы; она, конечно, необходима для разработки политики на национальном уровне, но ее показатели зависят не столько от уровня преступности, сколько от уровня развития страны и возможностей полиции. По данным ООН, две трети стран считают свои системы полицейской статистики недостаточно совершенными, чтобы регистрировать киберпреступность [2].

Помимо всего прочего, киберпреступность отличается высокой латентностью. При этом ее причины лежат в другой плоскости, нежели причины латентности «обычных» преступлений. Зарегистрированные преступления чаще всего связаны с крупными денежными потерями, а если они не столь значительны, физические лица не всегда сообщают о таких преступлениях правоохранительным органам. Что же касается юридических лиц, то, во-первых, государственные органы и предприятия частного сектора по-разному воспринимают относительные риски и угрозы; во-вторых, компании, пострадавшие, например, от хакерских атак на их серверы, зачастую скрывают такие факты, опасаясь, что огласка может повредить их репутации. В Япо-

нии, например, в 2011 г. в ходе анкетирования, проведенного полицией, лишь 25% компаний сообщили об убытках, понесенных ими от киберпреступности.

Более надежную основу для анализа ситуации в этой сфере представляют виктимологические опросы; их результаты показывают, что виктимизация частных лиц от киберпреступности значительно выше, чем от «обычных» преступлений. Так, показатели виктимизации от мошенничества с кредитными картами, от краж персональных данных, ответов на попытки «фишинга» и незаконного доступа к электронным записям среди пользователей Интернета в 20 странах составляют до 17%; при этом в более развитых странах уровень виктимизации от таких преступлений, как правило, значительно ниже.

Ключевую роль в предупреждении киберпреступности играют правовые меры. Ныне в плане криминализации многих правонарушений достигнута более высокая степень консенсуса; значительно большее единообразие получила криминализация деяний, связанных с содержанием Интернета. Вместе с тем, криминализация киберпреступлений еще имеет существенные различия. Разные подходы существуют, например, при криминализации вмешательства в функционирование компьютерных систем в зависимости от формы вины (в Японии такое вмешательство должно быть преднамеренным); есть различия и по способам вмешательства, они охватывает различные деяния – от повреждения или удаления данных до изменения, блокировки, передачи данных и т.п. Достижение единообразия в понимании, оценке и криминализации таких деяний – одна из актуальных задач, стоящих перед мировым сообществом.

Власти Японии еще с конца прошлого века оперативно реагировали на изменение ситуации в сфере киберпреступности, связанное с появлением новых видов преступлений и ростом их распространенности. В 1985 г. был принят Закон о размещении интегральных полупроводниковых схем, которым вводились нормы, предусматривающие наказания в целях охраны информации как объекта собственности. В 1987 г. был принят закон, объявляющий преступными и наказуемыми производство электромагнитных дисков, уничтожение компьютеров, их мошенническое использование, а также создание связанных с этим предприятий.

В 1999 г. был принят специальный закон, установивший меры ответственности за вовлечение несовершеннолетних в занятие детской проституцией и производство порнографии

(Act on Punishment of Activities Relating to Child Prostitution and Child Pornography). В 2000 г. специальным законом (Unauthorized Computer Access Act) установлена уголовная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерам. В целях повышения эффективности борьбы с киберпреступностью 26 июня 2001 г. принят специальный закон, согласно которому в УК вносился ряд изменений и дополнений, установивших уголовную ответственность за новые виды компьютерных преступлений, в том числе за подделку и использование поддельных и краденых кредитных и дебетовых карт; кроме того, специальным законом (Act on Protection of Deposition and Postal Saving Holders from Unauthorized Automated Withdrawal Using Counterfeit and Stolen Cards) устанавливались меры защиты таких карт, высылаемых банками их владельцам по почте, а также меры контроля за снятием денежных средств в банкоматах по поддельным и краденым картам.

В 2004 г. в законодательство об ответственности за распространение материалов, связанных с детской проституцией и порнографией, были внесены изменения, ужесточившие ответственность за изготовление такого рода продукции и ее распространение в Интернете. В 2006 г. в порядке реализации положений Европейской конвенции и других международно-правовых документов в УК и УПК Японии были внесены изменения и дополнения, предусматривающие криминализацию новых компьютерных преступлений, в том числе производство и распространение вирусов. Работа по дальнейшему совершенствованию законодательства, направленная на ужесточение правовых мер борьбы с компьютерной преступностью, продолжалась и в последующие годы.

Появление компьютерных преступлений в Японии относится к середине 1970-х гг., но их рост и осознание опасности стали ощутимыми лишь спустя 15 лет. Такое развитие ситуации, на первый взгляд, кажется парадоксальным, поскольку 1970–1980-е гг. связаны со стремительным развитием в стране науки и техники, составной частью которого стали быстрые темпы компьютеризации. Здесь сказались влияние многих факторов, с которыми связана специфика страны на этом этапе ее развития. К ним можно отнести новизну самих компьютерных преступлений, отсутствие законодательной базы, квалификации и опыта у сотрудников правоохранительных органов; сюда относятся и особенности психологии и менталитета японцев (граждан «честного общества»), и взаимосвя-

занные изменения в демографической ситуации, в темпах миграции сельской молодежи, в структуре трудовой занятости населения, в концентрации трудовых ресурсов, используемых для преобразований инфраструктуры крупных городов, для создания всего, что вскоре стали называть «японским чудом».

Подтверждением сказанного являются и динамика, и сам характер компьютерных преступлений, зафиксированных в этот период. В 1977 г., например, было зарегистрировано 61 преступление; к 1981 г. их число выросло до 288, а к концу 1994 г. (почти за 20 лет!) – всего 492 преступления, из которых 447 составили изменение или уничтожение программной информации.

Следует отдать должное японским криминологам и специалистам в области уголовного права, которые предвидели будущее компьютерной преступности, ее быстрый рост и серьезные проблемы, с которыми столкнется правоприменительная практика. Они указывали, что сложность расследования таких преступлений заставит переосмыслить традиционные основы следствия, для чего потребуются критически проанализировать практику, одновременно находя решения возникающих проблем в расследовании и в судебном процессе. Видный исследователь японского права Х. Итакура определял новые формы преступности как явления антисоциального характера, тесно и неразрывно связанные с социально-экономической структурой общества, как преступность, присущую современному обществу. Возникает проблема социальной и юридической оценки новых деяний, ибо квалифицировать их как преступления было бы трудно, если опираться на традиционный образ мышления [3, с. 56–57].

С середины 1990-х гг. стремительное развитие Интернета выводит компьютерную преступность в стране на принципиально новый уровень, при этом в первую очередь отмечается рост экономических преступлений в кредитно-финансовой сфере (оплата счетов, махинации с кредитными карточками и т.п.), а также хищений персональных данных и разглашений конфиденциальной информации.

В 1997 г., подписав ряд соглашений с зарубежными странами о взаимодействии в борьбе с компьютерными преступлениями, Япония обязалась предпринять ряд радикальных мер – принять законы против киберпреступлений, организовать обучение сотрудников полиции методам расследования, открыть круглосуточную «горячую линию» для обращений в полицию, разработать новые технологии отслеживания

источников вторжения в компьютерные сети, ускорить процесс выдачи подозреваемых в преступлениях, осуществлять резервное архивирование информации. В 2000 г. на конференции по проблемам компьютерной преступности в Париже страны G8 пришли к соглашению о развитии международной кооперации в этой сфере, в том числе в деле отслеживания преступников за пределами своих границ. В последние годы, развивая сотрудничество, Япония последовательно выполняет международные обязательства.

Поскольку единообразного определения термина «киберпреступность» пока не достигнуто, в специальной и правовой литературе предлагается подход, основанный на типологии таких преступлений. Один из таких подходов сформулирован в Конвенции Совета Европы, где различаются четыре типа преступлений: против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; преступления, связанные с применением компьютеров; преступления, связанные с контентом; связанные с правами собственности. (Если не вдаваться в технические детали, она может служить основой для изучения феномена киберпреступности.)

С начала 2000-х гг. для анализа ситуации в Японии используют собственную типологию преступлений, которая позволяет учитывать почти всю палитру правонарушений в этой сфере и развивающиеся в ее рамках тенденции. В этой типологии выделяются две основные группы:

- 1) преступления, связанные с проникновением в компьютеры;
- 2) преступления, связанные с использованием Интернета.

На основе этой типологии строится классификация таких преступлений. К первой группе относятся: компьютерное мошенничество; повреждение записей и создание помех бизнесу; преступления, связанные с платежными картами; несанкционированный доступ к компьютеру.

В данной группе, как показывает статистика за 2005–2011 гг., обращает на себя внимание рост общего числа преступлений. На этом фоне динамика компьютерных мошенничеств носит турбулентный характер. С 2003 по 2008 г. число таких преступлений выросло в три раза, а за 2006–2008 гг. почти в четыре раза. В 2009 г. показатели компьютерного мошенничества снизились на 23,2%, а в 2010 г. на 42%, что, видимо, свидетельствует об эффективности усилий правоохранительных органов.

Вместе с тем, неблагоприятной выглядит динамика постоянно растущих фактов несанк-

ционированного доступа к компьютерам. При этом очевидным является не только значительный рост абсолютных показателей, но и рост удельного веса таких деяний в общей структуре преступлений, связанных с проникновением в компьютеры, где в течение 2006–2011 гг. на долю несанкционированного доступа приходится в среднем почти 80%.

Как видно, борьба с несанкционированным доступом к компьютерам еще остается серьезной проблемой.

Вторую группу составляют преступления, совершенные с использованием сети Интернет. К ним относятся: мошенничество; нарушения авторских прав; рассылка писем непристойного характера; распространение материалов, связанных с детской порнографией.

Динамика преступлений этой группы (в целом) отличается последовательным ростом: в 2006 г. – 3,593, в 2008 г. – 4,334; в 2010 г. – 5,199, в 2011 г. – 6,138. Таким образом, налицо очевидная тенденция к росту сетевых преступлений. При этом их распространенность, как свидетельствует статистика японской полиции, ежегодно в три раза превышает распространенность преступлений первой группы.

О значительно большей общественной опасности этих преступлений свидетельствует не только их высокая распространенность, но и их структура, в которой наибольшую часть составляет мошенничество. На долю сетевых мошеннических операций еще с 2005 г. приходится в среднем треть всех преступлений, связанных с использованием Интернета – от 44% в 2006 г. до 32% в 2010 г. При этом отметим, что на протяжении шести лет динамика мошеннических операций отличается очевидной стабильностью, а снижение их удельного веса обусловлено лишь ростом общего числа преступлений этой группы. Что же касается конкретизации сферы сетевого мошенничества, то к 2011 г., например, 43,2% таких деяний составляли операции на интернет-аукционах.

Негативные тенденции проявляются также в динамике и структуре сетевых преступлений, относящихся к распространению материалов, связанных с детской проституцией и порнографией. Ответственность за такие преступления, помимо уже упомянутого закона 1999 г., предусмотрена и специальным законом о защите несовершеннолетних (Youth Protection Ordinance violations). Общее число таких преступлений – а они составляют в среднем 20% всех сетевых преступлений – ежегодно растет. В рамках этой тенденции особенно заметен ежегодный рост распространения материалов, связанных с дет-

ской порнографией (в 2009 и 2010 г. число таких преступлений каждый год росло в два раза).

В последние годы их число постепенно снижается, но эту тенденцию не следует оценивать слишком оптимистично, ибо, во-первых, выявление и расследование таких преступлений сопряжено со многими трудностями, а во-вторых, статистика нарушений специальных законов о пользовании сайтами интернет-знакомств (Online Dating Site Control Act) показывает, что число нарушений, связанных с поиском несовершеннолетних для вовлечения их в занятие проституцией и порнографией, растет: в 2010 г. оно за год выросло на 18,1%. В том же 2010 г. зарегистрировано 1,203 нарушения правил пользования указанными сайтами, где из 548 потерпевших 453 (83%) были детьми.

Суммируя итоговые показатели компьютерных преступлений в обеих группах, получим следующий динамический ряд зарегистрированных преступлений: в 2007 г. – 5,473; в 2008 г. – 6,321; в 2009 г. – 6,690; в 2010 г. – 6,933; в 2011 г. – 5,741 преступлений. Такая стабильность, помимо всего прочего, означает, что за указанный период добиться перелома в борьбе с этими преступлениями еще не удалось, поэтому противодействие им останется важным и перспективным направлением деятельности японских правоохранительных органов. Этот вывод подтверждается и анализом других составляющих, входящих в проблематику борьбы с киберпреступностью.

В указанные типологические группы не входят такие преступления, как, например, использование поддельных и краденых кредитных и дебетовых карт; несмотря на то, что их распространенность постепенно снижается, эффективность борьбы с такими преступлениями все же остается актуальной проблемой. Об этом говорит не столько динамика таких преступлений, которая носит спорадический характер, сколько сравнение показателей их раскрываемости и числа

арестованных. Как показывает статистика, на фоне стабильной раскрываемости этих преступлений уровень арестов (по отношению к числу зарегистрированных и раскрытых преступлений) из года в год снижается. Это означает, что одни и те же арестованные многократно использовали поддельные или краденые кредитные карты (в среднем по 7–8 эпизодов); таким образом, высокий уровень специального рецидива говорит о том, что предупреждение таких преступлений еще остается актуальной задачей.

В полицейской статистике отдельно фиксируются также сообщения о компьютерных вирусах, которые в электронной почте получателей выглядят как письма от легально действующих фирм; рассылка вирусов является фактором, препятствующим нормальной работе информационных систем. Резкий всплеск таких правонарушений в 2004–2007 г. вызвал в обществе настолько серьезную озабоченность, что власти вынуждены были в 2006 г. открыть в Национальном управлении полиции «горячую» линию, создать федеральное агентство – Technology Promotion Agency, куда направлялись сообщения о заражениях компьютеров для оказания необходимой помощи, а также объявить о готовящихся мерах по ужесточению ответственности за распространение вирусов. Однако еще до принятия законодательных решений активизация специальных технических мер и усилий полиции привела к значительному снижению числа таких сообщений – в 2010 г. их число удалось снизить в 3,5 раза. Тем не менее, 17 июня 2011 г. специальным законом (Act № 74 of 2011) в УК Японии были внесены изменения и дополнения, установившие ответственность за рассылку сообщений непристойного характера, а также значительно ужесточившие введенные в 2006 г. в УК Японии меры ответственности за распространение вирусов.

1. *The Wall Street Journal*. 2013. July 23.

2. UNOD/CCPJ/EG4/2013/2

3. Морозов Н.А. *Преступность в Японии и борьба с ней*. СПб., 2003.

1. *The Wall Street Journal*. 2013. July 23.

2. UNOD/CCPJ/EG4/2013/2

3. Morozov N.A. *Crime in Japan and fight against it*. St. Petersburg, 2003.

Емцева Кристина Эдуардовна

соискатель кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79189996169)

Особенности преступности в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

В статье раскрываются особенности преступности в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Анализируются вопросы выявления данных преступлений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступность, преступления в сфере экономической деятельности, легализация (отмывание) преступных доходов, предупреждение преступлений.

K.E. Emtseva, Competitor of a Chair of a Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79189996169.

Features of the crime in the sphere of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means

The article deals with the issues related to the features of crime in the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means. Particularly its analysis identification of the facts of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means.

Key words: criminal liability, crime, crimes in the sphere of economic activity, legalization (laundering) of proceeds of crime, crime prevention.

Говоря об особенностях преступности в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 и 174¹ УК РФ), следует иметь в виду, что это лишь часть экономической преступности в нашей стране. И в этом смысле данная разновидность преступлений не что иное, как индикатор наличия разветвленной системы преступлений экономической направленности, в том числе и тех, которые не попали в поле зрения официальных органов власти. Исходя из данной логической посылки, обе разновидности легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, было бы не совсем верно рассматривать в отрыве от деликтов, которые имеют с упомянутыми деяниями родственную экономико-правовую природу. Несомненно, указанные посягательства являются производными от большинства корыстных и корыстно-насильственных преступлений. В то же время, несмотря на некую универсальность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, все же можно выделить и

ряд таких преступлений, которые сами могут являться косвенным свидетельством «расширенного воспроизводства отмывания». Это по сути своей деликты, хотя и получившие иную официальную уголовно-правовую оценку, однако отражающие очень схожие по своей правовой природе мотивы и намерения субъектов деяний. К числу их составляющих может быть отнесен целый ряд преступлений: незаконная банковская деятельность (172 УК РФ); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ); невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ) и др. Как видно, все подобные общественно опасные деяния связываются с попыткой придать незаконный вид тем ценностям (деньги, имущество), которые изначально имели сомнительное происхождение.

Анализ следственной практики показывает, что порядок выявления экономических преступлений существенно отличается от алгоритма установления фактов общеуголовных преступлений. Почти аналогичная ситуация складывается и при выявлении преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ.

Однако для второго состава (ст. 174¹ УК РФ) характерно то, что преступление может быть выявлено в результате обращений граждан в правоохранительные органы с заявлением о совершенном в отношении их преступлении, являющемся основным по отношению к отмыванию [1, с. 32]. Поскольку отмывание имущества, приобретенного другими лицами преступным путем, совершается, как правило, в условиях неочевидности, его выявление происходит в процессе раскрытия и расследования основного преступления, иными словами, обвинение по ст. 174 УК РФ вменяется зачастую дополнительно. В некоторых случаях источником является информация контрольных, надзорных, фискальных и иных органов. Также уголовные дела возбуждаются по первичным материалам различных проверок, в результате анализа смежных преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. И, наконец, выявление легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, происходит в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями и организованной преступностью органов внутренних дел. Отчасти это связано со спецификой отмывания, завершающего цикл теневого оборота имущества.

Следующей особенностью легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, является то обстоятельство, что это преступное деяние тесно связано с налоговыми правоотношениями. Многие экономисты и правоведа обращали внимание на несовершенство отечественной налоговой системы. Известно, что российское налоговое законодательство не только не способствует развитию предпринимательства, но, напротив, сужает рамки инициативы [2, с. 53]. По размерам отмывания доходов, получаемых в результате налоговых преступлений, они, пожалуй, превышают даже размеры легализации доходов, приобретаемых от иной преступной деятельности (наркобизнеса, торговли оружием, проституции, распространения порнографии, хищений). Но уравнивать их по степени общественной опасности было бы принципиально неверно. Уклонение от уплаты налогов характерно для многих граждан и юридических лиц на территории Российской Федерации. Ситуация в данной области может кардинально измениться не с усилением борьбы правоохранительных органов с

уклонением от уплаты налогов и легализацией приобретенных в результате этого преступления доходов, а с изменением налогового законодательства. Поэтому законодателем с 1 февраля 2002 г. уголовная ответственность за отмывание доходов, приобретенных в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 194, 198 и 199 УК РФ, была исключена [3, с. 50]. В литературе еще несколько лет назад вполне справедливо указывалось, что следует готовиться к появлению принципиально новых форм отмывания денег, связанных с широкомасштабным использованием современных коммуникационных технологий (Internet и др.). Сейчас эти технологии в интересующей нас сфере используются лишь как средство быстрой передачи информации при совершении незаконных сделок. Однако есть угроза технологического прорыва: будет создана виртуальная реальность, с помощью которой и в которой будут совершаться действия, просто немыслимые сегодня, которые нельзя проверить и измерить существующими в уголовной юстиции приемами и методами. Компьютерная экономика, развивающаяся у нас на глазах сверхбыстрыми темпами, требует принципиально новых решений. Даже безналичный расчет, который пока еще является достаточно эффективным барьером на пути преступной легализации денежных средств, завтра станет абсолютно беспомощным и, более того, может стать одним из винтиков в преступном механизме [4, с. 54]. Однако этот вызов времени пока еще только предстоит отражать.

Важным представляется выяснение вопроса об источниках нелегального дохода, который преступники пытаются «отмыть» посредством совершения преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ.

Говоря об особенностях совершения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, В.Б. Букарев, Ю.В. Трунцевский и Н.А. Шулепов отмечают, что в настоящее время складывается мнение, что борьба с легализацией преступных доходов крайне неэффективна и иногда носит «показной» характер. Деятельность органов внутренних дел была нацелена на перекрытие каналов финансирования террористических организаций, в результате чего более чем вчетверо возросло количество выявленных преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел также

намечена борьба с легализацией преступных доходов через хозяйствующих субъектов, благотворительные фонды, кредитно-финансовые структуры и иные организации, в том числе международные (директива МВД России от 24 октября 2005 г. «О приоритетных направлениях деятельности ОВД и ВВ МВД России, ФМС России в 2006 году», официально опубликована не была). Соответственно, острота и сложность проблемы требуют выработки, принятия и последовательного осуществления комплексной системы мероприятий по защите прав и законных интересов граждан, общества и государства, созданию правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, приобретенных преступным путем [5, с. 13–14]. И действительно, цель любой операции по отмыванию имущества заключается в том, чтобы выдать доходы от противоправной деятельности за легальные и получить возможность использовать такие доходы, не вызывая подозрений у правоохранительных органов и не раскрывая их подлинного источника.

В этом контексте следует согласиться с тем, что легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем, – это заключительный этап превращения преступности в высокодоходный и эффективный вид незаконного предпринимательства [6, с. 23], а социальная опасность легализации (отмывания) доходов от преступления определяется тем, что она усложняет выявление и преследование корыстных преступлений, а также изъятие доходов от преступной деятельности [7, с. 517]. В связи с этим следует заметить, что легализация имущества как финансово-экономическая категория тесно связана с проблемой функционирования нелегального капитала, теневой экономики.

При анализе содержания и форм нелегального капитала выясняется, что капитал может быть нелегальным по двум причинам: 1) незаконный способ, источник его получения; 2) незаконная сфера его применения, использования, даже при легальном источнике первоначального возникновения капитала. По источникам образования, а равно сфере приложения нелегальный капитал следует подразделить на криминальный (капитал, полученный в результате совершения преступления и (или) вовлеченный в сферы деятельности, запрещенные уголовным законом); теневой (капитал, полученный в результате совершения правонарушения (деликта) и функционирующий в сферах деятельности, не запрещенных уголовным законом) [8, с. 45]. При этом к источникам об-

разования капитала относятся: легальная деятельность; действия, образующие правонарушения (деликты); преступления. Характер последствий для общества, государства, экономики, соответственно, тоже разный: общественно полезный и необходимый, позитивное воздействие на развитие экономической системы – капитал попадает в сферу налогообложения; негативный, означающий выход оборота из-под контроля государства, развитие коррупции – капитал выводится из сферы налогообложения; общественно опасный – капитал выводится из-под контроля [9, с. 93]. Понимание последствий последнего вида произошло сравнительно недавно. Состояние финансового контроля позволяло лицам, приобретающим крупные доходы от совершения экономических и иных преступлений, вкладывать эти средства в приобретение недвижимости, ценных бумаг, драгоценностей, антиквариата и т.п. Поэтому законодательная конструкция ст. 174 УК РФ оставляла желать лучшего и попросту была не готова для эффективной борьбы с данным явлением. Имели место случаи «бесмысленного расточения уголовной репрессии» [7, с. 521].

К настоящему времени недостатки такого рода в целом изжиты. Вместе с тем, в последние годы в России проявилась еще одна особенность совершения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, которая связывается с тем, что эти преступления все чаще стали совершаться с использованием международных преступных связей, и повышенная опасность для России в данном случае заключается в том, что, в частности, организованные преступные группировки занимаются отмыванием денежных средств, поступающих из-за рубежа для финансирования незаконных вооруженных формирований. Поэтому неслучайно Россия включается в международную деятельность по противодействию легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Мировое сообщество признает, что легализация (отмывание) доходов, полученных в результате преступной или иной незаконной деятельности, стала глобальной угрозой экономической безопасности, в связи с чем от государств требуется принятие согласованных мер борьбы с этой общественно опасной деятельностью как на национальном, так и на международном уровне. На уровне цивилизованных стран ведется постоянная работа по улучшению результатов противодействия легализации доходов, добытых преступным путем.

Как показывает изучение международно-правовых актов и специальной литературы, первые документы в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, датируются 1988 г. В декабре 1988 г. в Базеле руководители Центральных банков тогда еще «большой семерки» приняли Декларацию по принципиальным положениям, относящимся к отмыванию доходов от криминального бизнеса. Другим документом является Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская конвенция), принятая 20 декабря 1988 г. В СССР Венская конвенция была ратифицирована 9 октября 1990 г., а вступила в силу 17 апреля 1991 г. [10, с. 133]. Российская Федерация, как известно, является правопреемником СССР в части выполнения международных обязательств. Положения Венской конвенции формулируют вопросы ответственности за конверсию или перевод собственности, сокрытие или утаивание подлинного характера, источников получения собственности, доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков; настойчиво указывают на важность применения конфискационных мер. Принято считать, что именно Венская конвенция положила начало формированию международно-правовой базы в сфере противодействия легализации преступных доходов [11, с. 40]. Однако более весомые основы в рассматриваемом аспекте были заложены Конвенцией Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, принятой 8 ноября 1990 г. [12, с. 379]. Конвенция была ратифицирована Российской Федерацией в 2001 г. [13]. Собственно, это событие и связывается с принятием Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [14, с. 7]. Европейская конвенция 1990 г. сыграла большую роль в инициации разработки соответствующих уголовно-правовых мер в законодательстве многих государств, которые в своем большинстве положительно восприняли названные руководящие положения. В то же время национальные уголовно-правовые системы по-разному формулировали диспозиции и санкции уголовно-правовых норм, что объясняется как особенностями правовой идеологии и сложившейся юридической практики, так и определенными конъюнктурными соображениями экономического и политического характера. С точки зрения содержания диспозиций уголовно-правовых норм можно выделить три подхода: широкий, ограничительный и узкий.

В плане широкого подхода примером может служить понятие легализации, предложенное Модельным законом «О противодействии легализации ("отмыванию") доходов, полученных незаконным путем», представленным Постоянной комиссией Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств [15, с. 182]. Легализация («отмывание») доходов, полученных незаконным путем, – умышленные действия по приданию правомерного вида пользованию или распоряжению доходами, полученными заведомо незаконным путем. Доходы, полученные заведомо незаконным путем, – финансовые средства в национальной или иностранной валюте, движимое и недвижимое имущество, имущественные права, объекты интеллектуальной собственности, иные объекты гражданских прав, полученные в результате совершения умышленных действий, противоречащих требованиям законодательства государства. Несколько позже был принят еще один важный документ. Речь идет о том, что государствами ЕС была принята Итоговая декларация Парижской конференции парламентов ЕС по борьбе с отмыванием денег от 8 февраля 2002 г., в которой можно выделить такой момент, как санкции против стран, не сотрудничающих в борьбе с отмыванием денег. Кроме того, в рамках СНГ действует принятая ранее Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., участниками которой являются практически все члены Содружества. В декабре 1988 г. Комитет принял Декларацию «О предотвращении использования банковской системы в целях отмывания денег, полученных преступным путем». А специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН в рамках Глобальной программы ООН против отмывания доходов на 1997–1999 гг. 10 июня 1998 г. были приняты Политическая декларация и План действий против отмывания доходов, в которых подчеркивается, что государства, еще не принявшие соответствующие меры, должны до 2003 г. привести свое национальное законодательство по борьбе с отмыванием доходов в соответствие с международно-правовыми нормами [5, с. 29–30]. Говоря о международном опыте, нельзя не затронуть и вопрос о двухсторонних соглашениях в данной сфере.

Изложенное позволяет констатировать, что статистика фактов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 и 174¹ УК РФ), показывает крайнюю противоречивость тенденций их совершения.

Еще одна особенность совершения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, – значительное количество уголовных дел (в целом по ст. 174 и 174¹ УК РФ), которые прекращаются после возбуждения и регистрации (почти четверть от всего числа зарегистрированных преступлений), что отражает сложности в вопросах квалификации такого рода деяний. Преступность в виде легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, по своей интенсивности коррелирует с иными составами преступлений в сфере экономической деятельности (контрабанда, незаконная бан-

ковская деятельность и др.), что обусловлено становлением в России рыночной экономики. В числе источников нелегальных доходов, которые преступники пытаются легализовать, преобладают коррупция, торговля наркотиками, незаконная торговля. Сфера противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, уже давно является предметом международного сотрудничества. Россия с начала 2000-х гг. активно подключилась к этому процессу, что находит отражение в изменениях уголовного законодательства, осуществленных в 2001 г., когда была изменена ст. 174 УК РФ и введена новая ст. 174¹ УК РФ.

1. Зуев С.В. *Осуществление оперативно-розыскной деятельности при выявлении фактов легализации доходов, полученных преступным путем // Российский следователь.* 2006. № 5.

2. Нудель С.Л. *Проблемы квалификации сокрытия денежных средств или имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов // Российский следователь.* 2009. № 11.

3. Пинкевич Т.В. *Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью.* М., 2003.

4. Кадовик Е.И., Арутюнов А.А. *Организованная группа, преступное сообщество и легализация (отмывание) денежных средств, приобретенных преступным путем // Юридический мир.* 2002. № 4.

5. Букарев В.Б., Трунцевский Ю.В., Шулепов Н.А. *Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем.* М., 2007.

6. Третьяков И.Л. *О законодательном регулировании вопросов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Законодательство и экономика.* 2004. № 4.

7. Клепицкий И.А. *Система хозяйственных преступлений.* М., 2005.

8. Клепицкий И.А. *Отмывание денег в современном уголовном праве // Государство и право.* 2002. № 8.

9. Леонтьев Б.М. *Глава 1. Преступления в сфере экономической деятельности // Курс уголовного права: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова.* М., 2002.

10. *Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и пси-*

1. Zuev S.V. *Implementation of operational and investigative activities in identifying factors legalization of proceeds from crime // Russian investigator.* 2006. № 5.

2. Nudel S.L. *Qualification problems of hiding money or property of the organization or individual entrepreneur, the expense of which should be made tax collection and (or) fees // Russian investigator.* 2009. № 11.

3. Pinkevich T.V. *Criminological and criminal law framework of the fight against crime.* Moscow, 2003.

4. Kadovik E.I., Arutyunov A.A. *Organized group, criminal association and legalization (laundering) of money derived from criminal activity // Legal world.* 2002. № 4.

5. Bukarev V.B., Truntsevsky Yu.V., Shulepov N.A. *Criminal liability for the legalization (laundering) of proceeds from crime.* Moscow, 2007.

6. Tretyakov I.L. *About legislative regulation of questions of counteraction to legalization (laundering) of proceeds from crime // Law and economics.* 2004. № 4.

7. Klepitsky I.A. *The system of economic crimes.* Moscow, 2005.

8. Klepitsky I.A. *Money laundering in the modern criminal law // State and Law.* 2002. № 8.

9. Leontiev B.M. *Chapter 1. Crimes in economic activity // Course of criminal law: The special part / ed. by G.N. Borzenkov and V.S. Komissarov.* Moscow, 2002.

10. *The UN Convention «On the fight against illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances» (the Vienna Convention) of Dec. 20, 1988 // Collection of International Treaties of the USSR and the Russian Federation.* Moscow, 1994.

11. Volzhenkin B.V. *Laundering of money.* St. Petersburg, 1998.

хотропных веществ» (Венская конвенция) от 20 дек. 1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М., 1994. Вып. X.

11. Волженкин Б.В. Отмывание денег. СПб., 1998.

12. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности // Международное право в документах / сост. Н.Т. Благова, Г.М. Малков. М., 2002. С. 379–387.

13. О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: федер. закон от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2280.

14. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 17.07.2009) // Рос. газ. 2001. 9 авг.; 2009. 9 июня.

15. О Модельном законе «О противодействии легализации (“отмыванию”) доходов, полученных незаконным путем»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 8 дек. 1998 г. № 12-8 // Болотский Б.С., Волеводз А.Г., Воронин Е.В., Калачев Б.Ф. Борьба с отмыванием доходов от индустрии наркобизнеса в странах содружества. М., 2001.

12. Council of Europe Convention on laundering, search, seizure and confiscation of the proceeds from crime // International law documents / comp. N.T. Blagova, G.M. Malkov. Moscow, 2002. P. 379–387.

13. About ratification of the Convention on laundering, search, seizure and confiscation of the proceeds from crime: fed. law of May 28, 2001 № 62-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 23. Art. 2280.

14. About counteraction to legalization (laundering) of proceeds from crime and financing of terrorism: fed. law of Aug. 7, 2001 № 115-FL (in ed. of 17.07.2009) // Rus. newsp. 2001. Aug. 9; 2009. June 9.

15. About the Model Law «On combating legalization (“laundering”) proceeds of crime: decision of the Inter-Commonwealth of Independent States of Dec. 8, 1998 № 12-8 // Bolotsky B.S., Volevodz A.G., Voronin E.V., Kalachev B.F. The fight against money laundering from drug trafficking industry in the Commonwealth countries. Moscow, 2001.

Гурницкий Александр Викторович

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин

Института гуманитарного образования и информационных технологий

(e-mail: Guria90@mail.ru)

Личность преступника, относимого к категории бедных

В статье рассмотрены понятия личности и личности преступника из числа бедных, проанализированы личностные характеристики отдельных категорий бедных.

Ключевые слова: бедность, социальная группа, преступность, личность преступника.

A.V. Gurnitsky, Post-graduate of a Chair of Criminal Law Disciplines of the Institute of Humanities and Information Technology; e-mail: Guria90@mail.ru

Identity of the offender to be classified as poor

The article describes the concepts of personality and identity of the offender from the poor, analyzed the personal characteristics of the individual categories of the poor.

Key words: poverty, social group, crime, identity of perpetrator.

Человек не рождается личностью, а становится ею в ходе общения, следовательно, вне общества формирование личности невозможно. Личность человека, который совершил общественно опасное деяние, является одним из важнейших элементов предмета криминологии.

Несомненно, человек не рождается и преступником, а становится им в результате неблагоприятного нравственного формирования его личности. Личность преступника можно представить как модель, которая не во всем соответствует нормам общества, а для реализации своих потребностей выбирает криминогенный путь.

Процесс формирования личности в науке рассматривают как социализацию, т.е. наделение личности определенными общественными свойствами. Не зря психологи утверждают, что основные знания, нормы, правила поведения у детей закладываются до 5 лет, далее от подросткового возраста до 17–18 лет. Поэтому можно утверждать, что социализация личности происходит правильно, если соблюдаются все установки общества в семье, в среде, которая ее окружает. Нарушение процесса социализации ведет к отчуждению личности и разрыву связей между индивидуумом и обществом. Поэтому, рассматривая личность преступника, относимого к категории бедных, мы подразумеваем определенный образ жизни, который порождает непонимание со стороны общества и непонимание им общества, отчуждение от него.

Мы говорим о бедных людях и представителях «социального дна», у каждой из этих групп свой социально-психологический климат и фактически ограниченная реализация прав и свобод, что не позволяет им адекватную самоидентификацию в социуме. В целом можно утверждать, что социально-психологическое отчуждение порождает дезадаптацию индивида как личностную позицию и как его социальный статус. И то, и другое в отсутствие соответствующего воспитательного воздействия может иметь существенные криминогенные последствия. Дезадаптация, отчуждение большинства правонарушителей отличает их от законопослушных граждан.

Подтверждая вышесказанное, приведем данные проведенного с нашим участием в 2012 г. исследования 63 тыс. осужденных за впервые совершенные насильственные и корыстно-насильственные преступления, где основными критериями оценки являлись: возраст; образование; семейное положение; наличие и количество детей; наличие и количество иждивенцев; наличие жилища; наличие работы; уровень заработка и степень удовлетворенности им; наличие льгот и социальных компенсаций; наличие подсобного хозяйства; определение социального положения.

Наибольший пик криминальной активности при совершении преступлений такими лицами приходится на возраст 30–39 лет, далее следуют лица в возрасте 25–29 лет. Необходимо отметить, что приблизительно равная ситуация складывается в двух возрастных группах:

1) 20–24 года; 2) 40–49 лет. Именно в эти периоды проявляется наибольшая активность данных возрастных групп в общественном производстве, растут их социальные контакты, они играют заметную роль на производстве и в быту. На наш взгляд, данные лица совершили преступные деяния в связи с достаточно высоким уровнем притязаний, но отсутствием сопутствующих условий и факторов (таких как образование, работа, наличие иждивенцев и т.д.) для достижения достаточного уровня жизни.

Таким образом, возникает противоречие между «хочу» и «могу» иметь, а именно, сложившаяся ситуация толкает этих лиц на совершение уголовно наказуемых деяний.

Доминирующим критерием возможности материального благополучия выступает образование, тем не менее, наличие его не является обязательным условием достижения высокого социального положения. Изучение респондентов показывает, что на момент нашего исследования доля лиц, получивших среднее образование, составляет почти 40%, общее – 14,22%, начальное – 4,30%, не имеют образования – 0,03%. По мнению Р.И. Капелюшника, «...у обладателей вузовских дипломов вероятность не найти работу не достигает даже 0,5%, а у тех, кто не пошел дальше начальной школы, приближается к 7%» [1, с. 11]. Следовательно, можно установить взаимосвязь между образованием и преступностью: низкий уровень образования является предпосылкой к затяжной форме неустроенности, что приводит, в частности, к совершению преступлений. Поэтому в исправительных учреждениях одним из способов социализации и предупреждения совершения новых преступлений является получение образования, как среднего полного, среднеспециального, так и высшего.

Семейное положение исследованных таково: холост/не замужем – 55,73%; разведен/разведена – 14,73%; вдовец/вдова – 0,06%. Данные цифры демонстрируют отсутствие сдерживающего фактора семьи от совершения преступления. Безусловно, преступность постоянно подпитывается за счет инфляции, снижения уровня жизни, резкой поляризации граждан в уровне доходов, растущей безработицы, алкоголизма, распада семей и др. Как следствие, в семьях либо отсутствуют дети, либо количество их минимально; так, наше исследование показало, что у 57,39% отсутствуют дети, у 25,59% – один ребенок, двое детей у 12,74%, трое – пятеро и более детей суммарно составляют чуть более 4%. Можно предположить, что чем больше количество детей, тем

больше существует риск попасть в категорию бедных, что, несомненно, может толкать человека искать различные способы, чтобы выжить и обеспечить нормальное существование семьи. Как видно из количественных показателей, около 58% респондентов не имеют детей, но при этом совершили преступление. Это показывает, что наличие детей не всегда способствует совершению преступления.

Однако существует прямая зависимость между количеством лиц, находящихся на иждивении, и материальным благосостоянием, следствием чего могут стать попытка разрешения сложной жизненной ситуации, поиск «быстрых» денег, что способствует вовлечению в криминальные сферы. Как рассматривалось выше, наличие иждивенцев в семье предполагает утрату определенного уровня доходов, поскольку одному из членов семьи приходится ухаживать за ними. В нашем исследовании были изучены количество и состав иждивенцев. Наличие одного иждивенца – 51,50%, двоих – 28,11%, троих – 8,19%, более трех – 5,67%, отсутствуют – 6,54%. Преобладающее количество составляют дети – 57,92%, далее следуют родители – 27,31%, супруг/супруга – 18,81%, иные родственники – 11,29%. Низкое материальное положение не позволяет достаточно обеспечить свою семью и себя, а к этому добавляется еще и иждивенческая нагрузка, что выталкивает лиц за черту бедности.

Необязательным, но достоверно проверенным фактом является наличие работы – условие, которое позволяет снизить риск совершения преступления и попадания в бедные слои населения. Поэтому уместно рассмотреть наличие работы у лиц, впервые совершивших преступление, до привлечения к уголовной ответственности. Из общего количества респондентов не имели работы 27,14%, при этом с заработком до 3 тыс. рублей – 8,28%, от 3 до 5 тыс. рублей – 13,09%, от 5 до 10 тыс. рублей – 30,01%, от 10 до 20 тыс. – 30,94%. Из них 77,95% считают свой заработок недостаточным, при этом опрос показывает, что приемлемым для себя считают заработок в размере 10 тыс. рублей – 4,50%, 40 тыс. рублей 34,59%. Анализ показывает, что 83,12% лиц не являются получателями льгот и компенсаций со стороны государства. Однако заработанных денежных средств хватало только на: 1) продукты питания – у 22,16%; 2) самое необходимое (продукты питания, лекарства) – у 30,33%; 3) оплату минимального набора продуктов и услуг (продукты питания, лекарства, квартплата, одежда, проезд) – у 35,76%. Помимо поку-

пок всего необходимого, удавалось откладывать деньги лишь 11,78% респондентов.

Уровень заработка лиц, совершивших корыстные и корыстно-насильственные преступления, позволяет говорить о том, что 35,76% респондентов, имеющих возможность купить минимальный набор продуктов и услуг, имели заработок от 10 до 20 тыс. рублей, т.е. даже с таким заработком они могли позволить себе лишь минимум, а иные лица, имеющие более низкую заработную плату, оказываются в еще худшем положении, поскольку не могут приобрести даже минимум всего необходимого. Налицо диспропорция: с одной стороны, человек трудоустроен, но с другой – он не может обеспечить достойный образ жизни.

По результатам исследования, безработица в крупных городах воспринимается менее болезненно, чем в средних, малых и особенно в сельской местности, поэтому, безусловно, наличие личного подсобного хозяйства для последних играет важную роль. При опросе значимость для семьи, проживающей в сельской местности, личного подсобного хозяйства определена следующим образом: не очень важная – 14,83%, не существенная – 11,11%, никакая – 40,33%. Следовательно, более 65% семей, проживающих в сельской местности, говорят о том, что подсобное хозяйство не является средством повышения уровня материального благосостояния. Достаточно большое количество опрошенных не относят себя к обеспеченным категориям граждан: 20,19% считают себя бедными, а 62,21% – нуждающимися. При этом за последние 5 лет до привлечения к уголовной ответственности материальные условия ухудшились у 29,01% и не менялись у 53,25%. Выход из создавшегося положения они будут искать (если будут искать) в своих субъективных особенностях, попадая в жесткую зависимость от внешних обстоятельств. Однако главным связующим звеном индивида и общества зачастую остается семья.

Изучение проблемы бедности и влияния ее на формирование личности преступника позволяет выделить три большие группы бедных людей: «временная» бедность, «застойная» бедность, или «социальное дно», и «постперестроечная» бедность, для каждой из которых характерны свои особенности. Так, остановимся на рассмотрении представителей группы «временной» бедности (матери-одиночки, многодетные матери, низкоквалифицированные и низкооплачиваемые работники, инвалиды). Важной характеристикой этой группы является в большинстве своем низкая материальная

обеспеченность, хотя представители ее трудоустроены. Однако обеспечить себе достойное существование в силу различных причин они не могут. Матери-одиночки остаются без поддержки представителей сильного пола, что вынуждает их искать дополнительные заработки и перекладывать воспитание детей на других лиц. В то же время многодетные матери в силу большого количества иждивенцев испытывают материальные затруднения. Представители низкоквалифицированных и низкооплачиваемых кадров при желании трудиться в силу отсутствия образования, хорошей профессии, индивидуальных особенностей не в состоянии переступить порог бедности. В сложной ситуации находятся инвалиды. Физическая ограниченность не позволяет вести обычный образ жизни. Представители группы «временной» бедности обладают сходными чертами: они либо трудоустроены, либо желают трудиться, помимо этого в большинстве своем они сохраняют социальные связи, но в силу определенных факторов остаются в состоянии бедности, это заставляет их искать выход из сложившейся ситуации, не всегда с учетом буквы закона.

Малообеспеченность и бедность – это прежде всего внутреннее состояние индивида, влияющее на его психику и нравственные ориентиры. Годы, проведенные в нужде, приучают думать только о решении первичных вопросов (пища, одежда, кров), не вдаваясь в перспективы. Постоянные состояния обиды, угнетенности, отчуждения, неудовлетворенности приносят изменения во внутриличностную сферу и межличностные отношения членов неполных семей, и прежде всего детей. Мать обычно слабо контролирует поведение ребенка, а порой ведет аморальный образ жизни (например, занимается проституцией, пьянством и т.д.).

По данным социологических опросов, среди подростков, проживающих после развода родителей с матерью, только около 34% мальчиков и 19% девочек общаются с не живущим с ними отцом часто; 41% и 56% соответственно видятся редко и иногда разговаривают по телефону; 23% не видятся совсем. Среди тех, кто рожден вне брака, практически никто не общается с отцом. При этом, по мнению матерей, инициаторами встреч являются скорее дети, а бывшие мужья чаще всего «не проявляют никакого интереса» [2, с. 74].

Нередки также случаи, когда обиду на бывшего супруга, виновного в распаде семьи, женщина вымещает на своих детях, проявляя жестокость. В любом случае благоприятный психологический климат в семье отсутствует.

Социально-психологический климат в семье, состояние психики и родителя и детей, бедность и нужда могут толкать на совершение противоправных деяний (краж, мошенничества и т.д.) и взрослого и детей.

Дети в подобных семьях повторяют путь родителей. Данные медицинских исследований показывают, что неблагоприятные показатели здоровья, уровень общей заболеваемости в неполных семьях выше в 2 раза, а хроническая патология встречается в 3–4 раза чаще, чем в полных семьях [3, с. 79].

Многодетная семья – это «государство» в «государстве» или мини-социум, в котором существуют свои законы, порядки, правила. Материальная необеспеченность повлияла на возникновение у детей из многодетных семей неуверенности в себе, неадекватной реакции на жизненные ситуации, повышенной агрессивности. У многодетной матери возникает чувство недовольства собой, своей жизнью, она перестает следить за собой, теряя природную женственность, уподобляется мужчине, использует в речи ненормативную лексику, может впасть в депрессию, а все это не способствует ее самореализации в жизни.

Выяснилось, что у многодетных семей действительно совершенно иная система жизненных установок в сравнении с малодетными женщинами. Достижение жизненного благополучия у них связано, прежде всего:

с отношениями с детьми (90,3%);

с прочностью семьи (89,5%);

с супружескими отношениями (86,4%), т.е. с семейностью.

В иерархии из 10 индикаторов жизненных благ первые три места заняли ценности семейные, что позволяет говорить о семьецентризме многодетных семей; на четвертом месте состояние здоровья (72,2%), на пятом – приемлемый доход (63%), на шестом – вера в Бога (53,4%), на седьмом – наличие собственности (41,8%) [4].

Наибольшие шансы оказаться в числе бедных (почти 50%) имеют многодетные семьи (с тремя и более детьми), утверждает Алина Пишняк, доцент кафедры экономической социологии ВШЭ. При этом 30% семей с двумя детьми также обладают доходами ниже прожиточного минимума. Наименьшая вероятность попадания в бедность у полных семей с одним ребенком (15,7%). Среди таких семей не должно быть бедных. Иначе это означает, что в среднем заработная плата родителей не дотягивает даже до 1,5 прожиточного минимума. С учетом этого уровень детской бедности в

Российской Федерации в 1,6 раза выше общего уровня бедности. В Германии, например, с 2012 г. вводят новое пособие для родителей, которые не получили место в детсаду: за детей от 1 до 3 лет родителям заплатят по 100 евро. Помимо этого они получают «родительские» (2/3 от зарплаты) и «детские» выплаты (200 евро) [5, с. 19].

Эмоциональное отвержение ребенка, лишение родительской ласки в его психике на бессознательном уровне вызывает беспокойство, тревожность, а затем враждебность по отношению к окружающему миру. У детей из вышеуказанных семей занижена самооценка, т.к. они постоянно воспринимают себя как часть большого коллектива и не придают значения своему «Я». Позже это может выразиться в гиперкомпенсации, а именно в доказательстве любыми способами своей значимости, уникальности и неповторимости, что часто приводит на путь асоциального поведения.

Инвалиды должны обладать всеми правами и свободами, закрепленными Конституцией РФ. Очень часто, однако, окружающие для них выступают как подлые, нечестные, бессовестные люди, да и весь мир являет собой модель, где не найти справедливости. Охарактеризовать этих лиц можно наличием таких черт, как заниженная самооценка, чувство внутреннего дискомфорта, приводящее к страхам, замкнутости, депрессии, а как вероятность – к психическим расстройствам, которые играют роль условий, способствующих преступному поведению, содействуют формированию криминогенных взглядов, ориентаций, привычек, снижению волевых процессов, повышению внушаемости, результатом чего являются невозможность самореализации, невостребованность обществом, затруднения в адаптации к окружающему миру, проблема межличностных отношений. Низкая материальная обеспеченность самих инвалидов и их семей заставляет искать новые способы улучшения материального положения, к тому же зачастую инвалидов используют как попрошайек (они просят милостыню, играют и поют в переходах, в электричках и т.п.). Далекое не секрет, что подобный уличный бизнес, где есть разделение на сферы влияния, вынуждает устанавливать связь с околупреступными кругами. Также имеют место случаи, когда инвалиды совершают, например, кражи или же выступают в роли организаторов преступлений. Зачастую иждивенческая ориентация приводит к занятию алкоголизмом и наркоманией, а это, в свою очередь, является одним из факторов, ведущих к совершению

преступлений. При этом следует отметить, что доля преступников среди инвалидов мала.

В прогрессивном состоянии бедности находятся низкоквалифицированные и низкооплачиваемые кадры, т.к. в силу такой квалификации им трудно найти высокооплачиваемую работу. Характерными личностными чертами людей данной группы являются угнетенность, апатия, озлобленность, зависть, обидчивость и, как следствие, депрессия, которая зачастую способствует падению по социальной лестнице на самое «дно». Важным моментом является конкретная жизненная ситуация, в которой оказывается человек. Либо он смиряется со своим положением, либо происходит осознание ситуации и поиска ее решения. Существует несколько путей: первый – это легитимный, т.е. он будет искать хоть и небольшие, но все же заработки, получать помощь от государства, второй – нелегитимный, т.е. совершение преступлений (кража, грабеж, разбой, убийство, мошенничество).

Следует остановиться на рассмотрении личности социальных групп, относящихся к «постперестроечной» бедности (работники старших возрастов, жители села, молодежь, не имеющая возможности трудоустроиться после окончания учебного заведения, безработные, беженцы и вынужденные переселенцы). Эта группа характеризуется отсутствием трудоустройства в силу субъективных и объективных причин: возрастной ценз, низкая оплачиваемость труда, отсутствие рабочих мест, потеря работы и т.д. Работники старших возрастов и пенсионеры, занимаясь трудовой деятельностью всю жизнь, надеялись на достойную оценку их труда со стороны государства. Мысли о завтрашнем дне вводят их в тревожное состояние, вызывая беспокойство, страх, неуверенность, апатию, депрессию. Каково же душевное состояние россиян в ситуации, когда значительная часть из них живет в нищете? Чтобы оценить его, был задан вопрос: «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?». Оказывается, хорошее настроение в 2000 г. («прекрасное» и «нормальное, ровное») отмечено у 35,1% респондентов. У большинства же оно было плохим: свыше 60% опрошенных ответили: «Испытываю напряжение, раздражение» или «Испытываю страх и тоску» [6, с. 135].

На поведение таких людей оказывают влияние возраст, состояние здоровья, они не способны совершать поступки, требующие быстроты реакции, ловкости. Мотивацией совершения преступлений в данном случае слу-

жит удовлетворение биологических потребностей. Работники старших возрастов являются первыми кандидатами на увольнение в случае сокращения, что толкает к нищете и поиску путей выхода из нее, в том числе и преступных.

Развитие села характеризуется тем, что, как снежный ком, растут социальные проблемы, а именно: снижение уровня жизни, безработица, падение культуры, духовных ценностей, возникновение трудностей по содержанию семей и воспитанию детей. Одновременно с возникновением этих причин происходит деградация личности жителя села. Житель села представляет собой малообразованного, малокультурного, в большинстве своем страдающего алкоголизмом, ведущего пассивный образ жизни, смирившегося с текущим положением вещей индивида. Зачастую затрудняется отнести себя к какой-либо социальной группе, при возможности жалуется на нетрудоустроенность, отсутствие досуга. При наличии этих факторов, скорее всего, вел бы иную жизнь. В разговорах с завистью говорит о жителях города, у которых больше шансов для самореализации. Поэтому, не имея материальной поддержки, опускается на «дно», при этом пытается заглушить неудовлетворенность жизнью, раздражительность алкоголем и наркотиками. Такие люди объединяются в группы «по интересам», решают спорные вопросы с помощью драки, мотивацией их преступного поведения является добыча денежных средств с целью покупки алкогольных напитков. Чаще всего совершают кражи, грабежи, разбои, убийства.

Наличие образования, возрастной критерий способствуют высокому уровню притязаний, но не всегда существует возможность применения своих способностей. Именно эти критерии являются характеризующими для группы молодежи, не имеющей возможности трудоустроиться после окончания учебного заведения. У них присутствуют такие качества, как агрессивность, импульсивность, максимализм, вспыльчивость, решение вопросов с применением силы, эти люди ведут себя демонстративно, уверенно чувствуют себя среди «своих», пытаются привлечь внимание, порой вызвать страх. Ведут увеселительный образ жизни, употребляют наркотики, алкоголь. Не брезгают кражами, ограблениями, разбоями, причинением вреда различной степени тяжести, убийствами, мошенничеством. Обладая определенными знаниями, умениями, навыками, совершают преступления в сфере компьютерных технологий. Мотивом поведения служит

добыча средств к существованию либо кража чего-то, что можно продать. В силу влияния внешних факторов такие индивиды деградируют в личностном плане. Если раньше присутствие подобных лиц (не работают, не учатся) удивляло окружающих, то сегодня подобная ситуация не вызывает удивления. Такой образ жизни затягивает, и возможность вернуться к нормальному существованию минимальна.

Категория безработных постоянно растет, хотя государство пытается решить эту проблему путем создания новых мест на рынке труда. Безусловно, немаловажным фактором является психологическая перестройка индивида. Подобная ситуация лишает человека спокойствия, а это, в свою очередь, создает состояние отверженности от окружающего. Для состояния безработного характерны следующие черты: растерянность, подавленность, угнетенность, депрессивность, угрюмость, замкнутость, желание обвинять всех в своих проблемах, неуверенность, которые зачастую переходят в алкоголизм, наркоманию, занятие криминалом. Происходит изменение в социальной идентификации безработного, в формировании самооценки значимости как работника, основу которого составляет «Я-конкурентоспособность», что определяет характер его поведения. Наличие же сильного характера, устойчивого типа нервной системы повышает уровень адапта-

ции личности к новым условиям. Представители безработных попадают в группу риска и вовлекаются преступными группами в совершение преступлений.

В группу бедности входят беженцы и вынужденные переселенцы. Для них характерны разрыв социальных связей, оторванность и отчуждение, разобщенность, материальные лишения, нахождение как бы в «подвешенном» состоянии. Большинство из них испытывают стресс, не защищены ни в правовом, ни в социальном отношении, поэтому являются источником пополнения криминальных группировок. Они не имеют постоянного источника дохода, места жительства, характеризуются низким уровнем образования, неадаптированы к обществу. Им присущи следующие черты: уязвимость, замкнутость, подавленность, неуверенность, эмоциональный дискомфорт. Эта группа совершает такие виды преступлений, как кража, грабеж, разбой, торговля наркотиками, убийство, уклонение от уплаты налогов, мошенничество.

Рассмотрев вышеперечисленные группы из числа бедных, изучив характерные черты личности каждой из этих групп, можно говорить о личности преступника из числа бедных как об определенном социальном типе, который имеет существенные отличия от законопослушного индивида.

1. НГ сценарии (прил. к «Независимой газете»). 2012. 27 нояб.

2. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. №1.

3. Зубкова Т.С., Тимошина Н.В. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи. М., 2008.

4. Антонов А.И. Многодетная семья в агрессивно-малодетном обществе // Демографические исследования. № 8–9. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1473 (дата обращения: 21.03.2014).

5. Аргументы и факты. 2012. № 49.

6. Козлова Т.З. Мониторинг удовлетворенности пенсионеров материальным положением в 2000-е годы // Социологические исследования. 2006. № 5.

1. NG scenario (app. to «Independence newspaper»). 2012. Nov. 27.

2. Gourko T.A. Parenthood in the changing socio-cultural conditions // Case studies. 1997. № 1.

3. Zubkova T.S., Timoshina N.V. Organization and maintenance work on the social protection of women, children and families. Moscow, 2008.

4. Antonov A.I. Large family in aggressive-small families society // Demographic studies. № 8–9. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1473 (address date: 21.03.2014).

5. Arguments and facts. 2012. № 49.

6. Kozlova T.Z. Satisfaction monitoring financial position of pensioners in the 2000 // Case studies. 2006. № 5.

Стороженко Ольга Юрьевна

адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79181587325)

Противодействие экстремизму в информационном пространстве социальных сетей

В статье рассматриваются особенности пропаганды экстремизма в скрытых формах в информационном пространстве социальных сетей. Предложены отдельные изменения в законодательные акты Российской Федерации, направленные на оптимизацию правоприменительной деятельности по пресечению экстремизма в информационном пространстве.

Ключевые слова: экстремизм, информация, пропаганда, социальная сеть, Интернет, молодежь.

O.Yu. Storozhenko, Adjunct of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181587325.

Countering extremism in the information space of social networks

In the article discusses the features of propaganda disguised forms of extremism in the information space of social networks. Proposed some changes in the legislation of the Russian Federation, aimed at optimizing the enforcement activities to curb extremism in the information space.

Key words: extremism, information, propaganda, social network, Internet, youth.

Проявления экстремизма в России характеризуются возникновением новых способов преступной пропаганды. С активным внедрением средств информатизации, практически безграничных возможностей коммуникативного общения в интернет-пространстве создаются благоприятные условия для укоренения экстремистской деятельности на различных сайтах, в том числе и в социальных сетях.

Сегодня экстремистская деятельность – явление социальное, имеющее множество направлений, в частности политическое, религиозное, национальное, социальное и другие, которые реализуются в формах:

а) воспрепятствования осуществлению гражданами их избирательных и иных прав;

б) воспрепятствования законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений, соединенного с насилием либо угрозой его применения;

в) возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

г) пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

д) нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

е) публичных призывов к осуществлению указанных деяний либо массового распространения заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовления или хранения в целях массового распространения;

ж) финансирования указанных деяний либо иного содействия в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг и др. [1].

Анализируя данное в законе определение экстремизма, можно сделать вывод, что экстремистская деятельность осуществляется только в форме открытых действий, в том числе и по вовлечению в эту деятельность молодого поколения России. Автор считает данное мнение ошибочным, поскольку все чаще люди молодого возраста вовлекаются в экстремистскую деятельность в скрытых, а не в явных формах.

Не вызывает сомнения то, что экстремизм уже приобрел массовый характер, а в основе экстремистских формирований все чаще на-

ходятся люди молодого возраста, как правило 16–27 лет. К этой категории граждан мы относим лиц с низким уровнем культуры, интеллекта, не развитым мировоззрением, ограниченностью мышления и внушаемостью. Они же, как показывают наши исследования, являются активными пользователями интернет-сайтов социальной направленности.

Экстремизм – явление не новое. Считается, что он существовал всегда. Однако открытые массовые проявления экстремизма в России возникли вскоре после распада СССР, а именно в 1993–1995 гг. Государственное реагирование на подобные проявления ярко выразилось в 1995 г. в виде Указа Президента № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации». В последующие годы принимался ряд других законодательных актов, регламентирующих данную сферу отношений. В настоящее время правовой основой борьбы с экстремизмом является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Если в 1990-е гг. экстремистские проявления носили локальный характер, то в настоящее время масштабы экстремистской деятельности значительно расширились и продолжают расширяться именно по причине активно развивающейся системы коммуникации.

Ежедневно 89% молодых людей в возрасте от 17 до 27 лет активно пользуются интернет-ресурсами. По данным опроса ООН, проводимого в 2013 г., в социальных сетях знакомится и закладывает каждая пятая семья. Более 90% опрошенных относятся с доверием к советам своих ровесников на сайтах. Каждый год около ста человек совершают суицид из-за сообщений, оставленных в соцсетях, и цифра эта постоянно увеличивается; как утверждают исследователи, по своей популярности времяпровождение в социальных сетях обогнало порнографические сайты; самая активная интернет-аудитория в России: здесь пользователь в среднем проводит в сети 6,6 часов в неделю [2].

Из приведенной статистики видно влияние социальных сетей на сознание молодого поколения, чем непременно пользуются лица, вовлекающие в экстремистскую противоправную деятельность молодежь. Пропаганда экстремизма в информационном пространстве ведется путем размещения различных сайтов экстремистской направленности, размещения в социальных сетях страниц, содержащих под-

робную информацию о деятельности подобных организаций, фото- и видеочетов этой деятельности.

В России приобрели популярность множество социальных сетей, таких как «Одноклассники», «В контакте», «Фэйсбук», «Твиттер» и др.

По данным Росстата, численность населения России на 1 января 2013 г. составила 143,3 млн человек [3]. Из них зарегистрированы только в одной из социальных сетей (VK.com) 85 млн человек.

Вокруг данной социальной сети неоднократно возникали скандалы. В адрес создателей сайта регулярно звучат обвинения в распространении материалов экстремистской направленности.

Причем информация, содержащая явные признаки экстремизма, размещенная в социальных сетях, в том числе и «В контакте», в большинстве своем блокируется и часто вносится в список материалов экстремистской направленности Министерства юстиции РФ в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 114-ФЗ. Однако социальные сети наполнены также информацией, которая не носит ярко выраженный экстремистский характер, но имеет соответствующий подтекст. На страницах социальных сетей публикуется информация о проведении мероприятий, которые с первого взгляда могут показаться социально полезными, и лишь при их посещении становится понятна их истинная цель.

В основу содержательной части работы положены некоторые примеры скрытых форм экстремистской деятельности, которая осуществляется посредством размещения соответствующих информационных материалов в одной и социальных сетей (VK) различными оппозиционными объединениями.

Стратегия 31 (http://vk.com/strategy_31). Всероссийское гражданское движение в защиту свободы собраний в России. Каждое 31 число по всей России проходят митинги в защиту свободы собраний.

Представители данной организации путем проведения митингов и акций отстаивают право, предусмотренное ст. 31 Конституции РФ, – собираться мирно, без оружия. Однако подобные митинги не всегда могут быть санкционированы в связи с запланированными к проведению на это же время другими мероприятиями либо по иным причинам, что расценивается членами данной организации как посягательство на их конституционное право. В связи с этим такие собрания зачастую проводятся несанкционированно и, как правило,

не проходят без вмешательства со стороны сотрудников полиции. Основоположник данной организации – Эдуард Лимонов, чья личность небезызвестна в определенных кругах.

Автор, посетив одно из собраний данной организации 31 октября 2012 г. в г. Челябинске исключительно с исследовательской целью, не может однозначно ответить на вопрос: «За что именно борется данная организация?». Собрание объединяло около 40 человек, в возрасте примерно от 16 до 30 лет, в большинстве своем студентов. Отдельные члены собрания высказывали различные оппозиционные мнения по поводу последних политических преобразований, также звучали оскорбления в адрес руководителей страны. То есть конкретное мероприятие не имело определенного предмета для обсуждения. Лица, подогретые спиртными напитками, высказывали различные идеи по поводу механизмов смены власти. Среди участников собрания находилась компания молодых людей, около 5 человек. В беседе с ними выяснилось, что интерес к данному мероприятию возник у них в связи с полученной информацией, которая была размещена на сайте «В контакте». Возможно, людей, осведомленных таким образом, было больше, но автор пишет лишь о тех, с кем удалось пообщаться лично.

Безобидное на первый взгляд собрание в защиту «нарушаемого властями» конституционного права собираться мирно, без оружия, предусмотренного ст. 31 Конституции РФ, обернулось публичными призывами к свержению власти, посягающими на основы конституционного строя.

Партия «Великая Россия» (<http://vk.com/vrgarty>). Незарегистрированная политическая партия правого толка в Российской Федерации, создана 5 мая 2007 г. на учредительном съезде в г. Москве. Имеет свои отделения по всей России. Партия декларирует свою идеологию как русский национализм. Регулярно проводит военно-спортивные мероприятия для молодежи.

19 мая 2013 г. в районе Алого поля в г. Челябинске состоялся митинг против строительства мечети со сбором подписей. На митинге присутствовало около 50 человек разных возрастов и социальных групп, в основном молодые люди. Выдвигаемые требования касались отмены решения администрации города о строительстве мечети с медресе, куда, по мнению участников митинга, будут съезжаться мусульмане, что повлечет за собой пропаганду ваххабизма.

Митинг проходил с плакатами, флагами и лозунгами, содержащими недовольство по по-

воду строительства мечетей для мусульман на территории России, в частности г. Челябинска, и политики, проводимой государством по данному вопросу. «Их становится все больше, хоть нас остается не много, мы победим!» – произносилось в громкоговорители. У автора после посещения митинга сложилось впечатление, что большинство участников пришло на митинг с целью обсудить проблемы увеличения количества мусульман за последние годы, их поведения в стране, при этом звучали резкие высказывания в адрес иноверцев. Данный митинг не единственный. Все фото и видеоотчеты деятельности партии размещены на странице социальной сети «В контакте». Автору стало известно о данном митинге с интернет-странички Челябинского отделения партии.

Действительно, мечеть с медресе предполагалось возвести на месте, изначально отведенном под строительство стадиона. Несогласие общества, поддерживающего строительство социально значимых объектов, вылилось в публичные призывы к уничтожению «черных» (высказывание участника митинга) и недопущению на территории России всего, связанного с иноверцами.

Русские пробежки. Русские за ЗОЖ. РУСЬ! (http://vk.com/ruszabeg_ru). Первоначально спортивные забеги были направлены на пропаганду трезвости, здорового образа жизни и спорта, прежде всего среди русского населения по причине его вымирания, истребления, его исторической и современной значимости в формировании, существовании и процветании России как государства. Государства многонационального и многоконфессионального. Русскую проблему русские люди называли по-русски – Русские пробежки.

Каждые выходные по центральным улицам городов России осуществляется забег группы молодых людей с флагами и лозунгами, пропагандирующими здоровый образ жизни: «Мы за трезвость, мы за русских!». Только при ближайшем общении с одним из лидеров «пробежки» автору стало известно, что их целью является не только пропаганда здорового образа жизни, но и борьба за чистоту нации, причем весьма радикальными способами. Да и одежда молодых людей, очень уж напоминающая скин-хедов, по-видимому, не случайна. На страничке «в Контакте» указано, что администрация группы не несет ответственность за информацию, оставленную в группе, и за действия участников во время пробежек. В личной беседе с членами пробежек цель данной организации ста-

новится ясна. Основная пропаганда ведется через Интернет, в частности через их страницу в социальной сети «в Контакте».

На странице каждой организации имеются подробные фото- и видеоотчеты о проведенных мероприятиях, в большинстве своем содержащие скрытые призывы к экстремистской деятельности, выражающейся в различных формах.

Несмотря на актуализируемую нами проблему, данные организации до настоящего времени не внесены в перечень Министерства юстиции РФ как экстремистские, функционирование которых запрещено на территории России. В понимании многих такие организации являются лишь оппозиционными. Изучение экстремистской деятельности, осуществляемой в латентных формах, должно стать одной из задач как общественных институтов, так и органов государственной власти. Организаций, занимающихся как явной, так и скрытой пропагандой экстремистской деятельности, на страницах Интернета великое множество. Борьба с явной пропагандой экстремистской деятельности ведется активно. Существует и судебная практика привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществляющих экстремистскую пропаганду в социальной сети «В контакте». Так, в августе 2013 г. Шумихинским районным судом вынесен приговор в отношении жителя г. Шумиха. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Установлено, что в период с июля 2012 г. по март 2013 г. обвиняемый разместил в социальной сети «в Контакте» 12 видеозаписей и 9 фотографий, содержащих признаки межрелигиозной розни, пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признакам его религиозной и этнической принадлежности, с использованием фраз и высказываний унижительного характера.

Должен быть выработан четкий механизм, позволяющий проводить разграничения между оппозицией и экстремистской организацией, скрывающей свои истинные преступные мотивы. Особенно остро стоит проблема регулирования и контроля экстремистской деятельности в интернет-среде.

Так, депутат партии Единая Россия, первый зампред комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций М. Маркелов в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС потребовал привлечения к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ созда-

теля социальной сети «в Контакте» П. Дурова за размещение на страницах данной социальной сети информации, запечатлевающей явно оскорбительное и кощунственное отношение к недавно произошедшему в г. Волгограде теракту, с использованием нецензурной лексики.

Однако на данное предложение М. Маркелова был получен ответ от представителя пресс-службы «в Контакте» Г. Лобушкина о том, что в случае обнаружения на страницах социальной сети материалов экстремистской направленности стоит всего лишь, «не поднимая шум», сообщить администрации социальной сети для блокирования данных материалов в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 114-ФЗ [4].

Анализируя правоприменительную практику, изучение генезиса такого явления, как экстремизм в скрытой форме, осуществляющегося в информационном пространстве, автор пришел к определенным выводам. В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» прямо не закреплена обязанность провайдера связи, а также создателей, администраторов и модераторов сайтов блокировать материалы экстремистской направленности, тем более что признать материал или организацию экстремистскими может только суд.

Правоохранительные органы, на которые законодательством возложена обязанность по борьбе с экстремизмом, в силу недостатка сил и средств в совокупности с большим объемом работы, несмотря на все усилия, с поставленной задачей не всегда справляются в полной мере. Учитывая масштабы экстремизма в настоящих условиях, невозможно охватить данное явление только силами правоохранительных органов.

В связи с этим представляется необходимым в ст. 4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» внести поправки, касающиеся обязанности провайдеров связи, создателей, администраторов и модераторов сайтов выявлять и пресекать распространение материалов, содержащих призывы к экстремистской деятельности, своими силами с последующим уведомлением компетентных органов. Кроме того, необходимо возложить на вышеуказанных операторов связи, создателей, администраторов и модераторов сайтов обязанность регулярно проводить мониторинг подотчетных социальных сетей на наличие в информационном пространстве сети материалов экстремистской направленности. Определить ответ-

ственных за данное направление деятельности лиц и в случае недолжного выполнения своих обязанностей привлекать их к ответственности, возложить персональную ответственность за пропаганду экстремизма на создателей сетевых ресурсов.

Данные меры относятся в большей степени к борьбе с явными проявлениями экстремистской направленности.

Для борьбы со скрытыми формами экстремизма полагается необходимым компетентным правоохранительным органам уделять внимание деятельности оппозиционных организаций, тщательно анализировать их программную документацию. Отслеживать их деятельность в информационном пространстве, где они публикуются открыто, регулярно посещать митинги, собрания и акции, проводимые данными организациями, в ходе которых выяснять цель существования группы, ее состав, наиболее активных членов и давать оценку отношения их действий к пропаганде экстремизма.

Кроме того, для борьбы с таким негативным социальным явлением, как экстремизм, учитывая его масштаб, необходимы комплексные усилия. Представляется необходимым данную борьбу начать с изучения личностей субъектов данной деятельности. Из общения с участниками различных митингов и собраний, проводимых вышеуказанными организациями, автор сделал следующие выводы. Участниками подобных организаций и мероприятий являются молодые люди в возрасте 16–27 лет, преимущественно мужского пола, но встречаются и девушки, многие из которых присутствуют на подобных мероприятиях в поддержку своих молодых людей. В большинстве это студенты как средне-специальных, так и высших учебных заведений, не имеющие постоянного источника дохода. Уровень их образования и интеллекта, как правило, низкий. Круг интересов в большинстве случаев ограничен удовлетворением собственных потребностей. У автора сложилось впечатление, что большинство пришедших на собрания организаций до конца не имели определенной цели и пришли, чтобы занять свободное время, лозунги выкрикивали «за компанию». Из беседы с сотрудниками полиции, присутствовавшими при проведении подобных мероприятий, которые зачастую оканчиваются потасовками, стало известно, что при задержании только члены инициативной группы, как правило, их из всей толпы человек 5, могут объяснить цель своего участия в данном мероприятии, остальные действуют, «потому что все так делают».

Для большинства посещение подобных мероприятий и участие в данных организациях является способом проведения досуга, решения каких-либо собственных проблем, самовыражения. Действительно, где может провести свободное время молодой человек, ограниченный в финансовых средствах, коих в среде молодежи большинство, учитывая, что в настоящее время практически все досуговые мероприятия требуют финансовых затрат? Поэтому весьма перспективным является посещение спортивно-патриотических мероприятий, акций, митингов, собраний подобных организаций, о проведении которых он узнал в Интернете, где ему в подробности будет доведена «необходимая информация». Молодые люди от неимения альтернативы занять свое свободное время проводят его в Интернете и посещают различные бесплатные мероприятия, о проведении которых информация размещается также в информационном пространстве. Хочется отметить, что мероприятия, проводимые подобными организациями, абсолютно бесплатны, вниманию участников предлагается бесплатная литература и т.д. И лишь у немногих возникает вопрос о том, кто вкладывает свои деньги в это и какую цель преследует. В целях профилактики вышеуказанных социальных явлений предполагается необходимым:

1) проведение комплексных мероприятий по формированию правовой культуры в молодежной среде; в частности, этому могло бы способствовать расширение юридической составляющей в образовании и в воспитании, т.к. знание собственных прав и свобод будет способствовать уважению к жизни, чести, достоинству и иным правам других лиц;

2) воспитание у молодежи толерантного мировоззрения, терпимого отношения ко всем людям, вне зависимости от их национальности, религии, социального происхождения и т.д.; это послужило бы профилактикой религиозного, национального и социального экстремизма;

3) совершенствование досуга и отдыха молодежи, обеспечение его доступности;

4) повышение уровня социальной и материальной защищенности молодежи, оказание помощи в трудоустройстве молодых специалистов.

Подводя итог, следует отметить, что для профилактики экстремизма в информационном пространстве, помимо проведения различных законодательных, информационных и организационных мероприятий, необходимо предоставлять молодежи альтернативу. Альтернативу полезного и интересного времяпровождения,

альтернативу саморазвития, возможность чувствовать себя нужным и значимым для общества, в котором живешь. Уделять больше вни-

мания вопросам социальной политики в среде молодежи, проблемам воспитания, развития, образования, занятости и проведения досуга.

1. *О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.*

2. URL: www.liveinternet.ru

3. Росстат. Численность населения России 2013. URL: www.gsk.ru/free_doc/new_site/population/demdem11_map.html

4. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/23/durov-site.html>

1. *On countering extremist activities: fed. law of July 25, 2002 № 114-FL.*

2. URL: www.liveinternet.ru

3. Rosstat. *The population of Russia 2013.* URL: www.gsk.ru/free_doc/new_site/population/demdem11_map.html

4. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/23/durov-site.html>

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584049)

Специальные меры виктимологического предупреждения преступлений против собственности

Статья посвящена актуальной проблеме виктимологического предупреждения преступлений против собственности. В частности, в ней рассматриваются специальные меры виктимологического предупреждения, предлагаются рекомендации по виктимологическому предупреждению указанной категории преступлений.

Ключевые слова: криминология, виктимология, виктимность, виктимологическое предупреждение преступности, виктимологическая безопасность, латентная жертва, виктимологическая угроза.

K.V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584049.

Special means of victimological crime prevention against property

The article is devoted to the actual problem of victimological crime prevention against property. Particularly it is investigated special means of victimological prevention and it is suggested the recommendations for victimological crime prevention of a pointed category of crimes.

Key words: criminology, victimology, victimity, victimological crime prevention, victimological safety, latent victim, victimological threat.

Общесоциальные меры носят долгосрочный характер и определяют основные направления контроля преступности [1]. Остановимся на существенных моментах предупредительной деятельности, ограничившись характеристикой системы специальных девиктимизирующих мероприятий.

Основой формирования базы данных о потерпевших может и должна стать система статистического учета и отчетности в правоохранительных органах, прежде всего в органах внутренних дел. В то же время деятельность государственных структур по поиску информации виктимологического характера не должна ограничиваться отчетностью. Практика свидетельствует о необходимости виктимологического мониторинга и комплекса специально организованных статистических наблюдений в обозначенной сфере.

Если лицо относится к группе агрессивных жертв, провоцирующих конфликты, то виктимологическое предупреждение будет строиться по тем направлениям, которые характерны для предупреждения насильственных преступлений. Основная задача – убедить человека отказаться от агрессивного поведения, причиной которого может стать злоупотребление алкоголем, отсутствие элементарных социально-

бытовых условий. Так, мерой виктимологического предупреждения может стать размещение в доступных местах (на остановках, стендах в организациях) информации для населения о правомерных способах защиты своих прав. Это будет способствовать повышению правовой грамотности населения и поможет убедить хотя бы часть граждан отказаться от силового разрешения конфликта. Для решения этих задач во многих городах созданы кризисные центры. В частности, подобные кризисные центры активно действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Астрахани, Саратове, Хабаровске и других городах.

Мерой виктимологического предупреждения в отношении потерпевших, чья виктимность связана с особым процессуальным положением, причастностью к событию преступления, может стать применение норм об обеспечении безопасности участников уголовного процесса, предусмотренных УПК РФ и в дальнейшем Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству».

Если лицо уже ощутило на себе последствия преступного посягательства, испытав физические, нравственные страдания, то должны применяться меры специального виктимоло-

гического предупреждения, включающие психологическую и социальную реабилитацию (помощь в лечении, трудоустройстве пострадавшего, компенсация причиненного вреда, работа с психологом по преодолению стрессовой ситуации и др.).

Возможно, необходима такая мера виктимологического предупреждения, как примирительная процедура между жертвой и виновным. Как показывает практика, жертвы часто хотят рассказать правонарушителям, как на них сказались преступление. На случайного (неорганизованного) преступника встреча с пострадавшим действует сильнее наказания.

При осуществлении неотложного виктимологического предупреждения, которое оперативно проводится в отношении замышляемых или подготавливаемых преступлений, основное внимание должно быть сосредоточено на выявлении преступного замысла и предотвращении посягательства против собственности.

Так, меры виктимологического предупреждения преступлений против собственности могут включать просветительскую работу, оперативное реагирование на сигналы о готовящемся преступлении и др. При этом конкретные меры проводятся с учетом виктимологической классификации и типологии жертв.

Существуют следующие этапы виктимологического предупреждения:

- 1) помощь в восстановлении прав жертвы;
- 2) выявление потенциальных жертв для выдачи им рекомендаций, предупреждающих реализацию их виктимных качеств.

Одна из форм реализации цели восстановления справедливости – программа посредничества между жертвой и правонарушителем. Программа реализует эту цель через примирение сторон и возмещение ущерба преступником потерпевшему. Программы посредничества рассматриваются как движение к справедливости, дополняющее сложившуюся систему правосудия и сокращающее применение уголовной репрессии.

На втором этапе виктимологического предупреждения на основе изучения личностных качеств реальных потерпевших, внешних обстоятельств преступлений, взаимоотношений с преступником осуществляются выявление потенциальных жертв преступлений и выдача им рекомендаций, предупреждающих реализацию их виктимных качеств.

Эффективность данного этапа зависит, прежде всего, от полноты и качества информации, источником которой могут быть материалы уголовной статистики, судебно-следственной практики и оперативно-розыскной деятельности, сообщения государственных органов, должностных лиц и представителей обществ, ученых-криминологов, сообщения, письма и жалобы граждан, материалы средств массовой информации.

В разработке рекомендаций виктимологического предупреждения выделяются следующие направления:

- 1) разъяснение гражданам, выделенным по признакам пола, района проживания, давности проживания и другим виктимологическим характеристикам, правил, обеспечивающих максимальную виктимологическую безопасность в процессе жизнедеятельности;
- 2) разъяснение оптимального антивиктимного образа действий при столкновении с преступником, включая точное описание адресатов и порядка обращения в правоохранительные органы;
- 3) разъяснение родственникам и коллегам мер, необходимых для контроля виктимогенного поведения родных и знакомых;
- 4) разработка рекомендаций для снижения количества латентных жертв.

При совершенствовании мер, направленных на снижение уровня латентности преступлений против собственности, особое внимание должно быть уделено виктимологическому предупреждению преступлений и деятельности правоохранительных органов, направленной на выявление новых способов указанных преступлений. На современном этапе должна быть активизирована работа с «группами риска» (одинокие пенсионеры, инвалиды и лица, состоящие на учете в психоневрологическом или наркологическом диспансере), представители которых должны быть взяты на профилактический учет органами внутренних дел.

Таким образом, виктимологическое предупреждение преступлений против собственности характеризуется комплексом мер, направленных на обеспечение должного уровня виктимологической защищенности имущественных прав граждан. В то же время современная правоприменительная практика страдает от недостатка индивидуального виктимологического предупреждения в отношении лиц – носителей ярко выраженных виктимных свойств.

1. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988.

1. Yakovlev A.M. Sociology of economic crime. Moscow, 1988.

Зеленский Владимир Дмитриевич

доктор юридических наук, профессор,
руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета

Швец Сергей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Кубанского государственного аграрного университета

(e-mail: asfalea@yandex.ru)

Некоторые вопросы судебного перевода

Статья посвящена вопросам обеспечения языковых прав участников уголовного судопроизводства. Рассматриваются понятие и характерные черты судебного перевода, уголовно-процессуальные аспекты его функционирования, понятие переводчика в уголовном судопроизводстве. Даются рекомендации по изменению действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, язык судопроизводства, специальные знания, судебный перевод, переводчик, судебная экспертиза.

V.D. Zelensky, Doctor of Law, Professor, Head of Programs of Master Training of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University;

S.V. Shvets, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University; e-mail: asfalea@yandex.ru

Some problems of court interpretation

Article is dedicated to the problems of ensuring language rights of participants of criminal legal procedure. Concept and features of court interpretation, legal aspects of its functioning and concept of an interpreter in legal procedure are being discussed. Authors suggest amendment of existing criminal procedure laws.

Key words: criminal procedure, language of legal procedure, special knowledge, court interpretation, interpreter, forensic examination.

На территории Российской Федерации языком межнационального общения исторически стал русский язык. Статус русского языка как государственного языка закреплен в ч. 1 ст. 68 Конституции РФ и предусматривает обязательное его использование в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства, при подготовке и проведении выборов и референдумов, в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации. В то же время ч. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод человека

и гражданина независимо от языка. В развитие данного положения Законом РФ «О языках народов Российской Федерации» декларируется, что судопроизводство и делопроизводство в федеральных судах общей юрисдикции может вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится соответствующий суд. Судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации, а также делопроизводство в правоохранительных органах субъектов Российской Федерации ведется на государственном языке Российской Федерации или на государственном языке республики, на территории которой находится соответствующий суд или правоохранительный орган. Лица, участвующие в деле и не владеющие языком, на котором ведутся судопроизводство и делопроизводство в судах, а также делопроизводство в правоохранительных органах, вправе выступать и давать объяснения на родном языке или на любом свободно избран-

ном ими языке общения, а также пользоваться услугами переводчика. Аналогичные права на использование родного языка декларируются и в уголовно-правовом законодательстве.

Гражданину России предоставляются максимально широкие права по обеспечению использования родного языка в различных коммуникативных сферах. Однако реализация применения столь обширных прав не может не порождать определенные трудности.

Прежде всего, это вопрос языка судопроизводства. Так, выбор языка судопроизводства, его использования для нужд судопроизводства и смены языка на разных стадиях судопроизводства до настоящего времени во многом остается неурегулированным. Российское законодательство предусматривает возможность ведения судопроизводства как на общегосударственном языке Российской Федерации (русском), так и на государственных языках республик, входящих в состав Российской Федерации. Однако в российских правовых актах отсутствуют критерии выбора: в каком случае для нужд судопроизводства следует использовать государственный язык субъекта Российской Федерации, а в каких случаях – государственный язык России. Кроме этого, не указан субъект выбора языка судопроизводства.

Несмотря на то, что Законом РФ «О языках народов Российской Федерации» устанавливается равноправие языков Российской Федерации, положения ст. 18 данного закона ограничивают возможности использования языков, поскольку только государственные языки субъектов Российской Федерации и государственные языки республик, входящих в состав Российской Федерации, признаются языками судопроизводства. В то же время не предполагается возможность осуществления судопроизводства на языке автономного округа, автономной области или на языках народов Российской Федерации на территории их компактного проживания, что, несомненно, является нарушением прав народов на использование своего языка.

Следующий момент, который требует законодательного разрешения, – это вопрос изменения языка судопроизводства по одному и тому же делу.

В научной литературе приводится значительная аргументация против смены языка судопроизводства на различных стадиях рассмотрения дела, в связи с чем возникает мысль о необходимости осуществления судопроизводства на всей территории Российской Федерации на одном языке. Данным языком должен быть русский язык.

Для реализации указанной концепции нам представляется необходимым разграничить понятия «государственный язык» и «официальный язык».

Государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства.

Официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства.

Понятие «государственный язык» является более широким, чем «официальный язык», поскольку включает в себя не только политическую (законодательную, управленческую) сферу, но и социальную, культурную сферы общения.

Государственная власть на территории многонационального государства должна осуществляться посредством единого языка. В то же время судопроизводство должно быть доступным, ясным, открытым, в связи с чем оно должно осуществляться на едином языке. Для решения данной задачи необходимо законодательно разделить понятия «государственный язык» и «официальный язык» и установить в качестве языка судопроизводства единый официальный язык.

В условиях многонациональной Российской Федерации особенное значение при отправлении правосудия приобретает обеспечение права гражданина на использование своего родного языка. А там, где в процессе коммуникации используется несколько языков, неизбежно возникает вопрос перевода.

Что же такое перевод с точки зрения процессуального законодательства?

К сожалению, до настоящего времени понятие перевода в уголовном процессе в рамках юриспруденции не разработано.

Под переводом понимается вид языковой деятельности, представляющий собой процесс адекватной и полноценной передачи мыслей, порожденных на одном языке, средствами другого языка, а также продукт этого процесса. Понятие перевода включает в себя как процесс, так и результат этого процесса. Конечным итогом процесса перевода является «продукт» перевода – текст перевода. Возникновение «продукта» перевода обусловлено выполнением переводчиком некой последовательности действий.

Перевод как процесс подразделяется на следующие виды:

- письменно-письменный перевод;
- устно-устный перевод;

письменно-устный перевод;
устно-письменный перевод.

В уголовном судопроизводстве присутствуют первые три из указанных видов перевода. Наиболее распространенным видом перевода в уголовном судопроизводстве является устно-устный. Данный вид перевода, в свою очередь, подразделяется на синхронный и последовательный.

В зависимости от степени соответствия передачи мысли, порожденной на одном языке, средствами другого языка в теории перевода выделяют эквивалентный (адекватный), буквальный и вольный перевод. В уголовном судопроизводстве применяется только эквивалентный (адекватный) перевод, поскольку при вольном и буквальном переводе искажается информация, содержащаяся в исходном тексте.

Перевод в уголовном судопроизводстве должен отвечать требованиям точности, полноценности, правдивости и объективности.

Объектом юридического перевода является передача средствами другого языка разнообразных устных и письменных юридических текстов.

Юридический перевод, выполняемый в связи с производством по делу и осуществляемый в процессуальной форме, мы предлагаем называть судебным переводом.

Судебный перевод имеет следующие характерные черты.

Судебный перевод происходит в условиях, отличающихся от условий, в которых производятся другие переводы.

Перевод по уголовным делам протекает в напряженной официальной обстановке, поскольку присутствующие лица заинтересованы в исходе дела и нередко оказывают противодействие следствию или судебному разбирательству.

Переводчик работает с людьми, которые находятся в непривычном для них состоянии дискомфорта, что неизбежно сказывается на их поведении.

Переводчик не имеет возможности выбора текста перевода. Он переводит либо тот текст, который ему предоставляет следователь или суд, либо он переводит речь участника судопроизводства.

Время переводчика при производстве по уголовным делам ограничено. В случае устного перевода переводчик осуществляет перевод синхронно или последовательно с речью участника судопроизводства. В случае письменного перевода переводчик должен выпол-

нить перевод в указанный ему срок, поскольку субъект правоприменительной деятельности ограничен процессуальными сроками

Судебный перевод – это, прежде всего, процессуальное действие по обеспечению права участников судопроизводства, круг которых определен Уголовно-процессуальным кодексом РФ, на использование родного языка.

Судебный перевод характеризуется наличием специального субъекта, предусмотренного законодательством. Переводчик, осуществляющий судебный перевод, наделен процессуальными правами и несет процессуальные обязанности.

Судебный перевод осуществляется в связи с производством по делу и производится в процессуальной форме.

К сожалению, регламентация процедуры судебного перевода в УПК РФ отсутствует. УПК РФ предусматривает процедуру назначения лица переводчиком, вызов переводчика и порядок его участия в уголовном судопроизводстве. Требования к участию переводчика в судебном заседании ограничиваются только разъяснением ему прав и ответственности, о чем у переводчика отбирается подписка (ст. 263 УПК РФ).

Неудивительно, что процессуальные сложности, касающиеся судебного перевода, возникают на любом этапе рассмотрения уголовного дела.

Так, отсутствуют специальные нормы вызова переводчика для участия в следственном или судебном действии. Отсутствует процессуальная регламентация процедуры письменного перевода текста документа в тех случаях, когда такой перевод обязателен по закону. Более того, отсутствует процессуальная форма поручения переводчику осуществления письменного перевода. Мы считаем, что в действующее процессуальное законодательство необходимо ввести норму письменного поручения переводчику осуществления судебного перевода в случае, когда объектом перевода являются документы. Также в УПК РФ отсутствует процедура, регламентирующая работу комиссии переводчиков.

Само понятие «переводчик» (лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода), содержащееся в ч. 1 ст. 59 УПК РФ, во многом является дискуссионным и вызывает справедливую критику.

Прежде всего, переводчик – это не просто «привлекаемое» к участию в уголовном судопроизводстве лицо, а лицо, уже привлеченное

к участию в судопроизводстве в соответствии с действующими процессуальными нормами. В действующем законодательстве отсутствуют возрастные критерии, предъявляемые к переводчику. Кроме этого, по нашему мнению, переводчик – это лицо, не просто владеющее языком, знание которого необходимо для перевода, а лицо, владеющее языками, необходимыми для перевода (в том числе языком судопроизводства).

Само понятие свободного владения языком, необходимым для осуществления перевода, также вызывает сложности толкования, породившие большой разброс мнений по данному вопросу. На наш взгляд, большинство авторов, пытавшихся определить понятие «свободное владение языком», делают формально-логическую ошибку, отождествляя его с понятием «перевод». Ведь «владение языком» и «перевод» представляют собой различные виды языковой деятельности, поэтому при конструировании понятия «переводчик» следует говорить не о свободном навыке владения тем или иным языком, а о наличии и качестве навыка свободного перевода.

Таким образом, мы считаем, что ч. 1 ст. 59 УПК РФ должна иметь следующую редакцию: «Переводчик – это лицо, привлеченное к участию в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном настоящим Кодексом, свободно владеющее языками, знание которых необходимо для осуществления перевода, а также навыками перевода».

Для более качественного обеспечения права лица на использование родного языка в уголовном судопроизводстве переводчик должен быть наделен большими правами. Мы считаем, что переводчик должен иметь право знакомиться с материалами уголовного дела до осуществления им перевода. Переводчик должен иметь право ходатайствовать о предоставле-

нии ему материалов, необходимых для обеспечения перевода, либо о привлечении других переводчиков. В уголовном судопроизводстве должна быть предусмотрена процедура осуществления судебного перевода несколькими переводчиками. Переводчик должен быть наделен правом ходатайствовать о привлечении к переводу специалиста в конкретной области человеческого знания для разъяснения специфики терминологии. Для пояснения культурологических различий переводчик должен иметь право комментировать свой перевод. Подобное комментирование должно быть явным, чтобы лица, воспринимающие перевод, четко различали, что является переводом, а что комментарием к нему (например, комментарий должен начинаться и заканчиваться, соответственно, словами «Комментарий переводчика ... конец комментария переводчика»). Переводчик должен быть наделен правом оценивать уровень своего профессионального мастерства, т.е. у него должно быть право отказаться от осуществления перевода, в случае если переводчик считает, что он не владеет определенной языковой тематикой.

Для решения вопроса оценки качества сделанного судебного перевода необходимо внедрить в практику судебной экспертизы новый вид судебных экспертиз: судебно-переводческую экспертизу.

Для обеспечения качественного перевода в условиях уголовного судопроизводства, на наш взгляд, необходимо вернуться к институту присяжных переводчиков, существовавших в Российской империи. Создание подобного института позволит решить многие процессуальные проблемы, поднимаемые учеными-процессуалистами как советского, так и современного периода. Для этого необходимо разработать и принять Закон «О судебно-переводческой деятельности в Российской Федерации».

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(e-mail: crimpro@yandex.ru)

О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России

Принятие закона от 4 марта 2013 г. свидетельствует о том, что законодатель не отказался от института понятых в современном уголовном судопроизводстве России, а ограничился лишь сокращением числа случаев обязательного их участия в следственных действиях. Однако указанный институт по-прежнему остается одним из наиболее проблемных в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: понятые, обязанности, ответственность, труднодоступная местность, технические средства фиксации.

V.A. Sementsov, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: crimpro@yandex.ru

On the problems of participation of witnesses in criminal proceedings of Russia

The adoption of the law of March 4, 2013 shows that the legislator has not renounced the Institute of witnesses in the modern criminal proceedings of Russia, and limited themselves to reduce the number of cases of compulsory their participation in the investigatory action. However, this institute is still one of the most problematic in criminal proceedings.

Key words: witnesses, duties, responsibilities, difficult terrain, technical means of fixation.

История участия в российском уголовном судопроизводстве понятых исчисляется с середины XVII столетия, когда в Соборном уложении 1649 г. впервые предусмотрено вовлечение в сферу судопроизводства понятых для исключения возможной фальсификации судебных документов, злоупотреблений со стороны судебных работников. Отсутствие в то время других способов объективизации судебного процесса позволяло рассматривать существовавший тогда в российском законодательстве институт понятых как положительное явление. Соборное уложение определяло круг процессуальных действий, проводимых с участием понятых, устанавливало требования, предъявляемые к понятым, предусматривало ответственность за оскорбление и физическое насилие в отношении понятых, а также ответственность за неправомерные действия, совершенные понятыми.

Во всех последующих законодательных актах Российского государства, касающихся уголовного судопроизводства, институт понятых получил дальнейшее развитие.

В современном уголовном судопроизводстве институт понятых сохранен только на трех стадиях уголовного процесса: возбуждения уголовного дела, предварительного расследова-

ния и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Понятые отнесены законодателем к числу иных участников уголовного судопроизводства, которые не имеют своего интереса в уголовном судопроизводстве, привлекаются в производство по уголовному делу для содействия в достижении его задач и не занимают в нем постоянного положения.

Согласно ч. 1 ст. 60 УПК РФ понятой – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также его содержания, хода и результатов. Понятыми могут быть любые граждане, которые не имеют в деле личного (прямого или косвенного) интереса. Наличие или отсутствие у лица, приглашенного в качестве понятого, прямой или косвенной заинтересованности в деле проверяется следователем перед началом следственного действия. Возможность личной заинтересованности в результатах производства по уголовному делу выясняется путем собеседования с данным лицом, наведения о нем справок и иными способами, позволяющими убедиться в его объективности и беспристрастности. Установление в дальнейшем факта заинтересован-

ности понятого в исходе уголовного дела ставит под сомнение достоверность результатов следственного действия, проведенного с его участием, и может повлечь признание их недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ).

Понятой может быть участником не только следственных действий, как заявлено в ч. 1 ст. 60 УПК РФ, но и ряда других уголовно-процессуальных действий, таких как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), удостоверение факта невозможности подписания протокола следственного действия (ч. 3 ст. 167 УПК РФ). Участие понятых предусматривается также в иных, помимо уголовно-процессуальной, сферах деятельности: при производстве по делам об административных правонарушениях (например, в случае личного досмотра в порядке ст. 243 КоАП РФ), при осуществлении налогового контроля (ст. 98 Налогового кодекса РФ), в исполнительном производстве (ст. 39 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), при досмотре, регламентированном Таможенным кодексом РФ.

В теории и практике уголовного судопроизводства в отношении института понятых существуют различные взгляды, в том числе и диаметрально противоположные. Обобщая научные суждения и мнения практических работников, можно свести выдвигаемые ими аргументы к двум следующим позициям.

В пользу сохранения института понятых приводятся следующие доводы: 1) процессуальные гарантии прав личности и интересов правосудия обеспечивают именно понятые; 2) институт понятых прошел проверку временем; 3) пресекается возможность фальсификации доказательств; 4) привлечение понятых усиливает надежность получения доказательств с позиции их достоверности и допустимости.

Противники института понятых, в большей части – практические работники, апеллируют к сложности процедуры привлечения и участия понятых в доказывании. Основные доводы: 1) недоверие государства, общества, суда к органам уголовного преследования; 2) противопоставление мнения граждан, порой сомнительной репутации, привлекаемых в качестве понятых, специально уполномоченным государственным органам и их должностным лицам (напомним, понятые – лица, удостоверяющие правильность производимых действий); 3) стремительное развитие научно-технического прогресса, позволяющее с достаточной достоверностью и полнотой фиксировать любые действия органов уголовного преследования; 4) невозможность обеспечения участия поня-

тых в исключительных ситуациях; 5) незаинтересованность граждан в оказании содействия правосудию; 6) необеспечение безопасности понятых; 7) аналогия с законодательством других государств, в которых подобный институт отсутствует.

Следует учитывать, что на практике существует ряд проблем обеспечения участия понятых в тех следственных действиях, к производству которых они привлекаются. Прежде всего, это связано с приглашением понятых. В связи с этим И. Кожевников отмечает, что «приходится слезно умолять граждан поприсутствовать в качестве понятых при осмотре пяти-шести комплектов ношенной одежды или иных «ценностей». Такой осмотр может продлиться несколько часов. Граждане напрочь отказываются или незастойливо требуют «на бутылку». Естественно, из зарплаты следователя» [1, с. 69].

Кроме того, серьезной проблемой является крайне низкая степень активности участия понятых в следственных действиях. Очевидно, что человек, с большой неохотой согласившийся помочь следователю, будет относиться к своим обязанностям сугубо формально. Такой понятой вряд ли может реально удостоверить содержание и результаты следственного действия, а в состоянии лишь подтвердить факт его присутствия при выполнении следственного действия [2, с. 110].

И даже самый ответственный понятой, являясь нормальным человеком с естественной реакцией на происходящее, будет стремиться держаться подальше от осматриваемого трупа, несколько дней пролежавшего в запертой квартире. Призывы и уговоры «подойти поближе и посмотреть повнимательнее», как справедливо отмечает Б. Кичеев [3, с. 34], приводят к обратным результатам, а применение принудительных мер здесь явно не этично.

Следует также учитывать, что обязанности понятого сформулированы в тексте УПК РФ весьма фрагментарно. По существу, в ч. 4 ст. 60 УПК РФ указано только на обязанность понятого являться по вызовам дознавателя, следователя или суда и не разглашать данные предварительного расследования.

По мнению профессора В.М. Быкова, следовало, излагая обязанности понятого, в законе записать, что гражданин России не вправе уклоняться от выполнения обязанностей понятого. Следовало также установить ответственность за произвольное прерывание понятым принятых на себя обязанностей. В законе должно быть указано главное, ради чего по-

нятой привлекается для участия в следственных действиях – обязанность понятого своей подписью в протоколе следственного действия удостоверить факт его производства, содержание, ход и результаты [4, с. 74].

В соответствии с ч. 5 ст. 164 УПК РФ перед началом следственного действия понятым разъясняются не только их права, но и ответственность. Законодатель предусматривает возможность применения к понятому таких мер уголовно-процессуального принуждения, как обязательство о явке, привод и денежное взыскание (ч. 2 ст. 111 УПК РФ), в случаях неисполнения им своих процессуальных обязанностей.

Однако на практике по-прежнему достаточно типичной является ситуация, когда в качестве понятых приглашаются любые попавшиеся под руку лица без каких-либо попыток выяснить их отношение к участникам следственного действия и к расследуемому делу в целом. К этому следует добавить, что встречаются случаи, когда в понятые попадают люди, находящиеся в нетрезвом состоянии, весьма преклонного возраста, проживающие далеко от места проведения расследования и т.п.

Именно поэтому в литературе был высказан ряд предложений по обеспечению качественного состава понятых. В частности, М. Селезнев считает, что институт понятых должен существовать на постоянной основе, по аналогии, например, с формированием списков присяжных заседателей путем случайной выборки по спискам избирателей, привлекая граждан в качестве понятых на короткое время не более чем один раз в году [5, с. 36]. В.М. Быков указывает на необходимость создания института дежурных понятых в каждом органе дознания и следственном аппарате [4].

22 октября 2011 г. Президент РФ выступил с предложением об упразднении института понятых при проведении некоторых следственных действий и их замене техническими средствами фиксации: «Институт понятых сложился, когда не было других способов фиксации доказательств. Это рудимент прошлого, с учетом прошлого, с учетом мирового опыта нам действительно нужно его скорректировать» [6]. Также было высказано мнение о необходимости определения категорий уголовных дел, когда присутствие понятых не требуется, а где их присутствие следует сохранить.

Действительно, наиболее правильное решение данной проблемы – не отказываться от института понятых вообще, это преждевременно и может привести к субъективному усмотрению должностных лиц и ослаблению гарантий прав

граждан в уголовном судопроизводстве. Главное – определить, в каких процессуальных действиях обязательно, а в каких нет участие понятых.

Закон [7] закрепляет теперь обязательное участие понятых при производстве только четырех следственных действий:

- 1) обыск (ст. 182 УПК РФ);
- 2) выемка электронных носителей информации (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ);
- 3) личный обыск (ст. 184 УПК РФ);
- 4) предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ).

Профессор В.Г. Ульянов считает необоснованным исключение обязательного участия понятых при проведении такого важнейшего следственного действия, каковым является осмотр места происшествия. Именно с осмотра места происшествия начинается большинство уголовных дел, расследуемых следственными аппаратами правоохранительных органов страны. В ходе его производства происходит обнаружение, фиксация и изъятие львиной доли следов расследуемого преступления и вещественных доказательств [8, с. 67].

По усмотрению следователя понятые принимают участие при наложении ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), при осмотре (ст. 177 УПК РФ), при осмотре трупа, эксгумации (ст. 178 УПК РФ), при следственном эксперименте (ст. 181 УПК РФ), при выемке, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, при осмотре, выемке и снятии копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185 УПК РФ), при осмотре и прослушивании фонограммы контроля и записи переговоров (ч. 7 ст. 186 УПК РФ) и при проверке показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Если в указанных случаях по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным. Однако если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ).

В заключении Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству отмечается, что использование технических средств фиксации хода и результатов следственных действий существенным образом сократит время и издержки при расследовании уголовных дел, и по предлагаемым изменениям у Комитета замечаний правового характера не имеется [9].

В то же время обращает на себя внимание взаимоисключающая формулировка законодателя относительно технических средств фиксации хода и результатов следственного действия при отсутствии понятых, когда декларируется обязательность их применения, но тут же оговаривается, что при невозможности применения технических средств следователь ограничивается отметкой об этом в протоколе. Представляется, что указанный недостаток новой ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ должен быть устранен, тем более что в ч. 3 той же статьи содержится более корректная формулировка: «В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов».

В тексте закона сохранен ранее действовавший факультативный порядок участия понятых, закрепленный в ч. 2 ст. 170 УПК РФ, где предписывается, что в остальных (кроме названных в ч. 1 и 1.1) случаях следственные действия производятся без участия понятых, если следователь по ходатайству участников уголовного судопроизводства или по собственной инициативе не примет иное решение.

Вместе с тем, В.М. Быков указывает на необходимость предусмотреть в УПК РФ изменения, которые бы сделали обязательным участие понятых при производстве всех без исключения следственных действий. Факультативный, необязательный характер участия понятых в следственных действиях на практике может привести к фактическому отсутствию понятых при производстве ряда важных следственных действий. В дальнейшем это может породить негативные последствия – доверие суда к собранным доказательствам без участия понятых будет подорвано, многие доказательства в суде будут признаваться недопустимыми [4].

Неубедительным является обоснование В.М. Быковым обязательного участия понятых при производстве следственных действий. Правильность передачи информации, например, при допросе, очной ставке, назначении экспертизы может быть проверена обращением к ее первоисточнику без удостоверительной деятельности понятых. Более того, присутствие посторонних лиц при допросе, очной ставке может лишь затруднить общение следователя с допрашиваемым лицом.

Конечно, это вовсе не означает полного отказа от участия понятых в следственных действиях, поскольку их присутствие побуждает следователя неукоснительно соблюдать предписания уголовно-процессуального закона. Кроме того, в случаях, когда следственное

действие протекает в конфликтной ситуации и сопровождается принудительными мерами (например, вскрытием хранилищ, пресечением попыток уничтожить предмет при обыске), участие понятых предотвращает необоснованные нарекания в адрес следователя [10, с. 139–140].

Судебная практика считает нарушением уголовно-процессуального закона как случаи, когда следственное действие произведено в отсутствие понятых, так и случаи, когда понятой был поставлен в условия, затрудняющие выполнение им своих обязанностей (несвоевременное включение в ход следственного действия, одновременное участие в действиях, производимых порознь двумя следователями, нахождение в месте, откуда невозможно наблюдать за действиями следователя, и т.п.). Чтобы обеспечить достаточную активность понятых при проведении следственного действия, закон обязывает следователя разъяснить им цель следственного действия, их права и ответственность, предусмотренные законом [11, с. 138].

В отдельных ситуациях закон допускает возможность проведения следственных действий без участия понятых: труднодоступная местность, отсутствие надлежащих средств сообщения, а также если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей. В этих случаях в протоколе делается соответствующая запись, а для фиксации хода следственного действия и его результатов применяются технические средства. Если применение технических средств невозможно, об этом делается отметка в протоколе (ч. 3 ст. 170 УПК РФ).

К сожалению, в тексте закона не раскрываются термины «труднодоступная местность» и «надлежащие средства сообщения». Кроме того, в этих положениях закона нет логики. Здесь следует согласиться с В.М. Быковым, который считает, что если следователь и другие участники следственного действия смогли прибыть в эту труднодоступную местность и для них нашлись надлежащие средства сообщения, то почему с ними не могли прибыть понятые [4].

Нет ясности и по вопросу о возможности производства следственных действий без участия понятых, если это связано с опасностью для жизни и здоровья людей. Дело в том, что одним из общих правил производства следственных действий является прямой запрет создания опасности для жизни и здоровья всех их участников, а не только понятых. То, что опасно для жизни и здоровья понятых, без-

условно, представляет опасность для других участников следственного действия, в том числе и самого следователя. Поэтому в подобной ситуации следственное действие вообще не должно проводиться.

Согласно ч. 3 ст. 167 УПК РФ понятие по-прежнему привлекаются для заверения факта невозможности подписания подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим протокола следственного действия в силу физических недостатков или состояния здоровья.

Количество понятых не может быть менее двух. Следователь приглашает более двух понятых, когда того требует ситуация, складывающаяся при производстве следственного действия. Это может быть необходимо, если два понятых не в состоянии удостоверить все обстоятельства, обнаруживаемые в ходе следственного действия (например, при производстве обыска, связанного с обследованием большого помещения).

При возникновении в процессе судебного разбирательства уголовного дела сомнений относительно полноты и правильности фиксации в протоколе хода, содержания и результатов следственного действия суд вправе вызвать понятых и допросить их в качестве свидетелей по поводу того, что действительно имело место в ходе следственного действия, произведенного с их участием.

Подводя итог исследованию вопроса об участии понятых в современном уголовном судопроизводстве России, можно сделать вывод, что законодатель не отказался от этого института и ограничился лишь сокращением числа случаев обязательного участия понятых в следственных действиях. Однако указанный институт по-прежнему остается одним из наиболее проблемных в уголовном судопроизводстве, а всякая проблема, как известно, требует своего разрешения.

1. Кожевников И. О проекте Уголовно-процессуального кодекса // Уголовное право. 1997. № 3.

2. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001.

3. Кичеев Б. Все ли понятно понятым? // Социалистическая законность. 1990. № 6.

4. Быков В.М. Институт понятых в уголовном процессе России // Уголовное право. 2002. № 3.

5. Селезнев М. Понятой или свидетель? // Законность. 1998. № 1.

6. Рос. газ. 2011. 25 окт.

7. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

8. Ульянов В.Г. Обязательно ли участие понятых в производстве следственных действий // Право и политика. 2012. № 3.

9. Заключение Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству по проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 33012-6 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.

11. Савельев М.В., Смушкин А.Б. Следственные действия: учеб. М., 2011.

1. Kozhevnikov I. About the project of the Criminal procedural code // Criminal law. 1997. № 3.

2. Belousov A.V. Procedural securing evidence in the investigation of crimes. Moscow, 2001.

3. Kicheev B. Is everything clear for witnesses? // Socialist legality. 1990. № 6.

4. Bykov V.M. Institute of witnesses in criminal proceedings of Russia // Criminal law. 2002. № 3.

5. Seleznev M. Witness or eyewitness? // Legality. 1998. № 1.

6. Rus. newsp. 2011. Oct. 25.

7. On introducing changes in articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation: fed. law of March 4, 2013 № 23-FL // HLS «ConsultantPlus».

8. Ulyanov V.G. Is it obligatory participation of witnesses in the investigation // Law and policy. 2012. № 3.

9. Conclusion of the State Duma Committee on civil, criminal, arbitration and procedural legislation on the draft federal law «On introducing amendments to articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation» № 33012-6 // HLS «ConsultantPlus».

10. Sheifer S.A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow, 2001.

11. Saveliev M.V., Smushkin A.B. Investigative actions: textbook. Moscow, 2011.

Адаменко Игорь Евгеньевичкандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

Уголовно-процессуальная деятельность как предмет науки уголовного процесса

Статья посвящена осмыслению уголовно-процессуальной деятельности как предмета науки уголовного процесса. Определено место философского знания в формировании понимания предмета науки уголовного процесса. Проведено осмысление уголовно-процессуальной деятельности с позиции научного творчества. В статье обосновано место цели, духовности и нравственности в качестве связей уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: предмет науки, уголовно-процессуальная деятельность, философский уровень знания, духовность, нравственность, цель уголовного процесса.

I.E. Adamenko, Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

Criminal procedure activity as a matter of criminal procedure science

The paper considers comprehension of criminal procedure activity as a matter of criminal procedure science. Defines the place of philosophical knowledge in forming of understanding the subject of criminal proceedings science. Produced understanding of criminal procedure activity from the standpoint of scientific creativity. The article justified place goals, spirituality and morality as bonds of criminal procedure activity.

Key words: subject of science, criminal procedure activity, level of philosophical knowledge, spirituality, morality, purpose of criminal proceedings.

В настоящей статье мы исходим из того, что уголовно-процессуальная деятельность является предметом науки уголовного процесса [1, с. 18]. Отнесение уголовно-процессуальной деятельности к предмету науки уголовного процесса позволяет нам вести речь о том, что она выступает в качестве элемента методологического мышления в уголовно-процессуальной сфере. Ретроспективно это мышление вырастает из философского знания. Философское знание – это знание о жизни в целом. В своей совокупности они образуют своеобразную программу надбиологического регулирования общества (общности). В этом смысле система философского знания выступает в роли «двуликого Януса».

Один лик философского знания обращен к метафизике, которая представляет собой «философское учение о сверхопытных началах и законах бытия вообще или какого-либо типа бытия» [2, с. 325]. В роли этих сверхопытных начал и законов бытия выступает ментальность. Ментальность – это «образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы» [3, с. 263]. В своей совокупности эти образы

мышления формируют ментальную модель мышления. Образы мышления при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности являются глубоко укоренившимися идеями. На уровне целого на это обстоятельство указывают специалисты по системному подходу Джозеф О'Коннор и Иан Макдермот. Так, они пишут: «Любую нашу деятельность направляют глубоко укоренившиеся идеи, стратегии, способы понимания и руководящие идеи. В литературе по системному мышлению они известны как ментальные модели» [4, с. 81].

Источником ментальных моделей «служат отчасти общественные нравы, отчасти культура, а отчасти – идеи взрослых людей, оказывающих на нас влияние в детстве» [4, с. 83]. И, быть может, самое главное то, что ментальные модели придают смысл деятельности, включая и ту ее часть, которая имеет отношение к уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, на метафизическом уровне философского знания определяется смысл уголовно-процессуальной деятельности.

Однако определением смысла метафизический уровень философского знания не ограни-

чивается. На этом уровне философского знания формируется основа для методологического мышления, а также методов и принципов уголовно-процессуальной деятельности. В науковедении ее описывают так: «...когда и эта часть мышления, относимая ранее к философии, начинает строиться по принципам научного мышления, методология начинает отпочковываться от философии и превращается в особую организованность» [5, с. 58–59].

Метафизический уровень философского знания является фундаментальным началом уголовно-процессуальной деятельности. Он воплощается в уголовно-процессуальной деятельности посредством системы мировоззренческих идей. Составным компонентом этой системы мировоззренческих идей являются принципы уголовного процесса. В.Т. Томин пишет: «...принцип отечественного уголовного процесса – это ограниченная для отечественного мировоззрения, его традиций и прогнозируемого будущего идея максимальной для такого исследования объекта, как отечественный уголовный процесс, степени общности, проведенная в совокупности действующих в отечественном судопроизводстве уголовно-процессуальных норм и в практике их применения» [6, с. 117].

Принципы уголовного процесса представляют собой совокупность духовных ценностей [7, с. 12], которые позволяют субъектам ориентироваться в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Такая роль принципов уголовного процесса объясняется тем, что они, с одной стороны, являются методологией уголовно-процессуальной деятельности, а с другой – детерминантой и условием ее развертывания.

Перейдем к рассмотрению второго лика философского знания. Он образует философскую основу для методологического мышления. Он связан с наукой (научной деятельностью) и направлен непосредственно на разработку теорий, концепций и теоретических моделей уголовно-процессуальной деятельности. Например, гносеологическое мышление выступает в качестве основы философского знания. На основе этого гносеологического знания формируется аналитический метод познания, а в последующем уже на его началах исследователи формулируют различные теории уголовного процесса, включая и либеральную теорию уголовного процесса, которая ныне воплощена в УПК РФ.

Будучи предметом юридической науки, уголовно-процессуальная деятельность одновременно выступает и в качестве основного начала научного творчества в исследуемой сфере. В

этом смысле вся уголовно-процессуальная наука предстает как огромная исследовательская программа, опирающаяся на «метафизические принципы» [8, с. 461], одним из которых является уголовно-процессуальная деятельность. Уголовно-процессуальная деятельность обеспечивает взаимосвязь субъектов уголовно-процессуальной деятельности с социокультурной системой российского общества (народа). С позиции методологии науки эту ситуацию Г.П. Щедровицкий описывает так: «Ведь если я утверждаю, что существует деятельность, а все остальное есть не что иное, как ее отображение или организованность деятельности, если я это делаю, то для меня и знание есть организованная деятельность, некоторая вещь, создаваемая деятельностью, и, следовательно, деятельность первична: она создает мир, а не знание» [5, с. 44].

Уголовно-процессуальная деятельность не только является ориентиром в научных исследованиях, но и обеспечивает связь между своими субъектами и целями. В свое время Г.П. Щедровицкий отмечал, что если «сказать представителям традиционных гуманитарных наук, что деятельность не есть процесс, – это значит вызвать бурю гнева и непонимания. Все привыкли к тому, что деятельность – процесс. Мы же говорим, что деятельность есть структура, состоящая из разнородных элементов» [9, с. 262]. Наряду с процессом, в систему деятельности входит цель.

Целью уголовного процесса как деятельности является «реализация уголовного закона, и тем самым – выполнение задач, стоящих перед уголовным законом» [10, с. 5–6]. В таком представлении цель уголовно-процессуальной деятельности обеспечивает связь между уголовно-процессуальным законом и уголовным законом. На уровне теории права Г.В. Мальцев подобную связь определяет следующим образом: «В большинстве случаев законодатель, устанавливая норму права, просто-напросто инкорпорирует цель в соответствующее правило поведения», при этом «инкорпорированная в норму цель не перестает быть целью, не утрачивает свойства регулятора» [11, с. 694, 698]. И далее: «Норма-цель, как и норма – правило поведения, регулирует поведение человека и социальных групп, она также обращена к поступку или деятельности, но ее своеобразие выражается в том, что она предусматривает не указание относительно того, как нужно себя вести, но требование обязательного результата действия» [11, с. 707].

Цель является не единственной связью, свойственной уголовно-процессуальной деятельности. Цель уголовно-процессуальной деятельности является одним из компонентов системы связей уголовно-процессуальной деятельности. Например, нравственность и духовность российского народа обеспечивают связь уголовно-процессуальной деятельности с собственной социокультурной системой. По этому поводу Н.В. Агутина пишет: «Если же мы будем выстраивать основные направления уголовно-процессуальной деятельности вне специфики российской духовности, то эти наши искусственные конструкты будут вступать прямо или опосредованно в противоречие с тем, что собственно называется “жизнь”» [12, с. 97].

Связи являются такими же компонентами, как и другие элементы уголовно-процессуальной деятельности. Их предназначение [13, с. 139] состоит в том, «чтобы скрепить, связать, стянуть

части, полученные при разложении» [14, с. 251], выступая в качестве своеобразной точки приложения. В науковедении этой точке приложения дано наименование «принцип рычага». Его суть достаточно проста. «Представьте себе систему, построенную по принципу паутины, – отмечают Джозев О’Коннор и Иан Макдермотт, – с большим количеством связей между узлами. Допустим, вам нужно изменить положение одного элемента или узла. Если прямо на него надавить, он окажет сопротивление, вернее, вся система воспротивится. Но, удалив небольшое звено где-то в другом месте, можно высвободить интересующий вас элемент, как если бы вы развязали нужный узел в запутанном клубке ниток» [4, с. 42–43]. В контексте настоящей статьи таким искомым узелком являются мировоззренческие идеи, воплощенные в уголовно-процессуальной деятельности.

1. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. *Уголовный процесс: учеб.* М., 2005.

2. *Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп.* М., 2001.

3. *Философский энциклопедический словарь.* М., 2003.

4. О’Коннор Д. *Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем: пер. с англ.* М., 2006.

5. Щедровицкий Г.П. *Знак и деятельность: в 3 кн.* М., 2005. Кн. 1.

6. Томин В.Т. *Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики.* М., 2009.

7. Агутин А.В. *Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук.* Н. Новгород, 2005.

8. Лакатос И. *История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В.Ю. Кузнецов.* М., 2003.

9. Щедровицкий Г.П. *Философия. Наука. Методология / ред-сост. А.А. Пископпель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий.* М., 1997.

10. Гуляев А.П. *Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь.* 2012. № 16.

11. Мальцев Г.В. *Социальное основание права.* М., 2007.

12. Агутина Н.В. *Место и роль российской (советской) духовности в формировании принципов отечественного уголовного судопроизводства*

1. Grigorjev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. *Criminal procedure: textbook.* Moscow, 2005.

2. *Philosophical dictionary / ed. by I.T. Frolov. 7th ed., rev. and add.* Moscow, 2001.

3. *Encyclopedic dictionary of philosophy.* Moscow, 2003.

4. O’Connor D. *Art systems thinking: Essential knowledge about systems and creative approach to solving problems: transl. from English.* Moscow, 2006.

5. Shchedrovitsky G.P. *Sign and operation: in 3 b.* Moscow, 2005. B. 1.

6. Tomlin V.T. *Criminal procedure: actual problems of theory and practice.* Moscow, 2009.

7. Agutin A.V. *Worldview ideas in criminal procedure proving: auth. abstr. ... Dr of Law.* Nizhny Novgorod, 2005.

8. Lakatos I. *The history of science and its rational reconstruction // Kuhn T. The structure of scientific revolutions / transl. from English; comp. V.Yu. Kuznetsov.* Moscow, 2003.

9. Shchedrovitsky G.P. *Philosophy. Science. Methodology / ed.-comp. A.A. Piskoppel, V.R. Rokityansky, L.P. Shchedrovitsky.* Moscow, 1997.

10. Gulyaev A.P. *Goals, objectives and principles as fundamental points of criminal procedural law: under the law, the theory and practice // Russian investigator.* 2012. № 16.

11. Maltsev G.V. *Social basis of law.* Moscow, 2007.

12. Agutina N.V. *The place and role of the Russian (Soviet) spirituality in forming the principles of domestic criminal proceedings // Ideological and moral principles of the criminal process: proc. of the Intern. sci.-pract. conf.* Moscow, 2009.

производства // *Идейные и нравственные начала уголовного процесса: материалы междунар. науч.-практ. конф.* М., 2009.

13. Щедровицкий Г.П. *Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах: курс лекций // Из архива Г.П. Щедровицкого.* М., 1999. Т. 3.

14. Щедровицкий Г.П. *Избранные труды.* М., 1995.

13. Shchedrovitsky G.P. *Beginning of a systematic structural research of relationships in small groups: course of lectures // From the archive of G.P. Schedrovitsky.* Moscow, 1999. Vol. 3.

14. Shchedrovitsky G.P. *Selected works.* Moscow, 1995.

Башинская Инна Геннадьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru)

Процессуальные полномочия руководителя следственного органа в ходе реформирования досудебного производства

В статье проведен юридический анализ норм УПК РФ, регулирующих процессуальные полномочия руководителя следственного органа. Рассмотрены различные мнения ученых о понятии уголовно-процессуального статуса данного участника уголовного судопроизводства в рамках реформирования порядка досудебного производства.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, досудебное производство, процессуальное полномочие, право, обязанность, классификация процессуальных полномочий.

I.G. Bashinskaya, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru

Procedural powers of the head of investigative body in the course of reforming the pre-trial proceedings

The article provides a legal analysis of the Criminal procedural code of the Russian Federation rules governing procedural powers of the head of investigative body. Different views of scientists about the concept of criminal procedural status of this party to the criminal proceedings in the reform of the order of pre-trial proceedings are considered.

Key words: head of investigative body, pre-trial proceedings, procedural power, right, duty, classification of procedural powers.

Принятие Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» [1] ознаменовало очередной этап реформирования досудебного производства и внесло определенные коррективы в процессуальный статус начальника следственного отдела. Во-первых, данная процессуальная фигура стала именоваться «руководитель следственного органа». Во-вторых, изменения связаны и с расширением объема процессуальных полномочий. В частности, он наделен новыми правами, такими как отмена решений следователя, возвращение дела для дополнительного расследования, дача согласия следователю на возбуждение ходатайства перед судом о производстве определенных следственных действий и др.

Подобные нововведения вызвали самую острую полемику среди ученых и практических работников в сфере уголовного судопроизводства. Так, Б.Я. Гаврилов полагает, что в

результате указанных изменений обеспечена процессуальная независимость следственных органов от процессуального руководства прокуратуры, что является важным шагом к созданию единого независимого органа расследования [2, с. 35].

Противники данной позиции считают, что прокурор практически лишен возможности реализации надзорных полномочий за предварительным следствием, т.к. не обладает властно-распорядительными средствами как на следователя, нарушающего уголовно-процессуальный закон, так и на непосредственного его руководителя, который действует солидарно со следователем [3, с. 49].

Следует отметить, что некоторые изменения, связанные с процессуальными полномочиями прокурора, были внесены Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» [4] в связи с созданием независимого Следственного коми-

тета РФ. Прокурор уполномочен истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (п. 1–5 ч. 2 ст. 37 и др.) [5].

Таким образом, названные проблемы нуждаются в юридическом анализе норм УПК РФ, регулирующих процессуальный статус одного из участников уголовного судопроизводства – руководителя следственного органа.

Единое доктринальное понятие уголовно-процессуального статуса руководителя следственного органа в юридической литературе отсутствует. Можно привести одно из них, которое определяет его как регулируемое исключительно нормами УПК РФ положение руководителя следственного органа, включающее в себя его процессуальные права, обязанности и подконтрольность руководителю вышестоящего следственного органа [6, с. 17].

Следует обратить внимание на то, что в науке традиционно в понятие «полномочие» включают не только права, но и обязанности [7]. Законодатель, наряду с термином «полномочия», использует понятие «право». Этимологически эти слова близки: полномочие – это предоставленное кому-нибудь право какой-нибудь деятельности; право – совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе [8]. Таким образом, по содержанию их следует рассматривать как тождественные. Слово «обязанность» толкуется как круг действий, возложенных на кого-нибудь и безусловных для исполнения [8]. С лексической точки зрения сложно включить в содержание слова «полномочие» обязанности, но с юридической отдельные нормы о предоставлении процессуальных прав являются императивными и предполагают обязательные правила выполнения определенных процессуальных действий.

На протяжении длительного времени достаточно дискуссионным является и вопрос классификации процессуальных полномочий руководителя следственного органа. Остановимся лишь на некоторых из них, предлагаемых на основе новелл уголовно-процессуального законодательства.

Прежде всего, следует обратиться к тем классификациям, которые проводятся в зависимости от выполняемых руководителем след-

ственного органа функций. Под процессуальной функцией обычно понимают направление деятельности участников уголовного судопроизводства, осуществляемой в соответствии с их задачами, а также собственными целями и интересами [9, с. 15].

В литературе встречается мнение, что нормы УПК РФ закрепляют полномочия руководителя следственного органа, относящиеся не только к функции процессуального контроля и руководства следственным подразделением, но и к информационной (п. 1 ч. 3 ст. 39 УПК РФ), организационной (п. 1 ч. 1 ст. 39, ч. 2 ст. 163, ч. 3 ст. 144 УПК РФ), регулирующей (п. 2 ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Все нормы, содержащиеся в УПК РФ, представляют собой сплав процессуальных и управленческих компонентов [10, с. 16].

Н.А. Моругина выделяет функцию обвинения, которая по своей сути не выражает сущность процессуального положения руководителя следственного органа, а является отдельным направлением его деятельности. Второй функцией является процессуальное руководство деятельностью следователя, т.е. координация действий, направление расследования в целом. Следующая функция руководителя следственного органа – контроль за процессуальной деятельностью следователя (проверка и оценка доказательств, собранных следователем, выявление и устранение допущенных нарушений). И наконец, последней является функция уголовного преследования. К ней автор относит деятельность руководителя следственного органа в каждом случае обнаружения признаков преступления (после установления события преступления), избличения лиц, виновных в совершении преступления, после принятия уголовного дела к своему производству [11, с. 15].

В зависимости от названных функций производится деление полномочий руководителя следственного органа следующим образом: полномочия по осуществлению руководства за расследованием преступления в ходе досудебного производства; полномочия по осуществлению контроля за законностью принимаемых следователем решений; полномочия по осуществлению уголовного преследования, реализуемые в ходе собственного исполнения процессуальных действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела, а также в ходе выполнения процессуальных действий и решений, реализуемых в процессе привлечения соответствующего лица в качестве обвиняемого [11, с. 16].

Е.А. Новиков в своем диссертационном исследовании рассматривает функцию руководителя следственного органа в качестве общего понятия по отношению к «полномочию». Через конкретные полномочия руководитель следственного органа выполняет свойственные ему функции. Одной из них является процессуальный контроль (выявление и устранение допущенных нарушений). Вторая функция связана с предварительным расследованием, т.е. опосредованное уголовное преследование до момента появления подозреваемого, обвиняемого в случаях принятия уголовного дела к своему производству. Третья функция – это законное и обоснованное обвинение, т.е. уголовное преследование в узком смысле после появления обвиняемого, подозреваемого в случаях принятия уголовного дела к своему производству. При этом первая функция является основной, а две последующие – дополнительными [12, с. 52, 71, 78].

Классификацию процессуальных полномочий Е.А. Новиков проводит по самым различным критериям. Например, в качестве оснований деления полномочий руководителя следственного органа он называет способ закрепления их в УПК РФ. Это полномочия, которые закреплены в уголовно-процессуальных нормах в виде предписаний, устанавливающих право либо обязанность руководителя следственного органа осуществлять определенные процессуальные действия (ст. 39, ч. 3 ст. 144, ст. 162, ч. 2 ст. 163 УПК РФ и др.). Помимо этого к ним относятся полномочия руководителя следственного органа, которые обнаруживаются путем толкования отдельных норм УПК РФ, например полномочия поручать следователю проверку сообщения о преступлении [12, с. 82].

О.В. Колесников в своем диссертационном исследовании процессуальные полномочия руководителя следственного органа делит на три группы, которые положены в основу деления главы на параграфы. Первые две группы связаны с его процессуальным руководством: 1) проверкой сообщения о преступлении и производством предварительного следствия по уголовному делу, которое осуществляется отдельным следователем; 2) предварительным следствием по всем уголовным делам. Третья

группа – процессуальный контроль за применением следователем уголовно-процессуального принуждения (дача согласия следователю на возбуждение ходатайства об избрании, продлении, отмене либо изменении меры пресечения, на производство иного следственного действия, которое осуществляется на основе судебного решения) [13, с. 10].

Т.Ю. Попова выделяет следующие полномочия руководителя следственного органа:

процессуальное руководство деятельностью следователей;

процессуальный контроль за расследованием уголовных дел следователями;

процессуально-организационное руководство деятельностью следственного подразделения;

дача согласия на производство процессуальных действий, так называемые «разрешительные» полномочия;

полномочия, имеющие надзорный характер; личное осуществление уголовного преследования;

собственно организация работы следственного подразделения, которая не имеет процессуального характера и регулируется ведомственными нормативными актами [6, с. 19].

Полагаем, что выделение таких процессуальных полномочий, как процессуально-организационное руководство деятельностью следователей и организация работы следственного подразделения, выглядит несколько излишним. На наш взгляд, исследуемые в настоящей научной статье процессуальные полномочия следует рассматривать как регламентированную нормами УПК РФ деятельность руководителя следственного органа по реализации процессуальных прав и исполнению процессуальных обязанностей. Наиболее точной выглядит их классификация, предлагаемая Н.А. Моружиной, но хотелось бы ее немного скорректировать и выделить следующие процессуальные полномочия руководителя следственного органа: процессуальное руководство деятельностью следователей, процессуальный контроль за их деятельностью, осуществление уголовного преследования, процессуальные полномочия по надзору (рассмотрение жалоб на действия следователя).

1. Собр. законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

2. Гаврилов Б.Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 24. Art. 2830.

2. Gavrilov B.Ya. Redistribution procedural and supervisory powers between the prosecutor and the head of the investigative body: objective

органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4.

3. Соловьев А.Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса прокурора // Уголовное судопроизводство. 2007. № 3.

4. Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

5. Там же. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921; 2013. № 48. Ст. 4078.

6. Попова Т.Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

7. Кочекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Polnomochie-24792/> (дата обращения: 02.12.2013).

9. Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя. М., 1980.

10. Василенко Л.А. Организация работы руководителя следственного подразделения в системе органов внутренних дел. Краснодар, 2014.

11. Моругина Н.А. Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

12. Новиков Е.А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

13. Колесников О.В. Руководитель следственного органа в системе МВД России как участник уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.

necessity or voluntarism in law? // Criminal justice. 2009. № 4.

3. Solovyov A.B. The problem of ensuring legality in the preliminary investigation in connection with a change in the procedural status of the prosecutor // Criminal justice. 2007. № 3.

4. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 16.

5. Ibid. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4921; 2013. № 48. Art. 4078.

6. Popova T.Yu. Criminal procedural status of the head of the investigative body: auth. abstr. ... Master of Law. Chelyabinsk, 2012.

7. Kochekyan S.F. Law relations in a socialist society. Moscow, 1958.

8. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary [Electronic resource]. URL: <http://enc-dic.com/ozhegov/Polnomochie-24792/> (address date: 02.12.2013).

9. Yakubovich N.A. Procedural functions of investigator. Moscow, 1980.

10. Vasilenko L.A. Organization of the work of the head of the investigative unit in the system of internal affairs. Krasnodar, 2014.

11. Morugina N.A. Head of the investigative body as a party in criminal proceedings for the prosecution: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2010.

12. Novikov E.A. Head of the investigative body in the Russian criminal trial: diss. ... Master of Law. Moscow, 2009.

13. Kolesnikov O.V. Head of the investigative body in the system of the Ministry of the Interior of Russia as a party in criminal proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2011.

Стуконог Игорь Валериевич
прокурор г. Армавира
(тел.: +79184403723)

Соблюдение разумных сроков на стадии возбуждения уголовного дела

Автор анализирует сроки, существующие на стадии возбуждения уголовного дела, определяет моменты начала их течения, продления и окончания. В статье высказываются предложения, которые могут сократить сроки доследственных проверок и производства по уголовному делу и позволят облегчить доступ граждан к правосудию, дополнительно обеспечат их права на участие в досудебном производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: прокурор, возбуждение уголовного дела, разумный срок, досудебные стадии, уголовное судопроизводство.

I.V. Stukonog, Public Prosecutor of Armavir; tel.: +79184403723.

Keeping reasonable terms at the stage of initiation of criminal proceedings

The author analyzes the existing terms at the stage of initiation of criminal proceedings, determines the moments of the beginning of their course, extension and termination. The article gives suggestions, which can reduce the time of pre-investigation inspections and criminal proceedings and will facilitate citizens' access to justice, in addition, will provide them with their rights to participate in pre-trial proceedings in the criminal case.

Key words: public prosecutor, initiation of criminal proceedings, reasonable term, pre-trial stages, criminal legal proceedings.

Теория отечественного уголовно-процессуального права определяет возбуждение уголовного дела в качестве первой (начальной) стадии уголовного процесса, которая является отправной точкой для всего комплекса процессуальных мер, реализуемых в ходе производства по уголовному делу, на ней «соответствующим органам и должностным лицам надлежит решить вопрос о начале предварительного расследования...» [1, с. 293] либо об отсутствии оснований для его производства.

Следует согласиться с позицией Н.П. Фролкина и И.В. Шульгина, считающих, что правовое значение стадии возбуждения уголовного дела велико, поскольку обоснованное и своевременное принятие решения о возбуждении уголовного дела обеспечивает быстрое и полное раскрытие преступления, создает условия для того, чтобы виновный в его совершении был своевременно привлечен к уголовной ответственности и подвергнут справедливому наказанию [2, с. 18]. Заслуживает внимания и мнение ряда ученых о том, что стадия возбуждения уголовного дела, включающая этап проверки сообщения о преступлении, позволяет сократить сроки расследования [3, с. 64].

Анализ ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)

дает возможность определить на этом этапе комплекс последовательных действий и принимаемых уполномоченными субъектами решений, а именно: а) принятие сообщения о преступлении; б) проверку этого сообщения; в) принятие по нему решения в установленный срок со дня поступления указанного сообщения [4].

Верным видится мнение ряда ученых о том, что для стадии возбуждения уголовного дела характерно наличие четких пределов (начало и окончание) [2, с. 64]. Данная стадия начинается с приема сообщения о преступлении и заканчивается вынесением соответствующего решения (совпадает с вынесением постановления). На примере органов внутренних дел, которые разрешают основную массу сообщений о преступлениях и правонарушениях, важно понимать, что в соответствии с Административным регламентом, утвержденным приказом МВД России, основанием для начала процедуры является поступление заявления (сообщения) о преступлении, об административном правонарушении и о происшествии в территориальный орган МВД России или уполномоченным сотрудникам органов внутренних дел [5, п. 47]. Заявления о преступлении, поступившие в подразделение делопроизводства территориального органа МВД России по почте, по телеграфу, информационным системам общего

пользования, факсимильной связью или иным видом связи, регистрируются по правилам делопроизводства и направляются руководителем территориального органа МВД России в дежурную часть территориального органа для незамедлительной регистрации [5, п. 49].

По уголовным делам частного обвинения законодатель не установил определенных пределов и сроков продолжительности стадии возбуждения уголовного дела. Исходя из предписаний, закрепленных в ч. 7 ст. 318 УПК РФ, началом стадии возбуждения уголовного дела следует считать момент принятия судом заявления к своему производству, о чем выносится постановление. Определяя продолжительность стадии возбуждения уголовного дела, необходимо учитывать, что при наличии оснований для назначения судебного заседания мировой судья должен в течение 7 суток со дня поступления заявления в суд выполнить ряд процессуальных действий, обеспечивающих производство судебного разбирательства по делу, что позволяет именно этот срок определить как продолжительность стадии возбуждения уголовного дела частного обвинения [2, с. 11–12].

Временные рамки этой стадии уголовного процесса довольно подробно и жестко регламентированы законом. Так, ч. 1 ст. 144 УПК РФ обязывает уполномоченное должностное лицо принять решение по сообщению о преступлении в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При этом руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству следователя, дознавателя продлить указанный срок до 10 суток. При необходимости выполнения сложных проверочных действий (таких, как производство документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий) руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток. При перечислении возможных проверочных действий законодатель указывает, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, в том числе, вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок.

Часть 4 ст. 146 УПК РФ требует, чтобы копия постановления о возбуждении уголовного дела незамедлительно была направлена прокурору.

Последний, если признает постановление незаконным или необоснованным, вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, отменить это решение, о чем выносит мотивированное постановление, копию которого незамедлительно направляет должностному лицу, возбудившему уголовное дело. О принятом решении уполномоченным лицом незамедлительно уведомляется заявитель, а также лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Регламентирует законодатель процессуальные сроки и в случае отказа в возбуждении уголовного дела – копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. Признав постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения. Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа. Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, соответствующий руководитель следственного органа отменяет его и возбуждает уголовное дело либо направляет материалы для дополнительной проверки со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения.

Таким образом, законодатель при установлении временных рамок совершения процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела использовал в четырех случаях сроки, исчисляемые в сутках: не позднее 3 суток (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), до 10 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), не позднее 5 суток (ч. 6 ст. 148 УПК РФ); в двух случаях сроки исчислены в часах: не позднее 24 часов (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), в течение 24 часов (ч. 4 ст. 148 УПК РФ); один раз сделана ссылка на разумный срок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

в четырех случаях содержатся требования о незамедлительности совершения действий (трижды в ч. 4 ст. 146, один раз в ч. 6 ст. 148 УПК РФ); в двух случаях установление конкретных сроков поручается должностным лицам (ч. 6 ст. 148 УПК РФ).

Складывающаяся практика позволяет говорить о том, что, несмотря на такое разнобразное определение процессуальных сроков на стадии возбуждения уголовного дела, правоприменители сталкиваются с определенными проблемами, которые следует рассмотреть более подробно.

Во-первых, законодатель не определил срок дополнительной проверки сообщения о преступлении после отмены решения об отказе в возбуждении уголовного дела. А.В. Петров объясняет это либо технической неточностью законодателя, либо одним из проявлений тенденции к допущению законодателем активного применения на практике аналогии в уголовном процессе, в этом случае – с положением ч. 4 ст. 146 УПК [6, с. 21] (т.е. предлагает использовать по аналогии существующую на тот момент норму статьи в редакции Федерального закона от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ, позволяющую прокурору в случае несогласия с возбуждением уголовного дела возвращать материалы для дополнительной проверки, которая должна быть проведена в срок не более 5 суток). Сегодня такой нормы нет. Поэтому прокурору в случае отмены решения об отказе в возбуждении уголовного дела очень важно устанавливать в своем постановлении обоснованный срок дополнительной проверки. Мы согласны с мнением А.В. Петрова, что срок должен быть таким, чтобы он позволял привести решение в соответствие с законом [6, с. 21]. Считаем, что не будет нарушением применение все той же аналогии закона, если срок дополнительной проверки будет продлеваться, в том числе и до 30 суток в соответствии с правилами ч. 3 ст. 144 УПК РФ, но обязательно при условии, что в ходе дополнительной проверки возникает необходимость выполнения указанных в этой норме процессуальных и следственных действий.

Следующая проблема – это введение строгих сроков проверки прокурором законности и обоснованности процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных руководителями следственных органов и следователями. В практической деятельности срок, исчисляемый 5 сутками с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении, является чрезмерно кратким. В результате больших объемов принимаемых

следователями различных органов решений об отказе в возбуждении уголовного дела небольшой численный состав горрайпрокуратур с трудом укладывается в такой срок и обеспечивает качественную проверку законности и обоснованности процессуальных решений [6, с. 18]. Считаем целесообразным внести изменения в УПК РФ и не ограничивать прокурора временными рамками при решении вопроса об отмене незаконного решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела.

Конечно, всем известны проблемы так называемых неоднократных отмен решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Причиной возникновения таких ситуаций, наряду с банальной волокитой со стороны уполномоченного на принятие процессуального решения лица, могут быть и объективные сложности проверки: незавершение ревизии или экспертизы, невозможность проведения тех или иных исследований, без результатов которых невозможно принятие законного решения, невозможность опроса лиц, объяснения которых напрямую определяют наличие или отсутствие данных, указывающих на признаки преступления, и др. В качестве примера приведем следующий.

Так, в ОВД по Московскому району г. Калининграда с июня 2007 г. по май 2010 г. проводилась проверка по заявлению Б. о противоправных действиях председателя гаражного общества «Ока-2» Т., выразившихся в необоснованном взыскании членских взносов и мошенничестве, связанном с завладением 5000 руб. По материалам проверки органом дознания более 8 раз принимались незаконные решения об отказе в возбуждении уголовного дела [7, с. 49].

Вместе с тем, на практике порой возникают и другие сложные вопросы. Как быть, если все предусмотренные сроки для доследственной проверки истекли (все 30 суток), а ревизия, без выводов которой невозможно возбуждение уголовного дела, например, по факту совершения экономического преступления, не окончена? Законодатель умалчивает о подобных случаях, не предлагая никакого механизма разрешения данной проблемы.

Сегодня отдельные работники правоохранительных органов нашли выход, отказывая в возбуждении уголовного дела в таких случаях и ссылаясь в решении на неоконченную ревизию (не полученные по запросу документы, неоконченную оценку ущерба и т.д.), одновременно направляя материал прокурору с ходатайством об отмене решения. Прокурор, по-

лучив такой материал, вынужден согласиться с доводами ходатайства и, как правило, удовлетворяет его и отменяет решение, возвращая материал для производства дополнительной проверки. Таким образом, срок проверки искусственно продлевается. В отдельных случаях сроки проверки растягиваются на многие месяцы, а иногда и перешагивают годовой рубеж.

Считаем такие ситуации недопустимыми. Во-первых, установленный ч. 3 ст. 144 УПК РФ 30-суточный срок доследственной проверки является пресекательным, т.е. по его истечении должно быть принято одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ. Опять же в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона это решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Законодатель прямо не позволяет в этом случае принимать так называемые «промежуточные» или «временные» решения. Кроме того, ч. 2 ст. 140 УПК РФ указывает, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (не обязательно установить все признаки преступления). Поэтому уполномоченное лицо по окончании проверки сообщения о преступлении должно дать оценку совокупности полученных данных и принять соответствующее решение. В дальнейшем уже при расследовании уголовного дела получают результаты ревизии, которые могут вызвать необходимость производства экспертизы и т.д. Наконец, не каждое возбужденное уголовное дело сегодня направляется в суд, при получении достоверных сведений об отсутствии состава преступления по результатам предварительного расследования может быть принято решение о прекращении уголовного дела. Иное понимание сути стадии возбуждения уголовного дела размывает грань между ней и стадией предварительного расследования.

Такие ситуации однозначно подпадают под случаи, которые затрудняют доступ граждан к правосудию, ограничивают их права на участие в досудебном производстве по уголовному делу, создают препятствия для дальнейшего

обращения за судебной защитой нарушенного права.

Считаем, что решить эту назревшую проблему можно следующим образом. Выражаем согласие с С.А. Грачевым и К.С. Частновым, которые предлагают закрепить в УПК РФ возможность проведения проверки сообщения о преступлении в разумный срок [8, с. 31].

Сегодня известна отправная точка, взятая законодателем для отсчета разумного срока, – начало осуществления уголовного преследования. Однако, определяя разумность срока, нельзя упускать такой важный этап, как проверка сообщения о преступлении, которая не является формально стадией уголовного судопроизводства, но по ее результатам принимается решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством. Нарушения на этом этапе напрямую затрагивают право пострадавших от преступления (а порой и иных лиц) на своевременный доступ к правосудию и являются одними из самых распространенных. К сожалению, в настоящий момент распространена негативная практика неоднократных отказов в возбуждении уголовного дела после отмен прокурором или руководителем следственного органа таких необоснованных решений. Прокурор же, обязанный осуществлять от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, действующим законодательством лишен возможности возбуждения уголовного дела, в связи с чем реагирует на выявляемые нарушения иным способом (отменяя незаконное решение и назначая дополнительную проверку, внося требование, представление и т.д.).

Кроме того, следует вернуть прокурору полномочия по возбуждению уголовного дела в случае отмены им незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо предусмотреть обязательность исполнения таких указаний о возбуждении дела органами следствия и дознания.

1. *Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. В.И. Радченко. М., 2003.*

2. *Фролкин Н.П., Шульгин И.В. Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве. М., 2011.*

3. *Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2003. № 8.*

1. *Criminal procedure: textbook / gen. ed. by V.I. Radchenko. Moscow, 2003.*

2. *Frolkin N.P., Shulgin I.V. Stage of initiation of criminal case in the criminal legal proceedings. Moscow, 2011.*

3. *Petruhin I.L. Initiation of criminal case on the current Criminal procedure code // State and law. 2003. № 8.*

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // СПС «Консультант-Плюс».

5. Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: утв. приказом МВД России от 1 марта 2012 г. № 140 // Рос. газ. 2012. 1 авг.

6. Петров А.В. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Законность. 2013. № 7. С. 16–21.

7. Ушаков А.Ю. О некоторых случаях, затрудняющих доступ граждан к правосудию в рамках стадии возбуждения уголовного дела // Юридический мир. 2012. № 10. С. 48–51.

8. Грачев С.А., Частнов К.С. О разумных сроках предварительной проверки сообщения об экономическом преступлении // Следователь. 2008. № 4. С. 30–31.

4. Criminal procedural code of the Russian Federation of Dec. 18, 2001 № 174-FL (in ed. of 28.12.2013) // HLS «ConsultantPlus».

5. Administrative regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to provide public services for reception, registration and settlement in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of statements, reports and other information about the crimes, the administrative offences, the incidents: ratified by the order of the Ministry of the Interior of Russia of March 1, 2012 № 140 // Rus. newsp. 2012. Aug. 1.

6. Petrov A.V. Supervision for the legality of the rejection to initiation of criminal case // Legality. 2013. № 7. P. 16–21.

7. Ushakov A.Yu. About some cases, making difficult the access of citizens to justice within the stage of initiation of criminal case // Juridical world. 2012. № 10. P. 48–51.

8. Grachev S.A., Chastnov K.S. About reasonable terms of preliminary inspection of information about economic crime // Investigator. 2008. № 4. P. 30–31.

Евсеенко Вероника Евгеньевна

ведущий консультант юридического управления
департамента имущественных отношений
Краснодарского края
(e-mail: veronaevs@mail.ru)

Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве

В статье представлен результат исследования законодательства Российской Федерации о правовом положении «священнослужителя» и его возможности дать свидетельские показания по уголовному делу. С учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ обосновывается, что священник православной церкви, изъявивший желание дать показания, может быть допрошен в качестве свидетеля по уголовному делу о тех обстоятельствах, которые стали ему известны на исповеди.

Ключевые слова: религиозный фактор, свобода совести, священнослужитель, тайна исповеди, свидетельский иммунитет, правовые позиции.

V.E. Evseenko, Senior Consultant of the Legal Department of Property Relations of Krasnodar Region; e-mail: veronaevs@mail.ru

The seal of confession in Russian criminal procedure

In the article the results of the study legislation of the Russian Federation on the legal status of priest and his ability to give evidence in a criminal case is given. Taking into consideration the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, it is stated that the Orthodox Church clergyman can be interrogated as a witness on the criminal case if he is willing to give his statements about those facts of the case which he learnt during the confession.

Key words: religious factor, liberty of conscience, clergyman, seal of confession, testimonial privilege, legal position.

Всплеск религиозной активности, появление в России многих ранее неизвестных конфессий, политизация деятельности отдельных религиозных объединений и рост межрелигиозных конфликтов обостряют интерес к таким понятиям, как «свобода совести», «светское государство», «священнослужитель», «тайна исповеди» и др.

Показателем значимости религиозного фактора в правовой сфере деятельности государства является рост судебной практики по делам профессиональных объединений. Речь идет об уголовных преступлениях по религиозным мотивам (случаи с так называемыми тоталитарными сектами), о спорах по поводу оскорбления религиозных чувств, о взаимных претензиях религиозных объединений (см., например: решение Ростовского областного суда по делу № 41-Г09-29 от 11 сентября 2009 г. «О ликвидации и признании экстремистской местной религиозной организации “Свидетелей Иеговы” “Таганрог”, запрете деятельности, осуществлении государственной регистрации в связи с ликвидацией, признании литературы экстремистским материалом и ее конфискации, включении в федеральный спи-

сок экстремистских материалов, обращении имущества в собственность Российской Федерации»; определение Верховного Суда РФ от 8 декабря 2009 г.; постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» по жалобе № 302/02 от 10 июня 2010 г.) [1].

Так, обращает на себя внимание уголовное дело по обвинению трех участниц панк-группы «Pussy Riot» в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 213 УК РФ «Хулиганство», совершенном 21 февраля 2012 г. в храме Христа Спасителя по мотивам религиозной ненависти и вражды.

Следует учитывать и пребывание на территории России зарубежных миссий, в значительной мере увеличивающих пестроту конфессиональной картины. Особенности современной правовой и религиозной ситуации, в частности активное проникновение в Россию сект, деятельность которых носит тоталитарный, деструктивный характер, вызывают обеспокоенность российской общественности, научных кругов, представителей правоохранительных органов.

Конституция РФ в качестве важнейших принципов провозгласила светский характер государства (ст. 14), отделение религиозных объединений от государства, равенство их перед законом, равенство граждан независимо от отношения к религии (ст. 19), гарантировала свободу совести и вероисповедания (ст. 28), свободу деятельности общественных объединений (ст. 30), государственную защиту прав и свобод.

В России сегодня не существует официальной статистики членства в религиозных организациях: закон запрещает требовать от граждан заявлений об их религиозной принадлежности. Поэтому о религиозности россиян и об их конфессиональной самоидентификации можно судить лишь по социологическим опросам населения. Результаты таких опросов весьма противоречивы.

Так, по данным Российского независимого института социальных и национальных проблем (2007 г.), верующими в Бога себя называют 47% респондентов. Из них почти половина никогда не открывала Библии, лишь 10% регулярно посещают церковь, соблюдают все обряды и ритуалы, а 43% ходят в церковь только по праздникам [2].

Всероссийский опрос, проведенный ВЦИОМ в марте 2010 г., показал, что население страны причисляет себя к следующим конфессиям: 1) православие – 75%; 2) ислам – 5%; 3) католицизм, протестантизм, иудаизм, буддизм – по 1%; 4) другие конфессии – около 1%; 5) неверующие – 8% [3].

По данным, опубликованным в журнале «Огонёк» в августе 2012 г., православными себя называют и причисляют к Российской православной церкви 58,8 млн россиян, что составляет 41% от всего населения, а не верят в бога 18,6 млн (13%). Очень велико число людей, верящих в какую-то высшую силу, но не относящих себя ни к одной из религий – 36 млн (25%) [4].

При этом необходимо учитывать, что Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с последующими изменениями и дополнениями) предусматривает создание религиозных объединений в двух формах: религиозных групп и религиозных организаций [5]. Отличительным признаком религиозной организации как вида религиозного объединения является регистрация ее в качестве юридического лица.

По информации, изложенной в докладе Министерства юстиции РФ «Об осуществлении Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля в сфере деятельно-

сти некоммерческих организаций и об эффективности такого контроля», по состоянию на 1 января 2012 г. в России зарегистрировано 24624 религиозных организации и 5 представительств иностранных религиозных организаций, открытых в Российской Федерации, что составляет 11% от величины всех зарегистрированных некоммерческих организаций [6].

По данным Управления Министерства юстиции по Краснодарскому краю, по состоянию на 1 июля 2012 г. на территории Краснодарского края зарегистрировано 724 религиозные организации по 32 вероисповеданиям [7].

Статистика незарегистрированных религиозных групп, действующих как на территории Краснодарского края, так и на территории России, по очевидным причинам отсутствует.

С учетом сложившейся неоднозначной ситуации при регулировании уголовно-процессуальных правоотношений между представителями религиозных объединений и компетентными государственными органами представляются интересными с теоретической точки зрения и значимыми для практики такие деликатные явления, как тайна исповеди и возможность допроса священнослужителя в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными на исповеди.

В соответствии с ч. 7 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» тайна исповеди охраняется законом, а священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди. Это требование конкретизировано в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно п. 4 ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) священнослужитель не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными на исповеди.

В силу указанных правовых предписаний священнослужитель обладает свидетельским иммунитетом, который может проявляться в двух формах – праве отказаться от дачи показаний и запрете допроса отдельных лиц об определенных обстоятельствах [8, с. 175].

Дополнительные гарантии тайны исповеди имеются во внутренних установлениях самих религиозных объединений и канонических нормах права, которые обязывают священнослужителей избегать действий, злоупотребляющих доверием, поскольку это несовместимо с их духовным статусом. Например, согласно Правилу 120 Номоканона при Третьем Вселенском соборе 1662 г. православный

священник не может нарушить тайну исповеди ни при каких обстоятельствах. За открытие греха исповедующегося духовного отца отстраняют на три года от служения, и каждый день он должен класть сто поклонов [9].

Канонические предписания католической церкви также содержат строгие правила по этому поводу. Так, каноны 983 и 984 Кодекса канонического права гласят, что «тайна исповеди нерушима; поэтому духовнику строжайшим образом запрещается выдавать кающегося словами или каким-либо иным способом, и по какой бы то ни было причине. Хранить тайну обязан и переводчик, если таковой наличествовал, и все прочие лица, тем или иным образом узнавшие о грехах из исповеди» [10].

Для практического применения положений п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ необходимо установить, кто относится к категории «священнослужители» и что означает понятие «обстоятельства, ставшие известными на исповеди».

Легального толкования термина «священнослужитель» не существует ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях». Применительно к православию священнослужители – степени служения высших клириков, отличные от степеней служения низших клириков или церковнослужителей. Для посвящения в священнослужители претенденты проходят через особое таинство – хиротонию (рукоположение, таинство священства). Основные степени православных священнослужителей:

- 1) низшая степень – диакон (протодиакон, архиерей; в монашестве – иеродиакон);
- 2) средняя (вторая) – пресвитер, или священник (протоиерей; в монашестве – иеромонах, игумен, архимандрит);
- 3) высшая – епископ (викарный епископ, правящий епископ, архиепископ, митрополит, экзарх, патриарх).

Священник – священнослужитель второй степени священства, совершающий по данной ему благодати все богослужения и таинства (за исключением хиротонии и освящения мира и антиминов) [11]. Священник находится в подчинении у архиерея, именуется еще иереем и пресвитером.

Таким образом, правом совершения таинства исповеди (речь идет о православии) обладают не все священнослужители, а лишь священники (иереи, пресвитеры) или архиереи.

Естественно, понимание под термином «священнослужитель» только священников (архиереев) противоречило бы ст. 28 Конституции РФ о свободе вероисповедания. С другой стороны, если расширительно толковать этот термин, то

можно предположить, что «священнослужитель» объединяет в себе духовных лиц любой религии. Более того, можно еще более широко толковать термин «священнослужитель» и понимать под ним не только «духовных лиц, наставников» религиозного объединения, но и вообще любого служителя религиозного культа.

Однако здесь существует еще одно обстоятельство: не все религиозные объединения имеют институт таинства исповеди как таковой. Исповедь как покаяние в грехах присутствует только в некоторых религиях – православии, католицизме и протестантизме. Признание в совершенном грехе и покаяние в разных религиях происходит по-разному, а в христианстве предполагается участие священника. В мире буддизма и ислама исповеди как таковой не существует. В исламе посредник между человеком и Аллахом не требуется, покаяние происходит в виде обрядов «тауба» и «истигфар», суть которых сводится к мольбе о прощении, обращенной непосредственно к Аллаху [12]. Иудейская же исповедь представляет собой так называемое «общинное признание в грехах».

Если религия не предполагает тайного обряда покаяния, то и скрывать священнослужителю нечего, и, следовательно, тайна исповеди в данной ситуации отсутствует. Однако об этом осведомлены далеко не все следователи, которые в своем большинстве полагают, что тайна исповеди присутствует во всех религиях, и не пытаются вызывать для участия в следственных действиях, в частности в допросах, священнослужителей.

Мы разделяем точку зрения А.В. Пчелинцева о том, что человек, приходя на исповедь, должен искренне раскаиваться в содеянном и с чистой совестью говорить об этом. Если же он, напротив, возвращает в себе грешные замыслы и, более того, ищет поддержки в своих намерениях у священника, то исповедью это таинство не являлось изначально [13, с. 38]. Другими словами, представляется, что если нет раскаяния – нет исповеди как таковой, нет тайны исповеди – нет свидетельского иммунитета священнослужителя.

Представляется, что для правильного применения положений п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ на практике необходимо учитывать следующие обстоятельства.

1. Является ли объединение граждан именно религиозным. В процессе проведения предварительного расследования могут возникнуть трудности, связанные с правомерностью отнесения того или объединения граждан к религиозному объединению. При наличии государственной регистрации религиозного объединения в

качестве юридического лица вопрос решен. При отсутствии такой регистрации (при этом представитель объединения при отказе от дачи показаний по уголовному делу ссылается на применение к нему п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ) необходимо определить, имеются ли в деятельности объединения все признаки, предусмотренные ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» для отнесения объединения к религиозному:

- 1) наличие вероисповедания (в виде определенного сформулированного вероучения);
- 2) совершение богослужения, религиозных обрядов и церемоний;
- 3) обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

В случае отсутствия в деятельности объединения граждан хотя бы одного из вышеперечисленных признаков объединение не может рассматриваться как религиозное, а следовательно, на «священнослужителей» такого объединения не будут распространяться предписания УПК РФ о свидетельском иммунитете.

2. Является ли конкретное лицо священнослужителем религиозного объединения. В случае, когда речь идет о Русской православной церкви (РПЦ), необходимо знать, наделен ли священнослужитель статусом священника для совершения таинства исповеди. При этом следует помнить, что трудовые договоры священники РПЦ с религиозной организацией, как правило, не заключают.

Религиозные организации обязаны иметь устав, который утверждается их учредителями или централизованной религиозной организацией. Лицам, осуществляющим предварительное расследование, необходимо знать, что в уставе религиозной организации обязательно указываются наименование, место нахождения, вид религиозной организации, вероисповедание и в случае принадлежности к существующей централизованной религиозной организации ее наименование; цели, задачи и основные формы деятельности; порядок создания и прекращения деятельности; структура организации, ее органы управления, порядок их формирования и компетенция; источники образования денежных средств и иного имущества организации.

В отношении религиозных групп дело обстоит сложнее, они освобождены от обязанности иметь устав, что, однако, не исключает наличия такового в соответствии с внутренними установлениями группы.

3. Каким образом священнослужителем получены сведения об обстоятельствах дела (на исповеди или в процессе иного действия,

например в обычной беседе). Другими словами, необходимо выяснить, когда, где и при каких обстоятельствах происходило общение между священнослужителем и лицом, подлежащим потенциальному допросу: именно в процессе исповеди или в иной ситуации.

В этой связи сразу возникает вопрос, где можно осуществлять таинство покаяния? Обязательно ли в церкви? Ведь священник приходит на исповедь к человеку и в места лишения свободы. Если человек болен, священник приходит к нему и исповедует его дома [14].

Этот вопрос представляется более урегулированным опять же только применительно к православной церкви. По информации, размещенной на официальном сайте протоиерея Собора во Имя Святой Живоначальной Троицы лейб-гвардии Измайловского полка г. Санкт-Петербурга К. Пархоменко, однажды он ехал в поезде, и один человек, узнав, что он священник, стал рыдать и просить принять у него исповедь. Священник исповедал его, а потом просто возложил руки на его голову, помолился и осенил голову крестным знаменем [15].

Основываясь на этом примере, делаем вывод о том, что православный священник может принимать исповедь не только в церкви. А вот в отношении священнослужителей иных религиозных объединений подобный вывод можно сделать только после изучения устава этих объединений, иных документов, на основании которых они осуществляют свою деятельность.

В соответствии с ч. 8 ст. 234 УПК РФ по ходатайству сторон в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом.

Рассматривая конституционность положений ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ Конституционный Суд РФ в постановлении от 29 июня 2004 г. указал, что применительно к уголовному судопроизводству свидетельский иммунитет, по смыслу ст. 51 Конституции РФ и конкретизирующих ее п. 40 ст. 5, ст. 56 и ч. 8 ст. 234 УПК РФ, не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации лицом, обладающим таким иммунитетом, права использовать известные ему сведения, в том числе в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов лиц, которых эти сведения непосредственно касаются.

Правовая позиция по вопросу о возможности допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, ранее уже была выражена Конституци-

онным Судом РФ в определении от 6 марта 2003 г. по жалобе гражданина Г.В. Цицкишвили, когда было признано допустимым при определенных обстоятельствах допрашивать лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Конституционный Суд РФ считает, что безусловный запрет допроса этих лиц во всяком случае приводил бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажал бы само существо данного права.

Из положений ч. 8 ст. 234 УПК РФ во взаимосвязи с п. 40 ст. 5, ст. 56, ч. 4 ст. 271 и ст. 278 УПК РФ не следует, что запрет обязывать лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, давать показания относительно обстоятельств досудебного производства исключает право такого лица дать соответствующие показания в случае, если оно согласно на это, при условии, что ему как свидетелю разъясняется возможность использования показаний в качестве доказательств по уголовному делу [16].

Основываясь на правовой позиции Конституционного Суда РФ, можно сделать вывод, что предписания ч. 8 ст. 234 УПК РФ не исключают производства допроса лиц, в том числе по ходатайству стороны защиты, обладающих

свидетельским иммунитетом, но при условии их согласия. С учетом выявленного конституционно-правового смысла положений УПК РФ свидетельский иммунитет священника (иерея, пресвитера) или архиерея следует определить как его право, а не обязанность отказаться от дачи показаний относительно обстоятельств, ставших ему известными на исповеди, а если он изъявит желание дать показания, то может быть допрошен в качестве свидетеля по уголовному делу.

Подытоживая изложенное, подчеркнем главное.

1. Исповедь как покаяние в грехах присутствует только в некоторых религиях – православии, католицизме и протестантизме. Правом совершения таинства исповеди, по канонам православной церкви, обладают не все священнослужители, а лишь священники (иереи, пресвитеры) или архиереи.

2. Основываясь на правовой позиции Конституционного Суда РФ и предписаниях УПК РФ по вопросу о свидетельском иммунитете, священник православной церкви, изъявивший желание дать показания, может быть допрошен в качестве свидетеля по уголовному делу о тех обстоятельствах, которые стали ему известны на исповеди.

1. URL: <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2923> (дата обращения: 10.11.2012).

2. Религия в цифрах и фактах. URL: http://statistika.ru/naselen/2007/12/05/naselen_9686.html (дата обращения: 18.11.2012).

3. «Верим ли мы в Бога?» // ВЦИОМ: Всероссийский Центр Изучения Общественного Мнения. Пресс-выпуск № 1461. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13365> (дата обращения: 20.11.2012).

4. «Выбор духа» // Огонек. 2012. № 34(5243). URL: <http://kommersant.ru/doc/2008980> (дата обращения: 18.11.2012).

5. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

6. Об осуществлении государственного контроля в сфере деятельности некоммерческих организаций и об эффективности такого контроля в 2012 году: доклад Министерства юстиции РФ. URL: http://www.minjust.ru/nko/kontrol/obschie_polojeniya?theme=minjust (дата обращения: 14.11.2012).

7. Сведения Управления Министерства юстиции РФ по Краснодарскому краю о государственной регистрации религиозных организаций. URL: http://www.minjustkuban.ru/img_lib/3_093_1206_1.xls (дата обращения: 14.11.2012).

1. URL: <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2923> (address date: 10.11.2012).

2. Religion in numbers and facts. URL: http://statistika.ru/naselen/2007/12/05/naselen_9686.html (address date: 18.11.2012).

3. «Do we believe in God?» // VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. Press-release № 1461. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13365> (address date: 20.11.2012).

4. «The spiritual choice» // Ogonyok. 2012. № 34(5243). URL: <http://kommersant.ru/doc/2008980> (address date: 18.11.2012).

5. About the liberty of conscience and religious associations: fed. law of Sept. 26, 1997 № 125-FL // HLS «ConsultantPlus».

6. About realization of the state control in the field of the non-commercial organizations activity and about the effectiveness of such a control in 2012: report of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: http://www.minjust.ru/nko/kontrol/obschie_polojeniya?theme=minjust (address date: 14.11.2012).

7. The data of the Management of the Ministry of Justice of the Russian Federation about the religious organizations state registration in Krasnodar region. URL: http://www.minjustkuban.ru/img_lib/3_093_1206_1.xls (address date: 14.11.2012).

8. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004.

9. Сайт православного общества «Азбука веры». URL: www.azbyka.ru/dictionary/18/tayna_ispovedi.shtml (дата обращения: 19.11.2012).

10. Кодекс канонического права. Codex Iuris Canonici. М., 2007. URL: http://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/russian/codex-iuris-canonici_russian.pdf (дата обращения: 18.11.2012).

11. Сайт православного общества «Азбука веры», словарный раздел. URL: <http://azbyka.ru/dictionary/17/svyaschenstvo.shtml> (дата обращения: 18.11.2012).

12. Краткий словарь суфийских терминов. URL: <http://naqshband.narod.ru/slovar.htm> (дата обращения: 15.11.2012).

13. Пчелинцев А.В. Абсолютна ли тайна исповеди? // Законодательство и экономика. 2011. № 5.

14. Исповедь на дому. URL: <http://azbyka.ru/parkhomenko/foto/index.php?act=viewfoto&id=497> (дата обращения: 10.11.2012).

15. Таинство покаяния. URL: <http://azbyka.ru/parkhomenko/foto/index.php?act=viewfoto&id=494> (дата обращения: 10.11.2012).

16. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собр. законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

8. Treushnikov M.K. Judicial proofs. Moscow, 2004.

9. The orthodox society «The alphabet of Belief» site. URL: www.azbyka.ru/dictionary/18/tayna_ispovedi.shtml (address date: 19.11.2012).

10. The Canon Law Code. Codex Iuris Canonici. Moscow, 2007. URL: http://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/russian/codex-iuris-canonici_russian.pdf (address date: 18.11.2012).

11. The orthodox society «The alphabet of Belief» site, lexical section. URL: <http://azbyka.ru/dictionary/17/svyaschenstvo.shtml> (address date: 18.11.2012).

12. The abridged dictionary of the Sufi terms URL: <http://naqshband.narod.ru/slovar.htm> (address date: 15.11.2012).

13. Pchelintsev A.B. Is the seal of confession absolute? // Legislation and economics. 2011. № 5.

14. Confession at home. URL: <http://azbyka.ru/parkhomenko/foto/index.php?act=viewfoto&id=497> (address date: 10.11.2012).

15. The Confession. URL: <http://azbyka.ru/parkhomenko/foto/index.php?act=viewfoto&id=494> (address date: 10.11.2012).

16. About the case of constitutional control for the separate statements of the articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal procedural code of the Russian Federation according to the inquiry of the State Duma deputies: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004 № 13-P // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 27. Art. 2804.

Горак Нелли Викторовна

прокурор отдела организационного, информационно-аналитического обеспечения и контроля исполнения прокуратуры Краснодарского края
(e-mail: vechnyi-dvigatel@mail.ru)

Прокурор, руководитель следственного органа и суд как субъекты разрешения жалоб в порядке главы 16 УПК РФ

В статье автор сопоставляет эффективность обжалования прокурору, руководителю следственного органа и в суд действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, а также полномочия указанных участников как субъектов разрешения жалоб в досудебном производстве.

Ключевые слова: жалоба, обжалование, суд, прокурор, руководитель следственного органа, действия, решения.

N.V. Gorak, Prosecutor of Department of Organizational, Information and Analytical Support and Execution Control of the Prosecutor Office of Krasnodar Region; e-mail: vechnyi-dvigatel@mail.ru

Prosecutor, head of investigative department and court as subjects of resolve complaints in order to chapter 16 of the Criminal procedural code of the Russian Federation

There is the comparison the efficiency of the appeal to the prosecutor, the head of an investigative department and the court of action (inaction) and decisions of the officials involved in criminal proceedings, as well as the powers of these participants as the subjects of complaint resolution in pretrial proceedings in the article.

Key words: complaint, appeal, court, prosecutor, head of the investigative department, actions, decisions.

Право на обжалование процессуальных действий и решений, основанное на Конституции РФ, признано законодателем важнейшим, а потому отнесено к числу принципов уголовного судопроизводства. Оно может быть реализовано путем подачи жалобы в порядке, предусмотренном гл. 16 УПК РФ, прокурору, руководителю следственного органа или в суд. Уголовно-процессуальный закон предоставляет возможность обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и их должностных лиц в судебном и во внесудебном порядке.

Сопоставление процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа свидетельствует о том, что они «имеют разные возможности по предупреждению нарушения и ошибки в деятельности следователей по расследованию преступлений, отличающийся арсенал мер по пресечению нарушений закона, устранению последствий огрехов предварительного следствия» [1, с. 33]. Руководитель следственного органа осуществляет непрерывный ведомственный контроль за деятельностью подчиненных следователей, который «должен

быть сосредоточен на вопросах процессуального руководства следствием, профилактике, недопущении ошибок и нарушений закона» [1, с. 33].

В ходе проверки исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях прокурор вправе отменить незаконное и необоснованное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное руководителем следственного органа или следователем. В соответствии с ч. 6 ст. 148 УПК РФ и п. 1.3 приказа Генерального прокурора РФ от 2 июня 2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» для вынесения постановления об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору отведен срок 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении.

Для руководителя следственного органа срок для отмены указанного постановления не установлен ни действующим УПК РФ, ни ведомственными нормативными актами. Так, п. 1.4 приказа Следственного комитета РФ от 15 января

2011 г. № 1 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» возлагает на руководителей следственных органов незамедлительное изучение всех материалов проверки сообщений о преступлениях, по которым приняты процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, и своевременную отмену незаконных и необоснованных постановлений следователей.

Думается, что результативным обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела будет как прокурору, так и руководителю следственного органа, поскольку они обладают правом отмены данного процессуального решения.

Согласно ст. 37, 146, 211, 214 УПК РФ прокурор на стадии предварительного расследования вправе лишь отменить постановление о возбуждении уголовного дела, о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу. Прокурор также уполномочен: 1) вносить требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия; 2) рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение; 3) передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому; 4) утверждать обвинительное заключение; 5) возвращать уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования.

Что касается объема процессуальных полномочий руководителя следственного органа в досудебном производстве, то согласно ст. 39 УПК РФ он вправе проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, по результатам чего отменить незаконные или необоснованные постановления следователя. Он дает следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, квалификации преступления и об объеме обвинения, продлевает срок предварительного расследования, дает согласие на возбуждение ходатайства о производстве процессуальных действий под судебным контролем и обладает рядом других полномочий.

Базируясь на указанных положениях закона, можно прийти к выводу, что обжалование таких ключевых процессуальных решений, вынесенных следователем в досудебном производстве, как возбуждение уголовного дела, его прекращение и приостановление, возможно как

прокурору, так и руководителю следственного органа. Иные действия (бездействие) и решения следователя целесообразнее обжаловать руководителю следственного органа, поскольку при подаче жалобы прокурору последний может реагировать на допущенное при производстве по уголовному делу нарушение федерального законодательства, внося соответствующее требование. Заметим, что требование прокурора может и не быть выполненным, если руководитель следственного органа с ним не согласится (ч. 4 ст. 39 УПК РФ).

Представляется обоснованным обращение с жалобой к прокурору при получении им уголовного дела для утверждения обвинительного заключения. В данном случае прокурор полномочен вернуть уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (ч. 1 ст. 221 УПК РФ).

В ходе реформирования уголовно-процессуального законодательства полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания сохранены в полном объеме, и в настоящее время обжалование прокурору действий (бездействия) и решений дознавателей достаточно эффективно. Прокурор вправе давать дознавателю указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий, отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя, отстранять его от дальнейшего производства расследования, утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу. Данный перечень не является исчерпывающим.

В то же время начальник подразделения дознания, как лицо, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение, также наделен рядом важных полномочий. Он вправе давать дознавателю обязательные для исполнения указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, может отменить необоснованные постановления о приостановлении производства дознания.

В настоящее время начальник подразделения дознания не отнесен к числу субъектов, уполномоченных разрешать жалобы в порядке гл. 16 УПК РФ. По нашему мнению, исходя из имеющихся у данной процессуальной фигуры полномочий, возможно наделение его правом разрешения жалоб в уголовно-процессуальном порядке.

В современной науке уголовного процесса вопрос соотношения прокурорского надзора и судебного контроля на стадии предварительного расследования, в том числе при разрешении жалоб участников уголовного судопроизводства, является дискуссионным.

Так, А.Б. Соловьев и Н.А. Якубович говорят о замене прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства судебным надзором в связи с санкционированием судом выполнения важных процессуальных действий следователя и дознавателя, что в большей мере относится к сфере надзорной деятельности [2, с. 5].

А. Халиулин и В. Назаренко утверждают, что УПК РФ усилил, расширил возможности самостоятельности на досудебных стадиях уголовного процесса, предоставив подозреваемому, обвиняемому более широкие права, в том числе по обжалованию любых процессуальных действий и решений следователя и прокурора. Получилось это за счет сужения возможностей правоприменителя по быстрому и полному раскрытию преступлений [3, с. 27].

Другие исследователи, напротив, убеждены, что судебная процедура с элементами самостоятельности предполагает эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений и служит дополнительной гарантией законности в данной сфере уголовного судопроизводства [4, с. 12; 5, с. 81].

Мы разделяем мнение В.Ф. Крюкова, который отмечает как близость содержания деятельности прокуратуры и суда по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, так и отсутствие их идентичности и функционального дублирования решаемых задач. Автор указывает на то, что «правосудие не заменяет и не подменяет прокурорский надзор за законностью, а судебная система не может и не должна выполнять надзорные функции прокуратуры, поскольку суд в силу многих причин весьма ограничен в своих возможностях» [6, с. 438]. При этом прокурор, исходя из интереса обеспечения законности и обоснованности осуществления уголовного преследования, а также защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, «выступает от имени государства гарантом исполнения федерального уголовно-процес-

суального законодательства на досудебных стадиях уголовного процесса, а руководитель следственного органа является организатором процессуальной деятельности по расследованию преступлений органами предварительного следствия» [6, с. 185].

В отличие от обжалования в суд обращение в органы прокуратуры подается бесплатно, без оплаты государственной пошлины. Форма обращения на имя прокурора не установлена и является произвольной.

Указанные обстоятельства определяют стабильно высокое число обращений граждан в органы прокуратуры, которые по-прежнему остаются своего рода «бюро жалоб простого человека».

Так, органами прокуратуры Российской Федерации в 2010 г. разрешено 557738 обращений по вопросам следствия и дознания, а также жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания и следователя при принятии, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении, в 2011 г. – 592074, в 2012 г. – 591225, в 1 полугодии 2013 г. – 291917. Признается обоснованным и удовлетворяется каждое шестое обращение [7].

Таким образом, с учетом полномочий субъектов разрешения жалоб в досудебном производстве можно предложить несколько вариантов повышения эффективности обжалования. Разумным было бы рассмотреть вопрос об обжаловании прокурору только решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу, а также действий (бездействия) и решений следователя в момент поступления уголовного дела к прокурору для утверждения обвинительного заключения. В противном случае необходимо сделать требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, обязательными для выполнения должностными лицами следственных органов.

Также считаем целесообразным наделить начальника подразделения дознания полномочиями по разрешению жалоб в порядке гл. 16 УПК РФ, что явилось бы дополнительной гарантией соблюдения прав участников уголовного судопроизводства и обеспечения законности при производстве дознания.

1. Буланова Н.В. Оптимальное соотношение прокурорского надзора и ведомственного контроля как необходимое условие законности предварительного следствия // *Вестн.*

1. Bulanova N.V. Optimal ratio of prosecutorial supervision and institutional control as the necessary condition of the legitimacy of the preliminary investigation // *Bull. of the Academy*

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 1.

2. Соловьев А.Б., Якубович Н.А. Предварительное расследование и прокурорский надзор в свете реформы // *Законность*. 1995. № 8.

3. Халиулин А., Назаренко В. От прокурорского надзора к судебному контролю // *Законность*. 2004. № 1.

4. Токарева М.Е. Современные проблемы законности и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

5. Лазарева В.А. Теоретические проблемы становления состязательного уголовного судопроизводства России // *Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: сб. науч. ст. Курск, 2007. Ч. 1.*

6. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М., 2010.

7. Отчеты Генеральной прокуратуры Российской Федерации по форме ОЖ (504) за 2010, 2011, 2012, 1 полугодие 2013 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru>

of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2011. № 1.

2. Solovyov A.B., Yakubovich N.A. Preliminary investigation and prosecutorial supervision in the light of the reform // *Legality*. 1995. № 8.

3. Haliulin A., Nazarenko V. From the prosecutor's supervision to judicial control // *Legality*. 2004. № 1.

4. Tokareva M.E. Modern problems of legality and prosecutorial supervision in pre-trial stage of the criminal process: diss. ... Dr of Law. Moscow, 1997.

5. Lazareva V.A. Theoretical problems of formation of adversarial criminal proceedings in Russia // *Problems of justice in criminal cases in modern Russia: theory and practice: coll. of sci. papers. Kursk, 2007. Pt. 1.*

6. Kryukov V.F. Prosecution in pre-trial proceedings: criminal and procedural and supervisory aspects of the prosecutor activity. Moscow, 2010.

7. Records of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation in the form OZh (504) for 2010, 2011, 2012, 1st half of 2013 URL: <http://www.genproc.gov.ru>

Баландюк Олеся Владимировна

адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Омской академии МВД России
(e-mail: mir-lesya83@mail.ru)

Совершенствование порядка применения статьи 105 УПК РФ при производстве по делам в отношении несовершеннолетних

В статье рассматривается порядок исполнения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). Автором проанализировано нормативное правовое регулирование указанной меры принуждения, обосновывается необходимость его совершенствования.

Ключевые слова: мера пресечения, исполнение, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым).

O.V. Balandyuk, Adjunct of Adjuncture (Doctorate) of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mir-lesya83@mail.ru

Improvement of an order of application of the article 105 of the Criminal procedural code of the Russian Federation by affairs production in the relation of minors

In article the order of execution of a measure of restraint in the form of supervision for the minor suspect (accused) is considered. The author analysed standard legal regulation of the specified coercive measure, need of its improvement locates.

Key words: measure of restraint, execution, supervision for the minor suspect (accused).

В российском уголовном судопроизводстве предусмотрена специальная мера пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). Ее сущность заключается в возложении на родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а также должностных лиц специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый), обязанностей по присмотру за указанным лицом. В литературе приводятся разные суждения о том, как называть лицо, которому поручается присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, в данной работе будем именовать их поручителями.

Применение указанной меры пресечения состоит в исполнении обязательств, предусмотренных ст. 102 УПК РФ. Законодателем определены две группы таких обязательств. К первой следует отнести нахождение несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в месте постоянного или временного жительства. Надлежащему исполнению данного обязательства способствует совместное проживание родителей, опекунов, попечителей, других заслуживающих доверия лиц с несовершен-

нолетним подозреваемым (обвиняемым). В таких условиях представляется возможным ограничить выход несовершеннолетнего из места постоянного или временного проживания в определенное время либо разрешить выход из места постоянного или временного проживания по взаимной договоренности в сопровождении поручителя [1, с. 52; 2, с. 104]. При возложении обязанностей по присмотру на должностных лиц специализированного детского учреждения обязательным является нахождение несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в этом учреждении. Выход правонарушителя за пределы территории представляется возможным только с разрешения должностного лица, осуществляющего за ним присмотр. Применение указанного ограничения не должно препятствовать посещению несовершеннолетним учебного заведения.

Вторая группа обязательств состоит в обеспечении надлежащего поведения и явки несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в орган расследования или суд. Реализация указанного обязательства имеет определенное сходство с применением в качестве меры пресечения личного поручительства. Так, основным средством воздействия на подозреваемых (обвиняемых) в рамках исполнения мер при-

нуждения, предусмотренных ст. 103 и 105 УПК РФ, является применение мер морально-психологического и воспитательного воздействия. Их реализация в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) осуществляется с учетом особенностей психического развития и иных особенностей личности указанной категории лиц. В юридической литературе высказывается мнение о возможности создания вспомогательных социально-психологических служб, занимающихся изучением личности несовершеннолетнего правонарушителя [3, с. 97].

В настоящее время Минюстом России подготовлен законопроект, направленный на создание системы пробации для несовершеннолетних [4]. В случае реализации этой инициативы при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) должно учитываться заключение, подготовленное специалистом по результатам социально-психологического обследования. Учет этих изменений при избрании меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ, представляется целесообразным. Проведение социально-психологического обследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) во многом облегчит применение этой меры принуждения. Изучение данных, характеризующих личность несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), условий его жизни и воспитания, а также причин и условий, способствовавших совершению преступления, позволит правильно определить меры морально-психологического и воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего.

По мнению большинства авторов, избрание меры пресечения в отношении несовершеннолетнего нужно рассматривать не только как средство для достижения узкоспециальных целей, свойственных мерам пресечения, но и как средство временного воспитательного воздействия [5, с. 142; 6, с. 63]. Достоинство рассматриваемой меры пресечения проявляется в том, что несовершеннолетний не отрывается от семьи, находится в привычных условиях, может продолжать учиться, в результате чего создаются благоприятные условия для проведения с ним воспитательной работы [7, с. 256; 8, с. 531].

В связи с этим особое внимание следует обратить на посещаемость несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) учебного заведения. Считаем возможным при выявлении пропусков занятий без уважительных причин наделить поручителя правом требовать от несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемо-

го) вернуться в образовательную организацию, а в случае окончания учебного заведения – трудоустроиться с помощью Федеральной службы по труду и занятости.

Полагаем, что обеспечению надлежащего поведения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) будет способствовать нормативное закрепление прав и обязанностей несовершеннолетнего и лица, осуществляющего за ним присмотр. В этой части представляется возможным взять за основу обязанности, которые могут быть возложены судом при назначении наказания в виде ограничения свободы, а также в рамках применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 53, 90 и 91 УК РФ).

Принимая во внимание нормы уголовного законодательства, полагаем, что поручитель вправе запретить несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому): использование определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, а также посещение мест проведения массовых и иных мероприятий. Такая возможность вытекает из региональных нормативных правовых актов. Так, Законом Омской области от 25 декабря 2012 г. № 1501-ОЗ «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на территории Омской области» определены места, нахождение в которых детей не допускается либо допускается в сопровождении родителей (например, места, которые предназначены для реализации только алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, табачных изделий).

Другим средством контроля за надлежащим поведением несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) является ограничение общения с лицами, оказывающими на него отрицательное влияние. Ими могут быть как сверстники, так и старшие по возрасту лица. В целях ограждения несовершеннолетнего от негативного влияния со стороны лиц, совместно с ним обучающихся, родители с учетом мнения самого несовершеннолетнего могут принять различные решения, связанные с дальнейшим его обучением. Одной из возможных мер контроля за несовершеннолетним является смена образовательной организации, в необходимых случаях – формы получения образования и формы обучения. Так, согласно ст. 17 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» образование может быть получено не только в организациях, осуществляющих образователь-

ную деятельность, но и вне ее, в форме семейного образования и самообразования. Данная мера, с одной стороны, позволяет осуществлять максимальный контроль за действиями несовершеннолетнего, с другой – предполагает изоляцию указанного лица, а значит, ограничивает несовершеннолетнего в общении со сверстниками, что может повлиять на его дальнейшее развитие. В связи с этим представляется возможным применение такой меры только с учетом мнения несовершеннолетнего [9, с. 440].

Между тем общение с лицами, которые могут оказать негативное влияние на несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), может осуществляться не только лично, но и с помощью технических средств связи. Поэтому представляется возможным ограничить несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в пользовании средствами связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Считаем целесообразным по аналогии с положениями ч. 8 ст. 107 УПК РФ и разъяснениями Верховного Суда РФ, касающимися практики применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, определить случаи, допускающие возможность использования указанных технических средств [10]. Так, пользоваться телефонной связью несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) следует разрешить для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации. Использование несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» возможно для обмена информацией между лицом и учебным заведением, если он (несовершеннолетний) является учащимся этого заведения. Аналогичная система ограничений, которые могли бы применяться к несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому), предложена С.И. Глизнуцей [11, с. 18].

Применение к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) таких существенных ограничений представляется обоснованным. Полагаем, что только принятие активных мер воспитательного характера будет способствовать эффективной реализации рассматриваемой меры пресечения.

Надлежащее исполнение обязанностей по присмотру за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) зависит не только от правильного выбора способов воздействия, но и

от наличия реальной возможности их осуществления. В связи с этим в юридической литературе активно обсуждается вопрос о возможности отказа родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц от возложенной на них обязанности по присмотру за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) [12, с. 16; 13, с. 210]. Причинами отказа названы болезнь присматривающего лица, его занятость на работе, ухудшение взаимоотношений с подростком. Полагаем, что данные обстоятельства влияют на надлежащее исполнение обязательств при реализации указанной меры пресечения и должны приниматься во внимание органом, осуществляющим уголовное судопроизводство. В противном случае воспитательные и превентивные цели применения данной меры пресечения не будут достигнуты.

Представляется возможным в нормах уголовно-процессуального законодательства предусмотреть основания отказа лица от возложенной на него обязанности по присмотру за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым).

Говоря о нормативном регулировании порядка применения ст. 105 УПК РФ, следует обратить внимание на изменения законодательства в области применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). Так, изменениями, внесенными в ст. 31 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», на следственные изоляторы возложена обязанность проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми (обвиняемыми), а также оказания им социальной и психологической помощи. Полагаем, что данные направления работы должны быть определены законодателем и в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), к которым применена мера пресечения, не связанная с лишением свободы.

Помощь в осуществлении контроля за поведением несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) могут оказать участковые уполномоченные полиции по месту жительства лица, а также сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН). В соответствии с ведомственными приказами в отношении несовершеннолетних в случае избрания меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, проводится индивидуальная профилактическая

работа с постановкой их на профилактический учет [14; 15]. Такая деятельность предполагает: выяснение образа жизни, связей и намерений несовершеннолетнего; разъяснение указанному лицу последствий совершения им противоправных действий; принятие мер по устранению причин и условий совершения несовершеннолетним правонарушений; привлечение к профилактической работе с несовершеннолетними лиц, способных оказать на них положительное влияние [16, с. 235]; разрешение вопросов организации обучения, труда, оздоровительного отдыха и досуга несовершеннолетнего.

Аналогичная работа, направленная на профилактику правонарушений и антиобщественных действий среди несовершеннолетних, проводится и в общеобразовательных учреждениях. В рамках указанного вида деятельности сотрудники ПДН участвуют в проводимых в образовательном учреждении классных часах, родительских собраниях с выступлениями по правовой тематике, оказывают содействие в установлении причин систематических пропусков занятий учащимися. При необходимости сотрудник ПДН может быть освобожден от исполнения обязанностей, связанных с обслуживанием территории, и закреплен за образовательным учреждением. Информация о ненадлежащем поведении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в возможно короткий срок передается должностному лицу органа предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Нормативное правовое регулирование меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ, носит комплексный характер. Правоотношения, возникающие в процессе реализации данной меры принуждения, регламентируются не только нормами УПК РФ, но и другими законами федерального и регионального уровня.

2. Специфика рассматриваемой меры пресечения обусловлена особенностью правовых отношений, которые возникают в процессе ее реализации. Основным средством воздействия на несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в рамках исполнения указанной меры пресечения является применение мер морально-психологического и воспитательного воздействия. В данное направление работы Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 435-ФЗ внесены изменения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), содержащихся под стражей. Представляется целесообразным применять эти положения и к

несовершеннолетним, отданным под присмотр в порядке ст. 105 УПК РФ.

3. Выбор методов влияния на несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) при реализации меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ, оставлен на усмотрение лица, которому поручен присмотр. Вместе с тем, полагаем, что отдельные права и обязанности лица, осуществляющего присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), следует регламентировать в нормах УПК РФ. Представляется целесообразным дополнить ст. 105 УПК РФ частями 4–6 следующего содержания:

«4. Лицо, которому несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) отдан под присмотр, вправе:

ограничить выход несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) из места постоянного или временного проживания в определенное время;

запретить несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) посещение мест проведения массовых и иных мероприятий, а также использование определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством;

требовать от несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) вернуться в образовательную организацию в случае непосещения им занятий без уважительной причины, а в случае окончания учебного заведения – трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа;

запретить или ограничить использование несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) средств связи и информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

5. Несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) вправе выходить из места постоянного или временного проживания. В исключительных случаях выход несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) возможен только в сопровождении присматривающего за ним лица. При нахождении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в специализированном детском учреждении выход за пределы территории может допускаться только с разрешения должностного лица, осуществляющего за ним присмотр.

Пользоваться телефонной связью несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) разрешается для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с поручителем при их раздельном проживании.

Использование несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" разрешается для обмена информацией с учебным заведением, если он (несовершеннолетний) является учащимся этого заведения.

6. Лицо, которому несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) отдан под присмотр, вправе заявить мотивированный отказ от выполнения своих обязанностей».

1. Булатов Б.Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей: учеб. пособие. Омск, 1984.

2. Эстерлейн Ж.В. Дознание по делам о преступлениях несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

3. Гецманова И.В. Особенности предварительного следствия по делам о преступлениях несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

4. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона (подготовлен Минюстом России, не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12 февр. 2014 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства о преступлениях несовершеннолетних. М., 1959.

6. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964.

7. Федотова В.О. Влияние семейного воспитания на формирование правосознания несовершеннолетних нарушителей // Общество и право. 2009. № 2.

8. Исакова А.С. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как мера пресечения в уголовном процессе // Молодой ученый. 2013. № 11.

9. Тройнина И.С. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) при избрании и применении мер пресечения, не связанных с заключением под стражу // Вестн. Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2013. № 2.

10. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Рос. газ. 2013. 27 дек.

11. Глизнаца С.И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

12. Булатов Б.Б., Николюк В.В., Цоколова О.И. Меры пресечения в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М., 2005.

1. Bulatov B.B. Efficiency of the measures of restraint which are not connected with detention: study aid. Omsk, 1984.

2. Esterleyn J.V. Inquiry of cases of crimes committed by minors: diss. ... Master of Law. Moscow, 2005.

3. Getsmanova I.V. The features of preliminary investigation of cases of crimes committed by minors: diss. ... Master of Law. Moscow, 2001.

4. About modification of some acts of the Russian Federation: draft of the Federal law (it was prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation, it was not introduced in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the text as of Febr. 12, 2014) [Electronic resource]. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

5. Minkovsky G.M. Features of investigation and judicial proceedings of crimes committed by minors. Moscow, 1959.

6. Livshits Yu.D. Measures of restraint in the Soviet criminal procedure. Moscow, 1964.

7. Fedotova V.O. Influence of domestic education on forming of legal awareness of minor violators // Society and law. 2009. № 2.

8. Isakova A.S. Supervision for the minor suspect or accused as a measure of restraint in criminal procedure // Young scientist. 2013. № 11.

9. Troynina I.S. Ensuring the rights and legitimate interests of minor suspects (accused) during the electing and application of the measures of restraint which are not connected with imprisonment // Bull. of the Voronezh state university. Ser. Law. 2013. № 2.

10. About practice of application the legislation of measures of restraint in the form of imprisonment, house arrest and bail by courts: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Dec. 19, 2013 № 41 // Rus. newsp. 2013. Dec. 27.

11. Gliznutsa S.I. Application of measures of restraint to minors: auth. abstr. ... Master of Law. Tyumen, 2011.

12. Bulatov B.B., Nikolyuk V.V., Tsokolova O.I. Measures of restraint in criminal procedure: educational and practical manual. Moscow, 2005.

13. Dezhnev A.S. Protection of interests of a family and minors in criminal procedure of Russia: diss. ... Dr of law. Omsk, 2013.

13. Дежнев А.С. *Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.*

14. *О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17 янв. 2006 г. № 19 (в ред. от 30.12.2011) (вместе с Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений) [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

15. *Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 окт. 2013 г. № 845 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.*

16. Антонова А.В. *Проблема применения меры пресечения в виде заключения под стражу к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) // Общество и право. 2009. № 5.*

14. *About activities of bodies of MIA for the prevention of crimes: order of the Ministry of the Interior of Russia of Jan. 17, 2006 № 19 (in ed. of 30.12.2011) (with The instruction about activities of law-enforcement bodies for the prevention of crimes) [Electronic resource]. The document wasn't published. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».*

15. *About the approval of the Instruction of the organization of activity of divisions for minor of law-enforcement bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia of Oct. 15, 2013 № 845 // Bull. of regulations of federal executive authorities. 2014. № 11.*

16. Antonova A.V. *Problem of application of a measure of restraint in the form of imprisonment to minor suspects (accused) // Society and law. 2009. № 5.*

Вальшина Ирина Равилевнааспирант кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(тел.: +79288487985)

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовного дела в форме дознания с позиции зарубежного законодательства

В статье представлен результат исследования возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовного дела в форме дознания на основе опыта законодательства США, Франции, Италии, Германии, Украины при заключении сделок с правосудием.

Ключевые слова: расследование уголовного дела в форме дознания, сделка с правосудием, досудебное соглашение о сотрудничестве.

I.R. Valshina, Post-graduate of a Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; tel.: +79288487985.

The pre-trial agreement conclusion to cooperate during the criminal case investigation as a form of an inquiry from the position of the foreign legislation

The result of the research is rendered in this article about the possibility of the pre-trial agreement to cooperate during the criminal case investigation as a form of an inquiry on the basis of the US, French, Italian, German and Ukrainian legislation when concluding the deal with justice.

Key words: criminal case investigation as a form of inquiry, deal with justice, pre-trial agreement to cooperate.

Содержание предписаний гл. 40.1 УПК РФ убеждает в том, что дознаватель не назван законодателем в числе участников досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, в ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ закреплено, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, его защитником через следователя.

Несмотря на это, вопрос о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовного дела в форме дознания в научной литературе решается неоднозначно, и мнения ученых здесь разделились на сторонников заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по любой категории преступлений, подследственных не только следователю, но и дознавателю, и противников, отрицающих возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при производстве дознания.

В числе сторонников заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при производстве дознания следует назвать А.А. Давлетова, С.В. Зуева, М.М. Головинского.

По мнению А.А. Давлетова [1, с. 5] и М.М. Головинского [2, с. 91], заключение досу-

дебного соглашения возможно при подозрении или обвинении лица в совершении преступления любой категории.

С.В. Зуев считает, что отсутствие в УПК РФ указания на дознавателя применительно к досудебному соглашению о сотрудничестве – это «чисто техническая ошибка», поскольку закон не ограничивает действие уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм той или иной категорией преступлений, их тяжестью или групповым характером совершения [3, с. 53–54].

Другие авторы придерживаются позиции, «согласно которой в целях обеспечения конституционного принципа равенства всех перед судом в случае поступления дознавателю ходатайства подозреваемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор в соответствии с предоставленными ему ст. 37 УПК полномочиями должен изъять уголовное дело у дознавателя и передать его для расследования следователю, который и рассмотрит ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [4].

В то же время А.И. Бастрыкин в интервью «Новой газете» заявил о невозможности заключения подобных соглашений по всем кате-

гориям преступлений, подчеркнув, что «такие досудебные соглашения о сотрудничестве могут быть эффективны лишь тогда, когда речь идет о раскрытии и расследовании деятельности преступных сообществ и их лидеров либо лиц из числа, как говорят, “крупных чиновников от власти”» [5].

А.В. Пиук пишет: «Соглашение о сотрудничестве (сделка с правосудием) – не альтернатива, не замена общего порядка осуществления правосудия, к ее использованию следует прибегать лишь в крайних, исключительных, не терпящих отлагательства случаях, когда угроза обществу наиболее велика. В этой связи, учитывая снижение уровня процессуальных гарантий при ее применении, целесообразно ограничить возможность использования соглашений лишь по наиболее опасным, особо тяжким преступлениям, таким как терроризм и иные преступления против общества подобной направленности» [6].

Отсутствие единства мнений российских ученых-процессуалистов по вопросу о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовного дела в форме признания вызывает необходимость обратиться к опыту нормативного регулирования этой особой формы уголовного судопроизводства в других странах. В современном мире глобализации и интеграции правовых систем происходит «размывание» границ различных типов уголовного судопроизводства. В частности, так называемые сделки с правосудием, характерные для США, появляются в других странах, что требует изучения опыта в этой части.

Однако к изучению зарубежного опыта в области сделок с правосудием необходимо относиться взвешенно, поскольку не всегда модели, существующие в одном государстве, могут быть интегрированы в другую национальную систему. Но практическая ценность научно обоснованного анализа функционирования иностранного института сделки с правосудием (по российскому законодательству – соглашения о сотрудничестве) состоит в том, что позволяет лучше изучить, понять сильные и слабые стороны отечественного соглашения о сотрудничестве.

Как известно, родоначальником сделки с правосудием принято считать Соединенные Штаты Америки. Сделки о признании вины и заявление об отказе оспаривать предъявленное обвинение являются последствием состязательной системы судопроизводства. Сделка – соглашение о признании обвиняемым своей вины в обмен на перекалфикацию совершенного преступления на менее тяжкое или на особое смягчение наказания. Иногда сделки заключаются по вопросам перекалфикации преступления и смягчения

наказания одновременно. Сделку утверждает суд, убедившись в добровольности волеизъявления подсудимого.

В американском уголовном праве преступления подразделяются на фелонии (felony) и мисдиминоры (misdemeanor). К первой категории относятся преступления, наказываемые смертной казнью или лишением свободы на срок свыше одного года. Ко второй категории относятся преступления, наказываемые лишением свободы до одного года с отбыванием наказания в местной тюрьме. Различие между фелониями и мисдиминорами отражается на досудебных стадиях производства по уголовному делу.

В США, как и в большинстве других стран, проводится полицейское расследование. Прокурор, как правило, непосредственно не участвует в полицейском расследовании, за исключением особо важных дел. Полиция имеет право принять решение не предъявлять обвинение за совершение мисдиминоров, такое же решение может принять прокурор по обвинению в совершении фелонии [7, с. 450–452]. Однако полицейское расследование не считается уголовно-процессуальной деятельностью и производится в административном порядке.

К.Б. Калиновский отмечает, что «деятельность полиции отчасти регулируется правилом об исключении доказательств, полученных с нарушением должной процедуры. Юридически полиция и прокурор действуют как сторона, подготавливающая материал для судебного разбирательства» [8, с. 41].

Тем не менее, в США именно полиция фактически производит дознание. По различным данным, сделки о признании вины применяются в 75–90% всех дел [8, с. 37]. Соглашения об отказе оспаривать предъявленное обвинение, как и сделки о признании вины, могут заключаться прокурором с обвиняемым, как правило, после предъявления обвинения независимо от тяжести совершенного преступления и независимо от способа досудебного производства по уголовному делу.

Франция является родоначальницей континентального смешанного уголовного судопроизводства, которое, несмотря на собственное историческое происхождение, восприняло основные принципы классического английского состязательного судопроизводства. В УПК Франции регламентированы два вида упрощенного производства на основе соглашения сторон.

В первом случае уголовно-правовой штраф по соглашению (composition penale) представляет собой соглашение, заключаемое до возбуждения уголовного дела, между прокурором и лицом, подлежащим преследованию.

Соглашение утверждается судом. Статья 41.2 УПК Франции ограничивает возможность его заключения только с лицом, признавшим свою вину в совершении малозначительного деяния, к которым относятся отдельные насильственные действия, проступки против интересов семьи, мелкие имущественные преступления.

Во втором случае предварительное признание вины (*prealable de culpabilite*) представляет собой соглашение, заключаемое между прокурором и лицом, сделавшим заявление о признании вины. Соглашение утверждает суд, убедившись в добровольности волеизъявления подсудимого. Процедура «*prealable de culpabilite*» применима к делам о преступлениях, наказуемых сроками до пяти лет лишения свободы, и позволяет, при согласии прокурора, назначить наказание в виде тюремного заключения сроком не более одного года и не более половины срока, который подсудимый мог бы получить, и это наказание в виде тюремного заключения может быть условным (ст. 495.8 УПК Франции) [9].

Уголовно-процессуальное законодательство Франции предусматривает три стадии досудебного производства: дознание, возбуждение уголовного преследования и предварительное следствие, причем французские процессуалисты считают дознание и предварительное следствие совершенно самостоятельными стадиями [10, с. 7], где дознание направлено на установление события преступления и виновного лица, а предварительное следствие – на выяснение виновности конкретного лица в установленном преступлении [8, с. 9].

С учетом деления во Франции всех преступных деяний на преступления (*crimes*), проступки (*delits*) и правонарушения (*contraventions*) отметим, что производство предварительного следствия обязательно только по делам о преступлениях, факультативно по делам о проступках, а по делам о правонарушениях проводится лишь по требованию прокурора в исключительных случаях (ст. 79 УПК Франции) [10, с. 60].

Дознание также может проводиться по любому из преступных деяний, но не является обязательным. Как правило, дела о проступках и правонарушениях исчерпываются полицейским дознанием. Так, К.Б. Калиновский приводит сведения, что, по различным данным, от общего количества возбуждаемых прокуратурой дел к следователю поступает от 0,5 до 15% [8, с. 9]. Как отмечают французские процессуалисты, количественное снижение уровня предварительного следствия влияет на его качественный рост при рассмотрении наиболее сложных и важных дел, требующих более тщательного расследования [10, с. 66].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что применяемые во Франции сделки с правосудием на основе соглашений – *composition penale* и *prealable de culpabilite* – заключаются прокурором независимо от производства по делу в стадии дознания или предварительного следствия.

Безусловно, французский опыт интересен, но, как справедливо отмечает Л.В. Головкин, «французское дознание соответствует в российском уголовном процессе так называемой “доследственной проверке”... Что касается нашего дознания, то есть формы предварительного расследования, то его во Франции просто не существует» [10, с. 53].

Итальянский Уголовный процессуальный кодекс предусматривает процедуру, иллюстрирующую тенденцию перехода к состязательной системе, – урегулирование или наказание по просьбе сторон (ст. 444–448 УПК Италии). Возможность применения упрощенной процедуры ограничена делами, наказание за которые не превышает 5 лет лишения свободы. Современная версия уголовно-процессуального закона позволяет приговорить подсудимого к пяти годам лишения свободы после уменьшения наказания на одну треть (ст. 444(1) УПК Италии). Такое изменение законодательства позволяет применять «*patteggiamento*» к преступлениям с существенно большим сроком наказания.

В то же время, как отмечает Иллюминати Джулио, существенно изменилось досудебное производство Италии: упразднен институт следственного судьи, теперь ответственность за проведение предварительного расследования возлагается только на прокурора, который принимает решение об утверждении обвинительного заключения. С административной точки зрения полиция относится к исполнительной ветви власти, а прокурор к судебной. Прокурор наделен полномочиями поручить полиции проведение определенных следственных действий (например, вызов и допрос свидетеля, потерпевшего и подозреваемого). При проверке сообщения о преступлении и в ходе производства следственных действий на месте преступления полиция действует самостоятельно. На практике полиция самостоятельно расследует дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, а прокурор осуществляет реальный надзор за ее деятельностью, являясь фактически руководителем хода расследования [11].

Вышеизложенное позволяет нам прийти к выводу, что применять процедуру «*patteggiamento*» можно независимо от того, какой орган осуществлял предварительное расследование.

Уголовно-процессуальный кодекс Германии принят 1 февраля 1877 г. и является одним из старейших в Европе. Впоследствии в УПК Германии вносились изменения, в результате которых введены упрощенные процедуры судебного разбирательства, а с 2009 г. законодательство Германии предусматривает так называемый институт соглашений в сфере уголовного производства (*Urteilsabsprachen*). Предметом соглашения являются правовые последствия, касающиеся вынесения приговора. Соглашение вступает в силу после того, как суд уведомляет участников о содержании возможного соглашения, по которому прокурор и обвиняемый дали свое согласие [12, с. 202–203].

В соответствии с пп. 1 и 2 параграфа 12 УК ФРГ [13] противоправные деяния в уголовном праве Германии делятся на преступления, за совершение которых предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от одного года и более, и проступки, за совершение которых минимальным наказанием является лишение свободы на более короткий срок или денежный штраф. Однако данное деление не влияет на формы рассмотрения уголовного дела на досудебных стадиях, поскольку в целях ускорения уголовного судопроизводства в Германии с 1974 г. ликвидирован институт предварительного следствия. Предварительное расследование проводится в форме дознания, осуществляемого прокуратурой.

Как справедливо отмечают К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов, «задачи полиции, которая не является органом дознания, состоят в расследовании преступлений и принятии всех не терпящих отлагательства мер, чтобы не допустить осложнений в расследовании дела... немедленно передать все материалы прокуратуре, а при необходимости производства судебных следственных действий – судье» [14, с. 438]. Значит, заключение соглашений в сфере уголовного производства возможно по делам, расследуемым в форме дознания.

Новый Уголовный процессуальный кодекс Украины [15] предусматривает две сделки с правосудием – так называемые сделка со следствием и соглашение о примирении. В первом случае соглашение о признании вины заключается между прокурором и подозреваемым или обвиняемым по инициативе любого из них в отношении уголовных проступков, преступлений небольшой или средней тяжести, тяжких преступлений, в результате которых ущерб нанесен только государственным или общественным интересам, т.к. если ущерб нанесен потерпев-

шему, то такое соглашение не допускается (п. 4 ст. 469 УПК Украины).

Во втором случае соглашение о примирении заключается в письменной форме между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым по инициативе любого из них. Возможность заключения соглашения ограничена категорией преступлений небольшой или средней тяжести, делами частного обвинения или уголовными проступками. Закон исключил участие следователя, прокурора или судьи в заключении соглашения о примирении (п. 1 ст. 469 УПК Украины).

Согласно пп. 4, 5, 6 ч. 1 ст. 3 УПК Украины досудебное расследование осуществляется в форме дознания, в которой осуществляется расследование уголовных проступков, и форме досудебного следствия, в которой осуществляется расследование преступлений. Следовательно, заключение соглашения о признании вины и соглашения о примирении возможно в двух формах: дознания и досудебного следствия.

Таким образом, во всех рассмотренных нами странах органом, фактически осуществляющим дознание по преступлениям небольшой или средней тяжести, как правило, является полиция. Следовательно, заключение сделок с правосудием возможно независимо от формы, стадии или органа проведения досудебного производства по уголовному делу. Считаем, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве должно быть возможно при совершении любого преступления, независимо от степени тяжести, как это предусмотрено, например, в США или Украине применительно к сделке со следствием, которая не применяется только к особо тяжким преступлениям.

Пока же реализация права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, по которому расследование проводится в форме дознания, возможна лишь при применении ч. 4 ст. 150 УПК РФ, когда по письменному указанию прокурора это дело может быть передано для производства предварительного следствия [16, с. 12–16]. Согласно п. 1.4 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 16 января 2012 г. «при наличии в уголовном деле, находящемся в производстве органа дознания, сведений о совершении преступлений организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями) безотлагательно изымать его и передавать следователю» [17]. При этом в случае отсутствия оснований производства предварительного следствия представляется убедительным довод

Т. Николаевой и Е. Ларкиной о возможности повторной смены формы предварительного расследования – с предварительного следствия на дознание [18, с. 85–88].

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод, что с учетом опыта зарубежных стран, где применяются сделки с правосудием вне зависимости от форм и стадий досудебного производства по уголовному делу, целесообразно внести изменения и дополнения, позволяющие распространить положения гл. 40.1 УПК РФ на случаи, когда расследование уголовного дела осуществляется в форме дозна-

ния, наделив дознавателя соответствующими полномочиями.

Такой вывод подтверждается сложившейся практикой. Так, например, по данным Красноярского краевого суда за 2010 г. и первое полугодие 2011 г., досудебное соглашение о сотрудничестве заключалось по уголовным делам о преступлениях против собственности в шестнадцати случаях по ч. 1 ст. 158 УК РФ и в одном случае по ч. 1 ст. 160 УК РФ [19]. В соответствии с УПК РФ предварительное расследование по данным составам преступлений производится в форме дознания (п. 2 ст. 223 и ч. 3 ст. 150 УПК РФ).

1. Давлетов А.А. *Рискованное сотрудничество* // Новая адвокатская газета. 2010. 1–15 авг.

2. Головинский М.М. *Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011.*

3. Зуев С.В. *Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве* // Российская юстиция. 2009. № 8.

4. Горюнов В.В. *Дознание по правилам следствия* // Законность. 2012. № 6.

5. *Интервью «Новой газете» Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина.* URL: www.sledcomproc.ru/interview/4520.html (дата обращения: 12.11.2012).

6. Пиук А.В. *Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса.* Томск, 2011. URL: www.kalinovsky-k.narod.ru/b/piuk_2011/2-2.html (дата обращения: 12.11.2012).

7. *Правовая система США.* М., 2006. Вып. 3.

8. Калиновский К.Б. *Уголовный процесс современных зарубежных государств: учеб. пособие.* Петрозаводск, 2000.

9. Стивен Ч. Тэйман. *Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности?* URL: <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 12.11.2012).

10. Головки Л.В. *Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции.* М., 1995.

11. Иллюминати Джулио. *Построение сопоставительной модели Уголовного процесса Италии.* URL: http://www.petsu.ru/Chairs/For_lang_hum/tranlate1.pdf (дата обращения: 23.02.2013).

12. Maïke Frommannl. *Regulating Plea-Bargaining in Germany: Can the Italian Approach Serve*

1. Davletov A.A. *The risky cooperation* // The new advocacy newspaper. 2010. Aug. 1–15.

2. Golovinsky M.M. *The pre-judicial cooperation agreement: normative and legal regulation and the practice of use: diss. ... Master of Law. Vladimir, 2011.*

3. Zuev S.V. *The special order of the court decision adoption during the conclusion of the pre-trial agreement to cooperate* // Russian justice. 2009. № 8.

4. Goryunov V.V. *The inquiry according to the rules of examination* // Law. 2012. № 6.

5. *The interview of the Russian Federation committee of inquiry chairman A.I. Bastrykin to «The new newspaper».* URL: <http://www.sledcom.ru/interview/4520.html> (address date: 27.01.2013).

6. Piyuk A.V. *The problems of use of the simplified forms of the criminal cases solution in the legal procedure of the Russian Federation from the standpoint of modern criminal procedure typology.* Tomsk, 2011. URL: www.kalinovsky-k.narod.ru/b/piuk_2011/2-2.html (address date: 12.11.2012).

7. *The American legal system.* Moscow, 2006. Iss. 3.

8. Kalinovskiy K.B. *The modern criminal procedure abroad: study aid.* Petrozavodsk, 2000.

9. Stiven Ch. Tayman. *The simplified production or the coordinated guilt statement?* URL: <http://www.zakon.kz> (address date: 12.11.2012).

10. Golovko L.V. *The inquiry and prior examination in the French criminal procedure.* Moscow, 1995.

11. Ilyuminati Julio. *Building of the competitive model of the criminal procedure in Italy.* URL: http://www.petsu.ru/Chairs/For_lang_hum/tranlate1.pdf (address date: 23.02.2013).

12. Maïke Frommannl. *Regulating Plea-Bargaining in Germany: Can the Italian Approach Serve as a Model to Guarantee the Independence of German Judges?* // Hanse law review (HanseLR). 2009. № 1.

as a Model to Guarantee the Independence of German Judges? // *Hanse law review (HanseLR)*. 2009. № 1.

13. URL: <http://constitutions.ru/archives/5854> (дата обращения: 17.12.2012).

14. Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. М., 2002.

15. Уголовный процессуальный кодекс Украины: закон от 13 апр. 2012 г. № 4651-VI. URL: http://www.Kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar (дата обращения: 03.01.2013).

16. Ткачев И.В., Тисен О.Н. Применение института досудебного соглашения о сотрудничестве // *Законность*. 2011. № 2.

17. Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 16 янв. 2012 г. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Николаева Т., Ларкина Е. Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // *Уголовное право*. 2009. № 6.

19. По применению судами края гл. 40-1 УПК: справка Красноярского краевого суда от 22 сент. 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

13. URL: <http://constitutions.ru/archives/5854> (address date: 17.12.2012).

14. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. *The criminal procedure in the western states*. 2nd ed., add. and corr. Moscow, 2002.

15. *The Ukrainian Criminal procedural code: act of Apr. 13, 2012 № 4651- VI* // URL: http://www.Kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar (address date: 03.01.2013).

16. Tkachev I.V., Tisen O.N. *The use of the pre-trial agreement institution to cooperate* // *Law*. 2011. № 2.

17. *About the Office of Public Prosecutor work organization to resist the criminality in the Russian Federation: order of the General Office of Public Prosecutor in the Russian Federation of Jan. 16, 2012 № 7* // HLS «ConsultantPlus».

18. Nikolaeva T., Larkina E.. *Some questions about the pre-trial agreement to cooperate* // *Criminal law*. 2009. № 6.

19. *The chapter 40-1 of the Criminal procedural code to use by the regional courts: note of the Krasnoyarsk regional court of Sept. 22, 2011* // HLS «ConsultantPlus».

Горбунов Денис Владимировичсоискатель кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного аграрного университета
(e-mail: denkom.poc@mail.ru)

Показания потерпевшего в уголовном процессе

В статье рассматриваются проблемные вопросы сущности, понятия и значения показаний потерпевшего в уголовном процессе.

Ключевые слова: показания потерпевшего, доказательства в уголовном процессе, сведения по уголовным делам, допрос потерпевшего, протокол допроса потерпевшего.

D.V. Gorbunov, Competitor of a Chair of Criminal Procedure of the Kuban State Agrarian University; e-mail: denkom.poc@mail.ru

Evidences of victim in criminal process

The problematic questions of nature, concept and meaning of evidences of victim in criminal procedure are considered at the article.

Key words: victim evidences, evidences in criminal procedure, criminal case data, victim interrogation, transcript of victim interrogation.

В силу двойственной процессуальной природы показаний потерпевшего их можно рассматривать с двух сторон – как важнейшее средство защиты прав потерпевшего и как ценный источник доказательственной информации.

Как полагают некоторые ученые, показания вообще и показания потерпевшего в частности должны представлять собой только устные сообщения (сведения) [1, с. 168; 2, с. 142–143; 3, с.110–111]. Так, Ю.К. Орлов утверждает, что показания потерпевшего – это его устное сообщение об обстоятельствах, имеющих значение для дела, сделанное в ходе допроса и зафиксированное в установленном законом порядке [4, с. 145]. В отличие от представленной точки зрения другие авторы, напротив, считают, что показания, в том числе и показания потерпевшего, могут быть как устным, так и письменным сообщением [5, с. 183–192].

Законодатель по данному вопросу не высказывает однозначной позиции. В ст. 78 УПК РФ, посвященной показаниям потерпевшего, говорится о том, что показания потерпевшего – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями ст. 187–191 и 277 УПК РФ.

Термин «показания» означает свидетельство, рассказ [6, с. 445]. В связи с этим надлежащее понимание показаний потерпевшего в рамках уголовно-процессуального доказывания зависит от того, каким образом воспринимаются и фик-

сируются сведения, сообщаемые потерпевшим в ходе его допроса.

В ходе производства допроса потерпевшего следователь или судья воспринимают исходящую от потерпевшего устную информацию (сведения) непосредственно. Опосредованным путем устные сведения потерпевшего воспринимаются всеми остальными субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Эти субъекты могут оценить сведения, сообщенные потерпевшим, только ознакомившись с соответствующим протоколом допроса потерпевшего либо протоколом судебного заседания, в котором фиксировались соответствующие показания. Также непосредственное восприятие устных показаний потерпевшего происходит при его повторном допросе.

В судебном разбирательстве показания потерпевшего исследуются непосредственно в ходе его допроса. Тогда как сведения, сообщенные потерпевшим на досудебном производстве, поступают в суд, уже будучи зафиксированными в протоколе допроса потерпевшего. Показания потерпевшего, полученные в ходе предварительного расследования, содержатся и остаются в материалах уголовного дела. В специально указанных в УПК РФ случаях показания потерпевшего могут быть оглашены и исследованы на судебном следствии. Поэтому рассматриваемый вид доказательства после его получения в ходе производства допроса на предварительном расследовании фигурирует в рамках уголовно-процессуального доказывания в письменной

форме в соответствующем протоколе допроса потерпевшего. Также общие правила производства допроса допускают, что потерпевшим как допрашиваемым лицом в соответствии с ч. 5 ст. 190 УПК РФ могут быть изготовлены схемы, чертежи, рисунки, диаграммы, которые с согласия допрашиваемого лица могут быть приобщены к протоколу и должны являться его составной частью.

Таким образом, устные показания потерпевшего всегда подлежат закреплению в протоколе его допроса на предварительном расследовании либо в протоколе судебного заседания. Соответственно, показания потерпевшего необходимо понимать как сведения, сообщенные потерпевшим на допросе в устной форме и закрепленные письменно в протоколе допроса либо в протоколе судебного заседания.

По мнению профессора В.А. Лазаревой, с учетом особенностей процессуального статуса потерпевшего дача показаний для него одновременно является и правом, и обязанностью, за ненадлежащее выполнение которой потерпевший может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии со ст. 307, 308 УК РФ наравне со свидетелем [7, с. 268].

К тому же потерпевший выступает в качестве участника уголовного процесса, который заинтересован в исходе дела, и поэтому его показания представляют собой средство защиты его прав и законных интересов. В связи с этим обозначенная особенность показаний потерпевшего отличает их от других видов доказательств.

На наш взгляд, показания потерпевшего необходимо ограничивать от всех других его сведений, объяснений, заявлений, ходатайств, которые потерпевший вправе делать как участник процесса и сторона обвинения. Эти сведения если и касаются фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию, не составляют основу его показаний. Уголовно-процессуальный закон регламентирует, что только надлежащим процессуальным порядком проведения допроса обеспечивается получение показаний, поэтому никакими другими следственными или иными процессуальными действиями невозможно заменить порядок получения показаний потерпевшего во время его допроса. Объяснения же излагаются не в ходе допроса, осуществляемого в установленной процессуальной форме, и в случае если они будут содержать заведомо ложные сведения, то потерпевший не несет за это уголовной ответственности. В отличие от объяснений показания потерпевшего – это сведения, которые получают только органы, ведущие процесс, в установленном законом порядке при допросе и которые зафиксированы

в соответствии с требованиями закона в протоколе допроса потерпевшего либо в протоколе судебного заседания.

В науке уголовного процесса категория «объяснения» наиболее часто используется в двух значениях. Во-первых, объяснения как процессуальная форма получения и закрепления сведений от любых лиц в стадии возбуждения уголовного дела. Во-вторых, объяснения как форма изложения участником уголовно-процессуальной деятельности своего отношения к конкретным обстоятельствам, имеющим отношение к уголовному делу. Получение объяснений в уголовном процессе не связано с производством соответствующего допроса конкретного участника. По этой причине объяснения не могут быть показаниями по уголовному делу. УПК РФ предусматривает, что только надлежащим процессуальным порядком проведения допроса обеспечивается получение показаний. Применительно к показаниям потерпевшего сказанное означает, что, кроме производства допроса потерпевшего, никакими другими следственными или иными процессуальными действиями невозможно заменить порядок получения данного вида доказательств в уголовном процессе.

Сторонники разграничения показаний и объяснений предлагают отличать одни от других по их содержательной стороне. Так, некоторые авторы утверждают, что субъект, дающий показания, выступает в роли «показывающего», т.е. лица, которое показывает (сообщает) об определенных обстоятельствах совершенного преступления. Поэтому показания (свидетеля, обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего) – только источник доказательств. Субъект же процессуальной деятельности, который дает объяснения, занимается тем, что объясняет какие-либо вопросы, связанные с обстоятельствами дела [8, с. 8]. Для иллюстрации данных разъяснений на примере подсудимого рассматривается, какие он может давать разновидности объяснений, а именно, объяснения подсудимого, почему он не считает правильным предъявленное ему обвинение; доводы и соображения подсудимого во время выступления в прениях сторон, если в деле не участвует защитник; сообщения, сделанные подсудимым в последнем слове. Соответственно, признать объяснения показаниями в смысле источника доказательств означало бы признать возможность ссылаться в приговоре на эти показания как на доказательства, что не соответствует действительному положению вещей [8, с. 8–9].

По нашему мнению, большинство из указанных выше доводов применимы к объяснениям потерпевшего, которые могут иметь место в ходе

судебного разбирательства в качестве доводов и соображений потерпевшего во время его выступления в прениях сторон.

Следует обратить внимание на то, что в отличие от объяснений показания потерпевшего могут получить только органы, ведущие процесс, в установленном законом порядке. Эти органы фиксируют сообщения (сведения), сделанные в ходе допроса потерпевшего, в протоколе допроса потерпевшего либо в протоколе судебного заседания. При этом допросить потерпевшего и получить его показания по уголовному делу может должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело. В ходе досудебного производства по уголовному делу уполномоченными субъектами получения показаний потерпевшего являются следователь, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель. В ходе судебного производства по уголовному делу в качестве субъекта получения показаний потерпевшего выступает суд (судья).

Проведение допроса потерпевшего является необходимым условием появления показаний потерпевшего. В соответствии с ч. 1 ст. 78 УПК РФ показания потерпевшего возможно получить только в результате допроса потерпевшего, проведенного в ходе досудебного производства или в суде. Показания потерпевшего, сделанные во время его допроса, фиксируются в протоколе его допроса либо в протоколе судебного заседания. В связи с этим при производстве иных следственных или процессуальных действий показания потерпевшего получить невозможно.

Показаниям потерпевшего свойственны специфические признаки, проявляющиеся в их формировании. Особенности показаний потерпевшего должны учитываться при их исследовании и оценке и позволяют говорить о них как о самостоятельном виде доказательств.

В частности, потерпевший наделен правами, обеспечивающими ему возможность добиваться удовлетворения своих законных интересов, нарушенных преступлением. Потерпевший является одновременно и источником доказательственной информации, и равноправным участником процесса доказывания. Потому показания потерпевшего имеют двойственную процессуальную природу. С одной стороны, показания потерпевшего – это источник доказательственной информации, с другой – средство защиты интересов потерпевшего.

Доказательственное значение в показаниях потерпевшего имеют только сообщенные им фактические сведения. В них может быть выражено и отношение потерпевшего к совершенному преступлению, могут содержаться его

объяснения тех или иных фактов, выдвигаемые им версии и аргументы в их обоснование, а также его ходатайства [9, с. 26]. Поэтому при оценке показаний потерпевшего необходимо различать сообщения о фактических обстоятельствах дела, воспринятых потерпевшим, и его выводы, предположения, оценочные суждения, не имеющие самостоятельной доказательственной ценности, но важные как для обеспечения прав потерпевшего, так и для определения направлений расследования [7, с. 269].

Основу показаний потерпевшего составляет личное восприятие важных для уголовного дела обстоятельств. Показания потерпевшего позволяют составить представление о случившемся, построить версии, обнаружить доказательства. Отличительной чертой, особенностью показаний потерпевшего является то, что в них, как правило, содержатся сведения обо всех обстоятельствах преступного деяния, об участвовавших в преступлении лицах, о характере и размере вреда, причиненного преступлением, и о его взаимоотношениях с обвиняемым.

Важно обратить внимание также на то, что показания потерпевшего исходят от человека, имеющего личную заинтересованность в исходе уголовного дела. Однако следует учитывать, что потерпевший не всегда заинтересован в привлечении к ответственности и наказании лица, которое, по его мнению, виновно в совершении преступления, и в возмещении ущерба, причиненного преступными действиями [10, с. 152].

Заинтересованности потерпевшего свойственно многообразие различных форм в зависимости от обстоятельств дела и личности потерпевшего. В одних случаях потерпевший заинтересован в раскрытии преступления и изобличении виновных, в других у него безразличное отношение, в третьих он бывает заинтересован в воспрепятствовании установлению обстоятельств совершенного преступления (например, когда выявление обстоятельств преступления может пролить свет на преступные действия или неблагоприятные поступки самого потерпевшего), в четвертых заинтересован в доказывании обстоятельств, заведомо не имевших места в действительности. Заинтересованность потерпевшего при самом добросовестном отношении его к даче показаний может быть и причиной произвольного искажения действительности, односторонней оценки тех или иных обстоятельств, предвзятого освещения их, преувеличения одних фактов и неполного освещения других [11, с. 94].

Особенностью показаний потерпевшего является также то, что они исходят от лица, имеющего возможность еще до окончания

предварительного расследования знакомиться с некоторыми материалами уголовного дела, поэтому его показания могут отражать не факты, непосредственно им воспринятые, а сведения, ставшие ему известными из материалов уголовного дела. По окончании предварительного расследования потерпевший имеет право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела. Данное обстоятельство может повлиять на содержание его показаний в суде, если потерпевший будет стремиться согласовать свои показания с другими доказательствами и внесет в них соответствующие коррективы.

Согласно ч. 1 ст. 78 УПК РФ показаниями потерпевшего признаются сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями, установленными для производства данного следственного действия. Вместе с тем, ч. 2 ст. 74 УПК РФ среди других доказательств указывает на показания потерпевшего, свидетеля, при этом они объединены в едином втором пункте. Безусловно, при сопоставлении характеристик показаний свидетелей и показаний потерпевших можно выявить много общего. Однако, на наш взгляд, показания потерпевшего не должны рассматриваться как разновидность свидетельских показаний, что обусловлено особым статусом потерпевшего как участника уголовного процесса.

В связи с этим, по нашему мнению, ст. 78 УПК РФ необходимо дополнить новой частью следующего содержания:

«Показания потерпевшего являются доказательствами по уголовному делу, если сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства или в суде в соответствии с требованиями статей 187–191 и 277 настоящего Кодекса, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

На основе анализа основных признаков, составляющих сущность показаний потерпевшего, представляется возможным дать авторское определение этого вида доказательств в уголовном процессе. Показания потерпевшего – это самостоятельный вид доказательств, который представляет собой сведения о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о взаимоотношениях потерпевшего с подозреваемым, обвиняемым, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде, и зафиксированные, соответственно, в протоколе допроса либо протоколе судебного заседания.

1. Громов Н.А. Уголовный процесс России: учеб. пособие. М., 1998.

2. Орлов Ю.К. Показания потерпевшего // Уголовно-процессуальное право: учеб. / под общ. ред. П.А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

3. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2000.

4. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009.

5. Михайловская И.Б. Виды доказательств // Уголовный процесс: учеб. / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2001.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.

7. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. М., 2009.

8. Мотовиловкер Я.О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956.

9. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964.

1. Gromov N.A. Criminal process of Russia: study aid. Moscow, 1998.

2. Orlov Yu.K. Victim's evidences // Criminal procedural law: textbook / gen. ed. by P.A. Lupinskaya. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 1997.

3. Orlov Yu.K. Bases of theory of evidences in criminal process: sci.-pract. manual. Moscow, 2000.

4. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidences in criminal process. Moscow, 2009.

5. Mikhailovskaya I.B. Types of evidences // Criminal process: textbook / ed. by I.L. Petrukhin. Moscow, 2001.

6. Ozhegov S.I. Russian language dictionary. Moscow, 1989.

7. Lazareva V.A. Proving in criminal process: study and practical manual. Moscow, 2009.

8. Motovilovker Ya.O. Evidences and explanations of an accused as a means of defense in Soviet criminal process. Moscow, 1956.

9. Kokorev L.D. Accused from a crime in Soviet criminal process. Voronezh, 1964.

10. Savitsky V.M., Poteruzha I.I. Accused in Soviet criminal process. Moscow, 1963.

10. Савицкий В.М., Потержа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963.

11. Якуб М.Л. Показания потерпевшего и их оценка // Правоведение. 1967. № 2.

11. Yakub M.L. Evidences of an accused and their assessment // Science of law. 1967. № 2.

Романенко Наталья Валерьевна
 аспирант кафедры судебной деятельности
 Уральской государственной юридической академии
 (e-mail: uralinfotech@rambler.ru)

О равенстве перед законом и судом как конституционном принципе правосудия

Статья посвящена исследованию принципа равенства перед законом и судом. Автор обосновывает диалектическую природу равенства, необходимость исключений из него, критически оценивает содержащиеся в законодательстве определения равенства, формулирует собственные определения равенства и неравенства перед законом и судом.

Ключевые слова: равенство, принцип правосудия, закон, суд.

N.V. Romanenko, Post-graduate of a Chair of Judicial Activity of the Urals State Law Academy;
 e-mail: uralinfotech@rambler.ru

Equality before the law and the court as a constitutional principle of justice

The article is devoted to the study of the principle of equality before the law and the courts. The author proves the dialectical nature of equality, the need for exceptions to it, is critical of the definition in the law of equality, formulates its own definitions of equality and inequality before the law and the courts.

Key words: equality, principle of justice, law, court.

В современном мире практически все конституции демократических государств устанавливают формальное равенство для населяющих их территории людей. Это всеобщая тенденция развития нашего общества, степень его цивилизованности, степень, характеризующая уровень его зрелости. Универсальный «тон» формального равенства задается такими положениями международно-правовых актов, как ст. 1, ст. 7 Всеобщей декларации прав человека [1], ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], ст. 14, 20 Международного пакта о гражданских и политических правах [3]. Их основное содержание сводится к следующему: все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации. Все лица равны перед судами и трибуналами. Поддерживает эти положения и Российская Федерация, закрепляя аналогичные нормы в ст. 3 постановления ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» [4] и ст. 19 Конституции РФ [5], запрещающая дискриминацию по какому бы то ни было основанию – физическому (пол, раса и пр.) либо социальному (принадлежность к

общественным объединениям, отношение к религии и т.п.).

Следует отметить, что равенство выступает в двух самостоятельных ипостасях, одна из которых определяет другую: как правовая категория, подразумевающая равенство прав, обязанностей и ответственности всех лиц вне зависимости от перечисленных выше обстоятельств, и как принцип правосудия, т.е. руководящая идея в деятельности судов, запрещающая им отдавать предпочтение при отправлении правосудия каким бы то ни было лицам независимо от тех же обстоятельств. Равенство как правовая категория – явление, на наш взгляд, более глубокое, основополагающее, являющееся регулятором всех общественных отношений, в том числе и связанных с отправлением правосудия, тесно связанное со справедливостью, а потому над смыслом и уяснением его содержания ученые размышляли всегда. О неиссякаемом интересе ученых к понятию равенства свидетельствуют вехи его исследования в историко-правовой мысли – от Аристотеля («равенство для равных, а неравенство для неравных... Нет большей несправедливости, чем равное обращение с неравными» [6]), Ж.-Ж. Руссо (который говорил о равенстве людей в естественном состоянии и усилении неравенства по мере появления собственности) [7], В.И. Ленина (который подразумевал под равенством в политической области

равноправие, а экономической – уничтожение классов: «Уничтожить классы – это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества...» [8]) до современных ученых, таких как С.С. Алексеев, Е.Н. Бырдин, В.З. Джантуханов, В.Д. Зорькин, Г.Н. Комкова, В.В. Лапаева, Г.В. Мальцев, В.С. Нерсисянц, Е.В. Тилежинский, В.Г. Федорова, И.М. Шапиро, Б.С. Эбзеев и др. Общая устоявшаяся картина взглядов на его современное понимание состоит в сложившемся делении равенства на два вида: формальное, т.е. юридически уравнивающее изначальное правовое положение фактически неравных субъектов, и фактическое – допускающее различное правовое регулирование в отношении разных индивидов в целях компенсации их особенностей (отдельные авторы называют их горизонтальным и вертикальным равенством [9]). То есть мы можем сделать вывод о том, что специфика равенства как правовой категории заключается в диалектической сущности его правовой природы, в реализации его в правоприменительной деятельности через противоречие, через неравенство: равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, справедливость – лишь в рамках противоположности к несправедливости [10]. Присутствие исключений в праве предопределено самой сущностью права как наиболее важного регулятора общественных отношений... Говоря об исключениях как об альтернативных правилам способах руководства обществом, надо учитывать, что они не направлены против правил, а напротив, подпадают под них, соотносятся с ними как часть и целое [11]. На допустимость в принципе равенства подобного рода исключений неоднократно указывал и Конституционный Суд РФ. В частности, он отмечал, что применимость данного принципа ко всем основным правам и свободам не исключает возможности его различного проявления [12]. При равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении; если же условия не являются равными, федеральный законодатель вправе установить для них различный правовой статус [12]. Конституционный принцип равенства гарантирует равные права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, и не исключает возможность установления различных норм в отношении лиц, принадлежащих к другим категориям. Поэтому принцип равенства не может считаться нарушенным, когда различия между теми или иными категориями лиц являются достаточными для того, чтобы предусмотреть для

них различное правовое регулирование [13; 14; 15]. Конституционные принципы равенства и равноправия, а также запрет на ограничение в правах, закрепленные ст. 19 Конституции РФ, не означают, что законодатель не вправе предусматривать льготы и компенсационные выплаты для отдельных категорий граждан, нуждающихся в государственной поддержке, таких как пенсионеры, инвалиды, участники войны, либо граждан, осуществляющих те или иные публичные функции [16]. Данная статья Конституции РФ, гарантируя равенство всех перед законом и судом, не исключает возможности установления ответственности (в том числе уголовной) за некоторые деяния, которые могут совершаться только определенными категориями граждан (специальными субъектами) [17]. Равный подход к формально равным субъектам не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимость их учета законодателем [18].

Однако во избежание превращения исключений из правил в его нарушения мы обязательно должны помнить об их пределах – случаях их возможности и уместности, за которыми начинается дискриминация. Этот вопрос также активно исследуется учеными. Так, В.А. Задорожная говорит о том, что юридическая сила нормы-исключения должна быть не ниже конституционной, сфера ее применения не должна быть слишком обширной, чтобы не превращать отступление от равенства в правило, а сама норма также не должна вступать в противоречие с системой. По мнению И.М. Шапиро, ограничения и льготы компенсационного и гарантирующего характера при условии сбалансированности нормативного закрепления подтверждают юридическое равенство и его формальный характер. Льготы стимулирующего характера и привилегии не обеспечивают юридического равенства, но и не нарушают его. Н.Н. Бабаян приводит свое определение дискриминации, под которым она понимает нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а равно любое различие, исключение, ограничение, предпочтение или предоставление необоснованных привилегий человеку или гражданину в зависимости от его пола, расы и пр. Для уяснения критериев пределов допустимости исключений из принципа равенства мы также обратились к опыту Конституционного Суда РФ, базовые правовые позиции которого могут быть сфор-

мулированы следующим образом: различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям, должны быть объективно оправданными, обоснованными и соответствовать конституционно значимым целям и требованиям, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им. При этом устанавливается прямой запрет вводить ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях). (См. об этом: постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2004 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 6 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Мещанского районного суда города Москвы»; постановление Конституционного Суда РФ от 3 июня 2004 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами Государственной Думы Астраханской области, Верховного Суда Удмуртской Республики, Биробиджанского городского суда Еврейской автономной области, Елецкого городского суда Липецкой области, Левобережного, Октябрьского и Советского районных судов города Липецка, а также жалобами ряда граждан»; постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2011 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева»; постановление Конституционного суда РФ от 19 июля 2011 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Шашарина».)

Таким образом, уважая мнение всех авторов, мы можем сформулировать вывод, что правовая категория равенства имеет диалектическую природу, т.е. допускает исключения в виде установления для отдельных категорий лиц льгот, привилегий, а равно и дополнитель-

ных ограничений и запретов, что не является его нарушением, если указанные исключения обоснованы, оправданы, сбалансированы и соответствуют конституционно значимым целям и требованиям. Помимо прочего, мы можем видеть, как категория равенства, будучи отраженной в правовых нормах, из философского, теоретико-абстрактного понятия превращается в функциональное правовое явление. Более того, возведенное в ранг конституционного принципа правосудия, закрепленного как в ст. 19 Конституции РФ, так и в ряде специальных законов, оно становится активным и чрезвычайно важным регулятором общественных отношений. Однако все нормативные правовые акты содержат лишь его декларативное закрепление либо тавтологические определения, не раскрывающие его сущности. Более того, в одних нормативных правовых актах в качестве «уравнивающего» института выступают и закон, и суд (см. ст. 6 ГПК РФ, ст. 7 АПК РФ, ст. 7 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»), в других – только суд (ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»), в третьих – только закон (ст. 1.4 КоАП РФ, ст. 4 УК РФ и даже ст. 7 Всеобщей декларации прав человека). С учетом отмеченной значимости принципа равенства всех перед законом и судом и пробелов в его законодательном регулировании исследованию правовой его природы и регулятивной силы также посвящено немало работ ученых: Н.Н. Бабаян, З.Г. Брциевой, З.А. Дуллаева, К.В. Дядюн, В.А. Задорожной, В.Ю. Зубакина, А.Ю. Лактаевой, Р.А. Малясова, П.С. Пастухова, А.А. Россошанского, И.С. Семеновы и др. В отдельных авторских исследованиях приводятся собственные понятия указанного принципа (Бабаян, Брциева, Дуллаев), некоторые исследователи отрицают необходимость выделения равенства перед законом и перед судом, считая, что разделение названного принципа на две части не способствует лучшему его пониманию, влечет неверное представление о его сущности и содержании (Задорожная). Мы со своей стороны выразим точку зрения, что взаимосвязь этих двух общественных институтов – закона и суда – не требует подтверждения в своей неразрывности, поскольку вся деятельность суда направлена на точное и неуклонное соблю-

дение закона, а сам суд является основным органом реализации закона. Конечно, законы реализует (исполняет) не только суд, но и все органы исполнительной ветви власти, однако суду в этом процессе дано право последнего, решающего слова, гарантированного ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, вплоть до признания законов недействующими (неконституционными) и не подлежащими применению. То есть принцип равенства лиц перед законом и судом обеспечивается судом, однако при этом равенство перед законом – понятие более широкое, чем равенство перед судом, поскольку первое регулирует правовой статус лиц во всех сферах общественных отношений, второе же – лишь в сфере осуществления правосудия. Соглашаясь с мнением В.Ю. Зубакина, что равенство перед законом действует латентно, независимо от того, будет данный принцип когда-либо применен человеком или нет, тогда как равенство перед судом реализуется лишь при обращении гражданина к правосудию, т.е. данный принцип носит «явочный» характер [19], заметим, что уяснение содержания принципа равенства требуется отдельно и самостоятельно как для понятия «перед законом», так и для понятия «перед судом», поскольку понятия «закон» и «суд» достаточно конкретны и довольно далеки друг от друга. Более того, полагаем, что для формулировки этих определений следует пользоваться методом «от противного», т.е. давать определение равенства в противовес к определению неравенства, а не излюбленным как законодателем, так и некоторыми исследователями методом тавтологического определения, при котором «равенство – это равное отношение, когда все равны».

Таким образом, определяя содержание равенства перед законом, мы должны исходить из его основных составляющих: во-первых, это установление равного правового статуса (т.е. равной совокупности прав, обязанностей и ответственности) при допустимости изъятий, но только по четко определенным, обоснованным и соответствующим конституционно значимым целям, законодательно закрепленным основаниям, которому должны соответствовать нормы как материального, так и процессуального закона. Во-вторых, поскольку отдельные элементы статуса могут быть установлены любыми нормативными правовыми актами, равенству должны корреспондировать не только законы, но и подзаконные акты – указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, приказы федеральных

министерств, служб, агентств и пр., а также акты органов власти субъектов Федерации и акты органов местного самоуправления, т.е. ни в одном из перечисленных документов не могут содержаться дискриминационные нормы.

Таким образом, равенство перед законом лиц как принцип правосудия – это распространение используемых в правоприменительной деятельности суда норм материального и процессуального права, установленных в нормативных правовых актах различных органов государственной власти и органов местного самоуправления, на всех лиц одинаково с другими, при возможности допустимого в рамках обоснованности, соразмерности и объективной оправданности неравного положения (установления исключений в виде правовых преимуществ, сдерживаний, дополнительной ответственности и гарантий), обусловленного необходимостью выполнения социально значимой должностной функции и соблюдения баланса интересов личности, общества и государства. Следовательно, неравенство перед законом – это распространение в правоприменительной деятельности суда на каких бы то ни было лиц норм права, установленных в различных законодательных актах, неодинаково с другими лицами, при допущении для них исключений (в виде правовых преимуществ, гарантий, освобождения от ответственности), не обусловленных необходимостью выполнения ими своей социально значимой должностной функции, вопреки обоснованности, соразмерности и объективной оправданности, нарушающих тем самым баланс интересов личности, общества и государства. Это необходимость суда руководствоваться несбалансированной, необоснованной, несоразмерной нормой законодательного акта, регулирующей правоприменение в отношении указанной категории лиц, за отсутствием иного законодательного регулирования.

Далее, для уяснения содержания понятия «равенство перед судом» необходимо в первую очередь определить понятие «суд», которое в русском языке имеет следующие значения: а) государственный орган, ведающий разрешением правовых споров; б) разбирательство дел в таких органах; в) судьи, т.е. те, кто судит [20, с. 777]. Следовательно, говорить о понятии «перед судом» можно в трех значениях – организационном, процессуальном и субъектно-персональном. Под судом в организационном значении следует понимать государственный орган, принадлежащий к любому из звеньев су-

дебной системы, а также к любой из судебных инстанций. Под судом в процессуальном значении следует понимать осуществление правосудия в любой из форм этого осуществления посредством любого из видов судопроизводств (уголовного, гражданского, административного, арбитражного или конституционного), на любой стадии производства по делу. Под судом в субъектно-персональном значении следует понимать профессиональных судей, а также заседателей, участвующих в отправлении правосудия во время исполнения ими своих обязанностей.

Главное содержание принципа равенства перед судом раскрыто в ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и заключается в установленном для него запрете отдавать предпочтение кому бы то ни было, т.е. совершать процессуальные действия одинаково внимательно и объективно в отношении всех участников: исследовать доказательства, выслушивать и удовлетворять их ходатайства и пр. Поскольку результатом процессуальной деятельности суда становится принятие решения как в устной, так и в письменной форме (например, в виде постановления, определения, приговора), то при сохранении им объективности и беспристрастности оно может быть вынесено в интересах любой из сторон, в пользу которой сформировалось внутреннее убеждение суда (судьи), основанное на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Таким образом, мы можем сформулировать свое определение принципа равенства всех перед судом – это беспристрастное, объективное, без оказания предпочтения, равное отношение к участникам процесса суда любого звена судебной системы и любой инстанции, в лице любого судьи или заседателя при осуществлении ими правосудия в любой форме, в любом виде судопроизводства. Это вынесение судом решения только в зависимости от обстоятельств дела, в том числе и не в пользу указанных лиц. И, напротив, неравенство перед судом каких бы то ни было лиц – это оказание обозначенным выше судом предпочтения указанным лицам при осуществлении правосудия в указанных выше формах и видах судопроизводства. Это вынесение судом решения в интересах указанных лиц вопреки обстоятельствам дела.

Для акцентирования практического значения сделанных выводов заметим, что неравенство перед законом, т.е. диспропорциональное, несбалансированное законодательство, содержащее несбалансированное количество преимуществ, льгот или правоограничений для кого бы то ни было, а также неравенство перед законом, т.е. пристрастное, лишённое независимости отношение суда к кому бы то ни было – одна из основных причин, вызывающих проблемы в реализации принципа равенства всех перед законом и судом, одна из основных проблем современности, поставленная на второе место по значимости как угроза демократическим завоеваниям России после проблемы большого разрыва между богатством и бедностью [21, с. 10].

1. *Рос. газ.* 1998. 10 дек.
2. *Собр. законодательства РФ.* 2001. № 2. Ст. 163.
3. *Ведомости Верховного Совета СССР.* 1976. № 17(1831). Ст. 291.
4. *Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ.* 1991. № 52. Ст. 1865.
5. *Рос. газ.* 1993. 25 дек.
6. *Аристотель. Политика.* Кн. 3. VII. 1; Кн. 3. V. 8.
7. *Алексеев А.С. Этюды о Жан-Жаке Руссо.* М., 1887. Т. 1, 2.
8. *Ленин В.И. Либеральный профессор о равенстве // Полн. собр. соч.* Т. 24.
9. *Винницкий Д.В. Принцип равенства и всеобщности налогообложения: проблемы реализации // Законодательство и экономика.* 2003. № 4.

1. *Rus. newsp.* 1998. Dec. 10.
2. *Coll. of legislation of the Russian Federation.* 2001. № 2. Art. 163.
3. *Bull. of the Supreme Soviet of the USSR.* 1976. № 17(1831). Art. 291.
4. *Bull. of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation.* 1991. № 52. Art. 1865.
5. *Rus. newsp.* 1993. Dec. 25.
6. *Aristotel. Policy.* Pr. 3. VII. 1; 114; Pr. 3. V. 8.
7. *Alekseev A.S. Studies of Jean-Jacques Rousseau.* Moscow, 1887. T. 1, 2.
8. *Lenin V.I. The liberal professor of equality // Full works.* T. 24.
9. *Vinnitsky D. The principle of equality and universality of taxation: implementation challenges // Law and economics.* 2003. № 4.
10. *Marx K. and Engels F. Coll. of works.* 2nd ed. T. 20.

10. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 20.

11. Суменков С.Ю. Вопросы реализации исключений в праве // Гражданин и право. 2009. № 3.

12. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного собрания Вологодской области о проверке конституционности отдельных положений статей 40, 98, 99 и 102 Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 2 февр. 2006 г. № 17-О // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2006. № 3.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Силина Сергея Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 Правил получения отдельными категориями военнослужащих денежной компенсации вместо предметов вещевого имущества личного пользования, положенных по нормам снабжения вещевым имуществом военнослужащих в мирное время: определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2007 г. № 580-О-О // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2007. № 24.

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зайцева Ивана Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 19.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 24 нояб. 2005 г. № 424-О // СПС «Гарант».

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Журавлева Анатолия Петровича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 11 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16 февр. 2006 г. № 52-О // СПС «ГАРАНТ».

16. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Администрации Архангельской области о проверке конституционности статьи 32 Закона Российской Федерации «О милиции», статьи 44 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», статьи 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 19 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», статьи 18 Федерального закона «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» и статьи 18 Закона Российской Федерации «О федеральных ор-

11. Sumenkov S. Yu. Questions of the exceptions in the law // Citizen and law. 2009. № 3.

12. The refusal to accept for consideration the request of the Legislative Assembly of the Vologda region about the constitutionality of certain provisions of articles 40, 98, 99 and 102 of the Federal law «The Charter of Railway Transport»: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Febr. 2, 2006 № 17-O // Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2006. № 3.

13. The refusal to consider an appeal of a citizen Silin Sergey Konstantinovich violation of his constitutional rights, paragraph 1, of the Rules of obtaining certain categories of military compensation in lieu of items of personal clothing and equipment, according to the norms laid supply military clothing and equipment in peacetime: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2007 № 580-O-O // Constitutional justice in the countries of the CIS and the Baltic States. 2007. № 24.

14. The refusal to consider an appeal of a citizen Zaytsev Ivan Nikolaevich for violation of his constitutional rights of paragraph 1 of article 19.15 of the Code of Administrative Offences: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Nov. 24, 2005 № 424-O // PCA «Guarantee».

15. The refusal to consider an appeal of a citizen Zhuravlev Aleksandrov a violation of his constitutional rights sixth part of article 11 of the Service in the Internal Affairs of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Febr. 16, 2006 № 52-O // PCA «Guarantee».

16. The refusal to accept for consideration the request of the Administration of the Arkhangelsk region on the constitutionality of article 32 of the Law of the Russian Federation «On Police», article 44 of the Federal Law «On the Procuracy of the Russian Federation», article 20 of the Federal law «On the Status of Servicemen», article 19 of the Law of the Russian Federation «On the Status of judges in the Russian Federation», article 18 of the Federal law «On the Federal Security Service of the Russian Federation», and article 18 of the Law of the Russian Federation «On the federal tax authorities police»: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of Dec. 1, 1999 № 224-O // PCA «Guarantee».

17. The refusal to consider an appeal of a citizen Martynov Vladimir Andreevich a violation of his constitutional rights by note 1 to article 285 of the Criminal code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the

ганах налоговой полиции»: определение Конституционного Суда РФ от 1 дек. 1999 г. № 224-О // СПС «ГАРАНТ».

17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мартынова Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав примечанием 1 к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 апр. 2002 г. № 118-О // СПС «ГАРАНТ».

18. По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова»: постановление Конституционного Суда РФ от 29 нояб. 2004 г. № 17-П // Рос. газ. 2004. 7 дек.

19. Зубакин В.Ю. Конституционный принцип равенства всех перед законом в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

20. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

21. Бондарь Н.С. Конституционная безопасность личности, общества, государства: постановка проблемы в свете конституционного правосудия, обеспечения социальной справедливости, равенства и прав человека // Законодательство и экономика. 2004. № 4.

Russian Federation of Apr. 24, 2002 № 118-О // PCA «Guarantee».

18. On the constitutionality of the first subparagraph of paragraph 4 of article 64 of the Law of the Leningrad Region «On elections of deputies of representative bodies of local self-government and local government officials in Leningrad region» due with the complaint of citizens and V.I. Gnezdilova, S.V. Pashigorova: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of Nov. 29, 2004 № 17-P // Rus. newsp. 2004. Dec. 7.

19. Zubakin V.Yu. The constitutional principle of equality of all before the law in the Russian Federation: diss. ... Master of Law. Saratov, 2006.

20. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Dictionary of Russian language. Moscow, 1997.

21. Bondar N.S. The constitutional security of the person, society, state: problem in the light of constitutional justice, social justice, equality and human rights // Law and economics. 2004. № 4.

Смирная Лидия Витальевна

адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: roman_005_93@mail.ru)

Сущность и процессуальное значение института возобновления уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств

В статье проводится анализ института возобновления уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Рассматриваются вопросы сущности и процессуального значения возобновления уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств как самостоятельной стадии российского уголовного процесса. Обосновывается необходимость модернизации законодательства, регламентирующего возобновление уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Ключевые слова: возобновление уголовных дел, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, уголовный процесс.

L.V. Smirnaya, Adjunct of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: roman_005_93@mail.ru

The nature and procedural importance of the institution resumption of criminal cases in view of new and renew circumstances

The article analyzes the institution resumption of criminal cases in view of new and renew circumstances. Issues of the nature and procedure of the restoration of the criminal cases in view of new and renew circumstances as independent under Russian criminal trial are considered. The necessity of modernization of legislation governing the resumption of criminal cases because of new and renew circumstances is based.

Key words: resumption of criminal cases, new circumstance, renew circumstances, criminal procedure.

Проблемы правовой регламентации по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, оказывающие существенное отрицательное влияние на правоприменительную деятельность, а также содержание форм и методов реализации данного производства указывают, что в современном уголовном процессе по-прежнему остаются неразрешенными многие процессуальные аспекты обозначенной стадии. Вследствие этого назрела необходимость в комплексном анализе всего ряда проблемных вопросов, связанных с осуществлением производства по уголовным делам ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

В соответствии с ч. 1, 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 22 ноября 1984 г. никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с

законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства. Однако это не препятствует пересмотру дела в соответствии с законом, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах, которые могли повлиять на исход дела.

Особое внимание в международном праве уделено случаям пересмотра уголовных дел в связи с таким новым обстоятельством, как «установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом уголовного дела», предусмотренным п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ. В Рекомендации от 19 января 2000 г. № R (2000) 2 КМСЕ «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека» указано, что практика Комитета Министров по осуществлению контроля за выполнением решений Суда показывает, что в определенных обстоятельствах пересмотр

дел или возобновление производства по делу оказываются самыми эффективными, если не единственными, мерами для достижения *restitutio in integrum*. В соответствии с ч. 3 ст. 50 Конституции РФ каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом.

Обращаясь к историческому аспекту сущности развития института, следует отметить, что производство «возобновления уголовных дел» было позаимствовано из законодательств Германии и Австрии и приспособлено к реалиям российского уголовного судопроизводства. В свое время И.Я. Фойницкий называл возобновление уголовных дел чрезвычайным способом производства. «После вступления приговора в законную силу, – писал он, – могут обнаружиться новые обстоятельства, которые, будь они в свое время известны суду, рассматривающему дело, вызвали бы с его стороны иной приговор. Очевидность ошибочности постановленного приговора может быть настолько велика, что дальнейшее приведение его в исполнение было бы явной несправедливостью, и то зло, которое уже понесено вследствие его, должно быть искуплено государством». Он осознавал, что исключительность (чрезвычайность) стадии есть серьезная проблема: «Трудность практического разрешения этого вопроса лежит в наличности приговора, вошедшего в законную силу и создающего сильное предположение в пользу справедливости его; недостаточно сомнений в его справедливости, нужна полная уверенность в противном, для того чтобы посягнуть на него. Поэтому производство, направленное к колебанию силы вошедших в законную силу приговоров и носящее название возобновления уголовных дел, представляет собой исключительный способ пересмотра, допускаемый со значительными ограничениями» [1, с. 232].

В.Е. Баскакова, подвергнув тщательному анализу сущность института возобновления производства по уголовному делу как дополнительного и исключительного способа проверки правосудности судебных решений, вступивших в законную силу, пришла к выводу, что этот вид производства имеет резервное значение, используется, когда не применимы или были исчерпаны другие средства процессуально-правовой защиты [2, с. 183].

Следует отметить, что уголовно-процессуальные кодексы Казахстана, Украины, Молдовы не знают «новых обстоятельств» в том смысле, который вкладывает в них п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ: «Новые обстоятельства – обстоятельства, не

известные суду на момент вынесения судебного решения, устраняющие преступность и наказуемость деяния». Уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ в этой части предельно логично. В частности, в ст. 471 УПК Республики Казахстан иные обстоятельства определяются как «неизвестные суду при вынесении приговора определения, которые сами по себе или вместе с ранее установленными обстоятельствами свидетельствуют о невинности осужденного или о совершении им иного по степени тяжести преступления, чем то, за которое он осужден, либо о виновности оправданного лица или лица, в отношении которого дело было прекращено».

Несмотря на свою актуальность, институт возобновления уголовных дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам является наименее разработанным как в теоретическом, так и в законодательном аспектах. Данное обстоятельство подтверждается статистическими показателями, на которые ссылается В.А. Давыдов, указывая, что 76% опрошенных судей Верховного Суда РФ и 80% судей верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов отметили неэффективность действующего регулирования, предусмотренного нормами гл. 49 УПК РФ, и необходимость его совершенствования. В частности, около 85% респондентов высказались за необходимость обобщения судебной практики и разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ законодательства, регулирующего пересмотр судебных актов ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [3, с. 35–36].

Между тем стадия возобновления дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств представляет собой одну из важных гарантий справедливого отправления правосудия и соблюдения законности в судопроизводстве.

Анализ правоприменительной практики убедительно свидетельствует о том, что, наряду с ошибками концептуального характера, имеют место и весьма существенные «локальные» просчеты законодателя, создающие неопределенность в процессе применения норм гл. 49 УПК РФ и тем самым снижающие уровень защиты граждан от неправосудных судебных актов.

В.А. Давыдов отмечает, что такие просчеты, в частности, допущены:

1) при регулировании порядка досудебного проверочного производства, осуществляемого прокурором, включая расследование так называемых «иных» новых обстоятельств;

2) при регламентации (точнее, при отсутствии таковой) процессуальной деятельности Председателя Верховного Суда РФ, связанной

с иницированием проверочного производства в связи с решениями Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека;

3) при регулировании:

а) системы судов, правомочных осуществлять пересмотр судебного акта ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств;

б) пределов прав суда;

в) видов решений суда и порядка их обжалования и пересмотра;

г) собственно судебного порядка рассмотрения уголовного дела по представлению Председателя Верховного Суда РФ либо по заключению прокурора;

д) особенностей производства по уголовному делу после отмены судебных актов ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [4, с. 20–23].

Особенности производства по пересмотру судебных актов ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств predetermined характером судебных ошибок, для исправления которых, собственно, и предназначено данное производство.

В УПК РФ законодатель не вполне аутентично воспринял правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные им в постановлении от 6 февраля 1996 г. № 4-П, вследствие чего возможности данного института в исправлении судебных ошибок были расширены лишь в части пересмотра судебных актов в связи с решениями Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

В нормах гл. 49 УПК РФ законодатель, при отсутствии к тому каких-либо объективных предпосылок, не предусмотрел для осужденного, потерпевшего, их представителей и иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются неправосудными судебными актами, порядок непосредственного обращения в соответствующий суд с ходатайством о пересмотре судебного акта «ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств», установленных вступившими в законную силу судебными актами либо процессуальными решениями должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование (ч. 5 ст. 413 УПК РФ).

Представляется, что отсутствие такой правовой возможности явно не способствовало повышению эффективности исследуемого процессуального института, и подтверждение тому – данные судебной статистики. В 2012 г. только по ст. 307 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, были осуждены

1373 лица, тогда как прокурорами в президиумы высших судов республик, краевых, областных и равных им судов были внесены заключения о пересмотре судебных решений только в отношении 25 лиц. Изложенное свидетельствует о явном дисбалансе между числом лиц, осужденных за преступление против правосудия, и тем числом судебных решений, которые стали предметом пересмотра ввиду вновь открывшихся обстоятельств, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 413 УПК РФ.

Следственно-судебная практика свидетельствует о том, что перечень вновь открывшихся обстоятельств, приведенный в ч. 3 ст. 413 УПК РФ, не охватывает всех возможных случаев, когда необходимо возобновление производства по делу в связи с возникновением обоснованных сомнений в правосудности приговора, вступившего в законную силу.

Слабая теоретическая разработка института возобновления уголовных дел и несовершенство его процессуальной регламентации могут привести, как показывает практика, к игнорированию этого способа пересмотра вступивших в законную силу судебных решений и подмене его рассмотрением в порядке надзора. Такое смешение является нарушением закона, ущемляет права и законные интересы граждан и в конечном счете приводит к необоснованной отмене вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений.

Недооценку данной стадии уголовного процесса обычно объясняют незначительным количеством возобновляемых в этой стадии дел, однако значимость той или другой стадии процесса определяется не только и не столько этим: главное, что данная стадия всегда может быть важной дополнительной гарантией справедливости. Надо стремиться исправить каждую ошибку. Наличие в системе уголовного процесса стадии возобновления дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств соответствует природе этого процесса как справедливого и гуманного.

Существующая тенденция исследования типичных ошибок «заслоняет» проблему специфических промахов, устранение которых для укрепления законности имеет большое значение. Порядок исправления таких незаконных приговоров должен опираться на четко регламентированную процессуальную процедуру возобновления дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

В связи с этим согласимся с мнением о том, что «институт возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств нуждается в дальнейшем

научном осмыслении как в целом, так и в части отдельных его положений, а также требует комплексного исследования вкупе с другими институтами пересмотра приговоров» [5, с. 53].

На основании вышеизложенного мы считаем необходимым:

выработать в уголовно-процессуальной науке концептуально новый подход к переосмыслению процессуальной сущности и значения института возобновления уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств как эффективного, реально действующего инструмента исправления судебных ошибок;

создать необходимые правовые условия посредством регламентации и унификации уголовно-процессуальных норм для понимания того, что институт возобновления уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств – это не просто исключительная стадия уголовного процесса, а неотъемлемый элемент единой, отлаженной системы правосудия;

внести изменения в ч. 5 ст. 413 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Осужденный, потерпевший, их представители и иные лица, чьи права и законные интересы затрагиваются неправосудными судебными актами, вправе непосредственно обратиться в соответствующий суд с ходатайством о пересмотре судебного акта при наличии обстоятельств, установленных вступившими в законную силу судебными актами либо процессуальными решениями должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование».

Все вышесказанное свидетельствует, что исследование данного института – актуальная задача, имеющая важное теоретическое и практическое значение. Представляется, что юридическая наука должна заниматься не только совершенствованием ошибок, но и развитием технологии уголовного процесса, которая позволила бы устранить эти ошибки.

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996.

2. Баскакова В.Е. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

3. Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. М., 2011.

4. Давыдов В.А. Некоторые проблемы правового регулирования системы судов, правомочных возобновлять уголовное дело ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Российский судья. 2009. № 11.

5. Филев Я.Е. Правовое регулирование возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2007.

1. Foinitsky I.Ya. The course of criminal proceedings. St. Petersburg, 1996.

2. Baskakova V.E. The resumption of the proceedings in view of the new circumstances: theory and practice: auth. abstr. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2009.

3. Davydov V.A. The resumption of criminal proceedings because of new or newly discovered circumstances. Moscow, 2011.

4. Davydov V.A. Some problems of legal regulation of vessels eligible to renew a criminal case because of new or newly discovered facts // Russian judge. 2009. № 11.

5. Filev Ya.E. Legal regulation of the resumption of criminal proceedings in view of new and newly discovered circumstances: diss. ... Master of Law. Orenburg, 2007.

Харзинова Виолета Мухамединовна

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры общеправовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
сотрудников МВД России (филиала)
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: harzinova@yandex.ru)

Проблемы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами

Статья посвящена актуальным проблемам получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Ключевые слова: следственное действие, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, участники уголовного процесса, абонент, абонентское устройство.

V.M. Kharzinova, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of General Law Disciplines of the North-Caucasian Advanced Training Institute for the personnel of the Ministry of the Interior of Russia (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: harzinova@yandex.ru

Problems of getting information about connection between telephone subscribers and (or) subscribers' device

The article is devoted to topical issues of getting information about connection between subscribers and subscribers' device.

Key words: investigative action, getting information about connection between telephone subscribers and (or) subscribers' device, participants of criminal process, subscriber, subscriber's device.

Как самостоятельное следственное действие в Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ было введено «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186.1).

Появление данного следственного действия в уголовно-процессуальном законодательстве процессуалисты комментировали неодинаково. Так, С. Трухин, федеральный судья Яранского районного суда Кировской области, относит данное следственное действие к наиболее результативным следственным действиям [1]. О.В. Волинская и В.С. Шишкин отмечают, что «наличие своевременного получения подобных сведений следователем (дознавателем) может существенным образом повлиять на осуществление доказательственной деятельности как в ходе расследования преступления, так и в ходе разрешения дела по существу. К примеру, при расследовании категории уголовных дел, связанных с хищениями мобильных телефонов, такая документально закреплённая информа-

ция может являться основой для выдвижения следственных версий и организации хода расследования» [2].

О.В. Гладышева придерживается совершенно другого мнения: «Расширение круга следственных действий – процесс закономерный и прогрессивный. Однако включение в число следственных тех действий, которые по своей сути не могут быть адаптированы к процессуальным институтам обеспечения законных интересов их участников, видится ошибочным. Поэтому предлагаем исключить из системы следственных действий контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как не отвечающие процессуальной природе следственных действий» [3].

Следует не согласиться с мнением О.В. Гладышевой, поскольку все следственные действия в какой-то мере (одни больше, другие меньше) затрагивают законные интересы их участников, но для обеспечения интересов участников следственного действия законодатель говорит о возможности производства некоторых след-

ственных действий, в том числе и получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, на основании судебного решения.

Кроме того, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами можно отнести к следственным действиям, т.к. ему присущи все признаки следственного действия:

- 1) проводится только после возбуждения уголовного дела;
- 2) проводится уполномоченным лицом;
- 3) процессуальный порядок производства регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом РФ;
- 4) проводится при наличии фактических и (или) формально-процессуальных оснований;
- 5) его производство связано с мерами государственного принуждения в рамках закона;
- 6) производство возможно только в ходе предварительного расследования и при расследовании по вновь открывшимся обстоятельствам;
- 7) его производство направлено на отыскание, восприятие, закрепление и оценку доказательственной информации.

Своевременное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами позволяет ускорить процесс доказывания по уголовному делу. Кроме того, признание данного действия следственным является закономерным процессом, поскольку диктуется существующим техническим прогрессом.

Вместе с тем, это специфичное следственное действие, поскольку включает в себя несколько различных по своей сути процессуальных действий: получение информации, осмотр полученной информации, приобщение и сохранение полученной информации как вещественного доказательства. Следует отметить, что получение информации – это процессуальное действие; осмотр информации – это типичное следственное действие; приобщение к материалам уголовного дела полученной информации и ее сохранение – это процессуальное действие. Исходя из этого, можно дать такое определение: получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами – это самостоятельное следственное действие, которое направлено на установление, изъятие, осмотр и сохранение информации, имеющей значение для уголовного дела.

Абонентом в данном случае является пользователь услуг связи, который заключил договор об оказании услуг соответствующей связи и получил абонентский номер или код идентифи-

кации. Поэтому абонентом не может считаться лицо, которое пользуется абонентским номером (кодом идентификации). На практике не всегда зарегистрированным номером телефона пользуется именно абонент, который заключил договор об оказании услуг связи. С учетом этого ходатайство о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами возбуждается только в том случае, когда:

- 1) следователь или иное уполномоченное должностное лицо уверено, что может получить информацию о соединениях между абонентом и абонентскими устройствами участника уголовного процесса;

- 2) имеются доказательства о том, что абонентское устройство используется зарегистрированным абонентом или другим проверяемым лицом, имеющим отношение к уголовному делу.

Получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами затрагивает конституционные права и свободы граждан, поэтому его производство в соответствии с Конституцией РФ (ст. 23 и 25) и Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ч. 2 ст. 29) возможно только на основании обоснованного, мотивированного, законного решения, т.е. постановления суда.

Кроме того, необходимо отметить, что оно может быть проведено только при реальной необходимости и уверенности в том, что в представленных организацией связи документах будут содержаться фактические обстоятельства, подтверждающие связь между абонентами и абонентскими устройствами, а также другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Условием проведения данного следственного действия является наличие достаточных фактических данных полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела. При этом, что подразумевается под достаточностью оснований, в уголовно-процессуальном законодательстве не указывается. Достаточность определяется следователем, дознавателем или иным лицом, производящим расследование. Вместе с тем, это не означает, что достаточность оснований всегда субъективно зависит от органа предварительного расследования, осуществляющего производство по уголовному делу. Прежде всего, достаточность оснований означает наличие в совокупности фактических данных, подтверждающих необходимость производства этого следственного действия. В данном

случае для производства следственного действия необходимы формально-правовые и материально-правовые основания. По этому поводу Н.А. Колоколов совершенно правильно указывает: «Необходимо наличие не только формально-правовых, но и материально-правовых оснований на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина: совокупности доказательств, которые, во-первых, свидетельствуют о том, что проведение предполагаемого действия по делу даст определенный результат; во-вторых, по делу имеются сведения, указывающие на необходимость существенного ограничения конституционных прав в интересах судопроизводства. Следовательно, ходатайства следователей о разрешении производства данных следственных действий должны быть мотивированы и подтверждены доказательствами, соответствующими установленным в ст. 74–75 УПК РФ требованиям, в противном случае обоснование ходатайства следователя не выходит за рамки гипотезы, следственные же действия на гипотетических предположениях основаны быть не могут» [4, с. 4].

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами будет считаться правомерным только при соблюдении в совокупности следующих условий:

1) проводится после вынесения постановления о возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ);

2) проводится на основании постановления суда, полученного в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (п. 12 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 165 УПК РФ);

3) проводится следователем или иным уполномоченным в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством должностным лицом, у которого в производстве находится данное уголовное дело;

4) в материалах уголовного дела имеются достаточные фактические основания, указывающие на необходимость проведения данного следственного действия (ч. 1 ст. 186.1);

5) проводится для отыскания, восприятия, закрепления и оценки доказательственной информации.

Для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следователь выносит постановление (в виде ходатайства). Следует отметить, что право вынесения постановления в виде ходатайства о производстве данного следственного действия перед судом имеет не только следователь, но и руководитель следственного органа, дозна-

ватель, начальник подразделения дознания, который принял к своему производству уголовное дело. В соответствии с ч. 2 ст. 186.1 УПК РФ постановление (ходатайство) следователя о производстве следственного действия в виде получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами содержит:

1) номер уголовного дела, при производстве которого необходимо выполнить данное следственное действие, фамилию и инициалы обвиняемого, статьи (пункты, части статьи), по которым ему предъявлено обвинение (дата возбуждения уголовного дела);

2) основания, по которым производится данное следственное действие (доказательства, подтверждающие, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами может иметь значение для уголовного дела);

3) период, за который необходимо получить соответствующую информацию, и (или) срок производства данного следственного действия;

4) наименование организации, от которой необходимо получить указанную информацию.

Считаем целесообразным ч. 2 ст. 186.1 УПК РФ дополнить пунктом такого содержания: «фамилия, имя, отчество абонента, чья информация о соединениях с абонентскими устройствами проверяется»; «абонентские номера (коды идентификации) и (или) абонентские устройства, информация о соединении с которыми может иметь значение для уголовного дела».

В постановлении (ходатайстве), которое выносит следователь для производства данного следственного действия, четко должны быть сформулированы телефонный номер, абонентское устройство, с кем осуществлялось соединение с телефонным номером или абонентским устройством, на кого зарегистрирован данный телефонный номер или абонентское устройство, почтовый адрес и другие интересующие следствия вопросы.

Постановление о производстве следственного действия – получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – следователь согласовывает с руководителем следственного органа, а дознаватель с прокурором, после чего направляет в суд.

В случае принятия судом решения о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами его копия направляется следователем в соответствующую осуществляющую услуги связи организацию, руководитель которой обязан предоставить указанную информацию, зафиксированную

на любом материальном носителе информации. Указанная информация предоставляется в печатанном виде с сопроводительным письмом, в котором указываются период, за который она предоставлена, и номера абонентов и (или) абонентских устройств.

Получение следователем информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами может быть установлено на срок до шести месяцев. Вместе с тем, конкретный срок получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами должен быть мотивирован в описательной части постановления следователя. Соответствующая организация, осуществляющая услуги связи, в течение всего срока производства данного следственного действия обязана предоставлять следователю указанную информацию по мере ее поступления, но не реже одного раза в неделю.

Следователь осматривает представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, с участием специалиста (при

необходимости) и составляет протокол осмотра. В протоколе осмотра должна быть указана та часть информации, которая, по мнению следователя, имеет отношение к уголовному делу (дата, время, продолжительность соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, номера абонентов и другие данные). Лица, присутствовавшие при составлении протокола, вправе в том же протоколе или отдельно от него изложить свои замечания.

Представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приобщаются к материалам уголовного дела в полном объеме на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранятся в печатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность.

Если необходимость в производстве данного следственного действия отпадает, его производство прекращается по постановлению следователя, но не позднее окончания предварительного расследования по уголовному делу.

1. Трухин С. Надлежащие доказательства как основание для разрешения судом следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан // *Уголовное право*. 2012. № 6. С. 94–102.

2. Волинская О.В., Шишкин В.С. К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // *Российский следователь*. 2011. № 2. С. 12–15.

3. Гладышева О.В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // *Российский юридический журнал*. 2012. № 6. С. 122–132.

4. Колоколов Н.А. Конституционное право на неприкосновенность жилища: к вопросу об эффективности превентивного судебного контроля (часть 2) // *Российский судья*. 2010. № 7.

1. Trukhin S. Reliable proofs as a ground for investigative actions court permission limiting constitutional rights of citizens // *Criminal law*. 2012. № 6. P. 94–102.

2. Volynskaya O.V., Shishkin V.S. To the question on providing importance of telephone connections information // *Russian investigator*. 2011. № 2. P. 12–15.

3. Gladysheva O.V. Investigator competence on guaranteeing legal person's interests in precourt trial // *Russian law magazine*. 2012. № 6. P. 122–132.

4. Kolokolov N.A. Constitutional right on residence inviolability: to the question of effectiveness preventive court control (part 2) // *Russian judge*. 2010. № 7.

Булатецкий Андрей Сергеевич
адъюнкт кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
(e-mail: BUL303@rambler.ru)

К вопросу о понятии следственной ситуации при расследовании краж нефти и нефтепродуктов из трубопроводов

В криминалистической теории нет единого мнения о понятии и содержании следственной ситуации. В статье дается развернутый анализ наиболее значимых взглядов на указанную проблему.

Ключевые слова: следственная ситуация, процесс расследования, следователь, факторы, элементы, информация.

A.S. Bulatetskiy, Adjunct of a Chair of Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: BUL303@rambler.ru

To the question about definition of an investigative situation in the investigation of thefts of crude oil and petroleum products from pipelines

In the criminalistic theory there is no consensus concerning the definition and content of an investigative situation. The article gives a detailed analysis of the most significant views on this problem.

Key words: investigative situation, investigation process, investigator, factors, elements, information.

Исследованием следственных ситуаций в разные периоды времени занимались многие известные ученые. Изучение их работ, затрагивающих проблемы возникновения, определения сущности и классификации следственных ситуаций, их анализа, оценки и разрешения в ходе расследования уголовных дел, свидетельствует об актуальности, большом теоретическом и практическом значении данной криминалистической категории для науки и следственной практики.

Однако, несмотря на длительность изучения следственных ситуаций и, казалось бы, огромный массив научной литературы, посвященной указанной проблематике, в криминалистической теории остается пока еще много дискуссионных и неоднозначно толкуемых вопросов, прежде всего касающихся сущности и содержания рассматриваемого понятия.

Одним из первых определение следственной ситуации дал в 1967 г. А.Н. Колесниченко, который представил ее как «определенное положение в расследовании преступлений, характеризующее наличие тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки» [1, с. 509].

В дальнейшем предпринимались попытки определить следственную ситуацию как одномоментную криминалистическую характери-

стику преступления на определенном этапе ее развития, необходимую для принятия следственных решений [2, с. 28; 3, с. 6]. При этом подвергался сомнению сам термин «следственная ситуация», поскольку он допускает возможность двойственного толкования: ситуация, складывающаяся в процессе следствия, и ситуация, в которой оказывается следователь. Правильнее, как считал И.А. Копылов, было бы именовать ситуацию криминалистической [3, с. 3].

Однако в криминалистической науке, как справедливо отмечает Т.С. Волчецкая, выделяют ситуации, возникающие не только в процессе расследования преступлений, именуемые следственными, но и те, которые характерны, например, для преступной деятельности, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности, судебного разбирательства и др. [4, с. 54]. Таким образом, «криминалистическими» называются все ситуации, изучаемые криминалистикой, а «следственная ситуация» входит в их состав. Причем именно она является одной из центральных в категориальном аппарате всей криминалистики, с которой, собственно, и зародилась вся криминалистическая ситуалогия.

Противоречивость суждений по этому поводу наглядно проявилась в докторской диссертации Д.В. Кима. Все ситуации, изучаемые криминалистикой, он предлагает именовать криминалистическими, однако по всему тексту гл. 2 разд. 2

указанной работы он называет криминалистической как раз следственную ситуацию [5, с. 137–195].

Безусловно, одно из наиболее знаковых определений следственной ситуации, которое оказало и продолжает оказывать сильное влияние на развитие соответствующей теории, по сей день вызывает немало споров и критики, а вместе с тем, привлекает огромное количество сторонников среди ученых-криминалистов, было дано Р.С. Белкиным. По его мнению, следственная ситуация – это «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, то есть та обстановка, в которой протекает процесс доказывания» [6, с. 136].

Критикуя дефиниции рассматриваемого понятия, предложенные многими другими криминалистами, Р.С. Белкин говорил о том, что, по их определениям, «следственная ситуация лежит как бы «внутри» процесса расследования, выступая либо как совокупность фактических данных дела, либо как совокупность обстоятельств по делу, либо как совокупность факторов, характеризующих не что-то внешнее по отношению к расследованию, а непосредственно само расследование». Однако он считал, что «следственная ситуация по отношению к процессу расследования носит преимущественно внешний характер» [6, с. 133–136]. Такое разделение «внешних» и «внутренних» факторов применительно к понятию и содержанию следственной ситуации восприняли и обосновывают в своих работах многие ученые [7, с. 14–15; 4, с. 89; 8, с. 235].

Но процесс расследования – это очень долгая и сложная процедура, которая включает в себя большое количество всевозможных следственных и иных действий. Обычно он растягивается, как минимум, на несколько недель, не говоря уже о делах, представляющих особую сложность, со сроком следствия, близким к одному году или даже более. За такое количество времени может возникнуть и смениться не один десяток различных следственных ситуаций. Следовательно, логичным будет считать, что по отношению именно ко всему процессу расследования следственная ситуация имеет преимущественно внутренний характер.

Заметим, что в своем определении следственной ситуации Р.С. Белкин указывает на «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование». То есть он имеет в виду конкретный этап предварительного расследования, а не полностью весь его процесс. Таким образом, сформулированная Р.С. Белкиным следственная ситуация по отноше-

нию именно ко всему процессу расследования имеет также внутренний характер, а его критика на этот счет других криминалистов представляется излишней.

Однако, если все же исходить из такой логики, то по отношению именно к определенному этапу расследования любая следственная ситуация, безусловно, носит преимущественно внешний характер. То есть любой конкретный этап процесса расследования преступления лежит внутри той или иной следственной ситуации, сложившейся на его период. В дефиниции Р.С. Белкина это как раз правильно и ярко выражено: «совокупность условий, в которых...».

Следует согласиться с мнением и о том, что понятие следственной ситуации можно толковать в «узком» и «широком» смысле слова. Такой подход к толкованию этой категории встречается, например, в работах Н.А. Селиванова, что, по его мнению, определяется наличием различных компонентов в составе следственной ситуации [9, с. 52].

В их число Р.С. Белкин включал компоненты психологического, информационного, процессуального и тактического, материального и организационно-технического характера [6, с. 138]. В настоящее время именно данная структура следственной ситуации наиболее распространена в криминалистике [2, с. 95]. Схожим образом представляли состав следственной ситуации И.М. Лузгин и В.А. Образцов [10, с. 17; 11, с. 56].

Еще шире рассматривал следственную ситуацию И.Ф. Герасимов, который в структуру данной категории, наряду с другими компонентами, включал и ее мысленную оценку следователем [12, с. 8–9]. При этом он не разграничивал элементы следственной ситуации, входящие в ее состав, с факторами (обстоятельствами, условиями, субъектами и т.п.), которые лишь оказывают на нее влияние, способствуя формированию и изменению в ту или иную сторону, но в ее содержание не входят, а также с оценочными действиями, не относящимися ни к первым, ни ко вторым. То есть указанные понятия И.Ф. Герасимов считал однопорядковыми, что представляется небесспорным.

Подобное разграничение отсутствует и у Т.С. Волчецкой, которая в состав следственной ситуации включает данные, характеризующие следователя. По ее мнению, личность следователя является важнейшим компонентом рассматриваемого понятия, т.к. оказывает влияние на принятие решений другими участниками процесса [4, с. 97]. В свою очередь, Р.С. Белкин относил уровень знаний и умений следователя, его практический опыт, способность принимать

и реализовывать решения в экстремальных условиях и другие качества личности к субъективным факторам, влияющим на формирование следственной ситуации, однако в ее структуру их не включал [6, с. 136–138].

Как уже было отмечено, в содержании следственной ситуации Р.С. Белкин выделял компоненты психологического характера, к которым относил результат конфликта между следователем и противостоящими ему лицами, проявление психологических свойств следователя, проходящих по делу лиц и т.п., т.е. занимаемые ими позиции по уголовному делу.

Позиция, занимаемая подозреваемым (обвиняемым), играет очень важную роль для расследования и зачастую определяет характер сложившейся следственной ситуации, т.к. от нее зависит количество следственных действий по делу, обнаружение вещественных доказательств, а также похищенного имущества (в случае расследования преступления против собственности), срок следствия, сложность дела в целом и т.д. Кроме того, в криминалистической литературе при выделении типичных следственных ситуаций, присущих последующему этапу расследования тех или иных видов преступлений, за основу, как правило, берется именно данный структурный элемент [13, с. 81; 5, с. 261–262]. Не являются исключением и кражи нефти и нефтепродуктов из трубопроводов (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Так, при изучении уголовных дел по преступлениям указанной категории (всего изучено 170 уголовных дел, в том числе 130, по которым лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, были установлены) было установлено, что типичными следственными ситуациями последующего этапа их расследования являются такие:

1) обвиняемый полностью признает свою вину и дает правдивые показания обо всех обстоятельствах преступления – 57% случаев;

2) обвиняемый полностью признает свою вину в краже, однако отрицает свою причастность непосредственно к совершению врезки в трубопровод, которая в последующем ему не вменяется – 24%;

3) обвиняемый признает вину частично, не соглашаясь с какой-либо частью обвинения – 3%;

4) обвиняемый полностью отрицает свою вину либо отказывается давать показания по факту расследуемого преступления – 16%.

Как видно, почти в половине случаев отсутствует полное признание своей вины лицом, совершившим преступление, что обязательно порождает определенную информационную не-

достаточность, которая, в свою очередь, влияет на следственные ситуации, возникающие при расследовании.

Что касается, например, свидетеля, то в большинстве уголовных дел по кражам нефти и нефтепродуктов из трубопроводов его показания и в целом занимаемая позиция, являясь частью следственной ситуации, влияют на нее «положительным» образом, а именно содержат какую-либо информацию, имеющую значение для расследования. Однако в некоторых случаях при наличии определенной заинтересованности или просто страха свидетель может стать соучастником оказываемого следствию противодействия со стороны подозреваемого (обвиняемого) или иных лиц, а именно отказаться от ранее данных показаний и дать другие, не предоставить ту или иную интересующую следователя информацию, вступить с ним в конфликт, специально не опознать конкретное лицо при проведении опознания и т.д. Таким образом, подобными действиями он может запутать следствие и лишить его требуемых доказательств.

Подвергая критическому анализу позицию Р.С. Белкина и других ученых за широкое определение понятия и структуры следственной ситуации, А.Г. Филиппов считает, что расценивать следственную ситуацию как совокупность всех обстоятельств и условий, в которых протекает процесс расследования в конкретный момент, можно лишь в общежитейском, бытовом смысле. По его мнению, самым оптимальным вариантом является включение в структуру следственной ситуации только одной группы факторов – информационных. Так, под следственной ситуацией А.Г. Филиппов понимает «сумму значимой для расследования информации, имеющейся в распоряжении следователя к определенному моменту» [14, с. 116]. К доводам в пользу такого узкого толкования следственной ситуации он относит также то, что согласно накопившемуся практическому опыту этого вполне достаточно, чтобы разработать конкретные рекомендации по расследованию преступлений определенных видов и групп [14, с. 116].

Интересным представляется и мнение О.Я. Баева, который видит просчет многих ученых-криминалистов в том, что они не делают различий между ситуацией (обстановкой) расследования конкретного преступления конкретным следователем и следственной ситуацией как категорией науки криминалистики [15, с. 107]. Примерно в этом же ключе мыслит и А.Г. Филиппов, говоря, что «следственная ситуация как криминалистическая категория не может совпадать по объему с ситуациями, складывающимися на

практике» [14, с. 115]. Согласно такому взгляду именно ситуация расследования на практике характеризует сам процесс производства по конкретному уголовному делу и включает в себя выполненные и невыполненные задачи, результаты работы, возникшие процессуальные трудности, материально-технические возможности правоохранительных органов, личность и профессионализм конкретного следователя, ведущего в данный момент следствие, взаимосвязи с другими процессами объективной реальности и т.д. С этим солидарны и некоторые другие ученые [15, с. 107; 16]. При этом включение перечисленных обстоятельств и условий наряду с личностью следователя в следственную ситуацию, которую рассматривает криминалистическая наука, по мнению А.Г. Филиппова, исключило бы возможность выделять типичные следственные ситуации и сделало бы изучение и разработку данной проблемы практически бесцельными [14, с. 116].

В этой связи примечательными являются результаты исследования, проведенного А.А. Подопригорой, согласно которому из всех опрошенных следователей и дознавателей 52% указали, что следственная ситуация – это простая совокупность доказательств по делу, 31% – что это полная характеристика состояния расследования на определенный момент, 7% – внешняя по отношению к процессу расследования обстановка, 10% – вообще затруднились определить указанное понятие [17, с. 9]. Как видно, практические работники до конца не понимают значение понятия «следственная ситуация», а большинство из них склонны определять ее в самом узком или даже примитивном виде.

Однако в подобном предельно узком определении следственной ситуации игнорируются ее поисково-познавательный характер и система мер, направленных на ее разрешение. Любая следственная ситуация должна быть грамотно и максимально быстро разрешена. Для этого

необходимо анализировать и оценивать не только реально существующую гласную (процессуальную) и негласную (оперативно-розыскную) информацию, имеющуюся в распоряжении следователя, но и прогнозируемую, т.е. предполагаемую им на основе имеющихся у него данных. Следовательно, в структуру следственной ситуации входит еще и та информация, которая не известна следователю и другим сотрудникам правоохранительных органов, однако может повлиять на следственный процесс. Примером может служить скрытое противодействие расследованию, выраженное в подкупе свидетелей, непосредственного начальника следователя и других лиц, совершение подозреваемым (обвиняемым), находящимся под подпиской о невыезде, нового преступления и т.д. Указанный элемент следственной ситуации непременно должен учитываться при прогнозировании ее возможного развития и планировании расследования, построении следственных версий и оценки их вероятности. Таким образом, предельно узкая интерпретация следственной ситуации также не лишена недостатка.

При сопоставлении крайности в толковании понятия следственной ситуации, т.е. в широком и узком смысле слова, неизбежен вывод, что обе точки зрения имеют право на существование. В широком виде рассматриваемая категория должна применяться в криминалистической тактике, где для принятия верного тактического решения и производства какого-либо следственного действия необходимо учитывать как внешние, так и внутренние элементы следственной ситуации. Однако, для того чтобы быть использованными в криминалистической методике, следственные ситуации нуждаются в типизации. Поэтому содержание следственной ситуации в этом аспекте должно быть достаточно узким, а она сама объективной для любого субъекта как науки, так и правоприменительной практики.

1. Колесниченко А.Н. *Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук.* Харьков, 1967.

2. Турчин Д.А. *О разработке теории следственной ситуации // Следственная ситуация.* М., 1985.

3. Копылов И.А. *Следственная ситуация и тактическое решение: учеб. пособие.* Волгоград, 1988.

4. Волчецкая Т.С. *Криминалистическая ситуалогия / под ред. Н.П. Яблокова.* М.; Калининград, 1997.

1. Kolesnichenko A.N. *Scientific and legal bases of a technique of investigation of separate kinds of crimes: diss. ... Dr of Law.* Kharkov, 1967.

2. Turchin D.A. *On the development of the theory of the investigative situation // Investigative situation.* Moscow, 1985.

3. Kopylov I.A. *Investigative situation and tactical decision: study aid.* Volgograd, 1988.

4. Volchetskaya T.S. *Forensic situalogy / ed. by N.P. Yablokov.* Moscow; Kaliningrad, 1997.

5. Kim D.V. *Situational approach as a methodological basis of the preliminary investigation and*

5. Ким Д.В. *Ситуационный подход как методологическая основа предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук.* Барнаул, 2006.
6. Белкин Р.С. *Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации.* М., 1997.
7. Драпкин Л.Я. *Основы теории следственных ситуаций.* Свердловск, 1987.
8. Шмонин А.В. *Методика расследования преступлений.* М., 2006.
9. Селиванов Н.А. *Типовые версии, следственные ситуации и их значение для расследования // Социалистическая законность.* 1985. № 7.
10. Лузгин И.М. *Ситуационный подход в решении криминалистических задач: фондовая лекция.* М., 1987.
11. Образцов В.А. *Криминалистика: учеб. пособие.* М., 1995.
12. Герасимов И.Ф. *К вопросу о следственной ситуации // Следственная ситуация: сб. науч. тр.* М., 1985.
13. Шепель В.А. *Расследование краж нефтепродуктов, совершаемых при их хранении и транспортировке: дис. ... канд. юрид. наук.* Омск, 2004.
14. Филиппов А.Г. *Проблемы криминалистической теории и практики: сб. науч. ст. преподавателей и адъюнктов кафедры криминалистики (к 10-летию Московского университета МВД России).* М., 2012.
15. Баяев О.Я. *Следственные ситуации: тактическая и методическая сущность // Роль и значение Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: материалы междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина).* М., 2002.
16. Луценко О.А. *Ситуация расследования: следственная или криминалистическая? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2011. Январь. URL: http://journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=252&Itemid=82 (дата обращения: 26.01.2014).
17. Подопригора А.А. *Типичные следственные ситуации и программы действий следователя (дознвателя) на первоначальном этапе расследования // Российский следователь.* 2008. № 19.
18. *trial of criminal cases: diss. ... Dr of Law.* Barnaul, 2006.
6. Belkin R.S. *Course of criminalistics: in 3 vol. Vol. 3: Forensic tools, tricks, and recommendations.* Moscow, 1997.
7. Drapkin L.Ya. *Bases of the theory of the investigative situations.* Sverdlovsk, 1987.
8. Shmonin A.V. *Methods of investigation of crimes.* Moscow, 2006.
9. Selivanov N.A. *Standard versions, the investigation of the situations and their importance for the investigation // Socialist legality.* 1985. № 7.
10. Luzgin I.M. *Situational approach to forensic tasks: stock lecture.* Moscow, 1987.
11. Obratsov V.A. *Criminalistics: study aid.* Moscow, 1995.
12. Gerasimov I.F. *To a question on investigative situation // Investigative situation: coll. of sci. papers.* Moscow, 1985.
13. Schepel V.A. *Investigation of thefts of oil products, committed during storage and transportation: diss. ... Master of Law.* Omsk, 2004.
14. Filippov A.G. *Problems criminalistics theory and practice: coll. of sci. papers of Teachers and adjuncts of a Chair of Criminalistics (for the 10th anniversary of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia).* Moscow, 2012.
15. Baev O.Ya. *Investigation of the situation: tactical and methodical essence // Role and importance of R.S. Belkin in the development of modern criminology: proc. of the Intern. sci. conf. (to the 80th anniversary from the birthday R.S. Belkin).* Moscow, 2002.
16. Lutsenko O.A. *The situation of the investigation: investigation or forensic? // Science and education: management and economics; entrepreneurship; law and management.* 2011. January. URL: http://journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=252&Itemid=82 (address date: 26.01.2014).
17. Podoprigora A.A. *Typical investigative situations and programme of actions of investigator at the initial stage of the investigation // Russian investigator.* 2008. № 19.

Душенко Марина Максимовнапреподаватель кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583268)

Организационно-тактические особенности проведения осмотра места происшествия по делам о нарушении авторских и смежных прав

Статья посвящена выявлению и изучению проблем производства осмотра места происшествия по делам о нарушении авторских и смежных прав. Особое внимание автор уделяет рассмотрению вопроса об избрании наиболее эффективных тактических приемов и организационно-тактических мероприятий на подготовительном и рабочем этапах следственного действия.

Ключевые слова: нарушение авторских и смежных прав, тактические приемы, осмотр места происшествия.

M.M. Dushenko, Teacher of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583268.

Organizational and tactical features carrying out of examination of the scene in cases of infringement of copyright and related rights

The article is devoted to studying problems of interrogation the observation of crime scene for a violation of copyright and related rights. The author pays special attention to the aspect of the election of the tactical and organizational activities in the preparatory stages of the work and investigative action.

Key words: infringement of copyright and related rights, training activities, observation of o crime scene.

В течение достаточно длительного периода Россия делала попытки вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО), которая отвечает за разработку и внедрение новых торговых соглашений, а также следит за соблюдением членами организации всех договоров, подписанных большинством стран мира и ратифицированных их парламентами. Как следствие, повышается интерес государства к тому, какие результаты это может иметь для развития национальной экономики и общества в целом. Один из важных аспектов, который обсуждается в связи с этим, касается рынка интеллектуальной собственности, в том числе с позиций противодействия преступности. С созданием конкурентоспособного рынка неизбежно возрастет количество правонарушений в интеллектуальной сфере. Указанные правонарушения ассоциируются, в первую очередь, с нарушениями авторских и смежных прав и представляют для государства и правоохранительных органов особый интерес.

Из более чем 40000 преступлений данного вида, выявленных, к примеру, с января по декабрь 2011 г., 38870 преступлений, что соста-

вило более 97%, совершены в крупном и особо крупном размерах; за такой же период 2012 г. нарушений авторских и смежных прав также в крупном и особо крупном размерах совершено более чем в 98% случаев из числа всех выявленных [1].

Анализ практики показал, что расследование нарушений авторских и смежных прав невозможно без проведения осмотра места происшествия. Осмотр места происшествия является неотложным следственным действием, и промедление в его производстве может повлечь за собой изменение первоначальной обстановки, исчезновение следов преступления, вещественных доказательств, а также и самого преступника [2, с. 269]. Качественное производство осмотра места происшествия позволяет субъектам расследования собрать криминалистически значимую информацию.

В криминалистике существует множество взглядов на содержание понятия «место происшествия». Трудно не согласиться с мнением Д.П. Рассейкина, который обоснованно подчеркивает, что границы, в пределах которых следует производить осмотр места происшествия, в каж-

дом конкретном случае должны определяться следователем исходя из обстоятельств данного события [3, с. 9]. Действительно, по делам о нарушении авторских и смежных прав при проведении осмотра места происшествия субъекту расследования необходимо обратить внимание не только на саму территорию, исследуемую при производстве следственного действия, но и на конкретные объекты, в которых может содержаться криминалистически значимая информация, например жесткий диск компьютера.

Результаты изучения 174 архивных уголовных дел показали, что по сообщениям о нарушении авторских и смежных прав осмотр места происшествия проводился в 93,1% случаев, что подчеркивает особую значимость данного следственного действия. Опрос практических работников показал, что большинство из них высоко оценивают возможности осмотра места происшествия по делам о нарушении авторских и смежных прав. На вопрос о том, какие следственные действия и иные процессуальные мероприятия чаще всего проводятся в ходе проверки материалов о нарушении авторских и смежных прав, на осмотр места происшествия в любой складывающейся ситуации указали 98,5% респондентов (по результатам анкетирования 204 субъектов расследования). Однако не все знают особенности производства осмотра места происшествия по делам о нарушениях авторских и смежных прав.

С учетом специфики рассматриваемого вида преступления можно обозначить условия качественного производства осмотра места происшествия по делам о нарушении авторских и смежных прав:

- 1) предварительная подготовка и планирование следственного действия;
- 2) определение круга лиц, которые должны принять участие в осмотре;
- 3) определение задач каждого участника следственного действия, принятие надлежащих мер безопасности, выбор тактики и методики проведения осмотра, для того чтобы максимально продуктивно осмотреть весь участок и объекты, находящиеся на нем;
- 4) использование консультативной помощи компетентных лиц по вопросам отличия контрафактной продукции от легальной, изготовления полиграфических упаковок, голографических наклеек, а также принятие мер для обеспечения сохранности оборудования и информации, хранящейся в памяти персональных компьютеров;
- 5) строгая последовательность действий;
- 6) применение научно-технических средств, необходимых для поиска, выявления следов, фиксации обстановки;

7) подготовка упаковочного материала, специальной тары, необходимой для хранения изъятой продукции в больших количествах, а также решение вопроса с транспортировкой.

В случае соблюдения названных условий в процессе проведения осмотра места происшествия лицо, в производстве которого находится уголовное дело, сможет проявить важнейшее профессиональное качество – свою криминалистическую наблюдательность, способность обнаружить и оценить с юридической точки зрения малозаметные признаки осматриваемых объектов в качестве вещественных доказательств [4, с. 412–413].

В процессе подготовки к осмотру места происшествия следователю (дознавателю) необходимо:

установить исчерпывающую информацию относительно события преступления, получить и проанализировать данные о месте осмотра; определить состав участников следственно-оперативной группы; если предполагается, что необходимо будет осмотреть компьютерное оборудование, то следует пригласить специалиста в области судебной компьютерно-технической экспертизы или, в крайнем случае, специалиста в области информационных технологий и аппаратно-компьютерных средств [5, с. 150].

По прибытии на место происшествия лицу, в производстве которого находится уголовное дело, необходимо:

- обеспечить охрану места происшествия;
- установить, вносились ли какие-либо изменения в обстановку места происшествия, если да, то какие и кем именно;
- удалить с места происшествия всех посторонних лиц [6, с. 92];
- не разрешать кому бы то ни было из лиц, работающих в это время или находящихся здесь по другим причинам, прикасаться к компьютерному оборудованию; для этого необходимо отстранить от работы на компьютерном оборудовании работающих на нем лиц, затем разъяснить цель визита и удалить с осматриваемой территории всех присутствующих, после чего обеспечить охрану компьютерного оборудования, поскольку компьютерную информацию можно быстро уничтожить [7];
- не разрешать кому бы то ни было из персонала выключать электроснабжение объекта [8, с. 245].

Рабочий этап осмотра места происшествия состоит в непосредственном исследовании объектов осмотра, включает общую и детальную стадии [9, с. 35]. Общая стадия начинается с обзора места происшествия в целях ориентировки на нем; определения границ подлежащего места

осмотра; решения вопроса об исходной точке и способе осмотра. Затем субъект расследования вместе с другими участниками осмотра выясняет, какие объекты находятся на месте происшествия, исследует комплекс вопросов, относящихся к обстановке осмотра места происшествия, определяет взаимное расположение и взаимосвязь предметов обстановки, изучает их внешний вид, состояние и с максимально возможными в данных условиях подробностями фиксирует все обнаруженное в протоколе осмотра места происшествия в соответствии со ст. 180 УПК РФ.

Особо отметим, что методика проведения осмотра по делам о нарушении авторских и смежных прав предполагает, прежде всего, применение такого тактического приема, как обзорное ориентировочное ознакомление с обстановкой на месте.

Некоторые ученые выступают за сочетание следственных и иных процессуальных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий [10, с. 80; 11, с. 86]. Мы не однозначно оцениваем рассматриваемую позицию, учитывая настороженное отношение как законодателя, так и суда к результатам оперативно-розыскной деятельности.

Далее отметим, что обязательному осмотру подлежат все файлы компьютера подозреваемого, имеющиеся материальные носители информации. Особое внимание должно уделяться датам создания и изменения файлов, находящихся в памяти компьютеров, проставленных на договорах и иной документации, связанной с моментом возникновения авторских прав на конкретное произведение.

Зная примерный механизм конкретного вида нарушения авторских прав на аудиовизуальные произведения, обладая информацией, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий, при производстве осмотра необходимо обращать внимание:

на компьютеры и дискеты, переносные жесткие диски, ноутбуки, флэш-карты и иные материальные носители, на которых может содержаться криминалистически значимая информация;

на приспособления, которые могут использоваться для тиражирования контрафактной видеопродукции и изготовления поддельной полиграфии и голографии, а также другую аппаратуру, используемую для создания копий, отличных от оригинальных;

на чистые диски, предназначенные для записи;

на полиграфическую продукцию для дисков, средства упаковки, чистые боксы;

на образцы, используемые в качестве исходных носителей для тиражирования;

на документы о деятельности индивидуального предпринимателя (организации, предприятия), в том числе свидетельства о регистрации предпринимателя (организации, предприятия), уставные документы организации (предприятия), договоры аренды помещения, договоры с авторами, правообладателями (если таковые имеются), бухгалтерскую документацию и другие документы, имеющие значение для дела;

на документы на продукцию, содержащие информацию о количестве, ассортименте, источниках поступления, каналах сбыта, в том числе прайс-листы (списки реализуемых видеофильмов и перечни цен на них), рекламные буклеты, договоры, доверенности, товарно-транспортные накладные, чеки, ценники, журналы учетов клиентов, тетради по продаже видеопродукции и расходованию денежных средств и т.д.;

на черновые записи, в том числе блокноты, тетради, дневники, записи на отдельных клочках бумаги, которые позволят выявить производителей и распространителей контрафактной продукции, а также связи нарушителя и другие имеющие значение для дела данные [12, с. 23].

При осмотре работающего компьютера, в памяти которого содержатся программы, отличные от легальных, следует с участием специалиста:

1) установить, какая программа выполняется, для чего осмотреть изображение на экране дисплея и детально описать его (произвести видеозапись);

2) по мере необходимости остановить исполнение программы и установить, какая информация получена после окончания ее работы;

3) установить наличие в компьютере накопителей информации, их тип, вид и количество [8, с. 248].

После осмотра компьютерной информации необходимо установить, какие сведения имеют отношение к расследуемому событию, чтобы использовать их в качестве доказательств по уголовному делу.

Одной из особенностей производства осмотра места происшествия по делам о нарушении авторских и смежных прав является необходимость производства осмотров одновременно в нескольких местах (например, в местах реализации и хранения продукции с признаками, отличными от легальных). Так, С., К. и Н. совершили хранение экземпляров произведений, отличных от легальных, в целях сбыта, а равно незаконное использование объектов авторского права. При этом они вступили между собой

в преступный сговор. С., Н., и К. в магазинах и складских помещениях, предоставленных и подысканных С., торговой сети «Медиамаркет», директором которой является К., хранили и реализовывали контрафактные экземпляры аудиовизуальных произведений и программ для ЭВМ (в формате DVD, VHS). 3 января 2010 г. были проведены осмотры мест происшествий: 1) подвального помещения подъезда, являвшегося собственностью К., из которого изъяты картонные коробки (10 штук) с DVD-дисками, а также 2 системных блока; 2) торговой площади магазина «Медиамаркет» г. Волгограда, где изъята компьютерная продукция [13]. Только одновременное производство осмотров места происшествия позволило добиться положительных результатов, а именно: осмотреть и изъять предметы, обнаружить и зафиксировать следы преступления.

В ходе осмотра места происшествия по делам о нарушении авторских и смежных прав особое внимание следует обращать на последовательность при описании места происшествия.

Так, судом был осужден гр-н К. за незаконное использование объектов авторского права, а именно программных продуктов, записанных на 5 оптических дисках, хранящихся в торговом павильоне, где К. работал продавцом. В ходе предварительного расследования был проведен осмотр места происшествия. В протоколе указанного следственного действия отсутствовала должная последовательность в изложении: следователь, в первую очередь, стал описывать изъятые предметы, не указывая обстановку и

условия, в которых они находились. Также не указывалось наименование упаковки, в которой находились диски [14]. В результате чего в ходе предварительного расследования возникла необходимость в производстве повторного осмотра места происшествия.

Наряду с указанными недостатками, при составлении протокола осмотра места происшествия часто встречаются ошибки, связанные с отсутствием индивидуализации изымаемых предметов и документов. В частности, отсутствует четкий перечень изымаемой продукции, не указывается количество изымаемых экземпляров. Так, по уголовному делу по факту реализации контрафактных экземпляров программных продуктов, записанных на жесткий диск и DVD-диски в количестве 12 штук, в протоколе осмотра места происшествия при описании изъятых дисков ввиду ограниченности времени сотрудник полиции указал: «...на большинстве осматриваемых DVD-дисков на упаковке отсутствует голографическая наклейка» [15].

Таким образом, можно заключить, что осмотр места происшествия является самым значимым следственным действием, которое отличается трудоемкостью и в результате которого добывается основная доказательственная база по делам о нарушении авторских и смежных прав. Непременным условием эффективности производства данного следственного действия является грамотное применение тактических приемов, знание и соблюдение процессуальных правил и умелое использование научно-технических средств и помощи компетентных лиц.

1. URL: www.ru/mvd/presscenter/statistics/reports/show/85382/#top/-page

2. Уголовный процесс: учеб. / под ред. П.А. Лупинской. М., 1995.

3. Рассейкин Д.П. Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств. Саратов, 1967.

4. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учеб. для вузов. М., 1996.

5. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М., 2001.

6. Организация и проведение осмотра места происшествия: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. С.А. Данильяна. Краснодар, 2002.

7. Злодив Д. Авторские права на программное обеспечение // Законность. 1998. № 6. С. 23–26.

8. Осмотр места происшествия: практ. пособие / под ред. А.И. Дворкина. М., 2001.

1. URL: www.ru/mvd/presscenter/statistics/reports/show/85382/#top/-page

2. Criminal procedure: textbook / ed. by P.A. Lupinskaya. Moscow, 1995.

3. Rasseykin D.P. Observation of the scene and the corpse in a murder investigation. Saratov, 1967.

4. Enikeev M.I. Fundamentals of general and legal psychology: textbook for higher educational institutions. Moscow, 1996.

5. Rossinskaya E.R., Usov A.I. Judicial computer technical expertize. Moscow, 2001.

6. Organization and conduct observation of crime scene: guidance manual / gen. ed. by S.A. Danilyan. Krasnodar, 2002.

7. Zlodiv D. Copyright software // Law. 1998. № 6. P. 23–26.

8. Observation of crime scene: guide-book / ed. by A.I. Dvorkin. Moscow, 2001.

9. Татаров Л.А. Осмотр места происшествия: процессуальные и криминалистические аспекты: учеб. пособие. Краснодар, 2008.

10. Методика расследования преступлений, предусмотренных статьей 146 УК РФ: науч.-метод. пособие / под ред. В.Н. Лопатина. СПб., 2004.

11. Галанов В.А. Взаимодействие органов следствия и дознания в процессе расследования уголовно наказуемых нарушений авторских прав в области распространения контрафактной продукции: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

12. Гальченко А. Осмотр места происшествия по делам о нарушении авторских прав на аудиовизуальные произведения // Законность. 2004. № 4.

13. Уголовное дело № 509208 // Архив Центрального районного суда г. Волгограда № 1-216/2010.

14. Уголовное дело № 1036017 // Архив Советского суда г. Астрахани № 1-288/2011.

15. Уголовное дело № 0032643 // Архив Советского суда г. Астрахани № 1-414/2011.

9. Tatarov L.A. Observation of crime scene: procedural and forensic aspects: study aid. Krasnodar, 2008.

10. The method of investigation of crimes under article 146 of the Criminal code of the Russian Federation: sci. and methodical manual / ed. by V.N. Lopatin. St. Petersburg, 2004.

11. Galanov V.A. Interaction of investigation and inquiry in investigating criminal copyright infringement in the distribution of counterfeit products: diss. ... Master of Law. Saratov, 2003.

12. Galchenko A. Scene examination in cases of copyright infringement in audiovisual works // Law. 2004. № 4.

13. Criminal case № 509208 // Archives of the Central district court of Volgograd № 1-216/2010.

14. Criminal case № 1036017 // Archive of the Soviet court of Astrakhan № 1-288/2011.

15. Criminal case № 0032643 // Archive of the Soviet court of Astrakhan № 1-414/2011.

Михеев Алексей Валерьевич
(e-mail: nauka@mail.ru)

Оперативно-розыскное обеспечение расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности

В статье анализируются особенности получения доказательств по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности с помощью проведения оперативно-розыскных мероприятий. Комментируются недавние изменения, внесенные в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Изучение судебно-следственной практики позволило автору сделать некоторые выводы относительно изменения отечественного доказательственного права и предложить меры по повышению эффективности уголовного преследования по делам данной категории.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, доказательственное право, уголовный процесс.

A.V. Mikheev, e-mail: nauka@mail.ru

An investigative secure the investigation of criminal cases involving crimes of an extremist

The article analyzes the characteristics of obtaining evidence in criminal cases involving crimes of an extremist using the operational-search activities. Commented on recent changes to the Federal law «On operative-investigative activity». Studying forensic investigative practices allowed the author to make some conclusions about the changes of the domestic law of evidence and propose measures to improve the effectiveness of criminal prosecution in cases of this category.

Key words: extremist crimes, law of evidence, criminal procedure.

В теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) оперативно-розыскное обеспечение предварительного следствия трактуется как участие оперативных работников не только в документировании преступной деятельности на этапе оперативной проверки до возбуждения уголовного дела, но и в проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) после этого, т.е. в период расследования преступления (в отдельных случаях и после его окончания). Его содержание охватывает систему оперативно-розыскных мер, носящих преимущественно негласный характер, направленных на пресечение или нейтрализацию криминального противодействия расследованию со стороны обвиняемых, в целях создания оптимальных условий для решения задач доказывания.

По смыслу новой редакции ч. 4 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд осуществляется на основании постановления

руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами. Проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью получения источников доказательственной информации по рассматриваемой нами категории уголовных дел весьма характерно. Более того, в связи с обострением угрозы экстремизма считаем, что по делам данной категории преступлений следует расширить пределы допустимости результатов ОРД при использовании их в качестве средств доказывания.

В следственной практике встречаются случаи использования при доказывании по делам о преступлениях экстремистской направленности в качестве доказательств актов, рапортов, протоколов, которыми документируются результаты ОРД.

Так, например, по уголовному делу по обвинению Д.К.Ю., М.А.В. и М.П.Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ, была предоставлена справка УБОП ГУВД г. Санкт-Петербурга, согласно которой реквизиты журнала «Русь Православная»

(спецвыпуск под названием «Война священная») указывают на то, что он был напечатан в АО «Русский Северо-Запад», расположенном по адресу: г. Санкт Петербург, ул. Пограничная, д. 88, однако указанных организации и адреса не существует [2, т. 1, л.д. 83–84]. По уголовному делу № 18242 сотрудниками УБОП при УВД по Орловской области был предоставлен акт оперативного наблюдения, согласно которому 24 мая 2006 г. на площади им. Маяковского г. Орла с 18.10 по 19.10 состоялись мероприятия, посвященные празднованию 229 годовщины со дня рождения генерала А.П. Ермолова, организованные руководителем Орловского отделения ДПНИ Ш.Е.Е., придерживающимся взглядов экстремистской направленности. В процессе празднования неустановленными лицами, единомышленниками Ш.Е.Е., всем желающим раздавалась газета «Дозор», были установлены лица, получившие данное печатное издание, которыми оказались М.Е.Н. и Ф.А.А. В процессе наблюдения проводилась видеосъемка силами сотрудников УВД по Орловской области [3, т. 1, л.д. 52–53].

В вопросах получения предметов, которые могут быть вещественными доказательствами, также наблюдается совместное урегулирование нормами Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и уголовно-процессуального законодательства деятельности органов дознания и следствия по собиранию доказательств. Активно используются материалы, полученные в результате совершения работниками оперативных подразделений полиции действий, урегулированных нормами Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», – изъятия, обследования, осмотра.

Так, например, по уголовному делу по обвинению Д.К.Ю., М.А.В. и М.П.Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ, следователю был предоставлен акт осмотра сайта от 25.05.2006 с приложением, согласно которому при осмотре сайта, размещенного в сети «Интернет» по адресу: <http://www.rusprav.org/>, было установлено, что он имеет заголовок «Сайт газеты “Русь Православная”», имеется ссылка на аудио- и видеозаписи, а также на статьи, такие как: «Руси православной – да! Жидовской мафии – нет!», «Александр Турик. Цветы царя Ирода», «М.В. Назаров. “Боевая ничья” жидов не устраивает. Нас – тоже». В ходе осмотра сайт был скопирован на DVD-R диск «Verbatim» [2, т. 1, л.д. 95–98]. Впоследствии эти материалы использовались в суде в качестве доказательств преступной деятельности подсудимых.

Есть примеры проведения узнавания, проводимого по делам данной категории в качестве оперативно-розыскного мероприятия. Узнавание лица или иного объекта происходит в рамках проводимого оперативно-розыскного мероприятия (например, когда оперуполномоченный и свидетель осуществляют наблюдение в целях установления конкретного лица, имевшего отношение к событию преступления). В этом случае лицо, узнавшее определенное лицо или объект, допрашивается и сообщает о том, где и при каких обстоятельствах, по каким признакам узнало определенное лицо. Органы, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия, должны о произведенном узнавании представить следователю рапорт. Оперуполномоченного в этом случае следует допросить об обстоятельствах узнавания. Соответственно, способом получения доказательства в подобных случаях является допрос, а источником доказательств – показание свидетеля (потерпевшего). Предъявление лица или иного объекта для опознания после (оперативного или иного) узнавания недопустимо. В суде по предложению председательствующего или одной из сторон допрашиваемому предлагают узнать или лицо, находящееся в зале суда, или предмет, чаще всего из числа вещественных доказательств. Естественно, такое действие составляет элемент допроса или другого следственного действия и не может рассматриваться в качестве самостоятельного следственного действия (нами выявлено несколько подобных случаев, имевших место при рассмотрении уголовных дел).

Следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (чаще всего по уголовным делам экстремистской направленности это происходит при производстве выемок, обысков), о чем делается соответствующая отметка в протоколе следственного действия (что имело место в 80% изученных нами уголовных дел). В последующем эти сотрудники часто допрашиваются в качестве свидетелей обвинения в суде.

Можно отметить, что в общую совокупность сведений, оцениваемую как достаточную для принятия решения о производстве осмотра, другого следственного действия, наряду с доказательствами, могут войти результаты оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, происходит включение оперативной информации в процесс формирования уголовно-процессуального доказательства.

Наиболее сложным является вопрос предоставления результатов оперативно-розыскной

деятельности оперативными подразделениями полиции и спецслужб в органы дознания, следователю, прокурору и в суд. Как известно, результаты оперативно-розыскной деятельности не могут быть использованы в уголовном процессе непосредственно, а должны быть легализованы в соответствии с положениями закона, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Это означает, что такие сведения могут фигурировать в деле в виде доказательств только в том случае, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Следует отметить и то, что зачастую борьба за доказательства разворачивается вокруг формальной правильности составления представляемых документов: сторона защиты пытается найти недостатки в мотивировке постановлений, полноты сведений в рапортах, процессуальные нарушения сроков и т.д. На наш взгляд, подобная направленность во многом обесценивает наш процесс, делает неэффективным уголовное преследование. Надо, напротив, сделать содержательным, а не формальным наше уголовно-процессуальное доказывание. Мы разделяем мнение некоторых исследователей о том, что содержащийся в ст. 89 УПК РФ запрет на использование результатов оперативно-розыскной деятельности для доказывания дела обвинения изжил себя. Пришло время законодательно допустить использование результатов ОРД для доказывания виновности обвиняемого после их проверки в судебном порядке; инкорпорировать в УПК положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также ведомственных нормативных актов, регламентирующих проведение ОРМ и представление результатов ОРД судебным органам. Пора закрепить в кодексе унифицированный порядок получения и представления результатов негласных ОРМ в качестве материала для формирования судебного доказательства; включить в ч. 2 ст. 74 УПК пункт следующего содержания: «материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности». Далее, поскольку материалы, собранные на основании Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», предлагаются к использованию в доказывании, постольку предполагается, что происхождение этих материалов, способ их получения могут быть исследованы в судебном заседании в

необходимых пределах по усмотрению председательствующего при соблюдении следующих условий: 1) сам этот вопрос и форма, пределы его исследования существенны для защиты подсудимого; 2) от решения этого вопроса зависит определение достоверности сведений, содержащихся в данных материалах; 3) исследование проводится в закрытом судебном заседании, участники которого дают подписку о неразглашении сведений, являющихся государственной тайной; 4) сторона защиты должна иметь право на перекрестный допрос получивших работников, непосредственно получивших информацию, представляемую в качестве доказательства обвинения; 5) если источники и способы получения информации составляют охраняемую законом тайну, то при допросе лиц, причастных к получению материалов, соблюдаются меры обеспечения их безопасности, предусмотренные законодательством, и неразглашения тайны [4, с. 35–39].

Следует отнести к «документам» как источникам доказательств, предусмотренных п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, «электронный документ», в том числе сведения в виде электронной информации, полученные из сети Интернет и представленные на определенном носителе. По делам о преступлениях экстремистской направленности это особенно актуально. Электронная информация о признаках преступной деятельности в сети Интернет стирает грань между результатами оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального доказывания. Поэтому следует считать, что материалы, в которых зафиксированы сведения о противоправных деяниях отдельных лиц и групп лиц, собранные оперативными подразделениями с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», являются документами и могут использоваться в уголовном производстве как доказательства.

Полагаем, отечественной теории доказательств следует в доктринальном плане перейти на следующее положение: любые сведения, полученные правовым, а не только уголовно-процессуальным путем, т.е. правовыми способами, установленными тем или иным законодательным актом, могут быть признаны судебно-следственными органами доказательствами по уголовному делу.

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. (в ред. от 02.11.2013 № 302-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

1. On operative-investigative activity: fed. law of Aug. 12, 1995 (in ed. of 02.11.2013 № 302-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.

2. Уголовное дело по обвинению Д.К.Ю., М.А.В. и М.П.Г. в совершении преступления, предусмотренного ст. 282 ч. 2 п. «в» УК РФ // Архив городского суда г. Санкт Петербурга. 2006.

3. Уголовное дело по обвинению Ш.Е.Е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 282 ч. 2 п. «б» УК РФ // Архив Заводского районного суда г. Орла. 2007.

4. Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 2. Российские регламенты устарели // Российский следователь. 2012. № 6. С. 35–39.

2. A criminal case on charges D.K.Yu., M.A.V. and M.P.G. in committing the crime stipulated of art. 282 pt. 2 letter «b» of the Criminal code of the Russian Federation // Archive of the City court of St. Petersburg. 2006.

3. A criminal case on charges Sh.E.E. in committing the crime stipulated of art. 282 pt. 2 letter «b» of the Criminal code of the Russian Federation // Archive of Zavodskoy district court of Oryol. 2007.

4. Alexandrov A.S., Kucheruk D.S. Results ORM – base sentence? Article 2. Russian regulations are outdated // Russian investigator. 2012. № 6. P. 35–39.

Петросян Елена Михайловна

аспирант кафедры криминалистики
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: +79180189777)

Совершенствование деятельности по планированию выявления мошенничеств, совершаемых в сфере налогообложения

Статья посвящена проблемам повышения эффективности деятельности правоохранительных и контролирующих органов, направленной на выявление признаков мошенничеств, совершаемых в сфере налогообложения (налоговых мошенничеств). С этой целью проанализированы недостатки действующего законодательства, организационные и информационные аспекты тематики и внесены предложения, направленные на совершенствование соответствующей правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: налоговые мошенничества, проблемы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, недостатки законодательства, уровни, субъекты и специфика взаимодействия в расследовании.

E.M. Petrosyan, Post-graduate of a Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University; tel.: +79180189777.

Improvement of activity on planning of frauds committed in the sphere of taxation

The article is devoted to problems of effectiveness increase of law-enforcement and controlling bodies directed to tax fraud sign revealing. There were analyzed the acting legislation disadvantages, organizational and information aspects of subject area and there were submitted the suggestions directed to the improvement of corresponding law-enforcement activity.

Key words: tax frauds, problems of criminal cases on tax crimes, legislation disadvantages, levels, subjects and specificity of interaction in crime investigation.

Эффективность расследования мошенничеств, совершаемых с использованием операций в сфере налогообложения, в значительной мере определяется своевременностью выявления их признаков и полнотой информации, изначально поступающей в распоряжение следователя. Поэтому принципиально важным представляется содержание заседания Совета безопасности РФ (14 ноября 2013 г.), на котором Президент РФ В. Путин признал не оправдавшей ожидания законодательную политику последних лет в части ответственности за налоговые преступления, односторонне направленную только на защиту прав предпринимательского сообщества в ущерб государственным интересам. Возмещение налоговых задолженностей, по приведенным главой государства данным, составило всего 0,4%, что однозначно свидетельствует о необходимости изменения действующего законодательства и практики расследования налоговых и взаимосвязанных с ними преступлений. Данное обстоятельство определило политическую волю Президента

РФ, направленную на расширение поводов для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, ограниченных в настоящее время только материалами налоговых проверок (ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ, введена Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 407). Как предполагается, это произойдет за счет оперативной информации, которая будет направляться для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в Следственный комитет.

На наш взгляд, речь идет, по сути, о возврате к «традиционному» порядку возбуждения уголовных дел, который в 2011 г. был изменен только в отношении налоговых преступлений. Мы полностью одобряем такой подход. Ранее автором уже высказывались существенные сомнения в целесообразности ограничения вышеуказанных поводов и их эффективности в плане борьбы с коррупцией [1]. Поскольку сама возможность совершения налоговых мошенничеств определяется законодательно установленным порядком по уплате налогов и сборов и компенсации соответствующих платежей из госбюджета, все сказанное имеет не-

посредственное отношение к предмету нашего исследования.

Итак, сложившаяся в настоящее время ситуация в плане выявления признаков налоговых мошенничеств характеризуется двумя проблемными аспектами.

Во-первых, это отсутствие возможности использования оперативных данных для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях и, соответственно, налоговых мошенничествах. Здесь, к сожалению, пока (на момент написания настоящей статьи) приходится говорить только о возможных перспективах, в том числе в части организации взаимодействия оперативных органов с ФНС. Однако, поскольку мы убеждены в скорейшей реализации такой перспективы, остановимся на основных особенностях указанного взаимодействия в будущем. По нашему мнению, оно будет состоять в следующем.

1. Особенности субъектов взаимодействия. Именно в расследовании налоговых преступлений и соответствующих видов мошенничеств планирование деятельности по выявлению их признаков должно строиться с учетом взаимных возможностей: оперативных, т.е. результатов деятельности органов дознания МВД России, и результатов документальных проверок, осуществляемых органами ФНС. Игнорирование вышеуказанной возможности резко снижает эффективность деятельности обоих органов.

По сути, здесь речь должна идти о принципиально новой модели взаимодействия: правоохранительного органа, призванного выявлять признаки преступления и обладающего правом производства оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), и органа контролирующего, для которого цель выявления преступления не является приоритетной.

2. Роль следователя как ведущего субъекта планирования. В рассматриваемой ситуации процессуальная фигура следователя появляется значительно позже, после передачи ему материалов налоговой (или оперативной, как планируется) проверки. После этого процесс планирования приобретает трехсторонний, условно говоря, характер: «следователь – органы ФНС – оперативные органы (подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции – ЭБ и ПК и др.)». Такая особенность будет свойственна расследованию любого, каждого дела о налоговом мошенничестве. Особенность положения следователя здесь заключается в том, что после передачи ему указанных материалов именно он начинает определять процесс планирования, исходя

из уголовно-процессуальных целей установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ). При этом он «перенаправляет» усилия указанных органов, исходя из названных целей.

3. Особенность начального и последующего за ним уровней взаимодействия. В нашем случае следует говорить об уровне взаимодействия, предшествующем даже доследственной проверке. Его можно обозначить как исходный, базовый для проверки, проводимой следователем в порядке, установленном ст. 144–145 УПК РФ, носящий ведомственный (межведомственный) характер. Последующее взаимодействие и его планирование определяются объемом и содержанием первичного материала, оказавшегося в распоряжении следователя, а также вышеуказанным трехсторонним характером взаимодействия.

4. Специфика ведомственной деятельности в условиях многовариантности поводов к возбуждению уголовного дела. Эту сторону исследуемой проблемы можно рассматривать как своеобразную антикоррупционную систему «сдержек и противовесов». Преступное «покровительство» (соучастие в форме пособничества), оказываемое налогоплательщику со стороны, например, налогового органа, теряет смысл. Наша убежденность в этом основывается на наличии схожих прав и функций по выявлению признаков преступления у другого органа. При этом речь не идет о дублировании функций, поскольку приемы обнаружения указанных признаков абсолютно различны. Они определяются полномочиями различных по своей сути органов, соответственно, исполнительной ветви власти и оперативного органа. Конечно, нельзя исключать возможность преступной договоренности налогоплательщиков со всеми возможными властными структурами, но такие случаи достаточно редки.

Второй проблемный аспект связан непосредственно с недочетами в работе самих налоговых органов, что вызывает особое беспокойство с учетом исключительной процессуальной роли материалов налоговых проверок (п. 1.1 ст. 140 УПК РФ) на сегодняшний день. Указанные недостатки в значительной степени определяются разнообразными пробелами действующего законодательства и особенностями информационного обеспечения. Проведенные нами исследования позволили их выявить и определенным образом систематизировать.

Вначале обратим внимание на недостатки, связанные с законодательным урегулированием полномочий налоговых органов. В насто-

ящее время у них отсутствует право на проверку складских и иных помещений, имеющих отношение к осуществлению хозяйственных операций, влекущих возмещение НДС из бюджета. Это – очевидный пробел Налогового кодекса РФ (НК РФ), поскольку проведения только документальной проверки для выявления признаков мошенничества недостаточно. Для этого необходимо сравнение документального движения материальных ценностей с их реальным перемещением. Подобного рода проверки достаточно просты по своей методике и не препятствуют нормальной деятельности налогоплательщика, поскольку в большинстве случаев достаточно убедиться в самом факте наличия товара, его истинном характере и примерном количестве. Такие проверки надо вывести из сферы действия законодательных требований о стандартно допустимой частоте проверок предпринимателей (один раз в три года). Обоснование такого предложения состоит в том, что в данном случае речь идет о предупреждении хищений государственного имущества, которое не может быть осуществлено никаким другим образом. В этом принципиальное отличие собственно налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198–199 УК РФ, и мошенничества, как преступлений большей общественной опасности (ст. 159 УК РФ).

Рекомендуемые нами проверки будут носить характер инвентаризаций, а возможность их проведения следует предусмотреть в каждом случае возмещения НДС из бюджета на определенную величину (однократно или за соответствующий промежуток времени). Выработка необходимых для этого финансовых показателей не вызовет значительных затруднений, поскольку в налоговых органах накоплен необходимый практический опыт в части признаков подозрительных хозяйственных операций – как по их характеру, так и по объемам.

В рамках рассматриваемой группы недостатков следует также обратить внимание на необходимость прямого закрепления в НК РФ права налоговиков на доступ к электронной отчетности хозяйствующих субъектов. В этой части нередки случаи противодействия руководителей организаций. На наш взгляд, данная мера не только позволит своевременно выявлять преступные намерения, но и в значительной степени облегчит жизнь законопослушных налогоплательщиков. Наша убежденность основывается на расширении практики использования так называемых «электронных кабинетов» на иные виды налогоплательщиков, помимо физических лиц и индивидуальных предприни-

мателей. Законопослушный плательщик налогов в ходе своей хозяйственной деятельности получает возможность вообще не контактировать с налоговыми органами «напрямую». Таким образом, реализация нашего предложения позволит оптимизировать проверочную деятельность налоговиков, дав им возможность сконцентрировать свои основные усилия на предупреждении возможных правонарушений и преступлений.

Последние изменения только отчасти разрешают обозначенные проблемы [2]. Так, с 1 июля 2014 г. у налоговых органов появляется право доступа к информации о вкладах и депозитах налогоплательщиков (ст. 86 и 93.1 НК РФ), а с 1 января 2015 г. – право требования дополнительных объяснений и изъятия первичной информации по так называемым уточненным и убыточным налоговым декларациям (ст. 88 НК РФ). С этого же времени возникает право доступа на территорию налогоплательщика, его помещений и осмотра материальных ценностей (ст. 91, 92 НК РФ). Такое расширение прав налоговых органов является, безусловно, положительной тенденцией в плане борьбы с налоговыми мошенничествами. Однако названные правовые меры являются недостаточными. Например, ничем не обеспечена принудительная реализация указанных прав в возможных конфликтных ситуациях, не определена ответственность организации – налогоплательщика и ее руководства (а также ИП и гражданина) за воспрепятствование деятельности налоговым органам при осуществлении ими новых полномочий. Вне рамок правового регулирования в рассматриваемых случаях остались полномочия налоговых органов в отношении деятельности иных организаций (и/или ИП) – контрагентов проверяемых субъектов хозяйственной деятельности, расположенных в других регионах. Все это в определенной мере будет снижать эффективность вышеописанных законодательных новаций. Поэтому, при всей своей полезности, они нуждаются в совершенствовании, направления которого нами и были обозначены.

Следующая группа недостатков законодательного характера состоит в несовершенстве соответствующего понятийного аппарата, т.к. никакая правоприменительная деятельность невозможна без четких дефиниций тех фактов, которые мы относим к юридически значимым.

Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. «О бухгалтерском учете» был принят немногим более двух лет назад и сразу же вызвал достаточно много нареканий. Содержащиеся в нем

положения следует дополнить необходимыми юридическими терминами и согласовать их с аналогичными, содержащимися в иных отраслях права (прежде всего, в гражданском праве). Сказанное относится к таким терминам, как «мнимый бухучет», «притворные сделки», «двойная бухгалтерия». В сфере налогообложения и практике бухгалтерского учета они используются давно, устоялось и их правоприменительное значение. Однако законодательного закрепления они так и не получили, что снижает доказательное значение актов налоговых проверок, в которых присутствует такая терминология.

В качестве еще одной проблемы, влияющей на качество организации и проведения налоговых проверок, следует указать отсутствие в органах налоговой службы единой информационно-аналитической системы, которая в ав-

томатическом режиме могла бы отслеживать параметры хозяйственной деятельности налогоплательщиков и предупреждать о возможном криминальном характере тех или иных сделок. В качестве достаточно успешного примера здесь можно использовать систему управления рисками (СУР), действующую в Федеральной таможенной службе РФ. Понятно, что задача создания такой системы чрезвычайно сложна и многогранна, однако необходимость в ее скорейшем создании назрела давно.

В своей совокупности ликвидация отмеченных нами недостатков правового, организационного и иного характера позволит значительно повысить качество планирования и проведения мероприятий, направленных на выявление признаков налоговых мошенничеств.

1. Петросян Е.М. *Налоговые преступления и мошенничества: актуальность современных проблем расследования // Криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию образования КубГАУ, 12–13 окт. 2012 г. С. 335–340.*

2. *Законодательство ужесточается (комментарий к Федеральному закону от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям») // Налоги. Редакционный материал. 2013. № 33. С. 20–23.*

1. Petrosyan E.M. *Tax crimes and frauds: the urgency of modern problems of investigation // Criminalistic and criminal-procedural problems of criminal legal procedure: proc. of all-Russian sci.-pract. conf. devoted to 90th anniversary of Kub. SAU formation, Oct. 12–13, 2012. P. 335–340.*

2. *Legislation has toughened (comments to the Federal law of June 28, 2013 № 134-FL «On introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of combating with illegal financial operations») // Taxes. Editorial material. 2013. № 33. P. 20–23.*

Дикажев Мухарбек Магомедгиреевич

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Ингушского государственного университета
(e-mail: dikajev@mail.ru)

К вопросу об особенностях правоохранительной службы в органах внутренних дел

В статье проводится правовой анализ законодательства о прохождении правоохранительной службы в органах внутренних дел, рассматриваются ее основные особенности.

Ключевые слова: государственная служба, правоохранительная служба, органы внутренних дел, сотрудник полиции, профессионализм и компетентность.

M.M. Dikazhev, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Theory and History of State and Law of the Ingush State University; e-mail: dikajev@mail.ru

To the question of peculiarities of law-enforcement service in bodies of Internal Affairs

In the article the legal analysis of the legislation on the passage of law-enforcement service in is carried out, its main peculiarities are considered.

Key words: public service, law-enforcement service, bodies of Internal Affairs, police officers, professionalism and competence.

Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [1] (далее – Закон о системе государственной службы) и другие нормативно-правовые акты определяют профессиональные отношения как государственно-служебные отношения. Связаны они с деятельностью государственного органа, входящего в систему федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, представляют собой разновидность федеральных государственно-служебных отношений и занимают самостоятельное место. В то же время полномочия МВД России объективно предполагают, что данные государственно-служебные отношения должны регламентироваться федеральным законодательством. Это отчасти уже закреплено в Законе о системе государственной службы.

Упомянутый закон закрепил три вида государственной службы: государственная гражданская, правоохранительная, военная. При этом служба в органах внутренних дел отнесена к правоохранительной.

Термин «служба в органах внутренних дел» употребляется чаще всего в следующих значениях:

во-первых, служба в органах внутренних дел как понятие социальное применяется для определения характера и рода деятельности лю-

дей, отражая факт общественного разделения труда;

во-вторых, службой иногда именуется структурные подразделения (кадровое, юридическое, финансовое, тыловое и др.) органов МВД или разновидность деятельности сотрудников органов внутренних дел, определенная часть их работы, отличающаяся спецификой полномочий (патрульно-постовая, конвойная и др.);

в-третьих, так может называться самостоятельное ведомство [2, с. 6].

Изложенное свидетельствует, что правоохранительная служба в органах внутренних дел представляет собой один из видов деятельности государства по формированию профессионального кадрового ядра с целью выполнения задач государства по реализации функции охраны прав и свобод граждан, обеспечению законности и правопорядка.

При характеристике службы в органах внутренних дел следует иметь в виду и то, что она обеспечивает общественно полезную деятельность, которую, по нашему мнению, следует рассматривать как интеллектуальную и направленную на объективную реализацию прав, свобод и законных интересов как человека, так и общества и государства в целом.

Целью службы в органах внутренних дел является обеспечение деятельности по борьбе с преступностью, охраны общественного порядка и общественной безопасности. Это значит,

что она обеспечивает выполнение особо значимых задач, т.е. при характеристике правоохранительной службы в органах внутренних дел, по нашему представлению, необходимо исходить из того, какое место занимает профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел в решении стоящих перед ним задач. В связи с этим следует отметить, что в деле защиты прав и свобод человека и гражданина особую роль в структуре государственных органов занимают органы и подразделения внутренних дел. Деятельность органов внутренних дел, призванных осуществлять важные функции в механизме государства, распространяется практически на все сферы общественных отношений, однако их компетенция имеет пространственный предел деятельности, как правило, ограниченной территориальной подведомственностью.

В сфере правоохранительной деятельности государства действуют разнообразные государственные органы, однако органы внутренних дел представляют собой наибольшую часть правоохранительной системы, осуществляющую постоянные прямые и наиболее массовые контакты со всеми группами населения. Мы разделяем точку зрения Д.В. Астахова, что «органы внутренних дел полифункциональные. Такого разнообразия задач и направлений деятельности нет ни у одного из других правоохранительных органов, поскольку они выполняют наибольший объем обязанностей, а следовательно, наделены широким кругом властных полномочий и также отличаются перечнем специфических свойств, выделяющих органы внутренних дел среди других субъектов правоохранительной деятельности» [3, с. 16].

Как известно, органы внутренних дел, прежде всего, характеризует круг решаемых ими задач. Они осуществляют разноплановые специфические виды деятельности, в частности оперативно-розыскную деятельность, дознание и т.д. Кроме того, органы внутренних дел характеризует такой специфический признак, как вооруженность. Это означает, что при выполнении поставленных задач сотрудники органов внутренних дел имеют право применять оружие и специальные средства.

Изложенное позволяет сделать вывод, что органы внутренних дел – это государственная организация, призванная обеспечить надлежащую охрану общественного порядка и борьбу с преступностью, поэтому их относят к силам обеспечения безопасности Российской Федерации. Органы внутренних дел, входя в систему МВД России, также являются частью государственной исполнительной власти страны.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4], Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 (с изменениями и дополнениями) [5], наделило МВД России полномочиями на осуществление государственного управления в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны правопорядка, обеспечения общественной безопасности.

Органы внутренних дел, в том числе и полиция, обеспечивают реализацию ряда специальных правовых режимов, действия которых приводят к ограничению конституционных прав и законных интересов граждан. Работа сотрудников в таких ситуациях требует от них специальных знаний, строгого соблюдения законности и принятия особых мер личной безопасности. В данном случае имеются в виду такие режимы, как режим контртеррористической операции, режим закрытого административно-территориального образования, паспортный режим, режим государственной тайны, режим секретности и некоторые другие.

Таким образом, «служба» отражает сложившуюся практику и функциональную сторону деятельности органов внутренних дел и осуществляется в виде общественно полезной деятельности особого и специального характера, проявляющейся в процессе реализации задач по охране правопорядка и борьбе с преступностью.

Разумеется, правоохранительной службе в органах внутренних дел присущи черты общего и специального свойства. Под общими свойствами мы, прежде всего, понимаем совокупность тех черт, которые присущи всей государственной службе Российской Федерации, а именно: федерализм, обеспечивающий единство системы государственной службы и соблюдение конституционного разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; законность; приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты; равный доступ граждан к государственной службе; единство правовых и организационных основ государственной службы, предполагающее законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы; открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности

государственных служащих; профессионализм и компетентность государственных служащих. То есть общий характер служебных отношений проявляется через закрепленный в Законе о системе государственной службы межотраслевой подход, когда государственно-служебные функции реализуются через общие стандарты и подходы, имеющие отношение ко всем сферам деятельности государственных служащих. В свою очередь, свойства специального характера носят ярко выраженную отраслевую направленность, которая проявляется через профессиональную деятельность государственных служащих. В частности, служба в органах внутренних дел характеризуется: комплексом специфических прав, например на применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия; особыми задачами, направленными на борьбу с преступностью и связанными с принуждением; собственным комплексом прав и обязанностей; самостоятельной системой, призванной реализовать стоящие перед органами внутренних дел задачи; требованиями, предъявляемыми к сотрудникам органов внутренних дел, гарантиями личной безопасности сотрудников и т.д.

Еще одна особенность правоохранительной службы в органах внутренних дел – это множество различных отношений при ее прохождении. Прежде всего, это отношения между сотрудниками органов внутренних дел и государственными органами исполнительной власти, а также государственными органами других ветвей власти; между сотрудниками органов внутренних дел и сотрудниками других правоохранительных органов; между сотрудниками органов внутренних дел и различными общественными организациями; между сотрудниками органов внутренних дел и органами и должностными лицами местного самоуправления; между сотрудниками органов внутренних дел и гражданами.

Такая система правоотношений свидетельствует, что правоохранительная служба в органах внутренних дел характеризуется широкой публичностью. В то же время указанные отношения вызваны функционированием органов внутренних дел в сферах охраны правопорядка и борьбы с преступностью.

Правовое регулирование прохождения правоохранительной службы в органах внутренних дел осуществляется в законодательстве как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Принципиально, что компетенция субъектов Российской Федерации нашла свое отношение в разраба-

тываемом законопроекте, т.е. в проекте нового федерального закона, регламентирующего службу как правоохранительных органов в целом, так и органов внутренних дел в частности. При этом нам представляется, что в данном законопроекте необходимо более четко предусмотреть способы и формы участия субъектов Российской Федерации в принятии управленческих решений, связанных с использованием сотрудников органов внутренних дел в чрезвычайных ситуациях и ситуациях иного характера, а также их роль в реализации федерального стандарта статуса государственного служащего в органах внутренних дел.

Бесспорно, правоохранительная служба в системе органов внутренних дел тесно связана с такими понятиями, как профессионализм и компетентность сотрудников. Нам представляется, что эффективность выполнения задач, стоящих перед органами внутренних дел, напрямую связана именно с данными требованиями к сотрудникам.

При прохождении правоохранительной службы особое значение имеет должностное положение самих сотрудников. В зависимости от занимаемой должности они могут быть классифицированы на рядовой и младший начальствующий состав, инспекторский и руководящий состав.

Правовой статус сотрудников зависит от наличия у них специальных званий, т.к. в соответствии с Федеральным законом «О полиции» правоохранительная служба в органах внутренних дел подразделяется на службу в званиях рядового, младшего, среднего, старшего и высшего начальствующего составов [4].

Место органов внутренних дел в системе органов исполнительной власти и их специфика определяются установленной законодательством компетенцией, которая закреплена в положениях о том или ином органе внутренних дел, а также в специальных законодательных и иных нормативно-правовых актах, которые определяют обязанности и права тех или иных органов в системе МВД России.

Законодательно определено понятие правоохранительной службы, к которой отнесена и служба в органах внутренних дел. В ст. 7 Закона о системе государственной службы закреплено, что «правоохранительная служба – вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службы в учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, закон-

ности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина». Такое определение означает, что служба в органах внутренних дел имеет свои специфические особенности. Все лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел являются государственными служащими и участвуют в исполнительно-распорядительной деятельности государства, поскольку они организуют и обеспечивают охрану общественного порядка и общественную безопасность.

В сфере служебной деятельности лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел в зависимости от особенностей своего правового статуса наделены различными государственно-властными полномочиями и выступают в качестве представителей исполнительной власти. Их законные требования обязательны для исполнения всеми физическими, должностными и юридическими лицами.

Служба в органах внутренних дел связана с повышенным риском для жизни и здоровья. Она требует высокой профессиональной подготовки, моральной стойкости, физической выносливости, личного мужества при выполнении служебного долга.

В современный период государством немало сделано для повышения престижа службы в органах внутренних дел. В этих целях при-

няты Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Принятые государством меры позволили увеличить число кандидатов на службу в органы внутренних дел на новом качественном уровне, в большинстве за счет демобилизованных из Вооруженных сил.

Вместе с тем, по нашему мнению, все еще остаются нерешенными вопросы унификации законодательства о прохождении службы в различных правоохранительных структурах. Такое законодательство обеспечило бы сохранение специальных званий, классов чинов, стажа при переходе на работу из одной структуры в другую, решение вопросов пенсионного обеспечения, а также способствовало бы введению правового института ротации кадров во всей правоохранительной системе, который в настоящее время используется только в рамках отдельной правоохранительной структуры.

1. Собр. законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

2. Ильясов С.П., Кудрявцев А.В., Сергун П.П. Государственная служба в органах внутренних дел. М., 1996.

3. Астахов Д.В. Место и роль органов внутренних дел в государственном механизме современной России (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

4. Рос. газ. 2011. 8 февр.

5. Там же. 2 марта.

6. Собр. законодательства РФ. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7020.

7. Там же. № 30, ч. 1. Ст. 4595.

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 22. Art. 2063.

2. Ilyasov S.P., Kudryavtsev A.V., Sergun P.P. The public service in police. Moscow, 1996.

3. Astahov D.V. Place and the role of police in the state mechanism of modern Russia (theoretical and legal aspects): auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2005.

4. Rus. newsp. 2011. Febr. 8.

5. Ibid. 2011. March 2.

6. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 49, pt. 1. Art. 7020.

7. Ibid. № 30, pt. 1. Art. 4595.

Белоконь Анна Викторовна

кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник филиала ВНИИ МВД России
по Южному федеральному округу
(e-mail: avbelokon@rambler.ru)

О некоторых аспектах организации деятельности органов внутренних дел

Раскрываются формы взаимодействия органов внутренних дел в процессе оперативно-служебной деятельности. Исследуется структура внутриорганизационного и внешнеорганизационного взаимодействия органов внутренних дел.

Ключевые слова: административно-правовой режим, взаимодействие, внешнеорганизационное взаимодействие, внутриорганизационное взаимодействие, органы внутренних дел.

A.V. Belokon, Master of Law, Leading Researcher of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia across the Southern Federal District; e-mail: avbelokon@rambler.ru

About some aspects of organization of activities of law-enforcement bodies

Forms of interaction of law-enforcement bodies in process of operative and office activity reveal. The structure of inner organizational and external organizational interaction of law-enforcement bodies is investigated.

Key words: administrative legal regime, interaction, external organizational interaction, inner organizational interaction, law-enforcement bodies.

Содержание внутриорганизационной деятельности органов внутренних дел заключается в осуществлении ими комплекса управленческих функций, которые направлены на обеспечение эффективного и качественного выполнения возложенных на них задач, для чего должны быть реализованы следующие управленческие функции: анализ и оценка оперативной обстановки (информационно-аналитическая работа); планирование работы и принятие других (кроме планов) управленческих решений; доведение управленческих решений до исполнителей, организационное и материально-техническое обеспечение их деятельности; организация взаимодействия между аппаратами и подразделениями органов внутренних дел; организация взаимодействия органов внутренних дел с государственными органами и общественными организациями, участвующими в обеспечении правопорядка; контроль и проверка исполнения управленческих решений; организация внедрения передового опыта; работа с кадрами; учет и отчетность, оценка эффективности и качества работы.

Для обеспечения эффективности управленческого процесса орган управления должен быть постоянно информирован о состоянии управляемого объекта, его соответствии тем параметрам, которые заданы нормотворче-

ским органом. Информация должна носить конкретный характер, ее объем не может превышать компетенцию органа управления. Информация, поступающая в орган управления, должна быть отработана, проанализирована, изложена в соответствующей форме, только тогда по ней может быть принято квалифицированное управленческое решение субъектом управления. Таким образом, для устойчивого функционирования системы управления необходимо, чтобы были реализованы следующие функции в отношении информации об управляемом объекте: сбор информации о параметрах функционирования управляемой социальной системы; передача информации в органы управления, доклад ее в установленной форме; анализ информации в органе управления, доклад ее в установленных формах; выработка соответствующих управленческих решений; направление управленческих решений в управляемый объект; организация контроля субъектом управления за исполнением принятых решений.

Совершенствование организации деятельности органов внутренних дел немислимо без информационного обеспечения процесса управления, т.к. руководителю нужна постоянная информация об организации и функционировании управляемой системы.

Весь смысл информационного обеспечения работы органа внутренних дел состоит в том, чтобы из общей совокупности информации с учетом ее источника, сложившейся периодичности поступления отобрать только те сведения, которые ему необходимы и достаточны для выполнения своих функций.

Одним из основных организационных аспектов информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел является получение полной и исчерпывающей информации о подконтрольных объектах. Процесс информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел полагаем целесообразным рассмотреть на примере использования Программного комплекса оформления дорожно-транспортных происшествий на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В 2011 г. в ходе реформирования органов внутренних дел в соответствии с Указом Президента РФ от 18 февраля 2010 г. № 208 (в редакции от 01.03.2011) «О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации» и с целью реализации задач, определенных Федеральным законом «О полиции», Госавтоинспекция ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области претерпела сокращение численности личного состава на 33%, что значительно осложнило ситуацию с оформлением дорожно-транспортных происшествий на территории региона.

Оформление дорожно-транспортных происшествий (за исключением случаев, где ущерб составляет менее 25 тыс. рублей) напрямую связано с участием сотрудников ДПС ГИБДД, а временные затраты на оформление одного ДТП (дорожно-транспортное происшествие) составляют в среднем от 1,5 до 6 часов и более (в зависимости от количества участников ДТП, количества пострадавших, погибших, времени суток, погодных условий и т.д.).

По прибытии на место ДТП сотрудник ДПС должен:

квалифицировать ДТП по признаку наличия пострадавших либо причинение материального ущерба с последующей его квалификацией (столкновение, опрокидывание, наезд на стоящее транспортное средство, наезд на препятствие, наезд на пешехода, наезд на велосипедиста, наезд на гужевой транспорт, падение пассажира, наезд на животное, иной вид ДТП);

определить состав участников ДТП: пешеход, пассажир, ТС (грузовой автомобиль, легковой автомобиль, автобус, спецтехника, мототранспорт, прочие типы ТС), иной участник;

определить место ДТП;

осуществить фотографирование места ДТП; подготовить схему ДТП;

осуществить регистрацию участников ДТП – должны быть сформированы регистрационные данные: ФИО, документ, удостоверяющий личность (наименование, серия, номер, дата выдачи), адрес проживания, адрес регистрации, место работы, телефон, государственный регистрационный знак ТС, номер водительского удостоверения;

осуществить регистрацию свидетелей ДТП – должны быть зарегистрированы установочные данные физических лиц: ФИО, документ (наименование, серия, номер, дата выдачи), удостоверяющий личность, адрес проживания, адрес регистрации, место работы;

зафиксировать обстоятельства ДТП для составления необходимых документов (вид покрытия, состояние проезжей части, погодные условия, освещение, время суток, недостатки эксплуатационного состояния транспорта, способствующие совершению ДТП, повреждения ТС);

сформировать комплект материалов:

1) по ДТП без пострадавших: определение о возбуждении дела об административном правонарушении, справка по дорожно-транспортному происшествию, регистрационный № ____, справка о дорожно-транспортном происшествии (прил. к приказу МВД России от 1 апреля 2011 г. № 154), протокол об административном правонарушении, постановление по делу об административном правонарушении либо определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, схему места совершения административного правонарушения и объяснения участников ДТП;

2) по ДТП с пострадавшими: протокол осмотра места совершения административного правонарушения, определение о возбуждении дела об административном правонарушении, справка по дорожно-транспортному происшествию, регистрационный № ____, справка о дорожно-транспортном происшествии (прил. к приказу МВД России от 1 апреля 2011 г. № 154), протокол об административном нарушении, постановление по делу об административном правонарушении либо определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, схему места совершения административного правонарушения и объяснения участников ДТП.

Выполнение всех перечисленных процедур усугубляется дорожно-транспортной обстановкой в часы пик, а также в часы концентрации дорожно-транспортных происшествий (утрен-

ние и вечерние, когда значительно увеличивается плотность транспортных потоков как в городе, так и в области), удаленностью мест ДТП от текущего места нахождения наряда ДПС и другими факторами, что приводит к значительному увеличению времени, которое вынуждены затрачивать участники ДТП по не зависящим от них причинам.

Поиск путей выхода из сложившейся ситуации поставил перед Управлением Госавтоинспекции новые задачи по выбору решений, направленных на создание инструмента, позволяющего в данных условиях не только сохранить возможность обеспечения граждан, попавших в ДТП, приемлемыми условиями для их оформления, но и значительно повысить качество оформляемых материалов при сокращении затрачиваемого на это времени.

При подготовке технического задания были учтены требования Кодекса РФ об административных правонарушениях, приказа МВД России от 3 февраля 2009 г. № 185 «Административный регламент по выполнению органами ГИБДД функции по обеспечению безопасности дорожного движения», приказа МВД России от 3 декабря 2007 г. № 1144 «О системе информационного обеспечения подразделений Госавтоинспекции», международной методологии ITSM и требований ГОСТ 34.003-90, ГОСТ 34.201-89, ГОСТ 34.601-90, ГОСТ 34.602-89, ГОСТ 34.603-92, РД 50-34.698-90, РД 50-680-82, РД 50-682-89.

Для информационного обеспечения программного комплекса оформления дорожно-транспортных происшествий (далее – ПКО ДТП) установлено требование взаимодействия со следующими информационными подсистемами: ИС «Адмпрактика», ИС «Автомобиль», ИС «Розыск», ИС «Водительские удостоверения». ИС «Адмпрактика» является подсистемой ТРИС и формируется на основании данных о выявленных нарушениях правил дорожного движения и вынесенных по ним решениях. ИС «Автомобиль» является подсистемой ТРИС и формируется на основании данных о

зарегистрированных транспортных средствах и их владельцах, поступающих из регистрационных подразделений. ИС «Водительские удостоверения» является самостоятельной ИС и формируется на основании данных о полученных водительских удостоверениях.

ПКО ДТП должен работать совместно с информационными системами УГИБДД и быть сопряжен с ними в соответствии с приказом МВД России № 1144–2007 г.

ПКО ДТП должен состоять из двух сегментов: мобильного и стационарного. Экземпляры мобильного сегмента должны устанавливаться на специализированные мобильные комплексы технических средств (КТС) в автомобилях экипажей ДПС. Стационарный сегмент должен функционировать на стационарном КТС в УГИБДД и обслуживать неограниченное количество экземпляров мобильного сегмента. Специальные требования к конструкции сегментов ПКО ДТП установлены в разделе 3 технического задания.

ПКО ДТП должен представлять собой совокупность следующих взаимодействующих функциональных программных компонентов (далее – ФК): мобильный сегмент – ФК «Регистрационные действия на месте ДТП», ФК «Формирование и печать пакета документов по ДТП»; стационарный сегмент – ФК «Электронное хранилище материалов по ДТП», ФК «Работа с материалами по ДТП в электронном виде», ФК «Прием дополнительных материалов по ДТП».

Оценивая результаты, полученные в ходе опытной эксплуатации ПКО ДТП, полагаем, что использование указанного аппаратно-программного продукта позволит в условиях значительного сокращения кадрового потенциала в ходе реформирования МВД повысить эффективность применения сил и средств Госавтоинспекции по оформлению дорожно-транспортных происшествий на территории региона. ПКО ДТП может быть рекомендован для применения в подразделениях ДПС ГИБДД на территории России.

Панфилова Лариса Борисовнапреподаватель кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: Panfilova77777@mail.ru)

Организационно-правовые основы деятельности органов полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте

В статье рассмотрены вопросы административно-правового обеспечения общественной безопасности на водном транспорте органами внутренних дел. Проведен анализ различных мнений ученых о понятии «транспортная безопасность», а также результатов реформирования структуры органов полиции на транспорте.

Ключевые слова: безопасность, транспортная безопасность, система обеспечения транспортной безопасности, водный транспорт, органы полиции на транспорте, административная юрисдикция.

L.B. Panfilova, Teacher of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Panfilova77777@mail.ru

Institutional and legal framework of police activities to ensure public safety on water transport

The paper deals with the administrative and legal public safety on water transport by the police. It analysis different points of view of scientists on the concept of «transport security» as well as the results of reforming the structure of the police transport.

Key words: security, transport security, transport security system, water transport, police transport, administrative jurisdiction.

В последнее десятилетие особо актуальными являются вопросы правового регулирования общественной безопасности во всех сферах жизнедеятельности. Разработка направлений совершенствования административно-правового обеспечения общественной безопасности на водном транспорте, повышение эффективности работы органов транспортной полиции не являются в этом случае исключением.

Рассмотрение организационно-правовых основ деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте целесообразно начинать с понятийного аппарата. Единое универсальное понятие «безопасность» в отечественном законодательстве отсутствует. В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [1] определяется лишь содержание деятельности по обеспечению безопасности. В перечень таких действий входят: прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики в этой сфере и т.д. (ст. 3).

Слово «безопасность» имеет значение «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [2]. Как видим, оно используется в качестве антонима понятию «опасность», и его никак нельзя взять за основу разработки исследуемой дефиниции.

В Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (в редакции от 23 июля 2013 г. № 225-ФЗ) [3] под транспортной безопасностью понимается состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства (п. 10 ст. 1). При этом обеспечение транспортной безопасности определяется как реализация государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства (п. 4 ст. 1).

В юридической литературе содержание понятия «транспортная безопасность» раскрывается по-разному. Отдельными авторами оно оценивается в узком смысле, т.е. так, как его трактует законодатель. По мнению других ученых, это определение оказалось зауженным до техни-

ческого обустройства объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств с точки зрения их антитеррористической защищенности и правоохранительной деятельности в этой сфере (административной и уголовной юрисдикции). Однако его можно рассматривать в качестве системы, которая включает в себя: 1) обеспечение транспортной безопасности; 2) обеспечение безопасности движения и эксплуатации транспорта, включая защищенность от угроз техногенного, природного и иного несоциального характера [4, с. 94, 96–97].

Положения Федерального закона № 16-ФЗ позволяют сделать вывод о том, что органы внутренних дел являются ключевым элементом системы обеспечения транспортной безопасности. Они обладают обширной компетенцией в части борьбы с преступностью на транспорте, административной юрисдикции. Органы полиции представляют собой разветвленную организационную структуру, которая в последнее время подверглась организационным преобразованиям.

В преддверии реформ 24 декабря 2009 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым был подписан Указ № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». В целях оптимизации управления органами внутренних дел предлагалось сократить количество департаментов в МВД России на две единицы (п. 3). Министру внутренних дел РФ предписывалось в трехмесячный срок представить предложения по совершенствованию структуры органов внутренних дел РФ (п. 5) с целью исключения дублирования их функций, разграничения полномочий в интересах первоочередного решения задач противодействия преступности и обеспечения общественной безопасности. Это позволило некоторым авторам высказать мысль, что одним из подразделений, определенных для «принесения в жертву», является Департамент обеспечения правопорядка на транспорте МВД России, поскольку дифференциация правоохранительных органов по отраслевому принципу внутри самого правоохранительного ведомства вносит сумятицу и порождает дублирование и параллелизм [5, с. 2–3].

Такое развитие предсказывали и ранее. Так, Ю.В. Степаненко в своем диссертационном исследовании предполагал следующее: «В связи с изменением системы и структуры федеральных органов исполнительной власти актуализируется вопрос о судьбе ГУВДТиС. Скорее всего, этот главк будет ликвидирован и преобразован в отдел в составе Департамента милиции общественной безопасности МВД России» [6, с. 304].

Этот прогноз оправдался далеко не в полной мере. До реформирования система органов внутренних дел на транспорте включала в себя 3 уровня. Возглавляло эту систему Главное управление внутренних дел на транспорте МВД России (ГУВДТ), которое непосредственно подчинялось руководству МВД России. В регионах органами внутренних дел на транспорте являлись управления (отделы) внутренних дел (УВДТ, ОВДТ), руководство которыми осуществляло ГУВДТ. Нижестоящими звеньями системы органов внутренних дел на транспорте являлись линейные управления (отделы, отделения) – ЛОВДТ и входящие в их состав линейные пункты милиции. Двойное подчинение отсутствовало (и отсутствует в настоящее время), т.е. каждый нижестоящий орган внутренних дел на транспорте подчинен только по вертикали вышестоящим органам внутренних дел на транспорте.

В результате реформирования было сокращено более 5,6 сотрудников органов внутренних дел на транспорте, образовано Главное управление на транспорте МВД России (ГУТ МВД России). До преобразования действовало 20 управлений внутренних дел на транспорте, в настоящее время существует 8 управлений на транспорте по федеральным округам, а также 2 линейных управления внутренних дел на транспорте (Восточно-Сибирское и Забайкальское), которые находятся в непосредственном подчинении МВД России.

На вопрос журналистов о том, что означает введение территориального деления по федеральным округам наряду с линейным принципом деятельности транспортной полиции, начальник ГУТ МВД России Д.В. Шаробаров ответил, что линейный принцип оперативно-служебной деятельности транспортной полиции был основан на привязке к существующим отделениям железных дорог, на объектах которых располагалась значительная часть ОВДТ (порядка 80%). В настоящий момент схемы оперативного обслуживания привязаны к территориям федеральных округов. В результате в сферу оперативного влияния одного управления вошли участки разных железных дорог [7]. Помимо этого он пояснил, что деятельность Управления в основном направлена на комплексное решение возложенных на него задач и четкое деление на три направления по количеству видов транспорта ни Положением о ГУТ МВД России, ни его структурным построением не предусмотрено [7].

Дополним, что третий уровень органов внутренних дел на транспорте представляют линейные отделы МВД России с входящими линейными отделениями, пунктами полиции.

В рамках реформирования на территории нашего региона приказом министра внутренних дел Р.Г. Нургалиева от 3 августа 2010 г. № 570 на базе Азово-Черноморского УВДТ образовано Управление на транспорте МВД России по Южному федеральному округу (УТ по ЮФО). В его структуру вошли Краснодарское ЛУ МВД России на транспорте, Сочинское ЛУ МВД России на транспорте, 2 линейных отдела внутренних дел на транспорте (Новороссийский ЛО МВД России на транспорте, Анапский ЛО МВД России на транспорте), 7 линейных отделов полиции, 7 линейных отделений полиции и 15 линейных пунктов полиции.

Портовая инфраструктура Азово-Черноморского бассейна включает 8 основных объектов – порты Новороссийск (с портопунктами Геленджик и Анапа), Туапсе, Сочи, Кавказ, Темрюк, Ейск. Общая протяженность причальных и других гидротехнических сооружений, обслуживаемых подразделениями УТ МВД России по ЮФО, составляет 20 км, или 40% от общероссийского показателя [8].

Правовую основу деятельности транспортной полиции составляют Конституция РФ, нормы международного права, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в редакции от 28 декабря 2013 г. № 388-ФЗ) «О полиции» [9], иные федеральные законы, акты Президента РФ и Правительства РФ, нормативные правовые акты МВД России, законы субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданные в пределах их компетенции, а также правовые акты соответствующего территориального органа МВД России в порядке подчиненности.

Приказом МВД России от 15 июня 2011 г. № 636 утверждено Типовое положение о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте (далее – Типовое положение) [10], которое определяет основные пол-

номочия и организацию деятельности линейных отделов (линорганов). В п. 3 Типового положения указано, что линейный отдел является территориальным органом МВД России на районном уровне и входит в состав соответствующих органов внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте. Основными направлениями деятельности линоргана являются: во-первых, защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; во-вторых, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; в-третьих, выявление, раскрытие преступлений, а также производство дознания и предварительного следствия по уголовным делам. Помимо этого осуществляется розыск лиц, производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний, обеспечение правопорядка на объектах транспорта и т.д. (п. 6).

Подводя итог, можно отметить, что о результативности организационных преобразований органов внутренних дел на транспорте могут свидетельствовать данные о состоянии преступности. Так, в 2012 г. зарегистрировано 46462 преступления на транспорте, что на 12,9% ниже, чем в предыдущем году, из них тяжких и особо тяжких преступлений 10603 (-9,6%); в 2013 г. зарегистрировано 42029 преступлений (-9,5%), из них тяжких и особо тяжких 10026 (-5,4%).

31 января 2014 г. состоялось совещание ГУТ МВД России с участием заместителя министра внутренних дел РФ В.Н. Кирьянова, на котором были подведены итоги работы главка в 2013 г. Обсуждая результаты оперативно-служебной деятельности ГУТ МВД России, В.Н. Кирьянов отметил, что принимаемые сотрудниками меры позволили сохранить контроль за непростой оперативной обстановкой на объектах транспорта [11].

1. Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

2. Ожегов С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277095>

3. Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837; 2013. № 30, ч. 1. Ст. 4058.

4. Степаненко Ю.В. Административно-правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности // Актуальные вопросы административного и информационного права: материалы науч.-практ. конф. (г. Москва, 12 апр. 2013 г.). М., 2013.

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 2.

2. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary [Electronic resource]. 2013. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277095>

3. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 7. Art. 837; 2013. № 30, pt. 1. Art. 4058.

4. Stepanenko Yu.V. Administrative and legal problems of transport security // Actual questions of administrative and information law: proceedings of sci.-pract. conf. (Moscow, Apr. 12, 2013). Moscow, 2013.

5. Basyrov L.A. To the question of the system of transportation security in Russia // Transport law. 2011. № 1.

5. Басыров Л.А. К вопросу о системе транспортной безопасности России // *Транспортное право*. 2011. № 1.

6. Степаненко Ю.В. Теоретические и прикладные проблемы деятельности органов внутренних дел на транспорте: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

7. Интервью начальника ГУТ МВД России Д.В. Шаробарова // *ЭЖ-Юрист*. 2013. 26 февр.

8. URL: <http://ufout.mvd.ru/struktura/istoriya>

9. *Собр. законодательства РФ*. 2011. № 7. Ст. 900; 2013. № 52, ч. 1. Ст. 6953.

10. *Рос. газ*. 2011. 19 авг.

11. URL: <http://mvd.ru/news/item/1900715/>

6. Stepanenko Yu.V. *Theoretical and applied problems of law-enforcement bodies activity in transport: diss. ... Dr of Law*. Moscow, 2004.

7. Interview of GUT of the Ministry of the Interior of Russia chief D.V. Sharobarov // *EJ-Lawyer*. 2013. Febr. 26.

8. URL: <http://ufout.mvd.ru/struktura/istoriya>

9. *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2011. № 7. Art. 900; 2013. № 52, pt. 1. Art. 6953.

10. *Rus. newsp*. 2011. Aug. 19.

11. URL: <http://mvd.ru/news/item/1900715/>

Дмитриев Сергей Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры административной деятельности
 и организации деятельности ГИБДД
 Краснодарского университета МВД России
 (e-mail: dsdps@yandex.ru)

Новации в правовом регулировании транспортной безопасности

В статье рассматриваются проблемы и базовые принципы транспортной безопасности, а также новации в ее правовом регулировании. Констатируется, что требования и предписания в современном транспортном законодательстве не должны создавать необоснованных препятствий для осуществления перевозок людей и грузов, работы экипажей транспортных средств и служб обеспечения транспортного процесса.

Ключевые слова: транспортная безопасность, законодательство в области транспорта, новейшие требования и предписания, меры безопасности и процедуры.

S.N. Dmitriev, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dsdps@yandex.ru

Innovations in legal regulation of transport security

The article deals with problems and basic principals of the transport security and new requirements in the transport laws. Security measures and procedures in the transport sector shall applied at the transport facility in such a manner as to cause a minimum of interference with, or delay to, passengers, vehicles, vehicles personnel and goods and services.

Key words: transport security, transport laws, new requirements and provisions, security measures and procedures.

Недавние взрывы в Волгограде, Бостоне и в других точках мира демонстрируют утопичность сложившейся системы обеспечения так называемой транспортной безопасности (далее – ТБ). Если исходить из ее современной трактовки в отечественной системе нормативно-правового регулирования, то она не является, строго говоря, транспортной [1; 2; 3; 4]. Безусловно, террористов всегда привлекает возможность использования дополнительного ресурса – кинетической энергии движущихся транспортных средств (далее – ТС) и обрушающихся при взрыве объектов (например, высотных сооружений). Но прежде всего они ставят задачу вызвать своими действиями широкий общественный резонанс, который максимален лишь в случае одновременной гибели множества людей. Подобный результат относительно просто достигается проведением терактов в локальных людских скоплениях. В свою очередь, последние – повсеместный и перманентный атрибут современных форм организации жизнедеятельности от Нью-Йорка до Верхоянска (население концентрируется в общественном транспорте, магазинах, рынках, учебных заве-

дениях, на спортивных соревнованиях, а также на множестве других объектов, не являющихся предметами специальной охраны).

Вместе с тем, судя по отчетам Минтранса России и других ведомств, созданная у нас система ТБ успешно развивается и действует эффективно. В органах исполнительной власти даже формировалась устойчивая иллюзия, что в этом отношении мы идем от хорошего к лучшему. Но это далеко не так. Новейшая редакция Федерального закона «О транспортной безопасности» (далее – ФЗ о ТБ) в значительной части сводит на нет не только утвержденные недавно и весьма прогрессивные способы охраны объектов транспортной инфраструктуры (далее – ТИ) (например, в Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» недавно были внесены изменения, согласно которым владельцы объектов ТИ получили право отказаться от относительно дорогостоящих услуг подразделений ведомственной и вневедомственной охраны), но и способствует дальнейшему отрыву немалых людских, мате-

риальных и финансовых ресурсов из сектора реальной экономики и других сфер, в тысячи раз более весомых с точки зрения сохранения жизни и здоровья людей, таких как безопасность движения ТС, борьба с преступностью, защита окружающей среды, решение проблем беженцев из Украины и т.п.

Следует признать, что дополнения и изменения, внесенные в ФЗ о ТБ, противоречат принципам, провозглашенным в нем ранее, таким как «соблюдение баланса интересов личности, общества и государства», «интеграция в международные системы безопасности» [5, ст. 3]; «право субъекта ТИ возлагать на персонал обязанности по обеспечению ТБ в объеме, не препятствующем исполнению служебных обязанностей, связанных с обеспечением безопасности перевозок» [5, ч. 4 ст. 4] и др. Вопреки ожиданиям, новый вариант закона не претерпел изменений в части устранения чрезмерно широких трактовок таких понятий, как «акт незаконного вмешательства – противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий» (далее – АНВ) [5, ч. 1 ст. 1]. Теперь при желании к последним можно причислить тысячи деяний (проход и проезд по территории объекта, передачу его сотрудникам вполне безобидных вещей бытового характера, любые ДТП, мелкие кражи, распитие пива и пр.) а также преступления и сотни правонарушений, предусмотренных УК и КоАП РФ. То же самое можно сказать и о безбрежном по содержанию и основополагающем понятии «транспортная безопасность», в качестве которого здесь выступает не что иное, как «состояние защищенности объектов ТИ и ТС от АНВ» [5, ч. 10 ст. 1]. Эта же статья дополнилась п. 1.2, согласно которому соблюдением ТБ признается «выполнение физическими лицами, следующими либо находящимися на объектах ТИ или в ТС, требований, установленных Правительством РФ», что, конечно же, неверно, поскольку в транспортной сфере действуют свыше тысячи правил и инструкций, в том числе утвержденных Правительством и не имеющих никакого отношения к обеспечению ТБ.

В тексте рассматриваемого Федерального закона многократно используется такое понятие, как лица, принимаемые на работу, непосредственно связанную с обеспечением ТБ, или осуществляющие такую работу [5, ст. 1, 10, 12.1]. Пока (до вступления в силу данной новации) к

такому персоналу относятся лишь сотрудники, на которых возложены функции по аккредитации специализированных организаций в области ТБ, оценке уязвимости и категорированию объектов ТИ и ТС, осуществлению контроля и надзора в области обеспечения ТБ, разработке и реализации планов обеспечения ТБ, формированию и ведению информационных ресурсов единой государственной информационной системы обеспечения ТБ [6]. Но новоиспеченные дополнения в закон обязывают расширить этот перечень, поскольку отныне к данным лицам отнесены подразделения ведомственной охраны, а также некие «юридические лица и силы обеспечения ТБ, включая “персонал субъекта ТИ”»(!) [5, пп. 7.1, 7.2 ст. 1], т.е. большинство работников транспорта.

Почему это происходит? Полагаем потому, что категория «государственная услуга» для большинства госчиновников по-прежнему «terra incognita» либо непостижимая для сознания сентенция. Вследствие этого продолжается интенсивное блуждание в трех соснах современной модели федеральной исполнительной власти (министерство – агентство – служба). Этому способствуют немалое число юридических фикций, бесконечная ротация подчиненности и полномочий отдельных ведомств и отчаянные попытки сохранить динамику реформы, в том числе используя ее «откаты назад», что сводит на нет саму идею указанного управленческого триумвирата. (Например, вопреки основной идее административной реформы министрам предоставлено право давать руководителям подведомственных агентств и служб обязательные для исполнения указания, приостанавливать и отменять их решения [7, п. 15].) В итоге все окончательно запутывается, обеспечивая благоприятную среду для лоббирования ведомственных интересов в сфере законотворческой деятельности и последующих бюджетных и организационно-штатных игр. Например, согласно ч. 3 ст. 1 ФЗ о ТБ компетентными органами в области обеспечения ТБ признаются федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные осуществлять функции по оказанию государственных услуг в области обеспечения ТБ. Это порождает множество последствий правового характера, заставляя конструировать вполне логичный, но абсолютно идентичный по функциям «параллельный» канал, по сути, правоохранительной деятельности.

Что касается прямой коррекции законодательства в этом отношении, то на текущей неделе были опубликованы законодательные положения, отменяющие все ограничения для

госорганов «при осуществлении контроля за соблюдением требований законодательства об антитеррористической защищенности объектов» [8, ч. 3.1 ст. 1]; полиции вменено прямо участвовать в «проверках, проводимых уполномоченными федеральными органами исполнительной власти государственного контроля (надзора) в области ТБ» и выносить заключение «о возможности допуска лиц к выполнению работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности» [9, пп. 27, 32 ст. 12]. Но еще более существенна косвенная коррекция действовавших правовых норм. В частности, ФЗ о ТБ предписывает Минтрансу России обеспечивать согласование с органами ФСБ и МВД невероятного множества вопросов, решение которых вызывает вполне понятную оторопь у гражданских чиновников, большинство которых даже не проходило службу в армии. Здесь мы увидим и установление специальных средств, видов, типов и моделей служебного огнестрельного оружия и боеприпасов, а также норм обеспечения ими работников подразделений ТБ; и разработку правил приобретения, хранения, учета, ремонта и уничтожения специальных средств; определение категорий работников, имеющих право на приобретение, хранение и ношение специальных средств и оружия; правил проведения досмотра; порядка подготовки и аттестации сил обеспечения ТБ, оценки уязвимости объектов ТИ; категорий и критериев категорирования объектов ТИ и ТС; определение объектов, не подлежащих категорированию; порядок разработки планов ТБ и обязательной аттестации сил обеспечения ТБ; установление порядка аккредитации юридических лиц в качестве подразделений ТБ; формирование и ведение реестров органов аттестации подразделений ТБ; организацию периодических проверок подразделений ТБ на годность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и служебного огнестрельного оружия, и даже порядок проверки с использованием тест-предметов и тест-объектов (речь идет о предметах, имитирующих оружие, взрывчатые вещества и другие устройства, в отношении которых установлены запрет или ограничение на перемещение в зону ТБ, а также о тест-объектах – лицах, имитирующих нарушителей требований по обеспечению ТБ).

Очевидно, что все перечисленное не может быть качественно выполнено персоналом сухопутно гражданских ведомств. Гораздо проще и логичнее было бы без обиняков снять с данного процесса громоздкую маску бюрократических

согласований и вернуть все это «богатство» в сферу деятельности правоохранительных органов. К тому же согласно новым дополнениям в закон предстоит огромный объем работы по подготовке и проверке соответствия знаний, умений, навыков и личностных (психофизиологических) качеств сил обеспечения ТБ [5, ст. 12.1], что невозможно без наличия опыта работы в правоохранительной сфере. На наш взгляд, задачи, поставленные в ФЗ о ТБ, вполне можно было бы решить в рамках действующих Федеральных законов «О безопасности», «О противодействии терроризму», «О Федеральной службе безопасности», «О полиции» и т.д., учитывая, что любые формы противодействия терроризму, включая его предупреждение, выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов, должны быть исключительной сферой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, включая ФСБ, МВД, Вооруженные силы и т.п. [10, ст. 3].

ФЗ о ТБ не вносит определенности в понятие объектов ТИ, связанных с необходимостью реализации мер ТБ. Так, согласно ч. 5 ст. 1 данного закона к таковым отнесены лишь железнодорожные, автомобильные вокзалы и станции; метрополитены; тоннели, эстакады, мосты; морские терминалы, акватории морских портов; порты, расположенные на внутренних водных путях и в которых осуществляются посадка (высадка) пассажиров или перевалка грузов повышенной опасности; аэродромы, аэропорты, объекты систем связи, навигации и управления движением ТС; участки автомобильных и железных дорог, а также внутренних водных путей. Но это слишком узкая трактовка, требующая существенного уточнения с учетом функциональной важности объектов ТИ и положений действующего законодательства. Например, современная редакция Федерального закона «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» относит к ТИ не только морские терминалы, но и внутренние рейды, якорные стоянки, доки, буксиры, ледоколы и иные суда портового флота, средства навигационного оборудования и другие объекты навигационно-гидрографического обеспечения морских путей, перегрузочное оборудование, железнодорожные и автомобильные подъездные пути, линии связи, инженерные коммуникации, склады, иные здания, строения, сооружения, расположенные на территории и (или) акватории морского порта и предназначенные для обеспечения безопасности мореплавания [11, ч. 1 ст. 4], а

также некоторые другие объекты, исключительно важные с точки зрения не только ТБ, но и создания комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте, предусмотренной действующими правовыми нормами (см., например, Указ Президента РФ от 31 марта 2010 г. № 403 « О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте»).

В то же время ФЗ о ТБ особо выделяет необходимость обеспечения «авиационной безопасности на объектах воздушного транспорта» [5, ст. 4], причем программой авиационной безопасности эксплуатанта (авиационного предприятия), аэродрома, предусмотренной стандартами МОГА (Международная организация гражданской авиации) в области защиты гражданской авиации от АНВ, признается «совокупность планов обеспечения ТБ ТС воздушного транспорта, эксплуатируемых одним субъектом ТИ, которые разрабатываются с учетом требований, установленных международными договорами Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, а также принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ» [5, ч. 6 ст. 5]. Однако подобный подход должен обеспечиваться применительно ко всем без исключения видам транспорта. Например, применительно к морскому судоходству все государственные структуры должны действовать в рамках международных соглашений и, в частности, ратифицированного Россией Международного кодекса по охране судов и портовых сооружений (далее – кодекс) [12]. Отметим, что при проведении оценки охраны объектов упомянутый кодекс требует обязательного учета противоречий между обязанностями по охране и другими обязанностями членов экипажа морских судов и работников портовых терминалов, если это влияет на их способность исполнять возложенные обязанности по вопросам реализации мер транспортной безопасности, что в настоящее время практически полностью игнорируется в отечественной практике.

Более того, кодекс в категоричной форме предписывает, что лица, проводящие оценку ТБ того или иного хозяйствующего субъекта, не должны избирать варианты наихудшего развития событий, чем также «успешно» пренебрегают наши органы государственного управления и контроля, утверждая «неподъемные» планы обеспечения ТБ. Однако нам следует учитывать, что комплексная система обеспечения безопасности населения на транспорте обладает высочайшей интегральной неопределенностью. В ней чрезвычайно затруднительно точно уста-

новить причинно-следственные связи, что на практике приводит к весьма ощутимому подавлению нормативно определенного поведения участников транспортного процесса. Соответственно, реальные значения тех или иных факторов безопасности в большинстве конкретных случаев не могут быть оценены с достаточной степенью точности. Поэтому провозглашенная система безопасности на транспорте никак не может быть сведена лишь к некой сумме ее разновидностей (транспортной, эксплуатационной, экологической, антитеррористической и др), а также к определенной совокупности мероприятий организационно-технического порядка.

Трудно согласиться с явно выраженной дифференциацией положений ФЗ о ТБ в отношении отдельных регионов страны и, в частности, с предложением об исключении Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области при ведении централизованных баз персональных данных о пассажирах и персонале ТС, формирующихся при осуществлении перевозок между населенными пунктами, расположенными на территориях разных субъектов Российской Федерации [5, ст. 11]. Во-первых, в России немало весьма крупных городов и городских агломераций, порождающих не менее сложные в этом отношении проблемы (Нижний Новгород, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Новосибирск, Кузбасс и многие другие). Во-вторых, нельзя не считаться с тем, что площади отдельных субъектов Российской Федерации различаются в десятки раз. То же самое можно сказать о разнице в численности регионов, граничащих с той или иной областью (краем).

Под давлением сомнительных «новаций» постепенно теряет свою былую силу Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Недавно в нем сняты некоторые ограничения в области контроля за соблюдением требований законодательства об антитеррористической защищенности объектов. В дополнение к этому ст. 11.1 ФЗ о ТБ предоставляет право госорганам проводить проверки хозяйствующих субъектов в случае выявления ими нарушений «требований по обеспечению ТБ». То есть отныне проверки можно проводить всегда и везде, тем более что в России вряд ли найдется десяток коммерческих транспортных предприятий, способных всесторонне и в полном объеме выполнить все указанные требования, утвержденные приказом Минтранса России от 8 февраля 2011 г. № 41. Поэтому было бы целе-

сообразно законодательно ограничить перечень оснований для внеплановой проверки субъектов ТИ такими, как совершение АНВ, повлекшего причинение какого-либо вреда (жизни, здоровью людей, безопасности государства и т.п.), и наличие приказа руководителя органа государственного контроля, изданного в соответствии с поручением Президента РФ или Правительства РФ либо на основании требования прокурора.

По сложившейся за последние годы традиции не прекращаются посягательства на отраслевые кодексы, что порождает множество трудноразрешимых коллизий. Так в рассматриваемом нами законе появилась статья 12.2 «Досмотр, дополнительный досмотр и повторный досмотр в целях обеспечения ТБ». Законодатель не посчитался с тем, что ст. 27.1, 27.7 и 27.9 КоАП РФ не предусматривают столь экзотические виды досмотра, которые, кстати, в любой ипостаси могут применяться и сейчас, лишь бы были установлены соответствующие факты и имелись процессуальные основания для этого в каждом конкретном случае. Причем ФЗ о ТБ возлагает организацию досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра, а также неких «наблюдения, обследования и собеседования в целях обеспечения ТБ» на субъекты ТИ и перевозчиков [5, ст. 12.2]. Да, авторы закона не забыли сослаться на особые правила, которые будут разработаны для реализации вновь изобретенных ими мер обеспечения административного производства. Но чтобы утвердить такие правила, потребуются, по меньшей мере, коррекция КоАП РФ.

Нельзя не сказать и о несовершенстве закона с точки зрения юридической техники. Например, в нем утверждается, что «технические средства обеспечения ТБ (системы и средства сигнализации, контроля доступа, досмотра, видеонаблюдения, аудио- и видеозаписи, связи, оповещения, сбора, обработки, приема и передачи информации, предназначенные для использования на объектах ТИ и ТС в целях обеспечения ТБ) подлежат обязательной сертификации», а «требования к функциональным свойствам технических средств обеспечения ТБ и порядок их сертификации определяются Правительством РФ» [5, ч. 8 ст. 12.2]. Но данное положение представляется совершенно излишним, поскольку существует солидный комплекс законодательных и подзаконных нормативных актов, регламентирующих порядок сертификации, производства и эксплуатации подобного рода технических устройств. Применительно к тексту данного закона можно привести немало других примеров необоснованного дублирования действующего законодательства.

На наш взгляд, новейшие изменения в ФЗ о ТБ, предпринятые по инициативе ряда федеральных органов исполнительной власти, в значительной степени противоречивы, не снимают существующих неопределенностей, слабо согласованы с другими законодательными актами и, главное, создают условия для расширения и без того громоздкой, малоэффективной и чрезвычайно затратной системы ТБ, возлагающей дополнительные обременения на хозяйствующих субъектов.

1. Дмитриев С.Н. Проблемы обеспечения безопасности портовой инфраструктуры // *Транспортное право*. 2014. № 1.

2. Дмитриев С.Н. Проблемы правового обеспечения антитеррористической защиты морских портов // *Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 17–18 мая 2013 г.* Краснодар, 2013.

3. Дмитриев С.Н. Проблемы государственного контроля и надзора в морских портах // *Вестн. транспорта*. 2011. № 11.

4. Дмитриев С.Н. Проблемы обеспечения транспортной безопасности портовой инфраструктуры // *Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новороссийск, 2012.*

1. Dmitriev S.N. Problems of ensuring security of the port infrastructure // *Transport law*. 2014. № 1.

2. Dmitriev S.N. Problems of legal support of antiterrorist protection seaports // *Administrative-legal regulation of law-enforcement: theory and practice: proc. of the II all-Russian sci.-pract. conf., Krasnodar, May 17–18, 2013.* Krasnodar, 2013.

3. Dmitriev S.N. The problems of state control and supervision at seaports // *Bull. of transport*. 2011. № 11.

4. Dmitriev S.N. The problem of providing of transport security port infrastructure // *Actual problems of law and enforcement: proc. of the II Intern. sci.-pract. conf. Novorossiysk, 2012.*

5. About transport security: fed. law of Febr. 9, 2007 № 16-FL (in ed. of 03.02.2014).

6. On approval of list of works related to transport security: order of the Government of the Russian Federation of Nov. 5, 2009 № 1653-r.

5. О транспортной безопасности: федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 16-ФЗ (в ред. от 03.02.2014).

6. Об утверждении перечня работ, связанных с обеспечением транспортной безопасности: распоряжение Правительства РФ от 5 нояб. 2009 г. № 1653-р.

7. Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724.

8. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ.

9. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 03.02.2014).

10. О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

11. О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 нояб. 2007 г. № 261-ФЗ.

12. The International Ship and Port Facility Security (ISPS) Code: adopted on Dec. 12, 2002, by resolution 2 of the Conference of Contracting Governments to the International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS).

7. The issues of system and structure of Federal Executive bodies: decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2008 № 724.

8. On protection of rights of legal persons and individual entrepreneurs in carrying out state control (supervision) and municipal control: fed. law of Dec. 26, 2008 № 294-FL.

9. On police: fed. law of Febr. 7, 2011 № 3-FL (in ed. of 03.02.2014).

10. On combating terrorism: fed. law of March 6, 2006 № 35-FL.

11. On sea ports in the Russian Federation and about modification in separate acts of the Russian Federation: fed. law of Nov. 8, 2007 № 261-FL.

12. The International Ship and Port Facility Security (ISPS) Code: adopted on Dec. 12, 2002, by resolution 2 of the Conference of Contracting Governments to the International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS).

Жеребцов Алексей Николаевич

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79186327476)

К вопросу об основаниях структурирования современного российского административного права

В работе исследуются научные подходы к построению системы административного права как отрасли административного права, предлагается авторское видение системы критериев внутренней системной дифференциации отрасли административного права.

Ключевые слова: система права, отрасль права, отрасль административного права, правовая теория, правовая политика, предмет правового регулирования.

A.N. Zherebtsov, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79186327476.

To the question about the grounds structuring modern Russian administrative law

The work explores scientific approaches to the construction of the system of administrative law as a branch of administrative law, a copyright vision of internal system differentiation criteria of branch of administrative law.

Key words: system of law, branch of law, branch of administrative law, legal theory, legal policy, subject of legal regulation.

Одним из векторов научных исследований, направленных на решение задач повышения эффективности государственного управления, является, по нашему мнению, формирование научно обоснованной концепции структуры отрасли административного права. Исследование внутренней организации любой отрасли права должно основываться на системном подходе, который позволяет осуществлять моделирование структуры отрасли права, являющееся задачей науки на современном этапе ее развития. Применение при исследовании права системно-структурного метода познания стало общим правилом в 70-х гг. XX в. Это было обусловлено не только изучением элементов права как социального явления, но и выявлением связей этих элементов для целей совершенствования устойчивости и дальнейшего развития системы права [1, с. 8]. Отечественные ученые высказывают мысль, что моделирование системы административного права невозможно, т.к. система отрасли – явление объективное, не зависящее от воли и сознания исследователя, моделировать можно учебный курс административного права для целей повышения эффективности его препода-

вания и освоения обучающимися, моделировать можно, по их мнению, также административное законодательство [2, с. 144–145]. В отечественной административно-правовой науке существовал подход к определению системы отрасли как классификации существующих и выраженных в нормативно-правовых актах норм административного права. Отмечалось, что система отрасли административного права тесно связана с системой административного законодательства, причем эта связь является связью корреляционной (соответствия). В отечественной науке понятие системы отрасли права определяется как «распределение нормативного материала, которое позволяет обеспечить единство и дифференциацию административно-правовых норм, их логичную последовательность» или «единство и дифференциацию административно-правовых норм, однородные группы которых образуют взаимосвязанные административно-правовые институты» [3, с. 57; 4, с. 32]. Выявление факторов, влияющих на становление, развитие и взаимодействие элементов системы отрасли административного права, является одной из задач административно-правовой науки, свидетельствующей о необходимости

обоснования дальнейшего развития отрасли. Сформированная в советский период развития административного права и практически сохраняющаяся до настоящего времени управленческая концепция отрасли, которая складывается из общей, особенной и специальной частей, в настоящее время весьма активно подвергается обоснованной критике [5, с. 51–56].

А.А. Фатьянов предлагает рассматривать систему отрасли административного права, исходя из широкого понимания предмета административного права. Он отмечает, что «государственное управление – это деятельность всего государственного механизма в целом» [6, с. 5]. Это позволяет ему признать, что современное административное право не может делиться на общую и особенную часть, а следует исходить из дифференциации данной отрасли на подотрасли, институты и субинституты [6, с. 5]. Изложенная концепция исходит из попытки обосновать систему отрасли административного права на основе предмета правового регулирования. Авторы одного из учебников по административному праву, анализируя различные подходы к построению системы отрасли административного права, отмечают, что «систематизация норм административного права осуществляется в основном по двум основным критериям: по масштабу применения и по признаку единства предмета правового регулирования» [7, с. 58]. Далее подчеркивается, что первый из отмеченных критериев позволяет делить отрасль административного права на общую и особенную части, а второй – на институты и подотрасли [7, с. 58]. Как нам представляется, наиболее обстоятельным является второй подход к построению системы административного права, поддерживаемый Ю.Н. Стариковым [8, с. 330–349]. Вместе с тем, приведенные взгляды на систему отрасли, по нашему мнению, не имеют дальнейших перспектив развития. Во-первых, критерий предмета правового регулирования как критерия построения системы отрасли права размывает саму структуру системы права в целом и внутреннюю организацию отдельных его отраслей. Сами представители данного подхода отмечают, что «формирование подотраслей административного права еще не закончено. Их наименование, а также индивидуализация предмета правового регулирования являются небесспорными» [7, с. 59]. Во-вторых, предлагаемая концепция деления отраслей права на основную (она единственная – государственное право), профилирующие и комплексные отрасли права по признаку режима правового регулирования [9, с. 244–247] лишь дополняет новым критери-

ем дифференциации системы права, каковым в данном случае становится метод правового регулирования, который заключается в режиме правового регулирования общественных отношений. Данный подход лишь развивает ранее сформулированную концепцию дифференциации системы права на отрасли. В-третьих, Д.М. Азми отмечает, что «под системой права принято понимать его внутреннее строение, в то время как систематика права представляет собой лишь основанное на определенном(ых) классификационном(ых) критерии(ях) упорядочение позитивной правовой материи» [10, с. 32], т.е. следует различать внутреннее строение отрасли права как социального явления (системы) и упорядочение созданных норм позитивного права на определенные позитивно-нормативные комплексы (структурные элементы системы). В этой связи система и систематика права, по смыслу Д.М. Азми, лежит лишь в плоскости соотношения системы права и систематики законодательства.

В теоретической науке отмечается, что «система права – это обусловленное состоянием общественных отношений внутреннее строение права, выражающееся в единстве и согласованности всех действующих правовых норм и их логическом распределении по отраслям и правовым институтам» [11, с. 117]. Внутренняя организация нормативного материала в рамках системы права рассматривается как структура системы права. Т.В. Кашанина пишет: «Право – это сложная система, где каждый ее элемент обособляется в зависимости от функции, им выполняемой в процессе правового регулирования» [1, с. 11]. Приведенный автор, исследуя соотношение «системы» и «структуры», отмечает, что «понятие “структура” включает в себя понятие “система” и является более широким по объему. Это предполагает необходимость в исследовании структуры права одновременно затрагивать и вопросы, касающиеся системы права...» [1, с. 9]. Подобный подход к пониманию «системы» и «структуры» права представляется обоснованным и с точки зрения философского понимания этих категорий. Так, в философском слове категория «структура» понимается как «строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей» [12, с. 462]. В свою очередь, категория «система» понимается как «совокупность элементов, находящихся в отношениях связи между собой и образующих определенную целостность, единство» [12, с. 427]. В Философском энциклопедическом

словаре термин «система» определяется как «объединение некоторого разнообразия в единое и четко расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места» [13, с. 928]. В свою очередь, «структура» понимается как «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т. е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» [13, с. 941]. Основными признаками, характеризующими категорию «система», являются, во-первых, внутреннее строение определенного явления как некоего целого; во-вторых, многоэлементность системы; в-третьих, четкое определение места элементов в едином целом. В свою очередь, категория «структура» характеризуется как: а) совокупность устойчивых связей некоего целого; б) форма организации системы; в) обеспечение тождественности и целостности элементов системы некоему целому.

Таким образом, «система» и «структура» – тесно взаимосвязанные философские категории, раскрывающие внешние и внутренние свойства исследуемого явления. Здесь следует подчеркнуть различие понятий «структура» и «структурность». Последнее есть неотъемлемое свойство системы. В свою очередь, «структура» – это внутренняя характеристика взаимосвязей элементов исследуемого явления. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Т.В. Кашаниной о том, что структура является более широким понятием, чем система, по объему, т.к. она отражает качественно иные свойства явления, чем система. Наиболее утилитарно соотношение этих категорий можно было бы охарактеризовать как то, что система есть «каркас» явления, внутренняя его форма, в то время как структура есть содержательная характеристика явления.

Вопросы системы и структуры значимы не только для права в целом, но и для отдельных структурных элементов права. Отрасль права, как одно из крупнейших правовых образований, является подсистемой системы права, а следовательно, сама является системой, обладающей своей специфической структурой.

Изучение системы и структуры отрасли административного права, по нашему мнению, следует основывать на том, что данная отрасль является формой выражения созданных позитивных правил поведения по социальному управлению общественными делами. Поскольку система отрасли административного права есть нормативная форма выражения управленческих отношений, постольку данная форма имеет два

функциональных аспекта. Эти аспекты заключаются во внешней форме, с помощью которой субъекты права воспринимают сущность и содержание отрасли права, и внутренней форме, раскрывающей внутреннюю организацию правового материала для целей его упорядочения (систематизации), повышения эффективности применения, группировки по отдельным видовым элементам. В первом случае отрасль права предопределяется характером общественных отношений, которые ею регламентируются, теми связями, которые возникают между ее элементами, т.е. является структурой отрасли права. Структура отрасли административного права является внешней формой организации отрасли в целом и отдельных ее элементов. Во втором случае внутренняя форма отрасли права есть дифференциация видов элементов отрасли, предопределяемых, прежде всего, теми структурными элементами, которые она в себе содержит. Внутренняя форма отрасли административного права есть его система, которая в совокупности элементов, их непротиворечивости, взаимодействии, взаимодополняемости образует единое целое – отрасль административного права. Внутренняя (система) и внешняя (структура) формы отрасли права являются неразрывными, едиными проявлениями одного и того же – российского административного права.

Таким образом, под системой отрасли административного права следует понимать совокупность взаимосвязанных, взаимодополняемых, взаимодействующих и не противоречивых элементов, образующих внутреннюю форму выражения административно-правового нормативного комплекса. Структура отрасли административного права, в свою очередь, нами понимается как совокупность устойчивых связей элементов отрасли и форма внешней организации ее системы, обеспечивающая тождественность и целостность элементов системы отрасли административного права.

На основании изложенного организация отрасли административного права, рассмотренная нами как внутренняя и внешняя форма функционирования данного нормативного комплекса, должна строиться на основе различных критериев. Причем следует признать, что система отрасли права в отечественной юридической науке изучалась достаточно многогранно и многоаспектно, что свидетельствует о достаточно широком подходе к выделению критериев ее построения. Вместе с тем, критериям построения структуры отрасли административного права в административно-правовых исследованиях практически не уделялось внимания. Это было

обусловлено тем обстоятельством, что в науке того периода было сформировано доктринальное мнение о том, что структура есть свойство системы отрасли права. Как следствие, исследование системы отрасли административного права предполагало изучение составляющих его структурных элементов. Вместе с тем, некоторые отдельные нетрадиционные взгляды на критерии, лежащие в основе содержательной (внешней) характеристики структуры административного права, в науке все же высказывались. Так, зарубежными авторами неоднократно отмечалось, что в основе построения структуры административного права может лежать научная теория, обосновывающая сущность административного права, действующего в рамках основных правовых систем современного мира. «За любой системой административного права стоит некая теория, которая играет роль познавательной модели, способствующей решению основополагающих вопросов» [14, с. 67]. Приведенный китайский правовед отмечает, что для романо-германской правовой семьи характерно формирование административного права только как инструмента обеспечения подчинения. В этой связи он подчеркивает, что исполнительная власть может злоупотреблять, и во имя публичного интереса права человека могут быть нарушены [14, с. 66], т.е. в рамках романо-германской правовой семьи административное право строится на основе управленческой теории или теории подчинения. В англосаксонской правовой системе, по мнению Лю Хаоцай, характерна теория контроля за административной властью, заключающаяся в подходе «к административному праву как средству контроля власти за независимостью судебной власти от исполнительной, что с трудом укладывается в рамки конституционной структуры Китая, где не укоренились западные основы такой политической системы» [14, с. 66]. Далее он отмечает, что для китайского административного права характерно реформирование на основе теории равновесия, которая основывается на эмпирическом подходе, т.е. «на презумпции взаимодействия между мотивацией и поведением, а следовательно, может применяться для описания, раскрытия и прогнозирования административного процесса, поскольку предполагается, что его участники взаимодействуют друг с другом... В широком смысле он способствует анализу функциональных отношений между административным правом и социальным окружением, в котором оно существует. С точки зрения теории равновесия административное право является ветвью пра-

ва, регулирующей административный процесс и процесс, посредством которого осуществляется правовой контроль за исполнительной властью – как внутренний, так и внешний» [14, с. 71–72]. Данные методологические основы построения структуры административного права Китая позволяют говорить о ней как о состоящей из двух частей: «это административно-правовой режим, направленный на регулирование административных отношений между субъектом административных действий и противоположной стороной; и режим, который нацелен на регулирование отношений между субъектами контроля над администрацией и административными органами» [15, с. 29]. Предложенный научный подход к выделению структурных элементов и взаимосвязей административного права представляет определенный интерес, который вводит в качестве критерия структуры отрасли административного права научную теорию, обосновывающую сущность данной отрасли. Вместе с тем, следует отметить, что обоснование теоретической модели структуры административного права не может возникнуть само по себе, даже основываясь на эмпирической основе. Это во-первых, а во-вторых, нам представляется, что одного критерия, хотя и весьма важного, недостаточно для эффективной содержательной дифференциации норм такой важной отрасли права, как административное право. Нам представляется, что в основе административно-правовой теории должна лежать цель административно-правового регулирования общественных отношений. В свою очередь, цель формируется посредством формирования административно-правовой политики государства в осуществлении задач и функций исполнительной власти. Правовая политика является значимым источником современного права [16, с. 215–217; 17]. Она занимает важное место в процессе формирования структуры административного права, что признается и в зарубежной юридической науке [15, с. 178]. Автор приведенной научной работы обоснованно указывает, что теория не может в полной мере решать все вопросы структурной организации отрасли без политического влияния («политического регулирования») [15, с. 180–188].

Проблема целей государственного управления является достаточно дискуссионной. Исследуя вопросы зарубежного административного права, А.Н. Козырин и М.А. Штатаина отмечают, что «в англосаксонских странах (прежде всего в США) основной целью административного права провозглашается защита интересов частных лиц от произвола со стороны администрации» [18, с. 12].

«На современном этапе страны континентальной правовой семьи целями административного права провозглашают не только защиту индивида от неправомерных действий администрации, но также обеспечение эффективной деятельности публичной администрации и участия общества в процессе принятия административных решений» [18, с. 13]. Указанные авторы сформулировали цели административного права, исходя из тех научных теорий, которые сложились в административном праве англосаксонской и континентальной правовой семьи. Приведенные точки зрения на цель административного права позволяют признать, что все отмеченные ученые склонны полагать, что цель административного права двояка. Во-первых, целью этой отрасли права является формирование нормативных основ эффективного функционирования государственного (административного) управления как вида деятельности государства. Во-вторых, административное право преследует цель защиты и охраны прав и свобод личности, обеспечения их реализации сообразно с общечеловеческими ценностями.

Другим критерием построения структуры административного права является предмет правового регулирования. Данный критерий, как ранее отмечалось, длительное время был основным признаком, лежащим в основе дифференциации системы любой отрасли российского права. Причем важное значение имеет объем предмета правового регулирования, который характеризуется сферой, областью, видом и разновидностью общественных отношений. Данные свойства предмета правового регулирования имеют значение для формирования системы отрасли административного права. Для образования структуры отрасли имеет значение содержательная, сущностная сторона общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования.

Содержательный, сущностный аспект предмета правового регулирования административного права как критерия структурирования зависит от того, какова сущность государственного управления. Дискуссия о широком и узком понимании государственного управления характеризовалась зависимостью от того или иного подхода к определению содержания предмета административного-правового регулирования управленческих отношений, которые доктринально определялись как «конкретная форма социальных связей (общественных отношений) сознательно-волевого и организационного характера, в которых одна сторона выступает в качестве носителя (выразителя) функций управления (субъекта), а другая – испытывает на себе

управляющее воздействие со стороны первой (объект), соответствующее целям социального управления...» [19, с. 180]. Современное развитие управленческих отношений, их характер и значение для осуществления основных функций государства позволяют склоняться к концепции широкого понимания предмета административного права, т.е. административно-публичной деятельности как урегулированной «нормами административного права деятельности органов исполнительной власти, иных государственных органов, в том числе органов управления, действующих внутри органов законодательной и судебной власти, государственных должностных лиц, исполнительных органов и должностных лиц местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, иных уполномоченных действовать от имени государства или муниципальных образований организаций и физических лиц (административных органов) по осуществлению на основе соответствующих законов и подзаконных нормативных правовых актов в специальных административно-правовых формах и с использованием специальных административно-правовых методов властно-публичного регулирования, охраны и защиты общественных отношений» [20, с. 19], т.е. в конечном счете административного управления. Представляется, что указанный подход в современных условиях наиболее адекватно отражает содержание предмета административно-правового регулирования управленческих отношений (предмета административного права). Предмет административного права, как критерий построения структуры административного права, выполняет, кроме указанного, еще одно предназначение. Он предопределяет тот объем норм права, который в рамках системы административного права подлежит структурированию. В этой связи «широкий», «узкий» либо иные научные подходы к определению предмета современного административного права будут существенно влиять на содержание структуры данной отрасли.

Следующим важным критерием, позволяющим формировать структуру современного административного права, является направление административного воздействия субъекта на объект управления. В этой связи Ю.Н. Старилов предлагает подразделять административное право на внутреннее и внешнее. Данный подход к делению норм административного права не является новым. Он высказывался еще учеными-полицистами в рамках дореволюционной теории полицейского права.

Таким образом, среди критериев построения структуры современного административного

права следует выделить: а) цель административного права, сформированную государственной властью (Президентом РФ и Правительством РФ); б) административно-правовую политику, которая понимается как вид государственно-правовой политики, в различных сферах общественной жизни, облакаемую в юридическую форму, процесс государственного властвования, имеющий собственное содержание, выраженное в комплексе элементов (объекты, цели, задачи, функции, принципы, содержание, субъекты, формирующие и реализующие государственную политику, приоритеты и последствия ее реализации), действующих в определенной сфере общественных отношений, и представляющее собой форму государственно-политической деятельности [21, с. 64]; в) научную теорию, основывающуюся на научно-теоретическом уровне

структуру и систему отрасли административного права; г) предмет административно-правового регулирования управленческих отношений, т.е. возникающие в процессе осуществления уполномоченными органами государства административно-публичной деятельности; д) направление управленческого воздействия субъекта на объект управления в результате административно-публичной деятельности, образующее внутреннее и внешнее административное право.

Основываясь на предложенных критериях построения структуры современного административного права, можно формировать ее содержание, выявлять устойчивые связи элементов данной структуры, которые могут быть использованы для дальнейшего исследования вопросов административного права современной России.

1. Кашанина Т.В. Структура права // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2.
2. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961.
3. Козлов Ю.М. Предмет советского административного права. М., 1967.
4. Советское административное право / под ред. А.Е. Лунева. М., 1960.
5. Кирич А.В. О реформе системы административного права // Журнал российского права. 2012. № 3.
6. Фатьянов А.А. К вопросу о реформировании системы административного права // Административное право и процесс. 2012. № 11.
7. Дмитриев Ю.А., Евтеева А.А., Петров С.М. Административное право: учеб. М., 2005.
8. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права: в 3 т. М., 2002. Т. 1.
9. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981.
10. Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 годы). М., 2009.
11. Чистяков Н.М. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2010.
12. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1987.
13. Философский энциклопедический словарь. М., 2003.
14. Лю Хаоцай. Теория равновесия: теоретические основы современного административного права // Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 2008. № 6.
15. Лю Хаоцай. Очерки современного административного права Китая / под ред. А.А. Демина. М., 2010.

1. Kashanina T.V. Structure of law // Leningrad legal magazine. 2011. № 2.
2. Alekseev S.S. General theoretical problems of system of Soviet law. Moscow, 1961.
3. Kozlov Yu.M. Subject of Soviet administrative law. Moscow, 1967.
4. Soviet administrative law / ed. by A.E. Lunyov. Moscow, 1960.
5. Kirin A.V. About administrative law reform // Journal of russian law. 2012. № 3.
6. Fatyanov A.A. To the issue of reforming the system of administrative law // Administrative law and process. 2012. № 11.
7. Dmitriev Yu.A., Evteeva A.A., Petrov S.M. Administrative law: textbook. Moscow, 2005.
8. Starilov Yu.N. Course in general administrative law: in 3 vol. Moscow, 2002. Vol. 1.
9. Alekseev S.S. General theory of law: in 2 vol. Moscow, 1981.
10. Azmi D.M. Theoretical and methodological analysis of the domestic doctrine of system of law (1938–1946). Moscow, 2009.
11. Chistyakov N.M. Theory of state and law: study aid. Moscow, 2010.
12. Philosophical dictionary / ed. by I.T. Frolov. 5th ed. Moscow, 1987.
13. Philosophical encyclopaedic dictionary. Moscow, 2003.
14. Liu Haocaj. Theory of balance: the theoretical basis of modern administrative law // Vestnik of Moscow state university. Ser. 11: Law, 2008. № 6.
15. Liu Haocaj. Essays on contemporary administrative law of China / ed. by A.A. Demin. Moscow, 2010.
16. Chirkin V.E. Governance. Elementary course. Moscow, 2002.

16. Чиркин В.Е. Государственное управление. Элементарный курс. М., 2002.

17. Жеребцов А.Н. Правовая политика как источник права // Источники права: II Ежегодная междунар. науч. конф. (Москва, 22–25 мая 2007 г.). М., 2007.

18. Административное право зарубежных стран: учеб. / под ред. А.Н. Козырина, М.А. Шатиной. М., 2003.

19. Козлов Ю.М., Фролов Е.С. Научная организация управления и право. М., 1986.

20. Машаров И.М. Административно-публичная деятельность в России. Проблемы правового регулирования. М., 2009.

21. Жеребцов А.Н. Правовое регулирование миграционной политики Российской Федерации. Краснодар, 2007.

17. Zherebtsov A.N. Legal policy as a source of law // Sources of law: II annual intern. sci. conf. (Moscow, May 22–25, 2007). Moscow, 2007.

18. Administrative law in foreign countries: textbook / ed. by A.N. Kozyrin, M.A. Shatina. Moscow, 2003.

19. Kozlov Yu.M., Frolov E.S. Scientific organization of management and law. Moscow, 1986.

20. Masharov I.M. Administration and public activities in Russia. Problems of legal regulation. Moscow, 2009.

21. Zherebtsov A.N. Legal regulation of migration policy of the Russian Federation. Moscow, 2007.

Зиборов Олег Валентинович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: mary_rose@bk.ru)

Современное чрезвычайное законодательство: чрезмерная жестокость или единственный способ навести порядок?

В статье автор анализирует место и роль чрезвычайных правовых режимов в современном мире, соотносит понятия и основания введения чрезвычайного и военного положения по законодательству ряда стран, в том числе России и Украины, формулирует собственную позицию относительно значения военного и чрезвычайного положения в обеспечении суверенитета и безопасности современного государства.

Ключевые слова: военное положение, чрезвычайное положение, безопасность, права граждан, закон, административно-правовой анализ.

O.V. Ziborov, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mary_rose@bk.ru

Modern emergency legislation: the excessive cruelty, or the only way to restore order?

In the article the author examines the place and role of extraordinary legal regimes in the modern world, relates the concepts and grounds for introducing the state of emergency and martial law on the legislation of some countries, including Russia and Ukraine, formulates his own position relative to the value of the military and state of emergency in ensuring the sovereignty and security of the modern state.

Key words: martial law, state of emergency, security, rights of citizens, law, administrative and legal analysis.

Актуальность и даже необходимость осмысления места и роли чрезвычайного законодательства в современном мире диктуется возрастающим числом международных событий, которые являются основаниями для использования такого законодательства.

С древнейших времен до наших дней человечество пытается создать эффективные механизмы выхода из кризисных ситуаций. К сожалению, возникновение таких ситуаций, несмотря на развитие и совершенствование государственных механизмов, а может быть и благодаря этому, является неизбежным. Современные реалии ясно показывают, что никакие государственные меры не могут гарантировать отсутствие международных и внутригосударственных угроз. Как указывает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Ценности и модели развития стали предметом

глобальной конкуренции. Возросла уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз [1].

В отличие от нормативно-правовой разработанности военного и чрезвычайного положений недалекой исторической перспективы, когда сама идея формирования данного законодательства в условиях мирного времени рассматривалась мировым сообществом как одна из форм подготовки государства к военным действиям, сегодня многие страны абсолютно верно, на наш взгляд, включили институт чрезвычайного законодательства в свои правовые системы. Именно наличие, а на сегодняшний день уже не только наличие, но и детальная проработанность законодательства о военном и чрезвычайном положении в условиях мирного времени является одним из гарантов ликвидации возникшей для государства угрозы.

Однако все вышесказанное возможно воплотить не только при разработанности законодательства, но и адекватном отношении к нему со стороны как мирового сообщества, так и внутригосударственных политических сил и общества.

Наиболее ярко неверное восприятие чрезвычайного законодательства можно проследить на примере конфликтной ситуации, складывающейся в Украине в конце 2013 г. – начале 2014 г.

Украина – это одна из тех стран, которые по состоянию на 2013 г. имели в своем арсенале разработанное законодательство о военном и чрезвычайном положениях. Закон Украины «О правовом режиме чрезвычайного положения» был принят 16 марта 2000 г. [2], а Закон «О правовом режиме военного положения» – 6 апреля 2000 г. [3]. Оценка событий, происходящих в Украине, не является предметом настоящего исследования, однако с точки зрения чрезвычайного законодательства и его роли в ликвидации чрезвычайной ситуации – это один из наиболее типичных примеров.

В соответствии с вышеуказанными законами приведем определения чрезвычайного и военного положения. Под чрезвычайным положением понимается особый правовой режим, который может временно вводиться в Украине либо в отдельных ее местностях при возникновении чрезвычайных ситуаций техногенного или природного характера не ниже общегосударственного уровня, повлекших или могущих повлечь человеческие и материальные потери, создающих угрозу жизни и здоровью граждан, или при попытке захвата государственной власти либо изменения конституционного строя Украины путем насилия и предусматривает предоставление соответствующим органам государственной власти, военному командованию и органам местного самоуправления в соответствии с настоящим Законом полномочий, необходимых для предотвращения угрозы и обеспечения безопасности и здоровья граждан, нормального функционирования национальной экономики, органов государственной власти и органов местного самоуправления, защиты конституционного строя, а также допускает временное, обусловленное угрозой, ограничение в осуществлении конституционных прав и свобод человека и гражданина и прав и законных интересов юридических лиц с указанием срока действия этих ограничений [2, ст. 1]. Военное положение – это особый правовой режим, вводимый в Украине или в отдельных ее местностях в случае вооруженной агрессии или угрозы нападения, опасности для государственной независимости Украины, ее территориальной целостности, который предусматривает предоставление соответствующим органам государственной власти, военному командованию и органам местного самоуправления полномочий, необходимых

для предотвращения угроз и обеспечения национальной безопасности, а также временное, вызванное угрозой, ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц с указанием срока действия этих ограничений [3, ст. 1]. Таким образом, на уровне законодательства четко обозначены понятие, основания введения и процедура применения чрезвычайного и военного положения.

Вместе с тем, противники введения чрезвычайного или военного положения позволяют себе удобные извлечения из действующего украинского законодательства, с преломлением под свои политические интересы. В частности, лидер фракции «Батькивщина» А. Яценюк в интервью заявил, что «...если президент пойдет путем подписания указа о чрезвычайном положении, то это будет подписью под сотнями жертв, подписью под кровопролитием и уничтожением страны» [4]. С данным высказыванием нельзя согласиться, в подтверждение чего приведем анализ украинского законодательства с позиций реальной возможности на сегодняшний день уже не избежать кризиса, а минимизировать его последствия.

Вот небольшое извлечение из приведенных выше определений чрезвычайного и военного положений:

«...попытка захвата государственной власти либо изменения конституционного строя Украины путем насилия;

...опасность для государственной независимости Украины, ее территориальной целостности;

...предотвращение угроз и обеспечение национальной безопасности;

...полномочия, необходимые для предотвращения угрозы и обеспечения безопасности и здоровья граждан, нормального функционирования национальной экономики, органов государственной власти и органов местного самоуправления, защиты конституционного строя».

На наш взгляд, вышесказанное в полной мере можно отнести к обстановке в украинских городах в рассматриваемый период. Это то, что касается оснований введения чрезвычайного и военного положений. Далее остановимся на процедуре их введения.

Чрезвычайное положение в Украине или в отдельных ее местностях вводится Указом Президента Украины, подлежащим утверждению Верховной Радой Украины в течение двух дней с момента обращения Президента Украины. Причем до введения чрезвычайного положения

Президент Украины обращается через средства массовой информации или иным способом к группам лиц, организациям, учреждениям, являющимся инициаторами либо участниками действий, которые могут быть поводом для введения чрезвычайного положения, с требованием прекратить свои противоправные действия в течение установленного в обращении срока и предупреждением о возможности введения чрезвычайного положения. То есть само обращение Президента к участникам массовых беспорядков может стать превентивной мерой и, возможно, в дальнейшем введение самого чрезвычайного или военного положения не потребуется.

В условиях, требующих неотложных мер для спасения населения или недопущения гибели людей, чрезвычайное положение может быть введено без предупреждения.

Интересной, на наш взгляд, является норма закона, в соответствии с которой предложения относительно введения военного положения в Украине или в отдельных ее местностях Президенту Украины подает Совет национальной безопасности и обороны Украины, а о введении чрезвычайного положения предложение может подать и Кабинет министров Украины. На сегодняшний день нет достоверной информации относительно наличия или отсутствия подобных предложений Президенту Украины.

26 января 2014 г. активисты гражданского движения «Спильна справа» захватили здание Министерства юстиции Украины. После этого министр юстиции Украины Е. Лукаш в телеобращении попросила протестующих, захвативших здание, освободить помещение, в противном случае она намерена обратиться в Совет национальной безопасности и обороны Украины относительно обсуждения вопроса о введении в стране чрезвычайного положения. То есть здание государственного министерства уже захвачено, работа целого министерства блокирована, а министр угрожает (причем без определения каких-либо конкретных сроков) обратиться в Совет, где еще будут обсуждать вопрос о введении чрезвычайного положения, чтобы только потом направить подобное предложение Президенту для оформления соответствующего указа. Возникает вопрос – позволит ли подобная процедура эффективно использовать меры чрезвычайного или военного положения в условиях подобных временных затрат?

В соответствии со ст. 4 Закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» данный режим может быть введен при следующих обстоятельствах:

1) возникновении особо тяжелых чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера (стихийного бедствия, катастроф, особо крупных пожаров, применения средств поражения, пандемий, панзоотий и т.п.), создающих угрозу жизни и здоровью значительных слоев населения;

2) осуществлении массовых террористических актов, сопровождаемых гибелью людей или разрушением особо важных объектов жизнеобеспечения;

3) возникновении межнациональных и межконфессиональных конфликтов, блокировании или захвате отдельных особо важных объектов или местностей, что угрожает безопасности граждан и нарушает нормальную деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления;

4) возникновении массовых беспорядков, сопровождаемых насилием над гражданами, ограничивающих их права и свободы;

5) попытке захвата государственной власти или изменения конституционного строя Украины путем насилия;

6) массовом переходе государственной границы с территории сопредельных государств;

7) необходимости восстановления конституционного правопорядка и деятельности органов государственной власти.

Таким образом, минимум три основания применения чрезвычайных норм из семи предусмотренных законодательством Украины составляют, по сути, полноценное основание для введения данного административно-правового режима. Если же рассматривать обстановку с точки зрения опасности для государственной независимости Украины, ее территориальной целостности, то речь может идти не только о чрезвычайном, но и военном положении.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Рассмотренные примеры критического отношения и, по сути, игнорирования законодательства о чрезвычайном и военном положении в Украине должны стать наглядным примером для Российской Федерации по возможному выходу из кризисных ситуаций с использованием заранее разработанного международного и национального законодательства, с учетом как положительного, так и отрицательного опыта зарубежных государств.

2. Учитывая негативное отношение как внутригосударственных сил, так и части мирового сообщества к чрезвычайному законодательству отдельных государств, на наш взгляд, целесообразно

рассмотреть вопрос о подготовке и принятии международного правового акта, регламентирующего деятельность любого государства в условиях военного или чрезвычайного положения.

3. С целью качественной подготовки государства к деятельности в условиях чрезвычайных

обстоятельств, в том числе военного времени, необходима заблаговременная детальная разработка законодательства, регламентирующего деятельность государственных органов, общественных объединений и граждан в рассматриваемых условиях.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537.

2. О правовом режиме чрезвычайного положения: закон Украины от 16 марта 2000 г. № 1550-III (в ред. Законов Украины от 03.04.2003 № 662-IV, 15.05.2003 № 743-IV, 13.04.2012 № 4652-VI, 17.05.2012 № 4765-VI, 16.10.2012 № 5459-VI, 16.05.2013 № 245-VII) // Ведомости Верховной Рады Украины. 2000 № 23. Ст. 176.

3. О правовом режиме военного положения: закон Украины от 6 апр. 2000 г. № 1647-III (с изм. и доп., внесенными законами Украины от 03.04.2003 № 662-IV, 25.12.2008 № 803-VI, 21.01.2010 № 1836-VI, 07.10.2010 № 2592-VI, 13.04.2012 № 4652-VI, 17.05.2012 № 4765-VI, 02.10.2012 № 5404-VI // Официальный вестник Украины. 2000. № 17. Ст. 691, код акта 15780/2000.

4. URL: <http://censor.net.ua/n268560> (дата обращения: 30.01.2014).

1. On the Strategy of national security of the Russian Federation up to 2020: decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 № 537.

2. On legal regime of emergency of provisions: law of Ukraine of March 16, 2000 № 1550-III (in ed. of Laws of Ukraine of 03.04.2003 № 662-IV, 15.05.2003 № 743-IV, 13.04.2012 № 4652-VI, 17.05.2012 № 4765-VI, 16.10.2012 № 5459-VI, 16.05.2013 № 245-VII) // Bull. of the Verkhovna Rada of Ukraine. 2000. № 23. Art. 176.

3. On legal regime of martial law: law of Ukraine of Apr. 6, 2000 № 1647-III (with the amend. and add. introduced by the Laws of Ukraine of 03.04.2003 № 662-IV, 25.12.2008 № 803-VI, 21.01.2010 № 1836-VI, 07.10.2010 № 2592-VI, 13.04.2012 № 4652-VI, 17.05.2012 № 4765-VI, 02.10.2012 № 5404-VI // Official Bulletin of Ukraine. 2000. № 17. Art. 691, code act 15780/2000.

4. URL: <http://censor.net.ua/n268560> (address date: 30.01.2014).

Затолокін Александр Александрович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zatolokin09@rambler.ru)

Амбивалентность в контроле и надзоре за дорожным движением

Автором проводится анализ законодательства Российской Федерации в сфере применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности иностранных граждан, пользующихся иммунитетом от административной юрисдикции Российской Федерации, а также должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции. Обосновывается необходимость нивелирования градации в подходе к привлечению к ответственности участников дорожного движения, нарушающих правила.

Ключевые слова: закон, ведомственный правовой акт, грубое нарушение правил дорожного движения, отстранение от управления, должностное лицо.

A.A. Zatolokin, Master of Law, Teacher of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

The ambivalence of the control and supervision of the traffic

The author analyzes the legislation of the Russian Federation in the sphere of application of measures of maintenance of manufacture on business about an administrative offence and bringing to administrative responsibility of foreign citizens enjoying immunity from the administrative jurisdiction of the Russian Federation, as well as officials, fulfilling certain functions of the state. Justified need leveling gradation in the approach to the prosecution of traffic participants, who violate the rules.

Key words: law, departmental legal act, violation of traffic rules, removal of the management, official.

В январе 2014 г. в целях проведения общественной экспертизы был обнародован проект приказа МВД России «О внесении изменений в приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 “Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения”» (далее – Административный регламент ДПС) [1]. Поддерживая стремление разработчиков проекта исключить исключительность (да простят нас за тавтологию) на дороге, позволим высказать ряд существенных замечаний, без учета которых, на наш взгляд, документ теряет свою беспристрастность. Более того, подписание проекта приказа в представленном виде может вызвать обоснованные вопросы как заинтересованных лиц (дипломатов и судей), так и иных представителей гражданского общества.

Административный регламент ДПС призван регулировать общественные отношения в сфе-

ре безопасности дорожного движения, а если более конкретно, то взаимоотношения водителя и инспектора на дороге. Круг граждан, чьи интересы затрагивает данный документ, обширен. Так, по официальным данным ГУОБДД МВД России за 2012 г., число граждан, получивших водительские удостоверения, составило 2313653 человека [1]. А количество транспортных средств, зарегистрированных в установленном порядке ГИБДД МВД России, равняется 50512132 единицам [2]. В то же время количество нарушителей Правил дорожного движения за аналогичный период составило 42910945 [2]. Учитывая, что, по данным Росстата, на 1 января 2014 г. в России проживает 143657134 [3] жителя, количество нарушителей ПДД составляет почти 30% от общего количества граждан страны. Внесение изменений в столь важный документ, касающийся одной трети наших сограждан, устанавливающий взаимоотношения водителя и инспектора, требует глубокого научного исследования и не может сводиться к банальной реакции на привлечение к ответственности российских дипломатов за нарушение ими правил дорожного движения в некоторых зарубежных странах.

Итак, исходя из пояснительной записки к проекту приказа данный документ «разработан в целях реализации предложений Министерства иностранных дел Российской Федерации, направленных на улучшение ситуации с соблюдением правил дорожного движения лицами, пользующимися иммунитетом от административной юрисдикции Российской Федерации» [1]. С этим мы полностью согласны, однако следующие предложения антагонистичны представлениям о Праве. Предполагаемые изменения позволят сотрудникам ДПС выносить в отношении указанных лиц постановления по делам об административных правонарушениях, а также применять отдельные меры обеспечения производства по делу об административных правонарушениях, «в том числе, на основе принципа взаимности, задерживать транспортные средства» [1]. В целях осмысления правомерности такого предложения обратимся к закону. Кодекс РФ об административных правонарушениях трактует задержание транспортного средства как «исключение транспортного средства из процесса перевозки людей и грузов путем перемещения его при помощи другого транспортного средства и помещения в ближайшее специально отведенное охраняемое место (на специализированную стоянку) и хранение на специализированной стоянке до устранения причины задержания» [4]. Кроме законодательного определения задержания транспортного средства, существует ряд научных работ. В том числе, заслуживает внимания позиция В.М. Исаева, который рассматривает задержание транспортного средства как самостоятельный вид административно-принудительных мер и оценивает его как «урегулированное административно-правовыми нормами, внесудебное, временное, принудительное ограничение права пользования и распоряжения транспортным средством, сопровождающееся его помещением на специализированную охраняемую стоянку до устранения причины задержания в случае невозможности ее устранения на месте выявления административного правонарушения» [5]. Однако общеизвестно, что дипломаты обладают определенными преимуществами, привилегиями и иммунитетом, что нашло отражение в Венской конвенции о консульских сношениях [6, с. 124]. В ст. 34 Конвенции прямо говорится о том, что «государство пребывания должно обеспечивать всем работникам консульского учреждения свободу передвижений и путешествий по его территории» [6, с. 133]. Таким образом, какое-либо задержание дипломата противоре-

конно. Относительно привлечения к административной ответственности п. 3 ст. 2.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях гласит, что «вопрос об административной ответственности иностранного гражданина, пользующегося иммунитетом от административной юрисдикции Российской Федерации в соответствии с федеральными законами и международными договорами Российской Федерации и совершившего на территории Российской Федерации административное правонарушение, решается в соответствии с нормами международного права» [4]. Принимая во внимание то, что инициатива Министерства иностранных дел РФ направлена на привлечение к ответственности собственников транспортных средств, совершающих нарушения в области дорожного движения, зафиксированные специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, а собственниками дипломатических транспортных средств являются консульские представительства иностранных государств (юридические лица), такое предложение вполне обоснованно. А в соответствии с Гражданским кодексом РФ «юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [7]. Одновременно заметим, что юридические лица подлежат административной ответственности [4]. Напомним, что появление отдельной группы особых субъектов административной ответственности – собственников транспортных средств предопределил Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [8], согласно которому КоАП был дополнен ст. 2.6.1, устанавливающей особенности привлечения собственников транспортных средств к административной ответственности в случае фиксации правонарушений специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме. Следовательно, в соответствии с ч. 1 данной статьи к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки,

видеозаписи могут быть привлечены собственники дипломатических транспортных средств – консульские представительства (юридические лица), а не сами дипломаты.

Вторая часть поправок, предлагаемых для внесения в Административный регламент ДПС, представляет не меньший интерес и касается порядка действий сотрудников Госавтоинспекции при совершении административного правонарушения судьями. Согласно разъяснению Генеральной прокуратуры РФ возбуждение дела об административном правонарушении путем составления протокола об административном правонарушении для фиксации правонарушения не является привлечением к административной ответственности и не противоречит требованиям Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [1]. Законодательство в этой ситуации четко трактует случаи привлечения судей к ответственности, в том числе и к административной: «Решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается... судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации» [9]. Общеизвестно, что составление протокола об административном правонарушении – это всего лишь возбуждение дела об административном правонарушении [10, с. 77]. Но ведь никто не запрещал инспекторам ГИБДД и ранее составлять протоколы в отношении судей, т.к. закон говорит только лишь о «привлечении к ответственности». Поэтому данную поправку считаем формализованной, вносящей лишь смятение в деятельность инспекторского состава ГИБДД. Напомним, что «в 2009 году при подготовке приказа МВД планировалось, что гаишники смогут отстранять от управления автомобилем пьяных прокуроров. Однако под давлением Генпрокуратуры документ переписали» [11]. Но никто не задумывался, сколько было возбуждено уголовных дел в отношении сотрудников ГИБДД за превышение служебных полномочий в период действия первоначальной редакции Административного регламента ДПС.

Хотя предлагаемые поправки не имеют отношения к следователям, прокурорам и депутатам, как и КоАП не рассматривает данные группы лиц как отдельные виды субъектов административных правонарушений, однако же все они в той или иной мере защищены «иммунитетом» от инспектора ГИБДД.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре» любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, являются исключительной компетенцией органов прокуратуры [12].

В соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ не могут быть привлечены к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке [13].

В соответствии с ч. 3 ст. 29 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» не допускаются задержание, привод, личный досмотр руководителя следственного органа Следственного комитета и следователя, досмотр их вещей и используемых ими транспортных средств, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц, а также случаев задержания при совершении преступления [14].

Учитывая анализ приведенного выше законодательства, становится ясно, что существуют лица, в отношении которых невозможно применение сотрудниками ГИБДД мер обеспечения административного производства и вообще привлечение к административной ответственности, тем не менее, разработчики поправок в Административный регламент ДПС выделяют всего лишь две группы субъектов – дипломаты и судьи, забывая о других «неприкосновенных» лицах, что, на наш взгляд, не соответствует общим принципам объективности (ст. 26.11 КоАП) и равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ; ст. 1.4 КоАП).

Таким образом, резюмируя наше исследование, можно сделать следующие выводы:

1) исключить из проекта изменений Административного регламента ДПС всякое упоминание о возможности задержания транспортного средства лица, обладающего дипломатическим иммунитетом;

2) считать необходимым расширить предлагаемые изменения в Административный регламент ДПС, включив в него полный перечень должностных лиц, выполняющих определенные

государственные функции, в отношении которых действуют особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности;

3) предложить дополнить приказ МВД России «О внесении изменений в приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 “Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожно-

го движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения”» п. 232.1: «Дипломаты, судьи, прокуроры, следователи, депутаты всех уровней привлекаются к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения при фиксации их работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи на общих основаниях».

1. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 28.01.2014).

2. URL: <http://gibdd.ru/stat/> (дата обращения: 30.01.2014).

3. URL: <http://gks.ru> (дата обращения: 30.01.2014).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 196-ФЗ (с изм. и доп., внесенными Федеральным законом от 21 дек. 2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») // *Рос. газ.* 2013. 25 дек.

5. Исаев В.М. Административно-правовое регулирование задержания и запрещения эксплуатации транспортного средства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

6. Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апр. 1963 г.) // *Сборник международных договоров СССР*. М., 1991. Вып. XLV.

7. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // *Рос. газ.* 2013. 6 дек.

8. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ (с изм. и доп.) // *Рос. газ.* 2013. 25 июля.

9. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I

10. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учеб. для вузов. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 2008.

11. URL: <http://auto.tut.by/news/road/384296.html> (дата обращения: 01.02.2014).

12. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-I (с изм. и доп. от 25 нояб. 2013 г. № 317-ФЗ).

13. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федера-

1. URL: <http://regulation.gov.ru> (address date: 28.01.2014).

2. URL: <http://gibdd.ru/stat/> (address date: 30.01.2014).

3. URL: <http://gks.ru> (address date: 30.01.2014).

4. Code of the Russian Federation on administrative violations of Dec. 30, 2001 № 196-FL (with amendments and additions according to the Federal law of Dec. 21, 2013 № 376-FL «On amending certain legislative acts of the Russian Federation») // *Rus. newsp.* 2013. Dec. 25.

5. Isaev V. Administrative and legal regulation of detention and the prohibition of use of a vehicle: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2011.

6. Vienna Convention on consular relations (Vienna, Apr. 24, 1963) // *Coll. of international treaties of the USSR*. Moscow, 1991. Vol. XLV.

7. Part one of the Civil code of the Russian Federation of Nov. 30, 1994 № 51-FL // *Rus. newsp.* 2013. Dec. 6.

8. On amendments to the Code of the Russian Federation on administrative violations: fed. law of July 24, 2007 № 210-FL (with changes and additions) // *Rus. newsp.* 2013. July 25.

9. On the status of judges in the Russian Federation: law of the Russian Federation of June 26, 1992 № 3132-I.

10. Bakhrakh D.N., Rossinsky, B.V., Starilov Yu.N. Administrative law: textbook for universities. 3d ed., rev. and extr. Moscow, 2008.

11. URL: <http://auto.tut.by/news/road/384296.html> (address and date: 01.02.2014).

12. On the Prosecutor's office of the Russian Federation: fed. law of Jan. 17, 1992 № 2202-I (with amendments and additions of Nov. 25, 2013 № 317-FL).

13. On status of the member of the Federation Council and the status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: fed. law of May 8, 1994 № 3-FL (with changes and amendments of Dec. 2, 2013 № 350-FL).

ции: федер. закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп. от 2 дек. 2013 г. № 350-ФЗ).

14. О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ.

14. *On Investigation Committee of the Russian Federation: fed. law of Dec. 28, 2010 № 403-FL.*

Техов Дмитрий Николаевич

адъюнкт кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79054143375)

Анализ зарубежного опыта правового регулирования процедуры осмотра места совершения административного правонарушения (на примере стран СНГ)

В статье рассмотрены основные тенденции законодательной практики стран – участниц СНГ по формированию и совершенствованию института производства осмотра места совершения административного правонарушения, исследованы проблемы нормативно-правового регулирования данного вида административно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: осмотр места совершения административного правонарушения, протокол осмотра места совершения административного правонарушения, производство по делу об административном правонарушении.

D.N. Tekhov, Adjunct of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79054143375.

The analysis of foreign experience of legal regulation of procedure of survey of a place of commission of an administrative offense (on the example of CIS countries)

In the article the main tendencies of legislative practice of CIS countries on formation and improvement of institute of carrying out survey of a place of commission of an administrative offense are considered, problems of standard and legal regulation of this type of administrative and procedural activity are investigated.

Key words: survey of a place of commission of an administrative offense, protocol of survey of a place of commission of an administrative offense, case concerning an administrative offense.

После распада СССР на его территории образовались 15 независимых государств, 12 из которых вошли в состав Содружества Независимых Государств. В 2008 г., после августовских событий, Грузия подала заявление о выходе из состава СНГ, которое в сентябре 2009 г. было утверждено Советом СНГ. Таким образом, на сегодняшний день в составе Содружества 11 государств из бывших республик СССР: Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Армения, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан.

После приобретения суверенитета каждое государство, входящее в состав СНГ, стало самостоятельно формировать государственную власть, и в первую очередь законодательную. Бывшие республики одной страны, имевшей единую правовую базу, стали развивать собст-

венное законотворчество, отдавая предпочтение формированию и развитию тех или иных юридических институтов. В полной мере эти тенденции можно отнести и к развитию отрасли административного права.

В связи с этим представляет определенный интерес сравнительный анализ некоторых административно-процессуальных норм административного законодательства республик, входящих в состав Содружества Независимых Государств.

В своей монографии «Административно-юрисдикционный процесс» А.С. Дугенец отмечал, что «отечественному законодателю необходимо активно изучать тенденции развития теории и практики разрешения правовых проблем в странах бывшего Союза ССР» [1, с. 5].

Анализ зарубежного опыта правового регулирования процедуры осмотра места соверше-

ния административного правонарушения показывает, что существуют различные подходы к решению рассматриваемой проблемы.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 547-1 Кодекса Кыргызской Республики об административной ответственности [2, с. 185], как и в Кодексе РФ об административных правонарушениях [3, с. 284], одним из оснований возбуждения дела об административном правонарушении является составление протокола осмотра места совершения административного правонарушения. В соответствии с указанной нормой дело об административном правонарушении также считается возбужденным с момента составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Таким образом, можно сделать вывод, что законодатели Киргизии процедуру осмотра места совершения административного правонарушения не относят к мерам обеспечения производства по делу. Однако дальнейшая регламентация рассматриваемого процессуального действия в правовых нормах рассматриваемого кодекса отсутствует.

Такую же правовую позицию занимают законодатели Республики Молдова. Статья 426 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях от 24 октября 2008 г. № 218-XVI предусматривает такое процессуальное действие, как осмотр места происшествия [4, с. 136]. Оно не относится к мерам процессуального принуждения и проводится в целях обнаружения следов правонарушения, вещественных доказательств и для установления обстоятельств правонарушения или иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

К объектам, которые может осматривать уполномоченное должностное лицо (констатирующий субъект), законодатель относит участки местности, помещения, вещи, документы, животных, трупы людей или животных.

Реализуя конституционное право неприкосновенности жилища, рассматриваемый закон позволяет осуществлять осмотр места жительства без согласия лица, чье право ущемляется, только с санкции суда. Вместе с тем, осмотр места жительства может быть проведен и без санкции судебной инстанции в случае выявления, согласно тексту закона, «явное правонарушение». К сожалению, Кодекс Республики Молдова о правонарушениях не раскрывает понятие «явное правонарушение». Надо полагать, что законодатель имел в виду ситуацию, когда правонарушение было выявлено уполномоченным должностным лицом, которым были

установлены все признаки правонарушения и квалифицирован его состав.

В этом случае все материалы дела о правонарушении должны быть представлены в суд не позднее 24 часов с момента окончания осмотра места жительства.

Должностное лицо, осуществляющее осмотр, наделено полномочиями лично или с помощью специалиста в соответствующей области делать различные измерения, фото- и киносъемку, видеозапись, чертежи и схемы, изготавливать слепки и снимать отпечатки.

Все результаты осмотра вносятся в протокол осмотра места происшествия, который доводится до сведения всех лиц, участвовавших в осмотре или присутствовавших при его проведении, заверяется подписью каждого из них.

Кодекс Республики Молдова о правонарушениях не устанавливает круг должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы осмотра места происшествия, а также перечень составов правонарушений, в случае выявления которых должно быть произведено рассматриваемое процессуальное действие. Очевидно, основанием производства осмотра места правонарушения является усмотрение правоприменителя исходя из целей его проведения.

Иную правовую позицию занимает законодатель Республики Казахстан. Так, ст. 627-1, внесенной в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях в 2004 г., предусмотрена процедура осмотра [5, с. 363]. Ее цель – выявление следов административного правонарушения, иных материальных объектов, а также обстоятельств, имеющих значение для составления протокола об административном правонарушении. Рассматриваемая административно-процессуальная норма отнесена законодателем к мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении в отношении физического лица. Уполномоченным должностным лицом в пределах возложенных полномочий может быть произведен осмотр местности, предметов, документов, живых лиц. В ст. 627-2 регламентируется подробный порядок применения данной меры. Так, осмотр должен производиться безотлагательно, когда возникает необходимость. О производстве осмотра составляется протокол. В протоколе указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, подвергнутом осмотру, виде, количестве, иных идентификационных признаках вещей, в том числе о типе, марке, модели, калибре, серии, номере, признаках оружия,

количестве и виде боевых припасов, специальных технических средств для проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий и криптографических средств защиты информации.

Таким образом, законодатель также не конкретизирует перечень составов правонарушений, при выявлении которых должно производиться рассматриваемое процессуальное действие, однако в диспозиции правовой нормы указывает на ряд обстоятельств, когда требуется проведение осмотра.

Осмотр должен проводиться в присутствии двух понятых. В случае осмотра живых лиц должностное лицо и понятые должны быть одного пола с досматриваемым.

Заслуживает внимания процессуальная норма, согласно которой в исключительных случаях при осмотре местности, предметов, документов процессуальное действие может проводиться без участия понятых. К таким обстоятельствам законодатель относит труднодоступную местность, отсутствие надлежащих средств сообщения, отсутствие объективной возможности привлечения физических лиц в качестве понятых. Однако в этих случаях для фиксации хода проведения осмотра и его результатов необходимо применять специальные технические средства.

Интересна позиция законодателя, согласно которой правонарушитель, потерпевшие, свидетели и специалист могут привлекаться к проведению осмотра при необходимости.

В ходе проведения осмотра могут производиться измерения, составляться планы и схемы осматриваемых объектов, а также проводиться фото- и видеосъемка, о чем делается отметка в протоколе, к которому приобщаются указанные материалы. Копия протокола осмотра вручается лицу, в отношении которого ведется производство по делу, либо его представителю.

Таким образом, анализ процессуальных норм Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, регламентирующих производство осмотра, позволяет установить следующее:

1) осмотр, как процессуальное действие, отнесен к мерам обеспечения производства по делу и подразделен на следующие виды: осмотр местности, предметов, документов; осмотр живых лиц;

2) круг должностных лиц, наделенных полномочиями по проведению осмотра, определен только для одного из его видов – осмотра живых лиц;

3) перечень составов правонарушений, при которых должен производиться осмотр, не регламентирован;

4) протокол осмотра является одним из доказательств по делу, однако его составление не является основанием для возбуждения дела об административном правонарушении.

Глава 6 «Предмет доказывания. Доказательства. Оценка доказательств» Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-3 содержит ст. 6.10 «Протокол процессуального действия» [6, с. 41]. Это процессуальный документ, составленный должностным лицом органа, ведущего административный процесс, в порядке, установленном Кодексом, удостоверяющий обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, административном задержании физического лица, изъятии вещей и документов, а также составленные в установленном порядке протокол опроса, протокол судебного заседания или протокол заседания коллегиального органа [6, с. 48]. Из перечисленных процессуальных действий к мерам обеспечения производства относятся только административное задержание физического лица, изъятие вещей и документов. Таким образом, законодательство Республики Беларусь рассматриваемое процессуальное действие (осмотр) не относит к мерам обеспечения административного процесса. В соответствии с ч. 2 ст. 6.3 Кодекса протокол процессуального действия является, среди прочих, источником доказательств.

Статьей 10.13 «Осмотр» указанного Кодекса установлены основания и порядок проведения осмотра места совершения административного правонарушения, помещения, жилища и иного законного владения, предметов и документов с целью обнаружения следов административного правонарушения, иных материальных объектов, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела об административном правонарушении [6, с. 67].

Осмотру могут быть подвергнуты вещи, ручная кладь, багаж, орудия охоты и добычи рыбы или других водных животных и иные предметы, жилище и иное законное владение, помещения юридического лица либо индивидуального предпринимателя, транспортные средства.

По общему правилу осмотр перечисленных выше материальных объектов проводится в присутствии лица, в собственности или ведении которого они находятся. Однако в случаях, не терпящих отлагательства, указанные вещи,

предметы могут быть подвергнуты осмотру с участием не менее двух понятых в отсутствие собственника (владельца).

Осмотр жилища, при отсутствии согласия собственника или проживающего в нем лица, может производиться по постановлению органа, ведущего административный процесс, которое должно быть предъявлено до начала осмотра, с санкции прокурора или его заместителя.

В исключительных случаях, когда имеется реальное опасение, что следы административного правонарушения, иные материальные объекты, имеющие значение для дела об административном правонарушении, могут быть из-за промедления с их обнаружением утрачены, повреждены или использованы в противоправных целях, осмотр может быть проведен по постановлению органа, ведущего административный процесс, с участием не менее двух понятых без санкции прокурора или его заместителя с последующим направлением им в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре с указанием даты, времени проведения осмотра, места, лиц, у которых он проведен, оснований для проведения осмотра, перечня обнаруженных объектов.

О проведении осмотра составляется отдельный протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе задержания. При этом должны быть отражены время и место проведения осмотра, результаты осмотра, а также высказанные участниками осмотра замечания.

Недостатком, на наш взгляд, является то, что рассматриваемая процессуальная норма не регламентирует применение в ходе осмотра средств фото- и видеозаписи. Как отмечает А.В. Денисевич, «фотографирование, кино-

съемка, видеозапись выполняют роль факультативных средств фиксации сведений о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для дела об административном правонарушении, воспринятых в условиях производства соответствующих процессуальных действий. Они не заменяют протоколов данных действий и сами по себе, без протоколов, доказательственного значения не имеют» [7, с. 207].

В соответствии со ст. 9.5 Кодекса составление протокола о процессуальном действии является основанием для начала административного процесса.

Анализ административного законодательства республик Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины показал отсутствие каких-либо процессуальных норм, регламентирующих процедуру осмотра места совершения административного правонарушения.

Таким образом, можно сделать вывод, что у законодателей стран – членов СНГ не сформировалось единого мнения о месте и роли осмотра места совершения административного правонарушения в производстве по делам об административных правонарушениях, его процессуально-правовой природе.

Существующие проблемы объясняются недостаточностью исследования данного вида доказательств и влекут за собой противоречивую позицию как законодателя, так и правоприменительных органов при решении вопросов, связанных с использованием протокола осмотра места совершения административного правонарушения.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости более глубокого и всестороннего изучения всего комплекса вопросов рассматриваемой проблемы.

1. Дугенец А.С. Административно-юрисдикционный процесс. М., 2003.

2. Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности: закон Кыргызской Республики от 4 авг. 1998 г. № 115 (в ред. от 16.10.2013) // ИПС «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 12.11.2013).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 11.06.2013) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.06.2013).

4. Кодекс Республики Молдова «О правонарушениях» от 24 окт. 2008 г. № 218-XVI (в

1. Dugenets A.S. Administrative and jurisdictional process. Moscow, 2003.

2. The Code of the Kyrgyz Republic about administrative responsibility: law of the Kyrgyz Republic of Aug. 4, 1998 № 115 (in ed. of 16.10.2013) // Information retrieval system «The legislation of CIS countries». URL: <http://www.spinform.ru> (address date: 12.11.2013).

3. The Code of the Russian Federation about administrative offenses: fed. law of Dec. 30, 2001 № 195-FL (in ed. of 11.06.2013) // HLS «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru> (address date: 22.06.2013).

4. The Code of the Republic of Moldova about offenses of Oct. 24, 2008 № 218-XVI (in ed. of 12.07.2013) // Information retrieval system «The

ред. от 12.07.2013 г.) // ИПС «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 14.11.2013).

5. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 янв. 2001 г. № 155-II (в ред. от 04.07.2013) // ИПС «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 16.11.2013).

6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 дек. 2006 г. № 194-3 (в ред. от 12.07.2013) // ИПС «Законодательство стран СНГ». URL: <http://www.spinform.ru> (дата обращения: 17.11.2013).

7. Денисевич А.В. Постатейный научно-практический комментарий к Процессуально-исполнительному кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях // Консультант Плюс Беларусь [Электронный ресурс]. Минск, 2010 (дата обращения: 19.11.2013).

legislation of CIS countries». URL: <http://www.spinform.ru> (address date: 14.11.2013).

5. The Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses of Jan. 30, 2001 № 155-II (in ed. of 04.07.2013) // Information retrieval system «The legislation of CIS countries». URL: <http://www.spinform.ru> (address date: 16.11.2013).

6. The Procedural and executive code of the Republic of Belarus about administrative offenses of Dec. 20, 2006 № 194-Z (in ed. of 12.07.2013) // Information retrieval system «The legislation of CIS countries». URL: <http://www.spinform.ru> (address date: 17.11.2013).

7. Denisevich A.V. The itemized scientific and practical comment to the Procedural and executive code of the Republic of Belarus about administrative offenses // Consultant Plus Belarus [Electronic resource]. Minsk, 2010 (address date: 19.11.2013).

Фокин Андрей Николаевич

преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета
(e-mail: foannik@mail.ru)

Система налогов и сборов в Российской Федерации: федеральные налоги и сборы

В статье говорится о том, что федеральные налоги устанавливаются федеральными законами и подлежат взиманию на всей территории Российской Федерации.

Ключевые слова: система налогов, налоговое право, Конституция РФ, государство.

A.N. Fokin, Teacher of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; e-mail: foannik@mail.ru

System of taxes and fees in the Russian Federation: federal taxes and fees

In the article it is said that federal taxes are established by federal laws and are subject to collection in all territory of the Russian Federation.

Key words: system of taxes, tax right, Constitution of the Russian Federation, state.

В ч. 1 ст. 1 Конституции РФ сказано, что Российская Федерация является федеративным государством. Это конституционное положение, безусловно, оказывает непосредственное влияние на становление и развитие институтов налогового права. Известно, что вся российская система налогов и сборов делится на три уровня – федеральные налоги и сборы, региональные налоги (сборов на уровне субъектов Российской Федерации в настоящее время нет), местные налоги (сборов на этом уровне также нет). Федеративное устройство государства обусловило появление в структуре Общей части Налогового кодекса ст. 13, 14 и 15, определяющих перечни федеральных, региональных и местных налогов и сборов в соответствии с административно-территориальным делением страны, закрепленным в нескольких статьях Конституции. Часть 1 ст. 1 Конституции РФ прямо указывает на необходимость наличия в системе налогообложения федеральных налогов и сборов, поскольку доходы от федеральных налогов и сборов предназначены для финансирования задач общенационального масштаба, в число которых входят национальная безопасность, поддержание правопорядка и оборона. Следовательно, наличие федеральных налогов предопределено существованием самого федеративного государства.

Важно отметить, что уровни налоговой системы не совпадают со звеньями бюджетной системы: если в федеральный бюджет зачисляются

только федеральные налоги, то в региональные и муниципальные бюджеты могут поступать отчисления от федеральных или региональных налогов соответственно.

Федеральные налоги устанавливаются федеральными законами и подлежат взиманию на всей территории Российской Федерации. Льготы по федеральным налогам закрепляются только федеральными законами, но представительные (законодательные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления вправе вводить дополнительные льготы в пределах сумм, зачисляемых в их бюджеты.

Федеральный налог на прибыль был введен Законом РФ от 27 декабря 1991 г. № 2116-1 «О налоге на прибыль предприятий и организаций» [1], настоящий Закон вводился в действие на территории России с 1 января 1992 г.

Основным отличием этого Закона стало установление единого подхода к налогообложению предприятий независимо от их организационно-правовой формы. Кроме того, в нем определяются субъекты, не являющиеся плательщиками налога по Закону, закрепляются положения о льготах по налогу, порядке исчисления и сроках его уплаты, налогообложении отдельных видов доходов (прибыли) предприятий, об устранении двойного налогообложения, ответственности плательщиков и контроле налоговых органов.

В настоящее время документ применяется со значительными ограничениями, т.к. механизм

исчисления налога на прибыль организаций с принятием и введением в действие гл. 25 части второй Налогового кодекса РФ «Налог на прибыль организаций» существенно изменился.

Это определение действовало до 1 января 2001 г. без изменений. Плательщиками подоходного налога считались физические лица, как обладающие, так и не имеющие в своем распоряжении постоянного местожительства в Российской Федерации. Следует отметить, что объектом налогообложения у физических лиц считалась сумма совокупного заработка в стоимостном выражении, приобретенная в календарном году:

у физических лиц, имеющих в распоряжении постоянное местожительство в Российской Федерации, – от источников в Российской Федерации и за ее границами;

у физических лиц, не имевших постоянного местожительства в Российской Федерации, – от источников в Российской Федерации [2].

В соответствии с Законом РФ от 22 декабря 1992 г. 4178-1 [3] облагаемый налогом доход подлежал уменьшению на сумму, удержанную в Пенсионный фонд РФ. Федеральным законом от 23 декабря 1994 г. № 74-ФЗ [4] данная норма была упразднена.

В соответствии с Законом РФ от 16 июля 1992 г. № 3317-1 в общий налогооблагаемый доход физических лиц в полном размере не включались средства, получаемые от реализации имущества, принадлежащего физическому лицу на праве собственности, не считая реализации данного имущества при исполнении предпринимательской и другой деятельности с целью извлечения прибыли. Однако уже с 1 января 1993 г. (в соответствии с Законом РФ от 22 декабря 1992 г. № 4178-1) в общий налогооблагаемый заработок физических лиц не включались только лишь средства, получаемые в течение года от реализации квартир, квартирных домов, дач, садовых домиков, автомашин либо иных автотранспортных средств, драгоценностей и произведений искусства, принадлежащих физическим лицам на праве собственности, при этом не превышающие пятисоткратного определенного законом МРОТ.

По мнению М.Ю. Грачевой [5], в отдельные годы развития налогового законодательства все же велись мероприятия, нацеленные на изъятие из налогооблагаемой базы отдельных видов прибыли (полностью либо частично), что вело к уменьшению налогооблагаемой базы по подоходному налогу с физических лиц и обуславливало уменьшение налогового бремени на население.

В 1999 г. в совокупный доход перестали включаться: доходы, получаемые физическими лицами в виде гуманитарной помощи (в соответствии с Федеральным законом от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ [6]); средства, приобретенные физическими лицами в виде международных, иностранных либо отечественных премий за выдающиеся заслуги в науке и технике, образовании, культуре, литературе и искусстве сообразно списку премий, ратифицируемому Правительством РФ, а также средства материальной поддержки, оказываемой физическим лицам, потерпевшим от террористических операций на территории Российской Федерации (нормы введены Федеральным законом от 25 ноября 1999 г. № 207-ФЗ [7]), что отмечает в своей монографии А.С. Писарева [8].

В 90-х гг. дважды (в 1995 г. и 2000 г.) вводились исключения из совокупного дохода физических лиц суммы единовременной денежной помощи, выплачиваемые в соответствующие годы инвалидам и участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., родителям и женам (супругам) военных, убитых вследствие ранения, контузии, увечья, полученных при обороне и защите СССР, РСФСР либо при выполнении других обязанностей армейской службы, или болезни, сопряженной с пребыванием на фронте, а также инвалидам с малолетства в силу ранения, контузии либо увечья, сопряженных с деяниями во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. либо с их последствиями (Федеральные законы от 26 июня 1995 г. № 95-ФЗ [9], от 25 ноября 1999 г. № 207-ФЗ [10]).

Профессор М.В. Миляков [11] отмечает, что налогообложению подлежала совокупность материальной выгоды, исчисленная на начало отчетного года с той части ссудных средств, которая осталась не возвращенной на момент уплаты процентов за использование данными средствами. Никак не облагались подоходным налогом ссудные средства, приобретенные физическими лицами на поощрительных условиях на строительство (покупку) квартир здания либо жилплощади в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации и решениями органов местного самоуправления.

Конечно, система ставок по подоходному налогу с физических лиц многократно изменялась [12]. Постоянной оставалась только минимальная ставка, установленная в размере 12%. В 1992 г. (в соответствии с Законом РФ от 7 декабря 1991 г. № 1998-1 в первоначальной редакции) она применялась к облагаемому

совокупному доходу в размере до 42 тыс. руб. (неденоминированных). К большим размерам доходов должны были применяться ставки в следующей прогрессии: 15, 20, 30, 40, 50, 60% (максимальная ставка применялась для облагаемого совокупного дохода, превышающего 420000 руб.). Налог на покупку иностранных денежных знаков и платежных документов, выраженных в иностранной валюте, был введен Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 121-ФЗ [13] и взимался по Федеральному закону от 21 июля 1997 г. № 120-ФЗ (с изменениями от 16 июля 1998 г.) [14].

Первоначально налогооблагаемой базой являлась сумма в рублях, уплачиваемая при приобретении наличной зарубежной денежной единицы. В соответствии с Федеральным законом от 16 июля 1998 г. № 98-ФЗ [15] налогооблагаемой базой стала сумма в рублях, уплачиваемая при совершении следующих операций: приобретение наличной зарубежной валюты за наличные рубли; покупка платежных бумаг в зарубежной валюте за наличные рубли; выплата с денежных счетов наличной заграничной валюты физическим лицам при условии поступления данных средств на валютные счета с рублевых; покупка у физических лиц за наличные рубли заграничных валютных знаков, не подлежащих обращению из-за недостатков; выдача заграничной валюты владельцам пластиковых карт с рублевых карточных счетов.

Как замечает А.Ю. Казак, плательщиками налога считаются физические лица, учреждения, представительства, а также филиалы, в том числе нерезиденты, совершающие вышеуказанные действия. Не считаются плательщиками этого налога организации, деятельность которых всецело финансируется из бюджетов всех уровней, а также Центральный банк Российской Федерации [16].

Следующий федеральный налог – налог на игорный бизнес, который был введен Федеральным законом от 31 июля 1998 г. № 138-ФЗ [17] и взимается на основании Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 142-ФЗ «О налоге на игорный бизнес» [18].

В Федеральном законе от 31 июля 1998 г. № 142-ФЗ устанавливаются следующие основные понятия: игорный бизнес, игорное заведение, пари, азартная игра и др.

Так, плательщиками налога на игорный бизнес признаются организации и физические лица, исполняющие предпринимательскую деятельность в области игорного бизнеса. В порядке, установленном налоговым законодательством Российской Федерации, отдельные

подразделения организации, исполняющие предпринимательскую деятельность в области игорного бизнеса, осуществляют обязанности организации относительно уплаты налога на той территории, на которой отмеченные подразделения исполняют функции организации [19].

Общее количество объектов налогообложения любого варианта объектов игорного бизнеса подлежало обязательной регистрации в органах МНС РФ по месту пребывания отмеченных объектов до момента их установки с неотъемлемой выдачей свидетельства о регистрации. Сумма денежных средств, взысканная на основании этого налога, в части, соответствующей наименьшему размеру ставки налога, зачислялась в федеральный бюджет. Средства налога в части, соответствующей превышению над наименьшим размером ставки налога, направлялись в бюджеты субъектов Российской Федерации, на территориях которых и пребывают игорные заведения.

Следует отметить, что налог на игорный бизнес взимается параллельно с местным сбором за открытие игорного бизнеса. Указанный сбор подлежит отмене с введением в действие представительными органами власти субъектов Российской Федерации налога с продаж на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации [20].

На федеральном уровне, помимо налогов, существовали и различные сборы за право предоставления тех или иных значимых (юридических) действий органами государственной власти.

Сбор за пограничное оформление был установлен Федеральным законом от 22 октября 1998 г. № 160-ФЗ [21], взимался на основании Федерального закона от 29 ноября 1996 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О Государственной границе Российской Федерации”» [22]. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» [23] дополнен ст. 11.1 «Сбор за пограничное оформление».

Плата за пользование водными объектами в качестве самостоятельного налогового платежа была введена Федеральным законом от 17 июня 1999 г. № 112-ФЗ [24], взимается на основании Федерального закона от 6 мая 1998 г. № 71-ФЗ «О плате за пользование водными объектами» (с изменениями от 30 марта 1999 г.).

Плата взимается: при заборе воды из поверхностных водных объектов, территориальных морей и внутренних морских вод для ее использования в производственном, технологическом

процессе, для собственных, хозяйственных и бытовых нужд; при сбросе сточных вод, попавших в водные объекты в результате производственной и иной деятельности; при пользовании водными объектами без изъятия воды и сброса сточных вод; при удовлетворении потребности гидроэнергетики в воде; за использование акватории водных объектов для лесосплава и др. [25].

Следующие сборы – за выдачу лицензий и права на производство и оборот этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции – были введены Федеральным законом от 17 июня 1999 г. № 112-ФЗ [26], взимаются на основании Федерального закона от 8 января 1998 г. № 5-ФЗ [27]. Сборы платят фирмы, осуществляющие или собирающиеся получить лицензию:

- на производство, хранение и оптовую продажу произведенного этилового спирта;

- на производство, хранение и оптовую продажу произведенной алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

- на закупку, хранение и экспорт этилового спирта и алкогольной продукции;

- на хранение этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

- на закупку, хранение и оптовую продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

- на импорт, хранение и оптовую продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

- на производство, хранение и оптовую продажу спиртосодержащей непищевой продукции.

Лицензию на оборот этилового спирта и перемещение спиртосодержащей продукции через границу России выдает МНС, лицензии на остальные виды деятельности – региональное управление министерства.

Не требуется лицензия (и, соответственно, не уплачиваются сборы) на производство и оборот следующих видов продукции:

- парфюмерии и косметики;

- спиртосодержащих лекарственных, лечебно-профилактических и диагностических средств, если они внесены в Государственный реестр лекарственных средств и изделий медицинского назначения;

- средств, изготавливаемых аптеками по рецептам, включая гомеопатические препараты.

Разовая лицензия на экспорт или импорт выдается на срок не более двух месяцев и дает право перемещать через границу этиловый спирт и продукты его переработки на сумму до 10 млн рублей. При этом объем абсолютного спирта в перемещаемой продукции не может превышать 2000 декалитров.

Генеральная лицензия на экспорт или импорт выдается на поставку этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции и действует 12 месяцев с момента получения.

Лицензия на импорт выдается только фирмам, которые:

- имеют уставный капитал не менее 4 млн рублей;

- занимаются поставкой алкогольной продукции на внутреннем рынке не менее года;

- имеют оборот импортной алкогольной продукции не менее 50000 декалитров.

Последние два требования не распространяются:

- на фирмы, образовавшиеся в результате реорганизации;

- на дочерние фирмы предприятий, имеющих лицензию на импорт этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Заплатить сбор нужно было в следующие сроки:

- фирмам, которые собираются подать заявления на получение лицензии, – до подачи заявления; если лицензия будет получена, то за первый год действия лицензии сбор считается уплаченным;

- фирмам, имеющим лицензию, – не позднее числа и месяца выдачи лицензии.

Расходы по уплате сбора уменьшали налоговую базу по налогу на прибыль организаций.

Ежегодно не позднее 15 дней после даты выдачи лицензии плательщики сбора должны сдать в налоговую инспекцию расчет суммы сбора (декларация). Вместе с декларацией необходимо представить копию выданной лицензии.

Налог на отдельные виды транспортных средств был введен Федеральным законом от 8 июля 1999 г. № 142-ФЗ, взимался на основании Федерального закона от 8 июля 1999 г. № 141-ФЗ «О налоге на отдельные виды транспортных средств».

Объектами налогообложения считались единичные виды транспортных средств, имеющие местопребывание на территории Российской Федерации и подлежащие регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации, а конкретно на легковые автомашины с рабочим объемом двигателя более 2500 куб. см, за исключением полноприводных автомашин, сделанных на территории Российской Федерации, а также автомашин, сделанных за двадцать пять лет и больше до дня уплаты налога.

Плательщиками налога признаются организации, являющиеся юридическими лицами в соответствии с законодательством Российской Федерации, иностранные фирмы, находящиеся на территории Российской Федерации, и физические лица, являющиеся собственниками

указанных автотранспортных средств либо выполняющие эксплуатацию таких автотранспортных средств на основании доверенности.

Налоговая база в отношении автотранспортных средств, являющихся объектами налогообложения, обуславливается рабочим объемом двигателя автотранспортного средства в кубических сантиметрах. Налоговым периодом сообразно налогу считается один год, начинающийся со дня вступления в силу указанного выше Федерального закона.

Ставки налога применяются с коэффициентом 0,4 в отношении легковых машин, изготовленных за десять лет и более до дня уплаты налога, и с коэффициентом 0,7 в отношении легковых автомобилей, изготовленных за пять лет и более, но не больше чем за десять лет до дня уплаты налога.

Налог рассчитывается налогоплательщиками самостоятельно в отношении каждого автотранспортного имущества исходя из налоговой базы и ставки налога, установленной на единицу рабочего объема двигателя. Налогоплательщики-организации уплату налога свершали до 1 сентября календарного года. Налогоплательщики – физические лица уплату налога свершали до 1 октября календарного года. Средства налога направлялись в доход федерального бюджета.

Последняя редакция части первой Налогового кодекса значительно отличается от первоначального варианта, и она, действительно, была существенно доработана с учетом правоприменительной практики.

1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 11. Ст. 525.
2. Там же. 1992. № 12. Ст. 591.
3. Там же. 1992. № 34. Ст. 1976.
4. Налоговое право России: учеб. для вузов / под. ред. Ю.А. Крохина. М., 2007.
5. Грачева М.Ю., Куфакова Н.А., Пепеляев С.Г. Финансовое право России. М., 2009.
6. Собр. законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2221.
7. Там же. № 49. Ст. 5903.
8. Писарева А.С. Налоговая политика как фактор стабилизации экономики // Проблемы налогообложения и предпринимательства. Ростов н/Д, 2009.
9. Собр. законодательства РФ. 1995. № 26. Ст. 2403.
10. Там же. 1999. № 49. Ст. 5903.
11. Милляков Н.В. Налоги и налогообложение. М.
12. Бюджетно-налоговая политика государства / под. ред. Т.В. Игнатовой. Ростов н/Д, 2007.
13. Собр. законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3593.
14. Там же. Ст. 3592.
15. Там же. 1998. № 29. Ст. 3396.
16. Казак А.Ю. Финансы и кредит. Екатеринбург, 2009.
17. Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3816.
18. Там же. Ст. 3820.
19. Налоговая политика России: проблемы и перспективы / под. ред. И.В. Горского. М., 2008.
20. Налоги и налогообложение / В.Г. Пансков, В.Г. Князев. М., 2008.

1. Bull. of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. № 11. Art. 525.
2. Ibid. № 12. Art. 591.
3. Ibid. № 34. Art. 1976.
4. The tax right of Russia: textbook for higher education institutions / ed. by Yu.A. Krokhin. Moscow, 2007.
5. Gracheva M. Yu., Kufakova N.A., Pepelyaev S.G. Financial law of Russia. Moscow, 2009.
6. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1999. № 18. Art. 2221.
7. Ibid. № 49. Art. 5903.
8. Pisareva A.S. Tax policy as factor of stabilization of an economy // Problems of the taxation and business. Rostov-on-Don, 2009.
9. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 26. Art. 2403.
10. Ibid. 1999. № 49. Art. 5903.
11. Milyakov N.V. Taxes and taxation. Moscow.
12. State budgetary tax policy / ed. by T.V. Ignatova. Rostov-on-Don, 2007.
13. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 30. Art. 3593.
14. Ibid. Art. 3592.
15. Ibid. 1998. № 29. Art. 3396.
16. Kazak A.Yu. Finansy and credit. Ekaterinburg, 2009.
17. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3816.
18. Ibid. Art. 3820.
19. Tax policy of Russia: problems and prospects / ed. by I.V. Gorskoj. Moscow, 2008.
20. Taxes and taxation / V.G. Panskov, V.G. Knyazev. Moscow, 2008.
21. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 43. Art. 5213.

21. Собр. законодательства РФ. 1998. № 43. Ст. 5213.
22. Там же. 1996. № 50. Ст. 5610.
23. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 17. Ст. 594.
24. Собр. законодательства РФ. 1999. № 25. Ст. 3041.
25. Там же. 1998. № 19. Ст. 2067.
26. Там же. 1999. № 25. Ст. 3041.
27. Там же. 1998. № 2. Ст. 221.
22. Ibid. 1996. № 50. Art. 5610.
23. Bull. of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. № 17. Art. 594.
24. Coll. of legislation of the Russian Federation. 1999. № 25. Art. 3041.
25. Ibid. 1998. № 19. Art. 2067.
26. Ibid. 1999. № 25. Art. 3041.
27. Ibid. 1998. № 2. Art. 221.

Марцева Татьяна Геннадьевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических
и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kalipso-dream@mail.ru)

Коммерческий профайлинг как технология управления

В статье рассматривается новая технология управления ситуацией с использованием психологических и социальных приемов. Применение профайлинга в бизнесе позволяет диагностировать личностные особенности, скрываемые мотивы с целью уменьшения риска в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: профайлинг, менеджмент, общение, профиль, экспресс-диагностика, бизнес, мотивация.

T.G. Martseva, Master of Economics, Assistant Professor of a Chair of Humanities, Socioeconomic, Information and Law Disciplines of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kalipso-dream@mail.ru

Commercial profiling as management technology

In the article a new technology of situation management to use of psychological and social instruments is considered. Profiling application in business allows to diagnose the personal features, hidden motives for the purpose of risk reduction in business activity.

Key words: profiling, management, communication, profile, express diagnostics, business, motivation.

Современные социальные процессы, охватывающие разные сферы деятельности общества, не только обладают национальной спецификой, но и отражают реалии потребительского поведения различных категорий участников. Чтобы разобраться в реальных мотивах поведения человека, недостаточно знать общие концепции и закономерности, необходимо использовать индивидуальные технологии на стыке современных психофизических диагностик. Одним из таких приемов является профайлинг.

Профайлинг происходит от английского «profile», что в переводе означает профиль, а точнее профилирование. «Провести профилирование» – значит отнести человека по ряду невербальных признаков к типу личности: опасному или неопасному в зависимости от социального окружения и контекста.

Изначально профайлингом называли выявление террористов, а технологию использовали в аэропортах: при предполетном досмотре пассажиров задача профайлера состояла в том, чтобы не допустить на борт человека со взрывчаткой.

Методика профайлинга была разработана в конце 1970-х гг. израильской авиакомпанией «Эль-Аль» с целью минимизировать возмож-

ные риски, связанные с авиаперевозками, и использовалась при предполетном досмотре пассажиров. В большинстве своем это была система вопросов, которые ставили своей целью выявление нестандартных реакций пассажиров на казалось бы простые вопросы. В данной методике использовался небольшой набор базовых психологических стереотипов поведения, и больше она напоминала собой процедуру психологического тестирования.

В 1984 г. данная методика была «смоделирована» в англоязычном варианте компанией ICTS и стала применяться службами авиационной безопасности в большинстве европейских стран и США. Паралельно с этим «Пол Экман Групп» (компания, которая была создана американским психологом и занималась изучением эмоциональных экспрессий) разработала ряд компьютерных программ, позволяющих считывать эмоциональные состояния человека. Начиная с 1960-х гг. профессор Калифорнийского университета Пол Экман и его коллега Уоллес Фризен создавали единую Систему кодирования выражений лица. Комбинации движений 5 мышц сформировали базу из более 10000 гримас; разобравшись, что значит то или иное выражение, можно угадать намерения человека, а подчас и мысли.

Профайлинг – понятие, обозначающее совокупность психологических методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков, характеристик внешности, невербального и вербального поведения [1].

Считается, что одна из первых попыток составления психологического портрета принята британским хирургом Томасом Бондом в 1888 г. в отношении личности Джека Потрошителя.

В настоящее время профилирование личности применяется в рамках ViCAP (англ.) – программы задержания насильственных преступников, разработанной в 1985 г. в ФБР под руководством П. Брукса и Р. Рёсслера с целью способствования раскрытию серийных преступлений насильственного характера.

Также понятие «профайлинг» служит для обозначения технологии наблюдения и опроса пассажиров в ходе предполетного досмотра с целью выявления потенциально опасных лиц при авиаперелетах.

Применение технологии профайлинга способствовало присвоению авиакомпании «Эль-Аль» статуса одной из самых безопасных в мире [2]. Опыт применения профайлинга этой авиакомпанией в настоящее время внедряется по всему миру, в том числе и в России.

Наиболее спорным аспектом профайлинга является так называемый этнический профайлинг, основанный на допущении связи между этнической принадлежностью человека и возможностью противоправного поведения.

В последнее время расширенная трактовка понятия «профайлинг» включает ряд прикладных социально-психологических методик, целью которых является оценка достоверности сообщаемой информации по невербальному поведению человека, так называемая неинструментальная детекция лжи.

На настоящий момент в широком смысле слова профайлинг – это комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального поведения объекта.

Исследованиями ученых установлено, что вербальный компонент межличностного общения составляет менее 30%, а свыше 70% информации, передаваемой при общении, передается невербально. Средний человек говорит примерно 10–11 минут в день, а среднее предложение длится всего 2,5 секунды. В то же время человек может произвести и распознать около 250000 выражений лица [2].

Профайлинг – это технология предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии.

Со временем искусство разоблачения лжи вышло за пределы служб безопасности. Профайлинг становится все популярнее у бизнесменов: собственники и топ-менеджеры компаний хотят оценивать намерения и достоверность высказываний своих сотрудников, партнеров, клиентов.

Таким образом, профайлинг заставляет наблюдать и более вдумчиво анализировать окружающую обстановку, поведение людей, искать подозрительные признаки и устанавливать причинно-следственные связи, нестандартно подходить к решению возникающих в работе проблем. Многолетний успешный опыт применения метода профайлинга за рубежом, полученные положительные результаты подтверждают практическую полезность данного метода при подготовке сотрудников полиции. Он может быть использован в профессиональной подготовке сотрудников оперативно-розыскных и оперативно-поисковых подразделений, сотрудников полиции общественной безопасности, психологов ОВД, а также в коммерческой среде с целью минимизации рисков осуществления взаимодействия с партнерами.

С развитием политики и экономики профайлинг стали все чаще использовать в бизнес-среде. Появились отдельные направления профайлинга. Все они, а точнее программы обучения, внедрения систем профайлинга для компаний и частных лиц, представлены в различных вариациях.

В России профайлинг имеет свою особую историю. Несомненно, в Советском Союзе была система предотвращения преступности и террористических актов. Были профессиональные психологи, которые разрабатывали системы ведения переговоров с террористами и считывания их эмоционального состояния.

Однако активное применение системы профайлинга стало возможным после достаточного количества случаев захвата воздушных судов, террористических актов в России и большого числа банковских мошенничеств, когда всем стала ясна необходимость профилактики противоправных действий. С этого момента внедрение профайлинга в тех или иных видах становится необходимым.

Коммерческий профайлинг как система сопровождения деловых переговоров всегда стоял обособленно от авиационного и банковского

профайлинга. Если авиационный и банковский профайлинг могли позволить себе директивные способы проверки и сбора информации, то коммерческий профайлинг всегда являлся наивысшей формой психологического мастерства и являлся уделом немногих избранных, т.к. требовал развития высокого уровня «сенсорной чувствительности».

Если авиационным и банковским профайлингом мог заниматься человек с не очень глубокими знаниями психологии и не имеющий знаний в области экономики и ведения бизнеса, то коммерческий профайлинг обязательно подразумевает под собой глубокие знания не только в области психологии, но и в области менеджмента и ведения бизнеса. К сожалению, метод профайлинга не слишком распространен в сфере бизнеса. Просто у работодателей нет четкой объективной информации, что это такое.

Профайлинг незаменим в кадровой работе. Это отличный инструмент для анализа достоверности сообщаемых сведений при проведении кадровых проверок и собеседований. Как показывают данные, более чем в 90% случаев при собеседованиях кандидат искажает, приукрашивает или скрывает сведения о себе. При знакомстве с человеком мы видим его не таким, каков он на самом деле, а таким, каким он хочет быть.

Также этот метод хорош при переговорах. Он позволяет оценить степень заинтересованности и эмоциональное состояние собеседника. И действовать, исходя из составленной картины. Кроме того, этот метод дает возможность оце-

нить достоверность сообщаемой информации. Человек, не владеющий знаниями в области бизнес-процессов, не способен в переговорах, например, об инвестициях выделить наиболее уязвимые зоны проекта и понять, насколько хорошо «противная сторона» готова управлять деньгами инвестора.

По итогам 2011 г. объем выданных беззалоговых кредитов вырос почти вдвое и составил 5,2 трлн рублей. При этом банкиры зафиксировали рост «плохих долгов» – на счета не вернулся каждый десятый рубль. Скоринг показал неспособность отсеять всех «токсичных» клиентов. Снизить потери финансистам помогают профайлеры – специалисты по распознаванию лжи, вызубрившие Систему кодирования выражений лица. Впрочем, в их услугах нуждаются и другие бизнесмены.

В компаниях, где используется коммерческий профайлинг, не были зарегистрированы случаи мошенничества, а также было выявлено значительное число мошеннических действий и лиц, потенциально опасных для бизнеса.

Таким образом, профайлинг – это возможность найти для себя хорошего специалиста при собеседовании, составить поведенческий прогноз и построить с собеседником наиболее эффективное и продуктивное общение.

В настоящее время технология коммерческого профайлинга применяется рядом российских коммерческих предприятий и в целом способствует повышению качества обеспечения коммерческой безопасности.

1. Профайлинг // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 04.09.2013).

2. Методики невербальной диагностики правды и лжи: пособие для бизнеса. URL: <http://www.diplus.ru/event/12/95/> (дата обращения: 04.09.2013).

1. The profiling // Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (address date: 04.09.2013).

2. Techniques of nonverbal diagnostics of the truth and lie: manual for business. URL: <http://www.diplus.ru/event/12/95/> (address date: 04.09.2013).

Нарыков Николай Владимирович
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583957)

Проблемы исторической преемственности российской государственности в условиях глобализации

В статье исследуется наиболее близкая национальным интересам России проблема исторической преемственности. Рассматриваются современные представления о будущих общекультурных политических ориентациях российского общества.

Ключевые слова: историческая преемственность, государственность, глобализация, политические традиции, политическая культура, ценностные ориентации.

N.V. Narykov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583957.

Problems of historical continuity of the Russian statehood in the conditions of globalization

The article deals with the problem of historical continuity which is the most similar to the national interests of Russia. Modern ideas of future common cultural political orientations of the Russian society are considered.

Key words: historical continuity, statehood, globalization, political traditions, political culture, valuable orientations.

В XXI в. исследователи и политики переместили акцент с рассмотрения взаимозависимости участников международных отношений на тенденции глобализации мировой политики и экономики. Этот факт был обусловлен ростом влияния в деятельности мирового сообщества новых явлений, проявивших себя в самое последнее время.

В этих условиях во внутренней политике государств встает проблема извлечения выгод от международных обменов и одновременно сохранения максимально возможной автономии. С точки зрения внешней политики, проблема сводится к разработке и соблюдению взаимовыгодных форм сотрудничества перед лицом усилий правительств ряда стран, направленных на манипулирование системой современных международных отношений в собственных интересах.

Из всего комплекса проблем, связанных с характеристикой развития современной российской государственности, проблема исторической преемственности является наиболее близкой национальным интересам страны. Сейчас наблюдается возрождение интереса к сфере традиционных национальных ценно-

стей, что отчасти стимулируется нарушением политической и социальной стабильности. Политическая сфера деятельности человека реагирует на конкретное содержание ценностей и традиций как никакая другая. Все ценности политической сферы, даже наиболее стабильные – общечеловеческие, подвержены историческим изменениям и переосмыслению.

Взаимопроникновение общекультурных политических ценностей разной ориентации формирует региональную специфику России. И при первом взгляде на характер российской политической жизни прежде всего бросаются в глаза эти ее аспекты. Это позволило, основываясь на исследовании этнического менталитета и национального характера, сделать различные по своей направленности выводы о специфике политического развития России.

Некоторые западные исследователи в результате исторического анализа российской государственности сделали вывод о ее уязвимости в сравнении со стабильными системами англо-американского типа. В современных исследованиях российской государственности в связи с осуществлением политических перемен в стране данное положение было подвергнуто частичному пересмотру. Но для ряда авто-

ров все еще остается открытым вопрос: может ли вообще быть государственность в России совместимой с демократическими институтами? И если авторитарные черты имманентно присущи российской государственности, то вряд ли стоит ждать ее резкой переориентации на демократические ценности. В таком случае важнейшей реальностью российской политической системы по-прежнему остается ее авторитарный характер. В ином аспекте эта проблема предстает в виде вопроса о том, какая из тенденций российской государственности является преобладающей – ее преемственность или изменимость, ее способность усваивать новые ценности или только отторгать их. При исследовании менталитета российской политики делается вывод о том, что политические нравы нашей страны очень живучи, несмотря на изменчивость социальных условий. Любые позитивные процессы в сфере государственности, таким образом, связываются с осуществлением перемен, успех которых соотносят с наличием определенных предпосылок в области политической культуры. Результат этих процессов, кроме того, обусловлен сменой исторических поколений, что будет иметь, по мысли сторонников глобализирующегося по евро-американскому образцу мира, значительные последствия для политической культуры и политической системы нашей страны.

Процесс глобализации, по мнению ряда авторов, должен сопровождаться глубокими изменениями в политической области в ходе взаимодействия российской и евро-американской цивилизаций, мировой культуры модернизации. В соответствии с этим выстраиваются и представления о будущих общекультурных политических ориентациях российского общества. Для одной части общества они будут заключаться в приверженности авторитарным представлениям, для других – в медленном движении к общедемократическим ценностям.

Диалоги о связи прошлого и настоящего в политической жизни России активно велись на страницах отечественных изданий. В современных исследованиях упоминаются старые демократические традиции России, но в качестве их специфической особенности отмечается, что это не та демократия, которая развивалась на основе стабильной политической системы и воспроизводилась преемственными политическими структурами, скорее она действовала в обход существующих форм. В наше время происходит возрождение старого стереотипа политической культуры России, отражающего стремление российской государственности

соответствовать западному образцу, но постоянно отклоняющегося от него. В то же время следует отметить, что в ходе многочисленных потрясений и перемен в истории нашей страны при наличии объективных тенденций развития присутствует некая универсализация опыта политических культур. Общество остается своеобразным в рамках каждой политической культуры, в процессе различных перемен столько же видоизменяется, сколько и остается неизменным, в обществе поддерживается баланс традиций и инноваций. Поэтому так актуально выглядят в современных условиях записки Н.М. Карамзина «О древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях». Главной проблемой был и остается поиск выхода из создавшегося положения и разрешение четырех главных задач: 1) сохранения целостности многонационального государства; 2) обеспечения равенства подданных; 3) политико-правовой и социальной реконструкции; 4) подключения к мировому экономическому и политическому порядку.

При всем многообразии предлагаемых путей решения стоящих перед Россией проблем ей приходится переориентироваться в одном главном направлении: от устремления в будущее к решению проблем настоящего. По оригинальной мысли Э. Тоффлера, любое общество питает определенное временное пристрастие, т.е. концентрирует свое внимание на прошлом, настоящем или будущем. Вера в прекрасное завтра умерла, и общество осталось наедине с проблемами настоящего. Всеобщность такого мироощущения отражается во всех сферах общества, и в этом заключается один из тяжелых переломов общественного сознания.

Не только история советского развития формировала веру в светлое будущее, философско-религиозная традиция православия готовила почву для этого задолго до событий Октября 1917 г. А поскольку общественные традиции повсюду являются источником большой социальной значимости, длительная привычка восприятия будущего как бесспорной ценности перед настоящим глубоко укоренилась в сознании общества и остается незыблемой в настоящее время. Между тем, стилю мышления современной эпохи, как считают западные неопозитивисты, больше соответствует не ортодоксальный, а протестантский дух, и отсюда ощущение того, что представления нашего общества о себе и окружающем мире безнадежно устарели.

Соотношение старых и новых ценностных ориентаций в периоды политической стабиль-

ности находится в определенном динамическом балансе, а в период проведения широких политических преобразований этот баланс нарушается. Из-за большой значимости для государственности устоявшихся политических традиций процесс этот не может происходить быстро, он представляет из себя постепенное движение в сторону признания и укрепления новых ценностей.

Поэтому для формирования новых черт государственности и их легитимного восприятия важен такой показатель, как степень распространения демократических ценностей в массовом сознании. От уровня этого показателя зависит то, как дальше будет проходить процесс перемен. Исторически сложившийся самодержавный строй и пришедшая ему на смену партийно-номенклатурная система не могли не оставить глубокий след в сознании общества. Специфика современности заключается в том, что у одной части общества авторитарные стереотипы частично разрушены, у других еще сохраняются, но значительно поблекли, а для третьих они составляют неотъемлемую часть их сознания, и они не собираются с ними расставаться.

Представляется возможным выделить некоторые политические «константы» России, лежащие в основе ее государственности.

1. Власть в России (прежде всего, механизм ее осуществления) вне зависимости от смены типов этого механизма и наличия или отсутствия демократических ритуалов традиционно носит авторитарный характер. В основе политической жизни перманентно лежит сильнейший персонализм. У России есть две постоянные угрозы, исходящие из двух политических полюсов, – тирания и анархия.

2. Господствующим стилем взаимоотношения между обществом и государством выступает этатизм, государство занимает доминирующее положение в общественной жизни. Демократические права и свободы в России, как правило, не завоевывались в борьбе, а даровались милостью монарха или передавались по воле элиты. Из этого вытекают:

- а) огромная политическая роль бюрократии;
- б) патернализм и клиентизм (стремление быть под патронажем государства, социального института; преимущественное использование элитами неформальных связей; ориентация на социальное восхождение вследствие более высокой позиции в государственной иерархии);
- в) ограниченность сферы публичной политики;
- г) отсутствие цивилизованных форм взаимоотношений между верхами и низами, правовой

нигилизм, периодические вспышки революционизма и контрреволюционизма.

В общественном сознании присутствует борьба двух комплексов: комплекса «верноподданного» и комплекса «революционера».

Если западная демократия базируется на индивидуализме, то русскому национальному характеру в гораздо большей степени свойственен высокий уровень ожиданий от государства. В России государство не абстрактная инстанция, от которой стремятся дистанцироваться, а активное действующее лицо.

Антиномичность политической культуры и противоречивость государственного развития, иррационализм общественного сознания и симбиоз анархизма и этатизма – это те черты русского политического ландшафта, которые выделяются многими отечественными и зарубежными исследователями.

Какую бы модель государственного устройства, социально-экономического и культурного развития ни избрала Россия, какую бы политическую линию ни предпочли Президент и Правительство в будущем, судьбу России в мировом сообществе и возможность влиять на прогресс цивилизации будет определять, помимо других факторов, еще и степень совместимости ценностных ориентаций, культурных установок и нравственных принципов российского общества с теориями и концепциями развития цивилизации, построения «мирового порядка» и стратегиями выживания, которые широко обсуждаются мировым сообществом.

К сожалению, многие из этих теорий и концепций культивируются государствами, представляющими западную, по своей сути технократическую цивилизацию, и не отражают во всей полноте богатого идейного и культурного наследия всех народов, культур и религий, составляющих современное человечество. В результате более активной деятельности российских ученых и политиков по разработке концептуальных основ, принципов, норм и механизмов, посредством которых регулировался бы процесс глобализации международных отношений, можно было бы обогатить стратегии перехода к ненасильственной, гармоничной по многим показателям целостной цивилизации элементами богатого философского и нравственно-этического наследия российских мыслителей, которые в своем творчестве намного обогнали свое время и выдвинули целый ряд реформаторских идей планетарного, общечивилизационного масштаба и значения.

Конструктивные идеи, выдвинутые в разное время российскими учеными и мыслителями,

становятся все более актуальными при выборе ориентаций на будущее для всего мирового сообщества.

Известный русский философ Н.О. Лосский называет такие черты характера русского народа, которые делают его равнодушным к результатам деятельности человечества в целом, как религиозность, чуткое восприятие душевных страданий других людей, способность к высшим формам опыта, чувственность и воля. Особо он подчеркивает: «Русский человек обладает чутким различием добра и зла; он зорко подмечает несовершенство наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенства добра» [1]. Обращают на себя внимание попытки русских мыслителей применить принципы христианства к международным отношениям, что выразится в стремлении, как это подметил Вл. Соловьев, применить одну из заповедей Христа и к отношениям народов друг к другу: «Люби все другие народы, как свой собственный» [2].

В своем оригинальном труде «Философия общего дела» самобытный мыслитель и религиозный философ XIX в. Н.Ф. Федоров высказал идею, которая чрезвычайно актуальна для освобождения международной деятельности

мирового сообщества от ошибок десятилетий конфронтации и чрезмерной милитаризации: «Мы должны поставить человечеству одну общую цель и утверждать необходимость, возможность и обязательность установления целесообразности не словом, а общим делом» [3].

Уверенность в том, что будущее человечества на планете и в космосе – это единство, построение гармоничных отношений человеческого общества с техникой и природой, звучит в одной из работ академика В.И. Вернадского: «Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом ставится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [4].

Построение целостной гармоничной цивилизации является естественной задачей человечества, познающего и совершенствующего себя как органичную составную часть биосферы Земли. При таком понимании современных процессов глобализации у нее будет больше сторонников, чем противников, и именно в таком варианте она может отвечать интересам России и большинства стран современного мира.

1. Лосский Н.О. *Ценность и Бытие*. М., 2000.

2. Соловьев В.С. *Сочинения: в 2 т.* М., 1988–1989.

3. Федоров Н.Ф. *Собрание сочинений: в 4 т.* М., 1997.

4. Карако П.С. *Философия и методология науки: В.И. Вернадский. Учение о биосфере*. Минск, 2007.

1. Lossky N.O. *Value and Genesis*. Moscow, 2000.

2. Solovyov V.S. *Works: in 2 vol.* Moscow, 1988–1989.

3. Fedorov N.F. *Coll. works: in 4 vol.* Moscow, 1997.

4. Karako P.S. *Philosophy and science methodology: V.I. Vernadsky. Theory of the biosphere*. Minsk, 2007.

Тужба Эмир Нодаревич

доктор социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом
Кубанского государственного технологического университета
(e-mail: emirtu@yandex.ru)

Абхазский этнос в условиях глобализации

Рассмотрены особенности воздействия современной глобализации на абхазское общество в рамках выделенных П. Бергером «носителей» культурной глобализации.

Ключевые слова: социокультурная глобализация, глобальная массовая культура, диалог культур, религиозные движения, традиционные ценности.

E.N. Tuzhba, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Sociology, Jurisprudence and Work with Stuff of the Kuban State Technological University; e-mail: emirtu@yandex.ru

Abkhaz ethnicity in the context of globalization

The features of the impact of globalization on contemporary Abkhazian society within the allocated P. Berger «carriers» of cultural globalization are considered.

Key words: sociocultural globalization, global mass culture, dialogue of cultures, religious movements, traditional values.

На жизнедеятельность народов, их язык и характер, этнопсихологию, материальную и духовную культуру оказывает влияние не только географическая среда, но и окружающие народы. Каждая культура несет на себе отпечаток влияния на нее других культур, обычно соседних, но еще в большей степени тех, которые оказались наиболее развитыми и в силу этого более привлекательными, в плане обмена опытом, достижениями. Это взаимодействие и взаимовлияние может быть благотворным для национальной культуры, и в то же время истории известны ассимиляции и даже исчезновения этносов.

На протяжении всей своей истории абхазы находились в широких политических, экономических и культурных отношениях с разными народами и цивилизациями, имели возможности перенимать и использовать многое из материальной и духовной культуры этих народов. Абхазы аккумулировали в своей культурной среде те духовные, нравственные, морально-эстетические и этические ценности, которые отвечали их укладу жизни, потребностям и устремлениям. При этом культурные ценности других народов перенимались не механически, а лишь те, которые не шли в разрез с собственным укладом жизни, собственными традициями, обычаями, нравами. По способности к творческому приспособлению абхазскую культуру можно определить как трудно модернизируемую, но открытую для внешнего влияния.

В условиях развития современных средств массовых коммуникаций, исчезновения границ

для абхазской культуры приобретают актуальность проблемы сохранения ее самобытности. Анализ влияния современной глобализации на абхазское общество проводился в рамках выделенных П. Бергером «носителей» культурной глобализации, которые происходят одновременно, связаны друг с другом и взаимодействуют с местными культурами, накладывая на них свой отпечаток: культура «мак-мира», или глобальная массовая культура; международная деловая элита, которую он назвал давосской культурой, воспользовавшись термином, впервые употребленным С. Хантингтоном применительно к давосскому саммиту лидеров европейских стран; международная интеллектуальная элита, названная П. Бергером клубной культурой интеллектуалов; и новые религиозные движения, широко распространенная религиозная культура [1].

Культура «мак-мира», или глобальная массовая культура, по мнению американского исследователя Дж. Ная, является частью soft power, «мягкой мощи». «Мягкая мощь», в отличие от жесткой – военной, политической, может опираться на использование привлекательного образа и обращение к объекту воздействия через средства массовой культуры, пользующиеся влиянием [2, с. 8]. В этом смысле привлекательность Запада для других народов состоит в культурно-политических ценностях демократии и политических свобод, индивидуализма, эффективности.

Глобальная массовая культура, активно тиражируемая СМИ, вовлекает в свою орбиту

широкие социальные круги. В качестве примера приведем такой символ глобализации, как телевидение. Телевизионные принципы радикально отличаются от принципов, на которых раньше строилось любое искусство. Образы на телевидении, а также способность телезрителя в любой момент переключить канал формируют фрагментированный тип мышления. Эмоциональный фон большинства распространяемых СМИ продуктов (от новостей до сериалов) опирается либо на первичные биологические инстинкты – эротику и агрессию, либо на ценности – гедонизма, благополучия и комфорта.

Большинство правительств выражают приверженность свободе прессы, однако по-прежнему не имеют четкого представления о том, что это такое. В этой связи уместно упомянуть одно из высказываний Дэн Сяопина: «Когда вы открываете окно, в него влетают мухи и москиты». Мухи и москиты, о которых говорил «вождь», – это неизбежный приток западных культурных ценностей, которые могут поставить перед любым традиционным обществом множество серьезных проблем. Также следует учитывать, что все глобальные СМИ принадлежат определенным группам влияния – государственным или частным структурам. Соответственно, информация, передаваемая ими, носит заведомо пристрастный характер. Все это ставит ряд вопросов, требующих ответов.

Большая часть массовой культуры носит поверхностный характер в том смысле, что не оказывает серьезного влияния на взгляды, систему ценностей и поведение населения. Вряд ли представители старшего возраста, насмотревшись сериалов, боевиков и т.д., перестанут от этого говорить на родном языке, вставать при виде гостей и отстраняться от принятых правил, норм, установок собственной культуры. Их идентичность уже сформирована. Индивид может вращаться в круговороте западных артефактов и при этом целиком оставаться в рамках собственной традиционной культуры. Иначе влияние массовой культуры проявляется в молодежной среде. Ситуация осложняется тем, что это происходит в условиях экономической и социокультурной нестабильности современного абхазского общества. По этому поводу А.Э. Куправа пишет: «В Абхазии и теперь, в начале третьего тысячелетия, люди, в том числе и молодые, берегут добрые национальные традиции, стараются следовать нормам нравственности и духовности. Это выделяет их из окружения и делает приятными и желанными в обществе. Являясь вполне со-

временными людьми, многие молодые люди проявляют удивительное знание народного этикета общения со старшими и между собой. Но, к сожалению, в условиях всеобщего падения нравственности и духовности в мировом масштабе таких нравственно продвинутых семей становится все меньше. В обществе все более начинает преобладать стремление к материальным ценностям в ущерб духовным» [3, с. 113].

Распространяющиеся поведенческие штампы, совершенно чуждые абхазской национальной психологии, превратились в олицетворение счастливой жизни, под их влиянием происходит формирование идеалов и внутреннего мира молодежи. Новые герои заменяют собой старших родственников и родителей – носителей традиций, которые кажутся безнадежно отсталыми и устаревшими. Если раньше молодежь была очень похожа на представителей старших поколений, то сегодня подростки обществ, стоящих на передовой глобализационных процессов, гораздо больше похожи друг на друга, чем на своих отцов и дедов, продолжающих существовать в рамках культурной традиции своего народа.

Традиционные механизмы формирования уклада и морали абхазов (от родителей к детям) не перестали действовать. Процесс передачи и восприятия опыта существует, и во многом личность ребенка по-прежнему формируется в детстве под влиянием семьи, школы и других социальных институтов. Но если раньше человек, единожды усвоив стандартный набор «истин», жил с ними всю свою сознательную жизнь – они были достаточными в силу малой изменчивости мира, то теперь подобная ситуация невозможна. Мир меняется слишком быстро, требуя постоянной адаптации к новым условиям. Формирование картины мира происходит не единожды в детстве, а на протяжении всей жизни. Старые алгоритмы передачи знаний начинают давать сбой, на смену им приходят новые, в первую очередь сетевые. С другой стороны, человек может носить джинсы и спортивную обувь, есть продукты западного производства, с удовольствием слушать западную музыку, смотреть западное кино и при этом оставаться в рамках установок своей традиционной культуры.

Абхазия, на курортах которой традиционно проводила отпуск политическая, культурная элита СССР, знакома с артефактами западной культуры еще с советских времен. В ее порты заходили корабли, совершавшие круизы в зарубежные страны, а матросы и иностранные

туристы реализовывали, правда, не в открытую, одежду и всевозможные товары западного производства (джинсы, спортивные костюмы adidas, жевательную резинку и т.д.). Даже в условиях автаркии советского общества, замкнутого на самом себе и экономически, и политически, и культурно, ориентация на Запад, как мировой Центр, продолжала владеть умами и поступками людей. Эта черта эксплицировалась в предпочтении всего зарубежного. Это касалось и предметов потребления (одежда, продукты питания), и сферы искусства (кино, музыка, мода). Потребление через специальные распределители и склады, при глубоко укорененной в сознании идее о заведомом превосходстве импортных товаров и продуктов, особенно прочно укрепилась в 1970–80-е гг., когда за счет импорта покрывалась значительная часть общего товарного дефицита. Погоня за импортными товарами массового потребления стала в то время одной из наиболее характерных черт потребительского поведения жителей Абхазии.

Многие товары, символы общественного положения, ставшие доступными в постсоветский период (сотовый телефон, телевизор, компьютер, микроволновая печь и др.), повлекли за собой интересное явление: даже без значительного изменения в реальных доходах на душу населения многие начинают чувствовать, что их благосостояние улучшилось. Эти изменения лучше всего отражаются на показателях торговли, но они не дают представления о тех изменениях в образе жизни и ожиданиях, которые происходят в результате этого. Социальное изменение в таком случае не следствие действительно значительного улучшения благосостояния респондентов, а скорее результат глобализации торговли и общедоступности этих чисто символических товаров.

В качестве важного индикатора состояния общества выступают владение компьютерной техникой, компьютерная грамотность населения. Согласно данным социологического опроса, проведенного автором в Абхазии в 2009 г. (N-656), активно пользуются компьютером 53%, Интернетом 44% опрошенных. Наиболее активными пользователями всемирной компьютерной сети являются молодые люди. Не желающие использовать ИКТ делятся на тех, кто трудно осваивает инновации любого типа, и тех, кто считает использование данного канала по собственным соображениям вредным. Те, кто желают, но пока не могут позволить себе пользоваться Интернетом в полном объеме, делятся по основаниям ограничения

доступа. Ограничения доступа могут быть как техническими, так и экономическими (высокая стоимость услуг). В совокупности эта группа ощущает свое информационное неравенство и составляет базу дальнейшей информатизации, которая при соответствующих условиях может пополнить ряды полноправных пользователей. Возникновение и развитие новой информационно-технологической среды можно рассматривать в качестве причины нового социального расслоения, спровоцировавшего социальное неравенство – неравенство возможностей доступа к новым глобальным технологиям. Информационное неравенство способствует отставанию и дезадаптации части населения. В Абхазии раскол общества по принципу вовлеченности в мир ИКТ уже проявился, хотя еще мало осознается как вид социального неравенства.

Итак, абхазская молодежь разделяет западные ценности, такие как личная свобода и независимость, предпочитает потреблять импортные товары, желает изучать английский язык и имеет обостренное осознание права на лучшую жизнь. Вместе с тем, большая часть молодых людей продолжают соблюдать традиционные нормы «капсуара», беречь добрые национальные традиции, стараются следовать этикету, нормам нравственности и духовности, являясь вполне современными людьми.

Давосской культуры в Абхазии нет, а если некие ростки все же просматриваются, то в очень незначительном проявлении. Представить абхаза, имеющего представление о том, что такое четкий трудовой договор, не интересующегося жалованием коллег, вынужденного соблюдать разнообразные правила и втискивания в оптимистическую корпоративную идентичность? Те, кто работают в организациях, как правило, более консервативны и менее чувствительны к изменениям. Условием делового успеха в большинстве случаев становятся личные или родственные связи с главами соответствующих правительственных учреждений, их поддержка.

В Абхазии сложился специфический механизм, определяющий приоритет неформальных признаков, на основании которых формируется неформальная структура. Этот принцип действует как протекционистская мера по отношению к интересам «своего круга», вступая в противоречие с принципами эффективности. Неформальные связи необходимы в налоговой инспекции, таможне, милиции, банковской сфере и для неформального общения с чиновничьими структурами. Родственно-дружеские

отношения составляют те социальные сети, в которых существуют организационные и экономические отношения внутри группы. Это обстоятельство накладывает отпечаток на все деловые взаимоотношения. Знакомства и связи предоставляют доступ к общественным ресурсам на льготных условиях. Создается впечатление, что население вообще не оценивает способы заработка с позиций законности, действуют другие категории. Личные контакты в большей степени сохраняют свою значимость, хотя чаще определяющим является «кто больше предложит». Представитель абхазской культуры не мыслит себя вне соответствующего социокультурного круга – рода, фамилии и т.д. При оценке поведения людей в экономическом, политическом процессе не совсем корректно руководствоваться общепринятыми на Западе критериями профессионализма, компетентности и т.д. Его нельзя в полной мере понять без учета этнонациональной составляющей. К чиновнику любого уровня (вплоть до первых лиц государства) без проблем, в кратчайшие сроки может попасть на прием любой вменяемый гражданин Абхазии (и не только Абхазии), способный внятно сформулировать цель своего визита, соответствующую уровню должностного лица.

Нечто подобное отмечал Бабель в своих рассказах, посвященных Абхазии, в начале XX в. Здесь никто никуда не спешит. Все, что можно сделать сегодня, как правило, откладывается в лучшем случае на завтра.

Ш. Монтескье в своих знаменитых «Персидских письмах» говорит о том, что не только образ жизни народов, но и образ мысли определяется теми географическими условиями, в которых осуществляется их жизнедеятельность. Южная природа, столь благосклонная к человеку, приводит к желанию получать все блага без приложения каких-либо усилий. Г. Бокль объясняет это меньшей сопротивляемостью и стойкостью жителя теплых стран в борьбе за свое существование благодаря его меньшей потребности. Такие более легкие условия существования неминуемо благоприятствуют покойному, созерцательному настроению духа, особому развитию силы воображения. Теоретическая ограниченность концепции «географического детерминизма» на примере Абхазии не подтверждается.

Заведений быстрого питания (McDonald's, KFS, Moss Burger, Mister Donut и др.), в которых Дж. Ритцер разглядел не просто форму «быстрой еды», а упрощенную схему рациональности, которая соответствует уровню адаптации

и способствует примитивной рационализации этого уровня, а П. Бергер ассоциирует «священное потребление» как такое потребление пищи, которое несет в себе культурный груз свободы, демократии, прав человека и т.д., в Абхазии нет. Скорей всего эти организации предпочитают иметь дело с легитимными с точки зрения международного права государствами и не желают вкладывать средства в проблемную территорию.

В Абхазии распространены три типа заведений. Первые – маленькие «забегаловки», представляющие собой пережитки советского прошлого. Вторые – национальные заведения «апацхи», ассортимент которых состоит, как правило, из традиционных абхазских блюд. Здесь можно встретить кого угодно, их посещают представители всех слоев населения. И, наконец, третий вид заведений – это рестораны с небольшим ассортиментом, где, помимо традиционных кавказских блюд, можно заказать блюда европейской и русской кухни и, естественно, всевозможное спиртное российских и зарубежных производителей. Из спиртных напитков особо популярны водка, виски, различные сорта местных вин, шампанское.

Потребление алкоголя в абхазской культуре – тема отдельного исследования. Не отрицая наличия множества нежелательных следствий, ассоциирующихся с употреблением спиртного (аварии на дорогах, конфликты в семьях и т.д.), мы полагаем, что алкоголь «интегрирован» в абхазскую культуру таким образом, что самые высокие уровни его потребления в большинстве своем не приводят к проявлению комплекса синдромов, ассоциирующихся с алкоголизмом, упадку культуры и разрушению социальных отношений. Ритуал питья, состязательность, непреодолимое стремление вовлечь в соревнование по части количества выпитого всех присутствующих – часть культуры абхазов. Это положение вполне коррелирует с результатом опроса, согласно которому всего лишь 8% жителей Абхазии среди проблем республики выделили алкоголизм. Для сравнения: наркоманию отнесли к числу острых проблем 45% респондентов.

Последним носителем культурной глобализации, по П. Бергеру, выступают религиозные движения. В советский период любая деятельность религиозного характера находилась под контролем государства. Но в поствоенный период правительство уже не контролировало религиозные течения, проникавшие в Абхазию. Неопределенный политический статус территории благоприятствовал активизации де-

тельности различных религиозных течений. Кришнаиты впервые появились в Абхазии в 1983 г., а в 1989 г. в г. Сухум даже провели религиозный праздник с шествием по городу. Во время и после войны общество «Харе Кришна» оказывало помощь населению, но в настоящее время активность кришнаитов снизилась.

Отличаются активностью течения протестантского толка (баптисты, адвентисты седьмого дня и др.), получающие финансовую помощь, информационную поддержку от своих единомышленников из западных стран. Численность каждого из них составляет несколько сот человек, принадлежащих к разным национальностям. Указом Президента Абхазии от 10 октября 1995 г. была запрещена деятельность Свидетелей Иеговы. Учитывая военное положение, пацифистские установки ее членов рассматривались властями как подрывающие обороноспособность государства. Представители этого течения не подвергаются преследованиям, силовые структуры изымают литературу иеговистского содержания.

Успеху различных религиозных течений способствует психологическое состояние людей, переживших войну, потерявших близких. В отдельных случаях члены сект попадают в зависимость от своих духовных наставников. Во избежание нарушения общественной стабильности, нанесения вреда здоровью и жизни граждан тоталитарные религиозные секты вынуждают власти контролировать их деятельность.

Итак, глобализация современного мира носит объективный характер, и он неизбежен. Поэтому ставить вопрос о противодействии глобализации – значит выступать против объективных интеграционных тенденций мирового развития. Глобализация не встречает в Абхазии искусственного сопротивления, по существу, в абхазском обществе сосуществуют как традиционные ценности, так и ценности западной культуры. Все это сопровождается выработкой новых потребительских вкусов, которые отвечают универсальной модели и свойственны людям всех социальных слоев. Несмотря на модернизацию абхазского общества, большая часть людей продолжает соблюдать традиционные нормы «апсуара», беречь национальные традиции, которые составляют основу самобытности, остаются наиболее устойчивыми элементами в рассматриваемой системе.

Глобализационные процессы в Абхазии имеют различную скорость протекания: в экономической сфере изменения происходят медленно; в информационном, духовно-религиозном пространстве, связанном с культурными процессами, и в политике достаточно динамично, более быстрыми темпами. В настоящее время Абхазия включена в глобальный мир через всевозможные способы коммуникации и взаимодействия, ей необходимо избегать крайностей и входить в современный мир с учетом необходимости сохранения своей культурно-исторической особенности.

1. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004.

2. Nye J. *The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. N.Y., 2002.

3. Куправа А.Э. *Апсуара – традиционная культура абхазов*. Сухум, 2007.

1. *The many faces of globalization. Cultural diversity in the contemporary world* / ed. by P. Berger, S. Huntington. Moscow, 2004.

2. Nye J. *The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. N.Y., 2002.

3. Kuprava A. *Apsuara – traditional culture of Abkhazians*. Sukhum, 2007.

Рябашапко Олеся Николаевна

адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: lesenocek11@mail.ru)

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: chapurko@mail.ru)

Участие граждан в разработке нормативных правовых актов в электронной среде: проблемы и перспективы

В статье анализируются участие граждан в разработке нормативных правовых актов в электронной среде, а также проблемы и перспективы, возникающие в данной сфере.

Ключевые слова: нормативные правовые акты, электронная среда, интерактивная коммуникация, электронное правительство.

O.N. Ryaboshapko, Adjunct of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lesenocek11@mail.ru;

T.M. Chapurko, Doctor of Political Sciences, Master of Law, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: chapurko@mail.ru

Participation of citizens in the development of legal acts in an electronic environment: problems and prospects

In the article the participation of citizens in the development of legal acts in an electronic environment is analyzed, as well as the problems and prospects arising in this sphere.

Key words: legal acts, e-environment, interactive communication, electronic government.

В современной теории демократии среди множества инструментов привлечения граждан к управлению делами общества немаловажное место занимают общественные комментарии к разрабатываемым законам и нормативным актам.

Участие граждан в процессах нормотворчества в политической науке рассматривается как инструмент делиберативной (совещательной) демократии, теоретические основы которой сформулировали еще Юрген Хабермас (Jurgen Habermas) [1], Роберт Даль (Robert Dahl) [2], Дэвид Труман (David Truman) [3], а также ряд других авторов, о которых будет упомянуто ниже.

Создание ресурсов с обратной связью от власти действительно имеет большое значение. Поэтому по инициативе Президента РФ В.В. Путина реализуется проект «Российская общественная инициатива», в рамках которого законопроекты, набравшие более 100 тыс. подписей, будут рассматриваться властями. Аналогичные новации реализуются в настоящее время и на региональном уровне.

Технологически-социальные инновации последних десятилетий, в частности телекоммуникации, позволили придать новое качество существующей уже шесть десятилетий технологии прямых взаимодействий граждан с государством, получившей трудно переводимое на русский язык название «электронное нормотворчество граждан» (англ. – e-Rulemaking).

Расширение общественного участия позволяет не только повлиять на качество законопроектов, затрагивающих интересы больших групп населения, но и повысить в обществе уровень политической культуры.

Кроме того, начиная с 70-х гг. XX в. практики общественных комментариев оказали существенное влияние на развитие административного права, к примеру, в США, где процедуры общественного нормотворчества закреплены законодательно. В этой стране рассматриваемые нами практики реализуются в рамках создания «электронного правительства» (управления делами государства с использованием телекоммуникационных технологий).

До появления сети Интернет граждане направляли почтой или по факсу свои замечания и предложения авторам законопроектов. В настоящее время список коммуникативных каналов расширился и включает в себя электронную почту, блоги, листы рассылки и иные сетевые сервисы. Используя возможности интерактивной коммуникации, пользователи могут не только предлагать для обсуждения те или иные поправки в проекты нормативных актов, но и перед внесением предложений знакомиться с уже зафиксированными комментариями, а также представлять свое видение релевантности ранее предложенных текстов. В результате для индивида участие в общественном нормотворчестве становится рефлексивной политической практикой, развивающей реактивное коммуникативное действие, возникающее как ответ на интересующую его проблему. Так не только происходит формирование политической культуры, но и косвенным образом осуществляется правовое просвещение.

О востребованности рассматриваемой нами формы политического действия свидетельствует тот факт, что в странах с развитыми демократиями по наиболее привлекающим общественное внимание законопроектам число общественных комментариев составляет десятки и даже сотни тысяч. Это одна из немногих форм интерактивного общественного обсуждения, которое на регулярной основе материализуется в форме конкретных предложений муниципальным, региональным и федеральным властям. Экспертную оценку конкретным актам нормотворчества граждан дает так называемое «кибержюри», которое, опираясь на аргументы, поддерживает или же отклоняет предлагаемые поправки. Особо подчеркнем, что граждане на добровольной основе и безвозмездно участвуют в указанной деятельности, ориентируясь на достижение общественного блага, поскольку результатом обсуждения становится законопроект или нормативный акт, затрагивающий их интересы.

Тем не менее, именно когнитивные и мотивационные проблемы являются основными препятствиями на пути расширения участия большинства граждан в процессах общественного нормотворчества. Во многом трансформация паттернов политического действия определяется изменением уровня доверия населения к правительственным учреждениям и эффективностью учета предложений граждан при разработке законодательства.

В результате при анализе участия граждан в процессах общественного нормотворчества мы имеем дело со сложным переплетением мотива-

ционных, интеллектуальных и эмоциональных барьеров в сфере коллективного действия. Особо подчеркнем, что, хотя существуют и технологические барьеры, их роль незначительна.

Для стран с транзитивными демократиями существенным препятствием внедрения политических технологий электронного общественного нормотворчества является нежелание правящей элиты допускать к принятию решений не только обычных граждан, чья компетенция для бюрократов ничтожна, но и сторонних экспертов. В истории современной России есть множество тому подтверждений, и для иллюстрации данного тезиса упомянем низкую эффективность функционирования Общественной палаты РФ, а также созданных при министерствах и ведомствах общественно-консультативных советов, недостаточную востребованность общественной экспертизы отдельных нормативных актов на уровне регионов и игнорирование экспертного потенциала формирующегося гражданского общества в структурах местного самоуправления.

Участию граждан в нормотворчестве препятствуют не только бюрократы, но и значительная часть депутатского корпуса, представляющая политические партии. Новая для страны политическая технология подрывает их монополию на представление в различных инстанциях так называемого «мнения народа». Демократизация процесса подготовки важнейших решений не только предоставит каждому заинтересованному гражданину потенциальную возможность участвовать в формировании правил и законов, которые затрагивают интересы всех, но и приведет к экономии значительных материальных и финансовых ресурсов.

Достаточно вспомнить материальные потери, которые понесла страна в результате применения плохо разработанного законодательства о монетизации льгот, конфликты, возникающие вокруг решений, связанных с проблемами экологии, образования, медицины, социального обслуживания. Десятки тысяч коррупционных лазеек в принятых только за последнее десятилетие нормативных актах – свидетельство существования в политической системе страны дисфункций в сфере нормотворчества.

Наличие указанных дисфункций и необходимость обязательной общественной экспертизы правовых актов признается высшим руководством страны. Так, еще 5 марта 2009 г. Председатель Правительства РФ подписал постановление Правительства РФ № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них поло-

жений, способствующих созданию условий для проявления коррупции». Для проведения такой независимой экспертизы федеральный орган исполнительной власти – разработчик проектов документов размещает их на своем официальном сайте в сети Интернет, при этом соответствующие отзывы и заключения имеют право представлять независимые эксперты.

В упомянутом случае мы видим, как телекоммуникационные технологии оказывают влияние на изменение практик процесса нормотворчества на федеральном уровне. Учитывая особенности реформирования современной России, можно прогнозировать, что уже в обозримой перспективе аналогичные модели общественного участия в подготовке актуальных для населения актов будут внедряться на региональном и муниципальном уровнях.

Эта перспектива уже отражена в утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным Концепции общественной безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем, ожидать быстрой отдачи от упомянутой инновации не следует. Часть барьеров была нами упомянута выше, сейчас акцентируем внимание на готовности бюрократии принять новшества.

Во-первых, ни в западной, ни тем более в отечественной политологии проблематика нормотворчества в полной мере теоретически не осмыслена. В частности, нет научно обоснованных оценок эффективности использования различных коммуникативных инструментов, нет мотивационных моделей привлечения граждан к процессу нормотворчества, отсутствует теоретическое осмысление механизмов возникающих обратных связей между чиновниками и населением в условиях применения технологий «электронного правительства» и т.д. Негативное влияние оказывает неспособность значительной части ученых преодолеть междисциплинарные границы, существование которых характерно для гуманитарной сферы телекоммуникаций.

Во-вторых, зарубежная практика свидетельствует о высоком уровне «информационного шума», возникающего в процессе обсуждения затрагивающих интересы людей нормативных актов. Одной фильтрации не заслуживающих внимания предложений будет недостаточно, поскольку на каждую поправку в законодательство участнику обсуждения должен быть дан аргументированный ответ. Отсутствие же ответа – это удар по самой идее привлечения граждан к активному участию в политической жизни, в том числе с использованием возможностей сети Интернет. В вузах не только региона, но и страны в целом практически не готовят экс-

пертов по гуманитарным аспектам применения телекоммуникаций, и поэтому в обозримой перспективе ждать прихода в органы власти специалистов соответствующих специальностей не приходится.

В-третьих, низкий уровень правовой и политической культуры значительной части населения будет отражаться на качестве общественных комментариев. Соответственно, низкая эффективность обсуждения будет использоваться противниками реформ для дискредитации самой идеи общественного обсуждения нормативных актов, а лоббисты будут применять новую для России политическую технологию в узкокорыстных целях.

В-четвертых, как было указано выше, рассматриваемая нами политическая технология имеет прямое отношение к «электронному правительству». Однозначно выраженное стремление высших руководителей страны изменить ситуацию должно стать толчком для пересмотра представителями бюрократии восприятия роли новых технологий в развитии страны и входящих в ее состав регионов.

На наш взгляд, все вышеупомянутые проблемы решаемы при наличии политической воли. Достаточно показательно, что в США вопросами участия общественности в процессах нормотворчества с использованием телекоммуникационных технологий занимались администрации Билла Клинтона, Джорджа Буша (мл.), а сейчас эти вопросы, несмотря на мировой финансово-экономический кризис, волнуют и Барака Обаму. Такого рода дискурс вполне объясним – речь идет о повышении эффективности функционирования государства, а это уже сфера национальной безопасности. И перед отечественной политической наукой открывается новое поле инновационных исследований, результаты которых должны использоваться непосредственно на практике.

Политические аспекты общественных инициатив, реализуемых с помощью инструментов современных телекоммуникаций, только в последние десятилетия попали в фокус исследовательского интереса политической науки. Исследователями в разных странах разрабатываются соответствующие теоретико-правовые понятия и категории, что способствует формированию понятийной основы.

Основой исследований могут стать базовые разработки крупнейших исследователей политических процессов, труды как отечественных политологов, так и зарубежных по данной проблематике. При этом важно делать акцент не только на теоретическое осмысление, но главное – на учет накопленного опыта правоприме-

нения и возможность его адаптации в условиях модернизации современной России.

Как писал Мишель Фуко, «история государства должна создаваться из самой практики людей, из того, что они делают, из того, как они мыслят. Государство как образ действия, государство как образ мысли <...>. Между уровнями микровласти и макровласти нет никакого разрыва, и, говоря об одном, можно говорить и о другом тоже. Анализ в терминах микровласти без труда сопрягается с анализом таких проблем, как управление и государство» [4].

Большой вклад в формирование научной базы данной тематики внесли П.Е. Губин [5], В.Г. Елизаров [6], А.Я. Жабин [7], Ю.Е. Паулова [8].

Теоретико-правовой анализ процессов формирования и развития новых политических практик в Российской Федерации возможен с учетом многофакторности изменений, происходящих в современном обществе. Поэтому на основе исследования характерных черт современного общества в России З.К. Буклова приходит к выводу о том, что современное информационное общество как этап развития цивилизации представляет собой исторически сложившуюся форму совместной деятельности людей, основанную на обеспечении приоритета информации по сравнению с другими ресурсами, а также на преобладающем использовании информационно-телекоммуникационных технологий для решения основных задач жизнедеятельности человека и формирования социальных связей [9, с. 1524–1531].

Участие граждан в процессах нормотворчества в юридических науках рассматривается как инструмент формирования правового общества, теоретические основы которого сформулировал Дэвид Труман [3].

Технологически-социальные инновации, в частности телекоммуникации, способствовали приданию нового качества существующей уже шесть десятилетий технологии прямых взаимодействий граждан с государством – «электронному нормотворчеству граждан». Тем самым доступ к правовой информации переходит на

новое качество, способствуя переходу правовой системы через петли обратной связи с обществом на более высокий уровень правосознания социума и увеличивая число факторов, влияющих на адаптацию нормативной базы к нуждам модернизации страны.

Методологические основы обеспечения информационной безопасности представлены в работах А.А. Стрельцова [10]. Изучались политико-правовые проблемы предоставления доступа к информации во время выборов [11, с. 26–29], проблемы доступа СМИ к общественно значимой информации госорганов [12]. Содействие участию граждан в совершенствовании разрабатываемого и существующего законодательства зарубежными исследователями часто представляется как альтернатива бюрократическому планированию процессов нормотворчества [13].

Важное место в исследовательском дискурсе занимает и изучение зарубежного опыта, в частности роли «электронного правительства» в противодействии системной коррупции [14, с. 48–53]. Зарубежные исследователи отмечают, что общественное участие в процессах законодательства является проявлением демократии [15, р. 1421–1478; 16, р. 389–405], а консультации с общественностью повышают легитимность правящей элиты [17]. Как пишет Джефффри Лабберс, общественные комментарии «будут намного полезнее, если их авторы будут иметь доступ к комментариям других» [18, р. 214]. Тем самым происходит содействие политическим процессам, связанным с динамикой в политической жизни. Когда общественные значения и знания способствуют решению застарелых политических проблем, результаты оказываются лучше, чем это могли бы обеспечить чиновники [19].

В этой сфере зарубежные авторы [20] перечисляют несколько первичных областей, представляющих исследовательский интерес: способность публики комментировать; способность публики искать и рассматривать предложенные другими инициативы; способность анализировать общественные предложения.

1. Habermas J. *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy*. Cambridge, MA, 1996.

2. Dahl R. *Who governs?* New Haven, 1961.

3. Truman D. *The Governmental process: Political interests and public opinion*. N.Y., 1960.

4. Фуко М. *Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984: в 3 ч. / пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М., 2002. Ч. 1.*

1. Habermas J. *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy*. Cambridge, MA, 1996.

2. Dahl R. *Who governs?* New Haven, 1961.

3. Truman D. *The Governmental process: Political interests and public opinion*. N.Y., 1960.

4. Fuko M. *Intellectuals and power: the articles and interviews, 1970–1984: in 3 pt. / transl. from Franch by S.Ch. Ofertas; gen. ed. by V.P. Vizgin, B.M. Skuratov. Moscow, 2002.*

5. Губин П.Е. *Право на информацию и обязанность по ее предоставлению как элементы правового статуса субъекта предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.*
6. Елизаров В.Г. *Свобода массовой информации в Российской Федерации: конституционные основы и правовые ограничения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.*
7. Жабин А.Я. *Реализация гражданских и политических прав и свобод в Российской Федерации: конституционные гарантии и ограничения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.*
8. Паулова Ю.Е. *Ограничение экономических прав и свобод: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.*
9. Буклова З.К. *Исторические этапы развития (становления) российского правосознания и его особенности // Право и политика. 2009. № 7.*
10. Стрельцов А.А. *Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы / под ред. В.А. Садовниченко и В.П. Шерстюка. М., 2002.*
11. Нечипоренко Т.В. *Некоторые правовые проблемы информационного обеспечения выборов в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2009. № 10(58).*
12. Башаратьян М.К. *Свобода слова: проблема правовых пределов // Государственное управление и право: сб. науч. тр. / под общ. ред. И.Н. Барцица; отв. ред. Е.Ю. Куреева. М., 2007. Вып. 4.*
13. Frissen P.H.A. *Politics, governance and technology: a postmodern narrative on the virtual state. Cheltenham, 1999.*
14. Солодов В.В. *E-government и борьба с коррупцией // Вестн. Московского университета. Сер. 11: Управление (Государство и общество). 2006. № 1.*
15. Brandon Barbara H. and Robert D. Carlitz. *Online rulemaking and other tools for strengthening civic infrastructure // Administrative law review. 2002. № 54(4).*
16. Carlitz Robert D. and Rosemary W. Gunn. *Online rulemaking: a step toward e-governance // Government information quarterly. 2002. № 19.*
17. Paehlke R. *Environmentalism and the future of progressive politics. New Haven, 1989.*
18. Lubbers Jeffrey S. *A guide to federal agency rulemaking. 3d ed. Chicago, IL, 1998.*
19. Beierle Thomas C. and Jerry Crawford. *Democracy in practice: public participation in environmental decisions. Washington, DC, 2002.*
20. Excella Consulting. 2002. *«Cross-Agency eDocket Assistance». A report submitted to the Department of Transportation, Office of the Chief Information Officer, Aug. 23, 2002.*
5. Gubin P.E. *Right to information and the duty to provide it as elements of the legal status of the subject of entrepreneurial activity: diss. ... Master of Law. Moscow, 2004.*
6. Elizarov V.G. *Freedom of the media in the Russian Federation: constitutional frameworks and legal restrictions: diss. ... Master of Law. Moscow, 2003.*
7. Zhabin A.Ya. *Implementation of civil and political rights and freedoms in the Russian Federation: constitutional guarantees and limitations: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2006.*
8. Paulova Yu.E. *Limitation of the economic rights and freedoms: the theoretical-legal analysis: diss. ... Master of Law. Moscow, 2007.*
9. Buklova Z.K. *Historical stages of development (formation) of the Russian legal consciousness and its peculiarities // Law and policy. 2009. № 7.*
10. Streltsov A.A. *Ensuring the information security of Russia. Theoretical and methodological bases / ed. by V.A. Sadovnichy and V.P. Sherstyuk. Moscow, 2002.*
11. Nechiporenko T.V. *Some legal problems of information support of elections in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2009. № 10(58).*
12. Basharatyan M.K. *Freedom of the word: the problem of legal limits // State governance and the law: coll. of sci. papers / gen. ed. by I.N. Bartsis; resp. ed. E.Yu. Kireeva. Moscow, 2007. Vol. 4.*
13. Frissen P.H.A. *Politics, governance and technology: a postmodern narrative on the virtual state. Cheltenham, 1999.*
14. Solodov V.V. *E-government and anti-corruption // Vestnik of Moscow University. Ser. 11: Management (State and society). 2006. № 1.*
15. Brandon Barbara H. and Robert D. Carlitz. *Online rulemaking and other tools for strengthening civic infrastructure // Administrative law review 2002. № 54(4).*
16. Carlitz Robert D. and Rosemary W. Gunn. *Online rulemaking: a step toward e-governance // Government information quarterly. 2002. № 19.*
17. Paehlke R. *Environmentalism and the future of progressive politics. New Haven, 1989.*
18. Lubbers Jeffrey S. *A guide to federal agency rulemaking. 3d ed. Chicago, IL, 1998.*
19. Beierle Thomas C. and Jerry Crawford. *Democracy in practice: public participation in environmental decisions. Washington, DC, 2002.*
20. Excella Consulting. 2002. *«Cross-Agency eDocket Assistance». A report submitted to the Department of Transportation, Office of the Chief Information Officer, Aug. 23, 2002.*

Федорова Екатерина Владимировна
 аспирант кафедры истории и теории социологии
 Московского государственного университета
 имени М.В. Ломоносова
 (e-mail: catherinef@rambler.ru)

Социологический анализ учения о правосознании И.А. Ильина в контексте осмысления духовно-ценностного состояния постсоветской России

В статье проводится социологический анализ учения о правосознании отечественного правоведа и государствоведа, религиозного мыслителя И.А. Ильина. Автор рассматривает взгляды И.А. Ильина на сущность правосознания и его роль в жизни общества, приводит данную мыслителем оценку состояния российского правосознания в разные исторические периоды, а также предлагает использовать его идеи в качестве пути преодоления правового нигилизма и духовного кризиса в современной России.

Ключевые слова: правосознание, положительное право, естественное право, кризис правосознания в России, «нормальное правосознание», аксиомы «нормального правосознания», монархическое правосознание.

E.V. Fedorova, Post-graduate of a Chair of History and Theory of Sociology of the Lomonosov Moscow State University; e-mail: catherinef@rambler.ru

Sociological analysis of I.A. Ilyin's doctrine of legal awareness in the context of understanding the spiritual and the value state of post-Soviet Russia

The article presents a sociological analysis of the doctrine of legal awareness worked out by Russian specialist in studying of law and state, religious thinker I.A. Ilyin. The author considers I.A. Ilyin's views on the essence of legal awareness and its role in society, provides thinker's assessment of Russian legal awareness state in different historical periods, as well as proposes to use his ideas as the way of overcoming the law nihilism and the spiritual crisis in modern Russia.

Key words: legal awareness, positive law, natural law, crisis of legal awareness in Russia, «normal legal awareness», axioms of «normal legal awareness», monarchical legal awareness.

В настоящее время феномену правового сознания уделяется все больше внимания, поскольку без адекватного восприятия политико-правовых аспектов социальной реальности невозможно сформировать развитое гражданско-правовое общество, что на данный момент является приоритетной целью развития Российского государства. В связи с этим категория «правосознание» довольно детально изучается многими социальными науками, в частности, она становится предметом исследования социологии, которая делает акцент на том, что правосознание является одной из форм общественного сознания, а значит, представляет собой явление социальное. Оно отражает уровень общественно-прогресса и в то же самое время является средством воздействия на социальные инсти-

туты, причем не только государственно-правовые. Правосознание во многом характеризует социальную структуру общества и выступает одним из ключевых факторов обеспечения социальной стабильности и солидарности. Оно имеет тесную связь не только с политической сферой общественной жизни, но и с социальной, экономической и духовной. Именно духовная обусловленность правосознания, а также права, государства, власти и в целом политико-правовой реальности является центральной идеей в творчестве одного из выдающихся отечественных правоведов и государствоведов эпохи русского Серебряного века, социального философа и религиозного мыслителя Ивана Александровича Ильина (1883–1954).

И.А. Ильин внес огромный вклад в различные области научного знания, о чем свидетель-

ствуют слова его ученика и одного из авторитетнейших исследователей его творчества Н.П. Полторацкого, который утверждал, что И.А. Ильин был по своей жизненной деятельности и своим умственным интересам человеком разно- и многосторонним: оратором, лектором, педагогом, публицистом и редактором; ученым-исследователем – философом, правоведом и государствоведом, а также искусствоведом, литературоведом и историком; задолго до появления этих терминов он был россиеведом и советоведом [1, с. 249]. Однако именно политико-правовые взгляды И.А. Ильина оказались наиболее актуальными и своевременными в первые годы после распада Советского Союза, когда российская общественность смогла открыто познакомиться с трудами и трагической судьбой мыслителя. Огромный интерес вызвали его размышления о сущности власти, государства, права и особенно их характерных чертах, присущих непосредственно русскому национальному характеру, не меньшее внимание привлекло и разработанное И.А. Ильиным учение о правосознании, его духовной природе, его роли и в жизни общества, и в жизни отдельно взятой личности.

Категории «правосознание» И.А. Ильин придавал особое значение, т.к. рассматривал ее в качестве краеугольного камня всей системы социальных отношений, как связующее звено между человеком и обществом, как гарант поддержания социального порядка и сохранения гармонии между всеми сферами общественной жизни. В связи с этой огромной значимостью данного феномена И.А. Ильин довольно много говорил о правовом сознании в своих статьях, публичных лекциях, ему он посвятил свою фундаментальную работу «О сущности правосознания», написанную еще в 1919 г. и изданную только в 1956 г.

В своем учении о правосознании русский мыслитель подчеркивал, что жизнь каждого человека слагается при его участии и под его руководством. Но правовое сознание нельзя отождествлять с «законосознанием», как это делали многие дореволюционные мыслители, оно вообще не сводится к одному «знанию», но включает в себя все основные функции душевной жизни: и прежде всего – волю и притом именно – духовно воспитанную волю, а затем – и чувство, и воображение, и все культурные и хозяйственные отправления человеческой души [2, с. 160]. Следовательно, несмотря на то, что люди все же должны знать законы своего государства, составляющие положительное право, правосознание представляет

собой нечто большее, оно, будучи одной из важнейших составляющих философского акта, есть непосредственное, интуитивное проникновение в высший духовный смысл правовых отношений [3, с. 85].

И.А. Ильин подчеркивает, что правосознание выступает в качестве основы права как такового и представляет собой право-чувствование, право-воление, право-мышление и, наконец, право-деяние [2, с. 387]. Более того, русский мыслитель понимает правосознание как главный источник естественного права, т.е. права, соответствующего самому «естеству» человека как духовно-нравственного существа [4, с. 80] и включающего в себя правовые нормы, которые согласуются с моралью и принципом справедливости. Таким образом, И.А. Ильин понимает правосознание как некий мост между естественным и положительным правом, позволяющий первому стать одновременно и основой, и идеалом для второго.

И.А. Ильин особое значение придавал тому факту, что правосознание есть не просто социальный феномен, через который осмысливается и право, и государство, и власть, и само общество, а в большой степени оно представляет собой их духовное понимание и переживание. Сам социальный мир рассматривается им как духовная реальность, в которой главной составляющей является человеческая душа, соответственно, правосознание имеет духовные корни и религиозно обусловленное содержание. Русский мыслитель подчеркивал, что религия как осуществление «царства Божия» невозможна вне права и его признания, т.е. вне правосознания... Потребность в религии порождает потребность в духовной свободе, а потому и в правопорядке; вот почему религиозность не раз являлась в истории глубочайшим источником правосознания, а право на религию становилось безусловным и священным основанием борьбы за политическую свободу. Именно борьба за свободу совести способна придать народному правосознанию ту духовную основу, которая налагает в дальнейшем отпечаток подлинного благородства на всю его политическую историю [2, с. 390].

Таким образом понимаемое правосознание будет напрямую зависеть от тех духовно обусловленных процессов, которые происходят в обществе на том или ином этапе его становления и развития. И.А. Ильин пытался охарактеризовать эти процессы и соответствующую им степень развитости правосознания людей. Так, современный ему исторический период, а это первая половина XX столетия, русский

мыслитель описывал как эпоху великого духовного разоблачения и пересмотра [2, с. 151], когда огромное число войн и потрясений ожесточило человеческую душу. Все это обнажило глубокий кризис правосознания всего цивилизованного человечества, причины которого, по мнению И.А. Ильина, кроются в торжестве рассудка над вдохновением, расчета над сердцем, механического над органическим, внешнего опыта над внутренним опытом [5, с. 342]. В связи с этим, общественное правосознание наполнилось релятивизмом и неопределенностью, а право потеряло свою объективную ценность, т.к. люди перестали его уважать и воспринимали его лишь как неприятное стеснение или в лучшем случае – удобное средство для защиты и нападения [2, с. 159].

Но в большей степени И.А. Ильина волновало состояние правосознания в России, которое, с одной стороны, впитало в себя многие негативные тенденции, проявившиеся в западной, «буржуазной» культуре, а с другой стороны, под воздействием исторических событий обнажило недостатки и слабости, заложенные в самом менталитете русского народа. Прежде всего, И.А. Ильин констатировал глубокий кризис правосознания в России эпохи конца XIX – первой половины XX в., который во многом стал причиной Октябрьской революции 1917 г., за которой последовало свержение монархии и образование Советского государства. Сутью данного кризиса, по мнению русского мыслителя, стал недостаток истинного и верного монархического правосознания, которое веками формировалось и воспитывалось в русском народе. Оно было затемнено или вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества и даже русского генералитета, – анархо-демократическими иллюзиями и республиканским образом мыслей, насаждавшимися и распространявшимися мировую закулису с самой французской революции. Оно имело в простонародной душе своего вечного конкурента – тягу к анархии и к самочинному устройению... [6, с. 94–95]. Следовательно, народные массы утратили веру в Царя и впали в состояние черни, для которой принципы бесчестия и вседозволенности стали определяющими; русская интеллигенция также утратила уважение к праву, но при этом стремилась коренным образом переустроить саму структуру власти в России, опираясь на веру в необходимость установления республики и формирования демократических основ общества, что, по мнению И.А. Ильина, фактически отрицало все многовековые русские традиции;

а монархическая власть оказалась слабой и безвольной, вследствие чего потеряла свою легитимность в обществе и практически беспрепятственно позволила себя свергнуть.

В Советском Союзе, по мнению И.А. Ильина, сама идея правосознания стала ненужной, т.к. мешала лидерам большевистской партии осуществлять тотальный контроль над действиями и мыслями людей. В тоталитарном государстве, коим и оказалось советское общество, коммунистическая идеология пыталась погасить в человеческих душах религиозно-совестное чувство добра и зла, т.е. намеревалась деморализовать граждан, чиновников и самую государственную форму [7, с. 239]. В результате всего этого произошел отрыв русских людей от своих духовных корней, и прежде всего от религии, воспитание в каждом человеке угодливого и деморализованного раба [7, с. 240], а также утрата национально-патриотического чувства. В итоге новое, социалистически-тоталитарное государство... обдуманно, принципиально и последовательно заменяет идею правосознания идеей рабочувствия [7, с. 242].

И наконец, И.А. Ильин пытался предсказать – и события 1990-х гг. показали поразительную точность его прогнозов – состояние правосознания в постсоветской России, т.к. он никогда не сомневался, что чуждый русскому национальному характеру большевизм будет обязательно свергнут. Русский мыслитель предрекал, что процесс освобождения от тоталитарного гнета и возрождения страны будет проходить болезненно и обнажит все пороки и недостатки и российского общества, и правосознания всех социальных слоев. И.А. Ильин отмечал, что в постсоветской России предстоит нищета граждан и государственное оскудение: классическое последствие всех длительных революций и войн... Национальные обиды и племенные претензии будут разжигаться снаружи – и иноземными врагами и «своими» предателями, давно уже мечтающими ликвидировать Россию. И ко всему этому прибавится разногласия интеллигентски-эмигрантских «политических партий», заручившихся выдуманными «программами» и закулисными субсидиями [8, с. 464].

В таких условиях повсеместное распространение получают правовой нигилизм, отсутствие законности, бесправие граждан и произвол органов государственной власти, а также беспрецедентная правовая безграмотность и безответственность. Эти выводы И.А. Ильина подтверждают и современные исследования политического участия россиян, их отношения

к институтам государства и права, в целом к политической сфере общества. Так, согласно данным опросов общественного мнения, проведенных Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр) в 2012 г., примерно 88% жителей России не проявляют большого интереса к политике (интересуются ей в средней, малой степени, или она их совершенно не интересует), около 77% не готовы активно участвовать в ней [9, с. 29], порядка 48% согласились с утверждением, что политика нагоняет на них тоску [9, с. 31], и 81% респондентов заявили, что такие люди, как они, не могут влиять на принятие государственных решений в стране [9, с. 38].

Эти данные подтверждают, что в современной России необходимо разработать эффективные принципы и меры, позволяющие преодолеть болезненное состояние российского правосознания. Как раз такого рода идеи и предложил И.А. Ильин, введя категорию «нормальное правосознание» и сформулировав три его основные и неизменные аксиомы. Само понятие «нормальное правосознание» означает обращение человека к своему внутреннему духовному опыту, что помогает ему правильно прочувствовать и воспринять духовный смысл права, не пытаться сводить его лишь к своим индивидуальным желанием, потребностям и суждениям, а рассматривать как некий верный масштаб и некое верное правило поведения [2, с. 179] для всех людей. «Нормальное правосознание» – это всегда инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру [2, с. 231], которая выражается в чувстве совести, чести и долга.

«Нормальное правосознание», по мнению И.А. Ильина, всегда должно характеризоваться наличием в любом обществе, имеющем любую политическую форму, трех аксиом.

1. Чувство собственного духовного достоинства.

Оно выражается, прежде всего, в самоуважении, когда каждый социальный субъект, будь то личность, народ, государственная власть или армия, признает и почитает в себе духовную силу, направленную на самосовершенствование и на благое преобразование окружающего мира. Особенно важным И.А. Ильину представляется национальное самоуважение, для формирования которого культура каждого народа должна накопить целый пантеон духовных достижений и побед – личных и объективированных, как в религии и добродетели, так и в искусстве, как в государственном строительстве, так и в войне за родину [2, с. 321]. Что каса-

ется современной России, то большинство ее жителей признают, что таких достижений у нее немало, и это вызывает у них чувство гордости. Так, согласно данным Левада-Центра, около 77% россиян гордятся тем, что они являются гражданами России [9, с. 17], 19% очень гордятся научными и техническими достижениями в стране, 29% – достижениями в спорте, 28% – в области литературы и искусства, 22% – российскими вооруженными силами и 39% – российской историей [9, с. 18]. Однако примерно 52% респондентов заявили, что они испытывают стыд за те события, которые в настоящее время происходят в России [9, с. 22], а это означает, что россияне хотят видеть свою страну сильным и достойным уважения государством, но пока у них нет подлинного национального самоуважения и чувства собственного духовного достоинства, т.к. человек в российском обществе все еще не является приоритетной ценностью.

2. Способность к волевому самоуправлению.

В рамках этой аксиомы И.А. Ильин делает акцент на том, что «нормальное правосознание» становится возможным только при условии наличия у людей автономии и свободной воли, когда каждый человек может самостоятельно отличать добро от зла, видеть, где кончается право и начинается обязанность, принимать осознанные решения и не бояться нести ответственность за содеянное. Именно способность к волевому самоуправлению позволяет людям активно участвовать в жизни государства, что, по мнению русского мыслителя, есть высокое и почетное право: оно делает человека гражданином... [4, с. 121]. В современной же России ее жители, напротив, демонстрируют равнодушие к политике и отчужденность от государственной деятельности, они не желают проявлять гражданские инициативы и под своими правами понимают обязанности государства, которые оно (государство, прежде всего государственные чиновники) должно им «преподнести» [10, с. 51]. Все это указывает на отсутствие у русских людей способности к самоуправлению, подкрепляемое вдобавок и особенностями политико-правового менталитета. На это обращал внимание и И.А. Ильин, подчеркивая необходимость осуществления в России всенародного правового воспитания и образования. Потребность в этом чувствует и современная российская общественность, в частности, согласно данным Левада-Центра, 69% россиян полагают, что чувство патриотизма необходимо воспитывать с детства и в семье, и в школе, и с помощью СМИ [9, с. 18].

3. Взаимное духовное признание.

«Нормальное правосознание» немислимо без взаимного уважения и доверия субъектов правоотношения, поскольку оно понимается И.А. Ильиным как взаимосвязь разных духовных существ, обладающих своими уникальными личностными характеристиками, стремлениями, мотивами и образом мысли. Успех правоотношения и достижение взаимопонимания зависят от того, будут ли открыты все эти качества в другом человеке, будет ли признано его безусловное духовное достоинство. Именно принятие во внимание духовной природы субъектов права делает возможным уважительные и доверительные отношения между ними. Причем правопорядок, чувство единения и солидарности в обществе возможны только при установлении такого рода отношений и на уровне межличностного общения, и когда речь идет о взаимодействии граждан и власти. В современной же России можно наблюдать повсеместное отсутствие доверия и уважения людей друг к другу. Так, по словам директора Левада-Центра Л.Д. Гудкова, в России низкое межличностное доверие («большинству людей доверять нельзя, к ним следует относиться с осторожностью») коррелирует с низким уровнем признания индивидуальной ответственности, гражданской солидарности, недоверием к политике или общественной деятельности, отчуждением, дистанцированием от политики, негативным отношением к правительству и местной власти, депутатскому корпусу, сознанием собственной невозможности влиять на принятие решений властями разного уровня, а также неготовностью участвовать в общественных делах или в акциях, выходящих за рамки проблем повседневной жизни или партикулярных связей (семья, родственники, друзья, коллеги, соседи) [11, с. 17].

Приведенные выше данные исследований и заключения социологов показывают, что на сегодняшний день в России нельзя говорить о существовании «нормального правосознания», а события последних десятилетий также демонстрируют невыполнение сформулированных И.А. Ильиным аксиом. Более того, не учитываются его идеи о связи государственной формы с исторически обусловленным типом народного правосознания. Выделяя два таких типа –

монархический и республиканский, И.А. Ильин был убежден, что русская культура, сформировавшаяся под влиянием Православия, придавала особые черты и политико-правовому менталитету русского народа. Для него характерен именно монархический тип правосознания с его глубокой религиозностью, стремлением к справедливости, но одновременно слабостью и неразвитостью, потребностью в сильной власти и честном правителе, а также неприятием к формально-правовым категориям, свойственным странам Запада. По мнению русского мыслителя, республиканская форма правления не соответствует исторически сформировавшемуся в России типу правосознания, что подтверждают и данные социологических исследований, к примеру, 75% россиян полагают, что они не смогут прожить без опеки государства [9, с. 40]. Но при этом монархическая форма правления должна основываться на принципах права и участия граждан в управлении государством, что, безусловно, соответствует общемировым тенденциям и потребностям самих россиян: 63% жителей России считают, что стране нужна демократия, однако 38% заявили, что она должна быть совершенно особой, соответствующей национальным традициям и специфике российского общества [9, с. 25].

Таким образом, взгляды и идеи И.А. Ильина относительно феномена правосознания являются очень ценными, т.к. позволяют понять не только его важное место в общественной жизни и в поддержании солидаристских отношений между социальными субъектами, но и раскрывают его духовную природу и непосредственную связь с духовным состоянием самого общества. Соответственно, российское правосознание тесным образом связано с историей и духовной культурой русского народа, которые обуславливают его совершенно особое отношение к власти, праву и государству. Поэтому без обращения к его национальным традициям, к глубинам его коллективного бессознательного невозможно найти верный путь развития страны, преодоления ее духовно-ценностного кризиса и напрямую от этого зависящего совершенствования общественного правосознания. В этом смысле творчество И.А. Ильина становится особенно актуальным и для социологии, и для других общественных наук.

1. Полторацкий Н.П. И.А. Ильин // Русская религиозно-философская мысль XX века: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975.

1. Poltoratzky N.P. I.A. Ilyin // Russian religious-philosophical thought of the XXth century: coll. of papers / ed. by N.P. Poltoratzky. Pittsburgh, 1975.

2. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4.
 3. Евлампиев И.И. Философские и правовые взгляды И.А. Ильина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 3.
 4. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4.
 5. Ильин И.А. Кризис безбожия // Ильин И.А. Собр. соч. М., 1993. Т. 1.
 6. Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. М., 2008. Т. 1.
 7. Ильин И.А. Политическое наследие революции // Там же. Т. 2.
 8. Ильин И.А. Очертания будущей России // Там же. Т. 1.
 9. Общественное мнение – 2012: ежегодник. М., 2012.
 10. Глухарева Л.И. Права человека в современной России // Общественные науки и современность. 2010. № 4.
 11. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестн. общественного мнения. 2012. № 2.
2. Ilyin I.A. On the essence of conscience of law // Ilyin I.A. Coll. works: in 10 vol. Moscow, 1994. Vol. 4.
 3. Evlampiev I.I. I.A. Ilyin's philosophical and legal views // News of higher educational institutions. Science of law. 1992. № 3.
 4. Ilyin I.A. General theory of law and state // Ilyin I.A. Coll. works. Vol. 4.
 5. Ilyin I.A. The crisis of godlessness // Ilyin I.A. Coll. works. Moscow, 1993. Vol. 1.
 6. Ilyin I.A. Why did the monarchy crush in Russia? // Ilyin I.A. Our tasks. Articles of 1948–1954: in 2 vol. Moscow, 2008. Vol. 1.
 7. Ilyin I.A. The political legacy of Revolution // Ibid. Vol. 2.
 8. Ilyin I.A. The outlines of future Russia // Ibid. Vol. 1.
 9. Public opinion – 2012: yearbook. Moscow, 2012.
 10. Gluhareva L.I. Human rights in modern Russia // Social sciences and modernity. 2010. № 4.
 11. Gudkov L. «Trust» in Russia: meaning, functions, structure // Russian public opinion herald. 2012. № 2.

Артеменко Надежда Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических
и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: pestnya@yandex.ru)

Белогуров Станислав Викторович

ассистент кафедры организации перевозок и управления на транспорте
Института морского транспортного менеджмента, экономики и права
Государственного морского университета
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
(e-mail: belogurov_stas@mail.ru)

Организация проектной деятельности в вузе в условиях перехода на стандарты нового поколения

В статье рассматривается вопрос необходимости формирования проектно-исследовательских умений будущих специалистов посредством использования в процессе обучения интерактивных технологий. Обозначены потенциальные возможности проектной деятельности в формировании профессионально значимых компетентностей будущих специалистов.

Ключевые слова: проект, проектная деятельность, компетентность, подготовка специалиста, рефлексия.

N.A. Artemenko, Master of Pedagogics, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Humanities, Socioeconomic, Information and Law Disciplines of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: pestnya@yandex.ru;

S.V. Belogurov, Assistant of a Chair of Organization of Transportations and Management on Transport of the Institute of Maritime Transport Management, Economy and Right of the Admiral Ushakov Maritime State University; e-mail: belogurov_stas@mail.ru

The organization of design activity in higher education institution in the conditions of transition to standards of new generation

In article the question of need of formation of design and research abilities of future experts by means of use in the course of training of interactive technologies is considered. Potential opportunities of design activity in formation of professionally significant competences of future experts are designated.

Key words: project, design activity, competence, preparation of the expert, reflection.

Ситуация в современном высшем образовании такова, что переход на новые образовательные стандарты требует формирования новой системы профессионального образования, системы, в которой преподавательский корпус будет способен обеспечить интеграцию академического и профессионального образования с развитием личности посредством использования инновационных образовательных технологий.

Современные педагогические технологии, являясь предметом изучения и инструментом для организации занятий в активном режиме, создают условия для реализации творческого

потенциала преподавателя и обучающегося, формируя таким образом готовность к реализации требований новой образовательной парадигмы.

Основа содержания образования – это не только конкретные предметные знания, которые необходимо усвоить, это еще умение найти необходимую информацию, применить ее в различных профессиональных ситуациях, преобразовать ее; умение работать в команде, разрабатывать и осуществлять проекты, умение учиться – самостоятельно отыскивать и осваивать те знания, которые необходимы для решения конкретной задачи. Желаемый

результат обучения в высшей школе сегодня – это развитые мыслительные умения и творческие способности: критическое, логическое, аналитическое мышление, находчивость, умение ставить и решать проблемные задачи, обобщать, выделять главное. Все это находит отражение в понятии «компетентность».

Наиболее правильным, на наш взгляд, является понимание компетентности как интегративного качества личности, сформированного на основе совокупности предметных знаний, умений, опыта, отраженных в теоретико-прикладной подготовленности к их реализации в деятельности на уровне функциональной грамотности [1, с. 14]. То есть компетентность необходимо рассматривать как синтез когнитивного, предметно-практического и личностного опыта.

Изменение требований к специалистам продиктовано появлением новых типов теоретических и практических задач, отличающихся системным и междисциплинарным характером, нестандартностью, глобальностью возможных последствий. Такие задачи не имеют простых и однозначных решений, что требует существенного изменения характера всей профессиональной деятельности и обуславливает необходимость подготовки специалистов нового типа, умеющих видеть ситуацию в целом, подойти к поиску решения творчески, способных прогнозировать его результат, осознающих свой личный вклад и ответственность. Успешность решения реальной профессиональной задачи определяется компетентностью специалиста. Эти требования прописаны в ФГОС ВПО нового поколения [2; 3]. Мы полагаем, что проектная деятельность способствует овладению знаниями, умениями, навыками и позволяет приобрести опыт их использования при решении определенного круга социально-профессиональных задач средствами новых информационных технологий, а также умение совершенствовать свои знания и опыт в профессиональной области.

Поскольку для современного образования характерно обновление содержания на основе компетентностного подхода, сейчас идет формирование новых представлений о качестве образования, формулируются и предъявляются новые образовательные цели и требования к профессиональным умениям и навыкам специалиста. Необходимо заметить, что в ФГОС ВПО первого и второго поколения нет указания на то, какими качествами личности должен обладать выпускник, какие ценностные ориентации у него необходимо формировать.

Практически эти образовательные стандарты предполагали наличие у будущих специалистов исключительно знаний, умений и навыков. В новом стандарте заявлена необходимость развития личности студента, его способностей. В связи с этим мы предположили, что проектирование, или проектная деятельность, позволяет создать такие психолого-педагогические и организационно-методические условия, при которых у студента появляется возможность раскрыться как субъекту учебной деятельности. В рамках данного предположения был составлен курс по выбору, получивший название «Основы проектной деятельности».

Курс предлагается для изучения в рамках блока общепрофессиональных дисциплин и рассчитан на 36 аудиторных часов.

Цель курса – создать условия для формирования и совершенствования у будущих специалистов навыка разработки социально значимых проектов посредством использования в процессе обучения интерактивных технологий.

Достичь этой цели можно путем знакомства с проектной методикой в целом, исследования технологии использования этой методики на производстве и овладения методикой разработки проектов. Кроме того, этот курс позволит научиться анализировать собственный опыт проектирования.

На занятиях рассматриваются проектно-технологические подходы в подготовке будущих инженеров, особое внимание уделяется освещению творческой составляющей системы подготовки специалиста (формы и методы подготовки) и процесса осуществления творческой деятельности в учебном процессе (этапы проектной деятельности: поисковый, конструкторский, технологический, аналитический). Кроме того, на занятиях студенты рассматривают философские, социальные, психолого-педагогические основы технологии использования проектной методики в деятельности специалиста (происходит обобщение уже опубликованного опыта применения проектной методики). Обязательным является включение в процесс творческой практической деятельности, по окончании происходит обсуждение созданных проектов.

Последующие занятия посвящаются корректировке создаваемых студентами проектов. Корректируется не только тема, но и тип проекта, цели, задачи, направленность проекта, продолжительность проведения, возраст участников, предполагаемое место проведения, оборудование и оформление.

После того как проект оформлен, автор (авторы) представляет его в аудитории односторонних, отвечает на вопросы. Обязательным является коллективное обсуждение представленного проекта.

Предлагаемый нами курс «Основы проектной деятельности» предполагает диалогизацию процесса обучения, в котором составленный студентом проект является своеобразной реакцией на педагогическое воздействие. Кроме того, курс позволяет одновременно достигать следующие цели: 1) дидактическую (работа отражает решение поставленной учебной задачи); 2) развивающую (воображение, образное мышление студентов, творческие способности); 3) воспитательную (формирование субъективной оценки, способствующей проявлению индивидуальности на поле общения).

Проектирование предполагает использование диалогических методов обучения, которые лежат в основе интерактивных технологий, и полилогических форм, организующих многостороннее общение, которое чаще всего носит характер своеобразной борьбы за овладение коммуникативной инициативой и связано со стремлением эффективной ее реализации. Типичными единицами диалога являются действие, высказывание и слушание. Это позволяет участникам вести действия, которые способствуют совместному решению проблем путем апробации и выбора наиболее эффективных стратегий.

В рамках освоения курса в 2011/2012 г. студентами ФГБОУ ВПО «Морская государственная академия им. адмирала Ф.Ф. Ушакова» был создан социально значимый проект «Площадка инновационного развития “Молодежная школа 2.0”». Руководителями проекта стали заведующий кафедрой профессиональной педагогики, психологии и культурологии кандидат философских наук, доцент С.В. Панченко, ассистент кафедры организации перевозок и управления на транспорте С.В. Белогуров.

Участниками проекта стали студенты ФГБОУ ВПО «Морская государственная академия им. адмирала Ф.Ф. Ушакова», курсанты Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России, учащиеся средних профессиональных образовательных учреждений и общеобразовательных школ г. Новороссийска.

Проект получил поддержку Фонда подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» (договор гранта от 7 октября 2011 г. № 354-05).

Следует отметить, что среди городских общественных организаций, пропагандирующих

техническое творчество и литературно-публицистическую деятельность, данный проект вызвал положительную реакцию, выразившуюся в предложении о дополнительных занятиях со школьниками, что не входило в рамки проекта, но несомненно его обогатило. Так, в состав участников проекта изъявили желание войти отделение ДОСАФ и союз писателей г. Новороссийска. Таким образом, на первом этапе реализации проекта запланированные мероприятия были выполнены полностью. Ожидаемые результаты совпали с фактическими.

В целом к процессу реализации проекта было привлечено более 200 студентов и школьников, которые приняли участие в лекциях, практических занятиях и мастер-классах, направленных на создание кадрового резерва в сфере инженерии и журналистики. Авторами проекта были созданы условия, которые позволили 60% занятий проводить в интерактивной форме.

Итак, реализация проекта началась с организации двух условных школ (площадок) – инженерной школы «Механикус» и школы журналистики «Молодой репортер». Каждый участник мог выбрать то, что ему интересно, самостоятельно оценивал, что ему ближе. В этом заключался один из способов нивелирования «мотивационного разрыва», когда «давай попробуем творить вместе» замещает неуверенность в своих возможностях. Занятия проходили в 2 этапа – зимняя и летняя школы. В зимней школе был сделан упор на теоретические занятия и мастер-классы практикующих специалистов, которые позволили молодым инженерам общаться, дискутировать и узнавать тонкости профессии инженера (конструктора). Летом все силы были направлены на практическую часть, а именно: инженеры с помощью научных руководителей воплощали идеи своих собственных проектов в жизнь с применением полученных знаний в программах Autocad и Photoshop, а журналисты практиковались в написании материалов, посещали редакции газет, журналов, телевидения, радио с полноценным внедрением в новую профессию (это был второй этап реализации проекта).

Статьи, написанные начинающими журналистами, и проекты юных инженеров были по достоинству оценены, опубликованы рядом СМИ (порталы: ИТАР ТАСС, Юга.ру, Югополис, Склад умов, Новороссийская новостная лента; газеты: «Новороссийский рабочий», «Вольная Кубань», «Наш Новороссийск») и представлены сюжетами на телевидении («9 канал», «Студия 3», «Новая Россия»).

По окончании двух сезонов школ был проведен круглый стол с присутствием почетных гостей из администрации города Новороссийска, экспертов и специалистов. На презентации юные инженеры представили инженерные работы с практической составляющей, готовой для внедрения и получения патента (проекты «Умный дом», «Новое поколение дорог», «МиниГЭС», «Магнитные аттракционы»). Журналисты, в свою очередь, на суд экспертов представили конкурсные работы на тему «Молодая наука», результатом чего стали публикации в центральных СМИ Южного региона.

По итогам круглого стола участники подготовили программу поддержки молодых изобретателей в городе Новороссийске и представили ее на утверждение главы города и городской думы.

Так, по результатам проекта 16 победителей и призеров школы журналистики были приняты в состав редакции интернет-СМИ «Склад умов», 7 человек трудоустроены в краевые СМИ, 8 выпускников школы «Молодой репортер» проходили стажировку в пресс-службе администрации города-героя Новороссийска; 11 участников инженерной школы «Механикус» вошли в состав городской исследовательской «Технической лаборатории», 6 проектов выпускников школы представлены к получению патента на изобретение.

Описанный нами проект реализовывался для создания научно-творческой площадки молодежи и школьников, которая позволит организовать среду вовлечения их в продуктивную деятельность. По сути, авторам и руководителям проекта удалось привлечь школьников и студентов к процессу изобретательской деятельности и включить их в пространство медиа-проекта как непосредственных конструкторов этого пространства. Участники проекта выступали в некоторых случаях как руководители проектных групп, в некоторых случаях – как исполнители.

В рамках проекта была создана такая среда, в которой параллельно велась учебная, воспитательная и научная работа со студентами.

В 2012 г. студенческая инициативная группа составила проект, получивший название «Маркир». Проект задумывался как школа информационных технологий. Позже название трансформировалось, проект стал называться «Информационно-технологическая площадка Маркир». Проект получил поддержку Фонда подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» (договор гранта от 23 ноября 2012 г. № 232-06).

Авторы проекта поставили перед собой задачу формирования команды из молодых

людей, умеющих правильно выражать свои мысли, анализировать, творчески подходить и воспроизводить в социальных сетях положительную и социально значимую информацию.

Реалии сегодняшнего времени таковы, что в Интернете зачастую невозможно установить четкие критерии того, для людей какого возраста предназначена та или иная информация (на телевидении, радио и в печатной прессе присутствует попытка контроля качества выпускаемой информации в связи с введением Закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Руководители и участники проекта задумались над вопросом, как научить молодежь создавать и распространять в виртуальном пространстве информацию, которая будет важна и нужна людям.

Целевой аудиторией данного проекта стали учащиеся школ, колледжей, профессиональных училищ и вузов Краснодарского края. К процессу реализации проекта привлечено более 100 студентов и школьников. Основными способами привлечения явились презентации проекта в школах, ссузах и вузах Краснодарского края. Были охвачены вузы: ГМУ имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийский филиал КубТУ, Новороссийский филиал КубГУ, Новороссийский филиал КрУ МВД России; ссузы: Новороссийский колледж строительства и экономики, Новороссийский радиоколледж; школы: МТЛ, Навигацкая школа, № 22, № 40. Также информирование потенциальных участников осуществлялось посредством СМИ (газета «Новороссийский рабочий») и Интернета (admnvrsk.ru, nmnews.ru, sklad-ymov.ru, novorab.ru).

В марте – мае 2013 г. работала весенняя школа информационных технологий «Маркир». В рамках проекта для участников была предусмотрена практическая работа на весенних и летних каникулах с посещением мероприятий «Новороссийское Сколково» и «IT город», где желающие могли представить результаты своих изысканий и опубликовать информационные отчеты о мероприятиях.

Чем был интересен этот проект? Это была попытка, на наш взгляд, успешная, научиться безопасно работать в сети Интернет, попытка обезопасить себя от ложной информации и научиться писать журналистские заметки. Два мастер-класса, проведенных редактором отдела молодежной политики газеты «Вольная Кубань» Инной Волковой и ведущим блогером Краснодарского края Евгением Мошкариним, позволили обсудить проблему засилия Интернета негативной информацией, которая наиболее разрушительно воздействует именно на

молодых людей, создавая в их сознании некий виртуальный мир.

Наблюдения за участниками проекта, реальные результаты проектной деятельности позволили нам убедиться в том, что предложенный нами курс «Основы проектной деятельности» позволяет успешно формировать у будущих специалистов следующие профессионально значимые умения:

научно-исследовательские (научно-вспомогательная деятельность в составе группы, подготовка объектов исследования, составление рефератов и библиографических списков);

проектные (планирование и проведение прикладных работ в соответствии со специализацией, получение материалов для прикладных разработок, патентная работа, подготовка материалов к публикации, оформление проектной, сметной и отчетной документации);

организационно-управленческие (планирование и проведение исследовательских и производственных мероприятий, организация семинаров, конференций);

просветительские (организация просветительской работы).

Участие в проектной деятельности нашло отражение в портфолио участников. Обязательным было требование не только размещения информации о том, в каком проекте студент принял участие, но и наличия анализа проделанной работы. Способность к рефлексии, на наш взгляд, наилучшим образом демонстрирует, способен ли человек реализовать компетентность в конкретной практической де-

ятельности (так называемая компетентность в действии).

Итак, использование интерактивных технологий в рамках освоения курса «Основы проектной деятельности» позволило организовать процесс обучения, в котором с небольшими временными затратами происходит эффективное развитие творческих способностей студентов, способностей к рефлексии, проектированию инновационной деятельности и пониманию современных приоритетов. Также развиваются навыки группового взаимодействия, а через него – приобщение к культуре принятия решений, к соучастию в процессе организации и управления деятельностью [4, с. 90]. Все указанные формы работы позволяют совершенствовать знания, повышают мотивацию усвоения студентами содержания образования и способствуют формированию общекультурных и профессиональных компетенций.

В заключение необходимо отметить, что проектное обучение – технология, которая делает знания обучающихся действительными, расширяет их кругозор, формирует познавательный интерес. Здесь ценен не только результат, но и сам процесс работы над проектом. Подобная работа позволяет готовить специалистов, способных адаптироваться к быстро меняющимся реалиям окружающей действительности, способных не только воспринимать, хранить и воспроизводить информацию, но и продуцировать новую, управлять информационными потоками и эффективно их обрабатывать.

1. Старков С.А. Информационная компетентность студентов вуза: понятие и пути формирования // Научные исследования в образовании. 2006. № 6. С. 14–18.

2. Юриспруденция. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (квалификация «бакалавр») [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/591/73591>

3. Технология транспортных процессов. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (квалификация «бакалавр») [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/704/73704>

4. Макаренко Ю.Б. Особенности профессионального самоопределения курсантов вуза МВД России // Вестн. Краснодарского университета МВД России. 2013. № 1. С. 88–91.

1. Starkov S.A. Information competence of students of higher education institution: concept and formation ways // Scientific researches in education. 2006. № 6. P. 14–18.

2. Jurisprudence. Federal state educational standard of higher education (qualification «bachelor») [Electronic resource]. URL: <http://window.edu.ru/resource/591/73591>

3. Technology of transport processes. Federal state educational standard of higher education (qualification «bachelor») [Electronic resource]. URL: <http://window.edu.ru/resource/704/73704>

4. Makarenko Yu.B. Features of professional self-determination of cadets of higher education institution of the Ministry of the Interior of Russia // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2013. № 1. P. 88–91.

Жуйков Андрей Алексеевич

доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических
и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России

Растворцева Ирина Анатольевна

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры гуманитарных,
социально-экономических и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России

(e-mail: dremagel@mail.ru)

Проблема становления и развития региональных исследований образования

Статья посвящена рассмотрению основных этапов развития региональных исследований в области образования. Изучение местной (региональной) истории образования, исследование его местной специфики и региональных особенностей помогает установлению общих историко-педагогических закономерностей, способствует накоплению фактологической базы истории, в том числе истории образования как отрасли научного знания.

Ключевые слова: регионализация образования, местная история, региональная историография, воспитание.

A.A. Zhukov, Assistant Professor of a Chair of Humanities, Socioeconomic, Information and Law Disciplines of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

I.A. Rastvortseva, Master of Pedagogics, Senior Teacher of a Chair of Humanities, Socioeconomic, Information and Law Disciplines of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dremagel@mail.ru

The problem of emergence and development of regional researches of education

The article is devoted to consideration of the main stages of development of regional researches in the field of education. Studying of local (regional) history of education, research of its local specifics and regional features helps establishment of the general historical and pedagogical regularities, promotes accumulation of factual base of history, including education history as branches of scientific knowledge.

Key words: education regionalizations, local history, regional historiography, education.

Исторической, а также историко-педагогической наукой за последнее время накоплен значительный по объему и широте охвата массив теоретических и эмпирических данных в области исследований региональной образовательной политики Российского государства. Поэтому исследования регионального характера в области образования имеют собственную историю в отечественной и зарубежной науке. В связи этим представляется целесообразным рассмотреть основные, наиболее существенные этапы развития региональных исследований в истории российской мысли.

Регионология как одно из направлений исторической науки выделяется в России в первой трети XIX в. В данный период ученик М.П. Погодина К.Н. Лебедев ввел понятие

«местная история», с помощью которого осуществлял обозначение генезиса территорий (регионов). Он исходил из признания того, что «разнообразие местных историй» есть результат взаимодействия «психических», т.е. духовных, и «физико-географических» условий. Тем самым он ставил «форму нации» в определенную зависимость от местной специфики, а ее существо, т.е. «менталитет», – от «духа», или «души», народа. «Дух народа, – писал историк, – определяет общее направление, местность придает ему частное русло».

Престольный интерес к изучению местной истории отразился во взглядах В.О. Ключевского утверждавшего, что «изучение местной истории дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии».

Отсюда он делал вывод о том, что «все исторически слагавшиеся общества – все различные местные сочетания разных условий развития. Следовательно, чем больше изучим мы таких сочетаний, тем полнее узнаем свойства и действие этих условий, каждого в отдельности и в данном наиболее своеобразном подборе... Изучая местную историю, мы познаем состав людского общежития и природу составных его элементов» [1, с. 36, 39].

Безусловно, приведенное утверждение в полной мере относится к изучению местной (региональной) истории образования, которое является одной из составных частей духовной жизни общества, а потому исследование его местной специфики и региональных особенностей помогает установлению общих историко-педагогических закономерностей, способствует накоплению фактологической базы истории, в том числе истории образования как отрасли научного знания.

Изучение и осмысление местной истории, в частности и истории образования, первоначально было связано со сбором данных по истории конкретных регионов в целом.

Немаловажным фактом является то, что по инициативе графа П.Н. Румянцева в начале XIX в. были начаты архивные изыскания в Смоленской, Новгородской, Архангельской, Харьковской и Вятской губерниях. В своей деятельности он опирался на местных историков – любителей старины, главным образом преподавателей учебных заведений.

С 1829 г. огромная работа по сбору местного материала проводилась археографической экспедицией Российской академии наук, члены которой П.М. Строев и Я.И. Беренников изучили, в частности, свыше двухсот архивов и библиотек Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Московской, Новгородской, Псковской, Тверской, Ярославской, Вятской, Казанской и Нижегородской губерний. Благодаря местным энтузиастам проводилась работа по поиску и сохранению древних рукописей и памятников старины.

В этой работе вместе с педагогами активное участие принимали священнослужители. Представители этих двух категорий «местной интеллигенции» и становились первыми летописцами своего края, публиковавшими в неофициальной части губернских и епархиальных «Ведомостей» свои первые работы по истории учебных заведений. Во многих регионах регулярно выходили краеведческие издания, в которых очень заметное место занимали материалы по истории местного образования.

Существенную роль в развитии регионального направления в российской исторической науке играли губернские статистические комитеты, которые стали создаваться в 1834 г. В них также отражались сведения о динамике регионального развития образования.

В дальнейшем в задачу деятельности комитетов, помимо сбора и анализа статистической информации по своим регионам, стало входить обобщение материалов исторического, экономического и культурологического характера, а самое главное – подготовка данных для ежегодных отчетов губернатора царю. Такие отчеты включали в качестве обязательного раздела сведения, характеризующие состояние народного образования в губернии, прежде всего о количестве школ (их типах и степени укомплектованности кадрами и оборудованием), уровне грамотности населения и степени охвата обучением детей школьного возраста. Статистические данные нередко сопровождались соображениями по улучшению состояния школьного дела и пожеланиями в адрес вышестоящего начальства. Достаточно часто эти сведения были приукрашенными, что выяснилось в период передачи школ в ведение земств, но в целом они дают достаточно объективное представление о состоянии школьного дела в тот или иной исторический период.

В процессе по сбору указанного материала наибольшее участие принимали, прежде всего, заведующие народными училищами и учителя.

В первой половине и середине XIX в. происходит активизация изучения традиций воспитания различных народов и региональной педагогической практики. Это явление было связано с актуализацией процесса повышения социальной значимости образования, формирования российского образовательного пространства как самостоятельного отраслевого элемента научного знания, дифференциации различных сторон культурной жизни страны – художественной, научной, литературной и т.д. Данные изменения в определенной степени стимулировались открытием Министерства народного просвещения, образованием общероссийской школьной системы и другими важными причинами. В работах прогрессивных российских историков и педагогов этого периода региональные аспекты отчетливо не выражены. На передний план ими выдвигались задачи, связанные с воспитанием любви к Родине, к России в целом. Это объяснялось, прежде всего, тем обстоятельством, что перед наукой тогда в качестве наиболее актуальной стояла проблема создания целостной государственной концепции истории

Российского государства, где акцент должен был ставиться на объединяющие различные регионы элементы, т.е. на общее, а не на специфическое. Вот почему представляется возможным выделить лишь отдельные элементы того, что можно отнести, подчас достаточно условно, к области регионалистики.

Н.М. Карамзин утверждал, что каждый должен «расти в своем Отечестве и заранее привыкать к его климату, обычаям, характеру жителей, образу жизни и правления» и что «в одной России можно сделаться хорошим русским» [2, т. 1, с. 487, 56]. Историк приводил примеры и регионального характера: «Лапландец, рожденный почти в гробе природы, несмотря на то любит хладный мрак земли своей... Само расположение нервов, образованных в человеке по климату, призывает нас к родине... Всякое растение имеет более силы в своем климате: закон природы и для человека не изменяется». Н.М. Карамзин отмечал также, что «естественные красоты и выгоды Отчизны» усиливают любовь человека к Родине, а тем более к некоторым землям, «обогащенным природою» [2, т. 1, с. 59].

А.И. Герцен с диалектических позиций вставал против признания неких абсолютных идеалов и целей воспитания, не зависящих от конкретных условий времени, страны и якобы пригодных для всех народов. Он проводил мысль о том, что «воспитание должно быть климатологическое», что «как для каждой эпохи – так и для каждой страны, еще более для каждого сословия, а может быть, и для каждой семьи должно быть свое воспитание» [3, с. 90]. Подобные взгляды высказывал и С.П. Шевырев, утверждавший, что «воспитание каждого народа должно быть созидаемо на коренных основах его бытия», под которыми историк понимал быт семейный и быт государственный.

В вышеприведенных высказываниях отчетливо прослеживается мысль о зависимости характера от местных (региональных) условий, однако механизм взаимосвязи этих явлений не раскрывается. Эта мысль стала одной из ведущих в педагогическом наследии В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, К.Д. Ушинского, впоследствии она воплотилась в их концепции народности воспитания, подчеркивавшей, прежде всего, опору на родной язык, природное и социальное окружение учащихся.

В.Г. Белинский высказывал сожаление, что народность выпускается у нас из вида в процессе воспитания. Часто дети знают о древнегреческих авторах, об исторических деятелях европейской истории, но не знают о сокровищах своей народной поэзии и русской литературы, о

Петре I и т.д. «Давайте детям больше и больше созерцание общего, человеческого, мирового; но преимущественно старайтесь знакомить их с этим через родные и национальные явления, – советовал выдающийся мыслитель. – Общее проявляется только в частном, кто не принадлежит своему Отечеству, тот не принадлежит и человечеству» [4, с. 83–84]. В.Г. Белинский защищал право каждого народа на культурное развитие, ибо человек приобщается к общечеловеческому через национальное начало [4, с. 218–224].

Особый вклад в развитие идей народности воспитания и обучения в направлении регионализма был осуществлен Н.Г. Чернышевским, признававшим за каждым народом права требовать, чтобы его дети получали образование на собственном языке, в соответствии со своими «племенными» особенностями. В ту эпоху, когда господствующей официальной идеологией в отношении нерусских народов в России было русификаторство, позиция Н.Г. Чернышевского безусловно имела прогрессивную общественную направленность.

Изучение опыта работы учебных заведений в ряде европейских стран, в частности учительских семинарий в Швейцарии, позволило К.Д. Ушинскому сделать вывод о том, что одной из отличительных черт являлся индивидуальный стиль деятельности, базировавшийся на исторических, региональных особенностях местности, в которой они располагались. Он приводит любопытный пример, достойный подражания, что в швейцарских школах преподается предмет «отчизноведение» (Heimatskunde).

Можно утверждать, что региональный компонент исторической, а также педагогической науки, основы которого заложены в трудах упомянутых выше деятелей культуры и педагогики, а также местных авторов, носил в дореформенный период неявно выраженный, главным образом описательный характер. Значительное усиление интереса к региональной истории начиная с 1860-х гг. во многом связано с последствиями проведения буржуазных реформ, когда передовая научная мысль обратилась, в частности, к изучению исторического прошлого регионов России. Выдвинутая А.П. Шаповым концепция «областной» истории имела принципиальное значение для деятельности провинциальных историков дооктябрьского периода, поскольку она теоретически доказывала их «право» на разработку истории своего края [5, с. 6].

Определить возрастающую роль «провинциальных центров» попытался секретарь Нижегородского статистического комитета, редактор

«Нижегородского сборника» А.С. Гацисский. Он отмечал, что обобщение материала в рамках всей страны лишает отдельные области их «физиономии», и предлагал создать особые органы для изучения региональной истории. Именно губернские статистические комитеты и стали в этот период такими органами. Их деятельность значительно активизировалась в 1862 г., когда во главе центрального статистического комитета встал П.П. Семенов-Тянь-Шанский. В 1867 г. комитетам было официально вменено в обязанность изучение местной истории, в том числе истории регионального образования.

Проблематика исследований в области истории местного образования формировалась в основном стихийно.

Попытка соединения архивных изысканий с научно-исследовательской работой в области изучения местной истории народного образования была осуществлена в ходе работы губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), которые стали создаваться с 1884 г. по инициативе директора Археологического института Российской академии наук, академика Н.В. Калачева. В 1884–1916 гг. ГУАК были созданы в 29 губерниях, ими было издано 897 книг. Всего в 1759–1917 гг. в России действовало 71 научно-историческое общество, причем их наибольшее количество возникло в пореформенную эпоху: в 1863–1904 гг. – 35, в 1905–1916 гг. – 26.

Развитие региональной историографии и регионального направления в историко-педагогической науке продолжалось в первое послеоктябрьское десятилетие в специфической форме краеведения, в том числе педагогического краеведения. Д.С. Лихачев отмечал, что чрезвычайно важной и исключительно редкой особенностью «этого самого массового вида науки» является отсутствие у него различных уровней – для специалистов и для широкой публики; краеведение «само по себе популярно и существует постольку, поскольку в его создании и потреблении участвуют массы».

В данный период краеведение широко включалось в учебно-воспитательный процесс, что было, прежде всего, связано с внедрением исследовательского и трудового методов и требованиями программ ГУСА о необходимости серьезного изучения местного края под углом зрения «нового революционного человека».

В то же время в период нараставшего в стране тоталитаризма всякое положительное упоминание о достижениях дореволюционной системы образования воспринималось настороженно и не приветствовалось органами власти. По существу, единственным временным

вектором в краеведении стало в тот период изучение современного состояния материальной и духовной жизни общества.

Введение в первое послеоктябрьское десятилетие значительного по объему краеведческого материала в процесс обучения в школе обосновывалось не столько стремлением обогатить учащихся знаниями о родном крае, сколько соображениями дидактического характера, желанием «поставить учащихся в положение исследователей». Исследовательский метод, с которым связывали учебное (школьное) краеведение, способствуя в определенной степени развитию самостоятельности и творческой активности учащихся, имел и немало недостатков, наиболее существенными из которых являлись переоценка исследовательских возможностей детей и недооценка важности систематического вооружения их научными знаниями, непроизводительные затраты времени на малоэффективные поисковые виды занятий.

Процессы, которые прошли над академиками – историками С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле, экономистами А.В. Чаяновым, Н.Д. Кондратьевым и другими учеными, придававшими большое значение региональным исследованиям, на три десятилетия фактически остановили деятельность всех краеведческих организаций и обществ. В 1929 г. в СССР их было 1761, но впоследствии их поставили вне закона («кулацкое, меньшевистско-эсеровское» и «архивно-археологическое» краеведение, «проникнутое идеологией русской великодержавности»). Фактический разгром региональной историографии означал и наложение существенных ограничений на тематику, а главное – на содержание работ по истории регионального образования.

В данном ключе любопытно мнение А.П. Беликовой о том, что российская локальная тематика по вопросам образования представлена, мягко говоря, бедновато. Это, считает она, относится в первую очередь к вопросам истории образования в отдельных регионах России, что не может создать благоприятных условий для сравнительно-сопоставительного анализа и обобщений, без которых, как известно, невозможно осуществление исследования целостного историко-педагогического процесса и создание синтетических трудов по истории образования и педагогической мысли как в отдельно взятых регионах, так и в России в целом [6, с. 24].

Весьма близкое мнение высказывает Э.Д. Днепров, который, отмечая как положительный факт то обстоятельство, что пореформенная эпоха (1861–1917 гг.) является наиболее полно отраженной в отечественной историографии, указывает,

что, тем не менее, ряд важнейших вопросов ее истории, в частности «историческая география школьного дела», до настоящего времени не получили даже самого поверхностного освещения в исследованиях. Также, по его мнению, о историко-педагогической литературе еще не выяснено общее и особенное в эволюции народного образования в различных регионах страны, на различных этапах ее социально-экономического развития. Необходимы более глубокие

исследования проблемы изучения учительства в плане «региональных и национальных срезов».

Чрезвычайно актуальными можно считать также проблемы взаимодействия и взаимопроникновения педагогических традиций и достижений различных регионов России, межнационального педагогического общения и его влияния на пробуждение национального педагогического самосознания, на развитие национальной школы и мысли.

-
1. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М., 2011.
 2. Карамзин Н.М. Сочинения. СПб., 1848.
 3. Герцен А.И. Кто виноват? М., 1972.
 4. История педагогики в России: хрестоматия для студентов гуманитар. фак-тов высш. учеб. заведений. / сост. С.Ф. Егоров. 2-е изд. М., 2002.
 5. Щапов А.П. Сочинения: в 3 т. СПб., 1906.
 6. Беликова А.П. Основные тенденции развития содержания школьного образования в Сибири в период двадцатых годов (1920–1931 гг.). М., 1992.

-
1. Klyuchevsky V.O. Course of the Russian history. Unabridged edition in one volume. Moscow, 2011.
 2. Karamzin N.M. Compositions. St. Petersburg, 1848.
 3. Herzen A.I. Who is guilty? Moscow, 1972.
 4. Pedagogics history in Russia: reader for the students of humanitarian faculties of higher educational institutions / comp. S.F. Egorov. 2nd ed. Moscow, 2002.
 5. Shchapov A.P. Compositions: in 3 vol. St. Petersburg, 1906 .
 6. Belikova A.P. The main tendencies of development of the maintenance of school education in Siberia during the twentieth years (1920–1931). Moscow, 1992.

Щуров Евгений Андреевичкандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: e.a.mvd@inbox.ru)

Ценностные ориентации в саморазвитии личности курсантов в процессе подготовки в вузе МВД России

В статье рассматриваются ценностные ориентации в саморазвитии личности курсантов в процессе подготовки в вузе МВД России.

Ключевые слова: ценностные ориентации, педагогические условия, мировоззрение, саморазвитие, направленность, компетентность.

E.A. Schurov, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: e.a.mvd@inbox.ru

Value orientations in self-development of cadets personality in the process of preparation in high school of the Ministry of the Interior of Russia

The article considers the value orientation in self-development of cadets personality in the process of preparation in high school of the Ministry of the Interior of Russia.

Key words: value orientation, pedagogical conditions, worldview, self-development, orientation, competence.

Сущностными характеристиками саморазвития сотрудников полиции в процессе обучения в вузе МВД России являются смысло-жизненные ориентиры и ценности, которые направлены на формирование потребности в профессиональном саморазвитии и осознанное развитие личностных качеств и профессиональной компетентности.

При профессиональной самореализации курсантов важнейшим организационно-педагогическим условием является формирование ценностных ориентаций. В настоящее время проблема ценности приобретает огромное значение. Это объясняется тем, что процесс обновления всех сфер общественной жизни обусловил появление новых явлений, как положительных, так и отрицательных. Развивающийся научно-технический прогресс, индустриализация и информатизация всех сфер современного общества порождает рост негативного отношения к истории, культуре, традициям и ведет к девальвации ценностей в современном мире.

Для подготовки кадров системы МВД одной из значимых задач является формирование ценностных ориентаций курсантов посредством целостной организации процесса образования и самообразования на основе

гуманистических ценностей и принципов общекультурного развития личности. Вуз МВД России – это специфическое учебное заведение, в котором курсанты одновременно с учебной несут службу в нарядах и караулах, постигают основы патрульно-постовой службы, участвуют в охране общественного порядка. Специфика подготовки курсантов в ведомственных вузах заключается в четко определенной сфере профессиональной деятельности будущих выпускников, в прогнозируемости потребности в кадрах правоохранительных органов. Вуз МВД, являясь сложной социально-педагогической системой, способен обеспечить выполнение социального заказа только при эффективном управлении, профессиональной компетентности сотрудников полиции. Все это предопределяет создание особых условий для профессионального саморазвития курсантов. С одной стороны, система профессионального образования в вузе МВД объективно включает в себя ряд взаимообусловленных подсистем: общекультурного развития и воспитания, профессионального обучения и самообразования, самовоспитания и самосовершенствования личности. С другой стороны, специальная организация в вузе единого образовательного процесса направляется на конкретизацию и

преобразование ведущих значимых мотивов, целей и потребностей курсантов. Для этого требуется педагогическое влияние на их ценностные ориентации и профессиональные установки.

Ценностные ориентации личности как универсальная категория играют ключевую роль в профессиональной культуре сотрудника правоохранительных органов. В последние годы данная проблема стала объектом исследования в философии, психологии, педагогике, социологии, вне рамок которых немыслимо построение современной системы высшего образования. Вместе с тем, несмотря на то, что понятию ценностных ориентаций личности отводится одно из центральных мест, само понятие требует уточнения. Поэтому необходимо рассмотрение подходов к исследованию ценностных ориентаций личности на основе базисных принципов, имеющих общенаучный статус.

Роль ценностных ориентаций личности курсантов, их значение в системе профессиональной деятельности сотрудников МВД России заключаются в том, что они выступают регулятивной основой выбора необходимого сценария деятельности в зависимости от условий ее осуществления на современном этапе. Свообразие направлений деятельности, возложенных государством на органы внутренних дел, важнейшим из которых является борьба с преступностью, определяет требования к сотруднику полиции и, как следствие, цели, формы и содержание профессиональной подготовки кадров системы МВД России.

Особенности профессиональной деятельности сотрудников системы внутренних дел Российской Федерации заключается в том, что она осуществляется в интересах жизнеобеспечения общества посредством специальных морально-психологических механизмов, а ее форма и содержание определяются государством в зависимости от условий и тенденций общественного развития. В этой связи специфичность профессиональной деятельности сотрудника системы МВД России определяется: познавательным характером деятельности, требующим не только решения сложных мыслительных задач, но и организации практического их осуществления; наличием у сотрудников системы МВД России властных полномочий, определяющим условием применения которых являются правомерность и целесообразность, что в значительной степени зависит от ценностных личностных качеств сотрудника, уровня его профессиональной подготовки; экстремальным характером деятельности в условиях современной криминальной среды.

Ценности не подлежат логической проверке и обоснованию; это интеллектуально и эмоционально воспринимаемые данные, побуждающие людей к их сохранению, и обладанию ими, деятельностью на их основе. Проблеме изучения ценностей уделялось внимание в педагогических исследованиях (С.Т. Шацкий [1], А.С. Макаренко [2], В.А. Сухомлинский [3], Ш.А. Амонашвили [4], Е.В. Бондаревская [5], Д.И. Жанбуршина [6], А.В. Мудрик [7] и др.). В педагогике ценности выступают как нравственный принцип воспитания, как условие для формирования нравственных отношений с окружающими людьми, как средство саморазвития.

В системе психологического знания «ценности» рассматриваются как ориентир нравственного развития личности, сознательного отношения к себе, обществу, труду, природе и выступают одним из главных мотивов саморазвития (А. Маслоу [8], К. Роджерс [9], А. Адлер [10], А.Н. Леонтьев [11], Э. Фромм [12], И.С. Кон [13] и др.).

Для философии ценности представляют объекты интересов личности, позволяющие осознать и осмыслить личностную значимость в повседневной жизни ориентиров развития [14]. В социологии в рамках ценностной проблематики приоритет отдается основе социализации личности, поддержанию нормативного порядка в обществе, идеалам как главным двигателям жизнедеятельности личности в социуме [15]. Анализ научных источников позволил определить понятие «ценности» как отношения, имеющие для будущего сотрудника полиции определенный личностный смысл в жизни, связанный с успешным опытом профессиональной деятельности. Ценности являются ориентиром нравственного и профессионального саморазвития и осмысленного взаимодействия с окружающими.

Исследователи предлагают выделить следующие группы ценностей, которые носят мировоззренческий характер: а) общечеловеческие ценности; б) социальные ценности; в) профессионально-культурологические ценности (Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров, К.М. Хоруженко [16] и др.). Ценности общечеловеческие являются общими для всех людей, для всего человечества как социальной суперсистемы, они выработаны в результате обобщения многовекового опыта социокультурного развития мира. К числу общечеловеческих ценностей относят право на жизнь, труд, образование, личную неприкосновенность и безопасность, равноправие, свободу, собственность, любовь к детям, почитание старших, заботу о близких,

предпринимательство, патриотизм, честность и др. Механизм реализации ценностей общечеловеческих требует признания их приоритета перед ценностями любых социальных и политических структур [16]. Социальные ценности также являются важнейшим элементом культуры, обеспечивающим общую стратегическую линию такой регуляции человека в обществе. На основе социальных ценностей вырабатываются социальные нормы (свобода, равенство, братство, мир, честь, социальная справедливость, гражданский долг и др.). Категорию социальных ценностей ввел в социологию М. Вебер [17].

Будущие сотрудники полиции уже в процессе обучения должны получить необходимые компетенции для работы в социокультурной среде, которая сегодня представляется неоднородной, противоречивой. Группа социальных ценностей имеет большое значение, т.к. они составляют базу профессионального саморазвития сотрудника полиции и включают: приверженность идеям демократии, нацеленность на создание демократических отношений в системе отношений в группе, коллективе; гражданскую зрелость и общественную активность (действенный патриотизм); сформированность профессиональной этики; бережное отношение к общечеловеческим и социальным ценностям; уважительное отношение к законам, правам человека; чувство профессионального долга; ответственное отношение к межличностным отношениям, к судьбе друзей, родных, других людей; соблюдение этики межличностных, межнациональных отношений; профессиональную самоотверженность [18].

Социальные ценности органически связаны с профессионально-познавательной группой ценностей, в них входят: знание сущности культурных ценностей, включенных в профессиональную деятельность сотрудника системы МВД, умение и стремление их сохранить и приумножить, владение профессиональной культурой, знаниями и умениями, необходимыми для эффективного общения.

Важнейшей сферой профессионального саморазвития являются правовые ценности. Уже в процессе обучения курсанты вузов системы МВД России должны уяснить, что в сфере правовых отношений, где основными участниками являются личность, общество и государство, ценности можно рассматривать как субъектно-субъектные связи, которые обладают сложной многоуровневой структурой, сущность которой заключается в единстве значимого и должного, средства и цели, сущего и идеала [19].

Ценностные ориентации способствуют тому, что курсанты в процессе подготовки в вузе осознают сущность правоохранительной деятельности, основанной на праве, которое обладает такими свойствами, как стабильность, строгое определение типовых масштабов поведения. Поэтому в цивилизованном обществе именно право является одним из главных инструментов, способных обеспечить организованность общественной жизни, дисциплины, нормальное функционирование всего общественного организма, действенность социального управления.

Право имеет и собственную ценность, которая в современном обществе приобретает доминирующее значение. Самым общим образом собственную ценность права можно определить как выражение и олицетворение правом социальной свободы и активности людей на основе упорядоченных отношений и в соответствии со справедливостью, необходимостью согласования воли и интересов различных слоев населения, социальных групп. Следовательно, право является уникальной социальной ценностью, поскольку оно воплощает цельный сплав фундаментальных устоев цивилизованной организации жизни общества [20].

При профессиональном саморазвитии курсантов вузов МВД аспект правовых ценностей – это конкретные социально-правовые явления, правовые средства и механизмы, которые являются базовыми при практико-ориентированной подготовке. Это безопасность человека в конфликтных ситуациях, определенность и гарантированность прав; обеспечение истины, правды при решении юридических вопросов; фундаментальные прирожденные права человека, основополагающие демократические правовые принципы; особые правовые средства и юридические механизмы, обеспечивающие ценность права, гарантированность прав, институты, выражающие оптимальное соотношение нормативного и индивидуального регулирования, и т.д.

Формирование системы ценностей происходит в течение всей жизни человека, но наиболее активным периодом является период подготовки в вузе. Именно в практико-ориентированной подготовке заключается педагогическая проблема профессионального саморазвития курсантов на основе ценностных ориентаций.

Для выявления диапазона проявлений ценностных ориентаций в условиях развития и саморазвития личности обратимся к анализу категории «мировоззрение». Термин «миро-

воззрение» традиционно используется как философское понятие, означающее совокупность устойчивых взглядов, принципов, оценок и убеждений, определяющих отношение к окружающей действительности, и характеризующее видение мира в целом и место человека в этом мире [21]. Следовательно, мировоззрение представляет собой систему субъективных образных представлений о жизни.

Выбору той или иной мировоззренческой ценности способствует такой феномен, как ориентация – необходимый компонент любой сферы жизнедеятельности: труда, познания, общения, творчества, который может быть рассмотрен как процесс (действия от замысла до результата) и как результат (достигнутый уровень знаний в определенной области) [22]. Ориентация личности на выбор мировоззренческих ценностей осуществляется осознанно и способствует принятию на их основе жизненно важных решений [23]. Осознание и смысл способствуют интеграции идеального и реального «Я», формированию жизненных ценностей и возможности их реализации [21]. Ориентация личности на ту или иную ценность является системообразующим стержнем жизненного мира человека, учитывающим ее приоритетность, субъективную важность относительно других ценностей, имеющую сложный и многоуровневый характер. Осознание мировоззренческих ценностей порождает ценностные представления, а на основе их создаются ценностные ориентации, которые, в свою очередь, и представляют собой осознаваемую часть системы личностных смыслов.

В психологических исследованиях ценностные ориентации рассматриваются как:

- потребности личности [8];
- личностный смысл [11];
- установки личности на жизненные ценности;

- смысловые ценности;
- отношение личности к жизненным ценностям;
- внутренняя позиция личности;
- направленность личности на жизненные ценности;

- понимание смысла жизни человеком [10] и др.

В то же время ряд авторов полагают, что ценностные образования являются базой для формирования системы личностных смыслов. Формирование и развитие системы личностных смыслов и ценностных ориентаций носит взаимосвязанный характер [23]. Кроме того, ценностно-мировоззренческие ориентации в контексте профессионального саморазвития курсантов представляют собой задачи развития ценностных качеств личности; предъявление и осознание ценностей; становление индивидуального стиля жизни; профессиональное саморазвитие; позитивное изменение личности; способность интериоризации личностно значимых качеств в личностное достояние; развитие способностей; ценностное отношение и др. Ценностно-смысловые ориентации как устойчивые свойства личности формируются и развиваются также в процессе трудовой деятельности [23].

Следовательно, в контексте профессионального саморазвития курсантов в качестве интегрированной категории ценностные ориентации понимаются как система личностно значимых свойств, качеств и идеалов, которые являются для личности приоритетными и жизненно значимыми ориентирами деятельности в условиях практико-ориентированной подготовки в вузе МВД России и представляют собой особые психологические образования, составляющие иерархическую систему и существующие в структуре личности в качестве ее элементов, способствующих развитию конкурентоспособной личности.

1. Шацкий С.Т. Избранные педагогические сочинения. М., 1980. Т. 1, 2.

2. Макаренко А.С. О воспитании молодежи: сб. избр. пед. произведений / ред. Г.С. Макаренко. 2-е изд. М., 1951.

3. Сухомлинский В.А. О воспитании. М., 1973.

4. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. М., 2001.

5. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов н/Д, 2000.

6. Жанбуршина Д.И. Ценностное отношение человека к миру в контексте практической-духовного освоения действительности //

1. Shatsky S.T. Selected pedagogical works. Moscow, 1980. T. 1, 2.

2. Makarenko A.S. On the education of youth: coll. of sel. works / ed. by G.S. Makarenko. 2nd ed. Moscow, 1951.

3. Sukhomlinsky V.A. On education. Moscow, 1973.

4. Amonashvili Sh.A. Reflections on humane pedagogy. Moscow, 2001.

5. Bondarevskaya E.V. Theory and practice of personality oriented learning. Rostov-on-Don, 2000.

6. Zhanburshina D.I. Valuable man's relation to the world in the context of practical spiritual understanding of reality // Problems of formation

Проблемы становления и развития ценностных ориентаций учителя на рубеже XXI века. Тула, 1997. С. 214–215.

7. Мудрик А.В. Социализация человека: учеб. пособие для вузов М., 2004.

8. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой; ред., вступ. ст. и коммент. Н.Н. Акулиной. СПб., 1999.

9. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. с англ. М.М. Исениной. М., 1994.

10. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов, учителей: пер. с нем. М., 2002.

11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2004.

12. Фромм Э. Душа человека. М., 2010.

13. Кикоть В.Я. Система образования МВД России. Вчера. Сегодня. Завтра // *Профессионал*. 2008. № 1. С. 2–6.

14. Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // *Проблема ценности в философии*. М.; Л., 1966.

15. Деркач А.А. Методолого-прикладные основы акмеологического исследования. М., 1999.

16. Хоруженко К.М. Культурология: энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997.

17. Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. М., 1997.

18. Багдасарьян Н.Г., Кансузьян Л.В., Немцов А.А. Инновации в ценностных ориентациях студентов // *Социологические исследования*. 1995. № 4. С. 125–129.

19. Олейников В.С. Теоретические основы нравственно-правового воспитания сотрудника органов внутренних дел России: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1993.

20. Давыдов П.П. Педагогические основы совершенствования правового воспитания курсантов высших политических училищ: дис. ... канд. пед. наук. М., 1980.

21. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

22. Фельдштейн Д.И. Психологические основы формирования нравственных качеств личности в подростковом возрасте: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Душанбе, 1969.

23. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.

and development of value orientations of teachers at the turn of the XI century. Tula, 1997. P. 214–215.

7. Mudrik A.V. Man socialization: study aid for high schools. Moscow, 2004.

8. Maslow A.G. Farthest limits of the human psyche / transl. from English by A.M. Tatlybaeva; ed., introd. art. and comment. by N.N. Akulina. St. Petersburg, 1999.

9. Rogers K. Looking for psychotherapy. Becoming human / transl. from English by M.M. Isenina. Moscow, 1994.

10. Adler A. Practice and theory of individual psychology: lectures to introduce psychotherapy for physicians, psychologists, teachers: transl. from German. Moscow, 2002.

11. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality: study aid. for students of high school. Moscow, 2004.

12. Fromm E. The human soul. Moscow, 2010.

13. Kykot V.Ya. Education system of the Russian Interior Ministry. Yesterday. Today. Tomorrow // *Professional*. 2008. № 1. P. 2–6.

14. Drobniyskiy O.G. Some aspects of the problem of values // *The problem of values in philosophy*. Moscow; Leningrad, 1966.

15. Derkach A.A. Methodology applied bases of acmeological research. Moscow, 1999.

16. Khoruzhenko K.M. Culturology: encyclopedic dictionary. Rostov-on-Don, 1997.

17. Weber M. Favorites. Image of society: transl. from German. Moscow, 1997.

18. Bagdasarian N.G., Kansuzyan L.V., Nemtsov A.A. Innovations in the value orientations of students // *Case studies*. 1995. № 4. P. 125–129.

19. Olejnikov V.S. Theoretical foundations of moral and legal education of the employee of the Interior of Russia: diss. ... Dr of Pedagogics. St. Petersburg, 1993.

20. Davydov P.P. Pedagogical basis for improvement of legal education cadets of higher political schools: diss. ... Master of Pedagogics. Moscow, 1980.

21. Great dictionary of the Russian language / ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, 2000.

22. Feldstein D.I. Psychological bases of formation of moral personality traits in adolescence: auth. abstr. ... Dr of Psychology. Dushanbe, 1969.

23. Rubinstein S.L. Fundamentals of general psychology. St. Petersburg, 2000.

Герасименко Эмилия Васильевна

аспирант кафедры современного русского языка
Кубанского государственного университета
(e-mail: emilia_gerasimenko@mail.ru)

Самоидентификация личности как лингво-философская проблема

Статья посвящена проблематике социальной и личностной идентичности, которая является междисциплинарной, она затрагивает интересы истории, философии, социологии, культурологии, когнитивной психологии, психологии личности, социальной психологии и лингвистики. Особое внимание уделяется языковым аспектам исследования идентичности личности, которые до сих пор остаются на периферии лингвистической науки, несмотря на то, что теория языковой личности относится к ведущим направлениям современной науки о языке.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, философия, лингвистика.

E.V. Gerasimenko, Post-graduate of a Chair of Modern Russian Language of the Kuban State University; e-mail: emilia_gerasimenko@mail.ru

Self-identification as a linguistic-philosophical problem

The article is devoted to problems of social and personal identity, which is interdisciplinary, it affects the interests of history, philosophy, sociology, cultural science, cognitive psychology, psychology of personality, social psychology and linguistics. Special attention is given to the linguistic aspects of the study of identity of the person who still remain on the periphery of linguistic science, despite the fact that the theory of linguistic identity is one of the leading directions of modern linguistics.

Key words: identity, self-identity, philosophy, linguistics.

Термины «идентичность», «самоидентичность», «идентификация» и «самоидентификация» пришли в науку из психологии и социологии. Первыми вопросами идентичности заинтересовались психологи и социологи, которые исследовали культурные компоненты идентичности. Многие современные исследователи отдают предпочтение термину «(само)идентификация», критикуя статичность термина «идентичность». «Идентификация» происходит от лат. *identifico*, что можно перевести как «отождествляю» [1, с. 382]. Идентификация охватывает динамические, процессуальные аспекты формирования идентичности [2, с. 238–239]. В данной работе рассматриваемые понятия будут использоваться в качестве синонимов.

Множество определений идентичности доказывает абстрактность, комплексность и динамический характер идентичности, что делает почти невозможным дать единое четкое определение, разделяемое многими. В исследованиях, посвященных проблематике идентичности, различаются философская самоидентификация (проблема самосознания), психосоциальная идентичность, интегрирующая различные аспекты индивидуальной самоидентификации

(проблема целостного Я и подсознательного, вопрос социальных ролей), а также языковая, лингвистическая самоидентификация (язык – главная проблема современной философии, т.к. не существует мысли, не выраженной в языке; язык – средство манипуляции и т.д.).

Философские аспекты исследования самоидентификации.

Проблема самоидентификации личности в философии исторически представляет собой точку пересечения ряда центральных философских проблем: как может одна и та же вещь сохраняться тождественной себе в разные промежутки времени; проблема природы и сущности Я и самосознания; проблема того, что именно связывает индивид с перспективой своего будущего существования, выживания либо бессмертия. Наиболее распространенным вариантом постановки проблемы является вопрос о том, из чего состоит идентичность личности во времени и каковы ее критерии.

Субстанциалистский вариант решения проблемы (основанием тождества личности является ее Я как субстанция, сохраняющаяся неизменной несмотря на множественность опыта и изменчивость существования) восходит к аристотелевскому понятию «первичной

субстанции», описанной в «Категориях», т.е. понятию конкретного индивидуума, способного оставаться тождественным себе в ходе качественных изменений, субъекта предикатов, самого по себе не приложимого к какому бы то ни было еще субъекту.

Если внимание античности было сосредоточено на бессмертной душе, являвшейся источником постоянства, отделимой от тела как источника изменения, то христианство формирует идею персоны как индивидуального центра выбора и действия, идентичность которой была важна перед лицом Страшного Суда. Личность должна была предстать перед ним единой, а ее жизнь должна была иметь единую локализацию, единый источник ответственности.

В качестве самостоятельной проблемы персональная идентичность обсуждается в сочинениях Д. Локка и Д. Юма, что связано с оформлением либерально-индивидуалистического умонастроения в европейской мысли XVII–XVIII вв. Интерес Д. Локка и Д. Юма к проблеме персональной идентичности связан с дискуссиями о христианской доктрине воскрешения, развернувшимися в XVII в. Многочисленные затруднения, вызванные нарастающими коллизиями между христианским и становящимся секулярным мировоззрением, определили повышенное внимание к способности личности существовать в качестве самодетерминирующегося автономного существа, изменяться, но оставаться при этом единой и той же самой персоной. В то время как здравый смысл предполагает, что критерием самоидентификации личности является идентичность ее тела (такая позиция имела очень мало сторонников среди философов).

С точки зрения Д. Локка, одну и ту же личность образует не одна и та же субстанция, а одно и то же непрерывное сознание. Самоидентификация личности обуславливает то, что она ответственна за свои поступки и может быть за это вознаграждена или наказана. Ответственность за все совершенное базируется на способности человека помнить о совершенных ею в прошлом действиях. Ответственность личности, обеспеченная ее сознанием, становится оправданием справедливости финального приговора, воздаяния и наказания. Этот подход Локка к самоидентификации личности, интерпретированный позднее в качестве теории памяти, стал объектом резкой критики еще со стороны его современников Д. Батлера и Т. Рейда на том основании, что он разрушал представление о том, что существует единая сущность личности, сохраняющаяся во времени, в пользу представления о том, что человек существует время от

времени: раз тождество персоны задается сознанием и только в одном сознании и состоит, то персона, временно утратившая сознание, на это время перестает существовать как та же самая персона. Т. Рейд проиллюстрировал свои аргументы на следующем примере: смелый молодой офицер помнит то, что он сделал, будучи маленьким мальчиком, а пожилой генерал помнит то, что сделал, будучи молодым офицером, но ничего не помнит о том, как он был маленьким мальчиком. Рейд показывает, что генерал и идентичен мальчику (на том основании, что он идентичен офицеру, который, в свою очередь, идентичен мальчику), и не идентичен, ведь он ничего не помнит о действиях этого мальчика.

Для Д. Юма сознание самоидентификации личности должно представлять собой впечатление о Я как объединенном, сложном феномене. Но если мы исходим из того, что наше Я должно быть тождественным самому себе, то таковым должно быть и впечатление, порождающее идею нашего Я. А раз такого неизменного впечатления нет, то нет и идеи Я. Итак, по мнению Д. Юма, Я – это ничто, кроме «пучка восприятий».

Э. Кант полагал, что мы не можем иметь знания о мире, если мы не уверены в единстве своего сознания. Трансценденталистское решение проблемы самоидентификации личности (Р. Декарт, Э. Кант, И. Фихте, Э. Гуссерль) характеризуется сведением ее к проблеме самотождественности субъекта: идентичность коренится в чистом идеальном Я, точнее, в его структуре, которая лежит в основе каждого субъективного акта.

Складывание самобытного варианта осмысления данной проблемы можно усмотреть в трудах русских религиозных мыслителей В.В. Зеньковского и Л.П. Карсавина. Л.П. Карсавин в рамках учения о Симфонической Личности обосновал представление об индивиде лишь как «атоме» личного бытия, сущностно тождественном всем остальным «атомам» тварного мира и получающем смысл существования лишь в силу исполнения в себе высшего начала. В.В. Зеньковский, напротив, предпринял попытку обосновать фундаментальность, «непроизводность» сознания самотождественности как центральной точки внутреннего мира личности, «центральной тайны души», задающей единство прошлого и настоящего в жизни личности, и рассмотреть факт единства личности как изначальную предпосылку всех происходящих с нею изменений. Иной вариант осмысления персональной тождественности, предполагавший «несовпадение» личности самой с собой, содержится в учении М.М. Бахтина, настаивавшего, что к человеку

нельзя применить формулу тождества «А есть А» и что подлинная жизнь личности, ее подлинное Я создается как раз в точке несовпадения человека с самим собой. В своей эстетической теории, особенно в понятии внеаходимости, мыслитель фиксирует механизм идентификации личности с Другим на основе ее отказа от самой себя, что позволяет узнать Другого в его отличии и самого себя в своей дружости.

В последующем развитии европейской философии самоидентификация личности была осмыслена в качестве темпорального и опосредованного феномена, интерсубъективное формирование которого задает контекстуальность его морального измерения. На этот процесс повлиял Гегель, противопоставивший кантовскому трансцендентализму идею исторически формирующегося самосознания и указавший на необходимость другого сознания как необходимого условия достижения истинного самосознания.

Лингвистические аспекты исследования самоидентификации.

Поскольку в центре нашего исследования находятся лингвистические аспекты исследования самоидентификации, необходимо выяснить роль языкового фактора в формировании идентичности.

В различных источниках, посвященных изучению того, как человек проявляет себя в культуре, общепринятыми стали утверждения о неразрывной связи языка и культуры, а также о том, что язык представляет собой один из наиболее существенных признаков идентичности.

Развитие антропологической парадигмы в культурологических и лингвистических исследованиях, рассмотрение межкультурной коммуникации как диалога культур, становление когнитивной лингвистики и теории дискурса позволили подойти к проблеме взаимосвязи «человек – язык – культура» с несколько иных позиций. Культурно-специфичным, относящимся к идентичности субъекта является не сам язык, а особенности его использования для решения разнообразных познавательных и коммуникативных задач в конкретной культурно-языковой среде. Интерпретируя мир, язык является одним из способов фиксации культурно релевантных сведений, следовательно, без знания самой культуры не представляется возможным корректно осмыслить содержание высказывания.

Исследуя процессы формирования языка и порождения речи, Е.С. Кубрякова обобщает наблюдения над функционированием языка и формулирует фундаментальное для языка как этносоциокультурного феномена свойство: «Ключом в познании языка (в лингвистическом, т.е. общенаучном плане) является изучение его

в действии – от его истоков в мыслительной деятельности человека до завершающей стадии оформления мысли в слове и передачи ее в целом в тексте» [3, с. 11].

Социальная, а шире этносоциокультурная сущность языка заключается в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании (коллективном или индивидуальном) как совокупности образов сознания, формируемых и «овнешняемых» с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Соответственно, языковой коллектив, с одной стороны, и конкретный человек, с другой стороны, являются носителями культуры в языке. Человек осознает свою культурную идентичность в рамках своей принадлежности к той или иной культуре, субкультуре. Такое осознание фиксируется в языковом сознании и отражается на коммуникативном поведении.

Языковое сознание – «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, т. е. психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека, это знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» [4, с. 20]. Языковое сознание формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется на протяжении всей жизни, по мере пополнения индивидом знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков.

Коммуникативное поведение – совокупность норм и традиций общения, принятых в той или иной лингвокультуре [4, с. 46]. И.А. Стернин предлагает следующую модель описания коммуникативного поведения той или иной лингвокультурной общности: 1) очерк национального характера; 2) доминантные особенности общения народа; 3) вербальное коммуникативное поведение (нормы речевого этикета и такие сюжеты, как общение с незнакомыми, общение в семье, в официальном учреждении, в гостях и т. д.); 4) невербальное коммуникативное поведение; 5) национальный социальный символизм (символика одежды, цветовых оттенков, подарков, примет и др.) [5, с. 103].

Речевая деятельность осуществляется конкретным субъектом коммуникации и обусловлена его социопсихологической организацией.

В речевой деятельности человека принято выделять пять аспектов: 1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение (сюда входят психические и

соматические особенности человека); 2) коммуникативная потребность, т. е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели; компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить; 4) языковое сознание как коллективное вербальное отражение во внутреннем мире внешнего мира; 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека [6, с. 8].

Языковая способность и коммуникативная потребность выступают как предпосылки для овладения языком и осуществления общения, коммуникативная компетенция – как проявление языкового сознания в выборе средств общения. По убеждению В.И. Карасика, перечисленные компоненты речевой организации человека неоднородны, наиболее конкретным является акт речевого поведения, наиболее абстрактным – языковое сознание человека, включающее чувства, волю, мышление, память в их неразрывном единстве.

Языковое сознание (предмет изучения психолингвистики) считается важнейшим компонентом речевой организации человека, именно языковое сознание обеспечивает механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. В.В. Красных противопоставляет два принципиально различных типа ментальных образований в структуре языкового сознания: знания и представления. Знания трактуются как относительно стабильные, объективные и коллективные информационные единицы, представления – как относительно лабильные, субъективные и индивидуальные сущности, включающие собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними коннотации и оценки. В индивидуальном и групповом языковом сознании знания и представления образуют целостное единство, при этом выделяются три набора знаний и представлений: 1) индивидуальное когнитивное пространство; 2) коллективное когнитивное пространство; 3) когнитивная база [7, с. 41–42].

Индивидуальное когнитивное пространство представляет собой уникальную совокупность всех знаний и представлений данного человека как личности. Коллективное когнитивное пространство – это совокупность знаний и представлений, определяющих принадлежность

человека к той или иной социальной группе, причем, поскольку любой индивид входит в различные малые и большие группы, коллективное когнитивное пространство в его сознании является «лоскутным» образованием, включающим информационные фрагменты различных систем. Когнитивная база содержит необходимые знания и представления, объединяющие всех носителей этих знаний и представлений в «национально-лингвокультурное сообщество» [7, с. 41–45].

Когнитивная лингвистика исходит из положения о том, что в языковом сознании и коммуникативном поведении субъекта коммуникации существуют определенные постоянные характеристики. Различия между людьми, как и различия между народами, подразумевают изначальное и определяющее сходство тех и других. Различия в видении мира сводятся не столько к наличию или отсутствию тех или иных признаков, сколько к степени актуальности выделяемых признаков в их специфической комбинаторике. Постоянные характеристики или константы языкового сознания и коммуникативного поведения определяют тип личности, группы или этноса и в этом смысле выступают как доминанты сознания и поведения. Доминанты сознания и поведения в концентрированном виде выражаются как ценности культуры [6, с. 5–6].

Интерес к изучению языкового сознания как совокупности психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании поставили в центр внимания лингвистики и смежных дисциплин дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [8, с. 136–137].

Современный подход к дискурсу исходит из того, что помимо использования языка в процессе общения его участники «совершают в отношении друг друга определенные коммуникативные действия, в основе которых лежат специфические когнитивные процессы, имеющие место в сознании коммуникантов при порождении и восприятии речи. Рассмотрение дискурса с таких позиций предполагает изучение его как процесса социально обусловленного речевого взаимодействия, описываемого в терминах социально значимых действий и стратегий, выполняемых участниками общения в рамках определенных, релевантных для данного язы-

кового сообщества и культуры коммуникативных ситуаций» [9, с. 64].

М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это – единица языка, превосходящая по объему предложение; 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте; 3) по своей организации дискурс диалогичен, поскольку возникает в ситуации интеракции между коммуникантами [10, р. 13].

Наиболее удобной единицей описания дискурса является дискурсивное (речевое) событие, рассматриваемое как «совокупность коммуникативно-значимых прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [11, с. 67]. В рамках дискурсивного события все составляющие его речевые акты оказываются связанными этой единой целью и общими условиями реализации. Преследуя частные коммуникативные цели, каждый акт дискурсивного события выступает как стратегическое средство, используемое для решения общей коммуникативной задачи, и только в рамках этого события приобретает смысл.

Анализируя закономерности использования различных вербальных и невербальных средств достижения в процессе общения тех или иных коммуникативных целей, исследователи оперируют понятием дискурсивной стратегии, понимая под стратегиями «потенциально возможные интерактивные способы осуществления коммуникативно-значимых действий в дискурсе и языковые способы их выражения» [11, с. 69–70]. Выбор говорящим определенных средств для достижения определенной цели в определенных условиях общения рассматривается как реализация определенной стратегии в дискурсе.

Выбор дискурсивных стратегий зависит от того, как коммуниканты оценивают ситуацию общения. Характер этой оценки обусловлен социокультурными факторами и зависит от принятых в той или иной лингвокультуре ценностных ориентаций, установок и верований, знание которых необходимо участникам коммуникации для ее успешного осуществления.

В результате обработки обобщенной коммуникативно значимой информации, полученной из всего предшествующего дискурсивного опыта, в сознании индивида складываются «прототипические когнитивные модели (схемы или скрипты) коммуникативных ситуаций», репрезентирующие типичные соотношения между их участниками и обстоятельствами. В этих моделях представлены обусловленные пара-

метрами ситуации общения коммуникативные ожидания ее участников относительно того, что должно или может произойти в ее рамках с интерактивной и языковой точки зрения. Эти коммуникативные ожидания детерминированы представлениями и знанием участников о том, как необходимо поступать и как другие обычно поступают в данных стереотипных ситуациях, и это «обуславливает автоматичность, характерную для действий человека, когда сознание (которое не всегда подконтрольно) отвлекается от второстепенных мысленных событий» [11, с. 69–70].

Отклонение коммуникативного поведения одного из участников от диапазона возможных вариантов обычно приводит к сбою в общении, поскольку ставит других участников в затруднительное положение, вызванное необходимостью поиска новой стратегии для продолжения интеракции.

Модели дискурсивных событий выступают для участников общения в качестве когнитивных «структур ожидания», с помощью которых человек адаптируется к бесконечному разнообразию реальной коммуникации и избирает дискурсивные стратегии в каждом конкретном ее эпизоде. Другими словами, «у человека в памяти есть инварианты для каждого типа интеракции и знания о принципах их варьирования. По этой причине ментальной репрезентацией соответствующих интеракций можно признать их схемы как определенным образом организованную последовательность действий, призванную фиксировать прототипическое для соответствующей культуры» [12, с. 144].

Осознание своей идентичности в рамках принадлежности тому или иному лингвокультурному сообществу, социальным группам и в границах своей уникальной личности побуждает участника коммуникации к принятию и использованию адекватных моделей дискурсивных событий в процессе межкультурного взаимодействия. Подобную идентичность можно рассматривать как лингвокультурную идентичность коммуниканта.

Признаком лингвокультурной идентичности можно считать особенности использования языка, обусловленные культурно-специфическим языковым сознанием и коммуникативным поведением, которые формируются у человека в процессе усвоения языка (в ходе социализации) и совершенствуются всю жизнь по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, а также по мере усвоения новых языков.

Лингвокультурная идентичность обеспечивает наличие у субъекта коммуникации целого комплекса правил и когнитивных моделей, согласно которым он обрабатывает информацию.

Таким образом, значение лингвокультурной идентичности состоит в том, что она обеспечивает субъекту коммуникации определенные

устойчивые качества, благодаря которым те или иные культурные явления и особенности использования языка иноязычным коммуникантом вызывают у него чувство симпатии или антипатии, осознание приятия или неприятия, определения его в категорию «своего», «другого» или «чужого».

1. *История философии: энциклопедия* / под ред. А.А. Грицанова. Минск, 2002.

2. Лузаков А.А., Сухих С.А. Психологические факторы взаимопонимания // *Взаимопонимание в диалоге культур : условия успешности: в 2 ч. / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. Воронеж, 2004. С. 45–69.*

3. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000. С. 7–25.*

4. *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии* / под общ. ред. З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Воронеж, 2002.

5. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // *Этнокультурная специфика языкового сознания. Языковые параметры лингвокультурной идентичности: сб. ст. / под ред. И.А. Стернина. М., 1996. С. 97–112.*

6. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.*

7. Красных В.В. *Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.*

8. Арутюнова Н.Д. *Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.*

9. *Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации* / под ред. Л.И. Гришаевой, Л.В. Цуриковой. Воронеж, 2005.

10. Stubbs M. *Discourse analyses: The sociolinguistic analysis of natural language. Oxford, Blackwell, 1983.*

11. Цурикова Л.В. *Культурно обусловленные дискурсивные стратегии и взаимопонимание в диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. С. 63–91.*

12. Гришаева Л.И. *Понимание «чужого» и «другого» как условие успешной аккультурации // Там же. С. 9–49.*

1. *History of philosophy: encyclopedia* / ed. by A.A. Gritsanov. Minsk, 2002.

2. Luzhakov A.A., Sukhih S.A. *Psychological factors of understanding // Understanding in dialogue of cultures: conditions of success: in 2 pt. / gen. ed. by L.I. Grishaeva, M.K. Popova. Voronezh, 2004. P. 45–69.*

3. Kubryakova E.S. *The concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics (review) // Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: coll. of reviews. Moscow, 2000. P. 7–25.*

4. *Language and national consciousness. Theory and methodology* / gen. ed. by Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh, 2002.

5. Sternin I.A. *Communicative behavior in the structure of national culture // Ethnocultural specificity of language consciousness. Language settings of linguocultural identity: coll. of papers / ed. by I.A. Sternin. Moscow, 1996. P. 97–112.*

6. Karasik V.I. *Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Moscow, 2004.*

7. Krasnykh V.V. *Virtual reality or real virtuality? (Man. Consciousness. Communication). M., 1998.*

8. Arutyunova N.D. *Discourse // Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow, 1990. P. 136–137.*

9. *Strategies of success and risk factors in intercultural communication* / ed. by L.I. Grishaeva, L.V. Tsurikova. Voronezh, 2005.

10. Stubbs M. *Discourse analyses: The sociolinguistic analysis of natural language. Oxford, Blackwell, 1983.*

11. Tsurikova L.V. *Culturally specific discursive strategies and understanding in dialogue // Understanding in dialogue of cultures: conditions of success. P. 63–91.*

12. Grishaeva L.I. *Understanding of «alien» and «other» as a condition of successful acculturation // Ibid. P. 9–49.*

Чупракова Екатерина Валерьевна

преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России (e-mail: kate.chupr@gmail.com)

Попович Екатерина Сергеевна

преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России (e-mail: shubudoyka@rambler.ru)

Особенности репрезентации категории эмотивности в английском публицистическом тексте

Статья посвящена способам и особенностям репрезентации категории эмотивности в современных английских публицистических текстах. В ней рассматриваются основные уровни выражения категории эмотивности (фонетический, морфологический, лексико-семантический и формально-синтаксический), приводятся примеры средств, используемых на каждом уровне, из современных периодических англоязычных изданий.

Ключевые слова: эмотивность, языковые уровни, репрезентация эмоций, публицистика, текст, экспрессивность.

E.V. Chuprakova, Teacher of a Chair of Humanities, Socioeconomic, Information and Law Disciplines of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kate.chupr@gmail.com;

E.S. Popovich, Teacher of a Chair of Humanities, Socioeconomic, Information and Law Disciplines of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: shubudoyka@rambler.ru

Distinctive features of the category of emotivity representation in the English publicistic text

The article is devoted to means and features of the category of emotivity representation in terms of the publicistic texts from the English-speaking periodicals. The main levels of the category of emotivity representation in the English publicistic text (phonetic, morphological, lexical-semantic, and formal-syntactic levels) are considered in the article with the search and the analysis of the most common means of the category of emotivity representation.

Key words: emotivity, levels of language, emotions representation, publicistic texts, text, expressivity.

Эмоциональная сфера человека привлекает к себе внимание лингвистов на протяжении многих лет, поскольку эмоции представляют собой один из способов языковой интерпретации мира посредством эмотивных компонентов семантики слова. И, несмотря на то, что ни одно из современных фундаментальных исследований текста не обходится без указания на важность изучения его эмотивного аспекта, эмотивность остается одним из наиболее неопределенных качеств текста. Публицистический текст как поле для исследования рассматривается в данной статье, прежде всего, в коммуникативном аспекте, т.е. как продукт коммуникации. Текст,

встроенный в коммуникативную ситуацию, лежит в основе дискурсивного анализа, предполагающего глубинно-семантический анализ текста, с учетом экстралингвистических факторов. Таким образом, анализ текста становится идеологически ориентированным анализом дискурса, который выступает как соответствующая языковая формация по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике. Именно поэтому в отечественной лингвистике популярно метафорическое определение дискурса как «текста, погруженного в жизнь» [1, с. 136].

Для понимания сущности проявления эмоций в разных культурах и, следовательно, их

выражения в текстах публицистического стиля следует различать два основных типа эмоций. В.И. Шаховский считает, что понятия «эмоциональность» и «эмотивность» нужно рассматривать как элементы терминологического аппарата двух разных наук: психологии и лингвистики. Он говорит о том, что эмоциональность есть характеристика самого слова и его значения: слово либо называет чувство и эмоцию, либо содержит эмоциональный компонент в своем значении. Эмотивность же является одной из характеристик языка и должна пониматься как «лингвистический аспект категории эмоциональности», т.е. «лингвистическое выражение эмоций» [2, с. 234].

В репрезентации категории эмотивности участвуют языковые средства всех языковых уровней. Все средства выражения эмотивности в англоязычной публицистике можно разделить на 4 группы, а именно фонетические, морфологические, лексико-семантические и формально-синтаксические.

Фонетические средства играют значимую роль в создании эмотивности в устной речи. Когда же дело касается печатных носителей, данные средства являются не очень эффективными. Тем не менее, эмотивность публицистического текста может передаваться на основе приемов паронимии, рифмы, созвучия, аллитерации.

Одним из важных способов выражения отношения к обсуждаемому объекту является интонация. В письменной речи интонацию выражают графическими средствами: вопросительными и восклицательными знаками, многоточиями, тире. Однако они лишь косвенно способны передавать характер просодических свойств высказывания; иначе говоря, не все особенности устной речи (интонация, тембр, темп) передаются графическими средствами. Именно поэтому для интонационного выделения важных частей публицистического текста используются различные типографские шрифты, разрядка:

They didn't just *want* to be famous – they have really worked at their craft, and that is why we find them so desirable at the moment. The message that the banking staff were *incentivized* to behave irresponsibly has never been acknowledged by the City [3].

Аллитерация, т.е. повторение согласных, используется для придания фразе поэтической выразительности, которая может выражать такие авторские модальности, как насмешка, неодобрение: *Your love life's looking up again, Sa/man* [4, с. 9].

С помощью рифмы автор-публицист выражает насмешку и в какой-то мере пренебрежитель-

ное отношение со своей стороны или со стороны цитируемого объекта: *Mr «Rumpy Pumpy» gets a little grumpy* [5]. Рифмовка в этом заголовке используется для осмеяния Председателя Евросоюза Германа Ван Ромпея за его эксцентричное поведение. *To the fore shiny chin Miss Piggy struts in* [6]. В этом примере с помощью рифмы автор статьи подшучивает над Жаклин Джилл Смит, британским политиком-лейбористом, за страстные нападки в Парламенте в ответ на обвинения в мошенничестве, связанном с оформлением дома ее сестры в качестве своего собственного за счет государственного бюджета. Таким образом, репрезентация эмотивности в английском публицистическом тексте на фонетическом уровне осуществляется преимущественно такими средствами языка, как аллитерация, созвучие, рифмовка, использование различных типографских шрифтов для графического оформления вариантов интонации и выделения ведущего слова или фразы, в которых заключается главная воздействующая функция публицистического текста. Фонетические средства используются авторами в большинстве случаев либо для высказывания негативного отношения, высмеивания объекта статьи, либо для привлечения внимания читателей к статьям определенной проблематики (использование рифмовки и созвучия).

Средства репрезентации категории эмотивности морфологического уровня также являются распространенным способом передачи авторской оценки и модальности. О.А. Крылова считает, что «морфологические ресурсы публицистического стиля очень значительны, так как их составляют все экспрессивные средства языка» [7, с. 127].

Как отмечают исследователи, самым распространенным морфологическим средством репрезентации эмотивности во флективных языках служит аффиксация. Характерной чертой публицистического стиля является образование так называемых аффиксальных неологизмов, а также такое сочетание основ и аффиксов, которое не встречается в других стилях речи. В большинстве случаев аффиксы приобретают совершенно новые значения. Нами отмечены следующие аффиксы: *-ship, -ise (-ize), hyper-, super-, over-, -aster, -eer, -ling, -ie, -ish, -ness*. Так, например, суффикс *-ship* довольно часто встречается в англоязычных публицистических текстах: *sensorship, internship*. В современных газетах мы можем встретить этот суффикс в сочетании с морфемой *-man*, в результате чего образуются частотные в публицистике отвлеченные существительные со значением

признака, например *brinkmanship*, *seamanship*, *chairmanship*:

Ralph Whitworth will assume Lane's *chairmanship* on an interim basis until a permanent replacement is found [8];

The words of the late Apple (AAPL) co-founder still ring across the tech sector, but there's no one to say it with as much passion, bravado and *salesmanship* as Steve Jobs [9].

Словообразование – мощное средство репрезентации эмотивности: «публицистический стиль характеризуется использованием ресурсов словообразования не только в целях передачи актуальной информации, но и в целях придания речи эмоционально-экспрессивной окраски» [7, с. 54]. Проанализировав тексты англоязычных газет и журналов, мы пришли к выводу, что не только суффиксы, но также и префиксы могут придавать словам экспрессивный и оценочный оттенок значения. К префиксам, которые могут передавать отношение автора-публициста к обсуждаемому вопросу, относятся: *super-*, *hyper-*, *over-*. Слова, являющиеся сами по себе экспрессивно нейтральными, после добавления к ним данных префиксов приобретают оценочный оттенок и способность выражать авторское эмоциональное состояние во время написания статьи, его отношение к описываемым фактам, эмоции и чувства интервьюированных им людей:

If you don't like being pushed or called names by a frustrated coach, you may be «*hyper-sensitive*» [10]. Posh and Perky valiantly help an unbearably smug pair of townies to find a new country home in the Cotswolds, which must come with a 'studio' from which to launch their new business venture making hideously *over-priced* hand-made cards to sell to 34 people over the internet [11].

Конверсия как средство репрезентации эмотивности основывается на приобретении словом во время перехода в другую часть речи добавочного экспрессивного компонента значения в результате развития семантики слова (*a fox-to fox, a skin-to skin*). Мы также убедились, что использование в заголовках настоящего простого времени (Present Simple) обеспечивает лучшее начальное ознакомление читателей с публицистическим текстом, его основной темой и объектом дискуссии, усиливает интерес читателей к публикуемому материалу, который можно охарактеризовать как эмоционально-положительное отношение к информации: *Hollywood leaves pain of 9/11 behind by burning down the White House in Olympus Has Fallen* [12].

Лексико-семантический уровень репрезентации средств эмотивности в английской публи-

цистике – самый обширный и разнообразный. Лексические средства обладают следующей особенностью: в их семантике эмоциональный компонент либо превалирует над денотативным, либо является единственным и полностью меняет смысл слова. Как отмечал Ш. Балли, «эмоция всегда затемняет и отодвигает на задний план оттенки смысла; чем выше интенсивность выражения, тем неопределеннее его логический смысл» [13, с. 86].

К лексическим особенностям выражения эмотивности относится употребление как стилистически нейтральной лексики (*bank, celebrity*), так и эмотивных лексических единиц (*snob, superbly*), множество неологизмов и окказионализмов (*home beautifuls, shambles, second screening*), которые служат для привлечения внимания читателя к материалу статьи. В.И. Шаховский относит к эмотивной лексике «совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения (слова-аффективы, выражающие эмоциональное состояние говорящего – бранная лексика, междометия и междометные слова: *wow, alas, darn it*) и в статусе созначения, или коннотации (слова, передающие эмоциональное отношение говорящего к предмету номинации или его признакам: *pathetic, wretched, sweetie, boor, snake, несчастный, инженеришка, молодчик* и т.д.)» [14, с. 234].

Категорию эмотивности в публицистическом тексте также могут выражать лексические единицы, которые непосредственно не называют или выражают эмоции, а раскрывают их, описывая признаки их проявления. С.В. Ионова приравнивает к данной лексике, например, такие слова, которые указывают на невербальное выражение эмоций: *to snivel, to grin, to mock, to sneer, to shine* (как в выражении «*shining smile*») [15].

Фразеология, как и лексика, является неисчерпаемым средством речевой экспрессивности и эмотивности, придает речи ту уникальность, которая является дифференцирующим признаком культур. Эмотивность фразеологических единиц является результатом их образности и «семантической гибкости», которая заключается в том, что они «могут обозначать как общие понятия, характерные для данного класса объектов, так и напрямую соотносимые с ними единичные понятия» [16, с. 160].

Употребление фразеологических единиц в их изначальной форме и их трансформация являются одним из распространенных средств репрезентации категории эмотивности на лексико-семантическом уровне: *A glimmer of hope on the High Street* [17].

Материал исследования показал, что характерной чертой англоязычной публицистики является прецедентность. Использование слов с закрепленным социопрагматическим потенциалом (эти слова называют известные в разных смыслах персоналии или места, события), на наш взгляд, является осуществлением на практике конативной функции. В других случаях, когда автор имеет в виду некий культурный феномен данного общества, прецедентность используется для придания экспрессивности и оригинальности тексту: *To run or not to run? Mitt Romney sure seems to be running; Newt Gingrich and Tim Pawlenty are probably running, too. Palin may run as well, and Obama will run no matter what. Should I?* [18].

Среди стилистических средств выразительности для репрезентации категории эмотивности в современных англоязычных СМК используются метафора, гипербола, языковая игра, персонафикация. Самое важное место среди них принадлежит, несомненно, метафоре, которая способна придать образность и оценочность даже самой «сухой» информативной статье. Универсальная для одной культуры картина мира порождает определенный стабильный, неизменный набор образов, который делает метафору, так же как и прецедентность, общедоступным средством выражения эмотивности. Примером может являться заголовок статьи, посвященной появлению на свет в Америке восьми близнецов, в котором автор называет их «чудом»: *The eight little wonders of the maternity ward* [19].

Что касается синтаксиса публицистического текста, то он обладает рядом особенностей, которые отличают его от текстов других стилей языка. В первую очередь это «конструкции, характеризующиеся наличием эмоционально-экспрессивных коннотаций» [8, с. 103]. К таким конструкциям относятся инверсия, риторические вопросы и восклицания, повтор, парцелляция.

Использование риторических вопросов и восклицаний имеет большой эмотивный потенциал, поскольку, выполняя апеллятивную функцию,

они побуждают читателя к некоторым действиям (оценка, попытка найти ответ на вопрос, хотя и риторический): *Could it be that British summertime has finally shown its face? Go, go, go! The clock is ticking, people!* Повтор также занимает важное место среди формально-синтаксических средств выражения эмотивности в публицистике. Повторяющиеся отрезки фразы или предложения лучше фиксируются в памяти, способны акцентировать внимание на важных для автора моментах: «*The choice in the absence of choice*».

Формально-синтаксические средства репрезентации категории эмотивности находят широкое распространение на страницах англоязычных периодических изданий. Это объясняется тем, что форма предложения, его синтаксис – первое, на что падает взгляд читателя, когда он открывает газету или журнал, а изменяя и преобразуя формальное построение высказывания, автор-публицист может быть полностью уверен, что ему удастся привлечь внимание читателя, заставив его тем самым уделить внимание опубликованному материалу. Кроме того, изменяя синтаксис предложения, журналист имеет возможность подчеркнуть свое собственное отношение к проблеме, выделить наиболее важные, на его взгляд, факты, имена, события.

В результате обработки собранного материала было установлено, что наиболее масштабно средства выражения эмотивности в английском публицистическом тексте представлены на лексико-семантическом и формально-синтаксическом уровнях. Наиболее распространенными средствами лексико-семантического уровня являются метафора, прецедентные имена, языковая игра. На формально-синтаксическом уровне наибольшей частотностью характеризуются инверсия, риторические вопросы и восклицания, парцелляция. Морфологические средства занимают третье место среди всех отмеченных в работе средств. В наименьшем количестве представлены фонетические средства репрезентации эмотивности, которые чаще всего используются в заголовках статей.

1. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. 2-е изд., испр. М., 1998.

2. Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. М., 2008.

3. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1140524/ALEX-BRUMMER-Public-rage-weak-ministers-bankers-denial-criminally-irresponsible-bonus-system.html>

4. *The Daily Mail*. Tuesday, Febr. 10, 2009. P. 9 (article by Simon Cable).

1. Arutjunova N.D. *Language and a human's world*. 2nd ed., corr. Moscow, 1998.

2. Shakhovskiy V.I. *Linguistic theory of emotions*. Moscow, 2008.

3. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1140524/ALEX-BRUMMER-Public-rage-weak-ministers-bankers-denial-criminally-irresponsible-bonus-system.html>

4. *The Daily Mail*. Tuesday, Febr. 10, 2009. P. 9 (article by Simon Cable).

5. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1254085/QUENTIN-LETTS-Mr-Rumpy-Pumpy-gets-little-grumpy.html> (om 27.02.2010).
6. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1140331/QUENTIN-LETTS-Shiny-chin-fore-Miss-Piggy-struts-Parliament.html> (om 10.02.2010).
7. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика: в 2 кн. Кн. 1. Теория: учеб. пособие. М., 2006.
8. URL: <http://www.forbes.com/sites/steveschaefer/2013/04/04/after-investor-resistance-ray-lane-cedes-hewlett-packard-chairmanship/> (om 04.04.2013).
9. URL: <http://www.forbes.com/sites/thestreet/2012/10/01/simon-cowell-searches-for-the-next-steve-jobs/> (om 01.10.2012).
10. URL: <http://www.usatoday.com/story/gameon/2013/04/04/chipper-jones-keeps-tweeting-about-something-he-doesnt-think-is-a-big-deal/2054413/> (om 04.04.2013).
11. URL: <http://www.dailymail.co.uk/femail/article-1363107/After-watching-Britains-1-000-TV-stations-24-hours-couch-potato-left-channel-hopping-mad.html> (om 04.03.2011).
12. URL: <http://www.theguardian.com/film/2013/apr/06/hollywood-razes-white-house> (om 16.04.2013).
13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1961.
14. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 2012.
15. Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград, 2004. С. 4–23.
16. Красавский Н.А. Семантика имен эмоций, функционирующих в разных типах текста // Язык и эмоции: сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 142–150.
17. URL: <http://www.telegraph.co.uk/lifestyle/reinvent-the-high-street/10018132/Reinventing-the-high-street-practise-what-you-preach.html> (om 29.04.2013).
18. URL: http://niemann.blogs.nytimes.com/2011/03/11/to-run-or-not-to-run/?_r=0 (om 11.03.2011).
19. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1139622/Pictured-The-little-wonders-maternity-ward.html> (om 10.02.2009).
5. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1254085/QUENTIN-LETTS-Mr-Rumpy-Pumpy-gets-little-grumpy.html> (27.02.2010).
6. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1140331/QUENTIN-LETTS-Shiny-chin-fore-Miss-Piggy-struts-Parliament.html> (10.02.2010).
7. Krilova O.A. Linguistic stylistics: in 2 b. Book 1. Theory: study aid. Moscow, 2006.
8. URL: <http://www.forbes.com/sites/steveschaefer/2013/04/04/after-investor-resistance-ray-lane-cedes-hewlett-packard-chairmanship/> (04.04.2013).
9. URL: <http://www.forbes.com/sites/thestreet/2012/10/01/simon-cowell-searches-for-the-next-steve-jobs/> (01.10.2012).
10. URL: <http://www.usatoday.com/story/gameon/2013/04/04/chipper-jones-keeps-tweeting-about-something-he-doesnt-think-is-a-big-deal/2054413/> (04.04.2013).
11. URL: <http://www.dailymail.co.uk/femail/article-1363107/After-watching-Britains-1-000-TV-stations-24-hours-couch-potato-left-channel-hopping-mad.html> (04.03.2011).
12. URL: <http://www.theguardian.com/film/2013/apr/06/hollywood-razes-white-house> (16.04.2013).
13. Bally Ch. General linguistics and issues of French. Moscow, 1961.
14. Shakhovskiy V.I. Emotions' categorization in lexical-semantic language system. Voronezh, 2012.
15. Ionova S.V. Linguistics of emotions: main issues, results and perspectives // Language and emotions: personal meanings and predominant in speech activity. Volgograd, 2004. P. 4–23.
16. Krasavskiy N.A. Emotions' names semantics, functioning in different text types // Language and emotions: coll. of sci. papers. Volgograd, 1995. P. 142–150.
17. URL: <http://www.telegraph.co.uk/lifestyle/reinvent-the-high-street/10018132/Reinventing-the-high-street-practise-what-you-preach.html> (29.04.2013).
18. URL: http://niemann.blogs.nytimes.com/2011/03/11/to-run-or-not-to-run/?_r=0 (11.03.2011).
19. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1139622/Pictured-The-little-wonders-maternity-ward.html> (10.02.2009).

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором материала (статьи) в адрес редакции журнала «Общество и право» с предложением опубликовать статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала «Общество и право», который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт); публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Редакционной политикой редакции журнала «Общество и право», соответствующей законодательству Российской Федерации об авторских и смежных правах, предусмотрено право автора запретить редакции использовать материалы, предоставленные для публикации в данном издании, для воспроизведения их в других журналах и газетах редакции, а также в иных изданиях и справочных правовых системах.

Запрет автора на публикацию статьи в иных изданиях и справочных правовых системах должен быть выражен таким образом, из которого явственно следует несогласие автора на использование материалов в иных изданиях. Во всех иных случаях направление автором статьи на опубликование в журналах редакции расценивается как согласие автора с редакционной политикой журнала «Общество и право» и вышеперечисленными условиями.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия, инициалы автора;
- 2) название источника;
- 3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тезисы докладов и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
- 5) год издания;
- 6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);
- 7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

КНИГИ

Иванов И.И. Синтаксис. М., 1990.

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, СБОРНИКЕ, ГАЗЕТЕ

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер.: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МВД РОССИИ**
осуществляет подготовку научных и научно-педагогических кадров
по следующим направлениям:

1. Обучение в очной докторантуре по следующим научным специальностям:

09.00.11 Социальная философия
12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.09 Уголовный процесс
22.00.04 Социальные структуры, социальные институты и процессы

2. Обучение в очной и заочной адъюнктуре по следующим научным специальностям:

08.00.01 Экономическая теория
08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством
09.00.11 Социальная философия
12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве
12.00.02 Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право
12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.09 Уголовный процесс
12.00.11 Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность
12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность
12.00.14 Административное право; административный процесс
19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
19.00.13 Психология развития, акмеология
22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
22.00.08 Социология управления
23.00.02 Политические институты, политические процессы и технологии

Срок обучения в докторантуре – 3 года.

Срок обучения в адъюнктуре:

очно – 3 года;
заочно – 4 года.

Справки и подробную информацию
об условиях обучения можно получить по адресу:
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612584265, факс: 2584110
web-сайт: krdu-mvd.ru
e-mail: adjunctura@mail.ru

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ
ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПО СЛЕДУЮЩИМ НАПРАВЛЕНИЯМ:**

ОЧНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности
031001.65 Правоохранительная деятельность
080101.65 Экономическая безопасность
030301.65 Психология служебной деятельности
090915.65. Безопасность информационных технологий в правоохранительной
сфере

ФАКУЛЬТЕТ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности
031001.65 Правоохранительная деятельность
030501.65 Юриспруденция
050407.65 Педагогика и психология девиантного поведения

ФАКУЛЬТЕТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030501.65 Юриспруденция
030301.65 Психология
031001.65 Правоохранительная деятельность

Информацию
об условиях поступления можно получить по адресу:
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612582464

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 20.06.2014
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40,1
Тираж 1050 экз. Заказ 55
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249